

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
Бюджетное учреждение Омской области
«Исторический архив Омской области»

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный технический университет»

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Омский автобронетанковый инженерный институт

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Материалы V Международной научно-практической конференции,
посвященной 130-й годовщине со дня рождения
Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского
и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа

(Россия, Омск, 18–19 октября 2023 года)

Омск
Издательство ОмГТУ
2023

УДК 94(47)«1917/1922»
ББК 63.3(2)611+63.3(2)612
Г756

Рецензенты:

Анфертьев Иван Анатольевич, д-р ист. наук,
профессор кафедры истории России новейшего времени
Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

Новиков Павел Александрович, д-р ист. наук,
заведующий кафедрой истории и философии Иркутского национального
исследовательского технического университета (Иркутск)

Редакционная коллегия:

Петин Дмитрий Игоревич, канд. ист. наук, доцент (ответственный редактор);

Растягаева Галина Ивановна, канд. ист. наук;

Сушко Алексей Владимирович, д-р ист. наук, профессор;

Стельмак Максим Максимович, канд. ист. наук;

Федотова Ирина Владимировна;

Чекалина Людмила Александровна

Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа (Россия, Омск, 18–19 окт. 2023 г.) / Рос. ист. о-во ; М-во культуры Ом. обл., Ист. архив Ом. обл. ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Ом. гос. техн. ун-т ; М-во обороны Рос. Федерации, Ом. автобронетанковый инж. ин-т ; редкол.: Д. И. Петин (отв. ред.) и др. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2023. – 444 с. : ил.

ISBN 978-5-8149-3712-4

В сборник вошли материалы, представленные в оргкомитет конференции. В них освещены военно-политические и социально-экономические вопросы, культура, духовная и повседневная жизнь общества на востоке России в военно-революционный период 1917–1922 гг., а также представлены историко-биографические исследования об участниках тех событий.

Издание адресовано историкам, архивистам, преподавателям, докторантам, магистрантам, аспирантам и студентам учебных заведений высшего и среднего профессионального образования, музейным сотрудникам и краеведам.

УДК 94(47)«1917/1922»

ББК 63.3(2)611+63.3(2)612

Материалы, вошедшие в сборник, проиндексированы в РИНЦ

ISBN 978-5-8149-3712-4

© ОмГТУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово. Р. Г. Гагкуев	8
Список сокращений	9
Ануфриев А. В. Лагеря военнопленных в Восточной Сибири на первом этапе Гражданской войны (1917–1918 гг.)	12
Бакшт Д. А. Агент «Таежная мошка» в период войн и революций на территории Восточной Сибири: к реконструкции биографии Сергея Базарова.....	19
Белевщук Г. П. Трудности в установлении рабочего контроля над предприятиями Приморья (январь–июнь 1918 г.).....	25
Блинова О. В. Формирование историко-революционного отдела в Западно-Сибирском краевом музее.....	30
Бучко Н. П. Идеальный раскол офицерства в годы Гражданской войны в России. Генерал А. Н. Пепеляев	37
Ганин А. В. Работники штаба Приволжского военного округа красных под белым следствием в 1919 г.	44
Глазунова Т. В. Преступность и борьба с ней в Омской губернии в 1920–1921 гг. (на материалах периодической печати).....	53
Гребенкин А. Н. Освещение жизни Тюмени в годы Гражданской войны в мемуарах педагога и библиотекаря Н. Н. Полянской	59
Елизарова Н. В. История одного убийства, или судьбы творческой интеллигенции в период Русской революции.....	66
Ермекбай Ж. А. Мариинское восстание 1919 г. в Акмолинской области.....	73
Ефремова Ю. Н., Вервекин А. А. Историческая биография или практическая генеалогия: рассуждения о книге Д. И. Петина «История омского рода Батюшкиных».....	80
Журавлев Е. Н. Информационные бюллетени особого отдела 5–й армии РККА за 1920 г.: обзор рассекреченных документов Управления ФСБ России по Омской области.....	87

Зайнутдинов Д. Р. Белая Россия и идея регионального государства	93
Заяц Н. А. Части Сибирской армии по разведывательным опросам 28-й стрелковой дивизии в мае–июне 1919 г.	100
Ищенко О. В. Судьбы детей героев Гражданской войны в Сибири в воспоминаниях участников событий.....	108
Калашников Е. Н. Участвовал ли Иосип Броз Тито в Марьяновских боях, или Как рождаются легенды.....	113
Калиновский В. В. Религиозный фактор в жизни российских евреев в годы Гражданской войны: к постановке проблемы.....	119
Кальниченко В. Н. Российское старообрядчество в годы Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (по материалам журнала «Сибирский старообрядец»).....	134
Канищев В. В. «Смутная биография» в «Смутное время». Боевой путь бывшего офицера Русской императорской армии В. Ф. Карпова от Мировой к Гражданской войне	140
Кантор Ю. З. Будучи по убеждению монархистами, они были твердо уверены в неизбежном падении Советской власти»: «Семеновское дело» как источник по до- и послереволюционной истории Семеновского полка.....	145
Капустин Л. Г. «Адмирал произнес крестьянам несколько приветственных слов». Новые кадры кинохроники с адмиралом А. В. Колчаком: заметки на полях.....	149
Каткова Е. И. Омский цирк в годы Гражданской войны в зеркале западносибирской периодики.....	155
Кашин В. В. Близкое служебное окружение А. В. Колчака в Омске: уточнение даты совместной фотографии, военной службы и судеб офицеров	160
Киселев А. Л. Правительственная лотерея в Омске в октябре 1919 г.	171
Кожевин В. Л. Петроградский съезд офицерских депутатов: на пути раскола корпорации (май 1917 г.).....	177
Кокоулин В. Г. Гражданская война в России в советских и постсоветских учебниках истории.....	184

Конев К. А. Источники по истории Революции 1917 г. и Гражданской войны в фонде Научной библиотеки Томского государственного университета	192
Корниенко С. И., Ехлакова А. Р. Информационное противоборство красных и белых на восточном фронте Гражданской войны: подходы к анализу источников (кейс Пермской газетной периодики).....	199
Лешукова Е. В. Работа комиссии по борьбе с дезертирством Ишимского уездного военкомата накануне восстания 1921 г.	207
Мамонтова М. А. Проблемы формирования исторических представлений российской молодежи о периоде Гражданской войны	214
Машкевич С. В. Леонид Карум: от Киева до Новосибирска	219
Мышов Н. А. Белые и красные. Надежды на примирение – призрачные иллюзии	226
Назырова В. В. Освобождение Омска от власти большевиков: отражение годовщины событий 7 июня 1918 г. в местной периодике	232
Новиков С. В., Новиков М. С. Отражение событий революции и начала гражданской войны в станице Черлаковской на страницах газет, в художественной, научной и научно-популярной литературе. 1939–2021 гг.	238
Паршуков В. А. Неизвестные страницы биографии командующего 1-м Енисейским казачьим полком В. И. Розанова	246
Петин Д. И. Информационные потенциалы региональной книги памяти для изучения репрессий в отношении бывших белогвардейцев в СССР (на примере фигурантов омского дела «организации Артамонова»).....	252
Петров И. В. Епископ Михаил (Богданов) – архиерей и Гражданская война	261
Позднякова А. С. Следственное дело № 637: финальный этап биографии А. Н. Ушакова по документам Уральской областной ЧК	269
Полуэктов И. Б., Тумшис М. А. Участник Гражданской войны в Восточной Сибири, чекист, сотрудник Рабоче-Крестьянской милиции Альфред Адамович Вимба	274

Прохоров И. Р. Участие Сибирского казачества в подавлении крестьянских восстаний 1919–1920-х гг. на территории современного Северного Казахстана	281
Пученков А. С. Биографии адмирала А.В. Колчака: историографический обзор важнейших работ последних лет	288
Саввинов П. О. Антибольшевистское повстанческое движение на крайнем севере Якутии в годы Гражданской войны 1921–1923 гг.	297
Сильченко И. С. К некоторым вопросам кадровой политики в белых войсках на востоке России (на примере 26–го Шадринского горных стрелков полка).....	302
Смирнов Н. Н. Религиозный фактор: проблемы дефиниций и практики	308
Стельмак М. М. «Враги» России в мировоззрении консервативного педагога и агитатора И. И. Сиротенко	319
Сухачев Е. В. Криминальная хроника Петропавловского уезда по материалам газеты «Единство» (ноябрь 1918 – июль 1919 гг.).....	328
Сушко А. В. Политическая деятельность Омского епархиального собрания в июне 1918 г.	333
Тарелко В. М. Образ Русской православной церкви и ее служителей на страницах газеты «Правда» в 1918 г.	340
Тетерин В. И. Земские финансы Пермской губернии (июль 1918 – июль 1919 г.)	346
Федотова И. В. Актовая запись о рождении Михаила Николаевича Тухачевского: к анализу источника	351
Фельдман П. А. Михаил Николаевич Тухачевский и Пензенский край	359
Филимонов А. В. Награды А.В. Колчака и его роль в реорганизации наградной системы в период Гражданской войны.....	366
Хоммиев Т. Б. Постсоветская историография Гражданской войны в Туркменистане	373
Цзинь Д. Источники об участии Китайской Республики в интервенции на Дальнем Востоке России в 1918–1920 гг.	381

Чернобай Г. К., Чернобай О. Л. Судьба Заслуженного учителя школы РСФСР Л. С. Кучинской.....	387
Шабельникова Н. А. Рожденная революцией: милиция Приморья в годы Гражданской войны.....	393
Шайдуллин А. И. Новаторская военно-организаторская деятельность М. Н. Тухачевского в 1918 г. в Симбирской губернии.....	400
Шереметьева Д. Л. Воспоминания генерал-майора П. Ф. Рябикова «У адмирала А.В. Колчака. Часть I. В Омске с мая по ноябрь 1919 г.» как исторический источник	406
Шиловский М. В. Городские восстания в Сибири (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.).....	413
Штырбул А. А. Рогов и роговщина: споры продолжаются	425
Шулдяков В. А. Капитаны Михаил Мачканин и Дмитрий Федяй: новые данные о белых разведчиках, посланных из Сибири в Туркестан (1919 г.).....	431
Сведения об авторах	439

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

*Читателям сборника докладов
V Международной научно-практической конференции
«Гражданская война на востоке России:
взгляд сквозь документальное наследие»*

Уважаемые читатели!

За почти 10 лет существования конференция «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» стала крупным научным мероприятием, объединяющим авторитетных российских и зарубежных исследователей. Символично, что неизменным местом её проведения является Омск – бывшая столица Белой России и советской Сибири, а сейчас – крупный центр исследования событий Гражданской войны.

Изучая сложные, переломные для страны исторические периоды, необходимо придерживаться принципов достоверности и научной объективности, опираться на подлинные свидетельства и документы. Примечательно, что одним из учредителей и соорганизаторов конференции является архивная служба Омской области – важный для всего региона координатор научной и историко-просветительской деятельности.

Участники состоявшейся на площадке Центра изучения истории Гражданской войны дискуссии представили результаты исследований на самые разнообразные темы, позволяющие непредвзято и всесторонне осмыслить те драматические события. В сборник, который вы держите в руках, вошли наиболее яркие из прозвучавших докладов. Рассчитываю, что это замечательное издание станет хорошим подспорьем и для профессиональных учёных, и для любителей отечественной истории.

Р. Г. Гагкуев,

Председатель Правления Российского исторического общества,
исполнительный директор фонда «История Отечества»,
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН,
доктор исторических наук

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АССР – Автономная советская социалистическая республика.

АУД – архивное уголовное дело.

ВВЦУ – Временное высшее церковное управление.

ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков).

ВНУС – войска внутренней службы.

военкомат – военный комиссариат.

ВСЮР – Вооружённые силы Юга России.

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет.

(В)ЧК – (Всероссийская) чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

ВЯОНУ – Временное Якутское областное народное управление

ГАГА – Государственный архив города Астаны.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАНИИО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области.

ГАНИУО – Государственный архив новейшей истории Ульяновской области.

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.

ГАПК – Государственный архив Пермского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАУО – Государственный архив Ульяновской области.

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

Генштаб – Генеральный штаб.

ГИАОО – (Государственный) Исторический архив Омской области.

Госбанк – Государственный банк.

ДВР – Дальневосточная республика.

ДРЗ – Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына.

ЗАГС – запись актов гражданского состояния.

ЗСОРГО – Западно–Сибирский отдел Русского географического общества.

исполком – исполнительный комитет.

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь.

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога.

Комуч – Комитет членов Учредительного собрания.

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.

ЛСДРП – Латышская социал-демократической рабочей партия.

МВД – Министерство внутренних дел.

МГБ – Министерство государственной безопасности.

МИД – Министерство иностранных дел.

МКУ «УП и ЗР» г. Ишима – муниципальное казенное учреждение «Управление имуществом и земельными ресурсами города Ишима».

начштаба – начальник штаба.

НАРС (Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия).

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

НРА – Народно-революционная армия.

НТГИА – Нижнетагильский городской исторический архив.

ОГОНБ – Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина.

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.

ОРКП – Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета

ОСО – Особое совещание.

ПриВО – Приволжский военный округ.

ПП – полномочное представительство.

РАН – Российская академия наук.

РВС(Р) – Революционный военный совет (Республики).

РВСН – ракетные войска стратегического назначения.

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГВА – Российский государственный военный архив.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИАДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

ревком – революционный комитет.

ревтрибунал – революционный трибунал.

РИНЦ – Российский индекс научного цитирования.

РКИ – рабоче-крестьянская инспекция.

РКМ – Рабоче-Крестьянская милиция.

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная армия.

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков).

РНФ – Российский научный фонд.

РОВС – Русский общевоинский союз.

РОКК – Российское общество Красного Креста

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия.

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

РФ – Российская Федерация

СНК – Совет Народных Комиссаров.

СО – Сибирское отделение.

СОГАСПИ – Самарский областной государственный архив социально-политической истории.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

США – Соединенные Штаты Америки.

УК – уголовный кодекс.

УНР – Украинская народная республика.

ФНАРС (Я) – филиал Национального архива Республики Саха (Якутия).

ФСБ – Федеральная служба безопасности РФ.

ФСО – Федеральная служба охраны РФ

ЦА – центральный архив.

ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области.

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области.

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области.

ЦИА – Центральная исследовательская академия.

ЦК – центральный комитет.

ЦКК – Центральная контрольная комиссия.

ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917 – 1918 гг.)

Ануфриев Александр Валерьевич^{1,2}

¹ Музей истории Иркутска, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

^{1,2} aleksandranufriev6534@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 6442-2653

Аннотация: Статья посвящена процессам в среде военнопленных Четвертого союза в лагерях на территории Восточной Сибири в годы Февральской и Октябрьской революций и начального этапа Гражданской войны в России. Автор, опираясь на широкий круг источников, рассматривает изменение размещения и режима содержания военнопленных, их вовлеченность в события указанного периода на востоке России.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Первая мировая война, военнопленные, Русская Революция, Гражданская война, Иркутский военный округ, Иркутск, межнациональные конфликты.

Постановка проблемы. Революционные события 1917 г. кардинальным образом изменили положение военнопленных на территории Восточной Сибири. Военнопленные были буквально «внесены» в сложнейшие политические процессы, происходившие на территории бывшей Российской империи. Относительное единство военнопленных рухнуло, начался распад этой группы по социальному, этническому, а иногда и религиозному признаку. Первым «водоразделом» стали отношения рядового и офицерского состава. Если до февраля 1917 г. авторитет военнопленного-офицера был непререкаем, то постепенно процессы разложения, характерные для Русской армии, перекинулись и в среду военнопленных.

Основная часть. События 1917 г. привели к изменениям в численности и дислокации военнопленных. Содержание мелких лагерей стало крайне затратным и неудобным, и с финансовой, и с организационной точек зрения. К концу 1917 г. части ополчения окончательно утратили свою, и так малую боеспособность, фактически не выполняя уже функции по охране военнопленных. Так, находившаяся на ст. Даурия 720-я пешая Пермская дружина государственного ополчения под командованием штабс-капитана Опарина характеризовалась как: «совершенно разложившаяся» и «что не ополченцы окарауливали военнопленных, а скорее последние контролировали дружину» [1, С. 76]. В результате Г.М. Семенову пришлось создать своего рода отряд самообороны, ко-

торый охранял не только лагерь военнопленных, но и гарнизон, где располагалась дружина. Весной 1918 г. отряды самообороны создали в Заиркутском городке, а в апреле 1918 г. по инициативе Иркутского отделения Красного Креста, этот опыт распространили на все лагеря Иркутского военного округа [2, Л. 12].

Пользуясь этим, военнопленные стали добиваться смягчения режима содержания. Местная администрация в ответ старалась не допустить протестов, которые, по ее мнению, могли привести к бунту в лагере, который перекинется на соседние населенные пункты. Так, 6 октября 1917 г. военный комендант Красноярского лагеря военнопленных подпоручик Богданов предупредил штаб Иркутского военного округа: «Растет недовольство пищей, это недовольство командный состав пленных хочет использовать для открытого выступления. Выступление готовится в широком масштабе. Штаб бунта – полковник Энтон, начальник штаба – капитан Генерального штаба Капитани, помощники майор Свобода и еще 10 чел., бывших в Троицкосавском лагере. <...> Эта сила, которая может взять Красноярск в 20 минут, тем более что красноярский гарнизон, в сущности, не представляет из себя, сколько-нибудь страшной боевой единицы». По решению штаба округа 11 наиболее одиозных офицеров переместили в лагерь военнопленных Сретенска [3, Л. 31–32].

Часть пленных приняла советскую власть восторженно. «В русской революции – писал венгр-большевик с 1918 г., красногвардеец Ташкента Ласло Варга, – я видел не только окончание войны – мир, но и свободу угнетенным и национальную независимость. Мне много приходилось читать газет, журналов, присутствовать на многих собраниях и слушать речи ораторов большевиков, эсеров, меньшевиков и монархистов, и я пришел к выводу, что мой путь – это партия, которую возглавляет В.И. Ленин» [4, С. 123].

На заседании Верхнеудинского совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 8 марта 1918 г. было принято решение: «Предоставить [военнопленным] право на создание лагерного комитета для регулирования внутреннего распорядка, послать телеграмму Троцкому о разрешении некоторым военнопленным социал-демократам интернационалистам ехать на родину, для агитации за демократический мир» [2, Л. 44]. В Нижнеудинске местный совдеп своим решением запретил военнопленным офицерам иметь денщиков и личных поваров, несмотря на вмешательство датского вице-консула, конфликт не был решен, консулу было сообщено, что «военнопленные офицеры могут нанять [поваров и денщиков] по вольному найму». Еще более жесткий конфликт произошел в Верхнеудинске 8 мая 1918 г.: «Пришло несколько солдат Красной армии или интернационалистов и заявили, что военнопленные офицеры должны немедленно снять все офицерские отличия, в противном случае это будет сделано вооруженной силой». Пробольшевистские силы имели, по мнению авторов прошения, «поползновения захватить в свои руки заведова-

ние и руководство порядком жизни всех военнопленных лагеря, против чего протестуют военнопленные, <...> не принадлежащие к политическим организациям». В Нижней Березовке был создан совет военнопленных – интернационалистов, который фактически взял власть в свои руки, делегаты шведского Красного Креста пытались погасить конфликт, создав «Комиссию по защите интересов военнопленных», но интернационалисты, опираясь на местный совдеп, постановили «воспрещается военнопленным офицерам выдавать всякие приказы, как офицерам, так и солдатам Березовского гарнизона». «Контрреволюционные» офицеры были арестованы и освобождены только 25 июня 1918 г. после требования комиссии по делам пленных и беженцев. Чуть ранее в этом же гарнизоне в ночь на 9 марта вооруженные нижние чины – военнопленные в сопровождении вооруженных русских солдат (очевидно, ополченцев 562-й дружины) провели самовольно обыск «причем были изъяты одежда, деньги, кухонные принадлежности и запасы для офицерской кухни» [3, Л. 211].

Стоит отметить, что березовский лагерь оказался самым распущенным и недисциплинированным. По сообщению Военного контроля Иркутского военного округа «Военнопленные германцы и австрийцы, одеваясь в форму русских солдат, целыми толпами бродят по городу [Верхнеудинску]. Посещают разные увеселительные заведения, и устраивают у себя митинги на национальном языке. Кроме того, занимаются скупкой различного оружия, для приготовления вооруженного выступления одновременно по всей Сибири». В Верхнеудинске были зафиксированы случаи ограбления цейхгаузов совместно военнопленными и солдатами гарнизона, ворованные вещи совместно продавались на барахольном базаре [3, Л. 217]. В Красноярске лагерь военнопленных 23 апреля 1918 г. был объявлен «на военном положении», комендантом лагеря был назначен военнопленный унтер-офицер Эрих (Ерих) Стерн, представитель социал-демократической партии интернационалистов. Приказом № 15 комиссар Вейман лишил офицеров права на жалование и содержание денщиков.

В Иннокентьевском лагере приказом местного совдепа был арестован и придан суду революционного трибунала военнопленный Отто Альбрехт, он был освобожден только 18 мая 1918 г. после вмешательства «революционных военнопленных», отправивших телеграмму в Москву. Фиксируются и попытки создания первых частей из военнопленных. Так, 25 апреля 1918 г. солдат 3-й польской красноармейской роты Маркам в письме в военный комиссариат Центросибири предлагает: «разрешить мне формировать в г. Иркутске при местном охранном отряде Центросибири, роту, состоящую как из местных жителей поляков, чехов и словаков, так из военнопленных тех же национальностей и имеющую цель – 1) собрать и сплотить пролетариат вышеуказанных национальностей в одну организацию и тем самым обеспечить ему возвращение на родину, после окончания войны» [2, Л. 46].

15–25 апреля 1918 г. прошел съезд военных социал-демократов-интернационалистов Восточной Сибири и Дальнего Востока, куда прибыло 60 делегатов от 19-ти организаций военнопленных (председатель венгр И. Фихтер, секретарь австриец С. Зингер). Самыми обсуждаемыми вопросами стали: установление единообразных отношений Советов к военнопленным, отношение к РККА, возвращение на родину [См. подр.: 5].

На все это накладывался и межнациональный конфликт, прежде всего, между венграми и чехами. Под влиянием пропаганды местных большевиков возникла революционная организация военнопленных в Березовском лагере Прибайкалья, где была организована группа из военнопленных мадьяр и австрийцев, насчитывавшая около 80 чел. К началу мая 1918 г. 153 чел. здесь вступили в ряды Красной гвардии. Был сформирован также объединенный (преимущественно, из немцев) интернациональный отряд Красной гвардии в Чите во главе с членом партии большевиков с 1907 г. Армандом Мюллером. Отряд интернационалистов в Березовском лагере возглавил венгерский коммунист Фридьеш Омаста [6].

«В это переходное время, — писал Ф. Мюнних, — без преувеличения можно утверждать, что интернационалистская Красная гвардия, состоявшая в большинстве своем из мадьяр и значительного числа румын, немцев, чехов <...> была единственной обученной в военном отношении и надежной вооруженной силой Томского Совета» [7, С. 174].

Отличные боевые качества интернационалистов Забайкалья, подавляющее большинство которых составляли мадьяры, их храбрость и самоотверженность заслужили похвалы С. Лазо. По свидетельству Н. Матвеева, он так характеризовал интернационалистов: «Все они – бывшие солдаты, с боевым опытом. В бою они стремительны, дерутся с темпераментом. Преданы революции. Но жаль — большевистская работа среди мадьяр ведется слабо. Мадьяр политически подготовленных мало. Русские большевики не знают мадьярского языка» [8, С. 33]. По подсчетам В.С. Познанского к началу апреля 1918 г. из 3900 бойцов Центросибири не менее 1500 чел. составляли бывшие военнопленные [9, С. 94].

Новый этап пребывания военнопленных в Восточной Сибири был связан с заключением Брестского мира и тех обязанностей, которые взяло на себя советское государство по нему. В связи с этим следует рассмотреть Декрет СНК РСФСР от 23 апреля 1918 г. об образовании Центральной коллегии по делам пленным и беженцев, что позволило решать вопросы о статусе иностранных военнопленных, размещенных на территории России, на новом, более профессиональном уровне. Основной задачей организации было осуществление координационной и руководящей деятельности между всеми учреждениями, ведающими вопросами военнопленных и беженцев. Весной 1918 г. в Иркутске создается Коллегия по делам пленным и беженцев при Центросибири под председа-

тельством Якимова. Секретарем комиссии назначен Пляскин. Комиссия заняла здание гимназии Григорьевой (ул. Пестеревская), а с 4 июля 1918 г., комиссия переехала в помещение гимназии Некрасовой. Беженцев и пленных комиссия принимала с 11 до 13 ч в понедельник, среду и пятницу. Еще ранее в апреле 1918 г. по инициативе Королевской шведской миссии комиссаром по военным делам Сибири Стрембергом был разработан план возвращения на родину «гражданских пленных» Германии и Австро-Венгрии [2, Л. 30, 119–129].

Но этим планам не суждено было сбыться. События рубежа мая-июня 1918 г. в Сибири, привели к свержению советской власти. Примкнувшие к ней военнопленные, составлявшие значительную часть войск Красной гвардии в Прибайкалье и Забайкалье, либо погибли в боях, либо (в лучшем случае) были обратно возвращены в лагеря военнопленных. Примером первого стала гибель интернационального отряда Зингера и Вейсмана в Забайкалье. В конце августа 1918 г. на Урульгинской конференции приняли решение, распустив красногвардейские части, перейти к партизанской борьбе. Интернационалисты решили уйти на Север в тайгу, перезимовать, а затем продолжить борьбу; отряд под командованием Зингера и Вейсмана по железной дороге достиг Могочи, затем двинулся на Север, к с. Тупик. Грузовики и орудия пришлось уничтожить, так как дорога оказалась не проходимой. В составе отряда были до 200 чел.: немцы, австрийцы, венгры чехи, итальянцы и русские. Из Тупика на плотах они пошли по р. Тунгир. На одном из перекатов головной плот перевернулся, была потеряна часть продуктов и оружие. После этого отряд, разбив лагерь, стал готовиться к зимовке. В феврале 1919 г. лагерь окружили казаки. В ходе боя большая часть отряда погибла, спаслись не более 10 чел. [10]. Сюжет этот не раз описывался как в исследованиях, так и в художественной литературе, достаточно вспомнить историческую эпопею «Забайкальцы» В. Балябина и поэму Ю. Гольдмана «Мадьярский перекаат».

Другая часть военнопленных, ушедшая в Тункинскую долину, после ряда боев была пленена и отправлена в лагерь военнопленных в Нижнюю Березовку. По мнению П.А. Новикова, большинство военнопленных не подверглись репрессиям, а цифра 1 000 расстрелянных интернационалистов относится к массовому расстрелу заключенных в Троицкосавской городской тюрьме в конце 1919 г. [11, С. 94]. После установления власти Временного Сибирского правительства к уголовной ответственности были привлечены бывшие военнопленные, воевавшие на стороне советской власти (правда, преследованиям подверглись только лица, принявшие советское гражданство). Так, бывший военнопленный врач Альберт Шебеко «в течение мая – июня 1918 г. в г. Иркутске, умышленно с целью благоприятствовать неприятелю, поступил в ряды Красной Армии и вместе с таковой вел борьбу против Временного российского правительства», а арестованный чехословаками в мае 1919 г. на ст. Иннокентьевской военнопленный Якоби Кочин, был обвинен «в переходе на сторону Красной

армии» [12, Л. 1; 13, Л. 4]. К сожалению, проследить дальнейшую судьбу этих военнопленных автор не смог, ибо в делах сохранилось только обвинительные заключения.

Временному Сибирскому правительству досталось тяжкое наследство – деморализованные части, охранявшие лагеря военнопленных, их обитатели требовавшие, по условиям Брестского мира, отправки домой, интернационалисты, возвращенные в лагеря и жаждавшие реванша. Достаточно жесткую позицию заняли и организации, курировавшие интересы военнопленных, прежде всего, миссия шведского Красного Креста и датское консульство. А у белых властей не было ни свободных сил для охраны лагерей и возможности поддержать там должную дисциплину, ни денег для выполнения условия содержания военнопленных.

На первом этапе власть принимает решение сократить для удобства число лагерей и переместить военнопленных из мелких лагерей в более крупные. Так, штаб Иркутского военного округа принимает решение о закрытии лагеря и о переводе всех военнопленных из Троицкосавска в Нижнюю Березовку [2, Л. 40]. К весне 1918 г. на территории Иркутского военного округа осталось всего 9 лагерей военнопленных: Заиркутный городок (5 367 чел.), Канск (5 325 – из них 5 000 прибыли из Приамурья), Нижне–Березовский лагерь (17 000 чел.), Верхнеудинский (1 300 чел.), Сретенский (1 100 чел.), Красноярский (10 500 чел.), Читинский (6 000 чел.), Ачинский (1 100 чел.). События Гражданской войны повлияли на условия содержания пленных. В лагерях резко увеличилось количество инвалидов. Этому есть понятное объяснение – военнопленные уже 4 года содержались в скученных помещениях, медицинская помощь оказывалась не в полном объеме, да и питание оставляло желать лучшего. В этих условиях бурно цвели как инфекционные, так и хронические заболевания (прежде всего различные виды онкологии, туберкулез и эмфизема легких, неврологические заболевания и болезни желудочно-кишечного тракта).

Результаты исследования. Политические условия революции, отразившись, на российском обществе, заметно затронули жизнь лагерей военнопленных Первой мировой войны, которые в значительном количестве находились на территории Восточной Сибири. Пала стена, разделявшая военнопленных и сибирское общество. Перед военнопленными встала категоричная альтернатива – участвовать как деятельные акторы, в тех исторических процессах, которые разворачивались в пределах Российского государства, или пассивно ждать до формального окончания боевых действий «Великой войны». Во многом выбор был обусловлен целым комплексом проблем – личных, социальных, этнических и религиозных. Традиционная схема, о том, что большинство бывших славянских военнопленных (чехи, словаки, сербы, русины) поддержали белое движение, а немецкие и венгерские военнопленные поддержали красных, часто видится несостоятельной на примерах контингента лагерей Восточной Сибири.

Нерешенные политико-этнические противоречия стали одним из катализаторов Гражданской войны в регионе. Несмотря на небольшую численность, именно отряды военнопленных стали наиболее боеспособной и качественной боевой силой и красных и белых. Этнические конфликты не стихли, а разгорелись ярким пламенем. Как не парадоксально, «выиграли» и выжили на этом этапе военнопленные, занявшие нейтральную позицию и предпочетшие остаться в лагерях военнопленных до окончания вооруженного конфликта.

Список источников и литературы

1. Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли. М.: Центрполиграф, 2007. 303 с.
2. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 295.
3. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 294.
4. Сологубов И.С. Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918–1921 гг.). Ташкент : Госиздат УзССР, 1961. 179 с.
5. Борьба за власть Советов в Иркутской губернии: Сб. док. Иркутск : кн. изд-во, 1957. Т. 1. 423 с.
6. Конев А.М. Красная Гвардия на защите Октября. 2-е изд. М.: Наука, 1989. 333 с.
7. Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции». М.: Воениздат, 1959. 322 с.
8. С. Лазо. Воспоминания и документы. М.: История гражданской войны, 1938. 217 с.
9. Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука, 1973. 307 с.
10. Мерук Й. Мадыарский перекал на Тунгире // Забайкальский рабочий. 1979. 9 июня.
11. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 414 с.
12. ГАИО. Ф. 534. Оп. 2. Д. 134.
13. ГАИО. Ф. 534. Оп. 2. Д. 527.

Для цитирования: Ануфриев А.В. Лагеря военнопленных в Восточной Сибири на первом этапе Гражданской войны (1917–1918 гг.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 12–18.

АГЕНТ «ТАЕЖНАЯ МОШКА» В ПЕРИОД ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: К РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ СЕРГЕЯ БАЗАРОВА

Бакшт Дмитрий Алексеевич^{1,2}

¹ СибЮИ МВД России, Красноярск, Россия

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

^{1,2} baksh@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6136-9983

Аннотация: Цель статьи – характеристика на примере биографии бывшего секретного осведомителя Енисейского губернского жандармского управления С.И. Базарова социально-политических процессов первой четверти XX в., а также изучение применения по отношению подобной категории лиц наказания, предусмотренного статьей 67 УК РСФСР 1922 г. Материалы выявлены из различных архивов, как непосредственно автором, так и внуком секретного сотрудника. Автор приходит к выводу о том, что до 1922 г. у различных правовых режимов почти не было правовых оснований для преследования бывших агентов «царской охранки», если они занимались только осведомлением, не принимая активного участия в революционных организациях. Но с появлением первого советского уголовного кодекса стало возможным в сжатые сроки репрессировать бывших агентов полиции.

Ключевые слова: Департамент полиции, революция, Гражданская война, Первая мировая война, Красноярск, политическая полиция, жандармерия, секретный сотрудник, агентура, политические репрессии.

Постановка проблемы. Исследование работы секретных осведомителей дореволюционной «политической полиции», куда включаются уполномоченные подразделения ОКЖ и территориальные органы Департамента полиции МВД (охранные отделения и розыскные пункты), часто ограничиваются 1917 г. Редкие труды выходят за данную хронологическую границу. Вместе с тем упразднение системы императорских органов безопасности не означает полное исчезновение его секретных осведомителей. Режимы, пришедшие на смену монархии, организовывали судебное преследование бывших агентов полиции, собирая правовой материал. Отсюда реконструкция биографий отдельных лиц способствует складыванию полной картины процесса взаимодействия возникшей советской государственности с лицами, ранее служившими аппарату принуждения Российской империи. Наша работа предметно концентрируется

на биографии сексота Енисейского розыскного пункта Сергея Ивановича Базарова (псевдоним «Таежная мошка»).

Данное исследование основано на неопубликованных источниках, выявленных в ГАРФ и ГАКК. Указанные документы являются, как делопроизводством органов Департамента полиции и ОКЖ, так и материалами суда и следствия органов, образованных после 1917 г.

Также автору также были предоставлены А.Б. (внук С.И. Базарова) материалы дореволюционных и советских следственных и судебных органов (из материалов ГАКК и архива Управления ФСБ России по Красноярскому краю), а также устные сведения, без чего реконструкция была бы неполна.

Для удобства изложения все даты событий до 14 февраля 1918 г. (по Декрету СНК РСФСР от 26 января 1918 г. «О введении западно-европейского календаря») даны по юлианскому календарю, а после – по григорианскому.

Основная часть. Сергей Иванович Базаров, мещанин города Щигры Щигровского уезда Курской губернии родился 14 сентября 1887 г. Уголовное преследование в отношении него было осуществлено уже после завершения Первой русской революции по делу «Щигровской республики». Он был арестован в марте 1908 г. и уличен в принадлежности к эсерам. Изначально дело возбуждено в порядке Положения об охране 1881 г., но доказательств было достаточно, чтобы собранный правовой материал против С.И. Базарова лег в основу уголовного дела. Было произведено дознание в порядке ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства по обвинению по ст. 102 Уголовного уложения, Высочайше утвержденного 22 марта 1903 г. (участие в преступном сообществе, имеющим целью насильственное посягательство на изменение в России или ее части установленного Основными законами образа правления). В июле 1909 г. приговором Временного Курского военно-окружного суда братья Сергей и Михаил Базаровы были осуждены к ссылке на поселение в Сибирь (Сергей) и 5-летнюю каторгу (Михаил).

В Енисейскую губернию С.И. Базаров прибыл 3 сентября 1909 г. был распределен в деревню Мало-Кетскую Бельской волости Енисейского уезда. После Первой русской революции увеличившийся поток административно-высланных и ссыльно-поселенцев направлялся, в основном, в Нижнее Приангарье. Вслед за ним в ссылку прибывает Клавдия Федотовна Сергеева, с которой Базаров обвенчался. По всей видимости, в связи с дальнейшей беременностью Клавдии и рождением сына Евгения ссыльнопоселенцу Базарову разрешают временно отбывать наказание в Енисейске, затем – жить в городе на постоянной основе в связи с состоянием здоровья [1, Л. 1–39].

Зарабатывая себе на жизнь в золотодобывающей Викторовской компании, он перевозил с собой корреспонденцию ссыльных, на чем был пойман заведующим Енисейским розыскным пунктом ротмистром Владимиром Федоровичем

Железняковым. Под угрозой привлечения к ответственности и утяжеления наказания Базаров был завербован в качестве постоянного агента под псевдонимом «Таежная мошка» с 1 сентября 1912 г. Еще в марте 1912 г. Железняков, перечисляя своих сотрудников в Енисейске и Енисейском уезде, не указывал такого осведомителя [2, Л. 1–2]. Первая ценная информация от него касалась Ивана Ивановича Голощапова, беглого террориста из Курской губернии. До 1915 г. правоохранные органы не интересовались С.И. Базаровым. Но, когда заведующим Енисейским розыскным пунктом назначили ротмистра Руссиянова, тот снова вошел в контакт с бывшим агентом «Таежная мошка» [3, Л. 16].

Денежное содержание от полиции Базаров получал на адрес своего кредитного товарищества в Енисейске на имя некоего Михайловского [3, Л. 33]. В документах Енисейского губернского жандармского управления фиксируется, что в 1916 г. Базаров раскрыл связь Союза кооперативов Енисейской губернии и «старых кадров» запрещенной партии эсеров, указывая, что организация выполняет только свои задачи экономического характера, но в нужный момент могут стать ячейкой политической партии. Также он давал сведения о настроениях ссыльных Нижнего Приангарья. Его информация была использована в т.н. «переписке» (предварительном собирании правового материала против лица, которому не предъявлены обвинения, не являлось следствием в уголовно-процессуальном смысле) против Фани Раппопорт, которую подозревали в работе на германское правительство и продвижении «пораженчества» [3, Л. 35].

В июне 1916 г. Базаров переезжает в Красноярск, где его курировал («вёл») помощник начальника Енисейского губернского жандармского управления по Красноярскому и Канскому уездам ротмистр Оболенский. Очередной резкий поворот в судьбе Базарова произошел в начале 1917 г. с падением монархии в России и последовавшими за этим арестами кадровых служащих правоохранных органов и их осведомителей. Показания на «Таежную мошку» новым стихийно сформированным революционным органам дали как минимум трое: Руссиянов (3 марта 1917 г.) на допросе в Енисейске [4, Л. 7об.–8об.] и в Красноярске Оболенский (8 марта 1917 г.), а также отвечавший за конспиративные квартиры жандармский унтер-офицер Климентий Кириллович Соловей (13 марта 1917 г.) [3, Л. 41–43].

Вспоминая революционный март 1917 г., меньшевик Анатолий Васильевич Байкалов на страницах эмигрантской «Русской мысли» отмечал, что был в числе лиц, кто, заняв Енисейское губернное жандармское управление, изучили его документы. Им указывалось, что «одним из видных агентов был некто Базаров». Занимая должность конторщика в Енисейском союзе потребительских обществ, он давал сведения о незаконной деятельности активистов кооператива. Невыполненное из-за революции распоряжение Департамента полиции об их аресте было основано именно на этих данных [5, С. 335]. Агент

«Таежная мошка» был одним из первых, кого представители революционных властей арестовали (5 марта 1917 г.), поместив на Красноярскую гарнизонную гауптвахту.

В течение долгого времени ни следствия, ни суда над арестованными агентами жандармерии не осуществлялось. Базаров среди остальных направлял многочисленные прошения в различные инстанции, начиная от местного Комитета общественной безопасности, заканчивая Министерством юстиции в Санкт-Петербурге. В основном суть прошений сводилась к ходатайствам об отправке в действующую армию либо о свободном выезде за границу. Примечательно, что в одном из ходатайств содержался отвод от его дела А.В. Байкалова, имеющего с бывшим агентом «личные счеты». Проявлением этой неприязни, как следует из собранных сведений внуком Базарова от родственников в 2006 г., является то, что Байкалов раскрыл К.Ф. Базаровой супружескую измену С.И. Базарова с некоей Е.М. Коростелевой. В свою очередь, А.В. Байкалов узнал об этом факте после подачи Коростелевой просьбы о разрешении свидания с арестантом.

16 июля 1917 г. была определена дата судебного заседания по делу С.И. Базарова – 19 августа [6, л. 6.]. Между тем, дело рассматривалось не в судебном порядке, а внесудебной комиссией, образованной при Красноярском окружном суде на основании административных распоряжений Временного правительства. Сам Базаров отказался участвовать в суде, ему был предоставлен казенный защитник. Он утверждал, что не сотрудничал с полицией в 1914–1916 гг. Комиссия постановила секретных сотрудников отпустить, но местный Совет рабочих и солдатских депутатов постановил отправить Базарова под арест на 3 месяца [6, л. 10–19об., 22].

В конце октября 1917 г. незадолго до прихода в стране к власти большевиков товарищ губернского прокурора осмотрел гауптвахту и сообщил Енисейскому губернскому комиссару о том, что ряд лиц (в том числе бывшие осведомители жандармерии) содержатся под стражей без всяких правовых оснований. Решение комиссара Временного правительства об их освобождении, конечно, уже не было исполнено. Пять бывших сексотов (в их числе Базаров) были отправлены в Иркутск в распоряжение Окружного бюро Советов Восточной Сибири.

О периоде с ноября 1917 по 1920 гг. сведения о бывшем осведомителе смутные. Его внуку удалось узнать из кадровых документов архивного фонда Красноярского уездного промышленного комбината, где С.И. Базаров трудился в 1921–1922 гг., что Базаров служил завхозом 5-го Ангарского стрелкового полка 1-й Иркутской дивизии, а также младшим унтер-офицером 31-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. При этом указано, что он также прошел в армии военно-инструкторскую школу. Как бывшему агенту царской жандармерии уда-

лось освободиться из-под ареста, инициированного советской властью, да еще и поступить на военную службу – остается лишь строить гипотезы.

Из более позднего следственного дела 1923 г. известны следующие факты: С.И. Базаров повторно был арестован в 1920 г., состоя в РККА на Забайкальском фронте. Оттуда он был направлен в Омск, где Омский ревтрибунал его освободил и направил в распоряжение Енисейского ревтрибунала в Красноярск. В январе 1921 г. производство в отношении него было прекращено, так как он уже отбыл ранее наказание за свою дореволюционную деятельность. По всей видимости, с этого времени Базаров остался в знакомом ему Красноярске, где устроился на работу бухгалтером Промышленного комбината, проживал со своей семьей.

Между тем, бывшие сексоты для советской власти «охранки» были априори чуждыми людьми. Так, в соответствии с пунктом «д» ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. служащие и агенты бывшей полиции, ОКЖ и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома были лишены активного и пассивного избирательного права. Но поражением в гражданских правах этой категории лиц советская власть не ограничилась. УК РСФСР, принятый 26 мая 1922 г. на 3-й сессии IX съезда Советов, вступил в силу 1 июня 1922 г. и включал в себя ст. 67. Этот закон устанавливал в качестве уголовного преступления активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе. Санкция по ст. 67 УК РСФСР 1922 г. устанавливала наказания, предусмотренные 1 ч. ст. 58 того же кодекса, то есть высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества. В ст. 33 УК РСФСР 1922 г. определено, что по делам, находящимся в производстве революционных трибуналов, впредь до отмены ВЦИК, в случаях, когда статьями УК РСФСР определена высшая мера наказания, применяется расстрел.

Как видно, именно бывшие сотрудники дореволюционных правоохранительных органов испытали на себе принцип обратной силы уголовного закона: ведь на момент совершения этого уголовного преступления «борьба против рабочего класса и революционного движения» было законным деянием, поощряемым тогда государством. Именно по этой статье 16 декабря 1923 г. С.И. Базарову было предъявлено обвинение Енисейским отделом ГПУ. На заседании Президиума ЦИК СССР 24 марта 1924 г. было удовлетворено ходатайство ОГПУ о вынесении Базарову внесудебного приговора. Коллегией ОГПУ 31 марта 1924 г. постановила С.И. Базарова расстрелять, а его дело № 24101 сдать в архив [7, Л. 2].

Результаты исследования. Из анализа биографии бывшего секретного осведомителя жандармерии «Таежная мошка» мы делаем следующие выводы. Во-первых, его служба в полиции до революции 1917 г. носила законный характер, поскольку прямое руководство либо активное участие в незаконных объединениях С.И. Базаров не осуществлял. Отказ от суда над ним в 1917 г. говорит об отсутствии достаточных оснований для уголовного дела. Во-вторых, преследования подобных лиц до 1922 г. носило идеологический, зачастую личный характер со стороны пришедших к власти «объектов агентурного наблюдения». В-третьих, советская власть с 1918 г. планомерно создавала правовые основания для преследования бывших сотрудников «царской охраны». Первый советский уголовный кодекс дал возможность применить к таким лицам обратную силу закона и репрессировать их.

Таким образом, изучение судьбы отдельного человека в переломный момент отечественной истории являются своеобразной репрезентацией исторических событий, происходивших в России в первой четверти XX в., давая в том числе, яркий материал к изучению правоприменения при различных политических режимах.

Список источников и литературы

1. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 6111.
2. ГАКК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 28.
3. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 110.
4. ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 119.
5. Был ли Сталин агентом охраны? / вст. ст. Ю. Фельштинского. М.: Терра – Книжный клуб, 1999. 480 с.
6. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 109.
7. ГАРФ. Ф. 1742. Оп. 2. Д. 18.

Для цитирования: Бакшт Д.А. Агент «Таежная мошка» в период войн и революций на территории Восточной Сибири: к реконструкции биографии Сергея Базарова // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 19–24.

ТРУДНОСТИ В УСТАНОВЛЕНИИ РАБОЧЕГО КОНТРОЛЯ НАД ПРЕДПРИЯТИЯМИ ПРИМОРЬЯ (ЯНВАРЬ–ИЮНЬ 1918 г.)

Белевщук Галина Павловна ¹

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹ belevschuk_gp@dvfu.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9036-5695

Аннотация: В русле проблемного подхода на основе опубликованных и архивных источников в статье описаны трудности при установлении рабочего контроля в Приморской области. Представлен механизм реагирования местной советской власти на возникшие проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: Революция 1917 г., Гражданская война, Дальний Восток, повседневность, рабочий контроль, советская власть.

Постановка проблемы. В России борьба за установление рабочего контроля на многих крупных предприятиях началась после февраля 1917 г., продолжившись в ходе Гражданской войны. Интересна точка зрения историка С.Ф. Касимова о том, что «рабочий контроль в России был формой революционного почина рабочего класса, средством борьбы за власть и имел ближайшей целью сорвать разрушительные действия капиталистов. После Октября роль и значение рабочего контроля коренным образом изменились: рабочий контроль становится государственным мероприятием, направленным на переход фабрик и заводов в общенародную собственность» [1, С. 755].

В новейшей историографии почти не освещается этот сюжет. Есть лишь несколько статей, характеризующих рабочий контроль в целом по стране [2–4] и в отдельных регионах [5–6]. Деятельность рабочего контроля в Приморье и роль в этих процессах большевиков изучена И.И. Глущенко [7–8]. Цель данной статьи – выявление сложностей в установлении рабочего контроля в Приморской области и механизмы их решения в период существования первой советской власти на Дальнем Востоке.

Основная часть. Задачи рабочего контроля были определены В.И. Лениным в «Проекте положения о рабочем контроле», принятом на заседании ВЦИК 27 ноября 1917 г. Согласно положению, рабочий контроль вводился как обязательная мера во всех отраслях хозяйства, на предприятиях, имевших наёмных рабочих и осуществлялся всеми рабочими предприятия через выборные учреждения. Рабочий контроль имел право на наблюдение за производством, установление норм выработки предприятия, а также на контроль за всей деловой перепиской предприятия. В каждом крупном городе, губернии или промышленном районе создавался местный совет рабочего контроля [9]. На III Дальневосточном съезде советов 25 декабря 1917 г. было принято решение об организации органа народного контроля в регионе [10, С. 64], а в середине января

1918 г. уже был создан Приморский областной Совет рабочего контроля. Исходя из экономических и географических особенностей, территория края делилась на районы – Владивостокский, Никольск-Уссурийский, Хабаровский, Благовещенский, Зейский, Камчатско-Сахалинский. В районах избирались фабрично-заводские комитеты, объединенные по ведомствам в контрольные комиссии, подчиненные областному Совету рабочего контроля. Возглавлял Совет президиум из трех человек, председателем которого был избран большевик П.М. Никифоров. Руководил областным Советом краевой комитет Советов через комиссариат труда [7, С. 269]. В январе рабочий контроль был установлен на таких крупных предприятиях, как Сучанские угольные копи, Владивостокский порт, цементный завод в Спасске, железной дороге. К маю 1918 г. рабочий контроль был введен и в торгово-промышленных предприятиях. [11, С. 118].

Первая трудность, которую пришлось решать местным властям – это дефицит денег. Как выяснилось в процессе, работа по установлению рабочего контроля требовала предварительных затрат. Для решения этой проблемы председатель исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Константин Суханов 8 февраля 1918 г. утвердил постановление о введении ежемесячного налога на все предприятия (торговые и промышленные) в размере 1 руб. с человека, обслуживающего данное предприятие. Налог не мог вычитаться из зарплаты рабочих и служащих, а полностью выплачивался из средств работодателя. Постановление распространялось на банки, почты, телеграфы, частные заводы, казенные заводы, порты, фабрики, горнопромышленные и торгово-промышленные предприятия, пользующиеся наемным трудом, а также на все иностранные предприятия и фирмы [10, С. 79–80].

Вторая сложность была связана с неграмотностью и отсутствием необходимой квалификации у рабочих, принимавших активное участие в работе комиссий по установлению контроля на предприятиях. Об этой проблеме писал П.М. Никифоров, что «чем глубже комиссии рабочего контроля вникали в производство, тем сложнее становились возникавшие перед ними вопросы. Необходимо было проверять финансовые обороты предприятий, без чего невозможно установить соответствие расходов доходам. Это, в свою очередь, влекло проверку исполнения договоров, проверку текущих счетов предприятия в банках, поступления и расходования материалов. Требовалась уйма специальных знаний. Техническая сторона производства не затрудняла рабочих, она была им знакома из повседневной практики, но экономических знаний не хватало. Хозяева же предприятий и их служащие прилагали все старания к тому, чтобы направить деятельность комиссии по ложному пути» [12, С. 28]. Для решения этого вопроса краевой комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов издал инструкцию о проведении контроля над производством и распределением в Приморской области. По инструкции рабочие комитеты назначали рабочую контрольную комиссию в составе как минимум 3-х лиц, куда с правом решающего голоса приглашались квалифицированные люди: инженер, техник, бухгалтер или счетовод. Имелось примечание о том, что рабочие, являющиеся чле-

нами комиссии, должны были быть грамотными, вдумчивыми и осмотрительными [10, С. 74–75].

Третья проблема была обсуждена на первом Приморском областном съезде фабрично-заводского, торгово-промышленного, лесопромышленного, рыбопромышленного, железнодорожного и прочих комитетов по контролю над производством и распределением 14–15 февраля 1918 г. На собрании с докладом выступил П.М. Никифоров. Он подробно охарактеризовал положение промышленности и торговли, которые, по его словам, «имели тенденцию сокращения и упадка». Отмечалось, что первые попытки контроля, несмотря на декреты СНК РСФСР о запрещении сделок с иностранцами, сопровождались массовой передачей предприятий иностранным подданным, что затрудняло работу областного Совета рабочего контроля, так как приходилось иметь дело со всем консульским корпусом [13, Л. 14]. По итогам заседания была составлена резолюция о запрете передачи имущества иностранным подданным, где было постановлено, что лица, заподозренные в намерении передать свои предприятия иностранцам, будут немедленно арестованы, если их виновность будет доказана, то они будут переданы революционному суду, а их имущество будет конфисковано в пользу государства [10, С. 88–89].

Четвертым препятствием на пути установления рабочего контроля стало несогласие самих предпринимателей. 21 февраля 1918 г. владельцы торгово-промышленных фирм Владивостока объявили всеобщую забастовку, закрыв магазины на неопределенное время. Причина забастовки – протест против контроля над операциями владельцев торгово-промышленных предприятий. Из-за этого созывались внеочередные заседания Общего Совета рабочих и солдатских депутатов, одно из которых состоялось 7 марта 1918 г. под председательством С.Я. Гросмана. Было решено считать данную забастовку преступной и возмутительной, направленной против неимущего и малоимущего населения Владивостока [14, Л. 6]. А 8 марта 1918 г. было опубликовано постановление Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов о выступлении торгово-промышленников в связи с введением рабочего контроля. В нем отмечалась необходимость принимать возможные меры, как для открытия магазинов, так и для распространения рабочего контроля [10, С. 105–106].

Пятая и острая проблема – отсутствие единства в среде рабочих и служащих предприятий. Примером такого конфликта между рабочими и служащими по вопросу установления рабочего контроля является ситуация в торговом доме «Чурин и К^о». В РГИАДВ сохранилось несколько протоколов общего собрания служащих этого торгового дома с участием представителей от Контрольного совета за май 1918 г. В документах говорится о том, что произошел резкий раскол между рабочими и служащими. Первые требовали введения рабочего контроля, вторые – выступали против такой меры [15, Л. 50]. 9 мая 1918 г. состоялось общее собрание служащих и рабочих. Докладчиком выступил представитель рабочего комитета, где отмечалось, «что большинство служащих индифферентно относятся к делу из-за боязни попасть в немилость к капиталистам.

В фирме давно идет борьба имущих с неимущими, о чем не раз печатали в газетах». В ходе обсуждений решили, что для решения вопроса надо избрать новый комитет «из видных в фирме людей, которым интерес трудящегося народа совсем безразличен». Поэтому было внесено предложение на данном собрании избрать Контрольную комиссию из 5-и лиц, которой поручить вступить в исполнение обязанности 11 мая [15, Л. 55]. Но по выписке из протокола заседания областного Совета рабочего контроля от 30 мая 1918 г. проблема решена не была, так как в торговом доме «Чурин и Ко» существует два совета – рабочих и служащих. Все шаги к объединению в один совет не привели ни к чему. Служащие фирмы отказались от введения рабочего контроля, самостоятельно, без участия рабочих, избрали Контрольную комиссию. Контрольной комиссии от служащих рабочие не могут довериться, поэтому областной Совет принимает решение о принятии всех мер к скорейшему проведению рабочего контроля в фирме. Было решено, что для ревизии создается комиссия из 5-и человек от Совета рабочих депутатов, и по одному представителю от Совета рабочего контроля, от Центрального бюро профсоюзов и от Биржи труда [15, Л. 50]. В итоге фирма должна была быть национализирована [7, С. 280], но это не было осуществлено. 29 июня 1918 г. советская власть во Владивостоке была свергнута чехословаками. Частным собственникам возвратили предприятия и банки, национализированные большевиками, а вместе с этим ликвидировали рабочий контроль над промышленными и торговыми предприятиями, банками, торговым портом.

Результаты исследования. Рабочий контроль над промышленными предприятиями в Приморской области просуществовал менее полугода. За это время рабочий контроль столкнулся с рядом проблем: недостатком денежных средств; отсутствием грамотности среди рабочих, проводящих контроль над предприятиями; передачей имущества иностранцам; сопротивлением со стороны предпринимателей; отсутствием единства в среде рабочих и служащих по вопросам установления рабочего контроля. Первые две проблемы решались довольно просто – увеличением сборов с предпринимателей, а для работы в комиссию приглашались только компетентные специалисты. С прочими трудностями было сложнее. Несмотря на то, что власть утверждала постановления и резолюции для решения этих вопросов, предприниматели, служащие и рабочие игнорировали эти акты, обостряя конфликт. Поэтому установления рабочего контроля в Приморье повсеместно не случилось.

Список источников и литературы

1. Касимов С.Ф. Из истории органов рабочего контроля в Башкирии (1917–1918 гг.) // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1. С. 755–757.
2. Мухин М.Ю. «Рабочий контроль» – первая попытка Советской власти реорганизовать промышленность на новых началах // Память о прошлом –

2017: мат-лы и доклады VI ист.-архив. форума, посвящ. 100-летию революции 1917 г. в России (18–20 апр. 2017 г., Самара). Самара: НТЦ, 2017. С. 262–269.

3. Черняев В.Ю. Рабочий контроль и альтернативы его развития в 1917 г. // Рабочие и российское общество: вторая половина XIX – начало XX века: сб. ст. и мат-лов, посв. пам. О.Н. Знаменского. СПб: Глаголь, 1994. С. 164–177.

4. Гиматдинова В.М., Чуканов И.А. Создание Системы «Рабочего» и государственного контроля в начальный период Советской власти // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 1. С. 46–52.

5. Абрамовский А.А., Амбрамовский А.П. Челябинский центральный Совет фабзавкомов. Борьба за рабочий контроль в Челябинске (1917–1918 гг.) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2012. № 1. С. 67–75.

6. Мысляева Н.С. Организация и деятельность органов рабочего контроля в Башкирии (1917–1924 гг.) // История федерализма в России. К 100-летию образ. автоном. Башкирск. Респ.: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (2 нояб. 2018 г., Стерлитамак). Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 91–95.

7. Глущенко И.И. Борьба большевиков Приморья за установление рабочего контроля над производством: (октябрь 1917 – июнь 1918 гг.) // Дальний Восток за 40 лет Советской власти. Комсомольск-на-Амуре: [б. и.], 1958. С. 264–280.

8. Глущенко И.И. Борьба пролетариата Дальнего Востока за осуществление рабочего контроля над производством. (Февраль 1917 – июль 1918 гг.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1959. 13 с.

9. Положение о рабочем контроле. [Эл. рес.] // Режим доступа: URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/rab_ctrl.htm (дата обращения: 11.08.2023).

10. Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.). Сб. док-тов. Владивосток: Примор. книж. изд-во, 1955. 831 с.

11. Беликова Л.И. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Приморье (1917–1918 гг.). Владивосток: Примор. книж. изд-во, 1957. 152 с.

12. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1974. 191 с.

13. РГИАДВ. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 4.

14. РГИАДВ. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 10.

15. РГИАДВ. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 8.

Для цитирования: Белевщук Г.П. Трудности в установлении рабочего контроля над предприятиями Приморья (январь–июнь 1918 г.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 25–29.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО ОТДЕЛА В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ КРАЕВОМ МУЗЕЕ

Блинова Ольга Валерьевна¹

¹ Омский государственный историко-краеведческий музей, Омск, Россия
¹ogik_blinova@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 5481-3812

Аннотация: В статье рассмотрен опыт создания историко-революционного отдела в Западно-Сибирском краевом музее, как самостоятельной единицы, созданной в 1923 г. Обращение к тематике обусловлено интересом к истории учреждения и условиям комплектования его фондов. Отдел призван был отразить события новейшей истории и способствовать трансформации музея по требованиям общественно-политической обстановки из собрания редкостей в средство агитации и пропаганды коммунистических идеалов. На материалах прессы и делопроизводства музея прослежены основные шаги по созданию отдела в середине 1920-х гг. и последовавшего замедления этой работы, вызванного пересмотром отношения к подаче событий прошлого и вписывания этих событий в общественный контекст 1930-х гг.

Ключевые слова: культурная антропология, музейное дело, музейные коллекции, Революция, Гражданская война, Западно-Сибирский краевой музей, Омск.

Постановка проблемы. В 2023 г. исполняется 100 лет с момента превращения музея ЗСОРГО в самостоятельную организацию. По приказу Сибирского отдела народного образования от 23 января 1923 г. Западно-Сибирский краевой музей был окончательно выведен из подчинения ЗСОРГО и передан в ведении Омского губернского отдела народного образования, получив статус независимой организации. Одним из первых проектов, к реализации которых приступил музей, стало создание подотдела революции и Гражданской войны. Цель нашего исследования – изучить данный опыт репрезентации событий новейшей истории «по горячим следам» в музейном пространстве 1920-х гг. Вопрос не получил достойного рассмотрения в исследованиях о функционировании Западно-Сибирского краевого музея как самостоятельной организации в 1920-е гг. [1–4] Между тем, попытка создания данного выставочного проекта как феномена первых лет советской власти и комплектование фондов по революционной тематике заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Основная часть. По решению I Всероссийской конференции по делам музеев, проходившей в Петрограде в феврале 1919 г., музеи должны были взять на себя коммунистическое воспитание народа [2, С. 101]. В Омске этот процесс

в указанный период не был запущен в связи с нахождением региона под контролем белых, и музей занимался традиционным хранением экспонатов. Стоит сказать, что в тех крайне непростых условиях даже просто охранительные меры по недопущению разорения фондов, их вывоза и др. были уже весомой мерой к сохранению исторического наследия [5, С. 131].

Начало реализации выставочного проекта, посвященного революции и Гражданской войне, было положено ЗСОРГО с восстановлением советской власти. В феврале 1921 г. при музее Отдела была создана Комиссия Музея Войны и Революции, был разработан угловой штамп и круглая печать организации, начался сбор экспонатов путем рассылки писем по организациям. В задачи Комиссии входило «изучение Западной Сибири и сопредельных с ней стран в отношениях: этнографическом, политическом и бытовом в контексте войны и революции, а также собирание материалов, документов и предметов, характеризующих настоящую эпоху» [6, Л. 98].

Летом 1921 г. с выходом музея из подчинения ЗСОРГО новый директор учреждения Б.С. Семенов предпринял первые шаги к созданию подотдела революции. Интересно, что у истоков этого проекта стоял представитель мира, «враждебного» новой советской эпохе – бывший генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев, активно сотрудничавший с колчаковскими властями. Абсурдность ситуации отмечали и сами большевики. Покровитель нового музея, инициатор его создания в качестве независимой единицы, известный революционер В.Д. Вегман писал: «Музей очистили от всей скверны и нечисти и старались принять меры, чтобы сохранить экспонаты, имеющие музейную ценность. Еще в начале весны прошлого года пишущий эти строки, вел переговоры с бывшими руководителями музея, предлагая им принять участие в работах по правильной постановке музея, по систематизации экспонатов и т.д. <...> Но сговориться тогда ни с кем не удалось. Единственный человек, с которым мы нашли общий язык по делам музея, был Георгий Ефремович Катанаев – один из основателей музея. Но Катанаев, ныне покойный, уже тогда был слишком стар и активного участия в работах музея принимать не мог. Другие же, более молодые музейные работники, предпочитали саботировать» [7]. Подчеркнем, что Катанаев, один из оставшихся в живых отцов-основателей музея, в ходе событий Гражданской войны был востребован представителями любой власти как знаток музейного дела и хранитель памяти о прошлом. Так, по поручению Войскового правительства он собирал материалы для подготовки «Истории Сибирского казачьего войска», впоследствии утраченные при эвакуации в Иркутск [8, С. 513]. Осенью 1922 г. был назначен новый хранитель (директор) музея – Ф.В. Мелехин (бывший офицер-белогвардеец в чине прапорщика), в чьи задачи входил сбор экспонатов для нового подотдела [9, Л. 3]. Отметим, что эта ситуация для Омска видится нормальной – значительное число живших здесь бывших офицеров и чиновников белой армии заметно участвовали в научном и культурном развитии региона, пытаясь адаптироваться к условиям нового социума [См. подр.: 10–12].

С 1924 г. начинается планомерный сбор материалов. В декабре 1924 г., после заключения устных договоренностей двух сторон, сотрудниками музея в местный истпарт была направлена официальная бумага, включавшая памятку с перечнем основных интересующих экспонатов, включавших оружие, знамена и трофеи Гражданской войны; плакаты, воззвания, приказы, листов и брошюры, представлявшие позицию обеих воюющих сторон; фотографии, запечатлевшие знаковые события военного времени; портреты и биографические данные основных участников сибирского революционного движения; документы и материалы связанные с деятельностью большевистского подполья (подпольные билеты, явки, печати для фабрикации документов) [13, Л. 26]. Одновременно был составлен и вероятно разослан по различным инстанциям «Призыв всем» с оповещением о подготовке нового большого Социально-Экономического отдела, призванного объединить подотделы исторический, войны и революции и культов. Под новый проект отводилось помещение в нижнем этаже здания, занимаемого прежде библиотекой, перенесенной отныне во флигель [13, Л. 25].

Музею требовались материалы, связанные с событиями Гражданской войны, сохранившиеся как у организаций, так и у частных лиц. Одним из самых масштабных стало поступление холодного и огнестрельного оружия из Западно-Сибирского окружного военно-артиллерийского склада, переговоры с руководством которого велись в течение 1924 г. при поддержке Омского губкома РКП(б) [13, Л. 27]. Диалог успешно завершился: в сентябре с артсклада в музей поступает более 40 предметов. Среди них имелись весьма диковинные предметы, относящиеся к более ранним периодам истории – старинное восточное оружие, европейские кинжалы, сабли и палаши, а также пистолеты, мушкеты и винтовки. В числе переданного оружия были самодельные партизанские пики (30 штук), партизанский бомбомет и самодельная пушка отряда Рогова¹ [13, Л. 75].

В это же время в музей поступили негативы фотографий похорон жертв колчаковцев. Среди других крупных, зрелищных экспонатов – знамя белой армии, сохранявшееся служительницами церкви Ачаирского женского монастыря² [16] (до наших дней не сохранилось, известно лишь по стеклянным негативам, хранящимся в ОГИКМ).

В октябре 1925 г. в газете «Рабочий путь» мы встречаем уже более подробную информацию о создаваемом отделе: «Зап.[адно-]Сиб.[ирский] Краевой музей вместе с Истпартом приступил к оборудованию при музее специального отдела революции. Уже собрано много интересных экспонатов, например, по революции 1917 г., колчаковщине, из истории партийной борьбы в Сибири. Имеются редкие экземпляры партизанского оружия, в частности, холодное оружие из вил, пушки отряда Рогова и других отрядов. Есть пушки, сделанные из водопроводных труб, вделанные в деревянные и железные втулки. Имеются экспонаты подпольной литературы, оборудование подпольной типографии, разные фотографии. Собраны плакаты и переписка белогвардейщины, подлин-

ные приказы Колчака. Открытие отдела революции будет приурочено к двадцатилетию первой революции (в декабре). Музей обращается с просьбой ко всем, имеющим какие-либо предметы или документы, относящиеся к революции, жертвовать их музею или предоставить на время выставки революции» [17]. Выставка была открыта в декабре 1925 г. и проработала две недели, предоставляя возможность посетителям бесплатно ознакомиться с сохранившимися немymi свидетелями недавних грозных событий.

На протяжении 1926–1929 гг. выставки по истории революционного движения и освобождению Омска от белогвардейцев не раз обновлялись. Их хронологический апогей пришелся на 10-летие восстановления советской власти в регионе, имевшее черты официального праздника с явным культурно-пропагандистским значением. Музей в данных мероприятиях принял самое активное участие [См. подр.: 18].

Интересно, что в тот период в рамках музейного пространства находили свое место как предметы, отражающие боевую повседневность красноармейцев, партизан и большевистского подполья, так и представителей противоборствовавших с ними сил. В качестве захваченных трофеев были представлены оружие и знамя, размещены плакаты и листовки белой армии, обвинявшие красных в терроре в отношении местного населения и призывающие к неприимой борьбе с большевиками.

Целенаправленное комплектование подотдела революции привело к быстрому пополнению этого музейного собрания, насчитывавшего к концу 1920-х гг. около 2000 единиц [1, С. 319]. Коллекция включила в себя как отдельные сохранившиеся поступления Архива войны и революции, оставшиеся со времен ЗСОИРГО, так и позднейшие пополнения. Наибольшее количество экспонатов было связано с колчаковщиной, что обусловило даже потребность в создании отдельного раздела, посвященного А.В. Колчаку и его правлению. Но по итогу работы комиссии по обследованию Западно-Сибирского краевого музея в 1928 г. было принято решение работы по созданию подотдела революции свернуть, передав помещение под геологические сборы, а комплектование фондов по заданной тематике продолжить [19, Л. 28–28об.]. Столь осторожное отношение научной общественности к недавнему историческому прошлому встретило понимание коллег-музейщиков. В то же время, по мнению новосибирского исследователя Е.И. Красильниковой, наблюдалось постепенное затухание интереса сотрудников Западно-Сибирского краевого музея к данной тематике. Все больше тема революции рассматривалась через крупные планы в масштабах событий всей страны, исчезал краеведческий аспект. Ф.В. Мелехин более тяготел к созданию художественной галереи и уделял меньше внимания историческому отделу [1, С. 320].

В 1930-е гг. вопрос доработки исторической экспозиции в целом и определения в ней места подотдела революции и Гражданской войны постоянно стоял

на повестке дня, но не решался. Перемены в общественно-политической жизни этого периода привели к увеличению внимания со стороны администрации к «идеологически верной» подаче недавних военных событий музейщиками и потребовали пересмотра прежних оценок. Руководители учреждения подверглись жесткой критике. Если на 1934 г. было отмечено лишь то, что «в историко-революционном отделе местные материалы носят случайный характер и отражают преимущественно рев.[олюционн]ое движение в г.[ороде] Омске» [20, Л. 108об.], то уже через год проверяющая комиссия отметила серьезные недостатки в оформлении и потребовала от руководства «провести заново перестройку историко-революционного отдела очистить его от меньшевистских элементов, найти и отразить борьбу большевиков и историю ее» [21, Л. 21].

Согласно решению ЦК ВКП(б) о пропагандистской работе, вышедшему в 1935 г. все историко-революционные музеи призваны были обновить экспозиции с учетом новых требований. Основной задачей становился показ роли партии в событиях революции и Гражданской войны, ее борьбы с идеологическими противниками и особенно выявление «врагов», в связи с обострением классовой борьбы к 1930-м гг. Тогда же было озвучено решение укрепить ряды музейщиков партийными кадрами. Итогом стал приход в музей 2-го секретаря Ишимского райкома ВКП(б) А.П. Петровской, возглавившей музей в 1937 г. и завершившей процесс подготовки исторической экспозиции. Отдел революции был вписан в контекст исторических событий региона, посвящен рассмотрению партийной деятельности без предоставления в выставочном пространстве информации о позициях разных сторон, как это было на выставках 1920-х гг.

Результаты исследования. Таким образом, подготовку Западно-Сибирским краевым музеем масштабной исторической экспозиции, основанной на недавних событиях, можно рассматривать как опыт трансформации традиционной музейной функции хранения памяти о прошлом в средство наглядной пропаганды. Его первостепенное значение как информационного центра, аккумулирующего в условиях отсутствия специализированного музея всю информацию о событиях недавнего прошлого по истории революции и Гражданской войны, стало меняться в новых исторических условиях, уступая место освещению текущих событий в соответствии новыми идеологическими установками. Полнота и разносторонность подачи информации были утрачены, сменившись показом утвержденных тем. Несмотря на кратковременность работы подотдела революции в первоначальном виде его можно рассматривать как характерное явление своего времени, достигнувшее своей цели и оставившее яркий след в истории музея и в памяти многочисленных омичей, посетивших выставки по истории Гражданской войне в регионе.

Петербургский историк и публицист Юлия Кантор в одном из недавних интервью справедливо подчеркивает неразделимость теоретической и прикладной составляющих музейного дела и академической науки [22, С. 10]. И в этом

отношении проделанное нами исследование не рассматривается как законченное. В частности, с привлечением дополнительных комплексов источников (документального, вещественного характера и др.) оно может обрести дальнейшее продолжение, развиваясь, как применительно к научно-фондовой работе в прикладном отношении («предметное наследие» Гражданской войны), так и в русле изучения советской агитационно-пропагандистской работы, истории культуры и музейного дела на территории Омского Прииртышья.

Примечания

¹ Партизанский отряд атамана Г.Ф. Рогова, сражавшийся в начале Гражданской войны на стороне большевиков против Временного Сибирского правительства, затем примкнул к анархистам, ведя боевые действия на территории Алтайской губернии в Причумышье [14].

² Омскими чекистами в 1920 г. в рамках оперативных мероприятий по ликвидации антисоветского вооруженного подполья в Омском уезде в Ачаирском монастыре при обыске было изъято несколько знамен, которые находились в тайнике с оружием и боеприпасами [15, С. 132].

Список источников и литературы

1. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). 2-е изд., испр. и перераб. Новосибирск: Золотой колос, 2015. 570 с.

2. Сороколетова Г.И. Музей и Западно-Сибирский отдел Русского географического общества: 1920–1923 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1998. № 6. С. 100–109.

3. Безродная О.А. Западно-Сибирский краевой музей (1921–1934 гг.) // Известия ОГИК музея. 2013. № 18. С. 31–51.

4. Котовщикова О.В. Омский краеведческий музей в период конца 1920-х – начала 1930-х годов // Омский краевед. 2019. № 8. С. 264–268.

5. Блинова О.В., Петин Д.И. Генерал-майор Никифор Демьянович Павлов (1867–1929 гг.): штрихи к историческому портрету // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2. С. 127–137.

6. ГИАОО. Ф. Р–1075. Оп. 1. Д. 24.

7. Вегман В.Д. Надо спасти культурную ценность // Рабочий путь (Омск). 1922. № 285. 15 дек. С. 4.

8. Вибе П.П. Катанаев Георгий Ефремович // Энциклопедия города Омска: в 3 т. / Под ред. И.А. Кольца, Г.А. Павлова, А.П. Толочко. Т. 3: Омск в лицах. Кн. 1. А–К. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 513.

9. ГИАОО. Ф. Р–1076. Оп. 1. Д. 4.

10. Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.

11. Петин Д.И. К вопросу о социальной адаптации бывших офицеров и чиновников белых армий в Омске в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения – 2023. Мат–лы XVI Междунар. научн.-практ. конф. (Омск, 22–24 марта 2023 г.). Омск, 2023. С. 105–110.

12. Стельмак М.М. Вклад бывших белых офицеров в развитие и культуру советского Омска в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения – 2023. Мат–лы XVI Междунар. научн.-практ. конф. (22–24 марта 2023 г.). Омск, 2023. С. 124–129.

13. ГИАОО. Ф. Р–1076. Оп. 1. Д. 32.

14. Тепляков А.Г. Сибирские партизаны Г.Ф. Рогова в современной историографии: между мифом и исторической критикой // Исторический курьер. 2021. № 6. С. 193–204.

15. Сушко А.В. Массовые политические репрессии в 1920 г. в Омске: к оценке антисоветского заговора Драчука–Орлеанова в историографии // Омские социально-гуманитарные чтения – 2023. Мат–лы XVI Междунар. научн.-практ. конф. (Омск, 22–24 марта 2023 г.). Омск, 2023. С. 130–134.

16. Музей революции // Рабочий путь (Омск). 1925. № 256. 7 нояб. С. 8.

17. В краевом музее // Рабочий путь (Омск). 1925. № 244. 24 окт. С. 8.

18. Тишкина К.А., Петин Д.И. Празднование 10-летия восстановления советской власти в Сибири в 1929 г. (на примере Омского округа) // Журнал фронтальных исследований. 2023. Т. 8. № 2. С. 81–96.

19. ГИАОО. Ф. Р–1076. Оп. 1. Д. 79.

20. ГИАОО. Ф. Р–1076. Оп. 1. Д. 178.

21. ГИАОО. Ф. Р–1076. Оп. 1. Д. 172.

22. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15.

Для цитирования: Блинова О.В. Формирование историко-революционного отдела в Западно-Сибирском краевом музее // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 30–36.

© Блинова О.В., 2023

ИДЕЙНЫЙ РАСКОЛ ОФИЦЕРСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ. ГЕНЕРАЛ А. Н. ПЕПЕЛЯЕВ

Бучко Николай Петрович¹

¹ Дальневосточный филиал Российского
государственного университета правосудия, Хабаровск, Россия

¹ buchko65@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6467-1794

Аннотация: Соотнося мемуарную публицистику, прессу и неопубликованные источники и используя как методологическую основу антропологический подход, на примере личности видного антибольшевистского деятеля А. Н. Пепеляева анализируется дискуссионный вопрос о политическом выборе русского офицерства в условиях Гражданской войны. В заключении подчеркивается тезис об отсутствии единого идеологического фундамента белого офицерства и его идейном расколе.

Ключевые слова: политическая история, военная антропология, офицерство, Гражданская война, белое движение, А.Н. Пепеляев.

Постановка проблемы. Трагические страницы истории Гражданской войны в России во многом формировались на основе практических действий участников происходивших событий. В этом отношении идейный раскол, офицерского корпуса Русской армии в годы Гражданской войны представляется одним из факторов, ставшим определенным драйвером истории того периода. Отметим, что обозначившийся «идейный раскол» был присущ не только тем, кто находился в антагонистических лагерях сторонников и противников Октября 1917 г., но и адептам, принадлежавшим одной из сторон. Особо ярко это проявлялось в стане противников большевиков, где на основе общей антибольшевистской позиции соседствовали разнообразные политические взгляды носителей таковых.

Как справедливо отметила Н.А. Шабельникова, на Дальнем Востоке России Гражданская война имела свою специфику [1, С. 75]. Таковой было и отсутствие единого политико-идеологического подхода в офицерских рядах антибольшевистских сил в годы Гражданской войны на востоке России. Причины этого отчасти были и в том, что революционные события начала XX в. в России были неординарными в восприятии армейских кругов. Здесь интересным будет рассмотрение аспектов исторической науки, изучающих человека в ретроспективном контексте общественно-политических связей и отношений. В этом контексте актуально обратиться к тем персонам, чье участие в происхо-

дивших событиях во многом определило ход истории. На этом фоне, на наш взгляд, интересным будет история деятельности Анатолия Николаевича Пепеляева, как одного из активных представителей антибольшевистских сил в годы Гражданской войны на востоке России. Его участие в событиях тех лет нашло отражение в ряде исследований, а история Якутского похода генерала Пепеляева – в работах историков, публицистов и воспоминаниях участников событий [2–5]. Но важно рассмотреть и истории поиска Пепеляевым идеологического фундамента в тех событиях.

Основная часть. Революционные процессы 1910-х гг. в России предначертали отношение элитарных кругов к политической позиции армии в отношении происходящих событий реализацией требования тезиса «войско должно быть вне политики». При этом в нем четко выразилось мнение о том, что армия обязана быть верна присяге и преданно служить существующей власти [6]. События, последовавшие после Русско-японской войны, предопределили и требования Военного министерства о безукоризненном подчинении армии приказам № 804 1905 г. и № 626 1906 г., определявших безусловную внепартийность армии [7]. В этом плане во многом и формировалось отношение русского офицества к политике и всему, что ее окружало. Поэтому не удивляет, что для многих из его представителей было весьма непросто встать на ту или иную сторону в 1917 г. [8].

Тот же выбор стоял и перед А.Н. Пепеляевым, чье положение по роду определялось рождением в семье потомственного дворянина. Будучи участником Первой мировой войны, он уже в мае 1918 г. прибыв в родной Томск, включился в борьбу против формирующейся советской власти. В Томске подпольной антисоветской военной организацией руководил полковник Н.Н. Сумароков, сторонник монархии. Пепеляев возглавил штаб организации, а сама подпольная группа действовала при поддержке эсеров [9]. Задачу по свержению советской власти организация реализовала 27 мая 1918 г. С падением большевиков в Сибири властные полномочия перешли Временному Сибирскому правительству [10]. Новая власть начала формировать и военную силу – Сибирскую армию. Ее создание началось еще под руководством Временного Сибирского областного совета, на основе включения в вооруженные отряды фронтовиков из Сибири. В итоге, 14 июня 1918 г. созданный еще 13 февраля Западно-Сибирский комиссариат постановил своим военным отделом считать штаб Западно-Сибирской отдельной армии, а заведующим отделом – командующего войсками армии А.Н. Гришина–Алмазова [11–12]. С 13 июня 1918 г. армия стала называться Западно-Сибирской отдельной; ее продвижение на восток и освобождение от большевиков Восточной Сибири потребовало изменения наименования армейской структуры, что оформлено решением Временного Сибирского правительства от 27 июля 1918 г. [13, С. 64, 202].

В составе Западно-Сибирской отдельной армии 12 июня 1918 г. был сформирован Средне-Сибирский корпус под командованием подполковника А.Н. Пепеляева со штабом в Новониколаевске [14, Л. 1]. В руководстве корпусом офицер не выражал каких-либо политических идей, хотя соратники знали о его приверженности идеям сибирского областничества, что выходило за лозунг о «единой и неделимой России», доминирующий тогда в Беллом движении [15, С. 46]. Приход к власти А.В. Колчака А.Н. Пепеляев, по его словам, встретил без сочувствия, подчинившись факту [16]. Хотя в своем заявлении прессе накануне Уфимского совещания, где была сформирована Директория, отмечал, что является сторонником единоличного диктата [17].

В условиях разрушения фронта армии Верховного правителя вспыхивали антиколчаковские выступления. В начале декабря 1919 г. в Новониколаевске под командованием назначенного начальником гарнизона полковника А.В. Ивакина против власти выступила Среднесибирская дивизия 1-й Сибирской армии. К.В. Сахаров считал, что это выступление было подготовлено подпольной военной организацией поддерживавшая политическую программу эсеров и действовавшая при поддержке командующего 1-й Сибирской армией генерала Пепеляева [18, С. 188]. Этому мнению генерала Сахарова было вполне обоснованное объяснение. В правительственных кругах к тому времени сформировалось устойчивое мнение о том, что в 1-ой Сибирской армии, руководимой тогда перешедшим на службу Верховному правителю представителем чехословаков и ставшим генералом Р. Гайдой нашли поддержку сторонники эсеров, а командованием армии было сформировано «гнездо интриг» [19, С. 440]. Все это не могло не привести к политическим разногласиям между колчаковской властью и командованием Сибирской армией. Споры по вопросам ведения вооруженной борьбы между ставкой и Гайдой привели к его отставке еще в июле 1919 г. После конфликта Колчак–Гайда соратники чешского генерала действовали при поддержке штаба генерала Пепеляева, а своей основной задачей считали отстранение от власти А.В. Колчака. Своим первым политическим шагом А.Н. Пепеляев считал заявление, сделанное 9 декабря 1919 г. о необходимости созыва Земского собора в условиях военных поражений и надвигающегося политического кризиса колчаковского режима. Этот политический демарш генерал предпринял в согласовании со своим братом, премьер-министром колчаковского правительства В.Н. Пепеляевым [20, Л. 90, 106]. Тогда же генерал в союзе с братом предпринял политическую акцию на ст. Тайга, выразившуюся в аресте Главнокомандующего армиями Восточного фронта генерала К.В. Сахарова, обвиненного братьями в неудачах обороны Омска и Новониколаевска [18, С. 193–199].

Поражение колчаковцев в Сибири привели к отходу белых сил за Байкал. Эти события во многом предопределили поиск офицерского корпуса белых сил

путей выхода из трагедии Гражданской войны. Но встав по различные стороны этого пути, офицеры столкнулись с идейным расколом в своих рядах. Такая проблема встала и перед А.Н. Пепеляевым. В Забайкалье сам генерал хотел отойти от политической деятельности, принимая во внимание его разногласия с командованием белым войскам, отошедших из Сибири. Причиной этого было несогласие А.Н. Пепеляева с проводимой Г.М. Семеновым политикой с опорой на японцев. Тогда в планах командования белых сил было отстранение Семенова, формирование новых институтов власти. Но эти планы не были реализованы. Повлияло на решение Пепеляева оставить в Забайкалье и эмигрировать в Харбин отношение к происходящим процессам населения региона, которое, со слов генерала, было не только идейно против белой власти, но и фактически вело борьбу с ней [21].

Будучи в Забайкалье, Пепеляев не оставлял для себя возможности, в случае развязывания военных действий между РСФСР и Японией, выступить на стороне советской власти [22]. В условиях поражения колчаковских сил в Сибири в офицерских кругах белой армии стали оформляться группы, высказывавшиеся о необходимости прекращения противостояния. В их рядах были и те, кто напрямую говорил о возможности перехода на сторону РККА. В июле 1920 г. инициативная группа пепеляевских офицеров во главе с бывшим начальником штаба 1-ой Сибирской армии полковником А.Н. Буровым прибыла в Благовещенск из Харбина для проведения переговоров с Амурским ревкомом. Большевикам офицеры заявили о намерении, прекратив вооруженную борьбу, вернуться в Россию [23, С. 78–79]. Но, Пепеляев прекратил переговоры, несмотря на заявления группы о том, что продолжать работу с амурскими властями можно и необходимо. Причина отказа была в том, что сведения, привезенные делегацией, его не удовлетворили. В планах Пепеляева было создание крестьянского правления в России, основанного на сохранении православных традиций, русской самобытности и семейных ценностей. Эти идеи предопределили его отказ от поддержки, как белоэмигрантских сил, так и предложений перейти на сторону большевиков [21]. В эмиграции Пепеляев активной политической деятельности не вел, сосредоточился на материальной поддержке своих соратников. Но его авторитет способствовал тому, что и большевики, и их противники рассчитывали склонить генерала на свою сторону [24, С. 516–518].

Начало 1920-х гг. ознаменовалось низвержением одних и воцарением других политических режимов. В это время и весь Дальний Восток был неспокоен. В мае 1921 г. в Приморье к власти пришли братья Меркуловы, возглавившие Временное Приамурское правительство [25]. К концу 1921 г. повстанцы из числа местного населения свергли советскую власть в части Якутии и областном съезде в с. Чурапчи сформировали Временное якутское областное народное управление. Этот же съезд принял решение о направлении представителей во

Владивосток для получения поддержки власти Меркуловых. Но по разным соображениям представителям Якутии, было отказано в посылке туда специального отряда. Тогда якутские делегаты обратились к Совету уполномоченных сибирских организаций, который существовал при власти Меркуловых автономно. Совет установил контакт с находившимся в Харбине А.Н. Пепеляевым, предложив возглавить поход в Якутию войскового формирования (изначально – Отряд северной милиции, затем Сибирская добровольческая дружина). Его комплектовали бывшими военнослужащими Сибирской армии [3, С. 13–16, 23]. Согласие на командование этим формированием после контактов с представителями из Якутии, Пепеляев объяснял так: «Впечатление создалось такое, что Родина гибнет» [22]. В военно-политическом пространстве Приморья того времени господствовали каппелевцы, пришедшие в регион после поражения колчаковских войск в Сибири, но генерал не выказывал им поддержки, принимая во внимание их сотрудничество с японцами [22]. К моменту отправки дружины в Приморье установилась власть генерала М.К. Дитерихса, заявившего о восстановлении в России монархии, что было чуждо взглядам А.Н. Пепеляева [26].

В конце августа 1922 г. дружина отправилась к охотскому побережью и к концу сентября в полном составе высадилась на берег, получив поддержку отрядов В.А. Коробейникова и А.А. Рязанского [3, С. 23–24]. Уже в походе, Пепеляев, ставя перед собой вопрос о целесообразности продолжать борьбу с советской властью, видел и то, что местные жители не имели симпатий к большевикам [27, С. 25]. Сомнения не поколебали его решимости. В ответ на «Декларацию Революционного комитета и Совета народных комиссаров Якутской АССР, по поводу вступления на территорию Якутской АССР пепеляевских войск» от 14 октября 1922 г., характеризовавшую участников похода как «заклятых врагов якутского народа» и «отбросы российской контрреволюции», призывавшую их к сдаче в плен «на милость советской власти», генерал ответил заявлением, где ключевыми были слова: «Интернационализму мы противопоставляем горячую любовь к Родине и русскому народу, безбожию – веру в Бога и партийной диктатуре коммунистов – власть всего народа» [3, С. 26–36]. Твердости в тех мыслях Пепеляеву придавали и поступающие к нему прошения от населения с призывом о защите.

В военном отношении действия сил Пепеляева были бесперспективны. Отряду генерала противостояли серьезные формирования РККА [28]. В начале июня 1923 г. красные освободили Охотск, а 17 числа взяли Аян, где сдались А.Н. Пепеляев и около 70 бойцов его дружины. С 15 января по 3 февраля 1924 г. в Чите прошло заседание Военного трибунала 5-й армии, результатом которого, за насильственные действия по отношению к советской власти были осуждены сам генерал (приговорен к расстрелу) и 76 его соратников [29]. Но 4 февраля 1924 г. трибунал получил телеграмму из Москвы: «Президиум ЦИКа

СССР предлагает исполнение смертного приговора над осужденными Пепеляевым и другими по его делу немедленно приостановить» [30]. В плену генерал раскаялся, признав успехи советской власти. В обращении от 24 января 1924 г. Пепеляев и иные обвиняемые призвали всех, кто находился за пределами страны вернуться на Родину, прекратив вооруженную борьбу, что говорило о том, что свой идеологический поиск генерал так и не завершил.

Результаты исследования. После Гражданской войны в эмиграции, переосмысливая прошлое, многие бывшие офицеры приходили к выводу о том, что формулу «армия вне политики» им навязали в примитивной трактовке. Тогда как ставшие для них политическими противниками большевики, эффективно использовали армию для решения стоявших перед ними задач, а политическое ориентирование русских офицеров становилось важнейших из вновь возникающих задач. Имперская власть это не осмыслила, не сумев сделать правильных выводов из событий, которые сотрясли Россию еще в 1905 г. Трагедией русского офицерства в эпоху революции стал его раскол на «красных» и «белых». И в ряду последних, несмотря на их декларируемое неприятие большевизма, не было единого идеологического фундамента. Но присутствовал идейный раскол: это показала судьба А.Н. Пепеляева.

Список источников и литературы

1. Шабельникова Н.А. «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 2. С. 74–87.
2. Строд И. В якутской тайге. Якутск: кн. изд-во, 1973. 360 с.
3. Вишневский Е.К. Аргонавты белой мечты. Якутский поход Сибирской добровольческой дружины. Описание Якутского Похода Сибирской Добровольческой Дружины, со вступ. ст. В. Логинова. Харбин, 1933. 197 с.
4. Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919): в двух книгах. Новосибирск: ГЕО, 2013. 675 с.
5. Юзефович Л. Зимняя дорога. Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922–1923. Док. роман. М.: АСТ, 2015. 432 с.
6. Разведчик. 1906. № 816. С. 479.
7. Разведчик. 1907. № 854. С. 133.
8. Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 48–49.
9. Дальневосточный путь. 1924. 18 янв.
10. Грамота Временного Сибирского Правительства членам Западно-Сибирского Комиссариата // Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского Правительства. 1918. № 1. С. 2–3.

11. Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. 11 июля.
12. Омский вестник. 1918. 22 июня.
13. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.). Сб. док. и мат. Новосибирск: Сова, 2007. 818 с.
14. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 256.
15. Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. 1928. № 4. С. 36–68.
16. Советская Сибирь. 1924. 30 янв.
17. Приамурье. 1918. 10 окт.
18. Сахаров К.В. Белая Сибирь: Внутренняя война 1918–1920. Мюнхен, 1923. 324 с.
19. Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). М.: Айрис-Пресс, 2013. 672 с.
20. ГАХК. Ф. П–1103. Оп. 1. Д. 64.
21. Заря. 1920. 26 авг.
22. Советская Сибирь. 1924. 2 февр.
23. Щит и меч Приамурья. Книга об амурских чекистах. Благовещенск: Амурск. отд–е. Хабаровск. кн. изд–ва, 1988. 270 с.
24. Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М: АСТ; Ермак, 2003. 695 с.
25. Вечерняя газета. 1921. 27 мая.
26. Русская армия. 1922. 4 авг.
27. А.Н. Пепеляев. Из дневника // Илин. 1991. № 3. С. 25–28.
28. Антонов Е.П. Якутия: последние сражения Гражданской войны (поход генерала А.Н. Пепеляева в Якутию в 1922–1923 гг.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 3. С. 34–43.
29. Советская Сибирь. 1924. 7 февр.
30. Советская Сибирь. 1924. 16 февр.

Для цитирования: Бучко Н.П. Идеинный раскол офицерства в годы Гражданской войны в России. Генерал А.Н. Пепеляев // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 37–43.

© Бучко Н.П., 2023

РАБОТНИКИ ШТАБА ПРИВОЛЖСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА КРАСНЫХ ПОД БЕЛЫМ СЛЕДСТВИЕМ В 1919 г.

Ганин Андрей Владиславович¹

¹ Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

¹ andrey_ganin@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 1144-9875

Аннотация: В статье анализируются материалы следствия в отношении работников ПриВО красных, проводившегося в белой Сибири в 1919 г. Штаб этого военного округа в июне 1918 г. при захвате Самары чехословаками перешел от красных на сторону антибольшевистских сил, многие работники штаба заняли ответственные посты в антибольшевистском лагере, но позднее было проведено расследование обстоятельств службы некоторых перебежчиков в РККА. Данные следственные материалы представляют собой ценный исторический источник.

Ключевые слова: военная антропология, Гражданская война, Приволжский военный округ, офицерство, РККА, Белое движение, военспецы, В.В. фон Нотбек, А.И. Прозоров.

Одной из особенностей Гражданской войны в России были переходы военнослужащих из одного лагеря в другой. Это явление касалось не только рядовых, но и командного состава, порой приобретая коллективный характер. Подобным заметным эпизодом стали события в Самаре в июне 1918 г., когда на сторону антибольшевистских сил перешел штаб ПриВО красных [1, С. 227–230]. До сих пор оставались неизвестными материалы расследования случившегося, проведенного в белой Сибири в 1919 г.

В начале мая 1919 г. при представлении в генеральские чины группы работников Главного артиллерийского управления военный министр генерал Н.А. Степанов заметил начальнику управления, что такое производство возможно лишь после расследования службы означенных лиц у красных и их реабилитации [2, Л. 1]. Среди представлявшихся были два офицера (А.В. Беклемишев и Н.А. Кожуховский), ранее служивших в штабе ПриВО, что привело к разбирательству по этому вопросу. Кроме того, в июне 1919 г. журнальной частью штаба Верховного главнокомандующего в Омске от неизвестного лица были получены воззвания и различные бумаги генерал-майора А.И. Прозорова о создании ПриВО весной 1918 г. [3, Л. 2]. У красных Прозоров занимал должность начальника хозуправления штаба округа, а в белой Сибири достиг поста товарища министра снабжений и продовольствия в колчаковском правительстве. Дежурным генералом штаба Верховного главнокомандующего бумаги, присланные анонимом, были направлены управляющему Военным министерством. Из этих документов следовало, что Прозоров активно участвовал в

формировании ПриВО (издавал приказы и даже рассылал воззвание к советам депутатов). В подписанном им воззвании Прозоров называл создание РККА – великим делом спасения Родины [3, Л. 2]. В дальнейшем Прозоров перешел на сторону Народной армии Комуча, став интендантом этой армии. Позднее попал в плен к красным, был арестован и умер в 1920 г. в заключении. Анонимное послание инициировало расследование обстоятельств советской службы как самого Прозорова, так и других руководящих работников штаба округа, перешедших в июне 1918 г. в Самаре на сторону антибольшевистских сил. При этом следствие отличалось избирательностью и касалось не всех перешедших от красных. Среди материалов расследования сохранился советский список служащих хозуправления ПриВО. У белых документ снабдили примечаниями с указанием тех должностей, которые вчерашние военспецы заняли в белой Сибири. Для приверженцев чистоты белой идеи картина выглядела не слишком радужно – большая группа бывших офицеров сначала примкнула к красным, а затем благополучно продолжила службу у белых, в том числе на высоких постах.

Для проведения расследования уже существовала необходимая база. 20 марта 1919 г., на фоне успешно развивавшегося весеннего наступления белых на Востоке России, вышло постановление Совета министров «омского» правительства о следственных комиссиях для расследования деятельности, прикосновенной к советской власти и иным мятежам и противогосударственным организациям офицерских и классовых чинов и врачей военного и морского ведомств, состоящих на действительной службе. Документ утвердил Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак [4, Л. 1]. Создавалась Центральная следственная комиссия при военном и морском министрах, а также местные комиссии при командующих войсками округов и в случае надобности при других начальниках. Эти органы должны были расследовать прежнюю службу офицеров, чиновников и военных врачей в РККА. Каждая комиссия включала председателя и 3-х членов. По штату в Центральной комиссии председательствовал генерал-лейтенант или генерал-майор, в местных – генерал-майор или полковник. Членами Центральной комиссии могли быть генерал-майоры или полковники, а местных комиссий – штаб-офицеры. Устанавливались и оклады – председатель Центральной комиссии получал 1360 руб., члены – 1120 руб. Председатель местной комиссии получал 1120 руб., члены – 880 руб.

Поскольку колчаковские армии в ходе наступления брали пленных, в том числе, бывших офицеров, Центральная комиссия должна была заниматься расследованием советской службы попадавшихся белым высокопоставленных лиц – ее были подведомственны все дела о генералах и штаб-офицерах, пользующихся правами не ниже командира отдельной части. В апреле 1919 г. был утвержден состав Центральной комиссии. Ее председателем стал помощник военного министра по казачьим делам генерал-майор Б.И. Хорошкин, членами: начальник 1-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Д.Я. Милович,

начальник 11-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор С.И. Лящик и состоящий в распоряжении Войскового атамана Сибирского казачьего войска генерал-майор И.С. Ефтин. Делопроизводитель – и.д. делопроизводителя Главного законодательно-финансового управления подъесаул Хомутов [4, Л. 36]. В мае 1919 г. была составлена инструкция следственным комиссиям [4, Л. 38].

Уже в апреле – мае 1919 г. наступление белых стало пробуксовывать, затем началось отступление. Соответственно, объем работы Центральной комиссии, занимавшейся генералами и штаб-офицерами, был невелик, нередко касаясь не новых пленных, а тех, кто уже давно служил у белых, но в первой половине 1918 г. имел неосторожность состоять в РККА.

От следователей требовалась беспощадность. Еще 6 мая 1919 г. военный министр Н.А. Степанов писал председателю Центральной комиссии по расследованию причастности офицеров к противогосударственной деятельности: «По полученным мною сведениям в Добровольческой армии генерала Деникина установлено беспощадное отношение к высшим воинским чинам, причастным к службе в Красной армии и учреждениях Советской власти. Решение это основано на взгляде, что высокое дело борьбы за освобождение Родины от захватных насилий большевизма должно быть основано на самоотверженности и не совместимо с какой-либо, даже провокаторской, деятельностью в рядах преступных убийц и разрушителей святой Руси. «Добровольческая армия не нуждается в провокаторах», – говорится в приказе генерала Деникина, т.к. заслуги таковой провокации ничтожны по сравнению с тем губительным злом, которое приносят России высшие воинские чины, помогая Красной армии своими знаниями и опытом. Все военные успехи большевиков являются тому свидетелями. Со своей стороны считаю этот взгляд совершенно правильным и предлагаю Центральной следственной комиссии им руководствоваться при своих суждениях. Решения Комиссии по всем делам высших чинов должны быть строги и неумолимо тверды. Чем выше ранг, тем большая ответственность. Пассивность и уступчивость командного состава создали у нас революцию, погубили в армии дисциплину, у офицеров – заветы воинского долга и чести, помогли злодеяниям большевиков и гибели Родины» [4, Л. 13–13об.].

На документе имелась резолюция А.В. Колчака: «Согласен». Впрочем, реальные расследования суровостью, насколько можно судить, не отличались. Тем более, что проверить оправдательные показания бывших военспецов возможности не было. Одним из наиболее ярких расследований стали дела бывших работников штаба ПриВО – генералов А.И. Прозорова, В.В. фон Нотбека, полковников А.В. Беклемишева и Н.Н. Оссовского и др.

История самарских событий была следующей. Штаб ПриВО начал формироваться весной 1918 г. в Самаре, для чего были использованы кадры бывшего штаба 1-й армии. Военным руководителем округа стал бывший генерал-лейтенант В.В. фон Нотбек, с осени 1917 г. командовавший 1-й армией; помощником Нотбека и начальником штаба округа – бывший генерал-майор Н.В. Пневский, ранее – начальник штаба 1-й армии. Начальниками управлений

штаба округа назначались К.Ю. Берендс, П.П. Петров, А.И. Прозоров и А.И. Крюгер [5, Л. 362об.]. Также в штабе служили генштабисты Г.К. Акинтьевский (начальник отдела), Л.А. Текелин (начальник отдела), М.Я. Саввич (делопроизводитель), Н.М. Щербаков (начальник отдела) и И.М. Финицкий (делопроизводитель) [6, Л. 175]. Кроме того, там служил окончивший 2 класса академии А.В. Беклемишев (помощник начальника отдела). В конце мая 1918 г. к ним присоединился и будущий вождь Белого движения на востоке России В.О. Каппель. В целом штаб представлял собой устоявшийся коллектив, костяк которого служил вместе более полугода [7, Л. 284–299].

Военрук В.В. фон Нотбек был настроен антибольшевистски. В годы Первой мировой войны он командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией, отрицательно относился к революционным порядкам и развалу старой армии. Однако он чувствовал ответственность за подчиненных, не считая возможным уйти со службы, видя своей задачей борьбу за сохранение армии и восстановление антигерманского фронта. При этом бывший генерал не собирался втягиваться в Гражданскую войну [3, Л. 30об.].

Штаб 1-й армии в феврале – апреле 1918 г. находился в Старой Руссе, занимаясь вопросами демобилизации. Давая в белой Сибири объяснения причинам, по которым он продолжил службу в РСФСР, Нотбек справедливо указывал, что другого правительства, кроме большевистского, в стране тогда не было, сохранялась германская угроза, союзники вели себя двусмысленно и рассчитывать на их помощь против большевиков не приходилось, Украина и Дон приняли германскую ориентацию, с белого Юга сведений не было, при наличии надзора за военспецами бежать было невозможно и некуда. Фон Нотбек отвечал примерно за 200 сотрудников штаба армии, что требовалось учитывать при любых решениях. Также он отметил, что большевизм стал следствием бездарной политики Временного правительства и недолговечен, а офицеры должны ускорять его падение, если не революционным, то эволюционным путем. По мнению Нотбека, большевики вынуждены сотрудничать с интеллигенцией, что дает возможность последней легально сорганизоваться и подготовить открытое выступление, а это невозможно при переходе на нелегальное положение и разрозненности [3, Л. 32-32об.].

Бывшие военспецы отмечали, что служили своей стране, а не режиму. В.В. фон Нотбек 29 октября 1919 г. показал, что «как потомок известного в России дворянского рода, а по женской линии потомок герцогов анжуйских, никогда не служил “у власти”, а служил Родине “при той или иной власти” в тех заветах, которые столетиями передавались от отца к сыну, т.е. заветах, ставивших интересы Родины выше всего, а, тем более, выше своего личного я и угодничества перед властью» [3, Л. 26]. Полковник Н.Н. Оссовский 20 октября 1919 г. написал, что «служил не большевикам, а Родине» [3, Л. 48]. Полковник А.В. Беклемишев 3 мая 1919 г. сообщил, что, «прослужив 35 лет в офицерских чинах при 37-летней общей службе и будучи участником двух кампаний, я никогда не служил и не думал служить большевикам, служил же всегда

только Родине» [2, Л. 16]. Аналогичным было заявление полковника Н.А. Кожуховского от 27 апреля 1919 г.: «Я большевикам никогда не служил и не намеревался служить. Я даже не допускаю мысли, чтобы кто-нибудь мог заподозрить меня, старого строевого артиллериста, прослужившего 32 года в офицерских чинах, в склонности или желании служить большевизму... Дальнейшую реабилитацию себя в этом крайне оскорбительном для меня подозрении считаю излишней и бесполезной!» [2, Л. 17об.].

В поведении офицеров свою роль играл и фактор коллективной сплоченности, совместной службы в штабе 1-й армии. Принципиальные решения о продолжении службы и присоединении к той или иной стороне в такой устойчивой группе военных работников принимались коллективно. Не случайно, Беклемишев на следствии в 1919 г. показал, что когда в середине апреля 1918 г. Нотбеку предложили сформировать штаб округа, бывший генерал провел собрание всех чинов штаба, которое постановило согласиться продолжить службу при условии неучастия во внутренней междоусобной борьбе [2, Л. 15]. По свидетельству полковника Оссовского, «в бытность еще в Старой Руссе, в конце апреля, на совещании у начальника штаба 1-й армии, единогласно было постановлено, что штаб армии реформируется в штаб Поволжского окружного штаба, как специальный технический аппарат для формирования исключительно только боеспособных дивизий, для исключительной только борьбы против германских полчищ, причем было поставлено условие, что... в политике или же в борьбе против не германцев штаб участвовать не будет» [3, Л. 48–48об.]. Генерал П.П. Петров вспоминал, что, чины штаба еще до переезда на Волгу письменно обратились к председателю Высшего военного совета и наркомму по военным делам Л.Д. Троцкому с заявлением, что начнут работать в округе лишь при условии, «если не будут привлекаться к работе на внутреннем фронте» [8, С. 10].

Из Москвы приходили обнадеживающие известия об отмене выборного начала в армии, о восстановлении военных округов и воинской дисциплины, об изменении отношения к бывшим офицерам. Работникам штаба 1-й армии предложили выбрать округ, в штаб которого предстояло реформироваться. Обсуждались варианты Архангельска или Самары. В первом случае речь шла о надеждах на высадку союзников. Поволжье выбрали из-за близости Уральской области с антибольшевистски настроенным казачеством [3, Л. 32об.]. В Самару штаб прибыл в начале мая 1918 г. Настроения работников штаба выразил в своих мемуарах бывший полковник (затем – генерал) П.П. Петров. По его словам, «все мы тогда плохо знали, или закрывали глаза на то, что делалось на юге, и считали, что в интересах русского дела, надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат. Вспышки Гражданской войны нас непосредственно не касались <...>» [8, С. 245].

Свидетельства работников штаба об их стремлении уклониться от службы на внутреннем фронте подтверждаются воспоминаниями председателя Высшей военной инспекции Н.И. Подвойского о встрече с военспецами: «Был случай в

Самаре, когда я приехал, положение на фронте было самое трагическое, казалось, там есть большой аппарат, военно-окружной комиссариат – 350 человек государственных людей с большими именами, Пневский, Руднев и другие. Я сказал: вам придется взять на себя руководство обороной. – Как руководство обороной, это внутренняя борьба. Я говорю, внутренняя или внешняя – это определяет государственная власть, а в настоящий момент вы – те государственные силы военные, которые могут способствовать государству, чтобы никакие мятежи, никакие потрясения государственного организма не происходили в Самаре. Завтра благоволите разработать план. Первый раз в жизни мне пришлось слышать от умного человека и от людей, проработавших чуть не 40 лет, как Пневский, прошедший все стажы, чтобы он сказал такую нелепость: “Но нас приглашали заниматься административной работой”. Это человек, которого учили, начиная от кадетского корпуса и военного училища, что ты – государственный человек, государственная точка зрения никаких рассуждений не допускает, если тебе правительство и твое непосредственное начальство приказывает, ты не имеешь права рассуждать. Деморализация прошла так глубоко, что позволила продиктовать такую реплику» [9, Л. 13]. На самом деле причина была не в деморализации старых опытных генштабистов, а в их наивной вере в то, что можно будет избежать втягивания в Гражданскую войну. Но рано или поздно им пришлось делать свой выбор. Подвойский пригрозил военспецам репрессиями, также был поставлен вопрос об эвакуации штаба в Саратов или Казань. О конфликте с Подвойским по вопросу о вовлечении штаба в Гражданскую войну писал и П.П. Петров [8, С. 245]. Нотбек указывал, что решил не исполнять приказ о направлении генштабистов для руководства операциями под Уфой [3, Л. 33]. Конфликт с представителями РКП(б) во многом предопределил переход штаба на сторону антибольшевистских сил.

Председатель Курганского военно-окружного суда генерал-лейтенант В.А. Тыртов, работавший в первой половине 1918 г. в Самаре нотариусом, показал, что штаб ПриВО считался контрреволюционно настроенным, поэтому горожане относились к его сотрудникам хорошо [3, Л. 11]. Видный деятель самарского подполья генерал Н.А. Галкин позднее свидетельствовал о наличии связи его организации со штабом ПриВО: «Позиция, занятая ПриВО (офицеров, находящихся в штабе) была следующая. Они согласны были, как об этом много говорил генерал Шерпантье, во время переворота не мешать нам, но в открытую он помогать боялись, ибо считали дело обреченным на неудачу. В случае же успеха они готовы были, по их словам, приложить свои силы и знания к расширению и укреплению достигнутых успехов. Таким образом, офицеры ПриВО от открытой поддержки воздержались, ограничившись действиями, помогающими организации: плохая охрана складов оружия и т.п.» [10, Л. 4–5; 11, С. 46].

8 июня 1918 г. Самара была занята чехословаками, началось формирование Народной армии Комуча. Значительная часть работников штаба (офицеры, чиновники, телеграфисты, писари, хозяйственная часть) перешла на сторону но-

вых властей. По некоторым данным, указание штабу округа остаться в Самаре дал Подвойский [12, Л. 115]. С другой стороны, П.П. Петров отмечал, что перед приходом чехов часть штаба была отправлена в Симбирск [8, С. 245]. Это же подтверждает и официальная советская история округа, где указано, что эвакуация производилась по приказу Подвойского. Часть сотрудников с комиссаром А.Ф. Долгушиным (в прошлом — матрос, член ЦК Балтийского флота) добрались до Симбирска и далее должны были выехать в Казань, куда предполагалось передислоцировать штаб округа, другая группа с комиссаром А.Н. Войтовым (в прошлом — председатель армейского комитета 1-й армии, штаб которой был преобразован в штаб округа), походным порядком ушла в Саратов и далее выехала в Москву. В составе этой группы был и начальник штаба округа Пневский [13, С. 32–33].

Есть данные о том, что уже после захвата Самары чехословаками комиссар Войтов и военрук Нотбек издали секретный приказ о том, чтобы служащие поодиночке ехали в Симбирск [14, С. 84]. Мотивы издания такого приказа неясны. Также интересно, что когда позднее заместитель Троцкого Э.М. Склянский разыскивал Нотбека, ему сообщили, что военспец остался не сам, а был задержан в Самаре чехами [15, Л. 310].

Картина перехода штаба к противнику красноречива. Из 13-ти выпускников старой Военной академии, служивших в штабе, к белым перешли десять: Акинтиевский, Беклемишев, Каппель, Нотбек, Петров, Прозоров, Саввич, Текелин, Финицкий и Щербаков. К ним не присоединились лишь 3-е: Берендс, Крюгер и Пневский. У последних были свои причины. Бывший подполковник Берендс не попал в Народную армию вместе с остальными только по случайному стечению обстоятельств (выезжал в начале июня в Вологду, чтобы перевезти в Самару семью и попросту не успел к смене власти в городе) [6, Л. 118-119об.]. Бывший генерал Крюгер был уже немолод и тяжело болел, осенью 1918 г. он считался совершенно не пригодным к строевой службе [16, Л. 29]. Вероятно, по этим причинам летом 1918 г. он избежал перехода к противнику. Начштаба округа бывший генерал Пневский не верил в успех антибольшевистского сопротивления и уехал в сторону Саратова, несмотря на то, что уходившие к противнику сослуживцы уговаривали его присоединиться к ним [8, С. 18]. Подобное решение в той обстановке потребовало с его стороны больше мужества, чем присоединение к остальным. Возможно, он попал под влияние комиссара Войтова. Нотбеку Пневский жаловался на беспокойство за судьбу супруги. Кроме того, отец генерала, отставной генерал от инфантерии В.И. Пневский, жил в Смоленске, что также ограничивало выбор сына, хотя тот сочувствовал белым. Пневский переоделся в штатское, а супруга надела костюм сестры милосердия – в таком виде они покинули Самару [3, Л. 45–46]. В итоге Пневский всю Гражданскую войну прослужил в РККА и даже занимал важный пост начальника штаба советского Южного фронта, умер он в 1928 г. в СССР. У Пневского имелись и родственные связи в руководстве РККА – он приходился шурином начальнику Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяеву.

Управляющий военным ведомством Комуча Н.А. Галкин вспоминал: «Руководителем передового отряда, который вел эти бои, был капитан Каппель из ПриВО. Он служил в ПриВО, занимал какую-то должность в штабе. Когда белые захватили власть, то всему штабу ПриВО было предложено вступить в Нар[одную] армию. Генерал Пневский, начальник штаба, отказался вступить. Точно так же отказался вступить другой генерал, который был начальником ПриВО. Оба эти генерала отказались вступить, сказав, что считают это авантюрой, ибо знают силы Красной армии и полагают, что все мы будем в ближайшее время разбиты. Мы проявили к ним большой либерализм – они были отпущены, и оба на пароходе уехали (пароходы в то время еще ходили) в Москву. Пневский умер здесь в Москве. А остальные офицеры ПриВО все примкнули, в том числе и Каппель» [17, Л. 30; 11, С. 75]. Галкин был неточен, поскольку, как уже известно читателям, военрук Нотбек тоже примкнул к белым, хотя отказался от предложенного ему поста командующего. В позднейших объяснениях Нотбек сообщил, почему летом 1918 г. он не встал во главе антибольшевистских сил. Прежде всего, Нотбек не считал Комуч всероссийской властью, опасаясь того, что борьба с уходом чехословаков, став авантюрой, повлечет кровопролитие. Нотбек отметил, что имел свой план борьбы с большевиками, готовившийся совместно с руководством соседних военных округов. Кроме того, он опасался репрессий в отношении тех единомышленников, кто остался в РСФСР или стоял во главе иных округов. Ссылаясь он и на то, что не подходил на роль диктатора, а также болел.

Самарские события оказались благоприятными для основной массы штабных работников, кому по факту не пришлось ничего делать, чтобы оказаться в антибольшевистском лагере (они даже продолжили работу в том же здании), куда, судя по всему, они и стремились. Те, кто по каким-либо причинам не мог покинуть ряды РККА, бежали из Самары. Но уклониться от вовлечения в Гражданскую войну (на чем они настаивали весной 1918 г.) работники штаба ПриВО не смогли – перебежчики сразу вошли в различные военные структуры белых. С одной стороны, это было неизбежно, с другой – по-видимому, речь шла лишь о нежелании втягиваться в конфликт на стороне красных. Отметим, что белое командование не имело оснований усомниться в лояльности перебежчиков. Так, перешедшие от красных В.О. Каппель и П.П. Петров, став генералами, достигли высших постов в военной иерархии в белой Сибири. Каппель с конца 1919 г. и до своей гибели был главкомом Восточного фронта белых. Петров был начштаба Белоповстанческой армии и Земской рати в 1921–1922 гг.

Судьбы перебежчиков сложились по-разному. Генерал Каппель умер в 1920 г. в Сибирском Ледяном походе белых. Подполковник Г.К. Акинтиевский, генералы П.П. Петров и Н.М. Щербаков, полковник М.Я. Саввич умерли в эмиграции. В плен РККА попали генералы А.В. Беклемишев (чин генерала у белых он получил летом 1919 г.), С.А. Зубов, В.В. фон Нотбек, А.И. Прозоров, С.В. Руднев, полковники Н.Н. Оссовский, Л.А. Текелин и И.М. Финицкий. В большинстве своем они арестовывались, судьбы многих были трагичны. Нотбек в 1921 г. был убит (умер) в Верхнеудинске. Текелин расстреляли в 1921 г. Про-

зоров умер в тюрьме Казани осенью 1920 г. Оссовский вышел на свободу в 1922 г., но потом не раз арестовывался. Беклемишев и Финицкий вновь попали в РККА. Руднев служил в НРА ДВР. Оставшиеся в 1918 г. формально верными красным К.Ю. Берендс и Н.В. Пневский умерли в СССР. А.И. Крюгер всю Гражданскую войну служил в РККА, дальнейшая его судьба неизвестна. Белое следствие по делу военспецов-артиллеристов Беклемишева и Кожуховского летом 1919 г. завершилось. На судебном заседании 3 июля они были оправданы, поскольку артиллерийское управление лишь формировалось, а на предложение Подвойского принять участие в борьбе с чехословаками ответило отказом, кроме того, после переворота в Самаре офицеры сразу же поступили на службу в Народную армию [2, Л. 32, 34]. Что касается расследования деятельности ключевых работников ПриВО, то оно затянулось до поздней осени 1919 г., когда Восточный фронт белых стал разваливаться, и, насколько можно судить, до суда так и не дошло.

Список источников и литературы

1. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2016. 680 с.
2. ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 10.
3. ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 21.
4. ГАРФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 1.
5. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122.
6. РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125.
7. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1265.
8. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига: изд-е М. Дидковского, 1930. 256 с.
9. РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26.
10. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 885.
11. Боевой восемнадцатый год: Сб. док-тов и восп. М.: Русская книга, 2018. 592 с.
12. РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 20.
13. Краснознаменный Приволжский. Куйбышев: кн. изд-во, 1980. 480 с.
14. Ненароков А.П. Восточный фронт 1918. М.: Наука, 1969. 280 с.
15. РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57.
16. РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1120.
17. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 243.

Для цитирования: Ганин А.В. Работники штаба Приволжского военного округа красных под белым следствием в 1919 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 44-52.

ПРЕСТУПНОСТЬ И БОРЬБА С НЕЙ В ОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1921 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Глазунова Татьяна Владимировна¹

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия

¹ tanj-gl@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9934-4024

Аннотация: В статье на основе периодической печати анализируется криминогенная обстановка в Омской губернии в 1920–1921 гг. Изучены различные формы преступлений, причины увеличения их числа, а также работа местных правоохранительных органов по их раскрытию. В заключении сделаны выводы об исторических особенностях борьбы с преступностью на завершающем этапе Гражданской войны.

Ключевые слова: правоохранительные органы, милиция, Гражданская война, ВЧК, спецслужбы, преступность, бандитизм, контрреволюционные преступления, повседневность, Омск.

Постановка проблемы. Актуальность темы исследования связана с тем, что современная историография уделяет значительное внимание политическим и социально-экономическим процессам, влиявшим на общественную безопасность в России. Отдельный интерес представляют периоды тяжелых экономических и политических кризисов, изменений политической системы, войны. Характерный пример тому – события Гражданской войны в России. Выявление эффективных методов противодействия преступлениям, которые имели место в первые годы становления новой власти, имеет значение для изучения общественно-политической и повседневной жизни страны. Ухудшилось социально-экономическое положение населения, повсеместно наблюдались разруха и безработица, которые вели к росту правонарушений, тем более что одним из последствий Гражданской войны в России стало наличие значительного количества оружия на руках у граждан. Вместе с тем большое число представителей мужского населения являлись комбатантами, подчас, имевшими серьезный боевой опыт.

В Омской губернии в период восстановления советской власти произошел всплеск вооруженной преступности, которая появилась на данной территории из-за ослабления или неэффективного взаимодействия правоохранительной системы, спецслужб, органов государственной власти и вооруженных сил. Последовавший затем переход к мирной жизни и нэпу лишь отчасти сгладил ситуацию. В регионе оставался высоким уровень преступности, в том числе, бандитизма. К изучению борьбы властей с уголовными правонарушениями в годы Гражданской войны историки уже обращались не раз, в том числе, к ситуации в Омском Прииртышье. В трудах характеризованы общая криминогенная ситу-

ация, выявлены различные формы бандитских акций, методы борьбы с преступниками и др. [См. напр.: 1–8].

Основная часть. Революция и Гражданская война сопровождались усилением и распространением массовой преступности из-за изменений в политической сфере, ухудшением жизненных условий, стихийными амнистиями и др. В 1920–1921 гг. ситуация в Западной Сибири осложнялась усилением недовольства крестьян политикой военного коммунизма, всплеском бандитизма, эпидемиями тифа и холеры, голодом, безработицей и др. Преступления нередко носили не только уголовный характер, но и существовали признаки деструктивного характера политических процессов, маргинального и девиантного поведения из-за многообразия форм своего проявления. В итоге этих процессов усиливалась криминальная обстановка, которая усугублялась из-за тотальной вооруженности населения, отличавшейся массовостью и высокой скоростью распространения. И.В. Курышев отметил: «Преступность, подобно зеркалу, отражает отрицательные черты социокультурного, бытового уклада жизни населения, характеризует деформации в морально-правовой и нравственной сферах общества» [2, С. 31].

В докладе Центральной комиссии по восстановлению разрушенных хозяйств Сибири (май 1921 г.) отражены неполные цифры, но даже по ним видна тягостная картина одного из драматичных последствий Гражданской войны: «От рук карательных банд пострадали 53 916 хозяйств. Ими же сожжено 6124 жилых домов и 14 789 хозяйственных построек, уведено 53 064 лошадей, уничтожено 2768 разных с.[ельско]-хоз.[зяйственных] орудий, отнято хлеба 1 563 733 пуда. Сюда не входят и другие истребления, как увод мелкого скота, комплектов сбруй, перевозочных орудий и пр.[очих] предметов, необходимых для поддержки на уровне благоустройства крестьянского хозяйства» [9, С. 1].

Вместе с тем развивались различные виды преступлений (кражи, хищения общественной и личной собственности граждан, вымогательство, взяточничество, нарушения общественного порядка, должностные преступления, подделка документов и печатей, самогоноварение и др.), усиливался бандитизм, который часто квалифицировался новой властью как «контрреволюционные преступления или преступления против завоеваний революции». Часто обзоры по таким преступлениям публиковались в главных газетах губернии – «Советская Сибирь» и «Рабочий путь». Так, 2 сентября 1920 г. в Омском губернском ревтрибунале слушалось дело братьев Петра и Пантелеймона Копыловых, обвиняемых в контрреволюционных действиях. Петр Копылов, называвшийся анархистом и не признававший никакой власти, после свержения советской власти добровольно пошел работать в Следственную комиссию по привлечению к ответственности бывших советских работников в Ишиме и лично принимал участие в их аресте. В комиссии он проработал 17 дней. Трибунал приговорил братьев к заключению в лагерь принудительных работ «на все время Гражданской войны» [10, С. 4]. За июль и август 1920 г. в губернский ревтрибунал поступило 338 дел и из них окончены были производством – 245.

Наибольшее количество дел заведено за «контрреволюцию» и «предательство» – 162 дела, о спекуляции – 25 дел, о преступлениях по службе – 32, о дезертирстве – 5 дел и дела разного характера – 114. В открытых судебных заседаниях было рассмотрено 144 дела, по ним осуждено 287 лиц. Из них приговорены: к расстрелу – 10 чел., к принудительным работам с лишением свободы – 91 чел., к заключению в лагерь – 39 чел., к принудительным работам без лишения свободы – 25 чел., к условным наказаниям – 40 чел. и к другим разным наказаниям – 18 чел. Оправдано 37 чел. С начала 1920 г. в губернском ревтрибунале было окончено более 1200 дел [10, С. 4].

Отмечались кражи имущества из магазинов, складов, булочных, больниц, у частных лиц. Так, 30 ноября 1920 г. губернским ревтрибуналом разбиралось дело по обвинению 25-летней жительницы Омска К.А. Останиной в расхищении белья туберкулезной больницы. Следствие установило кражу 222 единиц белья. Часть краденого правоохранители нашли у Останиной на квартире, а остальное – было распродано. К.А. Останину приговорили к расстрелу [11, С. 4].

29 июля 1920 г. в губернском ревтрибунале слушалось дело о сотруднике губернского совета народного хозяйства Я.Н. Панове, народном следователе П.Ф. Кононике и народном судье Н.И. Давыдове, обвиняемых в пьянстве, и первого, кроме того, в даче взятки. На суде выяснилось, что Панов 28 июня пригласил к себе на дачу Каноника и Давыдова, где они распивали алкоголь. «Гости от выпитого “развеселились”, чем привлекли внимание милиции». Чтобы «замять дело», Панов пытался дать взятку милиционерам в размере 15 000 руб. В результате следствия было установлено, что Панов «вел роскошный образ жизни, тратя громадные суммы на ужины и кутежи; было в изобилии продуктов; сам был чуть ли не каждый день выпивший, не проходило ни одной недели, когда к нему не собиралась компания до 20 человек. Панов цены деньгам не знал: за проезд от Загородной роши до Иртыша и обратно платил по 15 000 руб. Продукты особыми поставщиками доставляли столько, что их не поедали, – они портились и в большом количестве выбрасывались». Трибунал приговорил Панова к расстрелу, а его имущество конфисковали в пользу государства. Каноника и Давыдова подвергли общественным работам с лишением свободы на 2 года (условно) со сроком испытания год [12, С. 4].

Интересно письмо гражданина Ф.В. Ножкина в редакцию газеты «Советская Сибирь»; он обращался к убийце своего брата, убитого 28 ноября 1920 г. по дороге из пос. Черемушки. Ножкин просил убийцу сообщить о местонахождении трупа [13, С. 4].

Пристальное внимание борьбе с преступностью уделяли и омские чекисты. Так, в 1920 г. Омской губернской ЧК к расстрелу были приговорены:

- член коллегии Сибирского продовольственного комитета А.Г. Благовещенский за взяточничество и спекуляцию с использованием своего служебного положения, за пьянство и игру в карты с крупными ставками;
- уполномоченный Петроградского Союза строительных работ В.С. Романовский за растрату 1 млн. руб., принадлежащих Союзу денег;

- начальник отделения вспомогательных предприятий Эксплуатационного отдела Сибирского округа путей сообщения С.М. Пржесмыцкий, конторщик Единого рабоче-крестьянского потребительского общества Д.А. Чекрыгин, а также граждане И.Г. Федосеев, М.Ф. Гребенников, П.Г. Тихомиров и др. – фальшивомонетчики;

- К.А. Анореев и А.А. Шаров за подделку документов и печатей советских учреждений;

- З.А. Тутышкина за спекуляцию кокаином, сахаринном, медикаментами;

- И.И. Орлов за побег из концлагеря, проживание по подложным документам и за вооруженное сопротивление при аресте [14, С. 4; 15, С. 4].

Карательные меры Омской губернской ЧК, как и аналогичная деятельность губернского ревтрибунала, освещались в 1919–1921 гг. (с разной степенью подробности) в тематических рубриках на страницах местной печати [См. подр.: 16].

За 4 первых месяца 1921 г. усилиями сотрудников Сибирского и Омского губернского уголовного розыска было ликвидировано 25 шаек бандитов, «поставивших своей целью систематическое совершение грабежей, убийств, взломов государственных складов». Большинство бандитов были арестованы с оружием в руках, часто при задержании они оказывали сопротивление. Все задержанные имели богатое уголовное прошлое, что отмечала пресса:

- Антонов–Бобыкин, главарь шайки в 30 чел., по инициативе которого совершались убийства и ограбления потребительских лавок. 11 чел. из них маскировались милиционерами в показательном отряде Сибирской милиции и совершили 17 вооруженных ограблений;

- шайка из 18 чел. разыскиваемого в Сибири бандита Агея Семёновича Кучерова, совершила целый ряд вооруженных грабежей, краж и конокрадства;

- шайка грабителей-взломщиков государственных складов, главари которой Клементьев («Сахатый»), Пенчо («Ванька Грек»), Водокревич («Юзик Косой») были застрелены при задержании;

- шайка из 8 чел., которые совершили ряд вооруженных ограблений, в том числе, ограбив заимку на сумму около 3 млн. руб.;

- шайка убийц и грабителей, в которую входили Чесноков («Санька Лысый»), Деличенко («Ванька Чёрный»), Цигель, Крюков и Кутьянов;

- шайка воров и грабителей (20 чел.), которая снабжала оружием и подложными документами своих соучастников и скупала с целью сбыта похищенного и др. [17, С. 4].

Задержанных в количестве 300 чел., уличенных в различных преступлениях, передали в распоряжение Омской губернской ЧК [17, С. 4]. Здесь стоит подчеркнуть, что омские чекисты, в тот период активно занимавшиеся ликвидацией в губернии антисоветских вооруженных организаций, бывших сотрудников и агентуры белых спецслужб, приняли активное участие в подавлении бандитизма и борьбе с преступлениями служебного характера в советских учреждениях [См. подр.: 18; 19]. Это было связано с тем, что милиция не могла

в полной мере выполнять своих обязанностей, поскольку не была укомплектована ни качественно, ни количественно. Да, априори, в милицию, как и в органы ВЧК, старались набирать сотрудников с осторожностью, принимая «лиц, убежденно стоящие на платформе Советской власти и твердых в понимании служебной дисциплины» [20, Л. 4]. Но сказывались низкий уровень образования, квалификации и профессиональной подготовки сотрудников, дефицит вооружения и обмундирования, а также низкий размер жалования и опасность службы. Это приводило к текучке кадров в правоохранительных органах и, как следствие, – росту преступлений в регионе. В то же время, в тот период отмечались прецеденты раскрытия преступлений в слаженном взаимодействии милиции и чекистов [См., напр.: 21].

Результаты исследования. Подводя итоги, подчеркнем, что условия острого военно-политического противостояния в России и тотальной разрухи создали почву для глубоких социальных девиаций, ведя, как следствие, к ожесточенным формам проявления различных правонарушений, в большей степени ориентированных на имущественный характер. Ситуация в РСФСР была столь критична, что создавала широкую угрозу жизни государства и общества, что повлекло привлечение советских спецслужб к противодействию организованной преступности. В данной плоскости грань между органами правопорядка и органами безопасности в тот период фактически стерлась. Здесь мы согласимся с мнением авторитетного ведомственного историка Н.А. Шабельниковой об исторически сложившейся тождественности мер указанных структур [22, С. 74–75], в условиях социальных катаклизмов обеспечивавших в широком смысле внутреннюю стабильность в стране. Отсюда выглядит логичной беспощадность (и милиции, и ВЧК), как отличительная черта борьбы с организованной преступностью, воспринимавшейся как внутренний враг молодого советского государства на завершающей стадии Гражданской войны.

Список источников и литературы

1. Никулин В.В. Преступность как социально-правовое явление в 1920-е годы: тенденции и состояние // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 55–60.
2. Курышев И.В. К характеристике преступности и бандитизма в Западной Сибири (начало 1920-х гг.) // Вестник Том. государственного университета. История. 2012. № 1. С. 31–34.
3. Гранков А.Г. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступностью в годы нэпа // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 37. С. 665–668.
4. Кокоулин В.Г. Борьба с преступностью в Новониколаевске–Новосибирске в годы новой экономической политики // Сибирский архив. 2021. № 1. С. 102–121.

5. Фирсов И.Ф. Из истории охраны правопорядка в Тобольской губернии в период становления Советской власти (октябрь 1917 – май 1918 гг.) // Концепт. 2014. № 9. С. 66–70.

6. Сизов С.Г. Уголовная преступность в белом Омске в 1918–1919 гг. (на материалах периодической печати) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 79–85.

7. Шагланов А.Н. Борьба вооруженных сил и правоохранительной системы с бандитизмом в Омской губернии в 1919–1925 гг. // Наука и современность. 2011. № 10–1. С. 99–103.

8. Шагланов А.Н. Борьба с бандитизмом в Омской губернии и других регионах РСФСР в 1919–1925 гг. // Наука и современность. 2011. № 9–1. С. 38–40.

9. Сибирский красноармеец (Омск). 1921. 18 мая.

10. Советская Сибирь (Омск). 1920. 11 сент.

11. Советская Сибирь (Омск). 1920. 14 дек.

12. Советская Сибирь (Омск). 1920. 6 авг.

13. Советская Сибирь (Омск). 1920. 17 дек.

14. Советская Сибирь (Омск). 1920. 5 нояб.

15. Советская Сибирь (Омск). 1920. 10 нояб.

16. Стельмак М.М., Сушко А.В. «Расстрел врагов революции»: к вопросу о карательной политике советского государства в отношении бывших белогвардейцев в Омске в 1920 г. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: мат-лы II Всеросс. научн.–практ. конф (Омск, 19–20 окт. 2022 г.). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 208–215.

17. Советская Сибирь (Омск). 1921. 6 апр.

18. Бударин М.Е. Чекисты. Омск : кн. изд-во, 1987. 284 с.

19. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.

20. ГИАОО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 97.

21. Петин Д.И. Спекуляция аннулированными белогвардейскими деньгами: омский казус 1920 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 221–232.

22. Шабельникова Н.А. «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 2. С. 74–87.

Для цитирования: Глазунова Т.В. Преступность и борьба с ней в Омской губернии в 1920–1921 гг. (на материалах периодической печати) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 53–58.

ОСВЕЩЕНИЕ ЖИЗНИ ТЮМЕНИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В МЕМУАРАХ ПЕДАГОГА И БИБЛИОТЕКАРЯ Н. Н. ПОЛЯНСКОЙ

Гребенкин Алексей Николаевич¹

¹ Академия ФСО России, Орел, Россия

¹ angrebyonkin@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6750-0758

Аннотация: В работе дана характеристика жизни Тюмени в годы Гражданской войны по запискам педагога и библиотекаря Н.Н. Полянской, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Автор приводит сведения о том, какое отражение в мемуарах получили политическая и повседневная жизнь тюменцев в те годы.

Ключевые слова: историческая антропология, интеллигенция, педагоги, библиотекари, Гражданская война, Тюмень, мемуары, повседневность.

Постановка проблемы. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся воспоминания библиотекаря и педагога Надежды Николаевны Полянской (1889–1960). После ее смерти бумаги передали в библиотеку друзья и коллеги покойной в 1963 г. Но, судя по чистому листу использования, не привлекли внимания исследователей и не введены в научный оборот. Между тем эти мемуары – весьма ценный источник по истории России первой половины XX в. В них дана яркая характеристика жизни петербуржцев в начале XX в., подробно описаны учебные заведения, где училась автор (гимназия принцессы Ольденбургской, Педагогический институт). Поскольку Полянская 30 лет проработала в ряде школ, ее воспоминания представляют немалый интерес, как для историков, так и для педагогов. С 1939 г. и до выхода на пенсию в 1957 г. автор трудилась в библиотеке АН СССР (преимущественно, в филиале, в Ленинградском отделении Института истории). Следовательно, мемуары могут привлечь внимание историков библиотечного дела. Наконец, немало страниц в записках посвящено блокаде Ленинграда, во время которой Полянская потеряла мужа, единственную сестру Марию, друзей.

Почти всю свою жизнь Полянская прожила в городе на Неве. Но в ее биографии есть и сибирский период, что пришелся на годы Гражданской войны. Спасая себя и своего маленького сына Толю от голода, Надежда Николаевна приняла решение воспользоваться предложением сестры, проживавшей в Тюмени, и переехать туда, где еще можно было найти продукты. Ехала она туда на несколько месяцев, но задержаться пришлось на 2,5 года. обстоятельные записки Полянской позволяют судить о том, как шла борьба за власть на востоке России.

Основная часть. Впервые автор воспоминаний оказалась в Тюмени летом 1917 г. Она поехала туда за продуктами вместе с коллегой, учительницей О. Гренстранд. Старшая сестра Полянской Мария, жившая там с 1915 г., писала

ей о том, что с продуктами нет никаких проблем. Поездка была совершена во время каникул. С собой женщины привезли в Петроград муку, колбасу и ветчину. Между тем обстановка в столице накалялась. Полянскую, судя по ее воспоминаниям, беспокоила, прежде всего, безудержная инфляция (фунт хлеба на черном рынке стоил уже 50 коп., в то время как в магазине еще недавно продавался за 3 коп.). Исчезло мясо, приходилось питаться кониной. Поскольку не было дров, приходилось жить в нетопленной квартире. И в это время Полянская получила очередное письмо от сестры, где она писала, «что переворот у них прошел мирно, что жизнь идет спокойно, продовольствие имеется в изобилии» [1, Л. 171]. Это вовсе не было преувеличением: как отмечает современный историк А.А. Кононенко, «относительное продуктовое изобилие существовало до марта 1918 г., когда в Тюмени была установлена советская власть» [2, С. 91]. Тогда же еще одна коллега, Наталия Малютина, стала уговаривать Полянскую ехать вместе с ней в Сибирь. Поскольку жалованье учителям в январе выплатили в половинном размере, Надежда Николаевна решила ехать. Она взяла отпуск без сохранения содержания на 7 месяцев, рассчитывая вернуться к началу нового учебного года и полагая, что за это время обстановка в Петрограде нормализуется.

Поездка стала настоящим испытанием для молодой женщины, которая ехала вместе с 4-хлетним сыном и няней, везя с собой большое количество вещей. Чтобы раздобыть средства на путешествие, пришлось за бесценок продать много ценных вещей (старинную бронзу, пианино и др.). Столичную квартиру оставили на попечение кухарки, 3 из 4-х комнат были сданы. Из Петрограда Полянская с ребенком и ее спутники (в общей сложности 4 взрослых и 2 детей) выехали 29 января 1918 г., в день официального объявления демобилизации. Поэтому вокзал был переполнен солдатами, стремившимися уехать домой. Они вели себя достаточно агрессивно: «Когда мы приехали на вокзал, то там было что-то несусветное: толпы солдат осаждали вагоны с разбитыми стеклами. У всех были винтовки, а то и две, с собой» [1, Л. 173]. В вагон удалось зайти с помощью носильщиков, но со сдачей вещей в багаж возникла проблема. Один из родственников няни, взяв 3 билета для оформления квитанции, не успел вернуться к отходу поезда, и ехать пришлось без квитанции и с одним билетом на 4-х пассажиров. Вагоны были переполнены демобилизованными. Они стояли и сидели в проходах, лежали на полу. Как это ни парадоксально, поездка оставила у Полянской достаточно теплые воспоминания, хотя стекла в вагоне были выбиты и было очень холодно. С солдатами удалось найти общий язык (видимо, в том числе, благодаря хлебу и булкам, которыми их угощали). В свою очередь, солдаты оказали Полянской неоценимую услугу. Когда во время очередной проверки контролеры обнаруживали отсутствие 3-х билетов, оставшихся в Петрограде, и намеревались высадить безбилетников, солдаты каждый раз дружно заступались за Полянскую, контролерам пришлось отступить. В Вятке из-за того, что очередная партия штурмовавших поезд солдат выломала двери, путешественники перешли в другой вагон (солдаты помогли перенести вещи). Там уже не было такой тесноты, но путешественники лишились своих защит-

ников и в Екатеринбурге вынуждены были купить недостающие билеты, чтобы не иметь проблем с контролем.

Поездка в Тюмень заняла 7 дней вместо 4-х обычных. Полянской быстро удалось найти несколько частных уроков, что давало приличный заработок. Политическую ситуацию в Тюмени она охарактеризовала как «своеобразную». Позиции большевиков были еще слабы, и создавалось «впечатление, что руководители ее (советской власти. – А.Г.) плохо себе представляли, что они должны были делать» [1, Л. 180]. Один из лидеров большевиков, В.И. Шебалдин, своим поведением даже вредил престижу советской власти, так как открыто присваивал себе имущество богачей, которых вызывал к себе на допросы. По городу Шебалдин разъезжал на дорогой пролетке, на его пальцах блестели золотые кольца. Описание Полянской его внешности – «... высокий, бледный, с черной пышной шевелюрой, одет в кожаную куртку и кожаные же брюки, заправленные в прекрасные высокие сапоги» [1, Л. 180] – перекликается с характеристикой, данной баронессой С.К. Буксгевден («Чисто выбритое гладкое лицо, длинные гладкие черные волосы, наполовину закрывающие лоб, и его черные блестящие глаза, обладающие твердым и пронизывающим взглядом, в его лице есть что-то дьявольское» [3, С. 205]).

Параллельно с Советом рабочих и солдатских депутатов действовала городская дума, избранная еще при Временном правительстве. Если в Совете преобладали большевики, то в думе было весьма много меньшевиков и беспартийных. Совет и дума уживались мирно. В Тюмени не было крупных промышленных предприятий, и национализация шла медленными темпами. Так, самым крупным капиталистам – братьям Колокольниковым – удавалось сохранить свои позиции. Продолжало работать основанное ими знаменитое Коммерческое училище, о котором восторженно отзывался писатель и журналист Дж. Кеннан: «Училище имеет механическое отделение с паровой машиной, токарными станками и всякого рода инструментами; естественно-физический кабинет с чудными аппаратами, даже телефонами Белля, Эдиссона и Дольбера, фонографом; химическую лабораторию, обставленную полнее любой из виденных мною» [4, С. 24]. Но приближение Гражданской войны чувствовалось и здесь. Время от времени в Тюмени появлялись карательные отряды, они экспроприировали имущества состоятельных жителей. С одним из таких отрядов Полянской пришлось столкнуться вскоре после прибытия в Тюмень, когда она поехала в Екатеринбург за багажом, который был отправлен из Петрограда на следующей день после ее отъезда. Милостивая женщина, видимо, приглянулась одному из солдат, входивших в состав карательного отряда, он настойчиво предлагал учительнице ехать вместе с ними, отстал лишь, когда Полянская села в свой поезд.

В мае 1918 г. в Тюмень пришли известия о мятеже Чехословацкого корпуса. Стали формироваться отряды красногвардейцев, куда записывались, преимущественно, находившиеся в городе беженцы. Эти отряды Полянская характеризует как «весьма жалкие, плохо одетые, плохо вооруженные» [1, Л. 181]. В июне положение стало весьма тревожным. Руководители Совета

позорно бежали из города, белые вошли в город вечером того же дня без боя. Полянская стала свидетельницей их прибытия: «перед нами внизу дефилировали войска. Они состояли преимущественно из офицеров; у каждого на плечах было по две винтовки» [1, Л. 181]. Жители встретили белых угрюмым молчанием, понимая, что спокойная жизнь закончилась. Представители Чехословацкого корпуса появились в городе чуть позже; вели себя по-разному. Так, чехам удалось установить неплохие отношения с местным населением. Среди них было много хороших специалистов, они стали работать в местных учреждениях, а также в школах, занимаясь преподаванием иностранных языков. В Коммерческом училище был развернут военный госпиталь, где работали только чехи и словаки. Поляки же «держались обособлено и красовались в какой-то живописной форме» [1, Л. 181].

В Тюмени несколько месяцев жил бывший глава Временного правительства князь Г.Е. Львов; он был дружен с Колокольниковыми. Но в мемуарах Полянской его пребывание в городе охарактеризовано как «эпизодическое». Очевидно, это обусловлено тем, что в Тюмень она приехала в начале февраля 1918 г., а в конце этого месяца Львов был арестован большевиками и отправлен в Екатеринбург. С другим известным человеком – врачом князем А.В. Голицыным – Полянской удалось познакомиться, когда заболел ее сын. Этот доктор запомнился автору мемуаров далеко не с лучшей стороны: «у него был аристократический вид: высоченный, худой, черная бородка клинушкой, а в глазах что-то неприятное, точно он гнушался тюменским обществом, таил что-то ото всех» [1, Л. 182]. Навещая больных, Голицын всегда находился в дурном расположении духа: по всей видимости, его тяготили условия жизни, не имевшие ничего общего с тем комфортом, к которому он привык. Поскольку жители носили ведра с водой на 2-й этаж по деревянным лестницам, ступени были покрыты коркой льда, и Голицыну, чтобы не упасть, приходилось опускаться на четвереньки. Полянская выдвинула версию, что целью пребывания Львова и Голицына в Тюмени были поиски могилы Николая II, так как противникам советской власти в то время было неизвестно, что расстрел и захоронение бывшего императора, его родных и спутников были осуществлены в Екатеринбурге. Позднее А.В. Голицын был активным участником белого движения в Сибири [5]. Спокойное отношение белых к местным жителям постепенно стало ухудшаться. До обывателей доходили слухи о конфликтах, связанных с деятельностью «омской» Директории, о появлении будущего Верховного правителя А.В. Колчака.

Появился в Тюмени и печальный спутник Гражданской войны – сыпной тиф. Кроме упомянутого военного госпиталя в Коммерческом училище, госпиталь развернули и в начальной школе Колокольниковых. Но оба лечебных учреждения предназначались, главным образом, для военных. Заболевшие местные жители оставались дома, где и умирали из-за отсутствия врачебной помощи. Сами Колокольниковы, которые уехали из Тюмени еще до прихода белых, вернулись в город. Они уволили всех преподавателей и работников торговых учреждений, кого считали лояльными по отношению к большевикам.

В начале 1919 г. активизировалась работа контрразведки. Один из бывших преподавателей Коммерческого училища, историк Н.Н. Авдеев, был меньшевиком, входил вместе со своей женой в тюменский Совет. В марте 1919 г. супруги Авдеевы и еще несколько человек были арестованы, допрошены, а затем, по дороге в тюрьму, конвой остановил их на безлюдной площади, велел снять верхнюю одежду, и открыл огонь. Авдеев был ранен, но ему удалось спастись. Бывший городской врач Флоринский помог устроить Авдеева в тюремную больницу, и тот, в конце концов, оправился от ран.

За первую половину 1919 г. политическая ситуация постепенно обострялась. Непрерывно шли аресты. Большевики, покинув город, вели подпольную работу на периферии. В начале лета 1919 г. в Тюмени появились ударные батальоны белых. Лишь благодаря этому жители города поняли о приближении фронта. Газет не было, и о том, что происходило за Уралом, тюменцы не знали. Офицеры ударных батальонов держали себя нагло, вызывающе, проводили время в кутежах. Их сопровождали женщины в шикарных нарядах, увешанные драгоценностями. В Тюмени появились казаки атаманов Анненкова и Семенова. Чехословаки, напротив, покинули город, отправившись на восток. Формально первым лицом в городе считался генерал А.Н. Пепеляев, кому за год до этого, возглавляя Средне-Сибирский корпус, удалось свергнуть советскую власть почти во всей Сибири. Но по утверждению Полянской, «впечатление было такое, что никто уже не управляет городом, он был еще тылом какого-то фронта, но с каждым днем фронт приближался» [1, Л. 185]. С приближением фронта поведение офицеров становилось более разнузданным: «Из домов, где они квартировали, раздавались пьяные крики и топот; чувствовалось, что это беснуются осужденные на гибель, для которых теперь "хоть день, да наш"!» [1, Л. 185]. Сестра Полянской Мария заведовала детской библиотекой, в зале которой стоял рояль. Однажды поздно вечером офицеры явились к ней, требуя ключ от зала, намереваясь устроить там гулянку с танцами. Мария сумела отговорить офицеров, чем, очевидно, спасла библиотеку от разгрома. Солдаты белой армии никак не проявляли себя, будучи постоянно в казармах. Рядовых казаков, напротив, на улицах было много, они активно реквизировали имущество у местного населения. В августе 1919 г. в Тюмени появилось много беженцев, уходивших на восток от РККА. Они ехали на телегах, нагруженных имуществом, гнали с собой скот; на ночь располагались лагерем за чертой города, готовили пищу на кострах, а утром шли дальше. Вся трава в окрестностях города была съедена или вытоптана.

В конце августа 1919 г. белые с боями покинули Тюмень. В самом городе сражений не было, они происходили в отдалении. Но жители, слыша выстрелы орудий, не рисковали выходить из своих домов. Некоторые тюменцы ушли с белыми на восток. Позднее большая часть их погибла от тифа. Уходя, белые не приняли никаких мер к сохранению городского имущества, напротив, сами грабили склады с продовольствием и материей, предлагая местным жителям принять участие в грабеже. Со складов несли мясо, кедровые орехи, железные изделия. Расхитителей было немного, но те, кто участвовал в грабеже, брали

все, что могли унести. Части РККА вступили в город на следующий день. Грабителям было предложено вернуть похищенное имущество; некоторые из них действительно отнесли обратно на склады большую часть взятого.

После повторного установления советской власти в Тюмени городская дума была распущена, и единственным хозяином положения стал Совет рабочих и солдатских депутатов. При осмотре помещения, которое прежде занимала контрразведка, были обнаружены доносы Колокольникова на уволенных им сотрудников, в том числе, Авдеева.

Говоря о введении продразверстки, Полянская стремится оправдать политику большевиков, отмечая, что в европейской части страны свирепствовал голод, в то время, как в Сибири, оставалось много зажиточных людей, имевших излишки продовольствия и не желавших ими делиться. Говоря о необходимости подчинения личных интересов общественным, мемуаристка, обычно бесстрастная, не удержалась от патетического восклицания: «Какое им (кулакам. – А.Г.) было дело до судеб революции и до жизни миллионов рабочих в европейской части России! Сборщикам продразверстки постоянно угрожала опасность смерти» [1, Л. 191].

С приходом красных в городе продолжал свирепствовать сыпной тиф. Тяжело болели сестра Полянской и ее сын Всеволод. Факторами, способствовавшими росту заболеваемости, мемуаристка считает переутомление от непосильной физической работы: заготовления дров, носки воды и т. п.

После установления советской власти в городе стала вестись активная общественная жизнь. Достаточно часто проводились различные собрания, в том числе, профсоюзные. Полянская входила в состав Учительского союза, заведующая секцией учителей, а затем, после его роспуска, являлась председателем правления Союза работников просвещения. Ей приходилось бороться за права учителей с Тюменским отделом народного образования и другими бюрократическими структурами, помогая незаконно уволенным, «выбивая» служебное жилье и т.п. Среди руководителей системы образования было немало креатур бывших хозяев Тюмени Колокольниковых. Они и являлись главными оппонентами Полянской.

Несмотря на смены власти, сопровождавшиеся репрессиями, неустроенность быта жителей и эпидемии, культурная жизнь Тюмени в период Гражданской войны была достаточно насыщена и при красных, и при белых. Работал кинематограф, шли театральные представления, устраивались концерты. Здание городского театра построил еще в 1889 г. купец А.И. Текутьев. Внешне оно, по словам Полянской, походило на баню, но внутри было все необходимое: сцена с занавесом, кулисы, зрительный зал и т.п. Своей группы город не имел (ее не было и до революции). Представления давали гастролеры. Один из спектаклей был поставлен тогда, когда Тюмень была занята белыми. Офицер-чех, написав пьесу «Ян Гус», решил показать ее на сцене. Но он не учел скромных возможностей театра, препятствовавших реализации его замысла: «Сцена была примитивная, установка декораций затруднялась отсутствием опытных людей и механизмов; пьеса же требовала довольно сложных декораций

и частой их смены» [1, Л. 198]. На спектакль пришло очень много зрителей. Для каждой смены декораций приходилось устраивать антракты более часа, во время которых зрители развлекали себя тем, что пели хором песни, закусывали. Закончилось представление лишь на рассвете. Гораздо более удачны были 2 представления, режиссировал которые преподаватель Жуков. Он создал временную труппу из тюменских учителей. Жуков поставил двухактную пьесу Метерлинка «Чудо Св. Антония» и организовал инсценировку стихотворений в прозе И.С. Тургенева. С установлением советской власти на сцене тюменского театра выступала екатеринбургская оперная труппа. Давали «Евгения Онегина», «Травиату» и др. Билеты пользовались большим спросом.

Полянская жила в Тюмени до лета 1921 г., затем вернулась в Петроград. Размышляя о том, власть красных или белых была лучше, она пришла к выводу, что если среди последних и были порядочные люди, то они были совершенно незаметны в массе негодяев, одержимых жаждой наживы.

Результаты исследования. Не являясь активным участником политических событий, Н.Н. Полянская не стремилась уделять много внимания их характеристике. Записки писались ею на склоне лет и, видимо, не избежали «внутренней цензуры». Вместе с тем, мемуаристке, видимо, было чуждо желание приукрасить или очернить кого-либо. Негативно говоря о белых, она достаточно сдержанно относится и к большевикам, говоря и о присущих им недостатках. Эта непредвзятость, обусловленная политической индифферентностью, в сочетании со вниманием Полянской к частным фактам, делают ее записки весьма ценным источником по истории Гражданской войны.

Список источников и литературы

1. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 511.
2. Кононенко А.А. Революция 1917 года в Тюмени глазами обывателя // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 88–93.
3. Кононенко А.А. Новый источник по истории повседневности сибирского города во время Гражданской войны // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. № 4. С. 202–209.
4. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. М., 1906. 302 с.
5. Бушаров Е. Тюменская страница в жизни опальных князей [Эл. рес.] // Режим доступа: <http://old.t-i.ru/article/3263/> (дата обращения: 07.09.2023).

Для цитирования: Гребенкин А.Н. Освещение жизни Тюмени в годы Гражданской войны в мемуарах педагога и библиотекаря Н.Н. Полянской // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 59–65.

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА, ИЛИ СУДЬБЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Елизарова Наталья Владимировна¹

¹ Омский государственный академический театр драмы, Омск, Россия

¹ elizarova_nv@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2505-0953

Аннотация: На основе периодических изданий «Театр и искусство», «Рампа и жизнь» и др., позволяющих выявить ранее неизвестные исторические факты, рассматриваются судьбы некоторых представителей творческой интеллигенции в период Гражданской войны. В основу научного исследования положен антропологический подход. Итоги проделанной исследовательской работы позволили восполнить «белые пятна» истории рассматриваемого периода, реконструировать связанную с Омском судьбу артиста С.В. Валуа (Карновича), проследить влияние радикальных условий и экстремальных ситуаций 1917–1922 гг. на восприятие и поведение людей.

Ключевые слова: историческая антропология, культурная антропология, культура, искусство, театр, Первая мировая война, Русская революция, Гражданская война, С.В. Валуа (Карнович), А.М. Горький, Ф.И. Шаляпин.

Постановка проблемы. Гражданская война в России, начавшаяся почти сразу же после 1917 года, сопровождалась особой жесточенностью, повлекшей глубокие психологические изменения в сознании людей и общества в целом. Как глобальная экстремальная ситуация, ставшая частью повседневной жизни каждого гражданина бывшей Российской империи, братоубийственная война спровоцировала девальвацию моральных ценностей, обнажила крайние стороны человеческой натуры, вызвала деградацию массового сознания. В тех условиях формировался особый феномен – «человека воюющего» (или «человека с ружьём»), как стал именоваться указанный феномен с лёгкой руки советского драматурга Н. Погодина, написавшего пьесу с одноимённым названием).

«Человек с ружьём» – это тот, кто готов решать проблемы простым и радикальным способом – с помощью оружия и насилия. Бок о бок с такими радикалами оказались представители русской интеллигенции – рафинированной, зачастую оторванной от жизни. Подобные взаимоотношения наглядным образом показаны в фильме Н. Михалкова «Раба любви» (1975). «Финал «Рабы любви» стал классикой. Ольга Вознесенская мечется по пустому трамваю, за трамваем гонятся конные белогвардейцы. Внезапно успокоившись, Ольга с детской покорностью садится, смотрит на людей, которые ее вот-вот убьют,

и говорит им удивленно и нежно: «Господа, вы звери, господа! Вы будете прокляты своей страной». Но ни трамвай, ни историю уже не остановить... Миф о прекрасной стране, которая все ждала чего-то, ждала, а потом оказалась в неуправляемом вагоне и понеслась в неизвестность» [7].

Основная часть. Пресса 1918 г. дает возможность увидеть, насколько хрупкой и незащищённой была человеческая жизнь в эпоху великих потрясений, причём, смертельной опасности могли подвергаться не только обычные граждане, но и те, кто, казалось бы, был обласкан славой и вниманием публики. Так, появилась заметка о ранении писателя Горького во время демонстрации: «5 января [1918 г.] на одной из улиц Петрограда двигалась манифестация. Проходивший случайно по тротуару М. Горький был задет одним из солдат, разгонявших манифестацию, и ранен штыком. М. Горький получил глубокие раны в шею и лопатку. Раны, хоть и тяжёлые, но для жизни прямой опасности не представляют» [6, С. 5]. А 18 августа 1918 г. было размещено открытое письмо певца Ф.И. Шаляпина, где он сообщал о том, что стал жертвой мошенников. Любопытно, что злоумышленники действовали на территориях, охваченных Гражданской войной и иностранной военной интервенцией: «В последнее время в различных городах России какими-то личностями объявляются от моего имени мои концерты и вечера с моим участие. Так, например, в городе Казани ловкий человек, объявив мой концерт, собрал деньги и скрылся. Затем, по слухам, какой-то Михельсон из Евпатории и Севастополя объявил мой концерт на 29 и 30 августа. Я получаю запросы о месте жительства «моих уполномоченных», уже скрывшихся с собранными с доверчивых людей деньгами и т.п. Настоящим заявляю, что никаких концертов и вечеров в течение двух последних лет в провинции я не устраивал и пока устраивать не думаю, никаких уполномоченных не имею и прошу поэтому впредь быть осмотрительнее в подобных случаях...» [10, С. 11]. Если «буревестник русской революции» отделался физически легко, а «царь-бас» России условно пострадал лишь в плане репутации и финансов, то этого нельзя сказать об артисте Александринского театра С.В. Карновиче, известном под сценическим псевдонимом «Валуа».

Провинциальной России дореволюционного периода было хорошо известно имя одарённого актёра Сергея Валериановича Валуа (1853–1918). Он успешно гастролировал по стране, выступая на сцене театров Пензы, Саратова, Киева, Архангельска, Астрахани, Ростова, Одессы, Вильно и др. В Омске актёр Сергей Валуа работал в составе труппы антрепренёра П.О. Заречного в 1909–1914 гг. на сцене Омского городского театра вместе со своей супругой Викторией Фаустовной Кручининой-Валуа. Об омском периоде творчества в жизни актёра Валуа известны лишь скудные, фрагментарные сведения, которые можно извлечь из рубрики «Провинциальная хроника» в журнале «Театр и искусство».

После омских подмостков, начиная с 1915 г., С.В. Валуа служил в Александринском театре в Петрограде.

В начале 1918 г. в театральных журналах появилась серия некрологов, подробно описывавших насильственную смерть 63-летнего служителя Мельпомены. Попутно отметим, что некролог как исторический источник, несмотря на свою специфичность – избыточную экспрессивность – весьма информативен, поскольку «в таких публикациях нередко имеются сведения о событиях, которые не были освещены в других источниках, позволяющие прояснить так называемые белые пятна истории. Очень часто некрологи являются единственным источником информации о жизни и профессиональном пути той или иной личности» [3, С. 50]. Так, в одном из некрологов даны слова очевидца – некоего офицера Г.: «13 января 1918 г. в 4 часа 50 минут артист Александринского театра С.В. Валуа (Карнович), не приходя в сознание, скончался от ран, нанесённых ему грабителями... Покушение на убийство С.В. Валуа было совершено на набережной Фонтанки, около дома № 8, бывшего департамента полиции. По рассказу офицера Г., преступление было совершено шестью грабителями, из которых четверо было в солдатской форме. Грабители разместились на трёх извозчиках, преграждая дорогу. Когда подъехал на извозчике С.В. Валуа, солдаты схватили под уздцы лошадь, а штатские с револьверами в руках принялись его грабить. Раздев С.В. Валуа почти до нага, штатские два раза выстрелили в него. Одной пулей С.В. Валуа нанесена сквозная рана в голову. Другой пулей пробито ухо и оцарапана шея. Совершив преступление, солдаты и штатские, сели на извозчиков, и уехали по направлению к Летнему саду. Преступление было совершено с чрезвычайной быстротой, так что помощь со стороны не могла быть оказана» [8, С. 14].

Невольный свидетель преступления офицер Г. издали слышал крики артиста, умолявшего грабителей взять у него всё, что он имеет при себе, но оставить в живых. И те как будто согласились не убивать и, забрав все вещи, удалились, но потом один из них вернулся и застрелил жертву. Офицер Г. оказал раненому первую помощь. Услышав выстрелы, на улицу выбежали офицеры французской миссии, помещавшейся в доме на набережной. Находящегося в бессознательном состоянии, тяжело раненного Валуа внесли в помещение миссии, а уже оттуда вызвали карету скорой помощи. Умиравшего артиста доставили в Марининскую больницу на Литейном переулке, где он, промучившись чуть более суток, скончался.

Анализируя содержание имеющихся в прессе некрологов, посвящённых памяти Валуа, становится очевидным, что в убийстве артиста имел место социальный подтекст – его приняли за «буржуя» и напали, полагая, что при нём имеется крупная сумма денег. Роковую роль сыграла благородная, аристократическая наружность артиста, игравшего в театре роли «маркизов» и «графов».

Его последние часы жизни описаны с мелодраматической пронзительностью в заметке от 21 января 1918 г.: «Сыграв свою роль, С.В. Валуа в руки маленький чемоданчик с гримировальными принадлежностями, надел пальто с барашковой шалью, и вышел во мрак петроградской ночи. Он долго думал, идти пешком или взять извозчика; и решил, что безопаснее, хотя и накладно, взять извозчика. Сидя на извозчике со своим благородным бритым лицом и в пальто, которое он умел носить, как умеет носить платье актёр на роли благородных отцов, то есть так, что вещь в 300 руб. кажется тысячной, и держа на отлёте, с жестом маркиза, чемоданчик с гримом, С.В. Валуа ехал домой. И тут его погубили его внешние данные, служившие ему всю жизнь такую блестящую службу. Проезжавшие разбойники, «одетые в солдатскую форму», как принято выражаться в нынешнем официальном языке, – сочли С.В. Валуа по меньшей мере финансовым тузом или сановником старого режима, спасающим свои богатства от конфискации. Ограбив «финансиста» и найдя у него только 40 руб., «одетые в солдатскую форму» разбойники вернулись и пристрелили его. Они были злы, что он их так надул извозчиком, взятым за 10 руб.. видом благороднейшего миллионера и чемоданом с драгоценностями, вместо которых оказались пудра, вазелин и набор лайхнеровских карандашей. «Саботажник!» – сказал «одетый в солдатскую форму» и выстрелил в висок... Бедный Валуа! Несчастливая жертва внешних признаков, изобличающих принадлежность к барству!.. Этот проклятый по нынешним временам отпечаток привлёк к нему внимание хищников и разбойников наших пролетарских улиц. На «бытовика» или даже «неврастеника» (имеются ввиду сценические амплуа артистов, принятые в дореволюционной России – прим. автора), пожалуй, не напали бы... Но у Валуа пэнснэ сидело, как на государственном канцлере! О, ирония судьбы!» [4, С. 35].

С.В. Карнович действительно к древнему ярославскому роду дворян. Карновичи владели в Верхней Силезии (Польша) княжеством Карновическим (Егендорф) и городом с аналогичным названием. Отец Сергея – Валериан Гаврилович, действительный статский советник – служил камергером, исполнял обязанности помощника главного смотрителя странно-приёмного дома в Москве. Дядя артиста – Денис Гаврилович – вице-губернатор Херсонской губернии. Мечта Сергея о сцене натолкнулась на протесты родителей, видевших сына исключительно на высоком посту чиновника. В угоду родне юноша окончил Бобринское уездное училище, а потом в разных должностях служит на государственной и военной службе и параллельно выступает в любительских спектаклях в роли «барина»: «владея с малых лет французской речью с надлежащим выговором, Валуа щеголял произношением французских фраз в салонных пьесах». [9, С. 37]. Опасаясь родительского гнева, он берёт звучный псевдоним «Валуа», семантически отсылающий к династии французских королей. Только дождавшись смерти отца, он смог выйти в отставку в возрасте

48 лет и полностью сосредоточиться на любимой профессии, посвятить все свои силы театру.

И ещё один штрих к «непролетарскому» образу артиста: родная сестра Сергея – Ольга Валериановна – состояла в морганатическом браке с Великим князем Павлом Александровичем Романовым, имея от него сына Владимира. К слову, в том же роковом 1918 г. Владимир Павлович Палей – племянник С.В. Валуа – разделил судьбу знаменитых алапаевских мучеников, будучи заживо погребён в заброшенной шахте железного рудника Нижняя Селимская вместе с другими представителями императорской фамилии. 17 августа 1918 г., в день похорон С.В. Валуа, его память почтили также и высокородные родственники: на Смоленском кладбище, где состоялось погребение. Среди венков, присланных театральной общественностью, внимание привлек венок в виде ветки сирени с лаконичной надписью на траурной ленте – «От Великого князя Павла Александровича и сестры Лили».

Если же говорить об иронии судьбы, то она, пожалуй, стояла в том, что убитый Карнович-Валуа, несмотря на «голубую кровь», имел весьма скромный достаток: «Жил он в меблированной комнате, со второй женой, артисткой В.Ф. Кручининой и двумя детьми, жил беззаботно, не унывая, как и подобает пролетарию-актёру. Пятнадцать лет на сцене сделали его мастером своего дела, «заправским артистом», но не привили к нему отрицательных сторон актёрской профессии. Он остался тем же скромным, прилежным работником сцены, робующим перед каждой новой ролью, благоговейно относящимся к таинству перевоплощения актёра, стараясь, насколько возможно, тщательно и полно воспроизвести тип, написанный автором» [5, С. 58].

То, что артист С.В. Валуа был беден, давало основание авторам некрологов ошибочно причислять его к «пролетариям», коим убитый актёр, разумеется, не был. Скорее, его можно назвать жертвой «Великой смуты XX века». Те события спровоцировали всплеск социальных катаклизмов и вызвали маргинализацию российского общества. Миллионы граждан, некогда относящихся к привилегированным слоям населения, оказались вырванными из привычного социального контекста и выброшенными на обочину жизни. «Впоследствии за данными категориями граждан закрепится эпитет «бывшие», возникший сначала в форме разговорной речи, а потом закрепившийся в периодических изданиях и публицистической литературе» [2, С. 44].

Жизнь в годы Гражданской войны маргиналов – людей, лишившихся прежнего социального статуса и не обретших нового, словно зависших между небом и землёй, между отчаянием и надеждой, – была полна драматических красок. На примере исхода судьбы С.В. Валуа можно увидеть условия, в которых приходилось жить и работать творческой интеллигенции в период революционного хаоса: «Актёр, человек, работающий для народа и, в сущности, бед-

няк в сравнении с любым грузчиком, умеющий лишь носить своё пальто с видом государственного канцлера, – убит самым гнусным и возмутительным образом на возвратном пути из театра. Публика уже давно петроградские театры из страха перед ночными разбоями и грабежами. Ещё в центральные театры ходят, но чуть театр на боковой улице – шабаш!.. Только кинематографы и миниатюры полны, потому что их посещает публика не из робкого десятка и не боящаяся грабежей... Но актёры самоотверженно, с опасностью для жизни, по снегу и гололедице, через лужи и сугробы, отправляются каждовечерно на службу, и потом, робко озираясь по сторонам, бредут домой... Я не знаю, играли ли театры во время осады Парижа, когда ели крыс? Или во время парижской коммуны? Вероятно, играли. Есть что-то строгое в строе театра, при всей его видимой безалаберности, есть какая-то дисциплина порядка и долга, сопротивляющаяся до последней степени внешним давлениям. И образ этого актёра с 40 руб. в кармане, принявшего смерть на извозчике, которого он сторговал, пожалуй, всю свою вечеровую плату – однако, в театре был и играл – есть образ того театра старого закала, каким мы его все знаем, с его обычным правом, товарищеским осуждением за небрежность и чисто воинским уставом театральной службы» [4, С. 35–36].

Писатель И.А. Бунин назвал революционное время «окаянными днями». В его знаменитых дневниковых записях с одноимённым названием есть отрывок, посвящённый театральной жизни в годы Гражданской войны. Провести параллель между описанным эпизодом и историей гибели С.В. Валуа несложно: «Москва, 1918 г., 23 февраля. Вечером в Большом театре. Улицы, как всегда теперь, во тьме, но на площади перед театром несколько фонарей, от которых еще гуще мрак неба. Фасад театра темен, погребально – печален; карет, автомобилей, как прежде, перед ним уже нет. Внутри пусто, заняты только некоторые ложи... Когда вышли из театра, между колонн черно-синее небо, два-три туманно-голубых пятна звезд и резко дует холодом. Ехать жутко. Никитская без огней, могильно-темна, черные дома высятся в темно-зеленом небе, кажутся очень велики, выделяются как-то по-новому. Прохожих почти нет, а кто идет, так почти бегом. Что средние века! Тогда по крайней мере все вооружены были, дома были почти неприступны... На углу Поварской и Мерзляковского два солдата с ружьями. Стража или грабители? И то и другое» [1, С. 301]. Как видим, трагедия, произошедшая с артистом С.В. Валуа, была типичной для описываемой нами эпохи.

Результаты исследования. Отметим, что характерной чертой описываемого нами исторического периода стала обострившаяся криминогенная ситуация в стране. Наряду с революционным террором широкий размах получили традиционные преступления. Этому фактору во многом способствовало изменение уголовно-правовой политики, произошедшее в первые месяцы после

крушения самодержавия (в частности – отмена смертной казни и ссылки). Это являлось одной из важнейших причин разгула преступности: иллюзия безнаказанности для людей, склонных к преступлениям, развязала им руки, как результат – количество ограблений и убийств по всей стране резко выросло. Печальная судьба артиста Валуа – одного из представителей творческой профессии, попавшего в кровавые жернова Гражданской войны, обрела черты трагедии всей русской интеллигенции тех страшных для России лет.

Список источников и литературы

1. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: АСТ, 2021. 320 с.
2. Елизарова Н.В. Маргинализация населения в период Гражданской войны 1917–1922 гг. (по материалам периодических изданий) // Человек и общество в нестабильном мире: Мат–лы междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 25 февраля 2021 г.) Омск: ОмЮИ, 2021. С. 43–47.
3. Елизарова Н.В. Некрологи в периодических изданиях времен Гражданской войны (на материалах Исторического архива Омской области) // Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России: Мат–лы всеросс. науч. конф., посв. 100-летию нач. Граждан. войны и 100-летию гос. арх. службы России (Омск, 15 нояб. 2018 г.). Омск: ОмЮИ, 2019. С. 42–51.
4. Заметки // Театр и искусство. 1918. № 3. С. 35–36.
5. Карпов Е. Сергей Валерьянович Валуа. Страничка из воспоминаний // Театр и искусство. 1918. № 4–5. С. 55–58.
6. Ранение М. Горького // Рампа и жизнь. 1918. № 2–3. С. 5
7. Рождественская К. Великая история: «Раба любви» [Эл. рес.] // Кинорепортёр. 2022. 8 янв. Режим доступа: <https://kinoreporter.ru/velikaya-istoriya-raba-ljubvi/> (дата обращения 04.08.2023).
8. С.В. Валуа [некролог] // Рампа и жизнь. 1918. № 4. С. 14.
9. С.В. Валуа // Театр и искусство. 1918. № 3. С. 37.
10. Шаляпин Ф. Письмо в редакцию // Рампа и жизнь. 1918. № 31–33. С. 11.

Для цитирования: Елизарова Н.В. История одного убийства, или судьбы творческой интеллигенции в период Русской революции // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 66–72.

МАРИИНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1919 г. В АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ермекбай Жарас Акишевич¹

¹ Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, Астана, Казахстан

¹ ermekjaras@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2185–4755

Аннотация: Статья посвящена восстанию крестьян села Мариинское (ныне Мариновка) Атбасарского уезда Акмолинской области в 1919 г. На основе неопубликованных источников (главным образом, воспоминаний участников повстанческого движения) и наработок советской историографии освещены причины, начало, ход и итоги данного просоветского выступления. Теоретическая основа работы – сочетаемые вместе историко-антропологический подход и проблемно-хронологический метод. В заключении обзорно прослежено какое отражение в общественной памяти впоследствии обрело это антиколчаковское выступление и его участники.

Ключевые слова: Гражданская война, белый террор, партизаны, повстанцы, крестьянство, Северный Казахстан, село Мариинское.

Постановка проблемы. 104 года назад на территории нынешнего Северного Казахстана вспыхнуло одно из известных в истории Гражданской войны восстание крестьян села Мариинское Атбасарского уезда Акмолинской области (сейчас село Мариновка Атбасарского района Акмолинской области Республики Казахстан). Оно было не единственным, наряду с ним происходили повстанческие выступления крестьянского населения в Петропавловском, Кокчетавском и Акмолинском уездах, входивших в бывшую Акмолинскую область Степного генерал-губернаторства с центром в Омске. Основная причина недовольства крестьян этих уездов заключалась в неприятии политики Временного Сибирского правительства во главе с адмиралом Колчаком, направленная на мобилизацию мужского населения в армию, реквизиции скота, подвод, обложения различными податями. Карательные отряды наводили страх в селах, творя насилие, что вызывало справедливое возмущение людей.

Основная часть. Подчеркнем, что выступления происходили весной 1919 г., когда начиналась посевная кампания, крестьяне старались максимально засеять поля под новый урожай. Отвлечение рабочих рук от посевной работы влекло за собой большие проблемы для их жизнедеятельности, так как сельское население жило от урожая до урожая. Но Верховный правитель России, адмирал Колчак рассуждал политически, не вникая в хозяйственную жизнь крестьян, что противоречило их интересам. Так, на подавление повстанцев в Петро-

павловском уезде по приказу главного начальника края генерала Константинова, 11 апреля 1919 г. выступил карательный отряд капитана Ванягина из Кургана, а из Петропавловска 2 роты с пулеметами [1, С. 251].

Колчаковские карательные отряды проходили по многим селам Кокчетавского, Акмолинского и Атбасарского уездов с целью ликвидации очагов повстанцев. В свою очередь повстанцы на местах обезоруживали колчаковских чиновников, милиционеров и устанавливали власть крестьянских советов. Отметим, что недовольство крестьян было вызвано мобилизацией в колчаковскую армию всех мужчин призывного возраста, а также фронтовиков Русско-японской и Первой мировой войны. Выступили не только мужчины, но и женщины многих переселенческих деревень, что свидетельствовало о широком охвате повстанчества, которое по характеру напоминало партизанское движение. В историческом аспекте выступление крестьян села Мариинское Атбасарского уезда было наиболее крупным вооруженным восстанием, сюда стекались отряды из ближайших и дальних селений Акмолинского, Кокчетавского и Петропавловского уездов. В апреле 1919 г. в Мариинске был организован штаб партизан во главе с Н.М. Ирченко, А.Л. Белаш, К.П. Горлановым, А. Майкутовым и др. 9 апреля 1919 г. в своем обращении штаб восставших крестьян с. Мариинское Атбасарского уезда призывал трудовое население вступить в партизанский отряд: «Товарищи крестьяне! В Мариновке создан штаб для руководства восстания и организован партизанский отряд. Все могущие владеть оружием вооружайтесь, чем кто может и вступайте в этот отряд для борьбы против душителя Колчака. Командир отряда Ирченко. Начальник штаба Белаш» [2, С. 614].

Руководили восставшими крестьянами местные жители. Николай Михайлович Ирченко был уроженцем села Мариинское. По воспоминаниям К.П. Горланова, участника восстания «Тов. Ирченко местный крестьянин, б. фронтовик, зауряд-прапорщик военного времени, человек семейный и имеет свое сельское хозяйство – крестьянина середняка, лет под тридцать, хорошего крупного телосложения и высокого роста, вида задумчивого-сурового, что человек имеет большую волю, избыток энергии и храбрости» [3, Л. 30]. Другой известный деятель восставших Алексей Лукич Белаш 1887 г.р. – уроженец Полтавщины, участник Первой русской революции 1905–1907 гг.; подвергался гонениям за революционную работу и был вынужден с семьей переехать в Акмолинскую область, поселившись в с. Мариинском. По мнению историка П.М. Пахмурного оба руководителя восставших были беспартийными, но поддерживали большевиков. Возможно, как участники Первой мировой войны на фронте они оказались под влиянием большевистской агитации. А.Л. Белаш демобилизовавшись 4 декабря 1917 г., 15 декабря того же года был избран членом Мариинского исполкома волостного Совета и утвержден секретарем волисполкома. Н.М. Ир-

ченко в начале 1918 г. избрали делегатом Атбасарского уездного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов, потом избрали членом уездного исполкома Совета. В период разгрома уездного и сельских Советов Н.М. Ирченко вместе с Адильбеком Майкутовым скрывался в казахских аулах. Ирченко и Белаш активно боролись с белогвардейцами, имели связь с большевиками Омска [1, С. 255–256].

Отметим, что к весне 1919 г. партизанское движение охватило многие уезды Акмолинской области. Еще 18 ноября 1918 г. когда в результате государственного переворота адмирал Колчак был провозглашен Верховным правителем России, его правительство проводило политику, направленную на денационализацию промышленности, восстановлению частного землевладения, дореволюционных судов, военно-полевых судов и смертной казни за преступления. Практически все переселенческое крестьянское население Акмолинской области, входили Омский, Петропавловский, Атбасарский, Акмолинский и Кокчетавский уезды, было недовольно проводимой политикой Российского правительства А.В. Колчака. Начиная с конца 1918 г. по всей Акмолинской области стали назревать восстания, которые вспыхнули весной 1919 г. по всем уездам. Что касается восстания в с. Мариинское, оно началась с нелегальной деятельности бывших фронтовиков, которые после демобилизации оказались в родных селах, где в условиях подполья проводили политическую и организационную работу среди своих соотечественников, направленную на неприятие политики решений колчаковской власти.

В селе Мариинском образовалась группа людей, в состав которой входили братья Никифор и Константин Ирченко, Алексей Лукич Белаш, Иван Алексеевич Яценко, Иван Миронович Белозерский, Алексей Иванович Шайкин, Яков Белокобыльский, Поликарп Безверхов, Яков Осипович Шайкин, Матвей Сазонович Анашкин. Через Н.М. Ирченко мариинцы имели связь с участником трех революций, большевиком фельдшером из Атбасара Адильбеком Майкутовым. Эта группа сельчан подготовило план вооруженного восстания и организовало штаб во главе с Н.М. Ирченко и А.Л. Белаш [1, С. 259]. Непосредственным поводом к восстанию был приказ главы Атбасарского уезда полковника Катанаева, заключавшийся в том, чтобы ближайшим зажиточным селам (Александровское, Мариинское и др.) приказывалось предоставить в Атбасар 600 пар исправных с лошадьми, упряжью и с проводниками бричек в трехдневный срок под страхом военно-полевого суда (расстрела). В частности, на село Мариинское по разверстке приходилось доставить 45 парных исправных бричек, 90 лошадей, 90 парных хомутов, 45 человек проводников [3, Л. 17]. Конечно, брички, люди и лошади необходимы были для проведения весенних полевых работ, поэтому мариинцы наотрез отказались выполнять приказ полковника Катанаева.

По свидетельству члена РКП(б) с 1918 г. Кузьмы Павловича Горланова «Организации во всех трех уездах росли и росли с каждым днем все более и более, пообъединить и централизовать их для создания ядра, т.е. руководящего органа было некому потому, что деловых политработников не было, так как все бывшие работники во время переворота в июне 1918 г. или были вглубь Сибири, или сидели по тюрьмам, или же были расстреляны белогвардейцами. Мне во время взятия белыми гор. Омска 7 июня 1918 г. удалось избежать ареста и удалось пробраться в пределы гор.[ода] Акмолинска» [3, Л. 14]. В итоге, К.П. Горланову удалось пробраться в с. Мариинское и участвовать в антиколчаковском восстании, которое началось 23 апреля 1919 г.

В историко-краеведческом музее села Мариновка есть рукописная летопись, где отмечено: «В Мариинское из многих сел потянулся народ, вспоминают участники восстания М.С. Анашкин, В.А. Редовский, В.А. Малюкова. Первое пополнение прибыло из сел Ковыльного – 45 человек, Старый и Новый Колутон – 150 человек. Количество партизан быстро увеличивалось. Вместе с русскими приходили казахи. Так, из аула Степного прибыла группа казахов, вооруженных винтовками и другим оружием» [4].

О восстании в Мариинском стало известно в уездном городе Атбасаре, к которому в административно-территориальном смысле относилось это село. Управляющий Атбасарским уездом Пыхтеев 30 апреля 1919 г. сообщал Управляющему Акмолинской областью: «8 апреля сформированный в Атбасаре отряд казаков милиции, в числе около 60 чел., был отправлен в Мариновку, куда прибыл днем 29 апреля, напал на поселок, но был отбит, вынужден отступить на двадцать верст. Сегодня посылается подкрепление из местных казаков в количестве 25 чел. Настроение бунтарей, безусловно, улучшилось, не исключая возможности быстрого роста бунтарей других поселков по причине слабости отряда, нераспорядительности нач[альника]отряда» [2, С. 630]. Неудача первой атаки карателей вселила уверенность повстанцам. Восстание охватило ряд сел Атбасарского, Акмолинского, Кокчетавского и Петропавловского уездов. Исследователь П.М. Пахмурный отметил: «Ежедневно из различных сел (обоих Колутонов, Екатериновки, Добровольного, Муйнака и др.) в Мариинское прибывали сотни новых партизан. Их собралось примерно 1500–2000 чел. <...> Партизанские отряды прибывали из дальних сел и аулов. 380 километров преодолел партизанский отряд немцев в 90 чел. из села Келлеровки Петропавловского уезда. Из аула Степного к партизанам Мариинского пришли вооруженные группы казахов. Из Акмолинского уезда «киргизом (казахом. – Ж.Е.) Кадрилевым был доставлен в Мариинское воз оружия. Помощь казахских трудящихся восставшим признавал в своем докладе управляющий Атбасарским уездом» [1, С. 267].

Но оружия повстанцам, конечно, не хватало. Хотя они старались добыть оружие разными путями, у населения было оружие, но в основном охотничье, карабинов, винтовок было недостаточно, а пулеметы и пушки отсутствовали вовсе. К.П. Горланов в своем воспоминании по этому поводу писал: «<...> порядочное количество изъято и доставлено винтовок и другого оружия, особенно от киргизского (казахского. – Ж.Е.) населения, которое в 1918 г. начало скупало у фронтовиков для свержения первой Советской власти (киргизы были помещики), в аулы был командирован единственный киргиз-повстанец (казах – Ж.Е.), который знал, у какого бая (богача киргиза) сколько имеется скупленного оружия и с отрядом его отбирал (имя киргиза повстанца забыл). Пороху было доставлено много, только с вновь строящейся железной дороги было привезено 6 пудов меди красной было доставлено 10 пудов, (медь случайно было завезено в Журавлевку Спасского завода)» [3, Л. 34].

Призывы восставших партизан с Мариинска о поддержке их в борьбе с колчаковскими карательными отрядами, оказали большое влияние на крестьян близких и дальних селений. К концу апреля 1919 г. к мариинцам присоединилось 20 деревень Акмолинской области, в том числе Васильевка, Введенское, Каменское, Максимовское, Тучное, Острогжское и другие Кокчетавского уезда, Журавлевская, Оксановская, Камышинская, Урюпинская волости Акмолинского уезда. В Мариинском насчитывавшее в то время 366 дворов к 12 мая 1919 г. собралось 3125 повстанцев, которые разместились по домам сельчан, их вооружали, кормили, обували. Так, за 20 дней мариинцы содержали трехтысячную партизанскую армию [4]. Конечно, в течение всего противостояния мариинцам помогали крестьяне и казахи окрестных поселков и аулов, давая провиант. Пополнение новыми отрядами позволило руководителям восстания преобразовать партизанский отряд в народную армию, а военно-революционный штаб в главный штаб народной армии Атбасарского уезда. Председателем главного штаба и командующим народной армией был избран Н.М. Ирченко, секретарем штаба А.Л. Белаш.

Рост численного состава повстанцев был обеспечен обращением мариинских руководителей к соотечественникам ближайших сел Атбасарского уезда, а также прибытием людей из Акмолинского, Кокчетавского и Петропавловского уездов, откликнувшихся на призывы Ирченко и Белаш. Колчаковцы были обеспокоены ростом рядов восставших и влиянием их на сопредельные территории. Так, командир корпуса генерал-майор Волков в донесении командующему карательными отрядами в Акмолинской области докладывал: «Уполномоченный по охране порядка в Кокчетаве полковник Осипов по прямому проводу сообщает: в Кокчетавском и Атбасарском уездах в связи с призывом запасных благодаря агитации среди крестьян возникли волнения. В селе Мариинском Атбасарского уезда вспыхнуло восстание, произведены аресты должност-

ных лиц, организован Совдеп, готовится наступление на уездный город. Из Кургана четвертый день не получен ответ о присылке воинской части для подавления мятежа. Характерная черта восстания – озлобленность против казаков» [2, С. 634].

Руководители партизанской армии всячески поддерживали боевой дух повстанцев, по мере возможности вооружали огнестрельным и холодным оружием и намеревались идти на Атбасар, Акмолинск, Кокчетав и Петропавловск. Однако этот план не был реализован в силу ряда причин, о которых впоследствии вспоминали участники восстания. На основе анализа многочисленных материалов, свидетельствующих о размахе Мариинского восстания, исследователь П.М. Пахмурный сделал вывод: «Ошибка руководителей восстания заключалась не в том, что, намеревались во что ни стало оборонять Мариинское, а лишь в том, что они затянули наступление на Атбасар, упустили время, дали возможность колчаковцам собраться с силами, подтянуть крупные карательные отряды» [1, С. 276]. А.В. Колчак был обеспокоен действиями партизан тылу и вынужденно снял регулярные части с фронта, направив их подавлять восстание. Стянув достаточные силы с пулеметами, окружив село Мариинское, 13 мая 1919 г. белогвардейцы атаковали повстанцев. Около 2-х часов шел ожесточенный бой на улицах села. Сила оказалась на стороне колчаковцев, восставшие плохо вооруженные, не имея пулеметов и пушек, не смогли сдержать натиск белых, и вынуждены были окольными путями отступить. По свидетельству очевидцев черные очертания дыма, охватившее пожарищем село было видно даже в Атбасаре, находившееся в 55 верстах. Расправа была жестокой, о чем свидетельствуют показания очевидцев. Гражданская война не имела пределов в жестокости, граждане, военнослужащие бывшей Российской империи были безжалостны к друг другу. Как пишет историк П.М. Пахмурный, «овладев селом, каратели жестоко расправились с мирными жителями Мариинского, с захваченными в плен партизанами. Расстреливали первого попавшего, насиловали женщин, избивали их плетками, грабили имущество крестьян, пишут чудом спасшиеся участники восстания. Уцелевшее население Мариинского выгнали за околицу, расстреливали из пулеметов, живых бросали в огонь. В селе было убито более трех тысяч человек, сожжено 80 дворов, разграблено 100 тысяч пудов хлеба, 400 лошадей, 600 голов крупного рогатого скота, 8 тысяч овец, 50 бричек и другого имущества» [1, С. 286]. По словам Е.С. Удимовой, уроженки Мариинского: «Когда на второй день стали увозить на кладбище убитых партизан, то в очень многих трупах торчали самодельные пики в груди, в животе, в ногах. Это белые вонзали их же оружием в мертвые тела. Башкиры с горящими факелами металась по селу, поджигали строения. Потом начался грабеж, насилие...» [3, Л. 10]. Но возмездие карателям имело место, так позднее после падения колчаковской власти в Иркутске был задержан известный своей жесто-

костью бывший начальник Акмолинской тюрьмы А.С. Сербов; его доставили в Акмолинск и по приговору суда расстреляли [5, Л. 31].

Результаты исследования. Мариинское восстание одно из крупных про советских выступлений в период Гражданской войны на территории современного Северного Казахстана. Лишь поздней осенью 1919 г. с приходом частей РККА село Мариинское и другие населенные пункты Атбасарского, Акмолинского, Кокчетавского и Петропавловского уездов были освобождены от колчаковцев. Надо отдать должное тем людям, которые по крупицам собирали воспоминания чудом оставшихся в живых очевидцев, воздвигли памятники погибшим повстанцам, назвали железнодорожную станцию с. Мариновка именем героя партизан Ирченко, открыли единственный на территории Атбасарского района Акмолинской области Республики Казахстан историко-краеведческий музей в селе Мариновка, где собраны документы и экспонаты посвященное этому событию.

Список источников и литературы

1. Пахмурный П.М. Коммунистическая партия – организатор партизанского движения в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1965. 455 с.
2. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 685 с.
3. Воспоминания К.П. Горланова о революционных событиях в Кокчетавском и Акмолинском уездах с 1918 года. (Копия книги «Мариинском восстании» Акмолинской губернии в Сибири). 1971 г. // Государственный архив Акмолинской области. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 35.
4. Летопись села Мариинское собрана комсомольцами с\х «Красносельский» и участниками похода «Дорогами славы отцов и экспедиции «Коммунар» // Мариновский историко-краеведческий музей.
5. Дубицкий Андрей Федорович. Письма Винокурова А.И. Дубицкому А.Ф. о Мариинском восстании 1919 г., об участии в нем семьи Винокуровых, о дальнейшей судьбе членов семьи // Государственный архив города Астаны. Ф. 362. Оп. 1. Д. 32.

Для цитирования: Ермекбай Ж.А. Мариинское восстание 1919 г. в Акмолинской области // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 73–79.

© Ермекбай Ж.А., 2023

**ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ИЛИ ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ:
РАССУЖДЕНИЯ О КНИГЕ Д. И. ПЕТИНА
«ИСТОРИЯ ОМСКОГО РОДА БАТЮШКИНЫХ»**

Ефремова Юлия Николаевна^{1,2}

Вервекин Александр Анатольевич^{3,4}

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

² Омское отделение Уральского историко-родословного общества, Омск, Россия

³ Павлодарский дом географии, Павлодар, Казахстан

⁴ Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан

^{1,2} omsk_uiro@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 4574-3702

^{3,4} sanja2985@mail.ru

Аннотация: Работа представляет собой аналитический обзор монографии, посвященной прошлому известного и влиятельного в дореволюционном Омске предпринимательского рода и колоритной истории их особняка, где в 1918–1919 гг. жил Верховный правитель А.В. Колчак. В проблемном ключе оценены потенциалы книжной новинки с позиций практической генеалогии. Как критические реплики указаны пути продолжения исследования семейного прошлого Батюшкиных и совершенствования научно-справочного аппарата монографии.

Ключевые слова: историческая наука, историческая антропология, архивное дело, практическая генеалогия, Омск, рецензия.

Постановка проблемы. В декабре 2021 г. Исторический архив Омской области издал монографию «История омского рода Батюшкиных» [1]. Книгу мы держим в руках, благодаря скрупулезному 8-летнему труду сотрудника этого учреждения, кандидата исторических наук Дмитрия Игоревича Петина. Издание стало одной из значимых вех 10-летней работы Центра изучения истории Гражданской войны [См. подр.: 2] – уникального и известного далеко за пределами Омска места, где усилиями архивных работников сохраняется память о всенародной трагедии России вековой давности. Появление этого подразделения фактически ознаменовало новый этап развития архивной службы региона. В свою очередь, размещение Центра в особняке Батюшкиных предопределило новый виток изучения их непростого семейного прошлого. До этого времени этот сюжет омской истории привлекал внимание лишь, преимущественно, краеведов, чьи наработки, к сожалению, изобиловали неточностями и шаблонными обобщениями, транслируя, наряду с правдивой информацией, городские легенды [1, С. 7–8]. Символично и то, что активное приращение знания о роде Батюшкиных началось в 2014 г. в их бывшем родовом гнезде с учреждением конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь докумен-

тальное наследие» [3], регулярно проводимой на базе Центра изучения истории Гражданской войны.

Работники Центра, активно участвуя в выставочной работе и популяризируя историческое знание, значимую часть своих научных усилий направляют, в том числе, на практическую генеалогию, выявляя и аккумулируя в специальных справочных изданиях персональные сведения об участниках Гражданской войны [См. подр.: 4]. Эти заслуги выгодно выделяют омских архивистов в их профессиональном сообществе. Достижения эти высоко оценила научная общественность [См. напр.: 5–9].

Поэтому выглядит логично, что автор монографии, имея столь солидный опыт историко-биографических исследований, построил рассказ, основываясь именно на генеалогии. Эта концепция исходит даже от формулировки названия книги – простой и тяготеющей к публицистике. Рассуждения Д.И. Петина в книге, подкрепленные анализом огромного комплекса источников, оказались столь глубоки, колоритны и разнообразны, что вызвали весьма оживленную реакцию со стороны историков из Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Кирова, Екатеринбургa, Новосибирска, Иркутска и, конечно же, омичей. К настоящему времени на страницах рецензируемых журналов вышло уже 10 рецензий на книгу [10–19]. Их авторы обращают внимание на академическую ценность и концептуальность монографии, особо выделяя в ней сюжеты, связанные с исторической памятью о Гражданской войне в России, историей культуры, историей сибирского предпринимательства, историей архивного дела и краеведением. Подчеркнем: на практике выход в свет не всякого издания удостоивается такого внимания. Но стержневая линия в книге – прошлое семьи – осталась практически без внимания авторов этих обзоров. Восполнить этот пробел – цель данной публикации. Здесь стоит подчеркнуть, что Д.И. Петин продолжил наработки по теме и после выхода книги лично, а также, подключив к этому коллег по Центру изучения истории Гражданской войны. В новых публикациях приоритет отдан сюжетам по генеалогии [20–22].

Основная часть. В революционную эпоху в России генеалогия резко угасла. Это было связано с тем, что пришедшие к власти большевики после завершения Гражданской войны были негативно настроены против представителей некогда привилегированных классов («бывших людей»), имевших семейные корни от дворянства (офицерства, чиновников), духовенства, купечества и буржуазии. Родословные книги, семейные гербы, фамильные владения, как известно, для подобных семей нередко воспринимались как духовно-нравственные символы, являлись предметом исторической памяти. Следовательно, поставив перед собой задачу по уничтожению «враждебных» общественных классов, новая власть стала активно подавлять и проявление любых генеалогических интересов общества. В отдельных случаях упоминать о своих дореволюционных корнях было попросту опасно. При этом «попутно» историю

семьи начали забывать и потомки других сословий. Таким образом, советское общество на десятки лет «впало» в «генеалогическое неведение».

Сегодня в России мы наблюдаем всплеск родословных исследований. Изучение истории семьи поддерживается на уровне верховной власти. В 2022 г. в одном из своих выступлений Президент России В.В. Путин подчеркнул: «История нашей страны начинается с истории нашей семьи». Развивая эту мысль, отметим, что история любого здания – это, прежде всего, история тех людей, кто жил в нем или был связан судьбой. История любого предприятия – это история сотрудников, которые на нем работают. Именно поэтому исследования, наполненные архивными материалами о жизни и судьбе людей, являются сегодня наиболее приближенными к исторической истине.

Автор монографии уже с первых ее страниц подчеркивает важность генеалогии: «Ведь неслучайно современные историки для изучения той или иной эпохи все чаще прибегают к биографическим и генеалогическим исследованиям. Подобный подход с обращением к мелким деталям позволяет увидеть события прошлого «изнутри»» [1, С. 7]. Действительно в наше время генеалогия играет важную роль, как в реконструкции биографии отдельного человека, так и в изучении истории целых эпох и поколений. Современные исследования, говоря о социально-философских и экзистенциальных аспектах исследования рода, приводят в качестве одного из примеров именно анализируемую монографию [23, С. 40].

В работе Д.И. Петина одним из центральных сюжетов стала жизнь и судьба семьи отставного чиновника К.А. Батюшкина, который вместе с супругой в Омске владел роскошным домом, что волею судеб в годы Гражданской войны стал служебной квартирой адмирала А.В. Колчака. Эту историю достаточно подробно разработал омский краевед А.М. Лосунов [24], но сделано это было с очевидным акцентом на персону Верховного правителя и его «исторической идеализацией». При этом К.А. Батюшкин и его род были описаны лишь обзорно и только по весьма небольшому объему документов, хранящемуся в Омске. Хотя, конечно, следует сказать, что труд А.М. Лосунова – первый об истории особняка, написанный именно в формате книжного обобщения. Работа в 2011–2012 гг. смогла привлечь внимание общественности к этому памятнику истории и архитектуры. А, между тем, для исторического и краеведческого знания подчас очень важны результаты именно практической генеалогии. Поэтому описание в таком ключе бытования семьи Батюшкиных, избранное Д.И. Петиним, придало его монографии уникальность. В итоге, в наших руках оказался комплексный исторический труд и солидное генеалогическое «расследование» в одном.

Введение в научный оборот новых источников – показатель важности и ценности любого академического исследования. Д.И. Петин активно и обстоятельно анализирует «типичные» для практической генеалогии исторические источники XIX – XX вв.: это актовые записи, послужные списки, анкеты, авто-

биографии, характеристики, мемуарную публицистику, а также фотодокументы. В тесном переплетении с ними рассматриваются различные официальные источники делопроизводственного и справочно-статистического характера. Обращает на себя внимание важная для практической генеалогии методичность поиска: в исследовании весьма тщательно проработан омский (что логично) массив документов (включая источники, находящиеся на ведомственном хранении и в частных архивах). В итоге, углубляясь в изучение прошлого омской семьи, Д.И. Петин вышел далеко за географические пределы Омска, найдя «исторические следы» Батюшкиных в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Барнауле, Томске, Кемерово, Новокузнецке, Хабаровске, Железногорске, Краснодаре и Алма-Ате. Согласимся, что далеко не всегда в силу разных причин на практике генеалог может прийти в поисках до всех подробностей. Но, на наш взгляд, в отношении семьи Батюшкиных и их омского прошлого в книге достигнут своего рода максимум.

За несколько лет автор труда и его коллеги-архивисты провели колоссальную работу по выявлению биографических документальных материалов о Батюшкиных, их фондовой концентрации в Историческом архиве Омской области. Следующим шагом стало введение находок в научный оборот. В итоге, получилась написанная легким слогом полноценная родословная книга, сочетающая в себе исследование по местной истории и генеалогии. В отдельных главах две сюжетные параллели – прошлое семьи и бытование особняка – весьма тесно переплетаются. При этом именно обращение к родословию Батюшкиных связывает несколько разных сюжетов омской истории, на что уже обращали внимание авторы других рецензий на издание.

Что касается адресно-целевой характеристики издания, то в аннотации указано, что «книга ориентирована на широкую исследовательскую аудиторию – историков, архивистов, генеалогов, культурологов, краеведов и граждан, интересующихся историей города Омска в XIX–XX веках» [1, С. 2]. Стоит отметить, что благодаря комплексному подходу к написанию рассматриваемой монографии она приобрела популярность и у гостей города Омска, посещающих Центр изучения истории Гражданской войны, который людская молва называет не иначе как «Дом Колчака» и «Дом Батюшкиных».

Результаты исследования. Подводя итоги своих рассуждений, отметим следующее. Включение в издание научно-справочного аппарата (списка источников и литературы, указателей) делает монографию интересной с позиций популяризации генеалогии. Вдумчивый читатель сможет уяснить для себя общие исторические сюжеты и описывающие их конкретные источники, каковые могут быть полезны в изучение его рода. Эта книга обращает мысли в атмосферу минувших эпох, вдохновляя публику на изучение собственных корней, написание собственных родословных книг. В этом смысле, на наш взгляд, опыт данного издания показал, что оно может быть обоюдно полезным и опытным генеалогам-практикам, и тем, кто еще не планирует стать родоведом. Для простых

граждан книга носит мотивирующий характер, служит толчком к первым шагам в сторону знаний о своих предках.

В качестве критических замечаний можно отметить отсутствие в монографии родословных таблиц или схем – традиционного способа наглядного обобщения в практической генеалогии [См., напр.: 25–30]. Читатель на протяжении всего текста издания получает огромный фактологический материал, который хотелось бы подытожить в конце чтения. Не лишним здесь будет хроника событий, связанных со зданием и его первыми владельцами.

Обращаясь к предпринимательской деятельности отца К.А. Батюшкина – Алексея Андреевича – автор книги упоминает его как «купца 2-й гильдии города Верного»; фрагментарно в книге использованы документы Центрального государственного архива Республики Казахстан [1, С. 11, 14, 21]. В этом смысле для иллюстрации дореволюционной генеалогии Батюшкиных есть логика продолжить поиски документов в казахстанских архивах.

Но все указанные замечания не снижают главных достоинств издания, описанных выше, а равно в других обзорах. Мы надеемся, что эти мысли послужат автору монографии подсказкой о том, в какой информации нуждается читатель, и будут полезны при подготовке будущих трудов. Автор книги зарекомендовал себя в профессиональном сообществе как авторитетный историк-архивист и краевед, однако, на наш взгляд, анализируемая монография дает полное право считать Д.И. Петина, в том числе, генеалогом-практиком, специализирующимся на периоде новейшей истории России.

Список источников и литературы

1. Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Золотой тираж (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с.
2. Федотова И.В. Отметив первый юбилей: обзор научных мероприятий в Омске к 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны // Сибирский архив. 2022. № 2. С. 179–204.
3. Петин Д.И., Коновалова Н.А. Капитон Батюшкин: дополняя исторический портрет // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 нояб. 2014 г.). Омск: Амфора, 2015. С. 118–125.
4. Петин Д.И. Подготовка научно-справочных изданий об участниках Гражданской войны в России: краеведческий опыт Исторического архива Омской области // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX–начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. Омск: ОГИКМ, 2022. С. 166–172.
5. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры — красная власть”»: именной указатель к фондам Исторического архива Ом-

ской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» — Омск: Амфора, 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 47–55.

6. Блинова О.В. «Красные белоармейцы»: заметки о новом справочном издании омских архивистов // Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России: мат–лы всеросс. науч. конф. посв. 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию гос. арх. служ. России (15 нояб. 2018 г.). Омск: ОмЮА, 2019. С. 10–20.

7. Олихов Д.В. Памяти всех: рецензия на научно-справочное издание «Жертвы Гражданской войны: справочник–мартиролог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918–декабрь 1919 гг.)» // Сибирский архив. 2021. № 1. С. 141–159.

8. Сушко А.В. Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 1. С. 30–38.

9. Калиновский В.В. «Вспомним всех поименно»: размышляя над мартирологом жертв Гражданской войны в Омском регионе // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 26–31.

10. Штырбул А.А. «На семи лихих продувных ветрах...» (О книге Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 69–73.

11. Блинова О.В., Стельмак М.М. От примет времени к исторической памяти: рец. на моногр. Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Сибирский архив. 2022. № 1. С. 245–271.

12. Базанов П.Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186–188.

13. Князев М.А. Семейная сага в региональном измерении: обзор монографии Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 3. С. 216–225.

14. Антошин А.В. Дом и семья как зеркало прошлого страны: рецензия на книгу Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 82–86.

15. Коршунков В.А. Архивный поиск в локальной и семейной истории: город Омск и новое в изучении его прошлого // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1271–1279.

16. Комлева Е.В. Судьба страны через судьбу династии. Рецензия на книгу: Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Тип. «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10. № 1. С. 161–167.

17. Скорикова Н.А. Читая между строк: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 194–198.

18. Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208.
19. Елизарова Н.В. Дом, где вершилась история (рецензия на книгу: Петин Д.И. История Омского рода Батюшкиных: монография / Исторический архив Омской области. – Омск: Золотой тираж, 2021. – 140 с.) // Известия ОГИК музея. 2023. № 24. С. 245–250.
20. Петин Д.И. Генеалогия омского рода Батюшкиных первой половины XIX в. по церковным актовым записям // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 58–64.
21. Стельмак М.М. «Заведомо хранила, с целью распространения, 44 экземпляра прокламаций...»: к биографии омской революционерки Надежды Тереховой (Белоноговой) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 65–72.
22. Федотова И.В. Трудности и достижения: становление Сибирского управления военных учебных заведений РККА (1919–1920 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 73–82.
23. Астафьев Д.А. Исследование рода: социально-философские и экзистенциальные аспекты // Russian Studies in Culture and Society. 2023. Т. 7. № 1. С. 36–53.
24. Лосунов А.М. Омский адрес Верховного правителя. Омск: Амфора, 2011. 211 с.
25. Макарова Е.А., Герасимова А.Ю. Сибирские семейные родословные как опыт социогенеалогического исследования: издательский аспект // XI Макушинские чтения: мат–лы науч. конф. Новосибирск, 2018. С. 216–230.
26. Ефремова Ю.Н. Родословная семьи Левинзон. Омск: Золотой тираж, 2016. 202 с.
27. Ефремова Ю.Н. Родословная семьи: Черепановы, Лазаревы. Омск: Золотой тираж, 2018. 258 с.
28. Ефремова Ю.Н., Оссовский А.В. Оссовские герба Долэнга. XVII–XXI вв. Омск: Золотой тираж. 2019. 501 с.
29. Родословная книга Сибири: сб. ст. и мат–лов. по практ. генеалогии. Под ред. Ю.Н. Ефремовой. Т. 1. Омск: Золотой тираж, 2014. 502 с.
30. Родословная книга Сибири: сб. ст. и мат–лов. по практ. генеалогии. Под ред. Ю.Н. Ефремовой. Т. 2. Омск: Золотой тираж», 2020. 584 с.

Для цитирования: Ефремова Ю.Н., Вerveкин А.А. Историческая биография или практическая генеалогия: рассуждения о книге Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 80–86.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ БЮЛЛЕТЕНИ ОСОБОГО ОТДЕЛА 5-Й АРМИИ РККА ЗА 1920 г.: ОБЗОР РАССЕКРЕЧЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ ФСБ РОССИИ ПО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Журавлев Евгений Николаевич¹

¹ независимый исследователь, Омск, Россия

¹ ezhuravlev@mail.ru

Аннотация: Публикация представляет собой обзор рассекреченных и ставших доступными для исследователей документов советской военной контрразведки, связанных хронологически с финальным этапом Гражданской войны в Сибири. Цель исследования – осветить содержательную часть данных исторических источников. Теоретическая основа подготовки работы – проблемный метод. Обзор адресован специалистам, изучающим источниковедение, события военно-революционного периода 1917–1922 гг. в России и историю отечественных спецслужб.

Ключевые слова: исторические источники, военная контрразведка, советские спецслужбы, ВЧК, особые отделы, Гражданская война, РККА, белое движение, белый Омск.

Постановка проблемы. В текущее десятилетие в результате активного рассекречивания российскими органами безопасности архивных материалов исследователям становятся доступными уникальные и достаточно объемные комплексы исторических источников. В их числе – ценные свидетельства событий, которые переживала наша страна в течение первой четверти XX в. В этом отношении обращают на себя внимание документы органов советской военной контрразведки, освещающие завершающий этап Гражданской войны в Сибири. Объем выявленных данных источников пока весьма невелик, однако, их обзор, предлагаемый читателям, призван сделать эти документы полезными в перспективе для исследователей. Особую важность данной работы ведомственных архивистов, подчеркивают ведущие историки российских спецслужб (А.М. Плеханов, А.А. Зданович), отмечая, что доступность источников и их квалифицированные интерпретации помогут в осмыслении эпохи социальных катаклизмов [См. подр.: 1–2].

Основная часть. На сегодняшний день в Управлении ФСБ России по Омской области продолжается работа по рассекречиванию архивных материалов особого отдела Туркестанского фронта, в которых были выявлены документы особого отдела 5-й армии РККА. Источники относятся к периоду февраля–марта 1920 г. Перед тем как охарактеризовать данные материалы, целесообразно сообщить справочную информацию об особом отделе 5-й армии в указан-

ный период. В связи с расформированием по постановлению РВСР от 19 декабря 1919 г. управления Восточного фронта директивой Главкома вооруженными силами Республики № 3 от 6 января 1920 г. 5-я армия переподчинялась непосредственно Главкому. Войска армии, действуя при поддержке просоветских повстанцев, в тот период принимали участие в ликвидации остатков колчаковской армии в Восточной Сибири, взяв Красноярск, а к марту 1920 г. вступив в Иркутск [3, С. 301–302].

В указанный период особый отдел 5-й армии дислоцировался в Красноярске, а находившиеся в его подчинении 8 отделений (периферийные органы при штабах дивизий) дислоцировались на значительной по масштабу территории – в Иркутске, Барнауле, Минусинске, Усолье, Нижнеудинске, Семипалатинске, Иркутске, Сергиополе (с 1939 г. Аягуз). К числу периферийных органов также относились контрольные пункты на крупных железнодорожных станциях (Тайга, Красноярск, Иркутск). На эти пункты возлагался контроль над перемещением населения в пределы и за пределы прифронтовой зоны. В Верхнеудинске (с 1934 г. Улан-Удэ) формировалось отделение для обслуживания Народно-Революционной армии Монголии (так в документе; по-видимому, речь идет о буферном Бурят-Монгольском государстве). Руководил отделом Константин Васильевич Сухачев.

Несмотря на то, что 5-я армия подчинялась непосредственно Главкому, особый отдел армии в оперативном отношении находился в подчинении особого отдела Туркестанского фронта, чем мы можем логично пояснить современное фондовое нахождение документов. Рассматриваемые источники представляют собой информационные бюллетени, которые являлись основным видом регулярной отчетности особых отделов в период Гражданской войны. Бюллетени состояли из 10 и более разделов, информация в которых структурировалась по следующим вопросам: шпионаж; белогвардейские организации; деятельность оппозиционных политических партий; деятельность духовенства; антисемитизм и национальная рознь; дезертирство, волнения и восстания; преступления по должности, хищения народного имущества; работа советских учреждений; состояние железных дорог, состояние воинских частей; продовольственное положение, настроение населения и др. В заключительной части документа помещался список находившихся в производстве следственных дел.

Всего на архивном хранении имеется 4 информационных бюллетеня: № 4 (за 8–14 февраля 1920 г.), № 8 (7–12 марта 1920 г.), № 9 (за 14–19 марта 1920 г.) и № 11 (за 28 марта – 4 апреля 1920 г.). Обратимся к характеристикам наиболее ярких сведений из каждого бюллетеня.

В бюллетене № 4 в разделе «шпионаж» значительный интерес представляют выдержки из показаний содержащегося в особом отделе арестованного Бориса Андреевича Деминова (1894–1920) – бывшего управляющего особым отделом при Управлении делами Российского правительства А.В. Колчака. Этот авантюрист и организатор белых спецслужб в конце января 1920 г. был задержан сотрудниками особого отдела 5-й армии в Красноярске вместе со сво-

ими сослуживцами, занимавшими высокие должности (А.В. Караулов, И.А. Лошкарев, В.В. Протопопов); впоследствии расстрелян по постановлению СибЧК, не реабилитирован [См. подр.: 4–5].

Повествуя о Деминове, выдержки характеризуют агентурную и оперативную работу в белом Омске. О самом Борисе Андреевиче указано следующее: «Из его документов видно, что он в 1917 г. являлся студентом 4-го курса физико-математического факультета Московского университета. Как он утверждал, в 1918 г. «группой партийных товарищей Центра» он направлен в стан Колчака с особыми заданиями – организации агентурной работы в Советской России» [6, Л. 1]. По его словам деятельность в этом направлении на территории РСФСР «омская» Ставка Верховного главнокомандующего планировала организовать следующим образом:

- развивая разведывательную работу, ведущуюся штабами армий, корпусов, дивизий, направить на достижение оперативных целей на прифронтовой территории;

- осуществляя работу Ставки на всей территории советской России и за границей посредством организации агентурных пунктов и направлять ее на получение разведывательной информации о численности, вооружении и дислокации частей РККА, политической жизни и экономическом положении в советской России, проведение агентурой, агитационной и террористической деятельности [6. Л. 1–2].

По данным Деминова агентура белой контрразведки состояла из офицеров-добровольцев и лиц, «имевших свои интересы к Советской России». Агенты снабжались поддельными документами, как правило, на имя мастеровых (рабочих заводов). Способ перехода границы в основном практиковался под видом перебежчиков [6, Л. 2]. Все эти свидетельства во многом подтверждает недавно исследованная биография деятеля белой контрразведки, штаб-офицера для особых поручений А.Я. Гудимова–Горского, с кем, по всей видимости, по делам службы общался Деминов и затем выдал его сибирским чекистам [См. подр.: 7].

Также по показаниям Деминова при Ставке Верховного главнокомандующего существовала т.н. «Особая секретная канцелярия», которая ранее размещалась на территории бывшей Омской крепости. С августа 1919 г. эта структура приступила к ведению агентурной работы на территории советской России. Для этой цели из тюрем были освобождены несколько политических заключенных и направлены в РСФСР для связи с оппозиционными для советской власти политическими партиями и силами.

Деминов также сообщил, что в середине октября 1919 г. в Ставке началась предварительная работа по организации финансовой диверсии в РСФСР – выпуску фальшивых советских денежных знаков с целью последующего обесценивания советской валюты. На эту работу в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба Восточного фронта П.Г. Бурлина было выделено 12 млн. руб. Указанные мероприятия должны были начаться во Владивостоке на острове Русский [6, Л. 2]. Однако в тех условиях, когда фронт белых в За-

уралье все дальше сдвигался на восток, потенциальная польза этих шагов выглядит более чем условностью. Гораздо целесообразнее было бы заботиться тогда об укреплении «сибирского» рубля, фатальное падение которого усугубляли, как поражения белых армий, так и многочисленные факты фальшивомонетничества [См. подр.: 8, С. 172–197]. Эти «финансовые планы» также говорят о личности самого Деминова, свидетельствуя, в большей степени, о его далеко не полной профессиональной компетентности. Но его политическая фигура (человека для сферы спецслужб случайного и, в общем-то, чуждого) в отношении активности и идей схожа с персоной другого колоритного авантюриста белого Омска – министра финансов И.А. Михайлова, более тяготевшего к политическим интригам, но не к управлению экономической сферой [См. напр.: 9].

Одновременно, по свидетельству Деминова, с сентября 1919 г. началась организация агентурной работы в Осведомительном отделе штаба Верховного главнокомандующего, где было создано агитационное отделение [6, Л. 2].

В том же бюллетене много внимания также уделено ситуации на железной дороге, перегруженности составов и состоянию подвижного состава.

В бюллетене № 8 в разделе «шпионаж» сообщается любопытное заключение: «Случаев шпионажа противника ввиду его полного разгрома за последнее время не наблюдается...» [6, Л. 5].

Значительная часть документа посвящена разоблачению летом 1919 г. заговора группы командного состава 2-й стрелковой бригады 35-й стрелковой дивизии РККА из числа бывших офицеров во главе с комбригом В.В. Котоминым по переходу на сторону колчаковской армии [См. подр.: 10, С. 159–160; 11, С. 232–248]. Сообщается об установлении факта связи заговорщиков с «Союзом национального возрождения». По делу арестовано 10 чел. [6, Л. 5].

Далее помещен обзор трофейных документов, в том числе, отдела контрразведки и военного контроля при генерале-квартирмейстере штаба Верховного главнокомандующего о существовании в Сибири некой организации «Свет за Родину», которая якобы преследовала цель «замены всех помощников адмирала Колчака, как не оправдывающих своего назначения, новыми людьми». Далее дан подробный обзор о положении дел в уездах Енисейской губернии и состоянии частей армии.

В бюллетене № 9 приводятся сведения о состоянии снабжения армии, в том числе, в управлениях штаба и воинских частях, об антисоветской агитации в районах расположения 5-й армии. Продолжено обзорное освещение деятельности колчаковской контрразведки, сообщается о розыске ее бывших сотрудников и агентов.

В бюллетене № 11 указаны результаты розыска бывших офицеров колчаковской разведки и контрразведки. В частности, об аресте поручика Дорофеева, бывшего начальника конной разведки 3-го полка морских стрелков. Сообщается, что в задачи этой разведки входил розыск дезертиров колчаковской армии, красных партизан и коммунистов. К задержанным лицам белые контрразведчики применяли жестокие пытки.

В данном бюллетене появился новый раздел «Об искажении политики советской власти», где приведены многочисленные примеры подобных некорректных трактовок, в том числе, следующий: «В селе Заусайлово Тулунского уезда Иркутской губернии учительница Ушакова, называя себя коммунисткой, усердствует «не по разуму» – искажая декрет РСФСР об отделении церкви от государства, ведет агитацию за снятие крестов с церковью, советует выбросить иконы из церкви и сделать из последней школу. Результатом такой педагогики является нежелание верующих отпускать детей в школу» [6, Л. 42].

В документе есть подробная информация о состоянии частей армии, о положении с продовольствием и обмундированием бойцов, а также о ситуации в уездах Енисейской губернии. Так, например, сообщено следующее: «В Красноярском уезде население разграблено белыми и испытывает острую нужду в предметах первой необходимости. Масса очень темна. Посылаемые инструктора, в силу своей слабой подготовки, не умеют подойти к крестьянству и восстанавливают его против себя. О коммунистах население имеет самые нелепые понятия. В уездах замечается неумелая или умышленно неправильная работа ревкомов. Агенты местных властей ведут себя нахально и вызывающе по отношению к населению. Милиция бесчинствует и пьянствует. Крестьяне становятся в тупик не находя нигде выхода» [6, Л. 42]. Далее в бюллетене помещен обзор советской и зарубежной прессы.

Кроме бюллетеней интерес представляет также отчет следственной части особого отдела 5-й армии о следственных делах, законченных производством в период с 15 по 27 марта 1920 г., где указаны результаты их рассмотрения. Примета времени: из находившихся в производстве 96 дел в отношении 137 чел. в службе в колчаковской армии обвинялись 85 (62% от общего числа). В частности, из общего количества проходящих по делам лиц в особый отдел ВЧК в Москву были направлены дела (с личностью) в отношении 40 чел., переданы в трибунал – в отношении 23, в Енисейскую и Томскую ЧК – в отношении 8, помещены в концлагерь – 14 фигурантов. Виновность 43 лиц не была доказана. Они были освобождены, дела прекращены [2. Л. 64–67]. Все освобожденные обвинялись в службе в белой армии. Дела в отношении 9 чел. прекращены по иным причинам (смерть, направление на принудительное лечение и др.). Несмотря на то, что практически все арестованные белые офицеры обвинялись в службе в колчаковской армии, фактически в ревтрибунал передавались дела, как правило, лишь на лиц, служивших в контрразведке или виновных в расстрелах красноармейцев.

Результаты исследования. Таким образом, даже беглое ознакомление с выявленными информационными бюллетенями особого отдела 5-й армии РККА показывает, что данные источники могут дать содержательные дополнения не только о деятельности спецслужб и их противостоянии в годы Гражданской войны на востоке России. Историки смогут почерпнуть сведения о социально-экономической и общественно-политической ситуации, а также повседневной-бытовой жизни в белом Омске и Восточной Сибири, являвшейся прифронтовой зоной в период восстановления советской власти. Кроме того, такие

находки могут дать основу различным новым исследованиям. А факт «попутного» обнаружения анализируемых документов подтверждает то, что в основе исторического знания лежит приоритетная и незыблемая основа – это кропотливый и всесторонний архивный поиск.

Список источников и литературы

1. Плеханов А.М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7–11.

2. Зданович А.А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 55–61.

3. Центральный государственный архив Советской армии. В 2 т. Т. 1. Путеводитель. М., 1991. 421 с.

4. Шишкин В.И. Особый отдел управления делами Верховного правителя и Совета министров Российского правительства (май–декабрь 1919 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 8. С. 63–81.

5. Бакшт Д.А., Петин Д.И. Заведующий агентурой Российского правительства адмирала Колчака Александр Караулов (1868–1920): к реконструкции биографии // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 366–380.

6. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 38. Оп. 1. Д. 621.

7. Петин Д.И. Работа омских чекистов в отношении бывших белых контрразведчиков: казус Гудимова–Горского // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 576–588.

8. Ходяков, М.В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. СПб.: СПбГУ, 2019. 312 с.

9. Стельмак М.М., Петин Д.И. «Он насытил свое честолюбие при Колчаке»: министр финансов И.А. Михайлов в оценках современников // Исторический вестник. 2022. Т. 42. С. 36–61.

10. Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М.: Старая Басманная, 2018. 272 с.

11. Ганин А.В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе 1917–1922 гг. М.: Кучково поле; Музеон, ИЦ «Воевода», 2022. 704 с.

Для цитирования: Журавлев Е.Н. Информационные бюллетени особого отдела 5-й армии РККА за 1920 г.: обзор рассекреченных документов Управления ФСБ России по Омской области // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г. Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 87–92.

БЕЛАЯ РОССИЯ И ИДЕЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Зайнутдинов Динар Рафаилович¹

¹ Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
Казань, Россия

² Институт социальных и гуманитарных знаний, Казань, Россия
^{1,2} knight_1988@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 5778-0208

Аннотация: В работе рассматривается последовательная эволюция вопроса формы территориального устройства будущей пост большевистской России в спектре развития национальных движений и областничества. Новизна исследования заключается в выявлении тенденций к образованию регионального государства на протяжении 1918–1920 гг. Основными источниками исследования стали труды антибольшевистских правоведов и политических деятелей, а также современных историков и юристов. Итогом исследования стал вывод о запоздалом принятии решения о построении регионального государства.

Ключевые слова: форма территориального устройства, региональное государство, белое движение, Гражданская война, национальное движение, областничество.

Постановка проблемы. Для белых режимов периода Гражданской войны в России 1918–1920 гг. проблема выбора формы территориального устройства будущей страны была такой же тяжелой, как рабочий и земельный вопросы. Но в отличие от последних, ошибки, совершенные белыми правительствами в вопросе территориального устройства, исправить было намного труднее: серьезные проблемы возникали в отношениях с представителями целых народов. Это «наследство» досталось Российскому правительству (состоящему из Верховного правителя России А.В. Колчака и Совета министров), возникнувшему в середине ноября 1918 г., и постепенно объединившему под своим началом иные белые государственные образования.

Основная часть. Особое место в территориальной политике белых режимов занимали мусульманские народы, жившие на обширных и чрезвычайно важных в стратегическом плане территориях России. И ошибки, совершенные в национальной политике, в данном случае существенно повлияли на распространение и укрепление власти Российского правительства. Например, распуская Башкирское правительство, Верховный правитель А.В. Колчак потерял не только доверие представителей башкирского, но и татарского народа. В середине февраля 1919 г. башкирские вооруженные части, в числе которых были татары, перешли на сторону РККА. Справедливо отмечает А.В. Ганин, что «переход башкир на сторону красных повлек за собой резкое ухудшение положения на левом фланге белого Восточного фронта» [1, С. 222]. Именно поэтому

выдающийся башкирский военно-политический деятель Заки Валиди писал, что «национальные деятели татар и башкир независимо от того на стороне красных они были или на стороне белых придерживались единых взглядов» [2, С. 284]. Оба народа требовали гарантий в реализации права самоопределения, но белые политики всячески оттягивали решение этого вопроса. В итоге большинство мусульман внутренней России к концу 1919 г. перестали выражать лояльность Российскому правительству.

Запоздалый пересмотр национальной политики белой власти уже не смог кардинальным образом изменить положение вещей. Некоторые положительные аспекты этого пересмотра были все же отмечены мусульманским населением. Это привело к тому, что имели место случаи обратного перехода башкиро-татарских вооруженных частей от красных к белым [2, С. 284]. Данное обстоятельство было обусловлено, с одной стороны, проявлением «истинной» национальной политики большевиков на территории Волго-Уральского региона, а с другой, началом переосмысления Российским правительством проблемы территориального устройства и постепенным принятием концепции регионального (регионалистского) государства.

Есть мнение, что региональное территориальное устройство представляет собой временный этап на пути к федерации [3, С. 145]. Однако этот вывод неоднозначен. Например, Испания и Италия – это типичные региональные государства, существующие в данной форме не одно десятилетие. Ни одна республика в советской или в современной России не имеет столько прав, как современная автономная Каталония.

Российское правительство не собиралось учреждать федерацию, но готово было к постепенной децентрализации унитарного государства и его преобразованию в государство региональной формы. В таком случае национальные регионы в России приобрели бы специфический статус «полуавтономных-полугосударственных образований» характерный, например, для территориальных единиц Великобритании [3, С. 145–154].

Обратимся к содержанию «Ответа Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака союзным державам на их ноту» от 26 мая 1919 г. [4, С. 378–380]. В этом документе Российское правительство однозначно позиционирует Россию как многонациональное государство. «Ответ Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака союзным державам на их ноту» выступает весьма важным документом международного характера, обозначившим три направления внутренней политики России: демократизацию общественно-политических институтов; децентрализацию государственной власти; автономизацию и регионализацию государства. Хотя этот «ответ» был так сформулирован во многом в угоду «союзным державам», но деятельность национальных и областнических движений создала определенную динамику для эволюции внутренней территориальной политики. Российское правительство в целом признавало, что будущая Россия не могла быть построена иначе, как на началах автономии земель и народов, входящих в ее состав. Страна, в которой перепле-

таются различные культуры и религии, не может быть просто унитарной и централизованной. «Никакая власть и никакая политическая элита не вправе определять, какой народ имеет право на собственную национальную государственность, какой – только на национально-культурную автономию, а какому из народов не полагается ничего» [5, С. 102]. Решение по вопросу самоопределения должен принимать сам народ, исходя из собственных потребностей и реальных возможностей.

Переход Российского правительства к концепции регионального государства был поддержан состоятельными слоями общества. Во многом это было обусловлено тем, что торгово-промышленный класс еще осенью 1918 г. выдвинул программу строительства децентрализованного унитарного государства [6, С. 284–287]. В ней в качестве решения проблемы территориального устройства был предложен вариант «экономического автономизма» регионов (областей), то есть при организации частей государства исключался принцип национально-территориального деления.

Программа имела раздел 3 «Областные правительства», который определял политико-правовой статус областных правительств. Но программа, составленная представителями состоятельных слоев общества, была естественно ориентирована на экономическую самостоятельность области, а не национальную. Управляющий делами Российского правительства, юрист Г.К. Гинс дал такую характеристику этой программе: «Я не знаю более ясного изложения политической программы, построенной на началах единовластия, чем те положения, которые были приняты на состоявшемся осенью 1918 г. съезде торговопромышленников в Уфе. Они построены были с внешней стороны на начале устойчивого центра, с внутренней – на идее устранения политики» [6, С. 284–287].

Совет съезда торговли и промышленности в ноябре 1918 г. оказал поддержку власти А.В. Колчаком, надеясь на реализацию собственной программы «экономического автономизма». «Недаром некоторая часть общественности решила, что государственный переворот был произведен в интересах буржуазии, и новая власть теперь начнет проводить в жизнь программу, сформулированную на форумах торгово-промышленного класса. Действительно, фактор лояльности, а также наличие обстоятельной, внутренне логичной программы вывода страны из экономического кризиса придавали данному буржуазному объединению дополнительный вес в глазах новой власти» [8, С. 73–74]. Торгово-промышленные круги стремились оздоровить экономику страны, в связи с чем, разработанную ими платформу «экономического автономизма», можно считать одним из вариантов построения децентрализованного унитарного государства.

На реализацию проекта «экономического автономизма» Российское правительство не пошло, опасаясь усиления и без того разросшейся коррупции во всех сферах государственной жизни. Тем не менее, некоторые предложения торгово-промышленного класса белая власть была вынуждена принять. Среди них: введение права свободной торговли, субсидирование промышленности и

предприятий, создание Чрезвычайного Государственного Экономического совещания (в мае 1919 г. приобрело статус Государственного Экономического совещания) и др.

Помимо «экономического автономизма» выдвигались и иные варианты территориального деления страны, например, так называемое «областное деление». «В период революции и гражданской войны областничество стало первым опытом поиска некоего “среднего пути” между унитарной и федеративной системами. Сформировавшееся в условиях крайней политической нестабильности, оно смогло реализоваться лишь отчасти: большая часть разработок по формированию областничества осталась на стадии проектов» [9, С. 212]. Проект «областного деления» государства представлял собой вариант, полученный в результате соединения принципа национально-территориальной автономии с «экономическим автономизмом». «На белом Юге и в Сибири областничество приобретало национально-государственный характер: области объединяли здесь несколько губерний, схожих по экономическому и национальному укладу» [9, С. 212], – указывает В.Ж. Цветков. Однако упомянутый выше Г.К. Гинс в целом негативно высказывался в отношении областного деления государства, хотя и признавал, что ранее существовавшие областные правительства находили опору именно среди населения [7, С. 311].

Смене установок унитаризма на регионализм в проблеме выбора формы территориального устройства в немалой степени способствовало движение сибирских областников. Сибирские областники, как и представители башкирского и татарского национального движения, делились на автономистов и федералистов. «Сибирские национал-либералы, являлись автономистами, выступали за необходимость созыва Областной думы – органа самоуправления краем. При этом они не допускали дробления Сибири на отдельные федеративные единицы по территориальному или этническому критерию. Сибирские национал-социалисты видели Сибирь федерацией, входящей в состав Российской Федерации, причем Россия представляла собой, скорее, даже не федерацию, а конфедерацию» [10, С. 56]. Большая часть представителей сибирского областничества стояла на платформе федерализма. Это можно объяснить, прежде всего, тем, что сибирские областники открыто критиковали управленческую практику центра в отношении окраин, особенно Сибири, справедливо видя в этом проявление чисто колониальной политики» [11, С. 11].

Наиболее существенные различия в областничестве заключались в выборе ими решений национального вопроса, так как в целом областники были выходцами из регионов межэтнических, межкультурных и межрелигиозных контактов [11, С. 11]. Идейные установки сибирского областничества в вопросе территориального устройства России часто поддерживали представители национальных групп (например, эсер Юсуф Раадович Саиев). Именно поэтому, «когда мусульмане Сибири, следя за ходом рабоче-крестьянской революции, увидели насилие, чинимое над различными народами, отмечал Саиев летом 1918 г., они встали на сторону сибирских областников, видя в этом спасение и самой

страны, и своих прав самоопределения. Сибирские татары занимались решением таких вопросов культурно-национальной автономии, как образование и местное самоуправление» [12, С. 503]. Примечательно, что 28 членов Сибирской областной Думы «имели мандаты национальных организаций Сибири, представляя тем самым внушительную силу, с которой нельзя было не считаться при решении, как острых общеполитических вопросов, так и национальных проблем» [13, С. 151–158].

Объединение разрозненных государственных образований восточной России под лозунгом воссоздания «Великого и неделимого Государства» вызвало со стороны национальных движений и сибирских областников настороженность, и все же на первоначальных этапах оформления «белой» России они оказали поддержку власти. Так, В.Ж. Цветков пишет: «Если красноярские и, особенно, иркутские областники отстаивали идеи широкого федерализма и определенной оппозиции Российскому правительству, то в это же время “Потанинский кружок” в Томске продолжал призывать к поддержке Российского правительства» [9, С. 79]. Безусловно, авторитет этнографа, географа, основателя сибирского областничества Г.Н. Потанина обеспечивал огромную поддержку Российскому правительству. «Сибирские областники, не приходя еще в открытую оппозицию правительственному курсу (это произойдет осенью 1919 г.), отстаивали точку зрения широкой областной автономии, поддерживая тем самым ту часть сторонников Белого движения, которая также выступала с позиции необходимости “децентрализации управления” и “сотрудничества с общественностью”, при неизменном сохранении государственного единства» [9, С. 80].

На начальном этапе Гражданской войны (до ноября 1918 г.) часть национальной интеллигенции продолжала поддерживать идею единого российского государства. Благодаря этому (национальными группами Волго-Уральского региона и Сибири) разрозненные антибольшевистские режимы смогли создать Всероссийское Временное правительство (Государственное совещание в Уфе, проходило 8–23 сентября 1918 г.). Как отмечает Л.Г. Прайсман: «Участники совещания представляли различные государственные партийные и национальные образования, функционировавшие в это время на востоке страны. Это изобилие различных (прежде всего государственно-национальных) образований лучше всего показывало всю остроту кризиса, который переживало Российское государство» [14, С. 367].

Изначально механизм общероссийской государственной власти концентрировался во Всероссийском Временном правительстве, созданном в результате общенационального объединения. Так, Г.К. Гинс высоко оценивал роль Директории в единении государства: «Благодаря Директории ускорилось объединение всех областных правительств на территории Сибири и Урала» [6, С. 294]. Доставшийся Российскому правительству в ноябре 1918 г. проект «всероссийского антибольшевизма» во многом способствовал затем реализации

идее о единой «белой» государственности. Но, очевидно, что Российское правительство не смогло понять хрупкую структуру механизма, построенного, прежде всего, на доверии и взаимном согласии национальных групп и областных движений к центральной власти.

Региональные тенденции вплоть до ноября 1920 г., хотя и медленно, но «выталкивали» убеждения о пригодности для России лишь формы централизованного унитарного устройства. Определенный скачок в принятии регионализма произошел с приходом к власти в Крыму П.Н. Врангеля. Национально-территориальная политика врангелевского правительства (Правительство Юга России) окончательно перешла к концепции формирования регионального государства.

Современный анализ форм территориального устройства (в соотношении с ориентирами П.Н. Врангеля на государственное устройство будущей России) не позволяет нам говорить о желании образовать федерацию, как это отмечает ряд историков. Здесь правильнее будет заключить, что П.Н. Врангель в идеале планировал создание именно регионального государства. В защиту данной точки зрения говорят признаки регионального государства [15, С. 302].

Крупный правовед Н.Н. Алексеев – один из основоположников евразийства – был убежден, что «те части России, которые пережили период собственного самостоятельного государственного существования, как то Украина, Кавказские республики и т.д. <...> должны остаться в качестве самостоятельных земель, входящих в Российское целое на началах широкой автономии и, быть может, федерализма» [16, С. 369]. Итогом существования белой государственности к 1920 г. стало признание права на национально-территориальную автономию за нерусскими народами России. В основу концепции будущей регионалистской России ложились такие единицы административно-территориального деления как области и автономии, а возможно и республики.

Результаты исследования. Белая власть периода колчаковской России отрицала федерацию, как форму территориального устройства, но политические события сами задавали тон для строительства регионального государства. Именно поэтому формула «от унитаризма к регионализму» вписывалась в эволюционирующую внутреннюю политику Российского правительства. В центре концепции регионального государства находился вопрос о «количестве власти», которая подлежала передачи автономиям.

В провозглашении федерализма, как казалось тогда белой власти, – есть признание свершившегося развала государства. Игнорирование белой властью федеративной формы территориального устройства сыграло свою роль – поддержка национальных и областных движений быстро таяла. Российское правительство не учло то обстоятельство, что формирование федерации может выступить способом предотвращения распада единого государства. Советская Россия на своем примере показала, что федеративная форма могла лишь укрепить основы государственности.

Список источников и литературы

1. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006. 623 с.
2. Заки Валиди Тоган. Воспоминания: Кн. 1. Уфа: Китап, 1994. 400 с.
3. Иванов В. Теория государства. М.: Территория будущего, 2010. 272 с.
4. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М.: Центрполиграф, 2003. 702 с.
5. Фарукшин М.Х. Этничность и федерализм. Казань: ЦИТ, 2013. 348 с.
6. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг. (впечатления и мысли члена Омского правительства). В 2-х т. Т. 1, ч. 1. Пекин: Типолитограф. Русской Духовной Миссии, 1921. 325 с.
7. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918–1920 гг. (впечатления и мысли члена Омского правительства). В 2-х т. Т. 2, ч. 2, 3. Пекин: Типолитограф. Русской Духовной Миссии, 1921. 612 с.
8. Рынков В.М. Возникновение и деятельность Всероссийского Совета Съездов торговли и промышленности (лето 1918 г. – лето 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 71–78.
9. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: Наука, 2009. 635 с.
10. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2014. 376 с.
11. Малинов А.В. Философия и идеология областничества. СПб.: Интерсоцис, 2012. 128 с.
12. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: СПМ, 2004. 600 с.
13. Нам И.В. Национальный фактор в деятельности Сибирской областной думы в период «демократической» контрреволюции (июнь–ноябрь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 151–158.
14. Прайсман Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 год на Волге. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2015. 536 с.
15. Конституционное право России: Энциклопедический словарь / Под общей ред. В.И. Червонюка. М.: Юрид. лит., 2002. 432 с.
16. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / сост. А. Дугин, Д. Тараторин, предисл. А. Дугин. М.: «Аграф», 2003. 640 с.

Для цитирования: Зайнутдинов Д.Р. Белая Россия и идея регионального государства // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 93–99.

ЧАСТИ СИБИРСКОЙ АРМИИ ПО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫМ ОПРОСАМ 28-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В МАЕ – ИЮНЕ 1919 Г.

Заяц Николай Алексеевич¹

¹ ГБОУ СОШ № 1430, Москва, Россия

¹ nikza91@yandex.ru, ORCID: 0009-0008-3265-2456

Аннотация: Цель статьи – анализ опросов военнопленных, захваченных 28-й дивизией РККА в мае–июне 1919 г. По итогам исследования сформулированы выводы о состоянии белых частей Сибирской армии на этом участке и колчаковской политике в занятых местностях, подтверждены выводы историографии о срыве наступления армии Колчака по объективным причинам.

Ключевые слова: военная антропология, военная разведка, пленные, Гражданская война, белое движение, Сибирская армия, 28-я дивизия.

Постановка проблемы: в РГВА в фондах 28-й дивизии хранится дело, в котором более 550 листов [1], где сосредоточены опросы пленных белогвардейцев за май–июнь 1919 г., когда красные начали масштабное контрнаступление. Насколько нам известно, этот источник почти не исследован. Между тем данные военнопленных подробны и информативны и в целом раскрывают состояние частей Сибирской армии, картину их отступления, отношение населения к белым и иные аспекты Гражданской войны. В связи с этим актуален сводный анализ этих документов, их сопоставление с наработками историографии.

Основная часть. Контрнаступление РККА в мае 1919 г. быстро опрокинуло белые части на восток. На реке Вятке 25 мая переправилась и 28-я дивизия 2-й армии. Спустя 2 дня белые оставили Елабугу, 1 июня – Агрыз, а на следующий день красные заняли Сарапул. 7 июня белые оставили Ижевск, а 11 июня – Воткинск. В короткий срок были захвачены тысячи пленных. Все они проходили через разведотделение штаба дивизии, где с них снимались показания. Опросы пленных шли в промежутке примерно с 21 мая по середину июня 1919 г. Конечно, это небольшой хронологический период, но он дает немало подробностей о настроениях в белой армии и ее тылу.

Для опроса была составлена специальная форма. В ней авторы попытались охватить все стороны армии противника. По пунктам указывались следующие данные: имя, фамилия, отчество пленного; национальность, вероисповедание, возраст; происхождение и место жительства; время мобилизации; в какой части находился; обстоятельства пленения; откуда прибыла часть, когда и кого сменила, кого видела по пути к позиции; ближайшие задачи противника, наступление или отступление; подробности оборонительных сооружений, наличие пулеметов, минометов и т.п.; сведения о соседях и резервах; расположение ча-

стей, наличие окопов, опорных пунктов, складов боеприпасов; расположение артиллерии; состав рот, офицеров и унтер-офицеров по списку и налицо; сведения о личном и командном составе, а также организации соединений; описание тыла, места штабов; порядок службы и тыл в боевой линии и резервах; состав части по возрастным категориям, способ пополнения запасных частей; сроки, маршруты и способы переброски и смены войск; их обучение и быт; вооружение и технические средства; намерения и планы противника, признаки сосредоточения; положение занятых противником территорий. Часть пунктов повторяла друг друга. Но нередко были протоколы в более свободной форме. В них обычно указывали данные перебежчика, его рассказ об обстоятельствах пленения и побега к красным и основные сведения, которые он мог дать. Если пленных и перебежчиков было много, несколько из них рассказывали все необходимое, а остальные подтверждали сказанное, что и отмечалось в протоколе.

Пленные и перебежчики были из разных соединений, но в основном из частей 3-го и 4-го Сибирских корпусов. А именно – в 3-м корпусе: из 4-й Сибирской стрелковой дивизии – 13-й Омский, 14-й Иртышский, 15-й Курганский, 16-й Ишимский полки; и из 18-й Сводной дивизии – штурмовой бригады (1-й и 2-й штурмовые полки) и Егерской бригады (1-й и 2-й Егерские). В 4-м корпусе были захвачены пленные: 3-й Сибирской дивизии – 9-й Иркутский, 10-й Байкальский, 11-й Нижнеудинский, 12-й Верхнеудинский; 15-й Омской (бывшей Сводной) дивизии – 57-й Павлодарский, 58-й Акмолинский, 59-й Саянский и 60-й Бугурусланский; 1-й Красноуфимской бригады – 1-й Красноуфимский и 2-й Кыштымский полки.

Конечно, это не весь состав частей противника – ряд пленных был из других дивизий и корпусов (например, 3-го и 4-го полков 16-й Сарапульской дивизии), а некоторые части пленных практически не дали. Так, 28-я дивизия не взяла ни одного казака, хотя пленные сообщали об активном участии 17-го Оренбургского казачьего полка, чьи 6 сотен по 40-100 чел. часто придавались полкам. Почти не было пленных и из 7-й дивизии 3-го корпуса, стоявшей севернее позиций РККА.

Из показаний видно, что за последние бои их состав сильно поредел. Роты насчитывали обычно 70–100 чел. Были и более худосочные – так, 7-я рота 12-го Верхнеудинского полка насчитывала меньше 40 чел.; роты 10-го Байкальского – по 20–40 чел.; в 58-м Акмолинском 5-я рота в 40 чел. сдалась в полном составе, 7-я рота уменьшилась со 107 до 50 чел. и тоже сдалась [1, Л. 54, 73, 113, 114]. В целом после майских боев состав усох до 500-800 штыков. В ротах насчитывалось от 1 до 12 офицеров. Некоторые хорошо осведомленные пленные давали подробные данные по командованию вплоть до имен командиров ряда частей. Но большинство солдат знало лишь собственных ротных и взводных, и чем выше была должность, тем меньше солдаты знали об офицере. Так, командира 16-го Ишимского полка Н.Н. Казагранди пленные даже точно не знали по фамилии и называли ее и как «Косогранди», и как «Козегранди» и даже как «Косодралин» [1, Л. 2, 45об., 88].

Все пленные жаловались на скудное жалование, которое часто выдавалось с задержками по несколько месяцев и в разном размере. Так, пленные ряда полков получали 48 руб.; 1-го штурмового – 46; 57-го Павлодарского – 40. Самую большую задержку упомянул пленный 16-го Ишимского полка – за 6 месяцев [1, Л. 20, 29об., 75, 120]. С 1 марта 1919 г. в полках стали получать прибавку в 25% как квартирные деньги имеющим семью – семьи также получали отдельно по 100 руб. пособия. Для сравнения – задержанные жители показывали: «В Перми и Екатеринбурге рабочим плотят через два в 3-й месяц на заводах квалифицированным рабочим 13 руб. в сутки, а чернорабочим 8–10 руб. и женщинам 5 руб.» [1, Л. 72].

Продовольствием снабжались лишь в тылу – получая обычно по 2 фунта хлеба и $\frac{3}{4}$ фунта мяса. На фронте снабжения не было вообще – полки кормились от населения, и более-менее сносно только во время отдыха. Более того, командование 4-го корпуса прямо предписывало войскам брать питание у крестьян [1, Л. 452]. Покупалось оно за счет средств полка, а чаще всего просто отнималось: «Казенного питания у нас нет, имеем лишь все от населения, от которого забираем бесплатно» [1, Л. 20об.]. Некоторые упоминали, что продовольствие оплачивалось, но по уменьшенным ценам. В целом питание в полках было обычно плохим, реже – удовлетворительным и «хорошим».

Обмундирования солдаты не получали вовсе. Показания переполнены фразами «обмундирования нет», «обмундирования недостаточно», «обмундирование не получали», «обмундирования ничего нет, даже корпусных писарей не могут обмундировать» [1, Л. 30, 56, 118об., 452]. Многие воевали в своей одежде. Для компенсации колчаковцы поголовно обирали пленный вплоть до белья. Так, прапорщик 11-го Нижнеудинского полка показывал: «Обмундирования в полках нет, пользуются тем, что снимают с пленный; продукты приобретаются своими полковыми средствами, интендантство почти ничего не дает». Два перебежчика говорили: «Обучающие солдат прапорщики часто останавливали нашу партию пленный, с целью отобрать что-либо из обмундирования, но брать от нас было уже нечего т.к. все было отобрано еще в Штадиве» [1, Л. 25об., 105]. Также почти ни один полк не имел сформированного обоза. Если в артиллерии, штабах и инженерных частях был некоторый транспорт, то полки при перебросках передвигались исключительно на мобилизованных у населения подводах, что, как говорила одна сводка, «очень озлобляет крестьян» [1, Л. 37].

Некоторые пленные показали, что белые мобилизовали призывных за 1914-1921 гг. Другие наоборот, отмечали, что призванные 1913-1917 гг. освобождались, вместо них брались призывные 1911-1912 гг. на полгода службы. Обучение для старых солдат велось быстро – по 1–2 мес., для молодых по 3–4 («смотря по требованию с позиции»). Но большинство подтвердило, что старослужащих либо не мобилизуют, либо отправляют служить на 6 месяцев. Причины этого были им очевидны: «не отправляют ввиду боязни, что они устроят восстание». Действительно, среди старых солдат чаще всего отмечалось недовольство [1, Л. 11об., 17об.].

В противоположность им, призванная молодежь была главной опорой колчаковцев в полках, отличаясь покорностью: «Нарочно составляются караула одного старого одного молодого». Молодежь составляла половину 2-го Егерского полка, настроение «боевое». В 1-м штурмовом полку, бойцы из мобилизованной молодежи «хорошо настроены, офицеры против красных, но отступление все изменило». Пленный 59-го Саянского полка докладывал: «Полк считается боеспособным, молодые солдаты хотят воевать настроение у них хорошее, у старых солдат настроение подавленное, надоело воевать» [1, Л. 45об., 87, 91, 94]. Что до добровольцев, то почти все пленные утверждали, что их либо мало, либо нет вообще.

В большинстве полков отмечали строгую дисциплину, которая ничем не отличалась от царской. Очень распространены были порки: «дисциплина строгая, особенно на фронте. Наказывают и плетками»; «за проступки, за грубость офицерам бьют плетьюми, свитыми из кабеля или шомполами»; «отношение скверное, бьют шомполами и порют», «за провинность в армии белых наказывают розгами и по полевому суду вплоть до расстрела» [1, Л. 18об., 19об., 64, 101]. Вместе с тем на фронте дисциплина была ослабленной: «Офицеры всегда в погонах, честь требуется обязательно в тылу, на позиции же не обязательна и большей частью смотря по командному составу» [1, Л. 17об.].

После поражений настроения отличались усталостью и нежеланием воевать. Показания переполнены формулировками: «Настроение против армии Колчака», «настроение у солдат разнохарактерное, в тылу против войны», «настроение подавленное, утомлены», «настроение среди солдат белых подавленное, солдаты запирались и часто промедляли распоряжение», «много самострелов», «настроение в пользу красных. Полк на плохом счету», «настроение утомленное и политически не надежное» [1, Л. 34об., 35, 44, 67, 93, 101, 192]. Большинство с охотой бы бежало, но их запугивали мнимыми расправами у красных. Были и противоположные показания, но их гораздо меньше. Так, крестьянка д. Дубровка Малмыжского уезда сообщала, что в разгар наступления белые были куда воинственнее: «У большинства солдат мысль победить красных во что бы то ни стало. "Давно бы были в Казани, только начальство воли не дает" – как говорили у нас в деревне солдаты <...> Солдаты говорят, что как только отодвинем красным, все будет и можно варить кумышку» [1, Л. 48].

Можно понять, что кавалерийские и технические части были лучше снабжены и мотивированы. Так, разведсводка сообщала о 3-м инженерном дивизионе: «В дивизионе много добровольцев. Обмундирование дивизиона лучше чем пехоты. В Малиновке стоит сотня казаков. Командир сотни подъесаул Миронов. Настроение сотни воинственное, вооружены хорошо» [1, Л. 37]. Войска не снабжались информацией. Свидетельства переполнены фразами: «лекций, газет и увеселений нет, кинематографы и театры в тылу играют», «в смысле культуры ничего не делается, литература отсутствует», «газет на фронте никаких нет», «в тылу газеты есть, а на фронте их не получают», «литература отсутствует, собра-

ний нет». Ряд пленных уточнял, что за чтение газет их даже преследовали, дабы ограничить влияние политики на армию [1, Л. 3, 5, 11об., 16об., 107, 151об., 439].

Пополнение белые, по показаниям, получали из ближнего тыла: 2 запасных полка Кунгура, 2 – Екатеринбургa, но в основном из Пермской, Вятской и Тюменской губерний. Источником пополнений были и пленные красноармейцы. В одном Сарапуле было 2600 пленных, а в Камбарке – 3500. Часть их отправили в тюрьму, часть на работы, часть на фронт. Туда пленных загоняли силой. В Сарапуле за отказ идти на фронт расстреляли 67 красноармейцев, о чем объявили населению [1, Л. 73, 136]. Комендант города поручик Тетерин силой набрал «1-й добровольческий сводный полк»: 1500 чел. из 3 батальонов в 11 рот. Офицеров было трое: командир полка пленный подпоручик Струминский, батальонный – Захаров и ротный – фельдфебель Слепцов, причем два последних жестоко пороли солдат. После того, как другие такие «добровольцы» стали бежать в плен, полк спешно расформировали, влив в основном в 15-ю Омскую дивизию [1, Л. 264, 452, 481об.-483].

О вооружении все пленные показывали совершенно одинаково. Солдаты были вооружены трехлинейными русскими винтовками. В некоторых полках (например, 57-м полку) были и трехлинейки американского производства. Патроны, по словам абсолютного большинства, были в достаточном количестве. На каждую роту приходилось по 2–4 пулемета – Максима, Кольта или Льюиса. У некоторых команд встречались английские или французские бомбы. Бомбометов и минометов никто не отметил.

Более разнообразными были сведения об артиллерии. Она состояла в основном из трехдюймовок, передвигавшихся вместе с полками в числе 2–6 орудий. Так, в 11-м Нижнеудинском полку было 3 трехдюймовки, 12-м Верхнеудинском – 2, в 13-м Омском – 1, в 14-м Сибирском – 2, в 15-м Кунгурском – 3, 16-м Ишимском полку – 8 орудий (6 трехдюймовок и 2 гаубицы), в 58-м Акмолинском – 2. Лишь немногие пленные понимали, что артиллерия у колчаковцев была сосредоточена в дивизионах при дивизиях, откуда и выделялась для сопровождения полкам. Так, телефонист Г.Л. Пронин показывал: «В 4 дивизионе 2 гаубичных батареи, всего 3 орудия; при 2 штурмовом полку 1, 2 и 3 легких батареи, 1 батарея – 4 орудия, 3 орудия в дер. Курья, 1 орудие во 2 штурмовом полку, 2 батарея – 3 орудия, одно разбито в Сосновке, 2 орудия стоят при 14 полку, 3 батарея – 4 орудия, где стоят не знаю». Правда, потом он же давал немало другие данные: в 1-й – 4 орудия, во 2-й – 4, в 3-й – 3 [1, Л. 18, 81].

Вообще из таких опросов можно многое почерпнуть о недостаточно исследованных частях Сибирской армии. Вот несколько обобщенных примеров. Много сведений дал перебежчик 2-й батареи 3-го Иркутского дивизиона. В дивизионе было 2 батареи по 6 орудий: в 1-й – 3 тяжелых и 3 легких, во второй 6 легких: «Орудия американского типа: тяжелые калибром немного более 6 д/м., легкие 3-х д/м. Офицеров по 2 на орудие. Солдат в батарее до 50». Формировалась также 3-я батарея для Красноуфимской бригады. Орудия частично были найдены в Перми, закопанными в землю. На каждое орудие было 2 зарядных

ящика, снаряды «заграничные», из Омска. При каждой батарее – по пулемету. Наводчиками были в основном офицеры. Общий состав дивизиона – 260 чел., в том числе 13 разведчиков и 27 телефонистов. Большинство – пермяки: «По боеспособности на хорошем счету» [1, Л. 66, 86, 150]. По этому примеру можно судить об артиллерии и в целом.

Показания пленных также дают понять, как шло создание штурмовой бригады 3-го корпуса. В исследованиях в этом вопросе большая путаница, так, она ошибочно именуется «3-й сибирской»; также считается, что 18-я Сводная дивизия на ее основе была создана в августе [2, С. 146; 3, С. 380]. Но пленными дивизия упоминается уже в июне 1919 г. Из показаний видно, что она состояла из штурмовой и егерской бригад, а также имела отдельные дивизионы: конный, инженерный и 18-й артиллерийский из 3 орудий. По факту, дивизия была сформирована в апреле 1919 г. в Воткинске. Штурмовая бригада (ее никто не называл «3-й сибирской») начала развертывание еще до этого в Кунгуре на базе 49-го Сибирского полка из Тюмени. Егерцы формировались там же из сибиряков, получая пополнение из 1-го запасного Кунгурского кадрового полка. 1-й Егерский полк был развернут из небольшого кадра 16-го Ишимского полка; 2-й Егерский – на базе 2-го Ижевского. 2-й батальон 1-го Егерского полка формировался в Осе. Все полки основной состав развернули к середине мая в Ижевске и Воткинске, а закончили уже на фронте близ Сарапула. Состав – мобилизованные Гобольской, Пермской, Вятской губерний, и до половины – пленные. В 1-м Егерском полку было 200 чел. 58-го Акмолинского полка.

Каждый полк был из 3-х батальонов по 4 роты и имел батальонные пулеметные команды, команду связи, саперную, пеших и конных разведчиков. В штурмовых ротах было около 60 чел. и по 1–2 пулемета, в 1-й Егерском – по 160–185 штыков, во 2-м – 80–185. Общая численность: 1-й штурмовой – около 1000 штыков, 2-й штурмовой – 500–600, 1-й Егерский – 1200, 2-й Егерский – 1500 штыков. Все полки после боев и отступления «похудели» почти наполовину. Состав отдельных команд – по несколько десятков человек, пулеметчиков и кавалеристов – до 120 чел. «Ударные полки были с белыми погонами, штурмовые – с черными» [1, Л. 175].

Вооружение – винтовки Ижевского завода, патронов по 100-150 на человека, пулеметы Максима, Кольта, Льюиса. Например, во 2-м Егерском патронов до 70 на стрелка, 8 пулеметов, 2 трехдюймовки, данные в Ижевске. Материальная часть была старая и малочисленная, в ротах по 1–2 пулемета, на полк 3–4 орудия, телефонного кабеля мало, телефонов не более 20 на полк. Конный и инженерный дивизион фактически недоформированы. Многие солдаты были обозлены и подавлены, дисциплина держалась на запугивании, порке, суровых запретах и покорности двух младших возрастов сибиряков, что не мешало дезертирству. Пленные отмечали: «Кормят плохо. Обмундирования нет, жалование не выдано за месяц» [1, Л. 29об., 37, 87, 88, 91, 95, 106, 124, 125, 126, 167, 176, 198, 239, 277, 422, 494].

Также есть интересные сведения и про 1-й Бессмертный ударный генерала Гайды полк из Екатеринбурга. В историографии он встречается часто, но изложения о нем страдают пробелами [4, С. 117, 127; 5, С. 124-127]. Перебежчик докладывал: «Полк этот служит только для парадов. Имеет 3 бат. по 3 роты, в каждой по 20-30 штыков, при чем самовольные отлучки в нем – обыденное явление». Другой пленный сообщал, что в батальонах по 4 роты и 150 чел. и много офицеров – но настроение плохое. Состав – в основном мобилизованная молодежь Тобольской и Пермской губерний. Обучены они были плохо, некоторые даже не умели стрелять. Обмундирование английское [1, Л. 54, 147об.]. В Перми полк охранял штаб армии Гайды. В апреле 1-й батальон был направлен «под Сарапул» и разбит. Высланные 11 июня 1919 г. 2 других батальона тоже славы не снискали – уже через два дня у с. Бабки сдалось 77 чел. Пленные показали, что у них роты по 100–150 чел. и до 4 пулеметов, в пулеметной команде для обучения 7 (итого всего около 40), при полку на фронте было 6 орудий и 3 броневика. Команда пеших разведчиков насчитывала 230–286 чел., конных – 12, саперная – 50, пулеметная до 100, учебная – 150–240, связи – 50–60. При полку была и Егерская рота – «личная охрана» Гайды в Перми [1, Л. 275об., 326, 332, 369, 524].

Данные о тыле Колчака отрывочны и преувеличены, но во всех показаниях проводится взгляд, что тыл беспокоен. По словам пленных, на Урале и в Сибири были восстания, диверсии на дорогах. Также очень часто отмечалось, что колчаковцы приказали сдать керенки в обмен на сибирские деньги. Более точные данные давали прибывшие из тыла, но они обычно сообщали общие описания жизни в Сибири: про постоянное хождение поездов, активную торговлю, высокие цены, недовольство населения: «В Омске мобилизована интеллигенция до 35 лет, рабочих мобилизовали лишь два младших возраста. Настроение против войны» [1, Л. 79].

Сведения о занятых территориях разнородны. Часто отмечался ропот крестьян из-за реквизиций и высоких налогов. Пленные сообщали: «Аренда плотится по старому, налоги с земли плотят подать по 2 руб. 82 коп. с души», «В Тобольской губ. накладывают налоги по 100 руб. на человека, лошадей отбирают по 120 руб. и собирают по 15 пудов пшеницы, относительно этого сбора получил солдат письмо из дома и стал читать в роте, за это двух арестовали». В то же время ряд пленных утверждали, что сбор налогов и даже земельных сборов пока не начат. Местами из-за мобилизации населения поля не засеяны [1, Л. 4, 5, 10, 45, 122об., 124об.]. Регулярно упоминаются расправы над пленными и советскими работниками на селе. Многие отмечали, что на стороне белых в основном зажиточное население. «В начале отношение к белым в большинстве доброжелательное, но спустя некоторое время, когда белые проявят себя, отбирая все у крестьян, не платя почти ничего, отрицательное»; «настроение в тылу у крестьян меняется в пользу красных ввиду наложения податей на крестьян и больших наборов в народную армию»; «прежде шедшие против Советов крестьяне некоторые уже и те давно ждут того времени, когда придут красные». В итоге пленные нередко говорили: «Жители тыловых частей войной не довольны, недоволь-

ны и порядками Колчака» [1, Л. 15об., 73, 81, 147,]. Это соотносится с другими свидетельствами того времени [6, С. 235-236]. Тверже всего, по словам пленных, настроения за белых были в Пермской губернии и особенно Красноуфимском уезде: «Отношение жителей в Пермской губернии определено против красных»; «в Красноуфимском уезде настроение крестьян против красных приближаясь к прифронтовой полосе настроение в пользу красных» [1, Л. 86, 159об.].

Результаты исследования. Показания пленных убедительно подтверждают позицию тех ученых, которые считают, что колчаковский «поход к Волге» потерпел поражение из-за ошибок и неорганизованности белых [7]. В период наступления белые части были боеспособны и достаточно устойчивы. Однако первые же поражения привели к огромным потерям и свели эффект на нет. Опросы ярко показывают крайне посредственный уровень колчаковцев: вооруженные в основном винтовками, при скудном количестве пулеметов и артиллерии, полуголодные-полуодетые, не знавшие, за что борются, части не могли быть боеспособными долго. В частях процветало дезертирство, особенно среди бывших красноармейцев, которых бездумно бросали массами на фронт. Все это касалось даже полков с громкими названиями: «штурмовые», «егерские», «бессмертные». Дисциплина поэтому держалась на суровых наказаниях, порках, запугивании и покорности молодых призывников. Не лучше было и в тылу, где реквизиции, налоги и мобилизации быстро вызвали разочарование населения.

Список источников и литературы

1. РГВА. Ф. 169. Оп. 2. Д. 12.
2. Клавинг В.В. Белая гвардия. СПб: Ольга, 1999. 447 с.
3. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.
4. Симонов Д.Г. К истории Отдельной Сибирской армии (декабрь 1918 – июль 1919 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. ст. Вып. 3. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 112-135.
5. Ситников М, Новиков К. Ударный «Бессмертный» батальон Ижевцев // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 6. С. 121-128.
6. Частные письма эпохи Гражданской войны. Неизвестная Россия: XX век. Ч. 2. М.: Историческое наследие, 1992. 384 с.
7. Ганин А.В. Враздρόбь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 63-74.

Для цитирования: Заяц Н.А. Части Сибирской армии по разведывательным опросам 28-й стрелковой дивизии в мае–июне 1919 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 100-107.

СУДЬБЫ ДЕТЕЙ ГЕРОЕВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ

Ищенко Оксана Владимировна¹

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

¹ iovfu@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 7193-6082

Аннотация: Рассмотрено отражение в мемуарах судеб детей героев Гражданской войны в Сибири Залмана Лобкова, Вениамина Тверитина, Степаниды Дорониной и Ксении Чудиновой. Выделенные в ходе анализа воспоминаний и мемуаров сюжеты о детях указанных советских деятелей позволяют сделать вывод о важности их включения в биографии для формирования многогранного образа революционного героя и показа его непоколебимой стойкости в служении политическим идеалам.

Ключевые слова: историческая антропология, историческая биография, воспоминания, дети, Гражданская война, революционеры.

Постановка проблемы. Проблема отражения в биографиях героев гражданской войны вопросов их личной жизни уже исследовалась нами [1–4]. В этой статье речь пойдет именно о детях, заставших период Гражданской войны или рожденных в этот период в семьях Залмана Лобкова и Ольги Гержеван–Лати, Вениамина Тверитина и Евгении Мельтцер, Степаниды Дорониной и Иосифа (Петра) Хотеевкова, Ксении Чудиновой. Будучи совсем молодыми людьми, они влюблялись, создавали семьи, заводили детей, на долю которых выпали все тяготы «русской смуты XX века». При этом, формируя безупречный образ, биографы находились в сложном положении: показ личной жизни и отношения к ребенку характеризовал героя как человека, но семья отвлекала его от служения революции. Поэтому опубликованные варианты биографий корректировались, а фрагменты о детях были, как правило, небольшими. В то же время Гражданская война повлияла и на их судьбы, позволив мемуаристам в ряде случаев использовать сюжеты о детях революционеров для обличения противников советской власти.

Основная часть. Судьба членов семьи сибирского революционера З.И. Лобкова уже была предметом исследования автора [1]. Лобков в 16 лет женился на «тюремной невесте» Ольге Гержеван–Лати, и в 1916 г. у них родился сын Лев, названный так, по утверждениям мемуаристов, в честь Л.Н. Толстого, чьим учением увлекался Залман в подростковом возрасте [5, Л. 248]. Биограф З. Лобкова И. Урманский, описывая его деятельность в Омске после Февральской революции, отмечал: «Лобков горел на работе. <...> Пропагандист, агитатор, организатор в борьбе за построение социалистического общества, Лобков отдавал себя всего без остатка. Дни и ночи был он на боевом посту». Но даже в этих условиях он находил время для близких: «Урывками приходил он в семью к маленькому сыну, чтобы приняться опять за работу» [6, Л. 46].

После сдачи Омска в начале июня 1918 г. Лобков с товарищами был вынужден покинуть город, а его сын остался у бабушки с дедушкой – отца и матери Лобкова в Тобольске. Разные источники свидетельствуют о том, что маленькому ребенку в этот момент угрожала серьезная опасность – фактически он был вынужден отвечать за деяния отца. В частности, в одной из работ этот эпизод жизни семьи революционера был описан так: «У своего отца, в Тобольске, Лобков оставил ребенка. Белые узнали об этом и угрожали убить его. Жена Лобкова долго грустила о сыне, не выдержала, ушла в Сибирь и попала в руки белой банды, которая приговорила ее к 20 годам каторги» [7].

Биография, написанная И. Урманским, содержит указание на то, что из захваченного белыми Тобольска З.И. Лобкову была послана телеграмма: «До нашего сведения дошло, что вы расстреляли Колокольникова, если эти факты будут повторяться, мы расстреляем оставшуюся в Тобольске семью Лобкова и других». Ответ Лобкова был кратким: «За каждого расстрелянного товарища нашего мы расстреляем 10 ваших» [6, Л. 49].

Стремясь спасти жену и ребенка, Лобков решил идти в Сибирь вести подпольную работу, однако на Урале был арестован, перевезен в Уфу, где и расстрелян в мае 1919 г. [7]. В воспоминаниях неупомнутого автора указывается: «Последнее завещание Лобкова, переданное спокойным голосом, было о сыне. Он просил, чтобы нашли его мальчика и воспитали его» [6, Л. 26]. Однако установить, является ли это утверждение истинным, вряд ли возможно. очевидец событий, описывая страшную сцену расстрела Лобкова и других большевиков, вспоминал: «Он что-то говорил, не то, обращаясь к товарищам, не то к палачам. За шумом трудно было расслышать» [6, Л. 58–60].

Но даже после смерти революционера его семья продолжала быть в опасности. Революционерка З.И. Могилевская в мемуарах писала, что в 1921 г. во время белогвардейского восстания в Тобольске белогвардейцы зверски убили отца Залмана, а мать, сестер и сына спрятали соседи [8, Л. 248]. Этот факт подтверждается в книге-автобиографии единоутробного брата Льва Лобкова Владимира Сосновского:

«– Знаешь, мама, – с волнением говорит четырехлетний Лева, – в Москву пробрались белые...

– Что ты, что ты... Откуда ты взял?

– Я их видел... Они ехали очень быстро на автомобиле. На автомобиле у них трехцветный флаг, как у белых в Тобольске.

Лева хорошо запомнил трехцветный флаг и чего можно ожидать от белых. Отец его, большевик, зверски замучен белыми, а дедушка, безобидный обыватель, мелкий торговец, тоже казнен колчаковцами в Тобольске во время краткого торжества трехцветного флага в Западной Сибири. Самого Леву прятали родственники, – колчаковцы искали и его, чтобы взять, как заложника» [9].

Маленький ребенок был и у соратника Лобкова – Вениамина Тверитина, с кем они дружили с детства, вместе участвовали в революционных событиях в Сибири. Биография Тверитина больше известна со слов его гражданской жены Евгении Мельтцер, оставившей большое количество написанных в разные

годы воспоминаний. В мемуарах Мельтцер говорит, что она рано стала спутницей столь же юного Вениамина. Их сын Юра – слабый и болезненный, видимо, с врожденными пороками развития – родился в разгар событий Гражданской войны. С обидой Мельтцер вспоминала о том, что Вениамин находил ребенка некрасивым. В ее записках Тверитин предстает как человек, который, в первую очередь был увлечен идеями революции, поэтому, например, грядущее рождение ребенка не остановило его от самовольной поездки в Москву, а подготовка к эвакуации ценностей из Омска в период наступления белочехов была важнее, чем забота о жене и новорожденном сыне. И неслучайно написанная Мельтцер брошюра «Один из многих» заканчивалась словами: «Неизвестно как он умер, но можно быть уверенным, что последний обрывок его мысли был не о себе, не о своем сыне, не о любимом человеке, последние слова его, верно, были: «А все-таки социальная революция...» [10, Л. 5].

Выжив, наперекор судьбе, Евгения Мельтцер в 1920 г. вместе с сыном Юрой переехала в Москву, где проживала в ужасающей бедности [11, С. 17]. Здоровье ребенка в тех условиях не могло стать лучше, он не говорил и почти не ходил. Вскоре мальчик умер, прожив всего около 5 лет, причем раннюю смерть сына его мать объясняла именно теми тяготами, которые пришлось перенести ребенку в первый год своей жизни.

Упоминание о родившихся в ту эпоху детях содержится в воспоминаниях о жизни и смерти другой семьи революционеров – Степаниды (Стивы) Дорониной и ее гражданского мужа Иосифа (Осипа) Хотеевкова, которого все знали по партийной кличке «Петр», ставшей со временем его именем. В период революционных событий оба они работали в Омске. Как пишет неустановленная автор воспоминаний: «Город был чужой, и если бы не партийные товарищи-друзья, то они оказались бы в чрезвычайно тяжелом материальном положении, особенно беременная Стива. <...> Тяжелая бессменная работа скверно отражалась на ее здоровье. Однажды я застала ее плачущей над алым потоком крови, лившим из горла. Это – как я вырвала у нее признание – было с ней уже не первый раз, но она никому об этом не говорила. Несмотря на свой испуг (она была почти уверена в трагическом исходе своей болезни), она и не подумала лечиться и все так же, не щадя своего будущего ребенка, продолжала работать в партийном комитете <...> почти до самых родов. Последствия такой работы отразились на ребенке – он родился мертвым» [12, С. 634]. Смерть ребенка подорвала и без того слабое здоровье Степаниды, поэтому ей и мужу, страдавшему туберкулезом, был дан отпуск на 3 месяца, на время которого они уехали на север в с. Демьянское Тобольской губернии к родителям Стивы. Здесь и застиг их белогвардейский переворот.

Хотеевков был арестован и затем расстрелян, а беременная Стива осталась в Демьянском, где «очень тяжело и замкнуто переживала и личное горе, и белогвардейский гнет». Часть ее родственников скрывалась от белых в лесу, а Стива в это время болела сыпным тифом. Новорожденная дочь оставалась на попечении бабушки, но вскоре заболела и умерла. «Невыносимая пытка для матери – смотреть на страдания умирающего ребенка. В последний день жизни Лидочки, сама едва живая, ломая руки в немом отчаянии, Стива просила мать остаться

с девочкой и уходила в лес. Но там ее охватывал ужас – больше никогда не увидеть девочку живой, и она в безумном страхе бежала домой и снова уходила, не в силах выносить страдания дочки <...> После смерти ребенка Стива стала совершенно равнодушной к жизни. Ей было все равно – остаться дома или скрываться», – пишет автор воспоминаний. Вскоре белогвардейцы взяли Стиву в заложницы и расстреляли. «Она погибла в глуши, в деревне, в семье, с ребенком на руках, не ведя, конечно, подпольной работы. Жизнь и перед смертью не щадила ее», – заключала мемуарист [12, С. 635].

Достаточно обширно представлены и материалы о деятельности известной революционерки, партийного и советского деятеля Ксении Павловны Чудиновой (в девичестве – Теплоуховой). В своей автобиографии она отмечала, что большое влияние на формирование ее взглядов оказали политические ссыльные, которых было много в городе ее детства – Ишиме. В 1910 г. Ксения окончила женскую прогимназию и в возрасте 16 лет вышла замуж за политссыльного Николая Ефимовича Никифорова. К 20-ти годам у нее уже было двое детей – Галя и Вера, причем, как признавал сама Чудинова, «заботу о девочках взяла мама» (бабушка), а сама она в 1912–1914 гг. училась в акушерско-фельдшерской школе в Тобольске. Окончив ее, вместе с друзьями по тобольскому социал-демократическому кружку уехала учиться в Москву в университет Шанявского [13, 14, Л. 4–7].

К этому времени Ксения уже не жила с первым мужем, хотя и не была с ним разведена. В воспоминаниях есть указания на то, что с Никифоровым она рассталась еще до его ранней смерти (вероятно, он болел туберкулезом). В Москве она познакомилась и жила с Дмитрием Константиновичем Чудиновым, ставшим ее вторым мужем. В этом браке родилось еще двое детей. Ксения вместе с новым спутником активно занимались подпольной работой, организовывали новые коммуны, не раз супруги арестовывались. В этих условиях невозможно было полноценно заботиться о детях, которых у Чудиновой всего было шесть. В беседе с журналистом она называла детей «моим большим женским счастьем», хотя тут же вспоминала о том, что едва не родила одного из них на важном совещании, поскольку интересы дела были важнее интересов семьи [13]. Воспоминания Чудиновой «О женщинах – борцах революции!» (1967) содержат восторженные отзывы о революционерках, встречавшихся ей на жизненном пути [14, Л. 128–129], которым она, возможно, и подражала, ставя во главу угла не личную жизнь, а служение идеалам, сформированным в юности.

Результаты исследования. Анализ содержащихся в мемуарно-биографической литературе сюжетов о детях участников Гражданской войны в Сибири свидетельствует об их определенной общности. Подвергали ли герои себя, движимые тревогой о жене и ребенке, смертельной опасности, как Лобков, едва виделись с ними, как Тверитин, оставляли ли детей у родителей, как Доронина и Чудинова, – в любом случае наличие детей не изменяло их систему ценностей и не заставляло отказаться от борьбы, жертвами которой дети нередко и становились. При этом герой жертвовал своей жизнью сознательно, ребенок же в рамках революционной агиографии выступал как невинный мученик, что поз-

воляло мемуаристам с особой силой показывать подлость и бесчеловечность классового противника.

Список источников и литературы

1. Ищенко О.В. Отражение судеб членов семей героев гражданской войны в мемуарной литературе (на примере семьи сибирского революционера З. Лобкова) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы IV всеросс. науч.-практ. конф. (20–21 окт. 2021 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 91–97.

2. Ищенко О.В. «Рядовой член партии»: воспоминания о С. Дорониной в материалах Истпарта // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2018 г. Мат–лы науч. конф. «Гражданская война в России. К 100-летию Русской Революции 1917 г.» (Пермь, 21–23 нояб. 2018 г.). Пермь, 2019. С. 154–161.

3. Ищенко О.В. Формирование образа революционера в биографической литературе (на примере биографии В. Тверитина) // Партийные архивы. Прошлое и настоящее, перспективы развития: Мат–лы IV межрег. науч.-практ. конф. (Пермь, 11–12 мая 2017 г.). Екатеринбург: Альфа–Принт, 2017. С. 179–188.

4. Ищенко О.В. Воспоминания Е. Мельтцер в социально-политических архивах Сибири // Партийные архивы. Проблемы и перспективы развития: Мат–лы V межрег. науч.-практ. конф. (Нижний Тагил, 14–16 мая 2019 г.). Екатеринбург: Альфа–Принт, 2019. С. 129–136.

5. ГИАОО. Ф. П–411. Оп. 3. Д. 708.

6. ГИАОО. Ф. П–19. Оп. 1. Д. 177.

7. Косырев В. Три года борьбы // Уральский коммунист. 1922. № 6. С. 40.

8. ГИАОО. Ф. П–411. Оп. 3. Д. 443.

9. Сосновский В.Л. Записки. [Эл. рес.] Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2002. Режим доступа: URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=9062> (дата обращения 21.08.2023).

10. ГИАОО. Ф. П–19. Оп. 1. Д. 178.

11. Мельтцер Е.Л. Комментарии к жизни. Публ. С.В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. 1996. № 20. С. 7–70.

12. Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. Сост. Л. Лежава и Г. Русаков. 3-е изд., испр. и доп. М.–Л.: Госиздат, 1925. 780 с.

13. Луговская В. Комиссары твои, революция // Вечерний Омск. 1987. 7 нояб.

14. ГИАОО. Ф. П–411. Оп. 3. Д. 805.

Для цитирования: Ищенко О.В. Судьбы детей героев Гражданской войны в Сибири в воспоминаниях участников событий // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 108–112.

УЧАСТВОВАЛ ЛИ ИОСИП БРОЗ ТИТО В МАРЬЯНОВСКИХ БОЯХ, ИЛИ КАК РОЖДАЮТСЯ ЛЕГЕНДЫ

Калашников Евгений Николаевич¹

¹ Администрация Марьяновского муниципального района,
Омская область, Россия
¹ ak_mar@mail.ru

Аннотация: Цель статьи – анализ биографических сведений о русском периоде жизни бывшего первого президента Югославии Иосипа Броз Тито. Выделены особенности его автобиографических повествований о событиях, Гражданской войны на востоке России (в том числе, в Омске) и его участии в них. Сделан вывод о том, что мнение отдельных исследователей о непосредственном участии Тито в Марьяновских боях ошибочно.

Ключевые слова: историческая антропология, военнопленные, Первая Мировая война, Гражданская война, Омск, Марьяновка, Чехословацкий корпус, Иосип Броз Тито.

Постановка проблемы. В публикациях, посвященных Марьяновским боям – самым крупным боестолкновениям периода Гражданской войны на территории Омской области (рубеж мая-июня 1918 г.), есть упоминания об участии в них Иосипа Броз Тито – будущего президента Югославии, а в ту пору австро-венгерского военнопленного, волею судьбы оказавшегося в Сибири [4, С. 24; 5; 6; 9]. Этот политический деятель не оставил после себя мемуаров в привычном для нас понимании. Те источники, которые современные историки часто называют мемуарами Тито, на самом деле – повествования разных авторов и журналистов о жизни Тито, основанные на его автобиографических рассказах. Даже наиболее содержательные книги соратника и личного летописца Тито – Владимира Дедиера являются рассказами о Тито либо стенографической записью его воспоминаний, сохраняя особенности его разговорной речи, в том числе, непоследовательность изложения и т.д. Разные интерпретации рассказов Тито и породили различные точки зрения об его участии в Гражданской войне в России, в том числе, в Марьяновских боях.

Основная часть. Иосип Броз Тито – легендарная личность, нестигаемый политик, сильный военный и государственный деятель. Из 88 лет своей жизни 35 он руководил Социалистической Федеративной Республикой Югославия – страной, которую сам создал [3]. В 1935 г. Броз Тито написал автобиографию. Хорватские авторы указывают, что ее оригинал хранится в архивах Коминтерна, а публиковалась она один раз – в 1977 г. Он пишет: «Я прибыл в Сибирь

в ноябре 1917 г. К тому времени советская власть уже была установлена. Из-за плохого самочувствия и по совету друзей я поехал на работу в степь. Я пошел работать в село Михайловка Боголюбовской общины (Омский район). В селе Михайловка я работал в качестве машиниста на паровой мельнице крестьян С. Шклярова и Д. Табачека до августа 1918 г. Чтобы не быть мобилизованным чехословацким или сербским корпусом, я переехал в киргизский аул (село), где работал в качестве машиниста на мельнице киргиза Исы Джексенбаева до сентября 1920 г. Уже весной 1918 г. я подал письменное заявление о приеме в советское гражданство и о приеме в партию. Во время Колчаковского переворота (удара чехословацкого корпуса) я остался в степи, так как все дороги в Омск были перекрыты. Во время правления Колчака я вел агитацию крестьян против белых, поэтому они считали меня коммунистом» [11]. Это самый ранний документ. Как видим, в нем никаких упоминаний об участии Иосипа Броз Тито в Марьяновских боях не имеется.

В 1955 г. в югославском издательстве «Культура» увидела свет книга Владимира Дедиера «Иосип Броз Тито: Приложения для биографии». В ней, рассказывая о вступлении Тито в интернациональный отряд Красной гвардии, автор приводит высказывание Тито. «Было написано, что я принимал, – говорит Иосиф Броз, – значительное участие в Октябрьской революции и гражданской войне в России. К сожалению, это не точно. Я служил в Красной гвардии в течение многих месяцев, но, хотя мы постоянно требовали, чтобы мы сражались с белыми, нас не отправляли на фронт» [8, С. 47]. Таким образом, и спустя почти 40 лет после революционных событий в нашей стране Тито не упоминает о своем участии в боевых действиях.

В интервью журналисту-международнику, специальному корреспонденту журнала «Огонек» Генриху Боровику в октябре 1957 г. история Тито уже звучит несколько иначе: «Ну вот, – продолжает товарищ Тито, – весной 1918 г. наш отряд отправили на станцию Татарскую, но мы до нее не доехали, пришлось вернуться. Тогда на станции Марьяновка стояли белочехи и никого не пропускали <...> Потом мы вступили в бой с белыми. Четыре дня шел бой. Силы были неравными, и нас разгромили. Я убежал в деревню неподалеку. Но туда пришел карательный казачий отряд: искать красных. Я убежал в другую деревню, верстах в шестидесяти от Омска <...>» [1, С. 7]. В этом тексте обращают на себя внимание ключевые, для понимания вопроса, фразы:

– *«Весной 1918 года наш отряд отправили на станцию Татарскую, но мы до нее не доехали, пришлось вернуться; как мы знаем, отряды интернационалистов выдвигались в Ново-Николаевском направлении 26, 28 и 29 мая 1918 г.; о том, что кто-то из них не достиг станции Татарская и вернулся, не известно;*

– *«Тогда на станции Марьяновка стояли белочехи и никого не пропускали...»; подразделения Чехословацкого корпуса были на станции Мариановка 25 мая 1918 г., вечером того же дня, после боя с отрядом П.С. Успенского от-*

ступили к станции Исилькуль. Чехи заняли станцию Мариановка лишь в ночь с 6 на 7 июня по итогам второго Марьяновского боя;

– *«Потом мы вступили в бой с белыми. Четыре дня шел бой. Силы был неравными, и нас разгромили. Я убежал в деревню неподалеку. Но туда пришел карательный казачий отряд: искать красных. Я убежал в другую деревню, верстах в шестидесяти от Омска....»*; бои под Марьяновкой шли во второй половине дня 25 мая 1918 г., днем 6 июня, в ночь с 6 на 7 июня; судя по словам Тито, речь идет не о событиях под Марьяновкой.

В 1980–1984 гг. вышла в свет книга В. Дедиера «Новые приложения для биографии Иосипа Броза Тито». В трехтомном издании автор вновь адресует читателям рассказ Тито о событиях весны-начала лета 1918 г. Сначала о первом Марьяновском бое между отрядом омских железнодорожников и подразделениями 6-го Ганацкого полка Чехословацкого корпуса: «<...> Ленин приказал чехам сдавать оружие для возвращения домой, а не носить с собой оружие. Чехи не хотели, часть восстала, довольно большая часть прошла через Омск, прошло несколько полков. А когда приехали на станцию Марьянов (Марьяновка – Е.К.), <....>, это в 40 километрах от Омска. Там они остановились и приготовились сопротивляться. Из Омска был отправлен эшелон, вероятно, триста–четыреста рабочих депо во главе с комиссаром по фамилии Успенский. И он добрался туда, в двух километрах от станции поезд остановился, они все сгруппировались в кучу в канаву рядом с поездом, вместо того чтобы превратиться в стрелков, рядом с поездом. И он пошел вперед и требовал, говорил он от имени правительства, прошу вас сдать оружие. А там уже оказалось, из степи приехал атаман Красильников, казачий атаман. Он убил на месте этого Успенского. И они начали стрелять друг в друга, те красногвардейцы стреляли, А они (чехи) развернулись в линии, штамлинию как говорится, в боевой строй, и убили там их почти всех. Всех убили там. Всё было уничтожено» [7, С. 255]. Как известно из состава интернационалистов в первом Марьяновском бое участвовали и погибли представители чехословацкой и немецкой секций Иосиф Бабка и Вальдамер Раков, направленные из Омска для переговоров. Информации об участии в тех событиях иных лиц нет. По изложению хода того боя самим Тито явно просматривается, что он в них участия не принимал. Не выдерживает критики и версия об убийстве П.С. Успенского атаманом И.Н. Красильниковым.

Читаем далее: «Теперь, интернационалисты, мы пошли туда, когда мы узнали в Омске, что батальон был уничтожен, затем пошла интернациональная гвардия. Это были венгры, прежде всего, поляки, и солдаты, которые были в Омске» [7, С. 256]. Интернациональный отряд узнал о поражении под Марьяновкой вечером 25 мая 1918 г. и был готов выступить туда незамедлительно. Как указывает Н.С. Колмогоров, днем 26 мая около 200 интернационалистов были направлены под Марьяновку, 270 – в Ново-Николаевском направлении. В большинстве своем это были венгры. 28 мая еще 700 бойцов – интернациона-

листов во главе с Кароем Лигети отправились на Восточный (Омский) фронт. 29 мая к ним на станцию Татарская прибыл еще один отряд [2, С. 75–76]. Оставшиеся в Омске интернационалисты в Омске охраняли оружейные и пороховые склады, участвовали в патрулировании улиц. Боевые операции на Восточном Омском фронте начались 29 мая 1918 г.

На Западном фронте после победы 6 июня 1918 г. во втором Марьяновском бое части полковника С.Н. Войцеховского и местные партизанские отряды на следующий день вошли в Омск и продолжили движение на восток. 9 июня силами 2-го и 6-го чехословацкого стрелковых полков под командованием поручика Я. Сырового была взята станция Татарская. Тито рассказывал: «Но уже с другой стороны (Омска – Е.К.), чехи пришли на станцию, Татарская она называлась, они тоже пошли в сторону Омска, в результате Омск оказался в ловушке. Но на Унгеровой дошло до борьбы, это было поместье барона Унгерера, знаменитого белогвардейца, барона Унгерера, там произошло боевое столкновение, и мы очень быстро были разбиты, разгромлены, все разбежались кто куда» [7, С. 256]. Очевидно, что будущий генерал-лейтенант белой армии, барон Р.Ф. Унгерн фон-Штернберг на территории Омской области никогда не имел своих поместий. Есть отрывочные сведения, что, в частности, на территории современного Любинского муниципального района Омской области когда-то существовал хутор Унгер. Но на середину 1920-х гг. населенного пункта с таким названием ни в указанном районе, ни в других районах Омской области найти не удалось.

Далее Тито продолжает: «Затем я отправился в Каласьево, сначала с двумя русским. А потом я ушел, потому что это было опасно, потому что карательные экспедиции пошли, а чехи пошли, чехи как карательные экспедиции, чтобы искать своих чехов. И был один чех, не чех, а словак, который сразу же записался в войско чешским добровольцем. А после пришла одна девушка, женщина из того села Марьянова (Марьяновка – Е.К.), и сообщила, что он сказал там, что ее тоже, по его словам, следовало забрать. И они пришли, я уже к тому времени переехал к киргизу, потому что я уже договорился с ним, Исаей, что буду там у него машинистом <...>» [7, С. 256].

На наш взгляд, ошибки в книге нет. Конечно, речь идет не о селе Каласево, которое расположено в Ардатовском районе Республики Мордовия, где Тито был в 1916 г. и тоже работал на мельнице. В 30 км от Омска, в 24 км южнее станции Куломзино есть деревня Калачево (ныне Омский район Омской области). Видимо она и стала тогда одним из пунктов маршрута Тито.

В 1972 г, когда Югославия отмечала 80-летний юбилей со дня рождения своего президента, Иосип Броз Тито дал телеинтервью почти на 1,5 ч. Вот фрагмент его выступления: «Я не стал членом партии. Во время пребывания в Омске, я только написал форму заявки. Тогда еще и не принимали в партию.

Ты должен стать в начале кандидатом, а тогда и такого статуса не было – просто заявки. Вопрос в том, что повлияло на меня, чтобы я сразу принял для себя такое решение – это совсем понятная вещь; я был социалистом, членом социалистического рабочего движения (тогда коммунистического не существовало – был социалистическое) <...> И естественно, оказался в центре таких событий, как Великая русская революция, я был полностью ошеломлен. Я всем сердцем принял эти идеи изменения общественной системы. Особенно потому, что до того я видел каким был царский режим, какой империалистический и угнетающий. Мои размышления и действия были полностью в соответствии с размышлениями и действиями рабочего класса в Советском Союзе, хотя я был там пленным солдатом. Австрийским. Когда большевики пришли второй раз в Омск (Я в Омске был под Колчаком) <...> В местной газете я прочитал: “В Хорватии крестьянство поднялось в революцию. Это был ”зеленый кадр”, точно («дезертиры из австро-венгерской армии, которые прятались в лесах, потом к ним стали присоединятся другие»). Я захотел, чем быстрее там появиться. Это, я думаю, желание каждого человека, оказавшегося на таком месте, в таких событиях. Участие в Июльских демонстрации было лишь одним из факторов убедивших меня, что рабочий класс – важный фактор для изменения общественной системы, и что я должен в этом участвовать, учитывая мои физические возможности: я тогда был ранен и слаб. Это верно, что я вступил в партию в 1920 г. Но это еще не была прямо большевистская партия, а югославская секция. Это произошло в Омске <...> Это было в офисе югославской секции в одном банке. Тогда это было, по-моему, самое большое здание в Омске. Первый этаж, там был офис» [10]. Это интервью, сняв вопросы о времени вступления Тито в компартию, не подтвердило и не опровергло факт его участия в боях под Марьяновкой.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволяет сказать, что несоответствия друг другу и неточности в поздних утверждениях Тито и породили различные точки зрения об его участии в Гражданской войне на востоке России, в том числе, и в Марьяновских боях. Интерпретировать их непросто. Кроме автобиографии, написанной им собственноручно, остальные источники выходили в свет, спустя продолжительное время после описываемых событий, порой обладая некой несвязностью повествования, обобщенностью суждений, нелогичностью изложения. А некоторые из них, к сожалению, содержат и откровенные домысливания. В тех автобиографических рассуждениях Тито пытался повествовать не столько о себе, сколько о том времени. И упоминания о Марьяновских боях (слишком блеклые и невыразительные для человека, который теоретически в них участвовал) стали ошибочно интерпретироваться как подтверждение факта участия Иосипа Броз Тито в тех боестолкновениях, ставших знаковыми для Омского региона на начальном этапе Гражданской войны.

Список источников и литературы

1. Боровик Г. Сердечные поздравления. Беседа с товарищем Тито // Огонек. 1957. № 45. С. 7–8.
2. Колмогоров Н.С. Красные мадьяры: Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске 1917–1919 гг. Новосибирск: Зап.–Сиб. кн. изд-во, 1970. С.78–87.
3. Новиков С.В. Иосип Броз в Омске. К истории революции, Гражданской войны и социалистического строительства // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 79–87.
4. Панасенков В.Н. Барон Александр Таубе – организатор Красной Армии в Сибири // Культура. 2019. № 1 (36). С. 24.
5. Фролов В. Иосип Броз Тито в Омске // Омская правда. 1990. 17, 18 июля.
6. Blažina Boris. Djetinjstvo i mladost Josipa Broza Tita 1892. 1920. Kroz prizmu biografija: kontradikcije, nedosljednosti, politizacija, pedagogizacija [Эл. рес.] // Режим доступа: <https://hrcak.srce.hr/file/244671> (дата обращения 04.09.2023).
7. Дедијер В. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Zagreb: Mladost ; Београд : Rad, 1980–1984.
8. Dedijer V. Josip Broz Tito. Prilozi za biografiju [Эл. рес.] // Режим доступа: <https://dokumen.tips/documents/1955-kultura-broz-prilozi-za-biografijupdf-vladimir-dedijer-josip-broz-tito.html?page=47> (дата обращения 04.09.2023).
9. Броз Тито, Иосип [Эл. рес.] // Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%BE%D0%B7_%D0%A2%D0%B8%D1%82%D0%BE,_%D0%98%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%BF__ (дата обращения 04.09.2023).
10. Josip Broz Tito najbolji intervju ikada! 1972. Partija, revolucija, komunizam i Jugoslavija [Эл. рес.] // Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_Bfv0EV94OM_ (дата обращения 04.09.2023).
11. Krleža M. Josip Broz Tito [Эл. рес.] // Режим доступа: <https://www.tacno.net/kultura/%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B5%D1%80/> (дата обращения 04.09.2023).

Для цитирования: Калашников Е.Н. Участвовал ли Иосип Броз Тито в Марьяновских боях, или Как рождаются легенды // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 113–118.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Калиновский Владимир Витальевич¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
¹ v.kalinovskyi@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2005-9860

Аннотация: В статье на основе проблемного подхода анализируется судьба российских евреев в годы Гражданской войны. Сделана попытка выделить в гонениях на евреев в этот период религиозную и национальную составляющую. Показана роль религиозных деятелей в событиях военно-политического противостояния в России.

Ключевые слова: национальный вопрос, евреи, Гражданская война, религиозный фактор, антисемитизм, пропаганда.

Постановка проблемы. Гражданская война в России стала одной из самых крупных трагедий еврейского народа за всю его историю. Общепринятой стала точка зрения, что по количеству жертв среди евреев «Русская Смута» уступает лишь Холокосту. Массовая волна убийств, прокатившаяся по бывшей Российской империи, затронула большинство народов. Слово «погром», вошедшее в обиход в начале XX в., стало трагической данностью Гражданской войны. Погромщиками были и красные, и белые, и зеленые, и национальные формирования – то есть, все основные участники конфликта. Вопросы жизни российских евреев в годы Гражданской войны получили подробное освещение в фундаментальной монографии О.В. Будницкого [1]. В этой работе впервые в историографии на основе архивных документов получили освещение многие сюжеты, раскрывающие роль евреев России как субъектов и объектов противостояния. Но поднятая О.В. Будницким тема широка и многогранна, она включает в себя ряд важных сюжетов. Один из них – влияние религиозной составляющей на российских евреев в годы Гражданской войны. Этому вопросу посвящен наш очерк.

Основная часть. Всеобщий раскол общества, случившийся в России в 1917 г. повлиял и на еврейскую общину, которая оказалась далеко не монолитной. Для одних ее представителей война обострила национальные и религиозные чувства, для других – стала поводом для отречения от наследия предков и для вовлечения в ряды строителей нового мира. Даже традиционные конфликты отцов и детей в тех условиях нередко имели политическую подоплеку. На фоне массового кровопролития значительная часть евреев России выбирала

самую естественную стратегию – стратегию выживания. В водовороте событий российским евреям суждено было стать и убийцами, и убитыми, и жертвами, и палачами. Большая часть евреев среди большевиков, в том числе, среди советского руководства, как и отождествление понятий «еврей» и «большевик», провоцировали среди населения России антисемитские настроения. Под антисемитизмом традиционно понимается этническая и религиозная нетерпимость в отношении евреев. В 1917–1922 гг. стоит говорить в первую очередь о преследованиях евреев по национальному признаку, доходившим до расовой ненависти. При этом религиозный антисемитизм в условиях Гражданской войны также получил невиданное до того момента распространение. О религиозном подтексте репрессий против евреев во время гражданского противостояния в России говорит Д.А. Эльяшевич: «На годы Гражданской войны приходится начало большевистских гонений на иудаизм и язык иврит. Первый, вкупе с другими конфессиями, был признан мракобесным учением, проклятым буржуазным наследием, отвлекающим пролетариат от выполнения его «исторической миссии». Вообще, религия представляла смертельную опасность для большевизма: она несла непреходящие нравственные ценности, способные рассеять как дым всю ложь «классового подхода» и подобных ему измышлений. Преследование же иудаизма означало на практике преследование евреев в целом, всего еврейского народа, поскольку само понятие «еврей» есть понятие сугубо религиозное» [2, С. 8].

Действительно, жизнь еврейских общин в России в начале XX в. была тесно связана именно с религиозной традицией, которая была важнейшей частью национальной идентичности. Культура, образование, самоуправление, благотворительность: все эти важнейшие для сохранения национальной самобытности понятия у российских евреев были непредставимы без религии. Но в правление Николая II в еврейской общине шли метаморфозы, возникли первые еврейские объединения не на религиозной, а на светской основе.

К 1917 г. российские евреи представляли собой далеко не единую национальную общину. Несмотря на все дискриминационные законы, евреи в России стали важной частью государственной элиты. Они были широко представлены в таких сферах как торговля и финансы, медицина, право, журналистика, наука и искусство. При этом традиционная община к этому времени на протяжении десятилетий находилась в глубоком кризисе. Для значительной части еврейской молодежи в начале XX в. подлинными авторитетами были не раввины, а радикальные политические деятели, а священными текстами для них стали не Тора и Талмуд, а «Капитал» и подобные труды. Молодые российские евреи симпатизировали социалистическим партиям и принимали активное участие в работе не только национальных политических организаций (Бунд, Поалей Цион и др.), но и общероссийских революционных партий (социалистов-

революционеров, РСДРП и др.). Приверженность социалистическим идеям в среде российских евреев накладывала понятный отпечаток на их восприятие религии, атеизм и неприятие любых религиозных традиций становились нормой среди революционной еврейской молодежи в России.

Непоследовательность и противоречивость национальной политики Российской империи, с одной стороны, постепенно ассимилировали еврейские общины и интегрировали их в общегосударственное пространство, а, с другой, своими ограничениями радикализировали их. Первая мировая война де-факто отменила черту оседлости. Многие евреи покидали окраинные губернии, где веками жили их предки. Они переселялись в регионы, которые были не готовы к приему беженцев. В итоге, многие из вынужденных переселенцев оказались без жилищ, без средств к существованию и без возможности сохранять привычный уклад жизни – в том числе, его религиозную составляющую. Неустроенность способствовала возникновению у части российских евреев симпатии к радикальным политическим силам.

Власть, пришедшая на смену империи Романовых, отменила все ограничения, касавшиеся жизни евреев в России. Как точно отмечает один из лучших знатоков в истории национальной политики в России имперского периода А.И. Миллер, «20 марта 1917 года Временное правительство приняло постановление об отмене всех национальных и вероисповедных ограничений, с которым ушли в прошлое и правовые ограничения евреев. В последующие три года жертвами насилия станет в сотни раз больше евреев, чем за все время их проживания в Российской империи, а тысячи евреев будут сами вершить революционное насилие» [3, С. 189]. Но угадать подобное развитие событий весной 1917 г. было трудно. Большинство российских евреев, как и представители всех других конфессий в это время, находились в состоянии революционной эйфории. Новая власть воспринималась ими как освободительница и избавительница от дискриминационных законов. Еще большими были надежды на будущие преобразования. Поэтому в синагогах по всей России в это время звучали молитвы «за здравие Временного правительства» и шли траурные богослужения в память о погибших борцах за свободу. В условиях мировой войны там же молились о даровании победы Русской армии. Во многом символично, что начало заседаний учрежденной при Министерстве исповеданий Временного правительства особой комиссии для обсуждения некоторых отдельных вопросов, касавшихся духовных дел евреев, было намечено на 25 октября 1917 г., но по понятным причинам, это решение не имело никаких последствий [4, С. 429–430].

По утверждению президента Федерации еврейских общин России раввина А.М. Бороды, революционные события 1917 г. для российских евреев стали «воздухом свободы», который «совершенно по-разному действовал на разных людей» [5]. И «евреи российского государства» начали отстаивать сразу не-

сколько вариантов образа национального будущего. При этом религиозный аспект, как следует из слов раввина, преобладал всего в двух группах – у части сионистов, полагавших, что «еврейский народ должен строить свое государство в Палестине, а не участвовать в чужих проектах», и у ортодоксов, защищавших традиционный уклад еврейской жизни. Реально, вопросы религии присутствовали у более широкого спектра политических партий и организацией, представлявших интересы российских евреев.

С крахом монархии в России еврейские общины получили возможность легально заниматься и политикой. Вследствие этого, как отмечает О.В. Будницкий, весной–летом 1917 г. образовалось несколько религиозных еврейских партий, выступавших единым фронтом. Так, исследователь указывает на объединенную партию религиозных групп Москвы и Петрограда, получившую название «Ахдус» («Ахдут», «Единство»), а также на одноименный фронт еврейских религиозных партий на Украине [1, С. 72]. Эти организации наряду с обычными для того времени политическими требованиями (например, введение 8-часового рабочего дня) выступали также с религиозными. К таким можно отнести требования свободы совести, гарантий выходного дня в субботу, государственной финансовой поддержки религиозных общин. Названные политические организации, в известной степени самочинно, выступали от имени «религиозного большинства русского еврейства» (по характеристике О.В. Будницкого) [1, С. 72]. При этом Бунд, наиболее крупная и влиятельная еврейская политическая партия в России, уже в новых политических реалиях продолжал выступать против религиозных деятелей как «клерикальных пособников» буржуазии [1, С. 73]. Показателен эпизод, произошедший на областном еврейском совещании в Киеве 9–11 мая 1917 г. Во время одного из заседаний бердичевский раввин предложил делегатам встать в честь Торы. Сторонники Бунда остались сидеть, после чего начался скандал, который удалось погасить писателю С.А. Анскому, заявившему, что Тора – «не только религиозный символ, но и символ вековой еврейской культуры» [1, С. 74]. Еврейская народная группа, одним из лидеров которой был кадет М.М. Винавер, выступала за полное гражданское равноправие российских евреев при гарантиях сохранения независимой религиозной жизни [1, С. 74]. В бурной политической жизни России весны – лета 1917 г. иудейские духовные лидеры были в тени более активных политических активистов-соплеменников, стоявших на светской платформе.

Раскол в российской еврейской общине в 1917 г. доказывают результаты выборов в Учредительное собрание. За еврейские партии было подано 498 198 голосов. Из них Еврейский национальный блок, объединивший сионистские и религиозные партии, получил 417 215 голосов, Бунд – 31 123, Поалей Цион – 20 538, остальные социалистические партии – 29 332 [1, С. 75]. По еврейскому национальному списку города Могилева в Учредительное собрание был избран

Яков Исаевич Мазе, один из лидеров сионистского движения в России и главный раввин Москвы в 1893–1924 гг.

Все национальные еврейские партии и группы выступили против захвата власти в России большевиками. Показательно, что в воззваниях еврейских организаций конца 1917 г. большевики обвинялись в развязывании гражданской войны. Но большая часть евреев, поддерживавших большевиков, в особенности – попавшие в партийное руководство, добровольно отказывались от любых связей с традиционной еврейской средой. Они переставали публично говорить на родном языке и не отмечали религиозные праздники. Одержимые идеями революции, многие этнические евреи причисляли себя к наднациональным группам (большевикам, коммунистам), считая это своей важнейшей идентификацией. В противовес, часть религиозных евреев старалась всячески дистанцироваться от советской власти. Спустя 3 месяца после Октября «Еврейский национальный совет» в Москве, куда входили духовные лица, выступил с резкой критикой действий большевиков, в том числе, гонений на религию, предав их херему (анафеме) [6, С. 243].

Для работы непосредственно в еврейской среде в январе 1918 г. в составе Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР учредили Еврейский комиссариат во главе с С.М. Диманштейном. Летом того же года в городах с еврейским населением создавались еврейские коммунистические секции РКП(б) (евсекции). Эти организации были призваны установить «диктатуру пролетариата на еврейской улице» [1, С. 108], широко наступая на традиционные еврейские общины и сионистские организации. Декрет о ликвидации автономных национальных еврейских общин 11 апреля 1919 г. подписал нарком по делам национальностей И.В. Сталин. Этим документом еврейские общины фактически объявлялись контрреволюционными объединениями, что в глазах советских органов власти делало лидеров общин, в том числе раввинов, врагами еврейского пролетариата.

Тотальное наступление евсекций на традиционный уклад жизни еврейских общин в России напрямую касалось и религии. В июне 1919 г. в резолюции II конференции еврейских коммунистических секций о содействии советской власти провозглашалось, что еврейские общины «как опорные пункты всех реакционных сил должны быть распущены» [7, С. 243]. Сионистские организации этот документ объявляли контрреволюционными, в том числе, и потому, что способствовали «укреплению влияния еврейского клерикализма». В рамках борьбы с сионизмом шла борьба большевиков с ивритом – языком, который прочно ассоциировался не только со стремлением к еврейской национальной государственности, но и с религией. Поэтому при разгроме еврейских национальных школ и организаций иврит принудительно вытеснялся из жизненных практик российского еврейства. Так, вопреки надеждам части российских евре-

ев, советская власть в короткие сроки разрушила традиционный уклад еврейской общины в России.

Как и в случае с Русской православной церковью, большевики попытались создать подконтрольные и лояльные еврейские духовные структуры, причем сделали это еще в годы Гражданской войны. В частности, летом 1919 г. раввин Л. Житник осуществил разгром еврейской религиозной общины Киева, провозгласил себя «красным раввином», начав организацию «красных общин». Эти объединения вели коммунистическую пропаганду и отмечали в синагогах советские праздники. Безусловно, с помощью таких действий большевики пытались расколоть религиозных евреев, но «обновленческий» иудаизм почти не нашел поддержки верующих. Была также сделана попытка внести советские элементы в традиционную иудейскую обрядность. Так, в некоторых городах в Песах устраивались «красные седеры» (праздничные трапезы), а в 1920 г. в Витебске был проведен «йом-кипурник» с праздничным шествием по улицам города (хотя религиозная традиция предполагает, что в этот самый важный в иудаизме праздник евреи посещают синагогу, соблюдают пост и проводят большую часть дня в молитвах) [8]. Раввины и активные верующие, несогласные с такими вмешательствами в религиозную жизнь, арестовывались.

Часть евреев на начальном этапе гражданского противостояния поддержала Белое движение – личным участием в воинских формированиях и финансово. Это можно связать не только со стремлением части еврейской элиты в России сохранить право на частную собственность, а, следовательно, и свое благосостояние, или с неизменно декларируемым белым лагерем принципом свободы вероисповедания, но и с тем, что среди политических деятелей, принявших сторону «белых», было немало тех, кто еще в царское время последовательно выступал в защиту российских евреев. В частности, речь идет о представителях кадетской партии, таких как П.Н. Милюков, Н.И. Астров, М.М. Фёдоров, М.М. Винавер, Д.С. Пасманик.

М.М. Винавер последовательно критиковал большевизм, в том числе, и как антирелигиозную силу, от которой страдали и российские евреи: «большевики преследуют, наравне с христианскими религиями, и еврейскую религию, уничтожая еврейские общественные, культурные и религиозные учреждения» [1, С. 378]. Д.С. Пасманик в многочисленных публикациях, созданных уже в эмиграции, всячески отрицал, что «большевизм – лишь одна из ипостасей иудаизма» [9]. Свои мысли он обобщил в вышедшей в Берлине в 1923 г. книге [10]. Он пытался опровергнуть мысль о тождественности большевизма с иудаизмом, что он считал «общепризнанной модой современного европейского мышления» [10, С. 9]. Он указывал, что для антисемитов «все большевики – евреи и все евреи большевики», а «духовные корни большевизма заложены в иудаизме, в еврейском национализме и в расовых особенностях Израиля».

В том, что у такой позиции есть сторонники, Пасманик справедливо видел угрозу всему еврейскому народу, что и подтвердилось после прихода нацистов к власти в Германии. Публицист считал, что иудаизм и большевизм объединяют желание земного счастья и социальной справедливости, однако замечал, что «социальная справедливость Ветхого Завета имела в виду не коммунизм, а частную собственность, и не классовые выгоды, а всенародные интересы. Идеал иудаизма: чтобы *каждый* был под *своей* смоковницей и под *своим* виноградником» [10, С. 137]. По мнению Пасманика, «большевизм проникнут тенденцией нивелирующего космополитизма, ввиду чего он будет стремиться к насильственной денационализации еврейства, как оно на самом деле и есть. Во всей России ведется большевиками самая ожесточенная борьба против синагог, хедеров (национальных школ), общинных учреждений и национальных партий (сионистов) и против древнееврейского языка» [10, С. 184–185].

Автор полагал, что Белое движение ошибочно не приняло этих аргументов, посчитав всех евреев сторонниками большевиков и не используя силу еврейского народа в борьбе с «большевистской тиранией». По его мнению, это было одной из главных причин неудачи Белого движения. Завершалась книга Пасманика словами неназванного по имени еврейского духовного лидера: «Один умный раввин конца 18-го столетия сказал раз: «Если бы все евреи выполняли все заветы Библии, а все христиане – все заветы Евангелия, то род человеческий был бы счастлив на земле и на небе». Если измученные русские люди поймут исстрадавшихся евреев, а последние вникнут в переживания первых, тогда они объединят свои силы для борьбы с общим врагом. Теперь ведь ясно для всех: большевизм – враг и тех и других, ибо он является олицетворением взбунтовавшегося Хама» [10, С. 262].

О том, что евреев, в том числе, и религиозных, и большевиков отождествляли не только участники Белого движения, но и члены национальных формирований, говорит сводный доклад сотрудника Отдела помощи погромленным при РОКК на Украине А.И. Гиллерсона. В том документе, составленном не ранее 20 июня 1919 г., говорится о еврейских погромах в Овруче (Волынская губерния) в декабре 1918 г. Тогда в регионе действовали отряды полковника УНР, атамана Олесея (Алексея) Козырь-Зирка. Заняв Овруч, атаман приказал арестовать местного духовного раввина. После ряда издевательств со стороны казаков, Козырь-Зирка лично допросил лидера еврейской общины, после чего заявил ему: «Я знаю, что ты большевик, что все твои родные – большевики, что все жидаы – большевики. Знай же, что я всех жидов в городе истреблю. Собери их по синагогам и предупреди об этом» [11]. После этого раввин был отпущен, а в городе начали беспорядки.

Как это часто случалось в истории, в трудные для евреев минуты их главными защитниками становились именно раввины. Они всеми доступными

средствами пытались донести точку зрения своей общины до любой власти – как красной, так и белой. Так, известно, о том, что в августе 1918 г. ростовский раввин З. Гольденберг выступил в газете «Приазовский край» со статьей, в которой пытался защитить своих единоверцев от антисемитских нападок. Он указывал, что именно евреи жертвовали самые крупные суммы на содержание Добровольческой армии и казачьих отрядов, за что становились жертвами красных. Также он уверял читателей, что еврейское население Дона дало большое количество добровольцев для Белого движения, но не дало ни одного большевика. При этом, говоря о составе местного военно-революционного комитета, он признавал, что там были евреи, но один из них был приезжим из Гомеля, а второй – выкрестом [1, С. 255]. В 1919 г. московский раввин Я.И. Мазе обращался к народному комиссару просвещения А.В. Луначарскому с протестом против объявления иврита «реакционным и контрреволюционным языком» и против закрытия школ общества «Тарбут», где преподавание велось на этом языке [12, С. 34]. Очень примечательно упоминание Я.И. Мазе во время встречи представителей Екатеринославской, Харьковской, Ростовской и Таганрогской еврейской общин с А.И. Деникиным 8 августа 1919 г. Еврейские делегаты рассказали генералу следующую историю: «Когда московский раввин Мазе обратился к Троцкому с указанием на страшный вред, наносимый его деятельностью еврейству, Троцкий ответил, что он ничего общего с еврейством не имеет и еврейства знать не хочет» [11, С. 781]. Раввины старались сообщить соплеменникам о грозящей опасности. Известно о том, что раввин со станции Синельниково в 1919 г. обращался в Екатеринослав с просьбой, чтобы евреи не ездили по железной дороге, поскольку «на кладбище нет уже мест для могил» (незадолго до этого обращения казачьи части отряда А.Г. Шкуро на упомянутой станции грабили поезда, убивая пассажиров-евреев) [11, С. 199].

В современной историографии устоялось мнение, что большинство политических лидеров Белого движения в разной степени симпатизировали антисемитам, но в своей публичной деятельности неизменно декларировали верность принципам равноправия народов и вероисповеданий. Так, А.И. Деникин, чье детство прошло в Царстве Польском, своими глазами видел жизнь еврейских местечек. В этой среде у генерала сформировались предубеждения, что нашло отражение на страницах его мемуаров, хотя эти чувства нельзя назвать радикальными. В мировоззрении Деникина традиционалистские идеи сочетались с либеральными. Так, армию он воспринимал как инструмент ассимиляции различных народов и их русификации. Он указывал, что в царское время некоторые евреи, делавшие офицерскую карьеру, отказывались от веры предков и принимали христианство. Но в годы Гражданской войны эти механизмы перестали работать, национальные и религиозные чувства стали для евреев значить гораздо больше. Евреи участвовали в деятельности Добровольческой ар-

мии (в октябре 1919 г. в Киеве был создан Еврейский комитет содействия возрождению России, куда вошли и религиозные деятели), но участие белых в погромах отталкивало их от поддержки антибольшевистских сил.

А.И. Деникин, желая снизить градус напряженности в обществе, не раз встречался с представителями еврейских общин на территориях, которые контролировались ВСЮР. Среди этих делегаций, как правило, были раввины. Евреи просили генерала защитить свою общину от погромов. Но для Деникина большое значение имел принцип коллективной ответственности, поэтому во время таких встреч он пытался повлиять на еврейские общины, предлагая им самим воздействовать на радикальные силы в своей среде. Также в период, когда генерал находился во главе Добровольческой армии, еврейские общины привлекались к пропагандистским мероприятиям, направленным на общественное порицание большевизма. Так, на 15 июня 1919 г. во всех синагогах Харькова, включая Хоральную, было запланировано проведение панихид «по еврейским жертвам, зверски замученным в застенках советской власти» [13]. Но погромы, осуществляемые солдатами и офицерами ВСЮР, били по репутации Белого движения. Они прямо противоречили известной деникинской фразе о том, что «нельзя грязными руками братья за святое дело освобождения нашей многострадальной родины России».

18 ноября 1918 г. Верховным правителем России после переворота в Сибири был провозглашен А.В. Колчак. В вопросах национальной политики адмиралу предстояло найти компромиссное решение между двумя крайностями – возрождением территориальной целостности страны и сохранением ранее провозглашенных свобод для различных национальных групп. Из этой ситуации нашелся самый простой выход: в русле следования принципу «непредрешения государственного строя» любые национальные вопросы предстояло обсудить Учредительному собранию, которое предполагалось созвать после победы над большевиками. В итоге решение целого ряда насущных проблем откладывалось на неопределенный срок. Адмирал решил активно не вмешиваться в жизнь еврейской общины в Сибири, поэтому в тот период она действовала автономно, без оглядки на власть. В Сибири в это время продолжался процесс реорганизации еврейских общин. В ряде случаев при местных общинных советах создавались религиозные отделы, но в ряде городов, в частности, в Томске, религиозные задачи сознательно выводились из числа функций этих органов национального самоуправления. При этом евреи Сибири не отделяли себя от соплеменников, живших на руинах Российской империи, и от их страданий. В сибирских синагогах читались поминальные молитвы по жертвам погромов, происходивших не только в России, но и в получившей в то время независимость Польше. В целом, уровень антисемитизма в Сибири в годы Гражданской войны был гораздо ниже, чем на Юге России и Украине [14]. Как и А.И. Деникин,

А.В. Колчак встречался с представителями еврейских общин и заявлял о недопустимости антисемитизма и дискриминации евреев. После установления в Сибири советской власти все еврейские общинные советы были упразднены.

Радикальным было решение еврейского вопроса на Дальнем Востоке. Барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг был одержим патологической ненавистью к евреям и полностью уничтожил еврейскую общину Урги [14, С. 410]. Но пробольшевистские еврейские силы в ДВР также не отличались в этом регионе мягкостью по отношению к традиционным общинам, не доходя, естественно, до крайностей, свойственных своему противнику Унгерну. В декабре 1921 г. при Дальбюро ЦК РКП была организована еврейская секция, которая начала борьбу с сионистами и ортодоксальными религиозными группами [14, С. 418]. Под лозунгами борьбы с реакцией и контрреволюции рассмотрение всех вопросов, касавшихся жизни еврейской общины, передавалось в ведение секретариата по еврейским делам. На практике это лишало дальневосточных евреев надежд на национально-культурную автономию. Более лоялен к еврейской общине был действовавший в Забайкалье атаман Г.М. Семенов. Он пользовался поддержкой местных купцов и золотопромышленников, среди которых было много евреев. При власти атамана в Чите продолжали работу синагога и еврейское училище, открылись еврейское культурно-просветительское общество «Независимый путь», библиотека и драматический кружок. Показательно, что в газете «Восточная окраина» читинский раввин Лев Шергов обращался к начальникам всех войсковых частей, правительственных и общественных учреждений, администрацию торгово-промышленных организаций и владельцев торговых фирм освободить от занятий служащих еврейского вероисповедания накануне и в дни еврейской Пасхи [14, С. 534]. По решению Г.М. Семенова в начале 1919 г. была сформирована Отдельная еврейская рота – единственное регулярное вооруженное формирование, сформированное из евреев, принимавшее участие в Гражданской войне на стороне Белого движения. Это подразделение несло в основном гарнизонную службу [15, С. 537–538]. Но через некоторое время основные силы еврейской роты перешли на сторону красных партизан, что Г.М. Семенов охарактеризовал как «Иудино дело» [15, С. 540]. Это переход спровоцировал рост антисемитских настроений на территориях, подконтрольных атаману.

Еврейские погромы стали одной из самых кровавых страниц Гражданской войны в России. Как и для любого сложного явления, исследователи пытаются найти для их объяснения целый комплекс причин, от экономических (незаконное обогащение в период всеобщей нестабильности) и политических (отождествление евреев с большевиками) до иррационального насилия, охватившего население страны. Второстепенное, но, тем не менее, большое значение имел и фактор религиозной неприязни. Жертвами погромщиков становились равви-

ны. Известно о случаях убийств непосредственно в синагогах. При этом важно отметить, что среди «идеологов» погромов в Белом движении в основном были военные и интеллигенты, а не представители православного духовенства. Священнослужители, которые вели погромную агитацию в годы Гражданской войны, безусловно, были, но их было не так много, и значительная часть из них имела одиозную репутацию среди клира. Самой известной подобной фигурой следует считать протоиерея В.И. Востокова. По воспоминаниям протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского, во время Юго-Восточного (Ставропольского) Русского Церковного Собора, проходившего в мае 1919 г., протоиерей призывал Церковь открыто и резко выступить «против жидов и масонов». Однако эти слова, за исключением отдельных случаев, вызвали неприятие участников Собора. С резкой критикой подобных заявлений выступили князь Е.Н. Трубецкой, архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) и епископ Александровский Михаил (Космодамианский), обвинившие В.И. Востокова в человеконенавистничестве. В ответ на это протоиерей во время выступления в Екатеринодаре назвал Собор «еврейским синедрионом» [16, С. 515–516]. Но в целом выражение антисемитских настроений в среде православного духовенства в рассматриваемый период все же не было массовым.

Другим проявлением религиозного фактора при погромах стала направленная в основном против православия антирелигиозная и антиклерикальная деятельность комиссаров, среди кого было много евреев. Закрытие храмов, глумление над священниками и верующими, неуважение к лицам духовного звания, богохульство – все это порождало среди крестьян и горожан антисемитизм. Не имея возможности прямо ответить представителям советской власти, население вымещало свою ненависть на евреях-соседях, которые в большинстве случаев ровно в той же мере страдали от красного произвола. Такая реакция на действия комиссаров выразилась в докладе от 9 июля 1919 г., подготовленного агентом секретной белогвардейской организации «Азбука» (псевдоним «Чинизелли»), где констатируется, что наблюдается «Сильное враждебное настроение против евреев, в лице которых видят еще и похитителей религиозных чувств народа» [1, С. 332].

Больше всего погромов в годы Гражданской войны произошло на Украине. Те кровавые события унесли жизни около 200 000 чел. Очевидно, что антисемитизм был присущ многим действовавшим здесь политическим силам, разделявшим идеи этнического национализма. Стоит также признать, что столь массовое уничтожение еврейского народа на Украине было невозможно без активного содействия местного населения. В ряде случаев от убийств и грабежей евреев спасали их православные соседи. Так, по словам казенного раввина Новомиргорода (Елисаветградский уезд) местный православный священник ходил с крестным ходом к громилам и умолял их прекратить погром. Раввин местечка

Смела Киевской губернии Мень признавался, что когда в августе 1919 г. в населенном пункте начали погромы, он нанял русскую женщину, она вывесила на окнах и дверях его дома иконы, не впуская в дом никого из громил, что спасло имущество и жизнь семьи еврейского религиозного деятеля. Схожие случаи происходили и на территории России. Депутация православных священников просила генерала К.К. Мамонтова остановить погром в г. Козлове Тамбовской губернии 24 августа 1919 г. Были и обратные примеры. Когда в марте 1919 г. большевики наступали на Житомир Киевской губернии, по городу распространились слухи, что «жида вырежут весь город», причем под этим подразумевались не возможные действия местных евреев, а именно насилие со стороны наступающих сил красных. Часть христианского населения покинула город, а некоторые «интеллигентные христиане» обращались к евреям с просьбой спрятать их. В Умани православное Кирилло-Мефодиевское братство обратилось с воззванием к христианскому населению города, призывая их не брать грех на душу, не убивать невинных евреев [11, С. 131, 239, 334, 784, 922].

Но стратегия выживания и привела российских евреев к большевикам, которые, как и в ряде других случаев в ходе войны, умело выступили, как политические тактики. Они обещали еврейскому населению гарантии личной безопасности: в первую очередь, защиту от погромов. Тем, кто, пострадал от погромов, предоставляли жилье, для них открывались бесплатные столовые и бани. Но часто платой за эту лояльность был вынужденный отказ от национальных и религиозных традиций. Среди иных причин перехода евреев к большевикам можно выделить еще две. Во-первых, многие молодые евреи шли не к абстрактной политической силе, а к вполне конкретным, хорошо им знакомым соплеменникам, с кем они вместе росли, воспитывались и учились, в том числе, в национальных религиозных учебных заведениях (например, в хедерах). Во-вторых, представители еврейской общины шли к большевикам (в том числе, в карательные органы) из чувства мести, желая возмездия за гибель своих родственников во время погромов. Неслучайно один из ведущих специалистов в истории Гражданской войны в России А.С. Пученков, исследуя вопросы национальной политики Белого движения, пришел к выводу, что погромы стали «губительными для белых», поскольку «вредили популярности белых в глазах Запада, являлись козырным тузом красной пропаганды и фактором разложения армии. Наконец, бесчеловечные погромные эксцессы продемонстрировали всему миру несостоятельность белых как государственной власти» [9, С. 339] (здесь добавим, что та несостоятельность демонстрировалась и потенциально лояльным российским евреям).

Антисемитские (и религиозные) мотивы активно использовала пропаганда белых. Большевики связывались в листовках антихристианской силой. Закрытие православных храмов противопоставлялось в белой агитации продолжавшейся работе синагог. Важную роль здесь играли распускавшиеся слухи. Сви-

детельница С.Л. Беккер рассказала о разговорах после торжественного молебна, совершенного в Черкассах 17 августа 1919 г.: «Собравшиеся говорили между собой о евреях в очень враждебном тоне. Говорили, что Троцкий превратил все церкви в кинематографы, а синагог велел не трогать. С возмущением говорили, что, если церкви превращены в кинематографы, надо превратить «жидовские синагоги» в уборные общественного пользования» [11, С. 222]. На следующий день после этого в городе начался погром, продолжавшийся несколько дней. Антисемитские настроения в Харькове в апреле 1919 г. резко обострились, когда по городу пошла молва о том, что СНК якобы раздавал евреям муку на мацу, но отказывался давать ее на Пасху русским [9, С. 270]. В Умани распускались слухи, что «вся власть принадлежит «жидам», что они закрыли православные церкви и превратили их в конюшни» [11, С. 119]. Но самый масштабный и удивительный слух того времени – желание советской власти провозгласить «еврейскую веру» государственной религией вместо православия [6, С. 241 – 242]. В листовке, ходившей в Сибири и подписанной «сибирские стрелки», утверждалось, что «жиды-комиссары» грабят православные храмы и убивают священников, но не трогают синагоги и раввинов. Этому противопоставлялись белые, которые защищали храмы, «потому что верили в Бога» [14, С. 317]. Также в Сибири распространялась брошюра «Речь раввина к еврейскому народу», которая, по замечанию историка И.В. Нам, была вариацией на тему «Протоколов сионских мудрецов» и рассказывала читателям о планах евреев по захвату власти во всем мире и по последующему уничтожению ими христианства [14, С. 317]. В издававшемся В.М. Пуришкевичем в Ростове-на-Дону журнале «Благовест» утверждалось, что цель большевизма – «растление христианских народов мира, в интересах иудаизма» [1, С. 246].

Отдельно остановимся на визуальных образах белой антисемитской пропаганды. На известном плакате «В жертву Интернационалу» изображено ритуальное убийство Л.Д. Троцким девушки в русском национальном костюме (символ России). Менее известен плакат, где тот же политик гордо смотрит на то, как толпа красноармейцев с винтовками ведут Христа с крестом к распятию. Изображение сопровождал антисемитский посыл в стихах:

«Через кровь и через трупов груды,
Лобызая в бледные уста,
Посылает снова внук Иуды
На Голгофу распинать Христа.
Верю я, что близок свет денницы.
Сердце жди! Я верю и молюсь!
После тяжких дней Страстной Седмицы
Бог воскреснет, и воскреснет Русь!».

Результаты исследования. Антирелигиозная политика большевиков, безусловно, коснулась и традиционного уклада жизни российских евреев. «Отделение церкви от государства и школы от церкви», провозглашенное в соответствующем советском декрете, непосредственно затрагивало основы еврейской жизни. Рушилась сформированная веками система национально-религиозного образования, включавшая в себя хедеры и иешивы. Далее шагами советской власти стали ликвидация и поглощение РКП(б) еврейских партий и политических организаций, а также разгром сионистов. После установления советской власти в России по религиозной жизни местной еврейской общины был нанесен еще ряд ударов. Так, в рамках кампании по конфискации церковных ценностей под предлогом помощи голодающим из синагог изымали культовые предметы из драгоценных металлов. Затем под предлогом ликвидации «очагов распространения иудаизма» и «религиозного дурмана» закрывались синагоги. Как было принято в этих случаях, формальным поводом для закрытия стали ходатайства рабочих (в данном случае, обращения трудящихся евреев). Наконец, многие раввины стали жертвами Большого террора. Все названные этапы совпадают с репрессиями и гонениями, которые испытали на себе представители других традиционных конфессий России.

Источник финансирования

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

Список источников и литературы

1. Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., РОССПЭН, 2005. 552 с.
2. Эльяшевич Д.А. В советском галуте / Блюм А.В. Еврейский вопрос под советской цензурой. 1917–1991 / отв. ред. Д.А. Эльяшевич; СПб., 1996. (Петербургская иудаика. Т. 1.). С. 5–22.
3. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. изд. 2-е, испр. и доп. М.: НЛО, 2010. 320 с.
4. Конфессиональная политика Временного правительства России: сб. док. / сост., авт. предисл. и комм. М.А. Бабкин. М.: РОССПЭН, 2017. 558 с.
5. Борода А. Евреи ждали от революции свободы, а получили погромы [Эл. рес.]. Реж. дост.: <https://ria.ru/20170320/1490395351.html> (дата обращения 07.09.2023).

6. Рогозный П.Г. Евреи, народная религиозность и революция // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: История, культура и словесность: Мат–лы междунар. науч. конф. (14 апр. 2019 г.) / Труды по иудаике: История и этнография. Вып. 15. СПб., 2019. С. 241–250.

7. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая / М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

8. Советский Союз / Краткая еврейская энциклопедия. Т. 8. Иерусалим, 1996. Ст. 147–148.

9. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: НПК, 2016. 399 с.

10. Пасманик Д.С. Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Берлин, 1923. 270 с.

11. Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: сб. док. / отв. ред. Л.Б. Милякова. М.: РОССПЭН, 2007. 1032 с.

12. Улицкий Е. Раввин Я.И. Мазе и открытие Московской хоральной синагоги // Еврейская Старина: сетевой альманах. 2006. № 5(41). [Эл. рес.]. Режим доступа: <https://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer5/Ulicky1.htm> (дата обращения 07.09.2023).

13. [Объявление о панихидах] // Новая Россия. 1919. 14/27 июня.

14. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: ТГУ, 2009. 500 с.

15. Касаточкин Д.Р. Еврейские воинские формирования в войсках атамана Г.М. Семенова в Забайкалье в 1919–1920 гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 531–542.

16. Шавельский Г.И. В школе и на службе. Воспоминания. М.– Брюссель, 2016. 824 с.

Для цитирования: Калиновский В.В. Религиозный фактор в жизни российских евреев в годы Гражданской войны: к постановке проблемы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 119–133.

© Калиновский В.В., 2023

РОССИЙСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЙ СТАРООБРЯДЕЦ»)

Кальниченко Владислав Николаевич¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
¹ kalnichenko_97@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2026-6791

Аннотация: Рассматривается актуальная для отечественной историографии проблема участия российского старообрядчества в Гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке. Основным источником изучения – журнал «Сибирский старообрядец». Научную новизну исследования обусловил анализ основных рубрик журнала, акцентов авторов статей и мнений старообрядцев на происходящие события.

Ключевые слова: религиозный фактор, Гражданская война, периодическая печать, старообрядчество.

Постановка проблемы. Актуальность данного исследования заключается в недостаточной изученности проблемы влияния религиозного фактора в годы Гражданской войны в России и, в частности, участия старообрядцев в новых общественно-политических отношениях. В современной науке старообрядчество занимает определенную историографическую нишу. Но в основном изучение старообрядчества базируется на исследованиях авторов эволюции религиозной политики государства во второй половине XIX – начале XX вв. [1–4]. В работе В.В. Боченкова впервые наиболее подробно представлены биографические данные старообрядческого духовенства, часть из которых поддерживала антибольшевистские силы на Востоке России [5]. Небезосновательно следует упомянуть археографическое исследование А.В. Кострова, в котором автор анализирует мемуары старообрядческого священника Иоанна Кудрина. Автор отмечает, что значительное место в мемуарах священника отведено описанию и интерпретации революционных событий и периоду Гражданской войны. Несмотря на то, что мемуары были написаны время спустя, они все же обладают исторической ценностью [6, С. 156–163]. А.В. Костров также обращает внимание на взаимоотношения староверов с большевиками. Если на начальном этапе они видели в них силу, способствующую навести порядок и завершить Гражданскую войну, то с началом антирелигиозных мероприятий отношение стало отрицательным [7, С. 156–163].

Обращаясь к определению религиозного фактора в рассматриваемый период, отметим его основные параметры: «Под религиозным фактором понимаются процессы влияния религии на начало, ход и исход [Гражданской] войны,

на деятельность противоборствующих сил, на политические институты и на общественное мнение» [8, С. 34]. В этой связи, основным источником нашего исследования выступает журнал «Сибирский старообрядец» 1918–1919 гг. Теоретический блок исследования – это общенаучные методы анализа и синтеза, которые позволят представить рубрикацию журнала, показать расстановку акцентов автор статей, а также проследить основной концепт журнала. Метод контент-анализа будет использоваться нами, прежде всего, из-за того, что журнал «Сибирский старообрядец» являлся первостепенной периодикой старообрядцев различных направлений. Некогда ранее, И.Д. Эйнгорн справедливо отметил, что данный журнал «стал центром борьбы за восстановление монархии» [9, С. 10]. Ныне подшивка издания хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (№ 1–8, 11–15).

Основная часть. Журнал «Сибирский старообрядец» выходил в свет «два раза в месяц». Первый номер появился 1 декабря 1918 г. (по ст. ст.). Язык публикаций – общедоступный, дореволюционным шрифтом (с непривычными для современного читателя «ер», «ять» и «фита»). На первой странице представлены следующие элементы: «цена 75 коп.», дата выхода (день, месяц, год), условия подписки на журнал «на год 15 р., на полгода 8 р., на три месяца 4 р.» и т.д. Информация для тех, кто желает напечатать свою рукопись «объявления печатаются только после текста 1 р. 50 к. за строку петита». Относительно публикации крупных объявлений – 200 р. за страницу, половина страницы 120 р., четверть – 65 р. Если рукописи поступали в редакцию «без обозначения условий» они объявлялись бесплатными, хранились «два месяца» после чего уничтожались. Редакция находилась по адресу: г. Барнаул, Подгорная 61. Основными визуальными элементами являлись название журнала, содержание, название, выделяемое жирными шрифтом с заглавной буквы. В первом номере опубликованы «Задачи журнала», в которых редакция журнала показывает читателям свое мнение относительно событий октября 1917 г. Так, «Русская революция, став на ложный материалистически-социалистический и большевистский путь, привели нашу страну <...> к гибели». Далее редакция отмечает негативное влияние атеистической литературы, она «пагубная разделяющая человеческую душу» [10, С. 1]. Они также отмечают, что «Из всех русских людей, оплакивающих гибель России, наиболее жестоко страдают <...> старообрядцы. Здесь же прилагается призыв к необходимости действий, а также акцентируется основы, благодаря которым может возродиться былая слава России: «может и должна возродиться только на религиозных основах и национальных началах» [10, С. 2]. Основными темами номера стали: «На начинающего Бог», «Кто превратил Россию в труп», «Епархиальный съезд», «Объединение сибирских старообрядцев», «Запросы о проявлении культурной жизни старообрядчества в прошлом. (Исторический очерк)», «Молитвенный вздох», «Военное и политическое обозрение», «Лекции Ф.Е. Мельникова», «Церковно-общественная жизнь».

Старообрядческая академия», «Разные известия. Сионистский съезд. Опять к кесарю [11, С. 1–15].

В статье «Кто превратил Россию в труп» крайне аккуратно автор озвучивает причины падения некогда великой державы. Он приходит к мнению, что виновата социалистическая демократия [12, С. 5–6]. Статья напечатана под псевдонимом «Ф.», по нашему мнению, она принадлежит к идейному вдохновителю и основному редактору данного журнала – Ф.Е. Мельникову. В статье «Военное и политическое обозрение» читателю предлагается обращение адмирала А.В. Колчака к населению по случаю принятия им всей полноты власти [13, С. 12].

Помимо предлагаемых тематических рубрик, на страницах печатались приглашения на лекции [14, С. 14], а также некрологи [15, С. 14–15]. Строгой тематической рубрикации в данном номере нет, однако, статьи имеют, с одной стороны, акценты на центральных проблемах для старообрядчества (в данный момент), с другой – определенную тематическую последовательность. В следующих номерах меняется шрифт названия журнала. В журнале № 2 были опубликованы статьи, продолжающие тему противопоставления христианского учения к демократии, выявлению причин революционных событий 1917 г., описаны источники христианского учения, показаны гонения от большевиков, а также публикуются документы. Так, в статье священника-старообрядца Дмитрия (Суворова) «Источники истинного христианского вероучения» описывается основополагающий корпус книг, которые «богодохновенные и полезные» обязанностью каждого христианина является познание «Единого истинного Бога и вера в него» [16, С. 5].

В статье «Гонение от большевиков» сообщается о попытках большевиков «отыскать епископа Филарета (Паршикова – В.К.)», однако, тому удалось уйти в «одном лишь халатике». Уходя от большевиков, епископ поселился в Ново-Николаевске. На территории Сибири во время «господства большевизма <...> пострадали старообрядческие обители. Петропавловскую женскую обитель <...> совершенно разграбили: забрали весь инвентарь живой и мертвы, а постройки социализировали» [17, С. 9]. В «Официальном отделе» был опубликован документ, в котором читателю предлагается ознакомиться с запросом старообрядческой Томско-Алтайской епископии «о порядке отсылки копий метрических книг, Министерство юстиции Вр. Сибирского Правительства» и на тему закона о расторжении браков. И в первом, и во втором случае ответ Правительства заключался в утверждении прежних законодательных основаниях. Однако, предлагалось – «если существующий законный порядок <...> представляется нежелательным и стесняющим их религиозную свободу или ей противоречащих» подать ходатайство о замене или отмене закона о расторжении брака [18, С. 14–15].

В следующем номере помимо традиционных статей об отношении старообрядчества к революции, о старообрядческом образовании (народная акаде-

мия), исторических опусов, появляются праздничные статьи «Святая ночь», «Рождение Христа–младенца». Наиболее любопытными по содержанию данного номера были статьи «Об изменении календаря», «Культурники и пастыри», «Проездом по Д.[альнему] Востоку». Так, о календарной реформе Ф.Е. Мельников отзывается крайне осторожно. Более того, он высказывает свои опасения о том, что христианская Пасха будет совпадать с «Иудейской Пасхой», что нарушает «7 правило св. Апостол...», а также считает, что астрономическая наука совершенствуется, новые знания могут опровергнуть необходимость прибавления суток [19, С. 5–6].

В статье «Культурники и пастыри» редакция журнала сообщает, что не могут напечатать материал о «ново-прославленном грекороссийской церковью Иркутском епископе Сафронии». Причина – «за неимением достаточных сведений о добродетелях и подвигах этого нового святителя» [20, С. 11]. В статье «Проездом по Д.[альнему] Востоку» сообщается, что «Харбин в настоящее время сделался средоточием торговли и промышленности, а главным образом – спекуляции. Автор также пишет, что там «имеются старообрядческая община Белокрыницкой иерархии». Владивосток в это время представляется международным из-за многообразия возвышающихся флагов [21, С. 14]. В Хабаровске на собрании старообрядцев подняли и утвердили «о резиденции епископа Иосифа в г. Хабаровске, как центре дальневосточного старообрядчества» [21, С. 15].

Наполнение следующих номеров журнала, исходило также из общественно-политической обстановки в регионах и присылаемых материалов. Однако несколько сюжетов из № 6 журнала выделяются. Редакция сообщает читателям: «мы с радостью приветствуем вступление еп.[ископа] Андрея в число наших сотрудников. В среде многочисленного архиерейства новообрядческой церкви он является редким исключением: он любит старообрядчество, преклоняется перед его церковностью, уставностью, чинностью и обрядностью» [22, С. 10]. Например, о деятельности Кружка старообрядческой молодежи г. Томска мы узнаем из устава: «пробуждение интереса к изучению прошлого и настоящего старообрядчества», изучение истории христианства и апологетической литературой, проведение лекций, собеседований и т.д.». В состав Кружка входят старообрядцы всех направлений. Следует подчеркнуть, что никакой политической деятельности Кружок старообрядческой молодежи не ведет. Подтверждением данного тезиса выступают последующая публикация о данном кружке [23, С. 13–14]. С № 7 журнала «Сибирский старообрядец» расположение содержания «переместилось на последнюю страницу». В номерах 12–14 вместо завершающей рубрики «Объявления», где печаталась реклама о Томско-Алтайском старообрядческом епархиальном свечном заводе, возможных подписках на газеты появляется рубрика «Воззвание», где старообрядцы просят помощи на возведение храма.

Результаты исследования. Таким образом, журнал «Сибирский старообрядец» представляет собой уникальный источник, представляющий взгляд старообрядцев различных направлений в новом социокультурной действительности. За относительно продолжительный период вышло 15 номеров данного журнала, но о номерах 9–10 ничего неизвестно. В журнале «Сибирский старообрядец» невозможно выделить ярко выраженные тематические рубрики, но определенная тематическая последовательность публикаций все же есть. В данной периодической печати нет прямых акцентов на политическое противоборство, а создаваемые кружки старообрядческой молодежи должны были стать не политическими движениями, а образовательными [20, С. 13]. На страницах журнала можно встретить подробное описание отношения большевиков к старообрядцам, «социализация» их имущества и разрушение религиозных строений. Следует подчеркнуть, что на протяжении всего периода существования журнала изменения хотя и были, но, на наш взгляд, незначительные. Совершенно неизменной была цель журнала – служить укреплению Христианства и возрождения Великой, единой и независимой России.

Источник финансирования

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

Научный руководитель А.С. Пученков (СПбГУ)

Список источников и литературы

1. Апанасенок А.В. «Закон законом, а истинная вера одна»: из истории становления веротерпимости в провинциальной России начала XX в. // Вестник РУДН. Сер. История России, 2009. № 1. С. 61–67.
2. Шевнин И.Л. История официальной регистрации старообрядцев Белокриницкого согласия в Хабаровске (1880–1980-е годы) // История и культура Приамурья. 2010. № 2. С. 94–105.
3. Мурадосылова Ш.М. Правовое положение старообрядцев и сектантов Таврической губернии (XIX – начало XX вв.) // Труды V Всеросс. науч.-практ. конф. Брянск, 2019. С. 105–110.
4. Дашковский П.К., Ильин В.Н. Правовое положение старообрядцев в контексте законодательных инициатив Российской империи в последней трети XIX – начале XX вв. // Былые годы. Т. 3. 2019. № 53. С. 1232–1242.
5. Боченков В.В. Старообрядчество советской эпохи. Епископы Русской старообрядческой Церкви, советский период (1918 – 1991 гг.): Библиографический словарь / В.В. Боченков. М., Вече. 2019. 319 с.

6. Костров А.В. Мемуары старообрядческого священника И.Г. Кудрина как исторический источник // Старообрядчество: история, культура, современность. Музей истории старообрядчества, Боровский историко-краеведческий. Редакторы-составители: В.И. Осипов, Н.В. Зиновкина, Е.И. Соколова, А.И. Осипова. Барнаул., 2007. 288 с.

7. Костров А.В. Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири 1920-е гг. // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С. 35–42.

8. Сушко А.В. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». Т. 7. № 2. С. 34–42.

9. Эйгорн И.Д. Октябрьская революция и позиции церковников Западной Сибири: (Материалы в помощь лекторам и докладчикам). Новосибирск: Зап.–Сиб. кн. изд–во. 1969. 16 с.

10. Задачи журнала // Сибирский старообрядец. 1918. № 1. С. 1.

11. Сибирский старообрядец. 1918. № 1. С. 1–15.

12. Кто превратил Россию в труп // Сибирский старообрядец. 1918. № 1. С. 5–6.

13. Военное и политическое обозрение // Сибирский старообрядец. 1918. № 1. С. 12.

14. Лекции // Сибирский старообрядец. 1918. № 1. С. 14.

15. Старообрядческий епископ Антоний. Некролог // Сибирский старообрядец. 1918. № 1. С. 14–15.

16. Источники истинного христианского вероучения // Сибирский старообрядец. 1918. № 2. С. 5.

17. Гонение от большевиков // Сибирский старообрядец. 1918. № 2. С. 9.

18. Официальный отдел // Сибирский старообрядец. 1918. № 2. С. 14–15.

19. Об изменении календаря // Сибирский старообрядец. 1919. № 3. С. 5–6.

20. Культурники и пастыри // Сибирский старообрядец. 1919. № 3. С. 11.

21. Проездом по Д.[альнему] Востоку Сибирский старообрядец. 1919. № 3. С. 14–15.

22. От редакции // Сибирский старообрядец. 1919. № 6. С. 10.

23. О Кружках старообрядческой молодежи // Сибирский старообрядец. 1919. № 11. С. 13.

Для цитирования: Кальниченко В.Н. Российское старообрядчество в годы Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (по материалам журнала «Сибирский старообрядец») // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 134–139.

**«СМУТНАЯ БИОГРАФИЯ» В «СМУТНОЕ ВРЕМЯ». БОЕВОЙ ПУТЬ
БЫВШЕГО ОФИЦЕРА РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ
В. Ф. КАРПОВА ОТ МИРОВОЙ К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ**

Канищев Владимир Валерьевич¹

¹ Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
Тамбов, Россия

¹ kan-vladimir-tamb@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 7833-2282

Аннотация. В данной статье рассмотрена биография бывшего офицера Русской императорской армии В.Ф. Карпова, вступившего в ряды РККА и принимавшего участие в сражениях Гражданской войны на Восточном фронте. На сегодняшний день, данный тип исследований представляет большой интерес, в контексте формирования полновесной картины об участниках событий столетней давности. На основании изученных архивных документов, справочной литературы и современных интернет-ресурсов предпринята попытка оценить реалистичность данных в ряде источников о конкретном историческом персонаже. Удалось реконструировать дореволюционное прошлое В.Ф. Карпова, его деятельность в годы Гражданской войны и отчасти последующей жизни. В итоге, по некоторым жизненным эпизодам сложилась противоречивая картина, подтвердившая сложность получения объективной информации о конкретных людях в эпоху Русской Революции.

Ключевые слова: военная антропология, Русская императорская армия, офицерство, Гражданская война, Восточный фронт, РККА, военспецы.

Постановка проблемы. В постсоветское время существенный интерес приобрели вопросы изучения офицерства Русской армии в условиях Гражданской войны. Интерес вызывают труды С.В. Волкова, акцентированные на трагических факторах переломного пути в жизни офицеров «старой армии» [1], Г.В. Марченко, посвященные морально-политическому выбору офицерства в период Революций и Гражданской войны [2, С. 140-147], а также В.Я. Гросула, описывающее высший командный состав РККА в условиях «Великой смуты» [3, С. 139-154]. Заслуживают особого внимания работы А.В. Ганина, отражающие жизненные пути ряда участников тех событий, позволяя оценить (не-)типичные нюансы их поведения и окончательного военно-политического выбора в пользу «красных» и «белых» [4, С. 10-14; 5].

Основная часть. В данной статье мы решили обратить внимание на нюансы жизненного пути типичного представителя офицерского корпуса того вре-

мени, сделавшего свой судьбоносный выбор в пользу одной из сторон, имевшего в своей биографии некоторые «смутные моменты». Речь пойдет о Владимире Федоровиче Карпове, дворянине, уроженце Ярославской губернии, который попал в поле нашего внимания при изучении офицеров частей дислоцировавшихся на территории Тамбовской губернии накануне Первой мировой войны. В.Ф. Карпов, судя по записям в списке офицеров 40-го пехотного Колыванского полка, получил общее образование в Ярославской военной школе, а в 1896 г. окончил Одесское пехотное юнкерское училище по 2-му разряду. Первым серьезным испытанием в службе этого офицера стала Русско-японская война. Хотя по данным полкового списка офицеров, ранений и контузий он не получил, но заслужил орден Св. Станислава 3-й ст. В его жизни, как и в жизнях миллионов людей в России «смута» началась с Первой Мировой войны, в которую В.Ф. Карпов вступил в чине капитана 40-го пехотного Колыванского полка (дислоцировался до войны в г. Моршанске Тамбовской губернии), а в 1915 г. был произведен в подполковники, награжден орденами, а также Золотым Георгиевским оружием «За храбрость» [6, Л. 6об.]. 14 февраля 1915 г. Владимир Федорович получил ранение [7, Л. 103].

А летом 1916 г. произошел первый эпизод, продемонстрировавший возникновение путаницы по внесению персональных данных. Согласно записям полкового журнала на январь 1917 г. Владимир Федорович погиб в бою 17/30 июля 1916 г. у деревни Звиняче и Высочайшим приказом не был исключен из списков полка, а 23 августа был произведен в полковники (возможно по-смертно) [8, Л. 67об.-68]. Однако изучая журнал военных действий 40-го Колыванского полка за июль 1916 г. в подробно описанном бою 17/30 июля у вышеназванного населенного пункта, в перечне убитых и раненных офицеров полка фамилии В.Ф. Карпова не было [9, Л. 9об.]. Но проходит чуть более года и в журнале военных действий полка читаем запись от 14 сентября 1917 г.: «Во временное командование полком вступил полковник Карпов» [10, Л. 3об.]. Все сомнения были развеяны, когда в протоколе заседания комитета 40-го Колыванского полка от 17 октября 1917 г. в конце документа была обнаружена запись: «Резолюция командира полка: утверждаю. Полковник Карпов. 20.10.17» [11].

Биография В.Ф. Карпова периода Гражданской войны предстает перед нами в различных интерпретациях. На нескольких сайтах о нем имеется противоречивая информация. В одном случае данные получены из рассказов его праправнучки, приехавшей навестить его могилу, в других – из версий различных краеведов, в основном не указывающих ссылки на использованные источники. Согласно сайту Липовской библиотеки (село Свердловской области, где похоронен В.Ф. Карпов) во время визита на могилу своего прапрадеда его родственница рассказала историю, по которой Владимир Федорович родился 1875 г.,

окончил Псковский кадетский корпус, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах и в 1917 г. был ранен. При сравнении воспоминаний правнучки с приведенными выше архивными сведениями РГВИА видны неточности в устных данных об окончании военного учебного заведения и о ранении на фронте Первой мировой войны. Кроме того, имеется подробный рассказ о добровольном вступлении В.Ф. Карпова в РККА в 1918 г.

На сайте сообщается об ожесточенных боевых действиях против войска А.В. Колчака на Урале, которые в 1919 г. под командование В.Ф. Карпова вела 5-я стрелковая дивизия. В рассказе упомянуты переправы через реки Кама и Ирень, взятие Красноуфимска и разгром белых армий в районе Екатеринбурга. За проявленные командные качества Владимир Федорович был награжден орденом Красного Знамени и золотыми часами ВЦИК. Кроме того, находясь в должности командира 29-й стрелковой дивизии, он принимал участие в 1921 г. в подавлении Ишимского восстания, а затем был начальником Омского пехотного училища. Впоследствии жил и работал в Ленинграде, а во время Великой отечественной войны был эвакуирован в село Липовка, где преподавал военное дело, там и скончался 21 июля 1942 г. [12].

Схожую информацию дает сайт библиотеки города Реж Свердловской области. Однако на сайте сообщается, что В.Ф. Карпов во время Первой мировой войны был командиром 40-го Колыванского полка и дослужился до подполковника, получил ранение в 1915 г., а с 1918 г. был назначен комбригом РККА. Период Гражданской войны описан менее ярко, но упоминание о наградах и участие в боях на Восточном фронте совпадают, равно как и работа в Омске, Ленинграде, в эвакуации во время войны и дата смерти [13].

На сайте Челябинского портала нам встретились другие факты из жизни нашего героя. Местом его рождения был указан город Брест-Литовск Гродненской губернии, хотя документы РГВИА, не раз указанные выше, говорят о родной Ярославской губернии. Дата окончания военного училища в 1894 г. также «не бьется» с подтвержденными документально фактами, в 1896 г. ему был присвоен первый офицерский чин подпоручика. На челябинском сайте появились данные об окончании Академии Генштаба; правда, в каком году она была окончена, не уточняется (в официальных источниках данных об академическом образовании мы не выявили). По версии сайта, В.Ф. Карпов был мобилизован в РККА, а не оказался там добровольно, как упоминалось выше. В 1923 г. он якобы был преподавателем тактики Красноярской артиллерийской школы, о чем ранее не сообщалось. Иные данные совпадают [14].

Аналогичную с Челябинским сайтом информацию выдает сайт «Вики-Поляны» Кировской области. Здесь добавлено, что в 1917 г. В.Ф. Карпов командовал 161-м пехотным Александропольским полком (без ссылки на источник), а в 1921 г. был назначен в комиссию в Москву для организации оптиче-

ской связи. Кроме того, подробно описано, за что был вручен орден Красного Знамени (со ссылкой на источник) [15].

В работе П.С. Коновалова о боевом пути 5-й стрелковой – 44-й гвардейской дивизии, фамилия В.Ф. Карпова фигурировала в качестве одного из ее начальников на ранних этапах формирования [16]. Но в более раннем труде В.И. Поповича о боевом пути той же дивизии, фамилия Карпов упоминается лишь однажды, в период боев на Восточном фронте в июне 1920 г., да и то в другом качестве: «В течение 9 дней полки, сдерживая свою клятву, теряют убитыми, ранеными и попавшими в плен до 2000 человек, в том числе только что прибывшего нового командира 256-го полка тов.[арица] Карпова и его помощника тов. [арица] Ламеко» [17, С. 44]. В еще одном интернет-источнике Владимир Федорович был упомянут начдивом 5-й стрелковой дивизии в период с 12 июня 1919 г. по 5 января 1920 г. [18]. Помимо этого, участие В.Ф. Карпова в боях на Восточном фронте и подробное описание его подвига, и награду подтверждает библиографическое описание Красных героев Гражданской войны [19, С. 22].

Касательно руководства Омским пехотным училищем, подтвердить информацию официально пока не удалось. На сайте учебного заведения в разделе начальники училища указано: «с 1920 по 1922 г. в 24-й Омской пехотной школе сменилось 13 начальников и 10 комиссаров» [20]. Ссылки на документальное подтверждение преподавания В.Ф. Карпова в Красноярской артиллерийской школе также установить не удалось. Немногочисленные данные о его жизни после Гражданской войны и в эвакуации, в целом схожи.

Результаты исследования. На наш взгляд, биография В.Ф. Карпова – яркий пример формирования ее легендарности на основании рассказов родных и близких, друзей и однополчан, зачастую не подкрепляемая реальными фактами. Главной задачей серьезного исследования является анализ различных источников на предмет установления объективных фактов позволяющих проследить жизненные траектории участников тех далеких событий.

Список источников и литературы

1. Волков С.В. Трагедия Русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2001. 507 с.
2. Марченко Г.В. Российское офицерство в годы революционных потрясений и Гражданской войны: моральный и политический выбор // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 140-147.
3. Гросул В.Я. Красные генералы в годы Гражданской войны // Российская история. 2011. № 4. С. 139-154.
4. Ганин А.В. Белые страницы биографии Маршала Советского Союза Л.А. Говорова // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 10-14.

5. Ганин А.В. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М.: Кучково поле Музеон, 2022. 560 с.
6. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3024.
7. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1188.
8. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13836.
9. РГВИА. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 159.
10. РГВИА. Ф. 2654. Оп. 2. Д. 168.
11. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 989. Ч. 1.
12. Сайт села Липовка – памятник героям Гражданской войны [Электронный ресурс]. URL: https://lipovka.myl.ru/index/pamjatnik_gerojam_grazhdanskoj_vojny/0-97 (дата обращения: 16.07.2023).
13. Карпов Владимир Федорович – Библиотека ЦБС г. Реж Свердловская область [Электронный ресурс]. URL: https://bibliorezh.ru/250_imen_rezh/2023/05/11988/ (дата обращения: 16.07.2023).
14. Карпов Владимир Федорович [Электронный ресурс]. URL: <http://chelportal.ru/?site=encyclopedia&t=Karpov&id=7264> (дата обращения: 16.07.2023).
15. Карпов Владимир Федорович – Вики-Поляны [Электронный ресурс]. URL: https://kraeved.vp43.ru/wiki/Карпов,_Владимир_Фёдорович (дата обращения: 16.07.2023).
16. Коновалов П.С. Десять лет в бою: краткий боевой путь 5-й стрелковой – 44 гвардейской дивизии, 1918-1945 гг. Киров: Кир. обл. тип., 1995. 286 с.
17. Попович В.И. Путь борьбы: краткая история 5-й стрелковой дивизии. М.; Л., 1929. 126 с.
18. 44-я Краснознаменная Барановичская гвардейская стрелковая дивизия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rkka.ru/handbook/guard/44gvsd.htm> (дата обращения: 16.07.2023).
19. Красные герои: список участников Гражданской войны, награжденных орденом «Красное Знамя». Вып. 3. 1920. 48 с.
20. Начальники Омского ВОКУ – Омское ВОКУ [Электронный ресурс]. URL: <http://omvoku.su/chief/chief.htm> (дата обращения: 16.07.2023).

Для цитирования: Канищев В.В. «Смутная биография» в «Смутное время». Боевой путь бывшего офицера Русской императорской армии В.Ф. Карпова от Мировой к Гражданской войне // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 140–144.

**«БУДУЧИ ПО УБЕЖДЕНИЮ МОНАРХИСТАМИ, ОНИ БЫЛИ
ТВЕРДО УВЕРЕНЫ В НЕИЗБЕЖНОМ ПАДЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»:
«СЕМЕНОВСКОЕ ДЕЛО» КАК ИСТОЧНИК ПО ДО-
И ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА**

Кантор Юлия Зораховна¹

¹ Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия
¹ juliakantor@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 3138-6726

Аннотация: История «контрреволюционного заговора» бывших офицеров Семеновского полка, репрессированных в 1930 г., является белым пятном в отечественной историографии и оттого окружена мифами. Хранящееся в архиве УФСБ по СПб и ЛО уголовное дело, возбужденное Ленинградским ОГПУ, проливает свет как на происхождение «полковой организации» семеновцев, так и на их цели и задачи. Оно дает и возможность рассмотреть и штрихи к портрету полка (в том числе в дореволюционный период, включая события 1905 г.), после революции 1917 г. неоднократно переходившего из стана белых в стан красных и обратно, менявшего не только командиров, но и убеждения.

Ключевые слова: Русская императорская армия, офицерство, Семеновский полк, революция, ОГПУ, «Семеновское дело», репрессии.

Постановка проблемы. Ментальность царского офицерства в революционный и постреволюционный период представляет большой интерес для исследователей отечественной истории XX в. Изучение изменения ментальности, стратегии поведения и латентной деятельности представителей элитных полков царской России в России советской является важной составляющей для понимания социальных процессов 1920–1930-х гг. К таким полкам, несомненно, относился и лейб-гвардии Семеновский. Вопрос, действительно ли в Ленинграде была создана «контрреволюционная офицерская организация, ставившая своей целью свержение советской власти», или же бывшие сослуживцы просто «вспоминали минувшие дни», может быть освещен и проанализирован во многом благодаря вводимым в научный оборот материалам, фигурирующим в т.н. «Семеновском деле».

Основная часть. В октябре 1930 г. ОГПУ в Ленинграде «раскручивало» так называемое «Семеновское дело», по которому был арестован 21 чел. [1, Л. 249]. Все арестованные были в прошлом офицерами лейб-гвардии Семеновского полка, в чине от генерала до прапорщика, жившими в Ленинграде. Они обвинялись в создании контрреволюционной офицерской организации, ставившей

своей целью свержение советской власти [1, Л. 249]. Чекисты обнаружили тайное хранилище реликвий названного воинского формирования под алтарем Введенского собора. Из него были извлечены и представлены в качестве главных вещественных доказательств полковое знамя (после окончания процесса знамени лейб-Гвардии Семеновского полка было передано в музей НКВД, а затем в Артиллерийский исторический музей. В 1950 г. вместе с коллекцией знамен оно перешло в Государственный Эрмитаж. В Эрмитаже знамя было отреставрировано, а в декабре 2000 – апреле 2001 гг. экспонировалось на выставке, посвященной 300-летию Российской Гвардии), а также три иконы и книга «музей Семеновского полка» [1, Л. 254]. Характерно, что «летоисчисление» контрреволюционной организации ленинградские чекисты, как явствуют материалы дела, вели с 1905 г., когда Семеновский полк был отправлен из столицы в Москву – на подавление «первой русской революции».

Арестованные «Собирались по 3–4 человека из бывших семеновцев и вели разговоры, относящиеся к службе в Семеновском полку, касались продажи вещей, чтобы на вырученные деньги могли существовать <...> обсуждали текущий момент и вместе с этим разговаривали о семейной жизни» [2, Л. 21].

Фигуранты дела весьма подробно сообщали, что «принимали активное участие в расстреле рабочих», что им «приходилось бить солдат», что «дворники Москвы занимались уборкой улиц от крови» [2, Л. 24]. В «Исторической справке» по делу, являющейся весьма колоритным и содержательным источником по истории революции 1905 г., а также – по событиям 1919 г., когда полк, до того присягнувший советской власти и ставший полком по охране Петрограда, перешел на сторону Н.Н. Юденича, упоминается: «Из всех полков русской гвардии особой преданностью делу монархии отличался Семеновский полк» [1, Л. 256]. Собственно, именно переход к Юденичу логично трактуется следствием как антисоветский шаг, а возвращение офицеров после ликвидации армии Юденича, в Петроград – небезосновательно вызывает сомнения в лояльности вернувшихся. На встречи семеновцев в Ленинграде ОГПУ закономерно смотрит как на сборища контрреволюционеров [1, Л. 256]. «Единым устремлением всего офицерства являлось – свержение Советской власти. После расформирования полка никто из офицеров не верил в его несуществование (речь идет о 1918 г.). Для успешной борьбы с советской властью офицерство объединилось во внутривполковую к/р организацию <...> Во главе организации стоял штаб, который руководил всей преступной деятельностью офицеров Семеновского и других полков» [1, Л. 257].

Следователь подчеркнул наличие «отягчающих обстоятельств»: «Все члены к/р группировки являются бывшими людьми. По социальному происхождению в большинстве своем дворяне; по убеждениям – монархисты» [1, Л. 257].

По версии ОГПУ, в период Гражданской войны «К/р группировка, объединяющая офицеров Семеновского полка, ставила своей целью:

1. Разгром Советской власти путем организованного выступления вооруженного офицерства.
2. Ведение вербовки кадрового офицерства на юго-восток с прямым указанием – вступить в белогвардейские отряды.
3. Организация восстаний в тылу.
4. Все проводимая к/р работа находилась в полном согласовании с монархистами, находящимися за границей» [1, Л. 257].

Наличие контрреволюционной полковой организации и своего участия в ней никто из арестованных офицеров не отрицал [1, Л. 259]. Следует отметить, что сам стиль и ход дознания и даже жанр общения, равно как и тексты документов (показаний и допросов) весьма отличался от традиционных к тому времени косноязычных шаблонных формулировок и «почерка» следственных дел. Здесь скорее можно увидеть поединок равных идеологических противников, но – с предрешенным финалом.

В документах есть яркие штрихи к «портрету» полка, в течение Гражданской войны неоднократно «менявшего» хозяев: «План измены рабочему классу с успехов выполнен. По прибытии на театр военных действий офицеры заранее приготовили погоны, знаки отличия, с развернутым знаменем под полковым маршем перешли на сторону Юденича. После расстрела, учиненного над командным составом – коммунистами, полк сразу перешел в наступление против Красной Армии» [1, 260]. С ликвидацией армии Юденича, офицеры приступили к продаже имущества полка, и на вырученные деньги часть из них занялась торговлей, а впоследствии вернулась в СССР [1, Л. 261].

По приезду в Россию, они устроились на работу в артели, на заводы, «для возобновления к/р деятельности примкнули к к/р группировке Семеновцев, оставшихся в ССР» [1, Л. 261]. Контрреволюционная деятельность семеновцев, начавшаяся с первых дней существования Советской власти, не прекратилась – ОГПУ исходило из этого как из непреложного факта, доказанного самой историей полка и послереволюционным «послужным списком» его офицеров. «До дня ареста оставшиеся бывшие генералы и полковники, а частично и нижние чины полка собирались и обсуждали вопросы антисоветского порядка. Будучи по убеждению монархистами, они были твердо уверены в неизбежном падении Советской власти <...>. Делились воспоминаниями о прошлом полка, разбирали текущие политические события под углом недовольства <...>. Потеряв имевшиеся права с Революцией, чувствовали тягость советской власти» [1, Л. 262]. Этих обстоятельств вкупе с упоминавшимися выше «вещдоками» было более чем достаточно для рассмотрения дела и вынесения приговора во внесудебном порядке.

Единственным офицером-семеновцем, который не проходил по делу даже в качестве свидетеля, был командующий войсками Ленинградского военного округа М.Н. Тухачевский. Можно лишь догадываться, что чувствовал он, когда арестовывали его однополчан и когда газеты сообщили о приговоре. На заседании ОСО ОГПУ 23 апреля 1931 г. по статье 58-11 УК РСФСР 11 чел. приговорены к «высшей мере социальной защиты» – расстрелу, четверо – к 10 годам в концлагере, еще пятеро – к 5 годам в концлагере, один из арестованных освобожден [1, Л. 272]. Реабилитированы они были 1 марта 1989 г. постановлением Президиума Ленинградского городского суда «за отсутствием состава преступления [1, Л. 272].

Результаты исследования. На основе материалов «Семеновского дела» можно сделать вывод, что бывшие генералы и полковники, а также младшие офицеры и нижние чины полка сохранили монархические убеждения, не приняли советскую власть, надеясь на ее недолговечность, весьма критически относясь к политическим процессам, происходившим в стране. Характерно, что никто из арестованных офицеров не отрицал своего участия в полковой организации и достаточно охотно рассказывал о ней, равно как и различных неоднозначных сюжетах «биографии» полка, имевших место до 1917 г.

Список источников и литературы

1. Архив Управления ФСБ России по городу Санкт–Петербургу и Ленинградской области. Д. П-67738. Т. 2.
2. Архив Управления ФСБ России по городу Санкт–Петербургу и Ленинградской области. Д. П-67738. Т. 1.

Для цитирования: Кантор Ю.З. Будучи по убеждению монархистами, они были твердо уверены в неизбежном падении Советской власти»: «Семеновское дело» как источник по до- и послереволюционной истории Семеновского полка // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 145–148.

© Кантор Ю.З., 2023

**«АДМИРАЛ ПРОИЗНЕС КРЕСТЬЯНАМ НЕСКОЛЬКО
ПРИВЕТСТВЕННЫХ СЛОВ». НОВЫЕ КАДРЫ КИНОХРОНИКИ
С АДМИРАЛОМ А. В. КОЛЧАКОМ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ**

Капустин Леонид Геннадьевич¹

¹ независимый исследователь, Муром, Россия

¹ kapustin.09@mail.ru

Аннотация: В развитие имеющихся наработок историографии на основе аналитического сопоставления фотографий и газетной периодики предпринята попытка атрибуции кадров французской кинохроники, запечатлевший адмирала А.В. Колчака и его окружение весной 1919 г. В заключении отмечаются актуальность дальнейшего изучения визуальных источников и их информационные потенциалы.

Ключевые слова: источниковедение, кинодокументы, кинохроника, Гражданская война, интервенция, белое движение, А.В. Колчак, Омск.

Постановка проблемы. Несмотря на значительный интерес исследователей к теме Гражданской войне в России, некоторые ее аспекты остаются по-прежнему практически не изученными. К подобной проблематике относится русская и иностранная кинохроника, снятая на территориях, которые контролировались белыми армиями. От ряда съемок остались только названия сюжетов. До сих пор остаются без грамотной атрибуции некоторые достаточно известные кадры. В силу затрудненного доступа к иностранным архивам съемки интервентов не изучены в полном объеме. И вполне очевидно, что многое остается не найденным. Так, известно, что А.В. Колчака снимал американский офицер немецкого происхождения Карл фон Хоффман¹. Видимо, именно он на пару секунд случайно попал в кадр съемки адмирала в Екатеринбурге в феврале 1919 г., объясняя Колчаку диспозицию (он снимал на фотокамеру параллельно с киносъемкой). Но результаты своих съемок Хоффман затем продал, их местонахождение неизвестно.

Некоторое время назад мы уже обращались к теме уникальной французской кинохроники, запечатлевшей Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака в Омске [1, 2]. В 2022 г. в свободном сетевом доступе появились новые фрагменты кинохроники с адмиралом, датируемые 25 апреля 1919 г. Это два эпизода – беседа с крестьянами с. Николаевка Омского уезда и вручение штандарта 5-го уланского Литовского полка русской императорской армии Симбирскому уланскому полку, считавшемуся продолжателем традиций полка

старой армии. Хронологически сначала шел эпизод вручения штандарта, затем беседа с крестьянской депутацией, но в силу большего интереса эпизода с крестьянами остановимся, в первую очередь, на нем.

Основная часть. Первый фрагмент почти полуминутной французской съемки - поднесение хлеба-соли и беседа с крестьянами. Хроника, в которую входят новые эпизоды, была уже хорошо известна специалистам – это посещение Верховным правителем расположения Симбирского уланского полка в с. Николаевском под Омском 25 апреля 1919 г. по случаю завершения его формирования и вручения ему штандарта 5-го уланского Литовского полка императорской армии. Тогда же кавалеристы полка произвели перед адмиралом показательные учения и прошли церемониальным маршем. Примечательно, что в фондах Государственного Центрального музея современной истории России сохранился снимок, показывающий иностранного оператора, снимающего на кинокамеру со штатива этот парад симбирских улан, который принимает А.В. Колчак и сопровождающие.

В мирное время полковая стоянка полка была в Симбирске. Сразу после занятия города частями Народной армии Комуча и чехами в июле 1918 г. офицером полка ротмистром А.М. Ошаниным был создан кавалерийский эскадрон, где впервые возникла полковая ячейка из 16-ти офицеров полка. Эскадрон, пройдя осенью 1918 г. с боями от Волги до Омска, был переименован 27 июля 1918 г. в Симбирский конный полк (с конца октября 1918 г. в Омске – переименован в Симбирский уланский эскадрон; с декабря 1918 г. полк переименован в Симбирский уланский полк и вошел в состав 1-й кавалерийской дивизии). К концу апреля 1919 г. полк был сформирован, в этот момент его и посещает Верховный правитель.

Местная пресса, чутко реагирующая на любые события, окружавшие А.В. Колчака, немедленно отразила этот эпизод: «Верховный Правитель адмирал Колчак на днях посетил расположенный в с. Николаевке Омского уезда кавалерийский полк. По приезде адмирала в полку было совершено молебствие, после чего состоялась передача штандарта и произведен смотр-учение полка. Полк прошел церемониальным маршем мимо Верховного Правителя и удостоился его одобрения, офицеры полка были приглашены в палатке Верховного Правителя к завтраку». Следующий пассаж имеет непосредственное отношение к вновь выявленному фрагменту кинохроники: «В это время крестьянами с. Николаевки и ст. Захламинской Верховному Правителю была поднесена хлеб-соль, приняв которую адмирал произнес крестьянам несколько приветственных слов» [3, С. 2]. Именно данный момент запечатлен на новом фрагменте кинохроники. То же события глазами омской «Сибирской речи»: «На днях адмирал Колчак посетил расположенные в с. Николаевке Омского уезда воинские части. Населением была поднесена Верховному Правителю хлеб-соль» [4, С. 3].

Газета «Русская армия» – Официальный орган колчаковского военного ведомства – ожидаемо освятила событие красочнее остальных: «Этот день был поистине торжественным большим праздником не только Симбирских улан, но и всех жителей села Николаевское <...> Маленькое село, окаймленное широкой, ровной степью как будто под плац для кавалерийской езды, красиво расположилось на берегу р. Иртыша, верстах в 12 от гор. Омска... В пятницу 25 апреля на плацу Симбирского уланского полка в селе Николаевском состоялось торжество постановки полкового штандарта, освященного и дарованного Литовскому уланскому Короля Виктора Эммануила полку еще во время царствования Александра II...» [5, С. 3]. Как видим, событие не прошло незамеченным. До того данный эпизод поездки был известен по фото, различные копии которого хранятся в Государственном архиве Пермского края и Государственном архиве Российской Федерации.

На кадрах кинохроники мы видим адмирала, которому подносит хлеб-соль депутация из двух крестьян. За А.В. Колчаком стоит офицер с портативной фотокамерой. По всей видимости, это – личный фотограф адмирала (личность его пока не установлена). Похожего человека мы видим на кадрах сопровождающим Верховного правителя в его последней поездке на фронт в октябре 1919 г. в район Тобольска [6]. Именно его снимки этой сцены были известны ранее. Адмирал в ответ говорит «несколько приветственных слов». На А.В. Колчаке кавалерийская шинель с полевыми погонами генерала рода войск, которые он носил как Верховный Главнокомандующий во всех полевых выездах с февраля 1919 г., защитная фуражка с офицерской кокардой.

Обращает на себя внимание оружие адмирала. Несмотря на то, что Колчаку полагалось холодное оружие для офицеров флота (морская офицерская сабля, которую мы и видим у адмирала в форме отряда полковника Н.В. Орлова на акварельном портрете художника А. Соколова 1919 г.), в омский период биографии на всех сохранившихся фото и в кинохронике у Верховного правителя присутствует нетиповая офицерская пашка кавказского образца с Георгиевскими отличиями (выполнена, очевидно, по индивидуальному заказу) – подарок генерала В.И. Волкова [7]. С ней адмирал не расставался (ее же мы видим вплоть до последней поездки на фронт). Примечательно и огнестрельное оружие. В отличие от большинства офицеров, предпочитавших в качестве личного огнестрельного оружия револьверы, у адмирала мы видим бельгийский автоматический пистолет Браунинга модели 1906 г., калибра 6,35 мм, носимый в соответствующей кобуре с декоративной накладкой на крышке. Этот элемент также мелькает на фото Колчака. Характерные воспоминания о необычной модели оружия адмирала оставил генерал К.В. Сахаров: «Однажды, когда мы ехали автомобилем к передовым частям, адмирал обратился ко мне в разговоре с вопросом: «А почему Вы без револьвера?» Я ответил, что мой тяжелый наган казенного образца, вожу всегда с собою, но носит его мой ординарец, унтер-офицер. «Так нельзя», – возразил Колчак, – «надо иметь постоянно при себе. Вот смотрите, я ношу всегда

сам», – добавил он, ударив рукою по маленькому браунингу, висевшему в чехле у его пояса. – «Мало ли что может случиться! Необходимо иметь непоколебимое решение, быть всегда готовым выпустить шесть пуль защищаясь, а последняя – себе. Живым в руки нам даваться нельзя...» [8, С. 130].

Примечательно, что на заднем плане церемонии хорошо видна «палатка Верховного правителя», куда приглашались офицеры-уланы к завтраку. Плац полка нарядно оформлен по периметру флюгерами в полковых цветах (белый и алый). С трех сторон группу адмирала и депутацию окружают уланы (слева от оператора у палатки - пешие, верхом - за группой крестьян (характерно, в группе лишь старики, женщины и дети-вероятно, «стихийную» толпу перед этим тщательно проверила охрана) и справа, где стоят офицеры полка с командиром, там же справа, священник и сопровождающие в поездке Верховного правителя. По иным фото с этого события адмирала сопровождали: генерал-майор А.Ф. Матковский² (стоит позади адмирала и его можно видеть на одном из фото этой сцены), личный адъютант ротмистр В.В. Князев³ (на фрагменте видно только абрис его лица, фуражку, руку, отдающую честь и часть британской шинели, попавшей в кадр – только Князев носил подобную форму одежды), командир Симбирских улан ротмистр А.М. Ошанин⁴ с офицерами полка, протоирей А.А. Касаткин⁵ [2].

Новый фрагмент съемки позволяет с разной степенью уверенности определить еще двух персонажей – стоящего через одного человека от Касаткина заместителя начальника личной охраны адмирала поручика Л.И. Огрохина⁶ (его личность не вызывает сомнений, он фигурирует на многих фото с адмиралом весной 1919 г.) и, предположительно, за Огрохиным директора личной канцелярии Верховного правителя генерал-майора А.А. Мартыанова⁷ (также сопровождал в поездках адмирала весной-летом 1919 г.). На последних кадрах съемки виден французский офицер-переводчик, судя по шитью на петлице (вероятно из состава французской военной миссии), а среди крестьян человек с должностным знаком сельского старосты, что лишний раз подчеркивает «статус» встречи. Рядом с переводчиком группа детей, один в военной форме (возможно, это воспитанник Сибирского кадетского корпуса).

Второй фрагмент того же события, ставший достоянием исследователей, хронометражем около минуты, с теми же участниками - это церемония передачи штандарта литовских улан Симбирскому уланскому полку и его освящение протоиереем Касаткиным. Этот сюжет также был известен ранее по 3-м фото (2 - знаменной группы Ошанин-Колчак-знаменосец с панталером - Касаткин и Колчак в окружении сопровождающих, слушающих церковную службу с непокрытыми головами). Внимание Колчака к симбирским уланам не случайно - 22 симбирских улана еще в процессе формирования полка были привлечены к охране резиденции Верховного правителя с декабря 1918 г.

В этом эпизоде новый персонаж, кого можно уверенно идентифицировать - личный адъютант адмирала штабс-капитан В.С. Матвеев⁸, известный

также по фото и хронике в Омске в апреле 1919 г. н Пасху. Об этом событии вспоминал в эмиграции ротмистр Князев: «В конце апреля 1919 г. был парад Симбирского уланского полка (новое название полка после революции), и адмирал вручил бывший штандарт Литовского уланского полка его командиру, ротмистру Ошанину» [9, С. 130].

Результаты исследования. Ставший достоянием исследователей новый фрагмент уникальной кинохроники представляет интересное дополнение к омскому визуальному образу Верховного правителя, тем более, что даже фотоматериалов этого периода сохранилось относительно немного. Каждая новая находка хроникальных кадров, даже совсем непродолжительных, несомненно вносит новое к пониманию формирования исторического имиджа А.В. Колчака, его окружения, создавая уникальный эффект присутствия в эпизодах, до того известных только по описаниям или, в лучшем случае, по фото. Выявление и анализ новых визуальных источников позволят шире определить ближайшее служебное окружение Верховного правителя, точнее установить места съемок, почувствовать никак иначе не передаваемый психологизм исторических эпизодов.

Примечания

¹ Карл фон Хоффман (1889–1982) - фотограф, путешественник, писатель. Увлёкся фото, затем киносъемкой. Оператор компаний Mutual Film Company и Universal. Путешествовал по Бразилии и Африке. Занимался фото- и киносъемками Мексиканской революции. Во время Гражданской войны служил в армии США, находился в Сибири.

² Матковский Алексей Филиппович (1877-1920) – генерал-майор, с 19 декабря 1918 г. – командующий войсками Омского военного округа. Расстрелян 8 июня 1920 г. в Омске.

³ Князев Владимир Васильевич (1884 - после 1971) - ротмистр 13-го уланского Владимирского полка, исполнял должность старшего адъютанта адмирала с 23 января 1919 г. Умер в эмиграции в Канаде.

⁴ Ошанин Александр Михайлович (1886-1931) Офицер гвардейского запасного кавалерийского полка. Ротмистр 1-го уланского Санкт-Петербургского полка, командир Симбирского уланского полка 1-й кавалерийской дивизии (1918-1920). Полковник. Жил в эмиграции в Китае.

⁵ Касаткин Александр Алексеевич (1868-?) протоиерей, участник Русско-Японской и Первой мировой войны, военный священник 1-й армии, с 28 декабря 1918 г. – Главный священник армии и флота в армии А.В. Колчака.

⁶ Огрохин Лазарь Иванович (1888-?) – прапорщик (1916). Поручик, начальник учебной команды 3-го Сибирского кадрового полка, с 23 января 1919 г. – помощник начальника охраны Верховного Правителя.

⁷ Мартьянов Александр Александрович (1881-после 1926) – помощник начальника Сибирского военно-судного управления, врио главного военно-морского прокурора, с 3 декабря 1918 г. (врио, затем постоянно) - директор канцелярии Верховного правителя. На 1926 г. жил в СССР.

⁸ Матвеев Виктор Степанович (1889 - 1961) - штабс-капитан, личный адъютант Верховного правителя. Умер в эмиграции.

Список источников и литературы

1. Петин Д.И., Стельмак М.М. Антибольшевистский Омск в 1919 г.: источниковедческий анализ кинохроники французских интервентов // Вестник архивиста 2018. № 1. С.48-64.

2. Капустин Л.Г. Верховный Правитель адмирал А.В. Колчак в иностранной кинохронике (1919): уточнения и дополнения к научной атрибуции фото-видеоисточников // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Мат–лы III Всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.) Омск: ОмГТУ, 2019. С. 108-116.

3. Поездка Верховного Правителя // Правительственный вестник (Омск). 1919. 29 апр.

4. Поездка Верховного Правителя // Сибирская речь (Омск) .1919. 29 апр.

5. Праздник Симбирских улан // Русская армия (Омск). 1919. 1 мая.

6. Калекин В.В., Капустин Л.Г., Петин Д.И. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак в поездке на Тобольский фронт: к анализу неизвестного фотодокумента 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 390–404.

7. Захаров А.М. «И за борт ее бросает...»: Еще раз к вопросу о Георгиевском оружии вице-адмирала А.В. Колчака (июнь 1917 г.) // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. СПб.: РГПУ им А.И. Герцена, 2019. С. 251–255.

8. Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). Мюнхен, 1923. 326 с.

9. Князев В.В. Жизнь за всех и смерть за всех // Окрест Колчака: Документы и материалы. М.: Аграф, 2007. С. 109–136.

Для цитирования: Капустин Л.Г. «Адмирал произнес крестьянам несколько приветственных слов». Новые кадры кинохроники с адмиралом А.В. Колчаком: заметки на полях // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 149–154.

ОМСКИЙ ЦИРК В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЗЕРКАЛЕ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ПЕРИОДИКИ

Каткова Елена Ивановна¹

¹ОГОНБ имени А.С. Пушкина, Омск, Россия

¹ sbolib@mail.ru

Аннотация: На основе изучения периодики Западной Сибири 1918–1919 гг. подробно исследуется и детализируется один из аспектов культурной и повседневной жизни Омска периода Гражданской войны – работа цирка. Анализируется участие цирковых артистов в благотворительной деятельности, приводятся примеры их личного отношения к задачам помощи антибольшевистскому движению и, в частности, Сибирской армии.

Ключевые слова: культурная антропология, цирк, Гражданская война, белый Омск, благотворительность, повседневная жизнь, краеведение.

Постановка проблемы. Как показало обследование краеведческого каталога ОГОНБ, существует не так уж много серьезных исследований, посвященных истории циркового искусства в Омске. В этих единичных публикациях освещаются дореволюционный и советский периоды деятельности омского цирка, но его работа в годы Гражданской войны в них или не затронута, или упоминается лишь вскользь. Впервые на популярные формы досуга жителей Белого Омска, в том числе, на посещения горожанами цирковых представлений, обратил внимание С.Г. Сизов [4, С. 163–168], который, используя, преимущественно, местную прессу достаточно подробно и обстоятельно рассмотрел эту часть городской повседневности того времени. Но и в его труде ряд аспектов остался без внимания.

В процессе росписи оцифрованных западносибирских газет 1918–1919 гг. библиографам ОГОНБ удалось обнаружить 39 публикаций о цирке в Омске (без учета объявлений), большинство из которых посвящены самому популярному виду развлечений – борьбе (чемпионатам, выступлениям отдельных борцов, бенефисам любимых публикой силачей и т.п.), новым программам и наиболее выдающимся артистам. Но наше внимание привлекли те из них, которые освещали деятельность цирка в отчасти неожиданном свете.

Основная часть. В начале декабря 1918 г. на углу улиц Волковской и Фабричной (ныне улиц Съездовской и Пушкина) у Казачьего рынка открылось построенное антрепренером и борцом И. Яго первое в Омске теплое каменное здание для цирка [5], которое с 11 января 1919 г. стало освещаться «электричеством от собственной станции» [6]. В прессе отмечали: «Цирк Ивана Яго завоевал симпатию омской публики. Сборы – все время хорошие, несмотря на дорогие цены» [7]. Заметим, что дело, очевидно, пошло так успешно, что

в феврале 1919 г. И. Яго прибыл как «уполномоченный Омского цирка» в Томск, где ходатайствовал перед городской думой о сдаче в аренду места около кинематографа «Глобус» с целью постройки сначала деревянного здания цирка-театра, а затем и каменного корпуса [8]. Буквально через пару недель после открытия дирекция омского цирка «Спорт-Палас» решила предоставить «на дневных представлениях бесплатно 100 мест для раненых и 100 мест для приютских детей» [9] (из имеющихся 2500 мест). Скидки и льготы для детей впоследствии стали регулярными, почти каждое воскресенье и в праздничные дни, например в Пасху, каждый, купивший на такое представление билеты, мог либо провести с собой ребенка бесплатно, либо отправить двух детей на один билет [10]. В специально оговариваемых случаях юные зрители могли бесплатно кататься «на лошадаках, пони и осликах верхом и в миниатюрных колясках» [11], это называлось «сюрприз для детей» [12].

Что касается раненых и вообще военнослужащих белой армии, то цирк, как и другие развлекательные учреждения (кинематографы, театры и т. п.) давал специальные представления для развлечения и культурного досуга солдат. Так, на утреннем спектакле 25 марта 1919 г. «кроме обычной публики присутствовали по наряду воинские чины, в количестве до пятисот человек. Дирекция цирка не поскупилась на лучшие номера» [13]. В мае этого же года каждое воскресенье шла дневная программа «Майское утро» из трех отделений [14], специально подготовленная для частей Омского гарнизона и которой «солдаты остались очень довольны» [15].

Перед началом зимнего сезона 1919 г. цирк «Спорт-Палас» был осмотрен «в пожарном отношении» 23 сентября комиссией в составе члена городской управы, начальника 1-го участка городской милиции, брандмайора и брандмейстера. Они составили акт и разрешили открыть цирк с 23 сентября при условии исправления недочётов (16 пунктов): иметь не менее 10 огнетушителей, не загромождать проходы, проверить электропроводку и т.д. [16]. После открытия в цирке стали проходить благотворительные представления, чистый сбор от которых поступал на разнообразные нужды: для помощи «иногородцам армейской группы» [17], в фонд имени генерала Каппеля «на пособие раненых и убитых офицеров, солдат и их семей» [18], на культурно-просветительные нужды 43-го Сибирского стрелкового полка, причем в представлении 25 октября принимали участие «артисты-солдаты» [19]. Кроме этого Особый отдел управления делами Российского правительства планировал 1 ноября 1919 г. дать в цирке «грандиозное сюрпризное благотворительное представление», куда за вход нужно было не платить деньги, а принести книги. Жителей Омска призывали: «Граждане, несите книги, облегчите участь солдат» [20]. Но, по всей видимости, это мероприятие стало последней общественной акцией, организованной при участии Особого отдела – уже к 7 ноября 1919 г. значительная часть этой силовой структуры в плановом порядке эвакуировалась из Омска в восточном направлении [21, С. 372].

Отметим, что и в цирках других городов проходили благотворительные акции для детей и солдат. Например, цирк А.Г. Коромыслова в Перми отчислял 20% чистого сбора «в пользу городских приютов, яслей, богаделен и убежищ инвалидов» [22], проводил бесплатные представления для больных и раненых воинов [23]. Удалось обнаружить и примеры личного отношения цирковых артистов к задачам помощи Сибирской армии. Корреспондент ряда омских газет Аргус (псевдоним московского журналиста и художника А.М. Громова [24]) справедливо заметил: «Мы привыкли видеть в цирке лишь пустую забаву. <...> Мы совершенно не уделяем внимания к деятелям цирка; в наших глазах они – обыкновенные шуты» [25]. Именно такие шуты – «столичные клоуны», «любимцы публики» братья Якобино и Эвальдо (Эвальд) выступали в Омске в декабре 1918 г. – феврале 1919 г. «Разве это не искусство – заставить смеяться <...> нас – людей с опустошённой, замученной душой, угрюмых, злобных, недоверчивых; <...> чтобы владеть этим даром <...> нужно самому пережить очень много, <...> пройти длинный путь страданий», – писал Аргус о бенефисе клоунов Якобино [26].

После Омска артисты двинулись дальше, в апреле–мае выступали в Ново-николаевске. Местный культурно-просветительный кружок военного ведомства поставил для очередного солдатского спектакля пьесу А.И. Куприна «Клоун», в ней приняли участие настоящие цирковые артисты, в их числе клоун Эвальд, «много помогавший как своей игрой, так и безвозмездно предоставленным для спектакля своим реквизитом и костюмами». Как заметил автор публикации: «Вообще нужно отметить, что из артистов, работающих для армии, самыми отзывчивыми, а также почти единственными, являются цирковые работники. Они бесплатно участвуют в спектаклях, принимают большое участие в сборах денег и вещей для подарков в армию и при этом не гонятся за рекламой. Так, например, в Омске бр. Эвальд и Якобино – вместе с автором-куплетистом Квятковским и г. Буртаном, собрали большие суммы денег, разъезжая в сильные морозы по ресторанам, учреждениям и проч. Об их деятельности мало кто знает, за исключением комиссий, принимавших деньги» [27]. Затем Якобино вновь активно проявил себя, когда в Ново-Николаевске 4 и 5 мая 1919 г. было устроено карнавальное шествие на нужды армии. Участниками этого мероприятия были местные театры, благотворительные общества, сочувствующие граждане, а также члены Международного Союза артистов цирка. За организацию каждого направления были назначены ответственные, в частности, сообщалось, что «артистами цирка ведают г. Золло и г. Якобино» [28].

Интересно, что в Омске остался В.А. Кармазинский – известный арбитр чемпионата французской борьбы, пытавшийся в мае 1919 г. в цирке «впервые воскресить русские кулачные бои, которые когда-то существовали в древней России» [29]. С восстановлением советской власти и до начала сентября 1921 г. он был заведующим омским цирком, о чем свидетельствуют сохранившиеся списки артистов цирка [30, Л. 40]. Показательна и выданная Кармазинскому справка: «за время своей службы в течение 13 месяцев ни разу не пользовался отпуском и потому он имеет право на немедленный месячный отпуск на общих

основаниях с сохранением содержания» [31, Л. 1]. Более в документах имя этого деятеля спорта не встречается; похоже, что после отпуска в омский цирк он уже не вернулся. Думается, что с ним (хотя бы до его отъезда) осталась часть труппы, которую так высоко оценил корреспондент газеты «Наша Заря»: «вполне приличная даже и для столицы труппа товарищества» [32]. Поэтому, по всей видимости, не вполне была права администрация зрелищного учреждения, когда в 1925 г. утверждала, что «за последние 5–8 лет в цирке работали труппы с составом ниже среднего» [33, Л. 111].

Результаты исследования. Так, благодаря сплошному просмотру и росписи не только омских, но и газет ряда западносибирских городов, а также изучению отдельных неопубликованных источников архивного хранения перед нами раскрываются малоизвестные или совсем позабытые страницы культурной и повседневной жизни Омска в период Гражданской войны. Согласимся, что использованные материалы обладают своей спецификой. Газетные статьи и заметки, во многом нацеленные на короткое и колоритное освещение события, как правило, имеют небольшой объем и делают доступным лишь определенный спектр информации.

И хотя наработки, полученные при изучении газет, являются «достройкой» к общей картине, но, во многом, лишь подобным образом мы можем получить новые данные. Сказывается узость базы потенциального поиска сведений в фондах архивных учреждений. Это обстоятельство применительно к теме истории омского цирка повышает информационное значение периодики для научных исследований. И пусть пресса не дает абсолютно полных представлений по изучаемому вопросу, но позволяет детализировать, по крайней мере, отдельные разноплановые сюжеты.

Список источников и литературы

1. Девятьярова И. «Присутствовал весь Омск...» // Ореол [Омск]. 1991. Март (№ 6). С. 12.
2. Талапин А. Эта вечная сказка – цирк // Архивный вестник. Омск, 1999. № 7. С. 87–90.
3. Валитов Д. Эволюция Омского цирка // Вечерний Омск–Неделя. 2015. 24 июня. С. 24–25.
4. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.): монография. Омск, 2018. 240 с.
5. Цирк // Слово [Омск]. 1918. 4 дек.
6. [Объявление] // Сибирская речь [Омск]. 1919. 11 янв.
7. В цирке // Заря [Омск]. 1919. 22 янв.
8. К постройке цирка // Голос Сибири [Томск]. 1919. 20 февр.
9. Бесплатные места в цирке // Заря [Омск]. 1918. 14 дек.
10. [Объявление] // Сибирская речь [Омск]. 1919. 23 (10) февр.; 6 апр. (22 марта); 20 (7) июля.

11. [Объявление] // Сибирская речь [Омск]. 1919. 29 (16) июня; 6 июля (23 июня); 12 июля (29 июня); 3 авг. (23 июля).
12. [Объявление] // Наша Заря [Омск]. 1919. 4, 18 мая; 10 авг.
13. Увеселение войскам // Заря [Омск]. 1919. 9 апр.
14. [Объявление] // Сибирская речь [Омск]. 1919. 11 мая (28 апр.), 18 (5) мая, 29 (16) мая; Наша Заря [Омск]. 1919. 4, 18 мая.
15. Развлечение для солдат // Сибирская речь [Омск]. 1919. 20 (7) мая; Наша Заря [Омск]. 1919. 20 мая.
16. ГИАОО. Ф. Р–318. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.
17. На нужды инородцев // Русь [Омск]. 1919. 24 сент.
18. [Объявление] // Сибирская речь [Омск]. 1919. 12 окт.
19. [Объявление] // Сибирская речь [Омск]. 1919. 18, 25 окт.
20. [Объявление] // Сибирская речь [Омск]. 1919. 31 окт.
21. Бакшт Д.А., Петин Д.И. Заведующий агентурой Российского правительства адмирала Колчака Александр Караулов (1868–1920): к реконструкции биографии // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 366–380.
22. Цирк Коромыслова // Освобождение России [Пермь]. 1919. 13 февр.
23. Бесплатное представление в цирке для раненых // Освобождение России [Пермь]. 1919. 1 мая.
24. Девятьярова И.Г. «Аргус» в Белой столице. К биографии журналиста и художника Алексея Матвеевича Громова (1888–1937) // Известия ОГИК музея. 2019. № 22. С. 67–73.
25. Аргус. Цирк // Сибирская речь [Омск]. 1919. 1 (14) янв.
26. Аргус. Бенефис клоунов бр. Якобино // Сибирская речь [Омск]. 1919. 8 февр. (26 янв.).
27. Солдатский спектакль // Военные ведомости [Новониколаевск]. 1919. 15 апр.
28. Карнавальное шествие на нужды Армии 4 и 5 мая // Военные ведомости [Новониколаевск]. 1919. 4 мая.
29. Кулачные бои // Сибирская речь [Омск]. 1919. 13 мая (30 апр.) (№ 100).
30. ГИАОО. Ф. Р–318. Оп. 1. Д. 1199.
31. ГИАОО. Ф. Р–318. Оп. 1. Д. 1224.
32. В цирке // Наша Заря [Омск]. 1919. 24 янв.
33. ГИАОО. Ф. Р–318. Оп. 1. Д. 628.

Для цитирования: Каткова Е.И. Омский цирк в годы Гражданской войны в зеркале западносибирской периодики // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г. Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 155–159.

**БЛИЗКОЕ СЛУЖЕБНОЕ ОКРУЖЕНИЕ А. В. КОЛЧАКА В ОМСКЕ:
УТОЧНЕНИЕ ДАТЫ СОВМЕСТНОЙ ФОТОГРАФИИ,
ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И СУДЕБ ОФИЦЕРОВ**

Кашин Владимир Викторович¹

¹ Общество изучения истории отечественных спецслужб,

Нижний Тагил, Россия

¹ KashinVV@gmail.com

Аннотация: Долгое время известный фотоснимок А.В. Колчак и его ближайшее окружение (адъютанты и руководители конвоя) датировался периодом 5–18 ноября 1918 г., считая, что после военного переворота Верховный правитель снимался исключительно в форме адмирала. В статье проведен сравнительный анализ послужных списков и биографических данных фигурантов, позволивший считать, что фотоснимок сделан в период с января по апрель 1919 г. В исследовании впервые использованы записки Е.И. Шевелевой–Удинцевой и сведения по документам ЦА ФСБ России в отношении начальника конвоя А.Н. Удинцева, а также интерпретирован классический фотоснимок с легендой его поступления в Россию.

Ключевые слова: исторические источники, офицерство, спецслужбы, государственная охрана, Гражданская война, белое движение, А.В. Колчак, А.Н. Удинцев, Омск.

Постановка проблемы. В экспозиции Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области представлен фотоснимок, где А.В. Колчак снят в окружении пяти молодых офицеров из числа адъютантов и личной охраны. Снимок широко тиражируется в современных СМИ, а среди историков и публикаторов утвердилась стандартная подпись «Военный и морской министр Временного Всероссийского правительства (Директории) вице-адмирал А.В. Колчак со своим ближайшим окружением. Омск, ноябрь 1918 г.» [1]. Во множестве публикаций не удалось встретить иной датировки и попыток оспорить указанную. Считаем, что уникальный визуальный источник содержит фотообразы офицеров из окружения Верховного правителя и нуждается в атрибуции по дате съемки и запечатленных лиц.

По справке Е.С. Кирсановой (от 4 июля 2023), в Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. Арсеньева фотоснимок с негатива «Колчак с ближайшим окружением» [2] поступил в 2000 г. после смерти краеведа Бориса Алексеевича Дьяченко (1940–2001). Ему передал снимок проживавший в Калифорнии сын В.С. Матвеева (стоит на фото за Колчаком) – Леонид Викторо-

вич Матвеев (Leonard V. Martin; Харбин, 9 июля 1920 г. – 19 января 2002 г., Сан-Франциско). На обороте фото есть следы приклеивания в альбом, паспорту, а указания на фотографа и иные записи отсутствуют. Б.А. Дьяченко датировал съемку как «?1919 год».

Основная часть. Сторонники датировки «5–18 ноября 1918 г.» опираются на униформологию мундира центральной фигуры. А.А. Каревский считает: «Провозглашение Верховным Правителем России, назначение на должность Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами и производство в полные адмиралы, последовавшие 18 ноября 1918 г., заставили А.В. Колчака вновь уделить пристальное внимание своему внешнему виду, поскольку теперь его фигура олицетворяла собой Российское государство и его вооруженные силы» [3]. Ему вторят коллеги и приводят убедительные свидетельства очевидцев, что Колчак «надел новые погоны адмирала сразу же в день производства» [4, С. 35].

В этом подходе изначально заложен изъян, так как предполагает зауженный взгляд на атрибуцию источника в отрыве от общеисторического анализа. А нарушения форменной одежды в годы Гражданской войны были нередки. К слову, погоны на флоте были отменены весной 1917 г., а после Октябрьской революции – во всей Русской армии. На искомом снимке все офицеры имеют погоны. Не останавливаясь на попытках введения офицерских погон в антибольшевистских армиях, сошлемся на приказ по Флоту и Морскому ведомству № 19 от 29 ноября 1918 г. (Омск) о восстановлении ношения погон морскими чинами; образцы адмиральских погон были утверждены приказом № 22 от 6 декабря 1918 г. [3].

Итак, зададимся базовым для датировки вопросом: когда сформировалась «команда» из присутствующих на снимке пяти адъютантов и охранников? Летом 1918 г. А.В. Колчак руководил охранной стражей КВЖД, но, прибыв во Владивосток в сентябре после 2 месяцев пребывания в Японии, уволился. 27 сентября он покинул портовый город в сопровождении двух морских офицеров как частное лицо [5, С. 782]. В ходе переговоров в Омске вице-адмирал А.В. Колчак был утвержден военным и морским министром Временного Всероссийского правительства 5 ноября, а считанные дни в указанной должности он потратил на скрытую и разноплановую подготовку смещения Директории. Историк В.И. Шишкин указал на поручика пехоты В.С. Матвеева и старшего лейтенанта Г.М. Сазонова, «являвшихся адъютантами А.В. Колчака еще в его бытность военным и морским министром Временного Всероссийского правительства» [6, С. 164]. В то же время согласимся с его оценкой «эмбрионального состояния аппарата» военного министерства. У Колчака физически не было времени для системной работы по подбору кадров помощников. Уже 9 ноября министр, «вагон которого прицепили к поезду английского полковника Д. Уорда, следовавшего с ротой своих подчиненных в Екатеринбург», выехал с ин-

спекцией на фронт. В том же поезде под охраной англичан он вернулся в Омск 17 ноября, дипломатично отказывая визитерам хоронить Директорию и брать жезл диктатора. [5, С. 803, 815]. Согласимся, что трудно представить групповые съемки Колчака с подчиненными накануне военного переворота с неясным исходом.

Обратимся к обзорам биографий офицеров с фотоснимка; все они пережили Гражданскую войну и эмигрировали.

Огрохин Лазарь Иванович (1888–1970, Сан-Франциско). Окончил Одесское реальное училище. С 1911 г. отбывал воинскую повинность рядовым в лейб-гвардии Московском полку, в его составе участвовал в Первой мировой войне. Полный Георгиевский кавалер. Окончил школу прапорщиков (1916). После Октябрьской революции служил начальником учебной команды в 3-м Сибирском полку в чине поручика. С 23 января 1919 г. «и.о. зам. начальника охраны Верховного правителя с окладом жалования 850 руб.» [7, Л. 175об.]. В эмиграции жил в Китае, США. Зарабатывал на жизнь физическим трудом.

Матвеев Виктор Степанович (1894, Тюмень – 1961, Сан-Франциско). Из семьи приказчика. В родном городе окончил Александровское реальное училище. На 1 сентября 1915 г. – прапорщик 16-го пехотного Ладожского полка. Ранен 26 мая и контужен 19 августа 1916 г.; отравлен газами и эвакуирован 17 августа 1917 г. Поручик (15 марта 1917 г.). Награжден орденами Св. Анны 4-й и 3-й ст., Св. Станислава 3-й ст. С 28 ноября 1917 г. находился в Иркутске, где в декабре участвовал в боях против большевиков, служил рядовым в Особом отряде Дальневосточного корпуса Защиты Родины и Учредительного собрания (17 февраля 1918 г.) полковника Орлова, командиром пулеметного взвода, был назначен в распоряжение начальника Российских войск в полосе отчуждения КВЖД (27 апреля 1918 г.). С 23 января 1919 г. «и.о. адъютанта Верховного Правителя с окладом жалования 850 руб.» [7, Л. 175об.]. Штабс-капитан (18 марта 1919 г.). Венчался 6 августа 1919 г. в Омске в Воскресенском соборе с землячкой Агнией Александровной Мажаровой (1903–1997), взяв в поручители сослуживца Г.М. Сазонова [8, С. 184]. Оставался с А.В. Колчаком до ст. Нижнеудинск. В эмиграции жил в Китае и США, где взял фамилию Мартин. Супруги Матвеевы захоронены вместе.

Сазонов Глеб Михайлович (1891 г., Киев – ?). Окончил Морской корпус (1913). В 1914 г. женился на Марии Кутузовой (1890–1927). В 1916 г. – старший флаг-офицер по оперативной части командующего флотилии Северного Ледовитого океана. После увольнения жил в Уфимской губернии. Примкнул к белому движению. В январе 1919 г. произведен в старшие лейтенанты за отличие при эвакуации Симбирска, с 23 января 1919 г. «и.о. адъютанта Верховного Правителя с окладом жалования 850 руб.» [7, Л. 175об.]. 28 июля 1919 г. разжалован в рядовые за драку в приемной Колчака. Чин возвращен 12 сентября 1919 г. за личное мужество [9]. В 1920 г. эмигрировал в Шанхай, в 1922 г. – в Мюнхен,

где состоял членом Союза взаимопомощи российских моряков. Выехал в Конго, судьба неизвестна.

Князев Владимир Васильевич (1884, Тула – [1970–е], Монреаль). Из семьи гвардейского офицера. Окончил Орловский кадетский корпус (1902), Елисаветградское кавалерийское училище (1904), выпущен корнетом в 8-й драгунский Смоленский полк. В чине поручика оставил службу. Призван из запаса с началом Первой мировой войны. В бою 25 ноября 1914 г. был контужен. Штабс-ротмистр (1916), ротмистр (1917) в 13-м уланском Владимирском полку. Старший адъютант Главнокомандующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта. Награжден орденами Св. Анны 4-й и 2-й ст., Св. Станислава. В 1918 г. вступил в армию Комуча; старший адъютант управления Уфимской местной бригады. С 23 января 1919 г. «и.о. ст. адъютанта Верховного Правительства с окладом жалования 1000 руб.» [7, Л. 175об.]. В эмиграции содержал школу верховой езды в Шанхае, где в 1942 г. возглавил Союз русских монархистов. Позднее переехал в Канаду.

Вспоминая последствия военного переворота, В.В. Князев отметил: «18-го ноября 1918 г. утром прибыл я, ротмистр Князев, на службу к Адмиралу Колчаку, вызванный по телеграмме Адмирала из Уфимской местной бригады» [10. С. 17]. В записках Князева ряд дат весьма неточен, но принципиально то, что он прибыл в Омск после переворота. 35-летний дворянин был старше других и опытнее в штабных делах, поэтому был назначен старшим адъютантом, одновременно исполняя обязанности заведующего домом Верховного правителя [6, С. 161–173].

В межличностных отношениях адъютантов, призванных обеспечивать работу Верховного правителя, не все было ладно. В июле между офицерами случилась публичная ссора с чрезвычайными последствиями. Полагаем, что младший по должности и чину морской офицер, исходя из своих понятий чести, сделал замечание старшему адъютанту. Устная перепалка закончилась дуэлью. Скандал не стал достоянием общественности. Но нашел отражение в мемуарах машинистки канцелярии Верховного правителя Е.И. Шевелевой: «Причину ссоры я не знаю. Один из них моряк Созонов [Сазонов Г.М.] был большим другом А.Н. Удинцова. Созонов имел милый, хороший, добрый характер, в общем верный и преданный А.В. Колчаку человек». Фамилию второго участника конфликта она забыла: «Он производил [впечатление] гордого и задирчивого <...>, вероятно он оскорбил Созонова очень серьезно – произошла дуэль. Созонов был ранен и отправлен в военный госпиталь». Верховный благоволил морскому офицеру, но у правителя не было иного решения, как строго наказать обоих нарушителей воинской дисциплины. Удинцев навещал товарища, а Колчак, в свою очередь, интересовался его здоровьем. Когда Сазонов после поправки явился к Верховному правителю, то «все военные доспехи ему были возвращены, Александр Васильевич его обнял, крепко расцеловал и по русскому обычаю

три раза перекрестил. Созонов уехал на фронт» [11, Л. 17]. А.П. Будберг пролил свет на причины конфликта, указав в дневнике 7 июля 1919 г.: «Не везет адмиралу по части ближайшего антуража; он взял к себе личным адъютантом ротмистра Князева, который дивит кутящий Омск своими пьяными безобразиями; много хуже это то, что этот гусь злоупотребляет своим положением и позволяет себе разные распоряжения именем адмирала» [12, С. 146]. После выяснения отношений при помощи оружия Князев трудился в «сырьевом отделе министерства снабжения», а в период эвакуации Омска «находился во Владивостоке <...> готовил меха на Сан-Францисский аукцион» [10, С. 24].

Не располагая сведениями о дуэли, В.И. Шишкин посчитал, что адъютантов Князева и Сазонова уволили 29 августа 1919 г. после взрыва близ резиденции Колчака 25 августа 1919 г. Хотя на основе документов разбирательства сам историк убедительно показал случайный характер подрыва гранат в караульном помещении [6, С. 170–171]. В пользу данной версии говорит и дальнейшее изучение инцидента в новейшей историографии [13, С. 50–52]. Заметим, что, если искать виновных в неосторожном обращении с боеприпасами, то наказание должны нести офицеры конвоя за халатные упущения во вверенной воинской части.

Карьера и судьба начальника конвоя Верховного правителя. Отметим, что обеспечением безопасности А.В. Колчака в конце 1918 г. занимался начальник Центрального отделения военного контроля штаба Верховного главнокомандующего подполковник Н.П. Злобин. Бывший жандарм и военный разведчик не занимал ответственных постов до революции [14, С. 588], но принял ряд энергичных охранных мер, опираясь на войска гарнизона и омскую милицию, часовых и филеров, насаждая их возле подъезда, гардероба и приемной [15, С. 264–270]. Охрана безопасности главы государства – специфическая отрасль деятельности со своими особенностями, как в части организации непрерывного процесса, полного учета объектов и маршрутов охраняемого лица. Силами филеров в гражданском платье, прикомандированных казаков, инородцев и военнотружущих-иностранцев комплексно задачу вряд ли можно было решить. Руководитель канцелярии Верховного правителя А.А. Мартьянов, сослуживец адмирала по Балтике, стал формировать специальную часть, отодвинув контрразведку на второй план. Именно он, подбирая боевых офицеров, поставил в 1919 г. личную охрану Колчака на новый уровень.

Пока в отношении фигуры бывшего начальника конвоя Верховного правителя А.Н. Удинцева множатся недостоверные сведения. Встречается вариант рождения «Красноярск», неверную информацию оставила его вдова, запечатлев на надгробном кресте «Иркуцк». Вероятно, в ее память мистически вошла иркутская трагедия. Да и он сам приложил руку к мифотворчеству, сменив в эмиграции фамилию на «Удинцов-Уральский».

Аркадий Никанорович родился 10 января 1895 г. в селе Красноярское Камышловского уезда Пермской губернии, куда в 1892 г. был определен священником Введенской церкви его отец – Никанор Никанорович Удинцев (1869 – [1930-е] гг.). Оба деда Аркадия также были священниками, поэтому подростка отправили получать образование в Камышловское духовное училище. Окончив 4 класса Пермской духовной семинарии, 19-летний юноша выбрал светскую карьеру: летом 1914 г. был зачислен в Коммерческий институт в Киеве [16, Л. 59]. А 13 декабря он поступил добровольцем в Русскую императорскую армию, после ускоренного курса в Александровском военном училище 1 июля 1915 г., прапорщиком убыл в запасной полк в Тюмень. Среди его новых друзей оказались тюменцы: Виктор Матвеев и Елена Шевелева. Последняя вспоминала, что летом 1915 г. она «познакомилась с ним еще, будучи гимназисткой. <...> Удинцев увлекался конным спортом, прекрасно ездил верхом, имел свою тройку и хорошо оценивал способности лошади. Жизнь в Тюмени продлилась недолго, он был отправлен со своей ротой на фронт в 8-й гренадерский Московский полк» [11, Л. 8–9].

К ноябрю 1917 г. Удинцев капитан. За 3 года службы он получил пять чинов подряд, причем осенью 1916 г. Аркадию Никаноровичу дали два чина подряд с разницей два дня. Второе внеочередное производство в штабс-капитаны («за отличие») он получил за подвиг в бою. На передовой Удинцев возглавил батальон, был трижды ранен, отравлен газами и контужен. За личную храбрость и самоотверженность его наградили орденами Св. Станислава 2-й и 3-й ст., и Св. Анны 2-й и 3-й ст., Св. Владимира 4-й ст., Георгиевским крестом 4-й ст. и орденом Почетного легиона (Франция), а также Георгиевским оружием [17, Л. 8].

После увольнения из армии весной 1918 г. Удинцев вернулся к отцу, который служил священником в Северском заводе близ Екатеринбурга. На Урале вновь менялась власть, и он оказался среди первых добровольцев Сибирской армии. Ему доверили формировать и возглавить 1-й батальон 28-го Ирбитского полка горных стрелков: с августа 1918 г. он снова в строю, а осенью принял участие в ожесточенных боях с большевиками под Кунгуром [18]. Вручение знамени 28-му Ирбитскому полку 13 ноября 1918 г. состоялось торжественно на Монастырской площади Екатеринбурга. На церемонии присутствовал военный и морской министр Директории А.В. Колчак, который вручил святыню полковнику М.Н. Некрасову. После парада вице-адмирал выступил с приветственной речью на банкете перед почетными гостями и офицерами полка [19]. Тогда на фоне иных офицеров Колчак вполне мог заметить Удинцева – молодого комбата с «Георгием» и Золотым оружием, орденами и тремя нашивками за ранения.

Согласно списку офицеров 28-го Ирбитско-Перновского полка по старшинству чинов к 15 декабря (рег. № 4674 от 31 декабря 1918 г., Екатеринбург)

капитан А.Н. Удинцев был в части «налицо» [20, Л. 6об.–7]. А 23 января 1919 г. он был утвержден «исполняющим обязанности начальника охраны Верховного правителя с окладом жалования 1000 руб.» [6, Л. 175об.]. После первоочередных мер по формированию охраны уже Удинцев в своем приказе № 1 от 2 апреля 1919 г. отметил: «...Приказом Верховного правителя <...> от 24 января с.г. за № 27 на меня возлагается формирование команды конвоя Верховного правителя» из 170 чинов, в т.ч. 6 офицеров. Он успешно сформировал отряд, получив следующий чин. В течение года выезды Колчака на фронт следовали один за другим. Реалии показали, что отдельной роты не хватит для обеспечения безопасности главы государства, поэтому 15 августа 1919 г. подполковник Удинцев доложил, что дополнительно укомплектовал конвой (263 нижних чина и 11 офицеров). Осенью линия фронта близилась к Омску; военный министр А.П. Будберг предписал увеличить штат охраны в 5 раз (1235 солдат, 48 офицеров и 6 чиновников), включая кавалерийский дивизион и 346 лошадей [15, С. 272, 279, 284].

Но главное испытание конвой не выдержал, а Верховный правитель фактически лишился защиты на пути к Иркутску. 12 ноября 1919 г. эшелон Верховного правителя из 5-ти поездов покинул Омск. В пути адмирал вынужденно избавлялся от многочисленной свиты, но многие важные детали исхода неизвестны или искажены. Так, не выдерживают критики сведения о том, что Колчак отослал отряд во главе с А.Н. Удинцевым на усиление группы войск В.О. Каппеля. Вот как об этом вспоминает супруга А.Н. Удинцева. «В распоряжении Верховного правителя было 5 литерных поездов, [из них] 4 во главе с генерал-майором Мартьяновым <...> Большая часть личного конвоя помещалась в этих поездах – кавалерия, технический отдел, снаряды, лошади, продукты, etc. <...> Ехали также в этих поездах родственники, дети военных и служащих. В поезде Верховного правителя, как всегда, находился командир конвоя А. Удинцов, которому удалось погрузить «золотой запас», <...> адъютанты, офицеры и часть личного конвоя, – 22 декабря адмирал Колчак покинул Красноярск (1919), а к нему перешел генерал Мартьянов, – «Остальные 4 литерных поезда остались в распоряжении Удинцова, к которому Колчак относился с полным доверием в его организаторские способности, несмотря на его молодые годы. Мы, оставшиеся, еще были спокойны, обеспечены провиантом, топливом, etc.» В связи с мятежом в Красноярске Удинцев приказал выгрузить все имущество и покинуть город с целью догнать на лошадях Верховного правителя, следуя вдоль Транссиба. Елена Ивановна пересела в сани, отмечая хорошее снаряжение и остановки в селах в пути. На одной из станций конвой встретил эшелон 12-го чешского полка. Командир Й. Палацкий, «который был женат на русской вдове с двумя мальчиками», милостиво предоставил несколько вагонов, «где и поместился «остаток» личного конвоя Верховного Правителя: А. Удинцов, я, мой брат Сергей, который принадлежал к технической части конвоя,

другие офицеры и остальные конвойцы. <...> Внезапно пришел приказ: чешские поезда не будут пропускаться дальше, если [хоть] один русский будет находиться в чешском вагоне. <...> Этот приказ женщин не касался. Я осталась в этом же вагоне с большими сибирскими деньгами, документами, орденами и золотым георгиевским оружием Удинцова...» <...> Когда чешский поезд остановился в 7 верстах от г. Иркутска (ст. Иннокентьевская – В.К.), то «нежданно-негаданно вошел мой муж <...> и сообщил: «Верховный правитель 7.II.1920 г. предан и расстрелян». Многие друзья отправлены в тюремное заключение, также и мой брат...» [10, 19–21, Л. 23–26]. Из записей Елены Ивановны неясно: смог нагнать Колчака конвой, оставленный большей частью вместе с командиром в Красноярске. Но считается, что в конце «сидения» в Нижнеудинске (25 декабря 1919 г. – 10 января 1920 г.) в 500 км от Красноярска «500 солдат конвоя» были распущены самим Верховным [21, С. 51].

По семейным данным А.Н. Удинцев затем долго пробирался через всю Россию на запад, преодолев несколько границ, оказался в 1922 г. в Германии. Устроившись пекарем, он через год добился переезда жены из Тюмени в Берлин, где у них родились дети: Аркадий (1926) и Ирина (1928). Офицер избежал обвинений как комбат армии Колчака, как член РОВС за сотрудничество со спецслужбами Германии. Ситуация резко изменилась в ходе «холодной войны». По данным Ирины Удинцовой–Пабст (1928–2004) в начале 1950 г. (25 февраля – В.К.) ее отец и старший брат были вызваны из Западного Берлина в советскую зону оккупации схвачены и надолго пропали для семьи [22]. Согласно документам 17 марта 1950 г. А.Н. Уральский–Удинцов и его сын Аркадий Аркадьевич были арестованы аппаратом Уполномоченного МГБ СССР в Германии, а 10 и 14 октября соответственно осуждены ОСО МГБ СССР по ст. 58 УК РСФСР на 25 лет ИТЛ каждый [23].

Минуло 5 лет. СССР и ФРГ взаимно стремились к установлению дипломатических отношений. Накануне визита канцлера К. Аденауэра в Москву, 21 августа 1955 г. состоялся первый футбольный матч сборных наших стран. Германские спортсмены прибыли в статусе чемпиона мира. В состав немецкой делегации вошла известная актриса И. Пабст. Фигура, в общем, не официальная, но очень важная, так как ее супруг являлся другом и партнером газетного магната А. Шпрингера. Советские власти приняли ее заявление о розыске отца, брата и снисхождении. Об этом она рассказала в интервью Н.С. Михалкову. В краткой выписке обнародованного в фильме приговора бывшего колчаковца значится: «За шпионаж, участие в контрреволюционной белогвардейской организации и дезинформацию» [22]. Машина советского правосудия закрутилась в обратную сторону. После пересмотра дела часть обвинений в начале 1956 г. с эмигранта сняли, а меру наказания по оставшейся ст. 58–4 «Оказание каким бы то ни было способом помощи международной буржуазии...» снизили до 10 лет. Позднее отцу и сыну еще раз сократили лагерные срока, а вскоре они

обрели свободу. Если 61-летний «бесподанный» Удинцов–Уральский отказался принять советское гражданство, вернулся в Берлин, то досрочно освобожденный 14 сентября 1956 г. из Дубравлага «за добросовестное отношение к труду и хорошее поведение» 30-летний Аркадий-младший убыл в Калининскую область [21], а семья в Берлине его так и не дождалась. Окончательным заключением Генеральной прокуратуры России отец и сын Удинцовы–Уральские были реабилитированы в 2000 г.

В рамках дискуссии мы полагаем, что весной 1920 г. имел место «контракт» Аркадия Никаноровича с некими властными органами РСФСР о негласном предоставлении информации о бывших колчаковских министрах в ходе подготовки над ними судебного процесса весной 1920 г. в Омске, об антисоветской и подрывной деятельности бывших белогвардейцев в Западной Европе. Несомненно, что «бывший белый офицер» мог иметь широкий круг связей, оказывая действенную помощь советской разведке, в том числе, в борьбе с фашистской Германией. С этим допущением иначе оценивается возможность его перемещения из Сибири в Германию и воссоединение семьи. Отметим, что его родственники не репрессировались: брат Василий (1898–[1970]) – подполковник медицинской службы; брат Михаил (1899–1943) – красноармеец погиб в боях на ст. Мга; сестра Юлия (1901 – ?) умерла в блокадном Ленинграде. Упомянутый выше телеграфист конвоя Сергей Иванович Шевелев после Гражданской войны профессионально занимался музыкой в России, имел семью, а старшая сестра Мария Ивановна в 1920-е гг. безуспешно добивалась выезда семьи Шевелевых из Тюмени в Чехословакию, проживая в г. Остраве [11, Л. 41]. Сам А.Н. Удинцов–Уральский (Удинцев), не оставив мемуаров, скончался 16 июля 1971 г., прах его захоронен в Берлине на православном кладбище Тегель близ могилы главнокомандующего Восточным фронтом К.В. Сахарова. Там же упокоились его супруга и дочь, а все ростки германской ветви фамилии окончательно оборвались.

Результаты исследования. Визуальные источники в силу своей информативной точности при должном анализе могут дать ценные фактические сведения. Эту мысль подтверждают и отдельные современные труды с упоминанием адъютантов А.В. Колчака [24, С. 262; 25, С. 108–110; 26, С. 393–397], и наша работа. Как видно из проведенного исследования, формирование штата адъютантов и руководителей охраны Верховного правителя шло несколько месяцев. Из представленных выше биографических сведений следует, что Князев и Удинцев – офицеры из близкого служебного окружения Верховного правителя – появились в Омске после 18 ноября 1918 г. Полагаем, что приказ № 25 от 23 января 1919 г. о зачислении 5-ти офицеров на должности адъютантов и руководителей конвоя мог стать хорошим поводом запечатлеть себя с начальником. Исходя из предложенного метода учета всей команды, поздний срок съемки может быть ограничен серединой 1919 г., так как два офицера-дуэлянта поки-

нули Омск. Учитывая «наградные пристрастия» А.В. Колчака (после вручения ему ордена Св. Георгия 3-й ст. 20 апреля 1919 г. постоянно стал носить «шейный» крест), считаем, что анализируемый фотоснимок сделан в период с января по апрель 1919 г.

Список источников и литературы

1. Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак. Ученый и патриот. Ч. 2. М.: Наука, 2009. 231 с.
2. Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. Арсеньева. Ед.уч. МПК–16826.
3. Каревский А. Униформологический портрет адмирала А.В. Колчака. [Эл. рес.]. Режим доступа: http://www.kolchakiya.ru/uniformology/Kolchak_portrait.htm (дата обращения 10.08.2023).
4. Буюков А., Крицкий Н., Кузнецов Н. Адмиральские погоны А.В. Колчака // Цейхгауз. М., 2002. № 17. С. 34–35.
5. Шишкин В.И. Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19.07–18.11.1918) // Голоса Сибири. Вып. 6. Кемерово, 2007. С. 773–824.
6. Шишкин В.И. Взрыв в усадьбе Верховного правителя 25 августа 1919 г. // Гражданская война в Сибири: мат–лы Всерос. заочн. науч.-практ. конф. Омск : Амфора. 2013. С. 161–173.
7. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 341.
8. Храпова Н.С. Метрические книги омских церквей как источник изучения социально-политической обстановки города в 1915–1919 гг. // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 13–14 нояб. 2014 г.) Омск : Амфора, 2015. С. 183–187.
9. Сазонов Г.М. // Генеалогическая база знаний. [Эл. рес.]. Режим доступа: <https://baza.vgd.ru/1/30001/all.htm> (дата обращения 10.08.2023).
10. Князев В.В. Жизнь за всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Округ Нью-Йорк : Джорданвилль, 1971. 30 с.
11. Удинцова (Шевелева) Елена Иоанновна. Воспоминания // Архивное собрание ДРЗ им. Солженицына. Ф. 1. Оп. 2. Д. М–201.
12. Будберг А.П. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). Л. : Прибой, 1929. 302 с.
13. Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Золотой тираж (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с.
14. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов 10 октября 1916 г. Петроград. 1916. 808 с.

15. Шишкин В.И. Организация охраны Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака (1918–1919) // Известия ОГИК музея. 2011. № 16. С. 263–284.
16. ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 248.
17. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 62.
18. Приказ 7-й Уральской дивизии горных стрелков № 88 от 24 нояб. 1918 г. // Голос Сибиряка (Екатеринбург). 1918. 4 дек.
19. День торжественного вручения знамени 28 Ирбитскому полку // Голос Сибиряка (Екатеринбург). 1918. 17 нояб.
20. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 62.
21. Занкевич М.И. Последние дни Колчака // Советские архивы. 1966. № 12. С. 48–54.
22. Док. фильм «Берлинские звезды». Реж. и вед. Н. Михалков. 2003.
23. Ответы ЦА ФСБ России по материалам АСД №10/А/К–3588 от 26 января 2023 г., К–101055–1955 и 10/А/К–584 от 31 марта 2023 г. // Личный архив автора.
24. Стельмак М.М., Петин, Д.И. Повседневность белогвардейского Омска в объективе американской кинокамеры 1919 г.: к вопросу атрибуции малоизвестного источника // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 357–374.
25. Капустин, Л.Г. Верховный правитель адмирал Колчак в иностранной кинохронике (1919): уточнения и дополнения к научной атрибуции фотовидеоисточников // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: Мат–лы III Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.). Омск: ОмГТУ, 2019. С. 108–116.
26. Калекин В.В., Капустин Л.Г., Петин Д.И. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак в поездке на Тобольский фронт: к анализу неизвестного фотодокумента 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 390–404.

Благодарности

Автор благодарит сотрудника института Истории и археологии УрО РАН, к.и.н. М.И. Вебера за предоставление копий архивных документов, а также за возможность обсуждения и полемики.

Для цитирования: Кашин В.В. Близкое служебное окружение А.В. Колчака в Омске: уточнение даты совместной фотографии, военной службы и судеб офицеров // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 160–170.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ЛОТЕРЕЯ В ОМСКЕ В ОКТЯБРЕ 1919 г.

Киселев Андрей Леонидович¹

¹ Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия

¹ and94859610@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 5135-6999

Аннотация: Цель статьи – изучить ход проведения финансовыми органами Российского правительства А.В. Колчака единственной в период Гражданской войны на территории востока России Правительственной лотереи в октябре 1919 г. Данный сюжет остался почти вне поля зрения историографии. Теоретическая основа исследования – сочетание методов историко-генетического, нарративного и реконструкции. По итогам исследования воссозданы мероприятия по подготовке и проведению денежной лотереи в Омске в октябре 1919 г.

Ключевые слова: Гражданская война, денежная лотерея, белый Омск, Государственный банк, финансы, белое движение.

Постановка проблемы. Денежно-кредитная политика антибольшевистских властей востока России в годы Гражданской войны не раз становилась объектом изучения. Как правило, анализировались мероприятия властей, связанные с эмиссией денег и регулированием денежного рынка. Но такая составляющая финансовой политики, как проведение финансовыми органами Российского правительства А.В. Колчака денежной лотереи в Омске в октябре 1919 г. оставалась до недавнего времени за границами исследований. Доклад И.С. Шикановой [1] стал первой попыткой осветить данный вопрос. В продолжение исследования нами была подготовлена наработка по теме [2]. Работа в ГАРФ с фондом Управления Госбанка белой Сибири [3] позволила выявить ранее неизвестные подробности организации и проведения правительственной (денежной) лотереи в белом Омске.

Основная часть. По постановлению Совета министров колчаковского правительства Министерством финансов было запланировано проведение в Омске в октябре 1919 г. Правительственной лотереи для «призрения и помощи пострадавшим за Родину», с привлечением возможно большого количества населения, общественных деятелей и представителей местного самоуправления, как в целях контроля, так и в целях более успешного развития лотереи [3, Л. 9–19]. Отвечал за проведение лотереи Госбанк. Непосредственным руководителем проекта был назначен Управляющий Оренбургским отделением Русского Торгово-промышленного банка Александр Николаевич Петров [3, Л. 1]. Для размещения последнего канцелярия Госбанка 11 октября обратилась в адрес Уполномоченного МВД по реквизициям помещений в Омске с просьбой о выделении комнаты в гостинице «Россия» [3, Л. 8]. Изначально датами проведения лотереи были определены 12 и 14 октября 1919 г. Временной промежу-

ток для лотереи ограничивался с 12 до 18 ч. Места проведения розыгрышей лотереи были определены следующие: 1) В помещении отделения Госбанка на Соборной площади; 2) В помещении хлебо-фуражного отдела Министерства продовольствия и снабжения (на Любинском проспекте, угол с улицей Гасфортовской); 3) В помещении продовольственного отдела Омского городского самоуправления (на Любинском проспекте, угол с улицей Гасфортовской, в доме А. Ганшина); 4) В магазине А.Н. Дунья-оглу (на Дворцовой улице, рядом с кафе «Зонь»); 5) В зале Железнодорожного собрания (на Атаманском хуторе). Последнее место Управляющему Госбанком С.И. Рошковскому пришлось согласовывать с представителями Военного ведомства – Начальником интендантского управления и с Заведующим обмундировочной мастерской, располагавшейся в этом помещении [3, Л. 1, 12–14].

Для привлечения к участию в лотереи наибольшего количества участников с разрешения Министра финансов были предприняты меры по широкому распространению информации о ней среди населения путем печати, рекламы, устройства декораций, разбрасывания ленточек и т.д. Агитационно-декоративная сторона лотереи была поручена Особому комитету при Русском бюро печати [3, Л. 13]. Накануне акции анонсы о ней публиковались в главной газете колчаковского Омска – «Правительственном вестнике» [4, номера от 17, 18, 19 октября]. Канцелярия Госбанка распространила информацию о том, что все желающие «принять участие в лотерее личным трудом» должны были представить в Канцелярию свои данные, включающие фамилию и занимаемую должность не позднее 10 ч 7 октября 1919 г. За работу в обеспечении лотереи было обещано вознаграждение [3, Л. 1]. На объявление откликнулось много желающих. Например, Омское отделение Госбанка в тот же день представило в Канцелярию Управления Госбанка список из 25 сотрудников, желающих принять участие в обеспечении проведения лотереи [3, Л. 4–5об.].

В связи с тем, что времени для подготовки к проведению лотереи было немного. Управляющий Госбанком С.И. Рошковский сразу же приступил к решению организационных вопросов. 23 сентября 1919 г. был направлен запрос в отдел снабжения Министерство продовольствия и снабжения с просьбой выделить из имеющихся у министерства 13-ти вагонов бумаги, 2 вагона Госбанку. Груз должен был получить А.Н. Петров [3, Л. 3].

К процессу подключился Управляющий канцелярией Госбанка, который 10 октября направил в Экспедицию заготовления государственных бумаг письмо с просьбой выдать Ивану Андреевичу Кальвишу для нужд Лотерейного Управления Госбанка одну стопку писчей бумаги [3, Л. 6]. На следующий день в продовольственный отдел Омской городской управы было направлено прошение об отпуске для нужд проводимой банком Правительственной лотереи продуктов: 1 мешок сахара, 10 фунтов чая, 2 пуда коровьего масла, 1 пуд свечей и 4 пачки спичек [3, Л. 7]. Одновременно в отделе общих заготовок Министерства снабжения был запрошен для нужд персонала, обслуживающего про-

водимую банком Правительственную лотерею 1 пуд свечей. Получателем в обоих случаях также был указан И.А. Кальвиш [3, Л. 7, 11].

Неожиданно проведение лотереи оказалось под вопросом. Управляющий Ревизионным департаментом Государственного контроля направил в Госбанк письмо, в котором усомнился в правомочности Министерства финансов организовывать лотерею. Ссылаясь на то, что подобная лотерея в 1914 г. в пользу раненых и больных воинов и лиц пострадавших от военных действий была организована в законодательном порядке по постановлению Совета Министров, утвержденному высшей Правительственной властью. В этом же постановлении определялась и максимальная сумма требуемых на устройство лотереи расходов. Имея информацию о том, что Советом министров одобрено проведение лотереи, Кредитный ревизионный департамент просил представить следующую информацию: 1) Положение о лотереи; 2) Правила расходования отпущенных на устройство лотереи сумм; 3) Из каких средств предполагается покрывать возможный убыток, если вырученные от продажи билетов суммы не покроют выдачу выигрышей и организационные расходы.

Одновременно Департамент уведомил Госбанк, что участие представителей Государственного контроля в проведении лотереи будет возможно, только если к моменту розыгрыша все указанные формальности будут соблюдены. Указывалось также на то, что уже допущены непроизводительные расходы. Имея в виду, что изготовление лотерейных билетов, приобретение бумаги и резка были поручены частной типографии, тогда как в распоряжении Экспедиции заготовления государственных бумаг имелись обрезки бумаги более высокого качества, и резка в ней обошлась бы гораздо дешевле [3, Л. 17–18]. Не получив в установленный срок ответа на свое письмо, Кредитный ревизионный отдел Государственного контроля направил повторный срочный запрос, где Госбанк был предупрежден о «могущих последовать вследствие не своевременного получения ответа недоразумений» [3, Л. 15–15об.]. В этот же день был подготовлен ответ за подписью Управляющего Госбанком С.И. Рошковского, в котором были даны ответы на поставленные вопросы, сообщалось:

1. Положение о лотереи не утверждено, но общие принципы обсуждались и одобрены Министром финансов и Советом министров, в заседании которого участвовал Государственный контролёр, не заявивший протеста;

2. Правила расходования сумм также не утверждено. Министр финансов дал разрешение на производство расходов со счета разных выдач Государственного банка и расходы будут возмещены доходами лотереи;

Размеры и целесообразность расходов обсуждаются Временной комиссией под председательством С.И. Рошковского в составе представителей Особой канцелярии по Кредитной части Государственного контроля, устроителя лотереи Петрова и старших членов Государственного банка, привлеченных к работе по проведению лотереи;

3. В случае битка расходы будут покрыты из средств Иностранного отдела Кредитной канцелярии;

4. Запас обрезков будет использован при устройстве новых лотерей;

5. Экспедиция заготовления государственных бумаг настолько обременена работой, что принять заказ на печатание и свертывание билетиков не может, печатание же в частной типографии на обрезках стоит настолько дорого, что поглотит с излишком экономию покупку бумаги.

Ввиду того, что поставленные Департаментом формальные условия к моменту розыгрыша не могут быть выполнены, кредитному Ревизионному департаменту предоставляется на его благоусмотрение вопрос об отозвании своего представителя в устройстве лотереи [3, Л. 16–16об.].

В связи со сложившимися трудностями провести Правительственную лотерею в планируемые ранее сроки – 12 и 14 октября 1919 г. не представилось возможным. После урегулирования вопросов с Кредитным ревизионным отделом Государственного контроля, дата лотереи в итоге была назначена на 19 октября. Незадолго до дня проведения розыгрыша начались непосредственные мероприятия по подготовке к его проведению. В адрес Председателя Акмолинской областной земской управы и Омскому городскому голове из Канцелярии Госбанка были направлены срочные запросы с просьбой направить их представителей для участия в работе Комиссии по устройству лотереи. Делегированные лица должны были иметь с собой именную или должностную печать. Первое заседание данной комиссии состоялось 14 октября (вторник) в 12 ч дня в помещении Центрального Управления Госбанка на Любинском проспекте в доме А. Ганшина [3, Л. 9, 10]. 17 октября в 18 ч 20 мин в помещении Омского отделения Госбанка было произведено заполнение колес билетами. Для контроля закладки был приглашён представитель от Акмолинской областной земской управы [3, Л. 26].

Канцелярия Госбанка провела заблаговременные мероприятия по обеспечению безопасности проводимой акции. Оповестив МВД о дате ее проведении и указав места розыгрышей лотереи, канцелярия попросила обеспечить их «наружную охрану» [3, Л. 13–13об.]. От Омского отделения уголовного розыска для обеспечения безопасности лотереи были привлечены следующие сотрудники: надзиратель 1-го разряда Александр Малышев – во всех зданиях, надзиратель 2-го разряда Яков Соколов в магазине А.Н. Дунья-оглу, надзиратель 2-го разряда Александр Чижов в здании Министерства продовольствия и снабжения на Любинском проспекте, надзиратель 2-го разряда Василий Полеснов в доме А. Ганшина, надзиратели 2-го разряда Георгий Золотников и Александр Никулин в Омском отделении Госбанка, надзиратели 2-го разряда Владимир Полевода и Федор Миронов на Атаманском хуторе [3, Л. 28]. Внутреннюю охрану указанных мест поручили чинам Отряда охраны государственного золотого запаса [3, Л. 14]. Позднее канцелярией Госбанка в адрес начальника милицейского управления Омска был направлен срочный запрос о предоставлении списка сотрудников ведомства, принимавших участие в охране помещения в день проведения правительственной лотереи с целью выплаты им вознаграждения [3, Л. 2, 25].

Точных данных о результатах розыгрыша в Омске Правительственной лотереи 1919 г. пока не выявлено. Но в связи с тем, что второй розыгрыш был назначен на 4 ноября [3, Л. 21], мы считаем возможным полагать, что лотерея имела успех и выполняла поставленные перед ней цели. В рамках организации очередного розыгрыша 28 октября в 18 ч в помещении Центрального управления Госбанка была произведена заготовка выигрышных билетов [3, Л. 21]. Для их изготовления С.И. Рошковский отправил Министру снабжения и продовольствия К.Н. Неклютину письмо о срочной необходимости выделения Госбанку запрашиваемых ранее 2-х вагонов бумаги, необходимой для проведения предстоящих лотерей [3, Л. 19]. Организаторы лотереи приняли решение расширить количество мест продажи лотерейных билетов. С этой целью С.И. Рошковский направил письмо городскому голове, прося выделить для розыгрыша лотереи площади Продовольственного отдела городского самоуправления на Любинском проспекте в доме А. Ганшина и зал Городской думы [3, Л. 20]. Кроме того, было получено разрешение провести его в помещении, где располагался Западный отряд Американского Красного креста [3, Л. 24], за что С.И. Рошковский отправил письменную благодарность Управляющему отрядом майору С. Макдональду. Во избежание недоразумений при подготовке к проведению первой лотереи, Председатель Государственного контроля Ф.П. Колобов был приглашен лично С.И. Рошковским в качестве представителя от Государственного контроля [3, Л. 21–22].

Результаты исследования. В дискуссионном порядке отметим, что в российской историографии изучение практики государственных лотерей относится к специфичному, но перспективному направлению истории финансов и бонистики. В свою очередь, проделанное исследование проливает свет не только на сюжет из будней финансового ведомства белой Сибири. Частности, ставшие известными из истории с Правительственной лотереей, обращают внимание на общие косные и консервативные бюрократические механизмы антибольшевистской власти, взаимодействие Минфина с иными министерствами, выполнение вспомогательных заказов Экспедицией заготовления государственных бумаг, а также влиянии данных явлений на омскую повседневность. О научной актуальности перечисленных пассажей свидетельствуют наработки современной историографии вопроса [См. напр.: 5–11]. Подводя итоги, согласимся, что финансовым органам Российского правительства А.В. Колчака удалось успешно организовать и провести один розыгрыш Правительственной лотереи. Возможный успех этой акции создал в сознании чиновников предпосылки для проведения последующих розыгрышей. Но это уже никаким образом не могло изменить положения антибольшевистских сил на Восточном фронте. Одно за другим фатальные поражения белой армии и оставление в середине ноября 1919 г. столицы – Омска – стали причиной того, что последующих розыгрышей правительственных лотерей в Омске не состоялось, а пребывая в состоянии эвакуации в Иркутске, колчаковская власть вынужденно решала насущные проблемные вопросы уже совсем иного характера.

Список источников и литературы

1. Шиканова И.С. К вопросу о проведения денежной лотереи в Омске (октябрь 1919 г.). // XXII Всеросс. нумизматическая конф: тезисы докладов и сообщений (Смоленск, 22–26 мая 2023 г.) / техн. ред. Е.В. Захаров. Смоленск: ИП Копыльцов П.И., 2023. С. 249–252.
2. Киселев А.Л. Новые подробности о проведения денежной лотереи в Омске (октябрь 1919 г.) // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сб. мат–лов 6–й Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 18–20 окт. 2023 г.). СПб.: Гознак, 2023. С. 334–337.
3. ГАРФ. Ф. Р–143. Оп. 2. Д. 164.
4. Объявление // Правительственный вестник (Омск). 1919.
5. Бородина Г.Ю. «Выработка бумаги находится в критическом положении»: к вопросу о бумажном кризисе в белом Омске в 1919 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Мат–лы II Всеросс. научн.-практ. конф. с междунар. участ. (Омск, 25–26 окт. 2017 г.). Омск: ОмГТУ С. 39–44.
6. Петин Д.И. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот опрос с мертвой точки...»: положение Экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 г. // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 256–270.
7. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.). Омск : СиБАДИ, 2018. 240 с.
8. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. 3-е изд. СПб. : СПбГУ, 2019. 312 с.
9. Петин Д.И. Экспедиция заготовления государственных бумаг в политическом ландшафте белого Омска // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Сб. мат–лов третьей междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–16 окт. 2020 г.). СПб.: Гознак. 2020. С. 95–99.
10. Богданов А.А., Петин Д.И. Краткий отчет о деятельности Сибирской Экспедиции заготовления государственных бумаг с 1 октября 1918 г. по 31 августа 1919 г. // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 260–285.
11. Петин Д.И. «Переход власти к советским организациям выдвигает на первую очередь радикальные перемены в области финансовой политики...»: проект создания Комиссариата финансов в 1920 г. в Иркутске // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 812–835.

Для цитирования: Киселев А.Л. Правительственная лотерея в Омске в октябре 1919 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 171–176.

ПЕТРОГРАДСКИЙ СЪЕЗД ОФИЦЕРСКИХ ДЕПУТАТОВ: НА ПУТИ РАСКОЛА КОРПОРАЦИИ (МАЙ 1917 г.)

Кожевин Владимир Леонидович ¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

¹kozhevin@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 5352-1479

Аннотация: Статья посвящена анализу работ Всероссийского съезда офицерских депутатов (Петроград, май 1917 г.). Автор исследовал это событие в контексте проблемы раскола офицерской корпорации, выявляя причины и характер данного явления на основе историко-антропологического подхода и политологических практик научного исследования.

Ключевые слова: военная антропология, офицерство, Русская революция, Временное правительство, Петроград

Постановка проблемы. Весной 1917 г., практически в одно и то же время, состоялись 2 масштабных форума российского офицерства. Первый – офицерский съезд в Ставке Верховного главнокомандующего (Могилев, 7–22 мая 1917 г.), второй – Всероссийский съезд офицерских депутатов в Петрограде (8–27 мая 1917 г.). Могилевский съезд продемонстрировал некое подобие единства командного состава не только по причине преобладания здесь фронтового офицерства, в наибольшей степени ощутившего негативные последствия революционных перемен в войсках. Уже сама повестка дня съезда, которая была нацелена, в первую очередь, на обсуждение насущных проблем положения офицерства и состояния армии в целом, оказалась близка устремлениям большинства делегатов, заинтересованных в успешном продолжении войны. В итоге, центральное место на съезде отводилось вопросам принятия кардинальных мер к укреплению дисциплины, восстановлению прерогатив командиров, ограждению армии от влияния политических сил и группировок, прекращению нападков на офицерство и т. д.

Петроградский съезд, созданный исполкомом столичного Совета офицерских депутатов, в силу особых условий организации и проведения наиболее ярко показал всю остроту противоречий внутри офицерской корпорации. Таким образом, именно столичный офицерский форум оказался своего рода зеркалом, отражавшим усиление раскола русского офицерства на одном из важных этапов революционного процесса 1917 г. Впрочем, уже сам по себе факт одновременного проведения 2-х съездов командного состава русской армии свидетельствовал о возникшем расколе.

Основная часть. Статистические данные говорят о том, что фронтовое офицерство преобладало в составе делегатов обоих съездов. По данным А.М. Андреева на съезде в Ставке 80% офицеров представляли фронт, а 20% тыловые гарнизоны [1, С. 150]. В Петрограде общая численность делегатов составила 748 чел. Из них, правда, прибыло 72 военных чиновника, 12 солдат и 1 военный священник. При этом действующая армия и флот были представлены 475 делегатами (63,8%), тыл – 273 делегатами (36,2%) [2, С. 528]. Говоря о флотском офицерстве (всего 19 делегатов), заметим, что столь ограниченное участие моряков в работах съезда очевидно объяснялось и крайне тяжелой ситуацией на Балтийском флоте, где офицерство в наибольшей степени пострадало во время февральско-мартовских событий 1917 г.

Планируя проведение съезда, исполком столичного Совета офицерских депутатов стремился привлечь в ряды участников как можно больше лиц, солидарных с общественно-политическими установками этой организации [О Петроградском Совете офицерских депутатов армии и флота см. подр.: 3]. Отчасти благодаря изначальной рекомендации устроителей форума («желательны в числе депутатов представители местных Советов офицерских депутатов» [4, С. 13]), на Петроградском съезде присутствовало значительное количество делегатов от офицерских Советов и иных офицерских организаций, ориентированных на социалистические установки и поддерживавших политику Петросовета. Но эта практика давала сбои. Так, в силу определенных организаторами норм представительства, в ряде военных округов, где пехотные части находились на большом расстоянии друг от друга, а требовалось отправить всего одного человека, приходилось выбирать жребием. В отдельных гарнизонах не была известна повестка съезда, а в иных гарнизонах и полках офицерам, даже являвшимся потенциальными сторонниками так называемого «революционно-демократического» течения, не удалось попасть на съезд по причине отказа воинских частей признавать форум, где офицеры собирались отдельно от солдат. В итоге, состав Петроградского офицерского съезда оказался довольно пестрым. Делегаты – в массе в обер-офицеры – являлись офицерами военного времени.

Накануне съезда его руководство из числа Петроградского Совета офицерских депутатов надеялось при активной поддержке своих сторонников обеспечить, как минимум, консолидацию командного состава армии и флота на демократической платформе под эгидой центрального общественно-политического органа офицерства, который предполагалось создать на форуме. Соответственно, это позволило бы рассчитывать на более тесное сотрудничество офицерства с Петросоветом рабочих и солдатских депутатов, выполнявшим в то время функции руководящего центра всех рабоче-солдатских Советов страны. Как максимум, речь могла идти об объединении обеих структур ради усиления влияния офицерства на характер деятельности Советов в общероссийском масштабе и о повышении значимости офицерской корпорации на политической арене.

Так, накануне съезда один из его организаторов, член исполкома столичного офицерского Совета военный чиновник В.Г. Левшиц подчеркивал, что «только при условии отчетливости позиции тот Центральный Совет Всероссийского Офицерства, в каковой, может быть, выльется Всероссийский съезд офицерских депутатов, сможет сплотить вокруг себя офицерство, знающее во что оно верит и чего хочет, и ждет от будущего» [5, С. 12]. Что касается идеи слияния Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета офицерских депутатов, то она возникла уже в марте 1917 г. Так еще 18 марта на заседании столичного офицерского Совета было объявлено, что «соответствующее предложение об объединении Советов уже сделано Совету солдатских и рабочих депутатов, но по техническим условиям признано пока неосуществимым» [4, С. 13]. Затем эта идея не раз воспроизводилась.

Под стать означенным намерениям устроителей была сформулирована программа работ съезда. Открывали проект программы 5 пунктов, посвященных сугубо общеполитическим проблемам российской действительности. Первым был вопрос о деятельности Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, их взаимоотношениях. Далее шли вопросы об Учредительном собрании, о войне, земельный и рабочий вопросы. Лишь последний, 6-й пункт программы, напрямую относился к проблемам армии и был сформулирован согласно нормам «революционно-демократического» дискурса – «реорганизация армии на демократических началах». По всем вопросам основными докладчиками назначили членов исполкома Петроградского офицерского Совета, включая его председателя подполковника А.Ф. Гущина [4, с. 22]. Из-за возникшей в кулуарах до начала съезда дискуссии президиум внес в повестку еще 1 пункт (шел предпоследним по счету) – боеспособность вооруженных сил и меры к ее повышению.

Делегаты съезда начали прибывать в Петроград за несколько дней до его открытия. В программе работ съезда было предусмотрено, что с 5 по 7 мая состоятся предварительные совещания и согласование позиций тех или иных групп участников форума. По сообщению газеты «Народная армия» (орган Союза социалистов Народной Армии) 6 мая образовались две группы, 7 мая еще одна. Первая группа в отчете была названа «правой», вторая – представляла центр и называлась «Единение», третья группа (левые) сформировалась на платформе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов [6]. Добавим, что еще одну группу представляли члены Петроградского Совета офицерских депутатов. По своим политическим позициям она примыкала к третьей группе делегатов, но, как подметил неплохо знакомый с историей Совета корреспондент газеты «Гражданин-офицер» (орган Томского Совета офицерских депутатов) Карен, «будучи кадетским (термин не вполне точен, но понятен – В.К.) с первых дней зарождения, он силой все возрастающей революции принужден был леветь, приближаясь *volens nolens* к платформе Совета солдатских и рабочих депутатов» [7].

14 мая офицеры, прибывшие на съезд, почтили память павших борцов революции на Марсовом поле и в Казанском соборе. Достаточно символичным, несмотря на, казалось бы, демонстрируемое единство, было само движение делегатов по улицам столицы. Петроградская газета «Голос солдата» так описывала шествие офицеров: «Впереди манифестантов шел оркестр 2-го Пулеметного национального полка, затем президиум съезда во главе с подполковником ген. шт. Гуциным. Президиум отделяла от делегатов съезда полурота Волынского полка. *Сами участники съезда разбились на три группы* (выделено мною – В.К.), между которыми находились полурота Преображенского полка с полуротой Балтийского флотского экипажа» [8].

На самом же съезде события разворачивались так. Вопросы рабочих и земельный не вызвали особых разногласий в силу того, что у офицерства не было предубеждения относительно коренного изменения положения трудящихся, да и эти вопросы не являлись первостепенными для большинства делегатов съезда. Обсуждение темы Учредительного собрания, созыв которого поддерживали все основные политические силы страны, и который являлся делом неблизкого будущего, также продемонстрировало единство при голосовании делегатов. Первое серьезное столкновение позиций участников съезда произошло при голосовании резолюции о Временном правительстве, Совете рабочих и солдатских депутатов и их взаимоотношениях. Сторонники группы «Единение» и исполнительного комитета столичного офицерского Совета с небольшим перевесом (всего 19 голосов) взяли верх над своими оппонентами.

Отметим, что на Петроградском съезде, за исключением нескольких выступлений, где звучали призывы к устранению двоевластия и проведению в жизнь решительных мер по борьбе с «анархией», открытого и резкого осуждения Временного правительства не высказывалось. Иначе выглядела ситуация на Могилевском офицерском съезде. По мнению видного военно-политического деятеля, первого коменданта революционного Петрограда полковника Б.А. Энгельгардта «не проявляя прямой контрреволюционности, офицерский съезд в Ставке сразу стал в оппозицию по отношению к Временному правительству. На этой почве возник некоторый раскол в офицерской среде» [9, С. 73]. На наш взгляд, раскол по этой линии в известном смысле был мнимым. Это показали дискуссии и голосование по вопросу о войне на Петроградском съезде, ведь оба вопроса находились в тесной связи. Еще В.И. Ленин в «Апрельских тезисах» наглядно представил наличие этой связи.

17 мая на Петроградском съезде состоялось принятие резолюции о войне. И здесь результаты сторонников Петросовета, а равно исполнительного комитета столичного офицерского Совета для многих оказались обескураживающими. Не вдаваясь в подробности обсуждения, приведем итоги голосования. Совместная резолюция фракции «Единение» и фракции, объединившейся на основе Декларации коалиционного Временного правительства от 5 мая 1917 г., а также представителей флота набрала 210 голосов; резолюция делегатов, объединившихся на платформе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – 71; резолю-

ция предложенная исполкомом Петроградского Совета офицерских депутатов – 64 [2, С. 406]. Даже в случае выдвижения общего проекта решения съезда двум последним фракциям не удалось бы одержать верх. События на съезде далее шли под знаком очевидного раскола и непримиримости позиций делегатов.

Стенографический отчет Петроградского съезда офицеров вышел лишь в одном томе, его материалы завершаются моментом принятия резолюции о войне. Пресса по преимуществу обходила вниманием последние дни работы съезда. Соответственно широкой публике были неизвестны его перипетии и содержание дискуссий на завершающем этапе форума. В советской и современной отечественной историографии данные сюжеты также не получили должного освещения за исключением общей констатации неудачных результатов Петроградского съезда. Но есть источники, позволяющие выявить важную информацию – отчеты немногих печатных изданий, опубликованные вскоре после завершения работ офицерских депутатов в столице.

Еще в начале своей работы съезд постановил создать специальные комиссии для выработки предварительных решений только по двум последним вопросам повестки, очевидно учитывая сложность и трудоемкость согласования мнений участников. Работа комиссий продвигалась медленно. Между тем делегаты начали покидать форум. Ряд докладов были заслушаны в первой половине 20-х чисел мая 1917 г. Кульминация съезда наступила в предпоследний день его работы. Центральный орган кадетской партии газета «Речь» отразила это в своем отчете. Корреспондент газеты писал, что «заседание съезда <...> 26 мая прошло очень бурно и ознаменовалось рядом крупных инцидентов». «Речь» воспроизвела достаточно полный перечень претензий и обвинений в адрес устроителей форума, его президиума и тех, кто их поддерживал, обнародованный прапорщиком Андроновым от имени своих единомышленников. Далее шло описание произошедшего на съезде скандала. Приведем выдержки из газетного отчета, начиная с выступления Андропова.

«Исполнительный комитет Петроградского Совета офицерских депутатов созывая съезд, не преследовал разрешения насущнейшей задачи момента – возрождения армии, так как вопрос о боеспособности армии и мерах к ее поднятию даже не был поставлен в предложенной нам программе работ съезда и внесен туда лишь по нашему настоянию. Если же верить весьма странному, чтобы не сказать больше заявлению подполковника Гущина – целью созыва съезда было желание исполнительного комитета пройти под нашим флагом в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Не имея возможности вести съезд по своему желанию и заглушить голос фронтового офицерства, чуждого политиканства и лишь болеющего душой за родину, армию и добытую народом свободу, наши противники прибегали к различным уловкам, борясь оружием недостойным солдата, как-то: а) запугиванием исподтишка неустойчивых ваших товарищей, что съезд может быть разогнан, если будет принята нежелательная резолюция, б) названием нашей группы правой – чем сознательно искажалась истина, в) повторным голосова-

нием уже принятых большинством резолюций под угрозой покинуть зал заседания и сорвать съезд, г) сознательным искажением наших предложений и речей, чтобы посеять недоверие к нам солдат, наших боевых товарищей, что ярко выразилось при голосовании 25 мая, где занятая нами позиция, вопреки истине, была истолкована как нежелание нашей совместной работы с солдатом.

Не вам, по большей части сидящим в тылу, или присоединяющихся к вам по недоразумению, заглушить наш голос». Далее возник сильный шум и слышалось: «оратора лишают слова». Тогда многочисленная группа единомышленников прапорщика Андропова, включая одного из товарищей председателя съезда и нескольких секретарей, покидают зал заседаний. И в этот момент происходит вопиющий и крайне символический инцидент. В ходе словесной перепалки и неразберихи, возникших после того, как из президиума раздался возглас «Политиканы уходят», а прапорщик Б. бросил: «Да, уходят на фронт, а здесь остаются окопавшиеся в тылу», этот офицер нанес подпоручику В. «оскорбление действием». После перерыва в заседании было принято решение об исключении двух участников инцидента со съезда и передаче соответствующих дел в суды чести их воинских частей. В тот момент по сообщению газеты в зале осталось «не более 50-60 офицеров» [10]. Этот эпизод более коротко осветила и московская газета «Русское слово», назвав, однако, фамилии обоих офицеров. Это были прапорщик Белецкий и подпоручик Вифляев [11]. В день закрытия съезда 27 мая большинство участников уже разъехались. На последнем заседании, согласно отчету газеты «Речь», присутствовало всего около 100 делегатов [12]. В итоге стало очевидно: съезд провалился, а задачи, поставленные его организаторами, оказались недостижимы.

Результаты исследования. Таким образом участникам съезда не удалось обеспечить единство командного состава армии и флота на общей политической платформе. Напротив, Петроградский съезд продемонстрировал наличие острых противоречий и раскола в среде русского офицерства. По какой же основной линии проходил этот раскол? На наш взгляд, это не был раскол между фронтовиками и тыловым офицерством. Главным здесь являлось противостояние двух способов, двух позиций в отстаивании интересов армии и ее командного состава. Первая – сторонники исполкома столичного Совета офицерских депутатов и эсеро-меньшевистского Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов целиком, ориентированные на революционный политический дискурс и установки социалистических партий. Вторую представляло офицерство, выступавшее вне рамок традиционных правил игры штатских политиков, людей, не мысливших принятыми в этой среде стереотипными категориями и подходами к военной действительности. Нельзя сказать, что эти офицеры не приняли революцию, но они и не могли смириться с тем, что благодаря так называемой «демократизации» армия разваливалась, а, следовательно, России грозило неминуемое поражение в войне.

Но была ли возможность преодолеть раскол? Вероятно, да. И это продемонстрировал Петроградский съезд, когда шло голосование по вопросу о войне,

и большинство делегатов заняло крайнюю оборонческую позицию. Косвенно наш вывод подтвержден мнением видного советского историка В.Д. Поликарпова относительно разногласий делегатов по данному вопросу. Исследователь, подчеркивая, что офицеры, выступавшие на платформе Петросовета (до ¼ делегатов), вовсе не представляли собой принципиальных сторонников демократического мира, а, лишь, «еще не «дозрели» до понимания классовых интересов, классовых задач буржуазии» [13, С. 164–165]. Так, бескомпромиссная установка на достижение победы в войне (что могло быть реально лишь при боеспособной армии); признание того, что соответствующая задача могла быть решена лишь благодаря последовательной и жесткой политике государственной власти, все это, в принципе могло обеспечить перспективы для консолидации русского офицерства.

Список источников и литературы

1. Андреев А.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М.: Наука, 1975. 243 с.
2. Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда офицерских депутатов армии и флота в г. Петрограде с 8 по 27 мая 1917 года. Т. 1. Пг.: Тип. МВД, 1917. 528 с.
3. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: ОмГУ, 2011. 260 с.
4. Петроградский Совет офицерских депутатов армии и флота. № 1. Пг.: Типолитография «Сила», 1917. 24 с.
5. Петроградский Совет офицерских депутатов армии и флота. № 2. Пг.: Типолитография «Сила», 1917. 12 с.
6. Народная армия. 1917. 15 мая.
7. Гражданин-офицер. 1917. 25 мая.
8. Голос солдата. 1917. 16 мая.
9. Энгельгардт Б.А. Контрреволюция. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействию образованию и науке, 2020. 320 с.
10. Речь. 1917. 27 мая.
11. Русское слово. 1917. 27 мая.
12. Речь. 1917. 28 мая.
13. Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. М.: Наука, 1989. 389 с.

Для цитирования: Кожевин В.Л. Петроградский съезд офицерских депутатов: на пути раскола корпорации (май 1917 г.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 177–183.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ В СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Кокоулин Владислав Геннадьевич^{1,2}

¹ Научно-исторический журнал «Сибирский Архив», Новосибирск, Россия

² Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия
^{1,2} kwladislaw@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 3666-8595

Аннотация: В статье рассмотрена трансформация образа Гражданской войны в России в учебниках истории в советский и постсоветский период. Выявляются факторы, которые влияли на формирование исторической памяти о Гражданской войне в указанное время. Выделяются образы Гражданской войны в учебниках истории. Сделан вывод о том, что неоднократные попытки переформатировать образ Гражданской войны привели к тому, что в массовом историческом сознании он стал размытым.

Ключевые слова: преподавание истории, Гражданская война, учебники, политика исторической памяти, массовое историческое сознание.

Постановка проблемы. Освещение событий Гражданской войны в учебниках истории с недавнего времени стало предметом интереса исследователей [1–6]. Подобный солидный задел позволяет получить полную картину учебниковой истории Гражданской войны в России и выявить те фундаментальные основы, которые лежат в основе учебников истории, изданных в различные периоды нашей истории.

Основная часть. Гражданская война в России сразу же после её окончания приобрела героическое измерение. До начала 1930-х гг. происходило «наполнение» этого измерения: смещались акценты в освещении тех или иных тем, из памяти вымарывались одни герои, возвышались другие. Законченный вид освещение Гражданской войны приобрело в «Кратком курсе», на который, так или иначе, ориентировались советские учебники.

В учебнике истории, выпущенном в 1952 г. [7], о Гражданской войне рассказывалось следующим образом. Сюжеты Гражданской войны были включены в раздел «Иностранная военная интервенция и Гражданская война» в 3 главы: «Начало иностранной военной интервенции», «Разгром трёх походов Антанты» и «Гражданская война в национальных районах». Но в последнюю главу почему-то попал параграф «Разгром иностранных интервентов на Дальнем Востоке». Врагами в учебнике объявлены международный империализм, русские помещики и буржуазия, эсеры, меньшевики и бухаринско-троцкистские предатели родины, а также белогвардейские генералы, которые «находились на содержании у американских империалистов, получая от них в изобилии ору-

жие, боеприпасы, обмундирование» [7, С. 215-216]. Практически единственным героем Гражданской войны объявлен И.В. Сталин (который был «заместителем Ленина в Совете обороны»), всякий раз, оказывающийся в самом опасном для революции месте. По ходу изложения добавляются другие герои Гражданской войны – Ф.Э. Дзержинский, М.В. Фрунзе, В.В. Куйбышев и В.И. Чапаев, а также «сибирские партизаны».

Белогвардейские генералы и адмиралы, а также установленный ими режим характеризуются в мрачно-кровавых тонах. Так, в Сибири А.В. Колчак «установил военно-монархическую диктатуру и восстановил царские порядки», крестьяне были поставлены в почти крепостнические условия, Колчак с особой жестокостью расправлялся с рабочими и большевиками, а под лозунгом «За единую неделимую Россию» жестоко душил национальное движение [7, С. 239, 240]. Аналогичная характеристика дана А.И. Деникину: «В районах, занятых Деникиным, происходила кровавая расправа над рабочими и крестьянами: Пролетарский Донбасс был залит кровью рабочих <...> Деникин на занятой им территории, как и Колчак в Сибири, вернул земли помещикам, восстановил власть помещиков и капиталистов и старые монархические порядки. На Украине был запрещён украинский язык. Селения горцев на Северном Кавказе сносились с лица земли. Дагестан был объявлен частью “единой неделимой России”. Во всех захваченных районах “Добровольческая армия” держалась лишь с помощью беспощадного террора» [7, С. 246].

Поскольку ещё была жива память об истинных участниках Гражданской войны, а роль Сталина была весьма скромной, то в учебнике фамилия Сталина маниакально повторяется из абзаца в абзац. «Организацию разгрома Деникина Центральный Комитет большевиков поручил товарищу Сталину. Ознакомившись с положением на Южном фронте, товарищ Сталин отклонил предательский план Троцкого, заключающийся в том, чтобы вести наступление на Деникина по линии Царицын – Новороссийск» [7, С. 248]. В финале рассказа о разгроме Деникина вновь повторяется: «Организатором побед Красной Армии над Деникиным был И.В. Сталин» [7, С. 249]. Вина за поражение в Польше целиком возлагается на “изменников родины” Троцкого и Тухачевского, а спас положение будущий «отец народов»: «Для руководства Красной Армией, действовавшей против белополяков, на Юго-Западный фронт был послан товарищ Сталин» [7, С. 258].

Сталин «отметился» и в разгроме Врангеля: «Товарищ Сталин, руководивший Юго-Западный фронтом, принял меры к тому, чтобы разбить выползшего из Крыма Врангеля», «Каховский плацдарм, созданный по мысли товарища Сталина, сыграл огромную роль в окончательном разгроме “чёрного барона”» [7, С. 261–262]. Правда, сам он не смог выехать на фронт, но его значимость показана с помощью простой лингвистической конструкции: «В начале августа врангелевский фронт был выделен в самостоятельный. Партия поручила товарищу Сталину сосредоточить все силы целиком на этом фронте, но

болезнь помешала ему завершить ликвидацию Врангеля. Во главе Южного фронта стал М.В. Фрунзе» [7, С. 262]. То есть Сталин мог бы сосредоточить все силы, но помешала болезнь.

В учебниках истории, вышедших после смерти Сталина, уже не подчёркивается его выдающаяся роль в Гражданской войне, исчезают «троцкистско-бухаринские изменники родины», но структура изложения остаётся прежней. Частично восстанавливается историческая правда: сообщается, что оперативное руководство боевыми действиями РККА осуществлял РВСР, но умалчивается – кто его возглавлял [8, С. 85]. Появляются и новые «герои» – мудрое руководство в лице не одного вождя, а коммунистической партии в целом: «Победу советского народа над интервентами и белогвардейцами обеспечило мудрое руководство Коммунистической партии, её великого вождя Ленина» [8, С. 121].

В годы Перестройки произошло переформатирование основного мифа, который лежал в основе советской политики исторической памяти (и пропаганды). «Процветающий советский народ» превратился в «страдающий советский народ». Было распространено убеждение, что достаточно заполнить «белые пятна» российской истории (особенно истории XX в.), и сразу будет получена «правдивая история» нашего недавнего прошлого. Что касается истории Гражданской войны, то в годы Перестройки начали открываться архивы, переводиться исследования зарубежных авторов, публиковаться мемуары участников белого движения, память о ком ранее замалчивалась.

Эти тенденции причудливо отразились в учебниках истории. Во-первых, стали раздвигаться рамки Гражданской войны. Если ранее началом Гражданской войны считалось выступление чехословаков, то теперь начальная дата стала отодвигаться вплоть до выступления Корнилова (июль 1917 г.). Это было связано с тем, что если раньше Гражданская война изображалась как борьба в международном масштабе – молодой Советской республики с империалистами и их наймитами в виде белогвардейцев, то теперь Гражданская война стала трактоваться как внутреннее дело страны. Во-вторых, Гражданская война из героического события нашей истории трансформировалась в трагическую её страницу. «Гражданская война – величайшая трагедия в истории нашей страны. Эта борьба приняла самые крайние формы, неся с собой взаимную жестокость, террор, непримиримую злобу», – пишут авторы учебника, изданного в 1992 г. [9, С. 200]. В-третьих, Гражданская война стала рассматриваться не только как военный конфликт (как это было в советских учебниках истории), но и как конфликт политический. В-четвёртых, красный террор (в советских учебниках – закономерная реакция на попытку покушения на В.И. Ленина), по сути, уравнивается с белым террором. Так, в цитируемом учебнике как пример красного террора (но в данном учебнике единственный) приводится расстрел Николая II и великой княгини Елизаветы Фёдоровны, «многие годы занимавшейся благотворительностью» [9, С. 204]. В-пятых, история Гражданской войны стала рассматриваться не просто как противоборство надличностных сил истории (клас-

сов), а как конфликт, в котором с разных сторон участвовали живые люди. В данном учебнике восстанавливается имя Троцкого, который возглавлял РВСР, много сделал для превращения РККА в революционную регулярную армию, принимал участие в разработке операций по разгрому Колчака, Деникина, Юденича, белополяков, работал в тесном контакте с Лениным, но проявил склонность к администрированию и силовому давлению [9, С. 210, 214]. Подробно освещены основные вехи биографии А.В. Колчака, отмечается, что «вся атмосфера созданного им режима, несмотря на личное бескорыстие Колчака, была пропитана духом алчности и наживы» [9, С. 215]. Так родился миф: «Хороший Колчак и плохая колчаковщина».

В этом учебнике ярко отразились и перестроечные веяния – противопоставление диктатуры демократии. Причём было это сделано очень умело. Была приведена цитата из сочинений советского публициста В.С. Рожицына (в 1920-е гг. активно занимался написанием антирелигиозных сочинений): «В России борьба общественных классов за власть может совершаться безболезненно, но может породить из себя жестокую гражданскую войну, а из гражданской войны рождается анархия, за которой как тень идёт реакция, и незаконное дитя реакции – вооружённый деспот, похититель народной воли. Народ, разделённый на враждебные классы, не может получить власть иначе, как в результате борьбы классов. Участие каждого класса общества во власти может выразиться в виде известного договора между ними. Захват всей власти только одним общественным классом означает его диктатуру, а, следовательно, открытую вооружённую борьбу против неё со стороны остального народа» [9, С. 151]. Отметим, данный текст В.С. Рожицын написал летом 1917 г., оценивая события Февральской революции и начало кризиса демократических иллюзий в российском обществе.

Иное воплощение перестроечных веяний отразилось в освещении политики «военного коммунизма»: из вынужденной политики большевиков она превратилась в некий «эксперимент» большевиков. Напомним, что здесь отразилась ещё одна тенденция обращения к истории в эпоху Перестройки: рассмотрение альтернатив развития, особенно нереализованных, но также и не существовавших в реальности. Так, в тексте разъясняется: «Война разрушала товарно-денежные отношения, деньги обесценивались. Однако к этим объективным условиям прибавлялась уверенность коммунистов в том, что социалистические производственные отношения можно создать по своему усмотрению, точно так же, как и “отменить” товарно-денежные» [9, С. 219].

О причинах победы красных в Гражданской войне нет ничего, но подробно рассказывается о нравственных и культурных потерях в тот период. Общий вывод по итогам Гражданской войны сформулирован так: «Попав на неподготовленную материальную и культурную почву, социалистическая идея претерпела жуткое перерождение: вместо обобществления пришло огосударствление, вместо свободного развития каждого – трудовая повинность, вместо самой передовой демократии – жестокая диктатура, вместо справедливости – уравни-

тельность. Пренебрежение к экономическим законам, интересам человека, его потребностям привело к тому, что страна оказалась в тяжелейшем кризисе» [9, С. 222]. Так получил окончательное оформление образ Гражданской войны как трагедии. В дальнейшем смещались акценты, добавлялись детали, но общая картина оставалась прежней.

В 1990-е гг. шла очередная трансформация фундаментального мифа, лежавшего в основе исторической памяти. Если в годы Перестройки виновником «страданий» советского народа объявлялся Сталин и его режим, то теперь источником трагедии «стала» коммунистическая партия в целом, Советская власть и ее политика. Гражданская война теперь виделась не просто трагедией российского народа, но основой сложившейся позднее системы «сверхгосударствления», способствуя укреплению бюрократизма, насилия и произвола, – заявляют авторы учебника истории, изданного в 1996 г. в Новосибирске [10]. Иностранная интервенция в советские годы изображалась основным участником и виновником Гражданской войны, в Перестройку (с приходом «нового политического мышления» и поворотом лицом к Западу) она трансформировалась во второстепенный фактор. В 1990-е гг. с политикой «открытости Западу» роль интервенции практически «исчезла», а в 2000-е гг. в ряде учебников и даже научных трудов по истории Гражданской войны – не упомянута вовсе.

Поскольку учебники истории должны были сориентировать в исторических событиях не только школьников и студентов (исторические представления которых можно было формировать что называется «с чистого листа»), но и для преподавателей, которые ещё хорошо помнили учебниковые рассуждения о роли интервенции в Гражданской войны. Авторы учебников стали прибегать к следующему приему: событие упоминается, но его значимость всячески уменьшена. Так, авторы вузовского учебника 1996 г. сообщают, что роль иностранной помощи в антибольшевистской борьбе нет оснований преувеличивать, так как иноземные войска были не столь многочисленны, чтобы оказать решающее воздействие на ход военных событий. К тому же у зарубежных противников российского большевизма не было должного единства действий. В их действиях присутствовали и корыстные интересы, в том числе, стремление к территориальным захватам, это характерно было, в первую очередь, для Японии. Так, оказав некую помощь Белому движению, иностранная интервенция в то же время дала важные пропагандистские аргументы большевикам, позволив им выступать в роли «спасителей России» [10]. В другом учебнике истории 1996 г. авторы излагают события так, чтобы внушить читателю, что иностранцы вмешались в события Гражданской войны на стороне красных: «Белое движение не было многочисленным <...> По своей численности они явно уступали Красной Армии, в которой численность только одного из самых непреклонных ударных отрядов – интернационалистов, среди которых были немцы, венгры, югославы, китайцы, латыши и другие, превышала 250 тыс. человек» [11, С. 156].

Поскольку красный террор в период Перестройки выглядел не так уж и ужасно на фоне белого террора, то авторам учебников 1990-х гг. пришлось прибегать к литературно-публицистическим приемам, чтобы вывести на первый план «ужасы красного террора». Вот что они написали: «Отличие состояло в том, что террор не объявлялся антибольшевистскими военными руководителями государственной политикой настоящего и будущего. Красный же террор был абсолютно осознанной государственной политикой» [11, С. 175].

Авторы другого учебника пишут: «Разумеется, белые также применяли репрессии; жестокость в период гражданской войны была обоюдной. Однако, при этом у белых бессудные расправы были, как правило, делом отдельных экстремистов и осуждались руководством, в то время как у красных они стали нормой. Кроме того, “белый террор” направлялся против реальных противников, в то время как у красных практиковались репрессии по “классовому признаку”: нередко людей арестовывали и расстреливали не за какие-либо враждебные действия, а за принадлежность к “буржуям”, помещикам и т.п. (к таким причислялись все более-менее обеспеченные и образованные группы населения)» [10].

В 1990-е гг. для анализа событий Гражданской войны и ее основных деятелей ряд исследователей возродили донаучную теорию «просчётов и ошибок»: если бы не просчёты белых, то они, конечно же, победили. Так, рассказывая о военных действиях А.В. Колчака весной 1919 г. авторы указанного выше учебника сожалеют о том, что вместо того, чтобы двигаться к Саратову на соединение с силами Деникина (и победа белых была бы обеспечена) Колчак начал наступать на Москву. Отметим, что подобная трактовка событий не была изобретением авторов учебника, а была заимствована ими из белогвардейской литературы (в частности у генерала А.П. Будберга, книгу которого издали в Новосибирске огромными тиражами). Разбитые белогвардейцы тщетно пытались выяснить причины своего поражения, сводя их к просчётам и ошибкам. Далее, рассуждая о причинах победы красных, авторы вновь прибегли к этой «теории»: если бы у белых были внятные цели, и они не откладывали решение ключевых проблем до победы над большевиками и созыва Учредительного собрания, то они обязательно победили. В другом учебнике появляется тема «запоздалого осознания ошибок» белым движением, в частности П.Н. Врангелем, который «стремился извлечь уроки из ошибок своих предшественников» и для этого «пригласил к сотрудничеству видных русских интеллектуалов и администраторов», но Ленин опередил его, направив против него одного «из самых способных и жёстких военачальников Красной Армии» М.В. Фрунзе, который бросил в бой “самые стойкие части”» [11, С. 161].

В 2000-е гг. на историческую память и массовое историческое сознание стал влиять новый фактор – ностальгия по идеализированному советскому прошлому [12]. В 1990-е гг. советская картина Гражданской войны оказалась просто «перевернутой»: красные из героев превратились в «злодеев», белые – наоборот. В 2000-е гг. красных перестали обличать как «злодеев», при этом белые оставались

в числе героев. Чтобы совместить эти противоречивые оценки была сформулирована идея Гражданской войны как «гражданской смуты»: в той войне не было победителей, а были лишь жертвы, причём к числу жертв, кроме простого русского народа, отнесли и белых, и красных. Так, в учебнике истории 2002 г. утверждается: «Окончание гражданской войны означало завершение затянувшегося революционного процесса. Российская империя рухнула. На её обломках возникла группа буржуазных и советских государств. Экономика разрушена. Города обезлюдели. Каждый десятый житель страны умер. Значительная часть очень тонкого слоя интеллигенции или погибла, или была выброшена за границу <...> Страна лишилась наиболее инициативной части своих граждан – предпринимателей. Революцию отсекла от России её прошлое – культуру, традиции, духовность» [13, С. 159]. Причиной поражения белого движения авторы реанимируют «географический детерминизм» эмигрантской публицистики: якобы красные оказались на территории с большим количеством ресурсов, опираясь на «однородную массу русского населения, на крупные отряды индустриальных рабочих, малообеспеченное крестьянство потребляющих губерний», а белые – на разнородное по социальному, национальному, конфессиональному и хозяйственному признакам население [13, С. 153-154].

Авторы учебника истории 2010 г. также пытаются внушить читателю, что хотя «ратное противоборство на полях сражений выиграла красные», но «братоубийственная война тем и страшна, что одинаково губительна для всех её участников. Она ведёт к духовному опустошению, деградации общества» [14, С. 107]. Учебники истории первого десятилетия XXI в., восприняв идею «гражданской смуты», не отказались окончательно от подходов 1990-х гг., поэтому они зачастую носят эклектичный характер [15–16].

Результаты исследования. Таким образом, можно выделить три последовательно сменявшихся образа Гражданской войны – «героический», «трагический» и «гражданская смута». Первый образ доминировал в советских учебниках, второй формировался в годы Перестройки, получив логическое завершение в 1990-е гг. Третий образ начал формироваться в начале 2000-х гг., но не вытеснил «трагический» образ Гражданской войны. В итоге, в учебниках истории с 2000 г. эти два образа причудливо переплетены, зачастую эклектично сочетаясь на страницах одного и того же учебника истории. В результате образ Гражданской войны в современном массовом историческом сознании остается размытым, ведя порой к «войнам памяти» и «войнам памятников».

Список источников и литературы

1. Цветков В.Ж. Отражение причин и последствий Гражданской войны в России в советских и современных российских учебниках истории (к вопросу о принципиальных различиях) // Преподавание военной истории в России и за рубежом. Сб. ст. М., 2018. С. 191–199.

2. Лямзин А.В. Действия чехословацкого корпуса в постсоветских учебниках истории // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 115–126.
3. Мамонтова М.А. Гражданская война на востоке России на страницах современных учебников истории // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Мат–лы III Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.). Омск, 2019. С. 149–152.
4. Останина Н.В. Актуальные вопросы истории Гражданской войны на страницах учебников истории России издательств «Дрофа» и «Просвещение» // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты. Сб. ст. Ижевск, 2018. С. 98–108.
5. Кокоулин В.Г. Гражданская война на Дальнем Востоке в исторической памяти постсоветской России // Забайкалье в отечественной военной истории. Мат–лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. Чита, 2022. С. 111–115.
6. Сарин Д.П. Особенности изучения Гражданской войны в рамках школьной программы при переходе на линейную систему преподавания истории России // Гражданская война в российской истории: взгляд через столетие. М., 2018. С. 161–170.
7. История СССР: учеб. для 10 кл. средн. шк. / под ред. А.М. Панкратовой. М., 1952. 424 с.
8. Берхин И.Б. История СССР: Уч. пос. для 9 класса. М., 1972. 240 с.
9. Жарова Л.Н., Мишина И.А. История Отечества. 1900–1940: Уч. кн. для старш. кл. средн. учеб. завед.. М.: Просвещение, 1992. 335 с.
10. История России с 1917 года до наших дней: Уч. кн. / В.А. Исупов, И.С. Кузнецов. Новосибирск: НГУ, 1996. 185 с.
11. Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. завед. М.: Дрофа, 1996. 496 с. С. 156.
12. Kokoulin V. Nostalgia for the Soviet Past in the mass historical consciousness of modern Russians // University of Bucharest Review: Literary and Cultural Studies Series. 2021. Т. 11. № 1. P. 53–64.
13. Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век. Пособ. для 11 кл. общеобразоват. учеб. завед. М.: Дрофа, 2002. 608 с.
14. Волобуев О.В. Журавлёв В.В. и др. История России, XX – начало XXI в.: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Дрофа, 2010. 318 с.
15. Волобуев О.В., Карпачёв С.П., Романов П.Н. История России. Начало XX – начало XXI века. Учеб. М.: Дрофа, 2016. 367 с.
16. История России с древнейших времён до наших дней: Учеб. / под ред. А.Н. Сахарова. М., 2011. 864 с.

Для цитирования: Кокоулин В.Г. Гражданская война в России в советских и постсоветских учебниках истории // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–20 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 184–191.

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФОНДЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Конев Кирилл Александрович¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

¹kk.tsu@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 3508-3819

Аннотация: В работе характеризуются обстоятельства поступления и состав коллекций печатных документов периода 1917-1922 гг. в фонде Научной библиотеки ТГУ. Обозначены ключевые направления работы с ними в ТГУ в рамках цифровой трансформации – работа по электронной каталогизации и оцифровке с целью последующего размещения на площадках открытого доступа – Электронной библиотеки ТГУ и платформе «PRO Сибирь».

Ключевые слова: Революция 1917 г., Гражданская война, периодическая печать, книги, листовки, оцифровка, библиотека, краеведение.

Постановка проблемы. Научная библиотека Томского государственного университета (НБ ТГУ) – одна из крупнейших вузовских библиотек Сибири. Ее фонд насчитывает свыше 3,5 млн. печатных документов, из них более 126 000 хранятся в Отделе рукописей и книжных памятников (ОРКП). В основу университетского книжного собрания легли частные пожертвования – личные библиотеки графа Г.А. Строганова, В.А. Жуковского, князей Голицыных, графа П.А. Валуева и другие коллекции, принадлежавшие государственным и общественным деятелям, ученым и библиофилам. К настоящему времени ряд личных книжных собраний и тематико-хронологических коллекций изучен сотрудниками университетской библиотеки и учеными ТГУ, что выразилось в публикации ряда статей, монографий и печатных каталогов. Основное внимание уделено дворянским библиотекам и славяно-русским и западноевропейским рукописным материалам. В меньшей степени изучены коллекции, относящиеся к первой четверти XX в.

События 1917-1922 гг. не могли не отразиться на состоянии фонда библиотеки, которая, как и весь университет, в этот период столкнулась с серьезными испытаниями. Тем не менее, фонд библиотеки пополнился за счет поступления значительного количества общественно-политической литературы и периодических изданий, выпускавшихся в это время. В последующие годы библиотечные хранилища продолжали пополняться за счет печатных и архивных документов, относящиеся к революционной эпохе. Это были как одиночные приобретения и дары, так и поступление личных книжных и архивных собраний

умерших, эмигрировавших или репрессированных лиц. Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий с 1917 г. в университетской библиотеке сложился комплекс печатных документов – книг, брошюр, газет и журналов, листовок, представляющий интерес для изучения революционных событий 1917 г. и Гражданской войны на востоке России. Цель данной работы – охарактеризовать состав коллекций печатных документов периода 1917-1922 гг. в фонде НБ ТГУ, обозначив ключевые направления работы с ними в рамках цифровой трансформации, происходящей в ТГУ.

Основная часть. Обстоятельства поступления изданий 1917–1922 гг. в фонд НБ ТГУ. Началом формирования коллекции изданий революционного периода в вузе можно считать воззвание главного библиотекаря Томского университета А.И. Милютина, который обратился ко всем существовавшим в Сибири политическим и иным организациям с призывом присылать в библиотеку издаваемые ими печатные материалы. Отмечая, что «библиотека лишена возможности следить за изменчивыми партийными изданиями», А.И. Милютин считал все же необходимым создать в стенах университета «полную краевую коллекцию» материалов, имеющих большое культурно-историческое значение, способных «осветить историю русской жизни вообще и Сибири в частности» [1, С. 3]. Последующие политические перемены в жизни Сибири и Томска также привели к существенному пополнению фонда библиотеки. С падением советской власти на востоке страны в начале июня 1918 г. в Томске возобновлена работа Сибирская областная дума, при которой планировалось организовать специальную библиотеку с читальней. На заседании Частного совещания делегатов Сибоблдумы и Всероссийского Учредительного собрания 25 июля было принято решение об образовании библиотечной комиссии. Эту работу поручили делегату Учредительного собрания, руководителю Тобольского губернского земельного комитета П.С. Суханову и члену Всесибирского совета крестьянских депутатов И.А. Черемных [2, С. 207]. В начале августа 1918 г. они обратились ко всем издательствам и редакциям газет региона с просьбой присылать в библиотеку «полностью все издания сибирской прессы безотносительно к оттенкам их политической мысли» [2, С. 245–246]. В библиотеку Сибирской областной думы, располагавшуюся, как и сама дума, в здании библиотеки Томского университета, стали поступать книги и газеты. Стал формироваться даже первый (рукописный) каталог новой библиотеки. Но деятельность думы осенью 1918 г. была приостановлена Временным Сибирским правительством. 26 ноября 1918 г. управляющий МВД А.Н. Гаттенбергер распорядился передать все имущество бывшей думы, включая библиотеку, в распоряжение Томского губернского комиссара Российского правительства [3, С. 165–166].

В конце ноября 1918 г. в Омске была создана Книжная палата – учреждение, осуществлявшее библиографический и статистический учет выпускаемой на территории, подконтрольной Российскому правительству, печатной продукции. Первоначально Книжная палата действовала в качестве отделения в соста-

ве департамента общих дел МВД [4, С. 173]. В дальнейшем, в середине мая 1919 постановлением Совета министров Российского правительства отделение было преобразовано во Временное бюро Книжной палаты в составе правительственного отдела печати. В каждом областном или губернском центре планировалось создать отделение палаты, которое занималось бы собиранием произведений печати. Их функции должны были на себя взять научные и учебные учреждения. В Западной Сибири такими центрами становились ЗСОРГО и Томский университет [5, С. 72].

С 15 по 26 января 1919 г. в Томске работал съезд по организации Института исследования Сибири. На одном из его заседаний выступил профессор по кафедре всеобщей истории Томского университета М.М. Хвостов с докладом «Собирание материалов по истории мировой войны в русской революции», в котором обратил внимание на необходимость сбора материалов, связанных с произошедшими событиями [6, С. 95-96]. «Особенно крупные события с конца мая 1918 г., – подчеркивал он, – разыгрались в Сибири, и они, конечно, очень интересуют будущих историков революции: из Сибири вышло современное новое движение». В силу этого докладчик полагал, что съезд по организации Института исследования Сибири должен был взять на себя «задачу устройства дела собирания материалов по истории русской революции вообще и сибирского ее периода в частности» [6, С. 96]. М.М. Хвостов предлагал обратиться к крупным сибирским книгохранилищам, в том числе Томского университета, с просьбой собирать необходимые материалы, в том числе и «периодические издания всех направлений». На том же заседании выступил библиотекарь Томского университета А.И. Милютин, рассказавший о мерах, уже принятых им в целях собирания рукописных и печатных материалов, характеризующих переживаемую эпоху. Так, в результате обращений в редакции сибирских газет и партийные организации в университетскую библиотеку поступили многие сибирские периодические издания и другая литература. Отмечалось, что «вторые экземпляры поступающих материалов откладываются в особые шкафы для будущей областной библиотеки Сибири» [6, С. 96].

При Институте исследования Сибири возникло библиографическое бюро, куда вошли М.К. Азадовский, П.Г. Любомиров, А.И. Милютин, М.Г. Курлов, Э.В. Диль и др. Под эгидой бюро началась работа по составлению сибирской библиографии, заведовал этим направлением А.И. Милютин. Также при институте начала формироваться своя библиотека, куда поступали печатные труды, присланные различными учреждениями, редакциями сибирских газет и журналов. К 1 ноября 1919 г. фонды библиотеки насчитывали 50 различных периодических изданий [7, С. 22–23]. С прекращением деятельности Института исследования Сибири летом 1920 г. его библиотека, включавшая, в том числе, библиотеку и архив «почетного гражданина Сибири» Г.Н. Потанина, поступила в библиотеку университета [8, С. 30].

Так, в ходе деятельности данных научных и политических институций в фонде университетской библиотеки постепенно складывалась коллекция книг и периодики. Другие издания также приобретались по подписке, получались бесплатно от издательств или органов власти, часть периодики поступила уже после установления Советской власти в Томске. В ряде случаев об источниках поступления свидетельствуют соответствующие записи в каталожных карточках и инвентарных книгах, которые ныне хранятся в Отделе комплектования и каталогизации библиотеки. Состав коллекции изданий 1917-1922 гг. в фонде НБ ТГУ. Все печатные документы, относящиеся к данному периоду, можно разделить на три больших группы: 1) периодические издания (газеты и журналы); 2) книги и брошюры; 3) листовки.

В фонде НБ ТГУ в настоящее время сосредоточена одна из наиболее крупных в России коллекций периодических изданий, выходивших на территории Сибири и Дальнего Востока в период Революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны. К данной коллекции следует отнести газеты и журналы, которые выпускались органами государственной власти, партиями, кооперацией и частными издателями на территории востока России в 1917–1922 гг. В меньшей степени представлены периодические издания Европейской части страны и других регионов. В настоящее время можно говорить о наличии более чем 400 наименований газет (в том числе однодневных) и более 130 наименований журналов, относящихся к рассматриваемому периоду. Необходимо отметить, что эти количественные данные уточняются и дополняются по мере того, как происходит просмотр и анализ фонда, и внесение новых данных в электронный каталог библиотеки.

Хранящиеся в НБ ТГУ газеты и журналы распределены по двум отделам библиотеки. В Отделе основного фонда (ООФ) находится большая часть газет, собранных в виде подшивок, а также некоторая часть сибирских журналов. В то же время другая часть сибирских журналов находится в ОРКП. В силу того, что в отделе фонд организован по коллекционному принципу, журналы периода 1917-1922 гг. распределены в ОРКП по коллекциям – «Томских изданий», «Сибирских изданий», «Изданий периода Революции 1917 г. и Гражданской войны в России». Как можно понять из названий коллекций принцип деления – территориальный, в первом случае отобраны все издания, напечатанные в Томске, во втором – в Сибири, в третьем – в других частях страны.

Этот же принцип применяется при хранении книжных изданий рассматриваемого периода. Часть из них находится в Основном фонде НБ ТГУ, часть – в ОРКП в составе ряда коллекций, выделенных по тематическому или хронологическому принципу. Наиболее интересной является коллекция «Изданий периода Революции 1917 г. и Гражданской войны в России», полностью отраженная в электронном каталоге библиотеки и насчитывающая 1680 наименований. В настоящее время ведется внесение данных обо всех изданиях 1917–1922 гг. в электронный каталог. По данным на сентябрь 2023 г. можно говорить о нали-

чий более чем 3500 наименований изданий, относящихся к периоду 1917–1922 гг. Тематика и назначение их разнообразны – публикации нормативных и уставных документов, общественно-политическая литература, пропагандистские издания, научные труды и учебная литература по различным отраслям знания, художественные произведения. Ряд изданий, например, издания антибольшевистских правительств востока России или работы авторов, попавших под репрессии в 1930–х гг. ранее находились в «Спецфонде» библиотеки, о чем свидетельствуют оттиски соответствующих штампов. Кроме того, сохранившиеся на некоторых экземплярах штампы, ярлычки, наклейки и надписи, в ряде случаев позволяют установить, где до поступления в университетскую библиотеку находились эти издания, и когда и каким путем попали в нее. В меньшей степени описан массив сибирских листовок, хранящийся в ОРКП. По предварительным подсчетам можно говорить о более чем 500 единицах, изданных преимущественно большевиками в период 1919–1922 гг. Дальнейший разбор данной коллекции, ее внесение в электронный каталог позволит изучить этот пласт материалов детально.

Все периодические и непериодические документы рассматриваемого периода доступны для читателей, работающих в читальных залах библиотеки. Поиск нужных изданий может осуществляться как с помощью оцифрованного карточного каталога, так и посредством электронного каталога НБ ТГУ, который постепенно пополняется новыми записями, содержащими информацию и об изданиях рассматриваемого периода. Как было отмечено, полностью была каталогизирована коллекция «Издание периода Революции 1917 г. и Гражданской войны в России», доступны в каталоге коллекции «Томских» и «Сибирских» изданий также содержащие документы, изданные в 1917–1922 гг. Осуществление поиска возможно по автору, заглавию, ключевым словам, или путем сплошного просмотра интересующей коллекции. Но каталогизация – лишь часть процесса, нацеленного на упрощение доступа исследователям к необходимым документам.

Оцифровка изданий 1917–1922 гг. в НБ ТГУ и дальнейшие перспективы работы. Сегодня значительная часть периодики востока России периода Революции и Гражданской войны оцифрована и доступна на сайте Электронной библиотеки (репозитория) ТГУ. Это позволяет исследователям свободно использовать эти уникальные источники при реконструкции политических, социально-экономических процессов, в изучении повседневности, читательских практик и процессов формирования идентичностей. В меньшей степени оцифрованы книги и листовки этого периода из фонда НБ ТГУ. В цифровой формат переведена пока лишь часть томских и часть сибирских изданий. Оцифровка книг и периодики, тем не менее, продолжается и сопряжена также с проведением реставрационных работ, требующих существенных временных затрат. На сайте Электронной библиотеки [9] все материалы сгруппированы по разделам и коллекциям. Большая часть оцифрованных периодических и непериоди-

ческих изданий 1917-1922 гг. доступна в разделе «Сибирь. Томск». Выход на оцифрованную версию книги (газеты) также возможен путем перехода по соответствующей ссылке в библиографическом описании издания в электронном каталоге.

С 2020 г. коллектив НБ ТГУ ведет работа по созданию цифровой платформы «PROСибирь» [10], где планируется собрать базу оцифрованных источников – рукописных, печатных, изобразительных и др., отражающих территориальное, экономическое и культурно-историческое значение Сибири и Дальнего Востока. Особенность платформы – не только организация доступа к цифровым копиям сибирских изданий, но и возможности для создания коллекций организаций-партнеров, полнотекстового поиска, формирования пользовательских коллекций и совместной работы, а также модуль для работы волонтеров. Основу платформы на начальном этапе работы составили цифровые копии сибирских и дальневосточных газет, в том числе, периода 1917-1922 гг. Все размещенные материалы представлены в формате PDF и имеют автоматически распознанный слой текста. Это позволяет осуществлять полнотекстовый поиск, но в силу особенностей дореволюционной орфографии и качества самих газет, это не всегда точно и возможно. И сейчас платформа стала площадкой для привлечения всех желающих к распознаванию текстов сибирских газет, что должно улучшить возможности поиска по тексту, а также служить продвижению и популяризации периодики как источника для микроисторических, генеалогических и краеведческих исследований. Перспективы развития платформы связаны с продолжением ее наполнения, расширением цифрового инструментария, привлечением партнеров-фондодержателей, интеграцией в образовательные практики [11, С. 146-147].

Результаты исследования. Сложившийся в НБ ТГУ комплекс печатных документов периода 1917-1922 гг. представляет большую ценность для исследований истории революционных событий и Гражданской войны на востоке России. Одна из крупнейших в стране коллекций периодики многие годы служит источником для реконструкции событий, анализа общественных настроений, изучения пропаганды и идеологии противоборствующих сторон. Оцифровка газет и журналов сделала их более доступными и, что важно, способствуя сохранности уникальных материалов. Хочется надеяться, что дальнейшая работа по оцифровке книг и листовок, а затем и архивных коллекций, относящихся к рассматриваемому периоду, поспособствует сохранению интереса исследователей к фондам НБ ТГУ. Электронная каталогизация, оцифровка и создание цифровых платформ, обладающих новыми инструментами и возможностями – позитивные факторы, расширяющие круг исследователей, давая доступ к источнику, ускоряют их работу, модернизируя инструментарий. Работа с источником в цифровой среде создает новые возможности для освоения профессиональных компетенций студентами-историками, а также позволяет «приобщить» к источникам и работе с ними неравнодушных «любителей» – волонтеров, начинающих краеведов, школьников и т.п. Вместе с тем, необхо-

димо отметить, цифровизация – не самоцель, а средство решения научных и иных прикладных задач. Стоит помнить о важности работы с оригиналом и сохранением доступа к нему. Именно поэтому библиотека остается важной и неотъемлемой частью учебного заведения, создавая в своих стенах рабочую творческую среду, где происходит взаимодействие источника, исследователя, преподавателя и студента.

Список источников и литературы

1. Воззвание // Сибирская жизнь (Томск). 1917. 21 апр.
2. Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь — август 1918 г.). Сб. док-тов и мат-лов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. 293 с.
3. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока: [В 5 т.. Т. 3 / В.В. Авдеев, С.В. Козлов, С.Н. Лютов и др.]; отв. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск: ГПНТБ, 2002. 435 с., [1] л. ил.
4. Молчанов Л.А. Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство: [к истории антибольшевистской государственности периода гражданской войны (1918–1920 гг.)]: сб. ст. М.: Посев, 2007. 207 с., [8] л. ил.
5. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.
6. Труды съезда по организации Института исследования Сибири / изданы под наблюд. Б.П. Вейнберга. Томск: [б. и.], 1919. IX, 121, 129, 123, 42, 31 с. разд. паг., [8] л. карт.
7. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. - 16 сентября 1920 г.). Томск: ТГУ, 2008. 264 с.
8. Колосова Г.И. Фонд Г.Н. Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник ТГУ. История. 2011. № 2. С. 29-33.
9. Электронная библиотека (репозиторий) ТГУ. Эл. дан. [Б. м.]. - URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Index> (дата обращения 31.08.2023)
10. PROСибирь. Эл. дан. [Б. м.]. - URL: <https://prosiberia.tsu.ru/> (дата обращения 31.08.2023)
11. Есипова В.А., Светличная Н.Н. Платформа PROСибирь: первый год работы и перспективы развития // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 139-154.

Для цитирования: Конев К.А. Источники по истории Революции 1917 г. и Гражданской войны в фонде Научной библиотеки Томского государственного университета // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 192–198.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО КРАСНЫХ И БЕЛЫХ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ИСТОЧНИКОВ (КЕЙС ПЕРМСКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ)

Корниенко Сергей Иванович¹

Ехлакова Алина Ринатовна²

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Пермь, Россия

² Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ kornienkoser@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 7870-4059

² alina.perm@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 3485-9892

Аннотация: В статье на основе комплексного анализа корпуса пермской губернской прессы периода Гражданской войны рассматриваются дискурсы, формируемые «красными» и «белыми» в агитационно-пропагандистском противостоянии. Цифровая трансформация в области гуманитарных наук создает новые возможности для анализа исторических источников и получения новой информации. Применение традиционных и компьютерных методов (частотный, N–грамм анализ, тематическое моделирование и др.) позволили выявить штампы, стереотипы и яркие высказывания в публикациях, определить тематические направления и разработать типологию, общие и особенные черты дискурсов в информационном противоборстве сторон, сделать вывод о конструируемых образах, которые зачастую были враждебны.

Ключевые слова: историческая имагология, информационная война, Гражданская война, Пермская губерния, периодическая печать, дискурс.

Постановка проблемы. Изучение событий Гражданской войны в целом и ее отдельных этапов и процессов продолжает быть актуальной научной задачей. Цифровая трансформация гуманитарных науках создает новые возможности для ее решения. Одним из малоисследованных вопросов является информационное противоборство красных и белых, проявлявшийся через создание и распространение агитационно-пропагандистских штампов и образов, призванных обеспечить информационную поддержку военно-политических действий сторон.

Одним из главных инструментов распространения информации среди народа, информационного воздействия в обществе в XX в. были газеты. В годы Гражданской войны в России появилось много периодических изданий разной

политической направленности, которые стали средой ведения информационной войны. Изучение периодики как исторического источника с позиций полноты, достоверности, репрезентативности создает возможности для изучения процесса информационной войны красных и белых как составной части войны гражданской, агитационно-пропагандистских дискурсов информационного противоборства сторон, оказавших влияние на ход и исход событий.

Научная значимость темы, ее актуальность подтверждается и состоянием ее разработки. Исследование истории Гражданской войны в России осуществляется в различных направлениях. Прежде всего, тема изучается в аспекте военного и политического противостояния: анализируются ход боевых действий на всех фронтах и отдельных территориях России. В таких исследованиях акцент, как правило, делается на военно-политической, социально-экономической ситуации в сложный период гражданского конфликта: от региональных битв небольших отрядов до военных действий с привлечением крупных войсковых группировок [1; 2; 3]. Указанные работы в основном опираются на архивные источники и сборники документов [4], но используются и материалы газет (Е.В. Волков, Д.Д. Ирвин опирались на материалы из газет "The Times" и "Manchester Guardian" 1918-1919 гг.). Тем не менее, при изучении проблематики статьи очень немногие авторы обращаются к прессе, тем более, к региональным газетам.

Если же говорить об изучении истории Гражданской войны в целом, то следует отметить, что в исследованиях последних трех десятилетий периодика времен революции и Гражданской войны используется чаще [5–8]. Обращались к газетной периодике и зарубежные исследователи истории революции и Гражданской войны в России (Э. Карр, Р. Лаккет и др.), но материалы газетных изданий служили для иллюстрации отдельных событий, в работах отсутствует анализ газет как источника, не уделяется внимание проблеме идейного противостояния на страницах периодики.

Когда же исследователи обращаются к изучению вопросов агитационно-пропагандистской деятельности, идеологического противостояния, то чаще всего используют визуальные источники [9–10]. Газеты как инструмент, среда агитационно-пропагандистской войны, содержащая штампы и образы, как исторический источник для изучения темы используется ограниченно в связи, в том числе, со своей массовостью. Важно, что региональные газеты эпохи Гражданской войны содержат важную информацию об этом событии не только регионального, но и общероссийского характера. Так, в газетах Пермской губернии публиковался значительный материал о Гражданской войне в России в целом, о событиях на Восточном фронте, о борьбе за Пермь между «красными» и «белыми». Последние 15 лет к газетам Перми, издававшимся в период власти колчаковского правительства, местные исследователи обращаются при изучении как региональной так и общероссийской истории [11–12].

В публикациях пермских газет с разных точек зрения получили освещение вопросы антисоветских, антибольшевистских правительств, характера и деятельности советского правительства, февральских и октябрьских 1917 г. событий и отношения к монархии, императору и его семье, о Временном правительстве и Советах, об интервенции союзных держав, об окончании Первой мировой войны, переговорах о мире, о революционном движении в России и за границей, о политических течениях, идеологиях и партиях. В газетах этого периода уже появились визуальные материалы: карты, схемы, фотографии и рисунки. Таким образом, в исследованиях газеты рассматриваются как инструмент информационного воздействия на общество, как средство информационного обеспечения военно-политических, социально-экономических, культурных действий различных правительств и политических сил, инструмент и среда информационного противостояния «белых» и «красных» в годы Гражданской войны, а также как важный источник для изучения истории Гражданской войны и связанных с ней процессов и событий.

Основная часть. В ходе реализации проекта «Идейно-политические и агитационно-пропагандистские дискурсы «белых» и «красных» в информационном противоборстве на Восточном фронте Гражданской войны (по материалам газетной периодики 1918–1922 гг.)» источниковый массив публикаций пермских газет был организован в информационной системе «Пермская губернская периодика: 1914–1922» (<http://permnewspapers.ru/>) и проанализирован с использованием не только традиционных, но и компьютерных технологий. Представляется, что опыт такого исследования и его результаты представляют интерес и рассматриваются в данной работе.

Мы проанализировали публикации в газетах не только как источниковую единицу, но и как коллекции и информационные массивы, организованные по принадлежности к сторонам конфликта, тематическим, хронологическим, формальным и иным признакам. На основе полнотекстовых версий выпусков газет и публикаций, находящихся в информационной системе и извлекаемых с помощью запросов к ней, сформированы корпус и подкорпуса электронных текстов с целью извлечения данных и анализа информационно-пропагандистских дискурсивных практик в периодической печати красных и белых различными методами и инструментами для решения исследовательских задач и получения содержательных результатов. Первоначально создавались подкорпуса по отдельным газетным изданиям, затем они объединялись в более крупные подкорпуса отдельных газет, которые впоследствии были объединены в единый корпус включающий тексты и «белых», и «красных» газет. Все подкорпуса в корпусе имеют единую разметку и могут быть проанализированы как в целом, так и в различных комбинациях и по отдельности.

Были созданы перечни (списки) словоформ, словосочетаний для формирования в дальнейшем лексических структур и смысловых категорий для анализа дискурсов и выявления их различных лингвистических и смысловых конструкций. Применение частотных методов анализа текстов, в частности N-грамм-анализа позволило определить семантическую последовательность определенных слов и словоформ, составляющих устойчивые словосочетания (коллокации), выделить основные словоформы и лингвистические конструкции, при помощи которых в газетах формировались образы красных и белых в информационном противостоянии. Это говорит о том, что для создания образов использовались повторяющиеся фразы и устоявшиеся обороты, как для характеристики Сибирской армии, так и для описания союзников и противника. Так, в исследованных «белых» изданиях, говоря о советской власти, авторы использовали слова и словоформы «свержение», «освободиться от», «непризнание», «изгнания». А противоборствующее правительство и А.В. Колчак описывались как военные и государственные деятели с использованием определений «Верховная власть», «Верховный главнокомандующий», «единоличная», «демократия». В итоге, были созданы тезаурусы, характеризующие лексические конструкции, смысловые стереотипы и шаблоны, как основы дискурсов белых и красных в военной и в военно-политической, политической, социальной, экономической и др. областях.

Анализ словоформ, относящихся к военной сфере, показал, что одним из часто используемых в дискурсах и красных, и белых была словоформа «враг» и лексические конструкции, основанные на ней, использовавшиеся в разных контекстах. Так, в белых изданиях с этим дискурсивным маркером наиболее часто встречались лексические единицы, необходимые для формирования дискурсов, показывающих активные действия и превосходство белых войск: «враг дрогнул», «сбит», «врага атаковали», «заставлять врага разговаривать» и т.д. Применительно к дискурсам в военно-политической области одной из характерных конструкций были такие сочетания маркера «враг» в стереотипах и шаблонах, относящихся к большевикам: «враги законности», «враги народа», «наши враги», «враги свободы», «враги родины», «враги церкви», «враги государства», «враги и грабители», «враги и убийцы». Иногда к этим словосочетаниям добавлялись определения «вооруженные», «попирающие все права» и др.

Тематическое моделирование текстов массивов публикаций газет показало, что к основным направлениям информационного противостояния относятся темы в военной и военно-политической, политической, экономической, социальной областях. О тематике и содержании информационной войны красных и белых в газетах периода Гражданской войны также дает представление типологический анализ дискурсов.

Результаты тематического моделирования и анализа типологии, исследование дискурсов и дискурсивных практик красных и белых в газетной периодике показали преобладание военного и военно-политического направления и соответствующей ему тематики и содержания. В указанных рамках содержательно и тематически дискурсы связаны с формированием образов основных противоборствующих военно-политических сторон – образов своих и врагов, представлений о ходе и результатах боевых действий, о военно-политических целях, которых добиваются стороны. Для этого направления для каждой из сторон характерны дискурсы, направленные на создание образов своей военной силы, справедливости целей, успешного хода борьбы, обеспечения поддержки населением процессов мобилизации, политики и действий в целом.

По тематике и содержанию дискурсы военно-политического направления были связаны с образом и общей оценкой вооруженных сил сторон. Для образа красных и их вооруженных сил у белых и их сторонников достаточно часто использовался такой штамп как красные - банды. Для образа собственных вооруженных сил использовалось словосочетание «доблестная армия». Деятельность большевиков и красных вообще описывалась, как правило, с использованием таких словоформ как «террор», «иго», «зверствуют», или словосочетания «народ – жертвы большевиков».

Следующим по частоте встречаемости типа дискурсов в публикациях белых и красных газет было направление информационного противостояния в политической области. Тематически и содержательно оно содержало вопросы власти, политических сторонников и противников – врага, геополитического пространства – «своей» и вражеской территории, вопросы международного положения и внешней политики, отношений с иностранными государствами, государства и его будущего, государственных и политических деятелей, государственных, политических и общественных институтов и др.

Тематика и содержание направления идейного противоборства в области социальной политики очерчивала вопросы места и роли классов (в «красных» газетах), различных социальных слоев и групп в актуальный период, а также задач социальных структур в информационном и вооруженном противоборстве. На страницах газетных изданий размещались отчеты о работе социальных институтов, чтобы сформировать картину жизни населения на определенной территории, находящейся под управлением одной из сторон. Важно отметить, что большевики в своих дискурсивных практиках описывали задачи разных классов или социально-профессиональных слоев, при этом пропагандируя идею единства в рамках трудящихся классов. Белые же, наоборот, заявляли главной целью свержение большевиков путем единения всех социально-классовых групп и слоев.

Тематика и содержание агитационно-пропагандистского противоборства в экономической сфере в целом у «красных» и «белых» оказались схожи: в первую очередь нужно восстановить народное хозяйство после мировой войны, затем обеспечить дальнейшую работу в будущем государстве. Но дискурс «красных» имел отличия – проводилась аналогия хозяйственного фронта с военным, а дискурс «белых» скорее описывал прежний тип экономики. Важно отметить, что все перечисленные направления в целом принадлежат к разновидностям политического дискурса, медиадискурса, а также могли взаимопроникать. Публикации могли содержать сразу несколько тематических дискурсов и относиться к ряду направлений идейного противоборства.

Результаты исследования. Анализ материалов, содержащих агитационно-пропагандистские штампы и образы «красных» и «белых», позволил выделить особенности дискурсов каждой из сторон, и на формальном уровне, и на содержательном. На формальном уровне можно выделить изменения в структуре изданий. Хотя в целом издания повторяли структуру дореволюционных газет, период Революции и Гражданской войны привел к появлению новых дискурсов, а также новых рубрик и форм публикаций – в «красных» газетах, например, публиковались странички красноармейцев, рабочих, юных коммунаров. Новой формой оказались и лозунги – легко запоминающиеся, эмоционально окрашенные фразы, близкие основной аудитории газет – крестьянам и рабочим. Белые издания в основном не вводили новых рубрик и типов публикаций. Могли меняться заголовки: появилась рубрика «В Совдепии», «В Советской России», но в целом она соответствовала стилю старой рубрики «По России».

Содержательные же различия более значительны по характеру формируемых образов и штампов, и в конечном итоге, дискурсов. Важно отметить, что наиболее ярко различия дискурсов внутри политических сил белых проявились именно в политическом направлении – это было связано с отсутствием единой политической идеи у антисоветских участников конфликта, в силу чего нередко формировались отличающиеся дискурсы. Так, газеты «Свободная Пермь», «Современная Пермь» и «Отечество» проводили идеи кадетов. В редакционных статьях этих газет пропагандировались: сильная единоличная власть, необходимость конституции и демократизации в целом, большие полномочия земствам. Создавался образ главы государства, для кого служить – высшая цель. В «красных» газетах дискурс государственности формируется как власть Советов с акцентом на демократический характер. Используются словоформы: «Советская», «крестьянская», «революционная», «трудовая», что подчеркивало не только территорию, находящуюся под властью Советов, но и принадлежность власти трудящимся. В публикациях признавалось использование террора как «наказание» противника, но существовал и террор «белогвардейский», «белый», «контрреволюционеров».

В «белых» изданиях дискурс власти связывался с образом А.В. Колчака как политической силы, сопряженной с понятиями «законность», «порядок», «свобода». Образ государства формировался через категории восстановления и возрождения прежней «великой», «всея», «свободной» России, через декларирование объединения народа для достижения главной цели – возрождения великой России.

Во многом формируемые дискурсы зависели от издателя, редакции и авторов статей. «Красные» издания использовали более понятный широким массам стиль письма и выразительные фразы, публиковали яркие лозунги для привлечения. «Белые» газеты тяготели к традиции дореволюционных изданий. Разные стили проявлялись и в авторстве материалов: публикации «белых» изданий писали бывшие земские, партийные деятели, преподаватели и др.; «красные» газеты печатали статьи авторства не только профессиональных журналистов, но и простых рабочих и крестьян. Была и общая черта противоположных дискурсов – обе стороны использовали ложные сведения, дабы показать наиболее выгодно свою мощь, ход военных дел, количество пленных, ресурсы [11]. Сравнительный анализ агитационно-пропагандистских штампов и образов в дискурсах красных и белых, их особенностей у каждой из сторон свидетельствует об их крайней противоположности, характеризующейся в большинстве случаев открытой враждебностью.

Источник финансирования

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 20–09–00443 «Идейно-политические и агитационно-пропагандистские дискурсы «белых» и «красных» в информационном противоборстве на Восточном фронте Гражданской войны (по материалам газетной периодики 1918–1922 гг.)».

Список источников и литературы

1. Плюйко Д.В. «Белый» террор как основная форма социального противостояния на территории Сибири в трудах первых советских историков Гражданской войны // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012. Вып. 1. С. 131-135.

2. Агарков А.Ф., Меняйло Л.Н., Шахов В.В. Вооруженное противостояние красной и белой армий на территории Белгородского уезда летом-осенью 1919 года // Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях: сб. мат-ов IX Междунар. заоч. науч.-практ. конф., посвящ. 165-летию В.Г. Шухова (Белгород, 17 нояб. 2017 г.). Т. 1. Белгород, 2017. С. 16-22.

3. Разиньков М.Е. Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. Saarbrucken: Lap Lambert, 2012. 187 с.
4. Белое дело. Избранные произведения в 16 кн. М., 1993-2003.
5. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
6. Криворотов А.В. Буржуазная печать Сибири в период революции 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. Томск. 1994. 150 с.
7. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.
8. Шереметьева Д.Л. Динамика численности газетной прессы Сибири в период революции и Гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX века. Сб. ст. Вып. 3. Новосибирск, 2012. С. 59-79.
9. Наталенко А.Д. Противостояние «красных» и «белых» в советском плакате // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: мат–лы VI Всеросс. студ. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (Новосибирск, 22–24 нояб. 2017 г.). Новосибирск: НГПУ, 2017. С. 4-5.
10. Зараян Е.В. Особенности формирования образа врага у белогвардейцев // История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: мат–лы междунар. науч.-практ. конф. М.: ЦМВС РФ, 2016. С. 358-363.
11. Обухов Л.А. Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны (на примере газет г. Перми периода колчаковщины) // Власть. 2012. № 4. С. 131-133.
12. Лобанов Д.А. Пермская стрелковая дивизия армии Колчака. 1918 – 1920 гг. // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия: Альманах. М., 2001. № 5. [Эл. рес.]. Режим доступа: <http://possev.org/book/bg/bg501/501-6.htm> (дата обращения – 31.08.2023)

Для цитирования: Корниенко С.И., Ехлакова А.Р. Информационное противоборство красных и белых на восточном фронте Гражданской войны: подходы к анализу источников (кейс Пермской газетной периодики) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 199–206.

РАБОТА КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ ИШИМСКОГО УЕЗДНОГО ВОЕНКОМАТА НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1921 г.

Лешукова Елена Владимировна ¹

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

¹ leshukova1971@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 7654–5897

Аннотация: На основании анализа ведомственного делопроизводства дана характеристика состава и основных методов работы комиссии по борьбе с дезертирством Ишимского уездного военкомата на рубеже 1920–1921 гг. Установлено, что на заключительном этапе Гражданской войны в Ишимском уезде к дезертирам, их родственникам, а также оказывавшим им помощь должностным лицам широко применялись экономические меры воздействия (конфискации имущества, штрафы) и методы убеждения (митинги, беседы), репрессии.

Ключевые слова: советская власть, Гражданская война, РККА, военкомат, дезертирство, повседневность.

Постановка проблемы. По декрету СНК РСФСР «О волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам» с 8 апреля 1918 г. на подконтрольной советской власти территории России началось формирование новых органов военного управления – комиссариатов по военным делам (военкоматов). В силу специфики задач, определённых декретом «для проведения в жизнь мероприятий годного к военной службе населения по призыву, формированию вооруженной силы Российской Советской Республики, обучению поголовно всех рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян военному делу» [1, С. 19], с самого начала своего появления и до настоящего времени военкоматы – основные органы, занимающиеся комплектованием армии в стране. Текущие внешнеполитические угрозы для России делают изучение опыта функционирования этих структур актуальной научной задачей.

На территории РСФСР к концу 1918 г. действовало 7 окружных, 39 губернских, 395 уездных и около 7000 волостных военкоматов [1, С.19]. В Сибири их создание стало одним из первых шагов по восстановлению советской власти. Приказом Уральского военного округа от 14 ноября 1919 г. был создан Ишимский уездный военкомат. Первые полгода он двойственно подчинялся местному уездному ревкому и Омскому губернскому военкомату. Со 2 марта 1920 г. территориально стал относиться к Западно-Сибирскому военному округу [1, С. 23, 27], а с 21 апреля 1920 г. после возвращения Ишимского уезда в состав Тюменской губернии [2, С. 8, 58] перешёл в подчинении Тюменскому губернскому военкомату.

Структура Ишимского уездного военкомата на момент создания включала 7 отделов, в том числе, комиссию по борьбе с дезертирством – уездкомдезертир. Во время Гражданской войны понятие «дезертир» толковалось широко, охватывая все формы уклонения от военной службы [3, С. 175]. В одном из первых советских законодательных актов, направленных на борьбу с этим явлением – постановлении Совета рабочей и крестьянской обороны «О дезертирстве» от 25 декабря 1918 г. – оно признано «одним из самых тяжких и позорных преступлений»[4]. Цель нашей работы – подробный анализ состава и основных аспектов деятельности комиссии по борьбе с дезертирством Ишимского уездного военкомата на рубеже 1920–1921 гг.

Основная часть. На момент создания штат сотрудников Ишимского уездного военкомата составлял 108 чел., из них 10 – входили в уездкомдезертир. На них были возложены обязанности: задержание и привлечение к ответственности дезертиров и укрывателей, пособников и попускателей к дезертирству, контроль над деятельностью отделов обеспечения семей красноармейцев, агитация, обследование воинских частей и эшелонов, поверка гражданских учреждений города Ишима и уезда в порядке постановления Совобороны от 4 февраля 1920 г. [1, С. 37]. Председателем комдезертир был уездный военком. Его обязанностью было общее наблюдение за деятельностью комиссии. По факту этой работой руководил его заместитель (зампредком); ему подчинялись 2 члена комиссии и 2 уполномоченных. Один из членов комиссии заведовал оперативной частью, отвечая за организацию и проведение в Ишиме и уезде облав и других операций по задержанию дезертиров. Другой заведовал следственной частью: разбором, учётом и задержанием дезертиров [1, С. 38]. Уполномоченные исполняли поручения оперативного и следственного характера, проводили разъяснительную и агитационную работу с населением. Остальные сотрудники комиссии были работниками канцелярии; ими руководил управляющий делами. В его непосредственном подчинении находились старший и младший делопроизводители, переписчик и рассыльный. Все сотрудники комиссии в рассматриваемый период, за исключением рассыльной, были мужчины. Рассыльная Решавская Елизавета, судя по фамилии, приходилась родственницей управделами Решавскому Николаю.

Работа сотрудников комиссии хорошо оплачивалась. По сохранившимся спискам на выдачу жалования за декабрь 1920 – апрель 1921 гг. зампредком и члены комиссии получали в месяц 1750 руб., управляющий делами и старший делопроизводитель – 1350 руб., младший делопроизводитель – 1200 руб., переписчик – 970 руб., рассыльный – 690 руб. Жалование выплачивалось дважды в месяц [5, Д. 98. Л. 4]. Для сравнения: жалование заведующего финансовым отделом Ишимского уезда тогда составляло 1650 руб., бухгалтер уездного финотдела получал в месяц 1450 руб., счетоводы – до 1300 руб., сметчики – 1100 руб., рассыльный – 730–690 руб. [6, Д. 16. Л. 16–17]. Для работы Ишимской уездкомдезертир в месяц на покупку свечей было израсходовано 650 руб.,

20 фунтов керосина – 362 руб., 20 пачек спичек 20 руб., уплачено за мытьё полов 345 руб. [5, Д. 98. Л. 58].

В письме Тюменской губернской комиссии по борьбе с дезертирством от 20 сентября 1920 г. подчеркивалась значимость уездных комиссий и ответственность их сотрудников: «Комдезертир особенно является весьма важным учреждением – сведения имеют совершенно секретный характер, а потому предлагаю: 1) немедленно проверить состав сотрудников вверенной Вам комиссии, 2) объявить под расписку всем сотрудникам п. 3 приказа по Губкомдезертир за № 263 и 3) установить ответственным работникам и всем коммунистам секретный надзор за всеми сотрудниками помня тот долг, которому обязывает их положение» [5, Д. 8. Л. 110–110об.]. Ишимскому уездному военкомату до 21 апреля 1921 г. подчинялись волостные военкоматы, направлявшие в уездкомдезертир оперативные сводки, включавшие сведения о количестве объездов селений, облав, арестов дезертиров, отношении населения волости к дезертирам, а также оказание хозяйственной помощи и выдачу пособия семьям красноармейцев и общее настроение населения по отношению к власти. По этим источникам на январь 1921 г. в 57 волостях Ишимского уезда проживало 14 161 семья красноармейцев [5, Д. 74. Л. 5].

Из 10 сотрудников уедкомдезертир Ишимского военкомата сохранились документальные материалы только на троих (одно личное дело и два послужных списка): уполномоченного Ф.М. Амелина, делопроизводителей П.Д. Гилева и М.В. Носкова [5, Д. 179, 222, 320]. Последние были местными жителями – уроженцами Ишимского уезда. Амелин родился в 1890 г. в Орловской губернии. Непродолжительно – с 6 по 15 июля 1919 г. – он находился на Южном фронте, где был ранен. После излечения был отпущен в отпуск на 2 месяца. Прибыв в Ишим, явился уездному военкому, где сдал проходное свидетельство и удостоверение отпуска», был назначен уполномоченным членом комиссии по борьбе с дезертирством Ишимского уезда с 18 сентября 1920 г., а 14 марта 1921 г. откомандирован «в распоряжение Тюменского губкомдезертира» [5, Д. 179, Л. 2].

В послужном списке М.В. Носкова, 1890 г.р. в разделе «Прохождение службы» есть лишь 4 записи: «Поступил на службу по вольному найму в Ишимский уездный военный комиссариат на должность члена комиссии по борьбе с дезертирством 1 февраля 1919 г.». Затем 1 октября 1920 г. «убыл в распоряжение Тюменского губернского комдезертира», 3 ноября 1920 года «прибыл из Тюменского губкомдезертира на должность уполномоченного», а 14 марта 1921 г. «перемещён на должность делопроизводителя» [5, Д. 320, Л. 2]. Почему за время непродолжительной работы в уездкомдезертире его дважды понижали в должности, что с ним случилось далее, по имеющимся документам установить невозможно. Больше всего сведений есть в личном деле П.Д. Гилева, 1897 г.р. Он был одним из самых опытных сотрудников, находился на военной службе с 1916 г. В царской армии был старшим писарем в 27-м

запасном полку (демобилизован 22 декабря 1917 г.); с 22 декабря 1918 г, мобилизован в белую армию на должность полкового писаря. С 19 декабря 1919 г. перешёл в РККА, где с 23 декабря назначен письмоводителем в 27-й дивизию 5-й армии, откуда 30 июня 1920 г. переведен делопроизводителем в Ишимский увоенкомат. Хотя Амелин и Гилев были женаты, никто из них в рассматриваемый период не имел детей. По таким скудным сведениям сложно судить о квалификации сотрудников комиссии, из которых далеко не все имели должный военный опыт. Но в работе они действовали достаточно жестко.

За несвоевременное предоставление оперсводок в уездкомдезертир были наказаны военкомы Сладковской и Рыньковской волостей: первый 2 февраля 1921 г. был оштрафован на 300 руб. «с заменой работ для семей красноармейцев», второй был арестован [5, Д. 75, Л. 59, 81]. После того, как комиссия выяснила, что только 5011 семьям красноармейцев Ишимского уезда выплачено пособие уездным отделом соцобеспечения, всего лишь 1980 семей получили хозяйственную помощь [5, Д. 74, Л. 5–5об.], а в Аромашевской, Безруковской, Готопутовской, Казанской, Лихановской, Малышенской, Рыньковской волостях ни одна красноармейская семья не получила пособия, председатель уездного исполкома Кузьмин «за плохую постановку работ в Ишимском уездном отделе социального обеспечения по выдаче пайка семьям красноармейцев Ишимского уезда» протоколом заседания Ишимской уездкомдезертир от 27 января 1921 г. № 12 был отдан под трибунал [5, Д. 74, Л. 3]. Вместе с ним уездкомдезертир направила под суд ряд иных должностных лиц – заведомо Управления Ишимского Уездисполкома Горностаева, упродкомиссара Гуськова и его заместителя Карпова «за закрытие Ишимского уездного отдела социального обеспечения, следствием чего явился тормоз в выдаче пайка семьям красноармейцев Ишимского уезда». Под суд ревтрибунала «за укрывательство дезертиров» также отданы военный руководитель Ялуторовского уездвоенкомата, заведующий Ишимской государственной типографией, красноармейцы 181-го полка войск ВНУС Привалов Василий и Акель Петр за незаконное вмешательство в дела Ишимской уездкомдезертир [8, Д. 74, Л. 3–3об., 8] и др.

Приказом № 18 Ишимской уездкомдезертир от 13 сентября 1920 г. [6, Д. 10, Л.59-59об.] совокупно наказан 21 чел., из них собственно за дезертирство – 6. Кроме них за волокитство, неприятие своевременно мер, неоказание хозяйственной помощи семьям красноармейца наказанию подвергнуто 8 должностных лиц, ещё 7 наказаны за халатности по службе, укрывательство дезертиров, принятие их на службу, за выдачу регистрационной карточки военнообязанного дезертиру. Все наказания эти несли экономический характер – штрафы на различные суммы и конфискации имущества. Имущество, конфискованное у всех дезертиров Ляпина Петра, Ташлыкова Максима, Кузьмина Андрея, Скочкова Луки, Частухина Степана, Журавлева Елисея передано семьям красноармейцев – их односельчанам. Штрафам подверглись должностные лица и служащие: на 100 руб. – заведующий подотделом посевной площади Ишимского земотдела

«за волокитство, проявленное по поводу ходатайства красноармейца Кувыкина об оказании его семье хозяйственной помощи»; на 300 руб. – делопроизводитель В.–Скарединского сельского исполкома «за халатное отношение к служебным обязанностям, следствием чего было необъявление в дер. В.–Скарединской Кротовской волости приказа о мобилизации прапорщиков»; на 500 руб. – Губарев Василий «за укрывательство дезертира Ажнова Григория». На 1000 руб. были оштрафованы военные комиссары 3-х волостей Тушнолобовской, Ларихинской и Жилияковской «за незаконную выдачу регистрационной карточки, установленной для военнообязанных, дезертиру Федору Болдыреву», «за халатное отношение к делу мобилизации родившихся в 1901 г., следствием чего было неправильное признание дезертиром родившегося в 1902 г. гражданина Ларихинской волости Плюхина Ивана», «за неокказание хозяйственной помощи семье красноармейца Чиркова». Самый высокий штраф 1500 руб. назначили заведующему Ишимским лесным комитетом и подотделом Ишимского упродкома «за принятие на службу дезертира» [6, Д. 10, Л. 59]. При неуплате суммы в полном объеме штраф заменялся принудительными работами в хозяйстве семьи красноармейца до 10 дней по уборке урожая и ремонту.

Часто с санкции уездкомдезертир шли конфискации имущества у семей дезертиров, которые в докладе о деятельности комиссии за январь 1921 г. названы «репрессиями». Так, в январе 1921 г. было произведено 17 конфискации имущества, изъято: 11 овец, 6 коров и 5 лошадей. «Всё конфискованное имущество передано в волостные комиссии по оказанию помощи хозяйствам красноармейцев» [5, Д. 74, Л. 10об.].

Кроме экономических мер уездкомдезертир широко использовала и методы убеждения – митинги, беседы и собеседования с отдельными военнослужащими по разъяснению вреда дезертирства. Так, в январе 1921 г. зампред комиссии провел 2 митинга: в Ишиме и в Голышмановской волости, «произведено им же собеседований в воинских частях г. Ишим – 24, произведено им же собеседований в Голышмановской волости – 2, в Усть-Ламенской – 1, в Карасульской – 1, в Безруковоской – 1» [5, Д. 8, Л. 11]. Не сидели сложа руки и другие сотрудники комиссии: уполномоченный Амелин провёл 20 собеседований, его коллега Носков – 33, всеми другими сотрудниками уездкомдезертир Ишимского военкомата за январь 1921 г. в волостях уезда было проведено 109 собеседований [Там же, Л. 11–11об.].

Но большинство методов комиссии носило репрессивный характер. Одно из главных мест занимали облавы (в делопроизводстве – «массовые кампании против дезертиров») [5, Д. 74, Л. 6]. Облавы шли и по волостям уезда, и в самом городе, особым летучим отрядом велись на железнодорожной станции Ишим и проходящих через нее поездах. В одном из отчетов подробно описан такой рейд: «Частичная облава в квартирах города Ишима произведена 30 января следующим образом. Из красноармейцев 254-го полка войск ВНУС было организовано пять отрядов, по пять красноармейцев. В каждом в каждый отряд был

назначен ответственный руководитель из членов уполномоченных и агентов Ишимской Укомдезэртир. Ответственным руководителям было дано задание в определённом квартале города произвести проверку документов у граждан, оказавшихся без документов задерживать и представлять в помещения укомдезэртир. Частичная облава была произведена на улицах города, началась она в 11 ночи 30 января и закончилась в 5 часов утра 31 января» [5, Д. 74, Л. 6]. Тогда задержали 20 дезэртиров труда, военных дезэртиров задержано не было. В волостях Ишимского уезда в январе 1921 г. волостные военкомы произвели 207 объездов и 63 облавы, выявив 27 дезэртиров [5, Д. 74, Л. 5–5об.], больше всего дезэртиров по 2–3 чел. обнаружено в Абатской, Копотиловской, Петуховской, Сладковской, Чуртанской волостях. В январе 1921 г. комиссия провела проверку списков личного состава и персональную проверку документов по отношению к отбыванию воинской повинности у служащих 6-ти учреждений уезда: уездного лесного комитета, уездного союза кооператоров, молочной станции, Ишимской государственной типографии, уездного экономического отдела, Ишимской уездной милиции. «В результате поверки из Ишимской Государственной типографии изъят один дезэртир, уклонившийся от мобилизации при призыве, родившийся в 1899 г., заведующий Ишимской государственной типографией предан военно-революционному трибуналу за укрывательство дезэртира, а делопроизводитель этой же типографии будет подвергнут аресту на 10 суток за халатное заполнение списка на служащих» [5, Д. 74, Л. 10].

Но, несмотря на масштабы и строгость мер, отношение населения к дезэртирам в Ишимском уезде нельзя считать негативным. Так, 17 января 1921 г. военком Викуловской волости доносил, что настроение населения волости «обострено, к вылавливанию дезэртиров идёт навстречу неудовлетворительно» [5, Д. 75, Л. 16об.]. 22 января 1921 г. военком Озеровской волости отмечал, что «население не оказывает содействия в вылавливании дезэртиров» [Там же, Л. 67об.], 24 января 1921 г. военком Ларихинской волости оценивал настроение населения и отношение к дезэртирам как «неопределенное» [Там же, Л. 3об.], 26 января военком Тушнолобовской волости отмечал «настроение спокойное, отношение к дезэртирам доброжелательное» [Там же, Л. 79об.], 28 января 1921 г. военком Евсинской волости докладывал: «Общее недовольство по поводу хлебных развёрсток и рубки дров! К дезэртирам отношение сочувственное» [Там же, Л. 66об.], 25 февраля 1921 г. военком Абатской волости отмечал, что настроение населения волости и отношение к дезэртирам «пассивное» [Там же, Л. 75об.], военком Тушнолобовской волости в оперсводке 26 февраля 1921 г. сообщает: у населения «настроение спокойное, отношение к дезэртирам доброжелательное» [Там же, Л. 78об.], «снисходительное» отношение к дезэртирам отмечал военком Малышенской волости [Там же, Л. 33об.] и т.д. Это отношение к дезэртирам было своего рода протестом на фоне ухудшения социально-политической обстановки в Ишимском уезде, вылившейся в феврале 1921 г. в мощное антибольшевистское восстание.

Результаты исследования. На заключительном этапе Гражданской войны, когда на востоке и юге страны были разбиты основные антисоветские силы, проблема дезертирства из РККА продолжала быть значима. Анализ состава и деятельности комиссии военкомата, боровшейся с дезертирством, на примере Ишимского уездного военкомата показывает, что данная структура имела малый штат. Работники комиссии имели незначительный опыт военной службы. Но борясь с дезертирством проявили решительность и жесткость. Деятельность комиссии в рассматриваемый период нельзя оценить однозначно. Несмотря на облавы, конфискации имущества, штрафы, привлечение к суду проблема дезертирства в уезде до конца решена не была. А среди местного населения к дезертирам наблюдалось сочувствие. Дезертирство как социальное явление имеет политические, экономические и социально-культурные причины, связанные с психологией, мировоззрением, бытовыми условиями, религиозными убеждениями и т.д. Но существенным положительным аспектом в работе уездкомдезертир Ишимского военкомата в 1920 – начале 1921 г., имеющим благоприятное значение для репутации советской власти, можно считать обеспечение правовой социальной защиты солдат РККА, выражающееся в контроле над оказанием государственных мер поддержки семьям красноармейцев.

Список источников и литературы

1. Марикова Л.И. Военный комиссариат города Ишим, Ишимского и Абатского районов. Ишим: ООО «Ишимская типография», 2020. 120 с.
2. Административно–территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / под ред. В.П. Петровой. Тюмень: ТюменНИИГипрогаз; ФГУ ИПИ «Тюмень», 2003. 304 с.
3. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / глав. ред. С.С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 702 с.
4. Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны «О дезертирстве» от 25 декабря 1918 г. // «Исторические материалы» [Эл. рес.]. Режим доступа: <https://istmat.org/node/32120> (дата обращения: 02.09.2023г.).
5. Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учёта и использования архивных документов МКУ «УП и ЗР» г. Ишим. Ф. 10. Оп. 1.
6. Отдел по обеспечению хранения, комплектования, учёта и использования архивных документов МКУ «УП и ЗР» г. Ишим. Ф. 47. Оп. 1.

Для цитирования: Лешукова Е.В. Работа комиссии по борьбе с дезертирством Ишимского уездного военкомата накануне восстания 1921 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 207–213.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ПЕРИОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Мамонтова Марина Александровна ¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

¹ mamontovama@omsu.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9119-9039

Аннотация: Проблема формирования исторической памяти современной молодежи в отношении персоналий и событий Гражданской войны рассматривается на основе социологического исследования, проведенного среди выпускников 11-х классов города Омска. Отмечена общероссийская тенденция, связанная с «героизацией истории» и визуализацией восприятия исторической информации. Выделены проблемы фрагментарности исторических представлений молодежи о Гражданской войне и слабой выраженности регионального компонента в структуре исторических знаний.

Ключевые слова: историческая память, массовое сознание, российское общество, преподавание истории, Гражданская война, молодежь, старшеклассники, студенчество, Омск.

Постановка проблемы. Формирование исторической памяти у современной молодежи – одна из актуальных задач государственных институтов и научного сообщества. Понимание значимости исторических представлений в восприятии социальной реальности и воспроизводстве национальной идентичности сложилось не только у профессиональных историков, но и у социологов, политологов и иных представителей социо-гуманитарного и естественнонаучного знания [1–5]. Для историка проблема формирования исторической памяти о значимых событиях российского прошлого особо остра. Прежде всего, это касается переломных этапов XX в. (Великая Отечественная война, распад СССР, революция 1917 года и Гражданская война). Если событиям Великой Отечественной войны в последнее время уделяется относительно большое внимание, то тема Гражданской войны весьма слабо представлена в современном информационном пространстве для подрастающего поколения. Этот факт и заставил обратить на себя внимание и обозначить проблему формирования исторических представлений современной молодежи в отношении персоналий, событий и фактов периода 1917–1922 гг.

Основная часть. Для раскрытия данной проблемы были взяты и проанализированы результаты социологического исследования по теме «Особенности формирования исторической памяти российской молодежи», проведенного социологами ОмГУ им. Ф.М. Достоевского под руководством Ю.И. Деревянченко [6]. Социологическое исследование проводилось среди школьников 11-х классов города Омска, которым было предложено ответить на 12 вопросов анкеты. Отбор респондентов производился методом кластерной выборки, основу ее составили 142 образовательных учреждения с выпускающими классами. «С помощью генератора случайных чисел из основы выборки были отобраны 20 учебных заведений, в каждом из которых был опрошен один 11 класс» [6, С. 6]. Необходимо отметить, что в выборку попали как гимназии, лицеи, так и общеобразовательные школы. При опросе сами респонденты отметили в целом хороший (33,1%) и средний (41%) уровень своих исторических знаний, показав при этом высокую заинтересованность именно в советском периоде российской истории. Показательно, что среди выделенных тем XX в. по экономике, политике, культуре и военной истории, последние 3 оценивались в 3,5 балла по 5-балльной шкале в отличие от остальных периодов русской истории, не дотягивающих порой даже до 3 баллов. Можно сказать, что в данном случае, мы имеем дело со знатоками советской истории, что в большинстве своем школьники высоко оценивают свои знания по истории России XX в. значительно выше, чем по всем остальным периодам российской истории. Причем военная история лидирует среди остальных сфер жизни общества по уровню осведомленности учащихся в области биографий полководцев, военных конфликтов, развития вооружения (3,06 баллов из 5 возможных).

Имея такую общую картину самооценки учащихся, можно предположить, что события Гражданской войны с ее яркими полководцами, особым статусом Омска как «Белой столицы» должны присутствовать в исторических представлениях молодых омичей. Выявлению значимых персоналий в русской истории был посвящен 8-й вопрос анкеты, где надо было выделить 10 таких личностей. Лидерами по упоминанию стали И.В. Сталин (которого отметили 266 чел. из 4571 анкетированных), В.И. Ленин (257 чел.) и Петр I (247 чел.), из участников Гражданской войны были названы К.К. Рокоссовский (4), М.Н. Тухачевский (3), Р.Я. Малиновский (2), В.А. Дегтярев (2), по одному упоминанию Р.С. Землячка (Залкинд, Берлин, Самойлова), Д.М. Карбышев, С.А. Ковпак, А.В. Колчак, И.С. Конев, М.В. Фрунзе, А.С. Сенин; из современников этой эпохи были названы Николай II (74), М.А. Булгаков (2), Ф.И. Шаляпин (2), С.В. Рахманинов (2), по одному упоминанию А.А. Блок, А.А. Брусилов, И.А. Бунин, А.Ф. Керенский, С.М. Киров, А.Н. Куропаткин, А.А. Мечев, И.П. Павлов, И.И. Сикорский, К.С. Станиславский, П.О. Сухой, М.И. Цветаева [6, С. 33–40].

Из данной статистики видно, что в представлениях молодежи персоналии, связанные с Гражданской войной немногочисленны. Конечно, сама постановка вопроса может отодвинуть период Гражданской войны на второй план, соответственно, и ее участники также выпадают из поля зрения анкетированных. Но, с другой стороны, возникает вполне закономерный вопрос о присутствии регионального компонента в исторических представлениях юных омичей. Данные анкет демонстрируют тяготение к осмыслению и оценке общероссийского контекста, в котором местный компонент почти отсутствует. Степень упоминания главной фигуры Белого Омска А.В. Колчака уступает личности М.Н. Тухачевского, но, как мы видим, ненамного. Возможно, обращение к фигуре М.Н. Тухачевского и не связано с Гражданской войной, а обусловлено обращением к предвоенным репрессиям в высшем военном составе. Среди 27-ми названных личностей периода Гражданской войны в анкетах школьников преобладают военные деятели (20 чел.), кто в силу своих обстоятельств стали и известными политическими фигурами той эпохи. Примечательно: среди военных названы не только известные фамилии, но и такие малоизвестные участники, как Р.С. Землячка, участница Луганской обороны, ответственный секретарь Крымского обкома РКП(б), Александр Степанович Сенин, участник Донской армии, попавший в плен и ставший делопроизводителем в рядах РККА. М.А. Шолохов использовал пример Сенина, расстрелянного в 1930 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности, как прообраз Половцева в романе «Поднятая целина», а также упоминал его в романе «Тихий Дон», как реального героя – командира сотни, участника расстрела подтёлковской экспедиции.

Одной из задач исследования стало выделение каналов формирования исторической памяти. Этому был посвящен 3-й вопрос анкеты, где по степени важности, по мнению исследователей, были предложены учащимся возможные варианты ответа: уроки истории в школе, художественные фильмы, документальные фильмы, телевизионные передачи, художественная литература, научная литература, научно-популярная литература, музеи и выставки, исторические мемориалы, общение в семье, общение со знакомыми, википедия, исторические сайты, исторические блоги в сети Интернет, Интернет-форумы, образовательные ресурсы в сети Интернет, компьютерные игры на исторические темы, деятельность исторических клубов, исторические фестивали. По 5-балльной шкале более 3,5 баллов набрали 4 основных источника формирования исторической памяти: документальные фильмы, исторические блоги в сети Интернет, школьные уроки, музеи и выставки [6, С. 12]. Такое предпочтение свидетельствует о том, что определяющее значение отдается визуальным, представленным в образах эпохи и ее героев, источникам; письменные же тексты имеют второстепенное значение. Научная и научно-популярная литература, со-

здаваемая профессиональными историками и содержащая объективные подходы к интерпретации событий, оказывается менее востребованной (3 балла из 5 возможных). Отсюда, единственным источником, посредством которого можно донести научный подход к изображению событий Гражданской войны остаются уроки в школе, где главным интерпретатором является учитель, а главным нарративом – учебник.

Ранее уже было обращено внимание на слишком малый объем учебного материала о Гражданской войне: 1% в вузовском учебнике А.С. Орлова и 2% в школьном учебнике А.А. Левандовского [7, С. 149]. Несмотря на репрезентативность представленных в учебнике событий Гражданской войны на Восточном фронте, общей картины процессов не складывается, что приводит к фрагментарности в формировании исторической памяти, создавая возможность для манипулирования сознанием, складывания антиисторических/квазиисторических представлений об этом сложном периоде русской истории. Данную тенденцию демонстрируют данные социологического исследования выпускников школ города Омска.

Результаты исследования. Таким образом, основная проблема складывания исторических представлений современной молодежи о событиях Гражданской войны заключается в их фрагментарности, слабой интегрированности в историю региона и высокой степени визуализации со слабо выраженным научным компонентом. На основе проведенного исследования омских школьников можно выделить следующие болевые моменты, требующие шагов, в том числе, и научного сообщества. Во-первых, среди подрастающего поколения смещается акцент на визуальные источники восприятия информации, на которые профессиональным историкам необходимо обратить внимание. Во-вторых, в процессе обучения истории давно назрела необходимость вписать региональный компонент в общероссийский и мировой контекст на уровне научно-популярной и учебной литературы. В-третьих, несмотря на выход новой линейки учебников по истории для средних школ и качественной подготовки педагогов, важно сохранить тесную связь с педагогическим сообществом, оказывающим непосредственное воздействие на формирование исторических представлений современной молодежи о событиях и персоналиях Гражданской войны.

Список источников и литературы

1. Великая Н.М., Дорошина А.В. Самоидентификация молодежи московского региона как фактор конструирования образа будущего России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 1. С. 31–38.

2. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98–107.

3. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Карта памяти современного российского общества (аналитический обзор) [препринт] // Режим доступа: URL: <https://history.museums.spbu.ru/images/Obsor-karty-pamyati-2.pdf> (дата обращения: 09.09.2023).

4. Ростовцев Е.А. Образ российской истории в сознании молодых историков // Наука СПбГУ – 2020. Сб. мат–лов Всеросс. конф. по ест. и гум. наукам с междунар. уч. (Санкт-Петербург, 24 дек. 2020 г.). СПб., 2021. С. 1510–1511.

5. Ярмак О.В., Большакова М.Г., Савина З.С., Маранчак А.Г. Историческая память молодежи: Как работают образы прошлого в условиях противостояния политических элит // Вопросы элитологии. 2022. № 3. С. 64–73.

6. Деревянченко Ю.И. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Особенности формирования исторической памяти российской молодежи» [Рукопись]. Омск, 2023. 44 с.

7. Мамонтова М.А. Гражданская война на Востоке России на страницах современных учебников истории // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы III Всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 13–14 ноября 2019 г.). Омск: ОмГТУ, 2019. С. 149–152.

Для цитирования: Мамонтова М.А. Проблемы формирования исторических представлений российской молодежи о периоде Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 214–218.

© Мамонтова М.А., 2023

ЛЕОНИД КАРУМ: ОТ КИЕВА ДО НОВОСИБИРСКА

Машкевич Стефан Владимирович¹

¹ независимый исследователь, Нью-Йорк, США

¹ mash@mashke.org, AuthorID (РИНЦ) 380866

Аннотация: В работе рассматриваются неизвестные и малоизвестные эпизоды биографии Леонида Карума – зятя Михаила Булгакова. Сделан акцент на проблеме выбора, перед которой в годы Гражданской войны в России Карум многократно оказывался. Основной источник исследования – мемуары самого Карума, пока полностью неопубликованные. Автор приходит к выводу, что решения принятые Карумом в тот период сохранили ему жизнь и предотвратили эмиграцию, но привели к неоднократным арестам в советское время.

Ключевые слова: историческая антропология, Гражданская война, офицерство, политические репрессии, Леонид Карум, Михаил Булгаков, Латвия, Украина, Киев, Новосибирск.

Постановка проблемы. Интерес к личности и биографии Леонида Сергеевича Карума (1888, Митава (ныне Елгава), Латвия – 1968, Новосибирск) связан в первую очередь с тем, что он был зятем Михаила Булгакова (мужем его младшей сестры Варвары) и прообразом Сергея Ивановича Тальберга (персонажа романа «Белая гвардия»). Но исследование биографии Карума имеет смысл не только в связи с «Белой гвардией», а и в аспекте микроистории при изучении проблемы выбора бывшего офицера Русской армии в годы Гражданской войны в России. Карум встретил Февральскую революцию в Киеве, будучи преподавателем военного училища. Проблема выбора встала перед ним буквально в первые дни событий, а затем усилилась в связи с внутрirosсийским и российско-украинским расколом. В чью пользу и почему Карум делал выбор? Какие последствия для него это имело? Как его действия в годы Гражданской войны сказались на его дальнейшей судьбе, в частности, почему он в конечном итоге оказался в Сибири?

Основной источник для данного исследования – рукописные мемуары Карума, хранящиеся в Киевском литературно-мемориальном музее Михаила Булгакова [1–3]. Они частично введены в научный оборот – впервые, насколько нам известно, в публикации сотрудницы данного музея С.П. Ноженко [4]. Главы мемуаров, относящиеся к революционному периоду, опубликованы, со значительными сокращениями, А.П. Кончаковским и С.П. Ноженко [5, С. 219–246]. Одна из этих же и ряд других глав опубликованы в Новосибирске [6], не соблюдая научные стандарты (публикатор выпустил фрагменты текста, допустил замены и перестановки фраз, не указав это). Биографии Карума, ожидаемо, уделяли внимание булгаковеды, в рамках исследований той же «Белой

гвардии»: отметим труды М.О. Чудаковой [7], Б.В. Соколова [8], Я. Ю. Тинченко [9]. Краткая биография Карума, вне контекста Булгакова и его романа, содержится в работе И.Б. Усенко [10].

Здесь мы рассмотрим события из жизни Карума периода Гражданской войны, прежде всего в Киеве, опираясь на его мемуары, а также архивные и газетные источники тех лет. Уделяя некоторое внимание сопоставлению реально-го Карума и вымышленного Тальберга, мы, однако, концентрируемся на Каруме *per se*, как на персонаже Гражданской войны.

Основная часть. Леонид Сергеевич Карум родился 7/19 декабря 1888 г. в Митаве Курляндской губернии (ныне Елгава, Латвия). После смерти отца в 1899 г. семья переехала в Житомир; в 1906 г. Леонид, окончив 2-ю Житомирскую гимназию, поступил в Киевское Константиновское военное училище, откуда выпущен в 1908 г. подпоручиком. В 1912 г., уже в чине поручика, он поступил в Александровскую военно-юридическую академию в Санкт-Петербурге. С апреля 1916 г. в чине капитана он стал преподавателем законовещения и курсовым офицером в том же Киевском Константиновском военном училище [10, С. 6–7]; именно в этой должности он встретил 1917 г.

В день публикации манифеста об отречении Николая II – 4/17 марта 1917 г. – Карум был назначен дежурным офицером по училищу. В тот же день на вечерней переключке юнкера, уже узнавшие об отречении, отказались петь царский гимн. Каруму доложили, что его подопечные начали митинговать, и здесь он проявил организационные способности: выслушав митингующих, он убедил их разойтись [1, Л. 2163–2165]. Как утверждал сам Карум, именно этот эпизод поспособствовал тому, что через несколько дней его избрали в Исполком общественных организаций – временный высший орган городской власти в Киеве. Минимум однажды Карум исполнял обязанности председателя комитета: в отсутствие председателя Н.Ф. Страдомского [11, Л. 35, 39].

На быстрое выдвижение своего зятя в органы революционной власти провел аллюзию Булгаков в «Белой гвардии»: «В марте 1917 года Тальберг был первый – поймите, первый, – кто пришел в военное училище с широченной красной повязкой на рукаве» [12, С. 26]. Действительно, Карум упоминает в мемуарах, что весной 1917 г., продолжая преподавать в училище, он ««держал фасон», носил на рукаве красную повязку с надписью “член исполкома”». В этой же повязке он явился на собственную свадьбу, 30 апреля / 13 мая, что «вызвало целую бурю у знакомых», и одна из подруг Варвары «настояла, чтобы [Карум] снял повязку» [1, Л. 2198, 2220].

Далее Булгаков пишет: «Тальберг, как член революционного военного комитета, а не кто иной арестовал знаменитого генерала Петрова» [12, С. 26]. «Генерал Петров» – это генерал Н.И. Иванов, который возглавил поход на Петроград (попытку усмирения Февральской революции), а после отречения Николая отправился в Киев. 10/23 марта вопрос о судьбе Иванова был поднят на заседании Исполкома; Страдомский запросил военного министра А.И. Гучкова, что делать с Ивановым, и через 3 дня получил ответ – доставить его в Петро-

град [1, Л. 2178–2179]. Сам Иванов на тот момент уже находился под домашним арестом, по постановлению того же Исполкома [13] – таким образом, арестовал его не лично Карум, но коллегиальный орган, в составе руководства которого он был. Каруму же комитет поручил сопровождать Иванова в Петроград [14]; он детально описал эту поездку в своих мемуарах [1, Л. 2179–2183]. Иванов был позднее освобожден по указанию Керенского, уехал в Новочеркасск, где присоединился к Белому движению; умер от тифа 29 января 11 февраля 1919 г. [15].

4/17 апреля 1917 г. состоялось совместное заседание Исполкома, представителей киевских Советов рабочих и солдатских депутатов и руководителей украинской Центральной рады. Председатель Рады М.С. Грушевский в своих мемуарах назвал приглашение на это заседание «повесткой явиться на допрос» и вспоминал, что «представитель киевского гарнизона некий капитан Карум <...> особенно резко выступал против нас» [16, С. 116–117]. Действительно, в газетном репортаже об этом заседании говорилось: «*Капитан Карум*. Позвольте мне задать один вопрос: обсуждался ли в украинских кругах вопрос о выделении украинской республики? <...> На этот вопрос со стороны руководителей “Украинской Рады” дается категорический ответ, что в такой форме вопрос в “Украинской Раде” не подымался» [17].

И газетный корреспондент [17], и Грушевский [16, С. 118], и сам Карум [1, Л. 2197] вспоминали высказанное последним опасение, что украинцы могут «всадить нож в спину» воюющей армии и революционному движению в целом. Это и другие высказывания Карума позволяют сделать вывод, что со своей позицией по украинскому вопросу он на тот момент вполне определился, став противником объявления автономии (и тем более независимости) Украины. 16/29 июня, на другом заседании, посвященном обсуждению I Универсала Центральной рады (которым такая автономия была *de facto* объявлена), Карум «отметил, что найти общий язык с украинской радой представляется очень трудной задачей, ибо демократия России и украинской рады стоят на различных принципиальных положениях. Для украинской рады вся российская революция – это лишь средство для достижения своих национальных задач, а не цель» [18].

Тогда же, летом 1917 г., он вступил в партию кадетов [1, Л. 2241–2242] и был внесен в избирательный список этой партии на выборах в Киевскую городскую думу – правда, под заведомо «непроходным» номером (в мемуарах он утверждал, что был в списке под 40-м номером, а партия провела на выборах 12 чел. [1, Л. 2244]; на самом деле в списке он был 48-м [19], а партия провела 10 кандидатов [20, С. 134]).

Впрочем, на момент этих выборов – они состоялись 23 июля / 5 августа – Карум уже почти месяц отсутствовал в Киеве. 28 июня / 11 июля он выехал в Петроград для продолжения курса обучения в Военно-юридической академии, условившись с женой, что поедет вначале один, устроится там, и затем вызовет Варвару к себе; приблизительно через 3 недели она действительно к нему присоединилась [1, Л. 2259, 2272].

Вспоминая пребывание в Петрограде, Карум пишет в мемуарах: «Мне уже невтерпёж была революция. Я был ею сыт по горло». Соответственно, свое настроение на тот момент он характеризует как «правое». Кроме того, с отъездом из Киева он потерял основной источник доходов (преподавание в училище) – и решил попробовать себя в печати, рассчитывая на гонорары. «Лучше всего платили в “Новом Времени”, – писал он. – Но это была правая газета, Суворина, правее кадетов. <...> Если бы все узнали, что я пишу в “Новом Времени”, мне был бы закрыт доступ во все кадетские и кадетствующие газеты <...> Поэтому я решил <...> писать инкогнито, только под инициалами» [1, Л. 2275–2276]. Он действительно написал статью, под названием «Как Рада стала властью», подписав ее инициалами «Л.С.К.»; статья была опубликована в 2-х номерах подряд [21]. Карум достаточно объективно, как представляется, охарактеризовал причины и ход процесса усиления Центральной Рады. На этом, однако, его карьера публициста закончилась: финансовое положение семьи стабилизировалось, а обучение в академии стало приоритетом [1, Л. 2277].

Октябрьская революция прервала занятия в академии, но уже после захвата власти большевиками состоялись выпускные экзамены, и 31 декабря 1917 г. / 13 января 1918 г. Карум получил аттестат [2, Л. 2292]. Через некоторое время он поступил на работу в Департамент земледелия, и, когда в марте столица была перенесена в Москву, тоже переехал туда [2, Л. 2296, 2301]. В мае же, когда до Москвы дошли известия о гетманском перевороте, «нам с Варенькой захотелось на Украину, в Киев» [2, Л. 2317]. Следовательно, пассаж Булгакова «[в] апреле 18-го, на Пасхе, в цирке <...> Тальберг стоял на арене веселой, боевой колонной и вел счет рук <...> – выбирали “гетьмана всея Украины”» [12, С. 27] никак не соотносится с действительностью: Карум в это время был в Москве.

1 июня (н.с.) Карум с женой вернулись в Киев и поселились на Андреевском спуске, 13, где жил и Булгаков. Довольно скоро Леонид поступил на службу – начальником юридического отдела Департамента самоуправления [2, Л. 2326–2328]. Так, будучи противником идеи независимого украинского государства, Карум, однако, стал работать непосредственно на него – предпочтя гетманский Киев большевистской Москве. Через некоторое время он перешел в законодательную часть канцелярии Военного министра, получив звание сотника, надел украинскую военную форму [2, Л. 2342–2345]. Затем устроился в ликвидационное бюро военно-судебных дел [2, Л. 2350].

Но вскоре политическая обстановка вновь изменилась: Германия проиграла мировую войну, гетман издал грамоту о федерации с (небольшевистской) Россией, на Киев же стали наступать войска вновь образовавшейся Директории. Для защиты Киева стали формироваться офицерские дружины; Карум, по его собственному утверждению, «сбросил украинские погоны и облачился в русскую форму офицера военно-судебного ведомства» [2, Л. 2352]. Как хорошо известно, призыв к защите Киева не имел большого успеха среди тех офицеров, кто еще оставались в городе. Об этом вспоминал и Карум: «Гетман призвал

к оружию всех способных владеть им. <...> Большинство служащих не выполнили этого приказа, уцепившись за разные причины. Я не стал цепляться и поступил в офицерскую дружину (роту)». Жили члены дружины дома, являясь в дружину, как на службу. За весь период обороны Киева Карум вызвали на службу дважды; в реальных боевых действиях против войск Директории он не участвовал [2, Л. 2355–2356]. Далее булгаковский Тальберг совершает непорядочный поступок, бросая жену на произвол судьбы и уезжая в Германию [12, С. 25–30]. Реальный Карум действительно уехал из Киева без семьи (точнее, в сопровождении Ивана Булгакова, младшего брата Михаила), но на этом сходство с сюжетом романа заканчивается.

С приходом к власти Директории Карума уволили со службы «за “московфильство”[,] открыто выражавшееся[,] и за службу в гетманских дружинах». Вскоре после этого он совершил предусмотрительный поступок: получил латышский паспорт (на который имел право в силу своего места рождения), на фамилию Карумс. В мемуарах он пишет: «латышский паспорт сослужил мне огромную службу: он освободил меня от военной службы Врангелю, и спас мне жизнь!» [2, Л. 2380–2381] (каким образом, станет понятно впоследствии). Пока же Карум вознамерился «покинуть Киев и бежать на Дон», чтобы присоединиться к Белому движению; ехать он решил через Одессу и Новороссийск. Но он принял это решение не единолично, а посоветовался с семьей, имея в виду, что «скоро, через пару месяцев, я вернусь [возможно, он надеялся, что Белая армия возьмет Киев – С.М.] или Варюша ко мне приедет» [2, Л. 2375–2376, 2380–2381].

Карум действительно уехал в Одессу – по его утверждению, 20 декабря 1918 г. / 2 января 1919 г. [2, Л. 2359, 2382]. Там ему удалось сесть на пароход, шедший через Крым в Новороссийск, откуда он добрался до станицы Великокняжеской и поступил в Астраханскую армию. Последняя передавалась в состав Добровольческой армии, где, по всей вероятности, Карум бы и оказался, если бы не случайность. Принимать Астраханскую армию в состав Добровольческой приехал генерал Бредов, который, будучи в 1917 г. начштаба Киевского военного округа, помнил Карума, как члена киевского Исполкома. «Если это и не большевик, – сказал Бредов, по версии Карума, – то, во всяком случае, социалист и офицер, якшавшийся с “товарищами”» [2, Л. 2389–2404]. Итак, для украинских социалистов Карум был «слишком правым», а для белогвардейцев оказался «слишком левым».

В итоге, он вернулся в родное Константиновское военное училище, которое к тому времени переехало в Екатеринодар, а в августе 1919 г. – в Феодосию. В конце августа в Киев вошла Добровольческая армия (Полтавский отряд, под командованием того же генерала Бредова) [22, С. 114–116], и Карум смог выехать из Феодосии в Киев. Пробыв там 5 дней, он забрал жену и вернулся в Феодосию [2, Л. 2439–2443, 2448].

Здесь Карум оказался перед последним за период Гражданской войны выбором: продолжать военную карьеру (которая наверняка привела бы его либо

в эмиграцию вместе с армией Врангеля, либо к гибели от рук большевиков) или уйти на гражданскую службу. Но в этот раз выбор был фактически сделан за него. Армейское командование не утвердило его на должность преподавателя училища, как иностранного подданного (обладателя того самого латышского паспорта, полученного им в Киеве), и на этом его служба в армии закончилась. Он устроился на гражданскую службу – в правление Феодосийского кооперативного союза [3, Л. 2489–2491].

Карум, таким образом, остался в Феодосии, когда в Крым пришла советская власть. Тот же латышский паспорт спас его от расстрела [3, Л. 2530], хотя ареста он не избежал. Правда, под стражей он провел всего 5 дней и был освобожден (но «спасительный» паспорт у него отобрали). Но по его справедливому замечанию, «этот арест показал мне, что при советской власти я всегда буду под дамокловым мечом. Я – бывший офицер, и этим все сказано» [3, Л. 2554–2560]. Действительно, феодосийский арест был первым, но не последним в жизни Леонида Карума. В конце 1921 г. он с женой и новорожденной дочкой Ириной вернулся в Киев, где продолжил карьеру преподавателя – в Киевской высшей объединенной школе командиров РККА им. Каменева, Высшем институте народного образования (одном из «осколков» расформированного Киевского университета) и иных вузах. Но в ноябре 1929 г. он был арестован по доносу. Положительные характеристики, данные ему видными большевиками, способствовали его освобождению уже в январе 1930 г., после чего он переехал в Москву. Но в январе 1931 г. был там арестован по делу «Весна» и приговорен к 5 годам ИТЛ. Отбывал заключение в Сиблаге, в Новосибирске и Мариинске. После досрочного освобождения в 1934 г., поселился в Новосибирске, где провел оставшуюся жизнь [10, С. 9–12]. Скончался Л.С. Карум 31 октября 1968 г.

Результаты исследования. Таким образом, Леонид Карум в период Гражданской войны неоднократно оказывался перед проблемой выбора. Он с энтузиазмом принял революцию, но вскоре разочаровался в ней. Будучи противником украинской государственности, он, тем не менее, некоторое время работал в государственных учреждениях гетманской Украины. Его выбор в пользу Белого движения был естественным, с учетом его дореволюционной биографии, но его карьера белого офицера не сложилась из-за его более раннего выбора иностранного подданства. Это, вполне возможно, спасло ему жизнь и, во всяком случае, предотвратило эмиграцию; однако его участие в Белом движении обусловило его многократные аресты и, в конечном счете, переселение в Сибирь.

Список источников и литературы

1. Карум Л.С. Моя жизнь. Рассказ без вранья // Архив Литературно-мемориального музея Михаила Булгакова (Киев). Тетрадь 17.
2. Карум Л.С. Моя жизнь. Рассказ без вранья // Архив Литературно-мемориального музея Михаила Булгакова (Киев). Тетрадь 18.

3. Карум Л.С. Моя жизнь. Рассказ без вранья // Архив Литературно-мемориального музея Михаила Булгакова (Киев). Тетрадь 19.
4. Ноженко С.П. Миф о городе Леонида Карума // Стиль и дом. 2000. № 4. С. 66–73.
5. Карум Л.С. Из воспоминаний «Моя жизнь. Рассказ без вранья» // Михаил Булгаков. Киевское эхо: Воспоминания. Письма / А.П. Кончаковский, С.П. Ноженко (сост.). Киев: Проминь, 2011. 304 с.
6. Карум Л.С. Моя жизнь. Рассказ без вранья. Новосибирск: Офсет, 2014. 660 с.
7. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. Москва: Книга, 1988. 673 с.
8. Соколов Б.В. Расшифрованная «Белая гвардия». Тайны Булгакова. Москва: Яуза: Эксмо, 2010. 320 с.
9. Тинченко Я.Ю. Белая гвардия Михаила Булгакова. Киев–Львов, [1997]. 252 с.
10. Усенко І.Б. Леонід Карум: міфи і реальність // Часопис Київського університету права. 2011. № 4. С. 6–13.
11. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 4124. Оп. 1. Д. 1.
12. Булгаков М.А. Белая гвардия (серия: Литературные памятники). Москва: Ладомир, 2015. 824 с.
13. Арест генерала Н.И. Иванова // Вечерняя газета (Киев). 1917. 13 марта.
14. Исполнительный комитет постановил... // Киевлянин. 1917. 18 марта.
15. 29-го января после непродолжительной, но тяжелой болезни... // Донские ведомости (Новочеркасск). 1919. 30 янв.
16. Грушевський М. С. Спомини // Київ. 1989. № 9. С. 108–149.
17. Украинский вопрос // Киевлянин. 1917. 6 апр.
18. Обсуждение «универсала» в исполнительных комитетах // Киевлянин. 1917. 17 июня.
19. Выборы в городскую думу // Последние новости (Киев). 1917. 17 июля.
20. Машкевич С. В. Киев 1917–1920. Т. 1 : Прощание с империей. Харьков: Фолио, 2019. 461 с.
21. Л.С. К.[арум] Как Рада стала властью // Новое время. 1917. 11/24, 12/25 авг.
22. Машкевич С.В. Два дня из истории Киева. Киев: ВАРТО, 2010. 160 с.

Для цитирования: Машкевич С.В. Леонид Карум: от Киева до Новосибирска // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 219–225.

БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ. НАДЕЖДЫ НА ПРИМИРЕНИЕ – ПРИЗРАЧНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Мышов Николай Александрович¹

¹ РГВА, Москва, Россия

¹ mischow-57@rambler.ru

Аннотация: В статье анализируются попытки примирения между «красными» и «белыми» участниками Гражданской войны в России на примере биографий видных военных деятелей эпохи – Я.И. Слащева, С.С. Вострецова, А.Н. Пепеляева, И.С. Кутякова. Рассмотрены предложения и попытки интеграции бывших крупных видных участников белого движения в советское общество и военное строительство. Автор приходит к выводу, что подобные стремления были обречены на неуспех как из-за противодействия советских политических и военных лидеров, так и эмигрантских кругов.

Ключевые слова: Гражданская война, белое движение, офицерство, военспецы, РККА, белая эмиграция, реэмиграция, советское общество, С.С. Вострецов, А.Н. Пепеляев, И.С. Кутяков, Я.И. Слащев.

Постановка проблемы. Все дальше и дальше от нас удаляется время Великой Октябрьской революции и Гражданской войны в России. Казалось бы, это должно было притупить остроту восприятия тех неоднозначных для россиян событий этой, в буквальном смысле, братоубийственной бойни, развернувшейся после октября 1917 г. на территории бывшей Российской империи. Уже не один раз поменялась оценка действий ее участников. Красные герои, авторитет которых казался еще недавно незыблемым, были низвергнуты с пьедесталов и втоптаны в грязь. Их противники, оболганные и забытые победителями, оправданы потомками, одеты в белые одежды и возведены в сан великомучеников. Однако это не остудило накала страстей, которые до сих пор имеют место в изучении этого судьбоносного для всей России исторического события. По-прежнему историки всех участников этой кровавой мистерии делят, как сказал поэт, «на своих и врагов», и, исходя из этого, считают одних злодеями, подверженными всякого рода порокам и страстям, а других возводят в сан праведников, наделяя их всевозможными добродетелями.

Между тем, многие из людей, принявших участие в Гражданской войне, свою позицию выбрали, не исходя из каких-то своих человеческих качеств, только им свойственных, а в силу определенных политических убеждений, которые у них сложились в ходе их жизни, и приобретенного жизненного опыта. Характерные для них непримиримость и беспощадность, проявленные в ходе боевых действий, диктовались остротой кризиса, переживаемого страной в 1917–1922 гг., и убежденностью в правоте отстаиваемых ими идей.

С окончанием войны к ним вернулась способность более трезвого, объективного восприятия прошедших событий и своих противников. Некоторые из них поднялись до осознания необходимости примирения и прощения прошлых обид, причиненных друг другу.

Поводом для подобного рода мыслей в определенном смысле стали решения советского правительства об амнистии и предоставлении отдельным категориям белоэмигрантов возможности вернуться на Родину после окончания активной фазы Гражданской войны. Конечно, при этом большевистское руководство преследовало политические цели по расколу белой эмиграции, но, тем не менее, это дало возможность нескольким десяткам тысяч бывшим рядовым белых армий начать новую жизнь. Только в феврале 1921 г. в Россию вернулось 3000 чел., в марте в Крыму высадилось еще 5869 чел. Всего по неполным данным с 1921 по 1931 гг. в РСФСР и другие республики СССР возвратилось 181 432 эмигранта.

Основная часть. Наибольший резонанс в советском обществе и эмигрантской среде вызвало возвращение на Родину в 1922 г. большой группы казаков с бывшим белогвардейским генералом Я.А. Слащевым [1]. Вместе с ним возвратились также генерал-майор А.С. Мильковский и полковники Э.П. Гильбих и М.В. Мезерницкий, капитан Б.Н. Войнаковский [2, С. 39]. По прибытию в РСФСР Слащев получил сначала должность преподавателя, а в 1924 г. был назначен главным руководителем тактики Высшей тактико-стрелковой школы командного состава «Выстрел», являвшейся одной из кузниц кадров для РККА [3, С. 22].

Возможно, это была капля в море несчастных, обездоленных, лишившихся Родины бывших российских подданных. Но этот процесс давал надежду на возможное примирение, казалось бы, непримиримых врагов, какими были белые и красные в Гражданскую войну в России. И нашлись люди, которые поверили в эту мечту.

Одним из них был Степан Сергеевич Вострецов, советский военачальник, награжденный за время Гражданской войны 4-мя орденами Красного Знамени, и имевший помимо этого 3 солдатских Георгиевских креста за Первую мировую войну. Все, кто был в свое время под его началом, вспоминали, что он был очень доступным и простым человеком. Современники отмечали отсутствие у него всякой заносчивости, пытливость ума и человечность, что вызывало всеобщее уважение к нему [4, С. 56–57]. Также одной из его основных черт характера была честность, как в отношении соратников по общему делу, так своих противников. В этом убедились солдаты отряда белогвардейского генерала А.Н. Пепеляева, с которым он воевал в 1922–1923 гг. на Дальнем Востоке. Тогда, в конце Гражданской войны, когда исход ее ни для кого не представлял секрета, генерал Пепеляев, прозванный своими солдатами Сибирским Суворовым, предпринял отчаянную попытку переломить ход событий и с помощью повстанцев-якутов взять города Якутск и Иркутск. На освобожденных от красных территориях предполагалось сформировать Временное Сибирское прави-

тельство. Но после кратковременного успеха фортуна ему изменила, и он был вынужден отступить к порту Аяну, что на берегу Охотского моря. Именно там жизненные пути краскома Вострецова и белогвардейца Пепеляева пересеклись. Пепеляевцы были обречены. Вострецов, чтобы не допустить бессмысленного кровопролития, предложил Пепеляеву сдаться, гарантировав ему и его солдатам жизнь и справедливый рабоче-крестьянский суд. Генерал, недолго поразмыслив, согласился с предложенными условиями, что оба военачальника скрепили рукопожатием [5].

Вострецов слово сдержал. Никто из сдавшихся белогвардейцев не был расстрелян, повешен или утоплен в море. Несмотря на утверждения белоэмигрантов о внесудебных расправах над бывшими пепеляевцами [6, С. 767], около 200 рядовых добровольцев были почти сразу отпущены на свободу, 162 чел. – подвергнуты административной ссылке. Сам Пепеляев и ряд его ближайших соратников были отправлены в Читу, где предстали перед ревтрибуналом 5-й армии, который приговорил его самого и 20 его сподвижников к расстрелу, 45 подсудимых – к 10 годам заключения, 11 – к 5 годам, а одного из числа якутских союзников бывшего генерала – к 5 годам условно. Но Дальневосточный революционный комитет, являвшийся чрезвычайным органом советской власти на Дальнем Востоке, учитывая искреннее раскаяние Пепеляева, обратился во ВЦИК с ходатайством о смягчении наказания. В результате всем им смертная казнь заменили 10 годами лишения свободы. Все они были направлены в различные исправительно-трудовые дома для отбывания наказания [7. С. 147; 8].

Но на этом история не закончилась. В годовщину празднования 10-летия РККА Вострецов, командовавший в то время 27-й Омской Краснознаменной имени Итальянского пролетариата стрелковой дивизией, получил письма от бывшего пепеляевца и его матери об оказании содействия в освобождении из заключения в Курском исправительном доме. В своем обращении он писал: «...в период долгого сидения, т.е. в продолжение 4 лет и 9 мес[яцев], мне приходилось вспоминать вас, рассказывая в дни годовщины Красной армии о гражданской войне, о походе по Якутии, сдаче в плен, но все это [не] давало повода просить вас, а вот теперь...

Вы поймите меня... Нет ничего мудреного в моей просьбе, ибо у меня в памяти ваше человеческое гуманное отношение ко всем нам.

Буду очень рад и благодарен, если моя просьба не останется без внимания, и вы найдете время меня об этом уведомить.

Остаюсь искренне уважающий вас П. Дегтярев» [9, С. 93–94].

Эта просьба заставила героя – четырежды краснознаменца Степана Вострецова – вспомнить о былых боях-сражениях (о них он поведал в одном из номеров журнала «Огонёк»), и поинтересоваться судьбой своего бывшего оппонента. Узнав, что Пепеляев находится в Ярославском политизоляторе, он решил хлопотать о досрочном освобождении его и бывшего пепеляевского бойца [5; 9, С. 93].

Он пишет письмо в ЦКК ВКП(б) – наркомат РКИ СССР на имя авторитетного партийного деятеля А.А. Сольца. В этом обращении он характеризует Пепеляева, как очень честного, бескорыстного человека, имевшего «громадный авторитет среди подчиненных», бесконечно ему доверявших. «Даже в такие трудные минуты, как поражение его под городом Якутском и пленение в Аяне, – подчеркивает Вострецов, – его авторитет не ослаб». Особо он отмечал демократизм бывшего генерала. По его словам, он «жил наравне с остальными подвижниками боев (солдатами); лозунг их – все братья: брат генерал, брат солдат...» [9, С. 95]. Заканчивая ходатайство, красный начдив высказывает мысль, что поскольку советская власть простила генерала Слащева, «который перевешал нашего брата не одну сотню, а сейчас работает в «Выстреле» преподавателем по тактики», то не настало ли время освободить и Пепеляева. И, развивая эту свою мысль, продолжает: «Мне думается, что он для нас сейчас абсолютно ничего сделать не может, а его можно использовать, как военспеца (а он на мой взгляд не плохой)». Завершил свое обращение Вострецов просьбой выпустить на свободу и своего корреспондента, бывшего белогвардейца Петра Дегтярева, поскольку он, по его мнению, «уже раскаялся» [9, С. 95–96].

Поступок С.С. Вострецова не являлся чем-то исключительным. Спустя некоторое время другой красный герой, трижды краснознаменец, комкор Иван Семенович Кутяков, бывший начдив 25-й стрелковой дивизии, сменивший на этом посту легендарного В.И. Чапаева, пишет письма с предложением полной амнистии всех белоэмигрантов. Письма он направляет не кому-нибудь, а И.В. Сталину. В них он предлагает полностью амнистировать всех белоэмигрантов и, таким образом, решить проблему белой эмиграции. В обращении к вождю, датированном 12 декабря 1933 г., он пишет: «Я считаю, что белогвардейцев, живущих за границей, нужно всех амнистировать. Мы теперь настолько сильны, что нам их бояться нечего. Разрешить им жить в Дальневосточном крае». Аргументируя это свое предложение, он выражает уверенность в том, что таким образом «... мы ... 1) Дезорганизуем все белое движение, которое стремится с оружием в руках завоевать себе отечество, т.е. возвратиться в Россию. 2) Оставим всех генералов и вождей без солдат. 3) Заселим Дальневосточный край. 4) Заставим – да они сами с охотой, чтобы искупить прошлые преступления, будут зверски драться с японцами. 5) Нам легче и дешевле обойдется их перевоспитать в советском и колхозном духе – в Сибири, чем во время войны драться с ними. В общем, если бы нам удалось молодых, здоровых 100 тысяч перетянуть в Сибирь, этим самым мы окончательно убили бы всякое желание у остальных мечтать с оружием в руках завоевывать себе Родину, т.к. без оружия мы даем им право честно трудиться и жить в Сов.[етской] Росс.[ии]». В случае одобрения своего предложения, он считал возможным это решение «провести XVII Съездом партии» [10, С. 16].

Мысль настолько захватила Кутякова, что, несмотря на высказанное Сталиным несогласие с его точкой зрения [10, С. 16], он в июне 1936 г. написал

в рамках обсуждения проекта новой Конституции СССР «статью об амнистии белогвардейцев», которую направил в редакции газет «Правда», «Красная звезда» [10, С. 18, 20]. В ней он заявил, «что настала пора, когда наш трудовой героический творческий народ должен амнистировать – помиловать своих соотечественников – меньших братьев, которые заблудились в буре Октября и великой гражданской войны, в данный момент находящиеся за рубежом советских границ. Они там влачат жалкое рабское бесправное существование. Бывшие белые солдаты и офицеры тоскуют по родине, ждут с нетерпением пощады и помилования своего народа. Мы сильны. Нам теперь ни страшны не только бывшие внутренние, но и внешние враги в лице иностранных государств Европы и Азии. Жизнь властно требует, чтобы наш народ, разделенный бурей великой гражданской войны, был соединен ВОЕДИНО» [10, С. 19]. И поскольку, по мнению Кутякова, советский народ боролся с рабством не только ради своей свободы, но и во имя освобождения всего человечества, то «наш народ обязан полностью амнистировать и восстановить во всех правах не только бывших белых, живущих внутри нашей страны, но и всех тех белых солдат и офицеров, а также и вождей белого движения, проживающих за границей...». А иначе, считал он, «не было ... смысла делать Октябрьскую революцию и вести многолетнюю гражданскую войну» [Там же].

Результаты исследования. Однако мысли о примирении бывших врагов, высказанные Вострецовым и Кутяковым, оказались несвоевременными, и вызвали резко отрицательную реакцию, как в стане друзей, так и среди бывших врагов. Крайне негативно к ходатайству об освобождении бывшего белогвардейского генерала Пепеляева отнесся нарком по военным и морским делам, председатель РВС СССР К.Е. Ворошилов. На письме Вострецова он оставил недвусмысленную резолюцию: «Может быть, Пепеляев и «брат», только не наш. Выпускать на «волю» врага, да еще имеющего возможность влиять на массы, как говорит т. Вострецов, сейчас не время, да вряд ли вообще это нужно будет делать» [9, С. 9–98]. Не поняли комкора Кутякова его товарищи по оружию. Командарм П.Е. Дыбенко и армейский комиссар А.И. Мезис выразили ему свое недоверие и отстранили от командования войсками. А редактор главного печатного органа ВКП(б) Л.З. Мехлис заявил: «Совершенно очевидно, что такую статью ... «Правда» печатать не может» [10, С. 18, 20]. В 1938 г., опального комкора репрессировали. В 1932 г. при странных обстоятельствах трагически погиб С.С. Вострецов. Не избежали роковой судьбы Я.А. Слащев и А.Н. Пепеляев. Один был из мести застрелен в январе 1929 г. слушателем курсов «Выстрел», другого расстреляли в 1938 г. по приговору Управления НКВД по Новосибирской области.

Также непримиримы были и белоэмигранты. Слепленные ненавистью к советской власти, многие из них организовали террор против советских дипломатов. В 1923 г. в Лозанне М. Конради убил В.В. Воровского. В 1926 г. в Латвии братья Гавриловичи убили Теодора Нетто, тяжело ранив его напарни-

ка Иоганна Махмасталя. В 1927 г. в Польше убили П.Л. Войкова. В 1920–1930-е гг. радикальные белоэмигранты постоянно совершали провокации на государственной границе СССР, а также в отношении советских посольств и консульств и их сотрудников. Ярость и злоба так захлестывали белую эмиграцию, что жертвами их террора становились не только представители СССР. Нападением подверглись А.И. Гучков, М.В. Родзянко, П.Н. Милюков. Эмигранты–монархисты застрелили кадета В.Д. Набоков – отца писателя В.В. Набокова. Бывший махновец С. Шварцбард убил С.В. Петлюру. Жертвой белоэмигранта П.Т. Горгулова в 1932 г. стал и президент Франции П. Думер. Тогда о примирении не могло быть и речи. Тезис Сталина о нарастании классовой борьбы по мере продвижения к социализму мог торжествовать.

Список источников и литературы

1. Белковец Л.П., Белковец С.В. Восстановление Советским правительством российского (союзного) гражданства реэмигрантов из числа участников белого движения и политических эмигрантов // Юридические исследования. 2014. № 4. С. 106–169.
2. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1. Исход. М.: Гея, 1998. 432 с.
3. Слащев Я.А. Белый Крым. 1920: Мемуары и документы. М.: Наука, 1990. 292 с.
4. Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963. 437 с.
5. Вострецов С.С. Жизнь Степана Вострецова // Огонек. 1928. № 9. С. 15–16.
6. Последние бои на Дальнем Востоке. М.: Центрполиграф, 2005. 813 с.
7. Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября (Крах контрреволюции на Дальнем Востоке). М.: Мысль, 1986. 303 с.
8. Музруков Е. Битва за Якутию // Братишка. 2013. Март. С. 52–56.
9. Мышов Н.А. «...Его можно использовать как военспеца...» Документы федеральных архивов о попытке комдива С.С. Вострецова освободить из тюремного заключения белогвардейского генерала А.Н. Пепеляева. 1926–1928 гг. // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 89–98.
10. «Овчинка не стоит выделки». Letters of Kutuyakov, Red Army Commander, to J. Stalin // Источник. Документы русской истории. Вестник Архива Президента Российской Федерации. 2001. № 5. С. 14–20.

Для цитирования: Мышов Н.А. Белые и красные. Надежды на примирение – призрачные иллюзии // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 226–231.

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОМСКА ОТ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ:
ОТРАЖЕНИЕ ГОДОВЩИНЫ СОБЫТИЙ 7 ИЮНЯ 1918 г.
В МЕСТНОЙ ПЕРИОДИКЕ**

Назырова Виктория Викторовна¹

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия

¹ vika-germ@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 5643-0650

Аннотация: В работе анализируются публикации, посвященные годовщине событий 7 июня 1918 г., связанной с восстанием Чехословацкого корпуса и падением власти большевиков в Омске. Основным источником для исследования стали материалы ключевых омских газет. Теоретическая база исследования – сочетание историко-культурологического подхода, проблемного и сравнительно-исторического методов. В заключении делается вывод о характере освещения мероприятий к годовщине освобождения Омска от власти большевиков, использовании этой информации для оценки общественно-политической жизни.

Ключевые слова: культурная антропология, периодическая печать, Гражданская война, интервенция, Чехословацкий корпус, белое движение, А.В. Колчак, Омск.

Постановка проблемы. Изучение на основе прессы общественных настроений, становления и деятельности новых органов власти в период Гражданской войны в Сибири представляют истории большой интерес для исследователей. Особое внимание здесь занимают события в Омске – месте средоточия политической жизни и антибольшевистской власти [См. напр.: 1–5]. Тем не менее, до настоящего времени, несмотря на существующее внимание к данной проблеме, не получил должного изучения сюжет, связанный с освещением в омской периодике годовщины событий 7 июня 1918 г.

Цель статьи – на основе материалов, опубликованных в изданиях белого Омска, проанализировать отношение к антибольшевистскому выступлению, спустя год. В качестве основного источника использовались материалы ключевых газет, выходивших тогда в Омске: «Сибирская речь», «Правительственный вестник», «Наша Заря». «Правительственный вестник» – основной печатный орган правительства адмирала А.В. Колчака, учрежденный с образованием Российского правительства. В газете печатались указы Верховного правителя, распоряжения высших органов власти, публиковались заметки о положении на фронте и т.п. Газета «Наша Заря» издавалась с 1919 г. и позиционировала себя, как «орган демократической государственной мысли». Выходившая с мая с 1917 г. «Сибирская речь» была изданием кадетской (фактически «правлящей» в белом Омске) партии. Но все эти газеты, так или иначе, уделяли внимание обзорам разных сторон омской жизни.

Основная часть. Чехословацкий корпус кардинальным образом повлиял на военно-политическую ситуацию в Сибири. Омск был занят антибольшевистскими силами 7 июня 1918 г. Спустя год периодические издания торжественно вспоминали эти события и публиковали информацию о праздничных мероприятиях в городе. В омской прессе после 25 мая 1919 г. появились публикации с заголовками «К годовщине освобождения Сибири», где были представлена информация о праздновании этих событий в Екатеринбурге, Томске, Красноярске и т.п. [6], публиковались официозные поздравления по этому случаю [7–8]. Более подробно освещались торжества, проходившие непосредственно в Омске. В прессе публикации, посвященные годовщине событий 7 июня 1918 г. публиковались в рубриках «Местная жизнь» (Сибирская речь), «Омская хроника», «Дневник» (Правительственный вестник), «Омск за день» («Наша Заря»). В общей сложности их было выявлено порядка 20-ти, но нами использованы наиболее информативные.

В издании «Наша Заря» от 4 июня 1919 г. был представлен план мероприятий: «Празднование годовщины освобождения г. Омска решено назначить на 7 июня 1919 г., городская управа приступила к составлению списка гостей. В первую очередь будут приглашены представители тех русских и чешских военных властей, а также отдельные лица, которые принимали участие в изгнании большевиков. Депутации правительственных и общественных организаций получают возможность в резолюциях и речах высказать свое отношение к событию 7 июня» [9]. В последующих номерах газеты информация дополнялась и уточнялась: «В ответ на приглашение городской управы принять участие в праздновании дня освобождения Омска от советской власти, войсковая управа Сибирского казачьего войска решила участвовать в праздновании всем своим составом во главе с войсковым атаманом» [10]. Также в местной прессе продолжали публиковаться анонсы мероприятий по случаю годовщины освобождения города от большевиков [11], сообщалось о прибытии командующего Сибирской армией генерала Р. Гайды [12]. «Правительственный вестник» носил официальный характер, поэтому в издании была опубликована только информация о параде войск и молебне, который будет отслужен духовенством Воскресенского военного собора [13].

После празднования торжеств в «Сибирской речи» освещались уже прошедшие в городе торжества: «7 июня в годовщину освобождения Омска от большевиков на площади позади здания Судебных установлений состоялся парад войскам Омского гарнизона и 6-му чехословацкому полку. Этот полк, как известно, год тому назад бился с большевиками под Марьяновкой и затем, уничтожив красную армию, взял Омск. К 12 часам стали прибывать представители иностранных миссий и члены правительства. В 12 часов прибыл со свитой Верховный Правитель Адмирал А.В. Колчак. Для него была приготовлена лошадь. Окруженный свитой Верховный Правитель объехал выстроившиеся части войск и здоровался с ними. Затем Верховный Правитель подъехал к собравшемуся на середине площади духовенству во главе с архиепископом Омским преосвящен-

ным Сильвестром. Архиепископ произнес краткую речь. В ней он указал, что залог спасения России – государственность, первые камни ее уже заложены здесь. Далее архиепископ заметил, что в борьбе за государственность погибло много достойных людей. После речи архиепископом был отслужен молебен. По окончании молебна состоялся парад войскам. При звуках марша войска прошли церемониальным маршем перед Верховным Правителем» [14]. Благодаря подобным публикациям мы имеем возможность воссоздать последовательность праздничных мероприятий, отношение к ним общественности. Присутствие на празднике Верховного правителя А.В. Колчака и архиепископа Омского и Павлодарского Сильвестра (Ольшевского) – свидетельство о идеолого-пропагандистской сплоченности власти и церкви. В этом смысле актуален тезис петербургского историка Н.Н. Смирнова, который подчеркнул в недавнем интервью неразделимость академического изучения гражданской и церковной истории, в том числе, применительно к событиям Гражданской войны в России [См. подр.: 15].

В газете «Правительственный вестник» в публикации «Годовщина освобождения Омска» была представлена информация о торжественном заседании Омской городской думы, состоявшемся 7 июня 1919 г. в зале гарнизонного собрания. В частности, приведены описания речи председателя Думы, приветствие городского головы и пр. Так, управляющий делами Верховного правителя, министр юстиции и сенатор Г.Г. Тельберг отметил: «За эти двенадцать месяцев мы прожили тяжелый год. Это был год великой борьбы великих опасностей, в тоже время это была эпоха такой кипучей, лихорадочной работы, такого подъема энергии, воли и настроений, какого давно не знала Россия, какого, пожалуй, никогда не испытывала далекая безмятежная Сибирь. Ареной этой работы суждено было стать Омску. Здесь зародилось в судорожной схватке с большевизмом Временное Сибирское правительство, отсюда из скромного белого домика, некогда резиденции провинциального губернатора, оно начало управлять государством, которое даже в урезанном, исковерканном виде растянулось на тысячи верст от Урала до Тихого океана. Сюда же подталкиваемое выдающеюся ролью Сибири поспешило переехать Всероссийское правительство, избранное в Уфе. Здесь, наконец, живет и работает нынешнее Российское правительство, которое является сейчас центром и опорой новой попытки объединить и возродить Россию... Город Омск стал не только ареной правительственной работы, но и лабораторией общественного мнения... Я ручаюсь высказать убеждение, что и для внутренней жизни города, для всего его будущего не пройдет бесследно этот год близости к напряженной государственной работе» [16].

Далее в публикации были представлены сведения о приветствиях Омского биржевого комитета, Акмолинской областной земской управы, Совета съездов торговли и промышленности и т.д. Информацию об этом же заседании по случаю годовщины освобождения Омска от большевиков мы встречаем в газете «Наша Заря» была, в заметке 7 июня 1918 г. рассматривалось как день «возрождения новой России»: «Из бездны отчаяния, в которую поверг Россию большевизм, вывела страну братская помощь чешского народа» [17].

Больше всего из анализируемых газет на годовщине событий 7 июня 1918 г. заострила внимание газета «Наша Заря». В частности, отмечалось, что это «день радости для каждого русского человека». При этом делался экскурс к событиям 1917 г., где отмечалось следующее: «Большевицкий переворот лишил нас всего, что мы обрели за нашу историю. Мы лишились своей государственности, национальной чести, своей культуры... И вдруг случилось чудо: братская рука решительно встряхнула нас, поставила на ноги и повела в последний бой, в котором нужно или победить, или умереть... Итак, день 7 июня надо считать днем национального пробуждения... Инициативу восстания против большевиков взяли на себя сыны героического чешского народа... Своим выступлением они нанесли тяжкий удар большевикам, от которого последним не спастись никакими ухищрениями. Вот почему Россия будет вечно благодарна чешскому народу, который вырвал ее из морального ада. Вот почему подвиг чехов будет предметом восхищения всех поколений последующих русских людей». Далее звучит призыв активно использовать ситуацию на благо страны: «Сбросим же с себя окончательно оковы старого режима, вдохновимся подвигом наших братьев, забудем свои интересы ради блага Родины, встанем все под национальное знамя и доведем до конца дело возрождения демократической России» [18].

В этом же номере была опубликована статья «Освобождение Омска»: «В первых числах июня в Омске происходила невероятная сутолока, наводившая панику на приверженцев совдепщиков... 7 июня чехословаки вступили в Омск. Воины с белыми повязками на руках шли вместе с ними, а в это время в беспорядке уходили с пристани пароходы с бежавшими трусами, предателями, насильниками и наемниками немецкого капитала, отстреливавшихся из пулеметов. Омск стал свободным. Нужно ли описывать радость ликования жителей, нужно ли описывать какой вздох облегчения вырвался из груди граждан?» [19]. Кроме описаний торжеств, воспоминаний и обращений к событиям годичной давности, в прессе публиковались стихотворения, посвященные чехословакам и их вкладу во взятие города:

И вместе мы, в боях под сенью общих нам знамен,
Еще тесней скрепили братство вновь пролитой кровью,
И старый лозунг – единение родных племен, –
Вы освятили вновь и подвигом, и верною любовью [20].

Результаты исследования. Таким образом, омская периодическая печать старалась колоритно и активно осветить годовщину освобождения Сибири и, в частности, Омска от власти большевиков. В газетах встречаются как перепечатки из других изданий (что для тех лет было нормой) о проведении мероприятий, так и информация связанная непосредственно с Омском и датой 7 июня 1918 г. При этом тематика публикаций, имеющих отношение непосредственно к Омску более подробная и разноплановая.

Следует отметить важность введения в научный оборот материалов периодики, позволяющих проследить целый спектр аспектов политической и повсе-

дневной жизни. Первое, что можно отметить – это взгляды общественности по отношению к официозной годовщине, дающие представления о царивших в Омске настроениях и чаяниях определенной прослойки общества относительно перспектив будущего развития России. Но тут стоит помнить об общем право-консервативном духе и обстановке «военно-буржуазной» столицы, имевших место в колчаковском Омске [См. напр.: 21]. Такие позиции отражала основной массы официальных изданий (в том числе, анализируемых в данной работе). Поэтому информационный срез в этом смысле можно назвать колоритным, но неполноценным. По части освещения городской повседневности (сквозь призму официозного праздника) ценность нашей наработки выше. Здесь важно учесть, что данная проблематика в современной историографии получила распространение, но в значительной большей степени применительно к советским государственным торжествам (в том числе, в 1920-е гг. в Сибири и в Омске, в частности [См. напр.: 22–23]). Опыт белой Сибири представлен гораздо уже [24].

В целом продолжение работ может быть полезно в осмыслении попыток формирования на белом востоке России государственной идеологии и исторической памяти, в характеристике биографических сюжетов политической повседневности, а также оценке формального статуса отдельных мероприятий. Приоритетной перспективой изучения проблемы здесь, на наш взгляд, видится более масштабное, обобщенное изучение вопроса на основе такого же методологического блока, но с привлечением более широкого корпуса периодических изданий, а также других источников (например, мемуарных сочинений). В этом отношении интерес представляет, прежде всего, опыт организации колчаковскими властями празднований «дней освобождения от большевиков» в других городах белой Сибири, а также сопоставительный анализ этой практики с аналогичными официозными антибольшевистскими торжествами в Прикамье, на Урале, в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Список источников и литературы

1. Шереметьева Д.Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 300 с.

2. Шереметьева Д.Л. Официальная периодическая печать Российского правительства (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. мат-лов Всерос. конф. с междунар. участ. (Новосибирск, 18–20 нояб. 2019 г.). Новосибирск: СО РАН, 2019. С. 366–375.

3. Симонов Д.Г. Газеты как источник по изучению антибольшевистских вооруженных сил востока России (1918–1919 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15. № 6. С. 31–40.

4. Петин Д.И. Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 65–75.

5. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.). Омск : Амфора, 2023. 420 с.

6. К годовщине освобождения Сибири // Сибирская речь (Омск). 1919. 28 мая.

7. Годовщина освобождения от большевиков // Сибирская речь (Омск). 1919. 31 мая.

8. Приветствие Совету министров // Правительственный вестник (Омск). 1919. 31 мая.

9. Годовщина освобождения // Наша заря. 1919. 4 июня.

10. К празднованию освобождения // Наша заря. 1919. 5 июня.

11. Празднование 7 июня // Наша Заря (Омск). 1919. 6 июня.

12. Приезд генерала Гайда // Наша Заря (Омск). 1919. 6 июня.

13. Приказание гарнизону г. Омска // Правительственный вестник (Омск). 1919. 7 июня.

14. Парад войскам // Сибирская речь (Омск). 1919. 8 июня.

15. Смирнов Н.Н. «Нельзя отделять церковь от гражданской истории...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64.

16. Годовщина освобождения Омска // Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 июня.

17. Торжественное заседание // Наша Заря (Омск). 1919. 11 июня.

18. Омск, 7 июня // Наша Заря (Омск). 1919. 7 июня.

19. Бурлинский П. Освобождение Омска // Наша Заря (Омск). 1919. 7 июня.

20. Язвицкий В. Чехословакам // Наша Заря (Омск). 1919. 7 июня.

21. Сушко А.В., Безродный К.Э. В.А. Жардецкий и сибирское областничество // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 1. С. 30–36.

22. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и меморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск: НГТУ, 2015. 572 с.

23. Тишкина К.А., Петин Д.И. Празднование 10-летия восстановления советской власти в Сибири в 1929 г. (на примере Омского округа) // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8. № 2. С. 81–96.

24. Сушко А.В. К вопросу о праздновании Дня георгиевских кавалеров и восстановлении георгиевских наград в Белой Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2, Т. 6. С. 295–299.

Для цитирования: Назырова В.В. Освобождение Омска от власти большевиков: отражение годовщины событий 7 июня 1918 г. в местной периодике // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 232–237.

**ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В СТАНИЦЕ ЧЕРЛАКОВСКОЙ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ,
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ, НАУЧНОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.
1939–2021 гг.**

Новиков Сергей Валентинович¹

Новиков Михаил Сергеевич²

¹ Омский государственный аграрный университет, Омск, Россия

² Омский государственный технический университет, Омск, Россия

¹ zatoncherlak62@inbox.ru, SPIN-код (РИНЦ) 7226-1354

² bonid89@inbox.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2836-4707

Аннотация: Изучение истории первых мероприятий советской власти и событий Гражданской войны в станице Черлаковской, позволяет отследить не только изменения подходов к теме, но и влияние позиций авторов на интерпретацию событий тех далеких лет. Для этого необходимо проведение научного анализа публикаций региональной печати, исследований историков и краеведов, их сравнения с локальными источниками. Проведенная работа позволяет выявить причины изменений оценок происходивших событий, выявить биографии участников и оценки их личности, рассмотреть предложенную периодизацию событий.

Ключевые слова: станица Черлак, Советская власть, Гражданская война, белое движение, революция, контрреволюция, историография, краеведение.

Постановка проблемы. События, революции и Гражданской войны в России, особенно в её казачьих регионах, получили неоднозначную оценку. Авторы материала уже обращались к характеристике источников к изучению данной проблемы на примере станицы Черлаковской [1]. В предложенном материале предпринята попытка изучения отражения событий революции и Гражданской войны на страницах газет, в художественной, научно-популярной и научной литературе. Хронологические рамки исследования – период с 1939 г. по 2021 г. Авторы, условно, подразделяют данный период на три составляющих: 1) советский, коммунистический (1939–1988 гг.); 2) период изменения новой государственной системы (1989 г. – 2010-е гг.); 3) современный период. В рамках предложенной периодизации выявлены особенности описания исторических событий: конкретизированы объективные и субъективные причины оценок происходивших событий и личностей, в них участвовавших, предпринята попытка анализа предложенных периодизаций истории революции и Гражданской войны в казачьих станицах. Думается, что проведенная работа будет спо-

способствовать реконструкции событий Гражданской войны в локальном измерении, что станет фактором влияния на анализ её хода и событий в целом.

Основная часть. Появление публикаций о событиях революции Гражданской войны в станице Черлакская относится к 1939–1940 гг. [2; 3]. По мнению авторов статьи, они принадлежат перу селькора, краеведа, директора Черлакского районного государственного архива Б.И. Маслацова [4, С. 11]. Отметим, что он собрал материалы, как сейчас принято говорить, «устной истории», и на долгие годы сформулировал подходы к подаче и оценке этих событий, учитывая при этом изменения их трактовки со стороны правящей партии. Так была выстроена канва повествования:

- станица Черлаковская до революции. В повествовании речь идет не столько об экономическом, сколько о социальном составляющем жизни станичников. Назывались фамилии станичных «богатеев» и «мироедов» – купцов, хозяина монополюшки (торговца, выкупившего исключительное право на сбыт спиртных напитков), лавочников и кулаков, помещика;

- революционное движение в феврале – октябре 1917 г. Рассказ о революционерах – выходцах из местного населения и приезжих, по той или иной причине проживающих на территории станицы, их борьбе с частными проявлениями несправедливости и борьбе против царизма;

- события, связанные с установлением Советской власти в станице, её преобразования. Характеристика деятельности революционеров, проводящих в жизнь её первые декреты;

- свержение Советской власти. Повествование о контрреволюции – событиях, связанных с мятежом Чехословаков, появлением в станице Черлаковской казаков – противников Советской власти, прибывших извне.

Данная подача, практически, превалировала в публикациях 1960-х – 1970-х и даже 1980-х гг. [5; 6; 7; 8; 9]. При этом, к числу проживающих в станице «богатеев» и «мироедов» были отнесены купец Елкин, хозяин монополюшки Кузнецов, кулаки Войновы, Булдаковы. Милютины, Черкашины, Шмыгины, Шебашины. При этом Булдаковы и Шмыгины, упомянутые в публикации 1966 г., более на страницах публикаций не встречаются. Во всех публикациях упомянут помещик Груздев [2; 6; 8; 9]. При этом Б.И. Маслацов указывает на попечительства Кузнецовым станичной школы и амбулатории, а А.Д. Колесников, отмечая степень классового расслоения казаков, пишет, что 20% «богатеев» владели 40% пашни и половиной скота и лошадей [6; 8].

Пантеон местных революционеров складывался крайне сложно. Их перечисление приводится в 1960 г., в статье, написанной по материалам районного государственного архива, и в 1968 г. в статье П. Шабалина и Б. Маслацова. В станице Черлаковская это – А.Е. Мельников, И.Н. Березовский, П.П. Шабалин, М.С. Вдовенко. В поселке Елизаветинском – М.С. Гоголев, учитель Коваленко, Т.И. Березовский, Ф. Задави-Свечко, И.И. Елгин, М.В. и Н.В. Велижанины, В.И. Горьковой, И.Т. Чернецов [5; 7].

Но последующая тенденция освещения данного вопроса в рамках «социального заказа» привела к исчезновению части сторонников Советской власти как из публикаций по истории, так и из пропагандистской работы. В статье 1977 г., Б.И. Маслацов пишет «В своей революционной работе А.Е. Мельников поддерживал тесную связь с рабочими-водниками, учителями В.Д. Малышевым (Черлак), А.С. Коваленко (Елизаветинка), старым революционером С.М. Гоголевым, Т.Н. Березовским и д. р.» [9]. Так, в числе борцов за Советскую власть, не был упомянут и забыт до конца 1980-х гг. участник событий Революции 1905–1907 гг. И.Н. Березовский.

В 1978 г. Черлакский райком КПСС выпускает машинописный материал «Борцы за Советскую власть», куда входят биография А.Е. Мельникова («Сын трудового казачества»), С.М. Гоголева («Соратник А.Е. Мельникова»), Т.Н. Березовского («Председатель Волревкома»), красноармейца и продотрядовца А.Е. Яковины («Сибирский хлеб»), комиссара водного транспорта А.С. Буя («Улица его имени») [4, С. 24]. Эти персоналии будут неоднократно упоминаться в последующих публикациях вплоть до 1989 г.

Отдельно скажем об образе А.Е. Мельникова. Его именем были названы с/х «Память Мельникова», одна из центральных улиц Черлака. В 1940 г. статью «Афанасий Мельников» публикует районная газета. Имя А.Е. Мельникова носила пионерская дружина Черлакской средней школы № 2 и четыре пионерских отряда в школах района. В 1957 г. в сквере Черлака был установлен бюст А.Е. Мельникова работы скульптора Ф. Бугаенко [10, С. 20].

В 1960 г. районная газета «Коммунист» публикует стихотворение черлакской поэтессы М. Рекиной «Памяти большевика»:

«Он бы мог для тебя
Быть отцом или дедом.
Человек с пылким сердцем
В мятежной груди.

Вот такие как он
Презирая все беды.
Ярким всполохом
Светят сегодня в пути.

Вот такие как он
Шли безропотно на смерть.
За родную страну
За Советскую власть

Не боялись мучений
Предательства, пыток.
Не боялись за жизнь
Бездыханными наземь упасть...» [11].

В 1975 г., после консультаций с краеведом Б.И. Маслацовым, В.П. Дербенёвым была написана картина «Расправа» [10, С. 20]. Естественно, все события, связанные с именем А.Е. Мельникова, освещались печатью.

Появление Совета казачьих депутатов в станице Черлаковской в публикациях указанного периода связывают с деятельностью А.Е. Мельникова и его сподвижников. При этом А.Е. Мельников первый и единственный его председатель. В статьях речь зачастую идет об укреплении Советской власти и проведении её решений на III войсковом круге в марте 1918 г. [7, 9]. Проведение в жизнь решений Советской власти нашло отражение в материалах о А.Е. Мельникове: рассказывается о борьбе с самогоноварением, посылке детей в школу, участии в решении споров по разделу земли [12; 4, С. 59–62].

Перечень противников Советской власти в 1968 г. включал в себя помещика Груздева, купца Кожевникова, попа Кузнецова, кулаков И. Кузнецова и М. Войнова, учителя Б. Девятова [7]. Через девять лет Б. Маслацов обозначил только «кулака Груздева», вокруг которого «собрались реакционные силы». При этом автор пишет, что «летом 1918 г. белогвардейцам удалось прорваться в Черлак». Советская власть пала [9].

В период реформирования государственной системы события революции и Гражданской войны рассматривались на базе опубликованных омским историком В.А. Шулдяковым материалов И.Н. Березовского [13]. Их обработка, на наш взгляд, сместила идеологические акценты в оценках событий. В статье 1992 г. В.А. Шулдяков описывает ситуацию в станице Черлаковской, опираясь на упомянутые документы из фондов Исторического архива Омской области (Ф. Р–1154 «Березовский Иван Николаевич» и материалы «Исторические очерки «Борьба за Советы в Черлаке»») [14]. В статье приводится материал о Советах в станице. При этом назван первый председатель Исполкома, созданного взамен правления и атамана еще летом 1917 г. по постановлению I войскового съезда И.Ф. Кузнецов, «мелкий хлеботорговец, человек небогатый но с рвением выполняющий приказы Войсковой управы». После формирования группы сторонников Совказдепа в Черлаковской председателем исполкома был избран «только что вернувшийся с фронта» казак Сухоплюев, сын зажиточного казака. В начале февраля 1918 г., после ареста Совказдепом Войсковой управы, станичный сход, на котором тон задавали фронтовики, одобрил действия Совказдепа и избрал председателем станичного Исполкома А.Е. Мельникова [14, С. 164–165, 166]. Естественно, данное перечисление – вклад в разработку истории Черлака в годы революции.

Наиболее «самостоятельны» в сравнении с воспоминаниями И.Н. Березовского характеристики, данные В.А. Шулдяковым А.Е. Мельникову. Как называется сегодня, «без галстука»: «Афанасий закончил станичную школу. По воспоминаниям станичных старожиллов Афанасий влюбился в девушку-работницу, которую нанял отец, и начал тайно жить с ней. Родители, узнав женили его на другой. Работницу же, уже беременную, выдали замуж. Она родила дочь, кото-

рой дали фамилию отчима». Автор статьи пишет «Афанасий Егорович Мельников был не очень уживчивым человеком, с тяжелым характером. Личная жизнь его не сложилась. В законном браке детей у него не было. Может быть он так тянулся к чужим? Многие черлакские старожилы вспоминали как детьми сидели у Мельникова на коленях, как забавлялся он с ними, какими добрыми у него были руки. Но со взрослыми Афанасий Егорович был очевидно жесточе, со своей женой не церемонился, бивал её, таскал за косы», «И, наконец, в расступившейся толпе конвойный казак Иван Растрепенин, люмпен и пьяница, ударом штыком в спину оборвал такую нескладную жизнь Афанасия Егоровича...» [14, С. 165–166, 167–168, 171–172]. Не будем спорить о характеристиках, данных В.А. Шульдяковым А.Е. Мельникову, отметим – попытка дегероизации состоялась.

В 2004 г. в Москве вышла книга В.А. Шульдякова «Гибель Сибирского казачьего войска 1917–1920. Кн. I». Объемный материал, собранный исследователем, дал возможность рассмотреть события революции и Гражданской войны в рамках монографического исследования. Но историк сделал выбор в пользу исторической беллетристики [15]. При этом, автор, в разделе «Политическая история войска эпохи Великой Смуты» представляет периодизацию его истории, предлагая выделить 4 периода: «Март 1917 – январь 1918 г. Это время мирного противоборства в войске двух основных политических течений: «староказаков» и «новоказаков» («трудовых казаков»). Первые выступали за сохранение казачьего сословия и борьбу с «германо-большевизмом» до победного конца. Вторые были за отказ от сословности, сближение с крестьянством на почве раздела частновладельческих, в том числе офицерских, земель. Вторая часть ориентировалась на «революционную демократию» (социалистов) и страстно желала мира <...>. Конец января – начало июня 1918 г. В это время Совказдеп, арестовав Войсковое правительство (26.01.1918), пытался провести в войске революционные преобразования. Фронтвики, довольные демобилизацией и возвращением домой, разъехались по станицам и сгладили то впечатление, которое вызвал у население насильственный переворот. Политическому течению «трудовому казачеству» с помощью фронтвиков удалось получить поддержку большинства депутатов на 3-м войсковом круге (март – апрель 1918 г.).

После круга избранный на нем Совказдеп к проведению внутривойсковой бессословной социализации земли <...>. Но весной, с началом полевых работ, учащаются земельные конфликты <...>. Сибирские казаки начинают отворачиваться от советской власти, социальная база Совказдепа резко сужается. Вооруженное выступление на территории войска было ускорено восстанием Чехословацкого корпуса. Июнь 1918-го – ноябрь 1919 г. Это время полномасштабной Гражданской войны и активного участия в ней Сибирского казачьего войска <...>. 1920–1922 гг. <...>. Войско и войсковое сословие перестают существовать <...>» [15, С. 16–18].

На основе этой периодизации В.А. Шулдяков ведет повествование в книге, упоминая о событиях в станице Черлаковской [15, С. 85–89].

Эти материалы и дают возможность ставить вопрос о содержательной части первого и второго периода. Некорректно, на наш взгляд, обозначение политического течения – «новоказаки» («трудовые казаки»). Во-первых, помимо казаков в станице проживали переселенцы и разночинцы, речники-зимовщики, киргизы (казахи). Во-вторых, в данный период обозначилось «антивоенное течение», вбирающее в себя станичников различного достатка. Целесообразна постановка вопроса о характере отношений революционеров с представителями этих сил вплоть до подписания Брестского мира.

Очерк «Черлак на переломе эпох» стал частью книги С.В. Новикова. Он указывает, что «история установления и падения Советской власти в Черлаке подробно изложена в воспоминаниях И.Н. Березовского и составленном на их основе очерке омского историка В.А. Шулдякова...». Сам автор попытался избежать идеологических оценок [16, С. 85–122, 111].

В постсоветской литературе отражены биографии врагов революции. У В.А. Шулдякова – это биография Н.Н. Груздева, у Е.В. Наумовой – биография контрреволюционера и священника В.А. Кузнецова [15, С. 87; 17, С. 70–71].

К современному периоду можно отнести работу С.В. Новикова и М.С. Новикова, характеризующую комплекс источников по изучению истории событий революции и Гражданской войны в станице Черлаковской, и написанную с их использованием статью М.С. Новикова «Революция и контрреволюция в станице Черлаковской 1918–1928 гг.» [1; 10]. Статья хронологически выходит за рамки темы. Её автор фактически предугадал введение раздела «Великая российская революция (1917–1922)» в Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. 15.02.2023 г. № ВФ/15-пр [18].

М.С. Новиков рассматривает Первую мировую войну как фактор, «оказавший большое влияние на внутренние социально-политические процессы», при этом он не игнорирует внутренних причин «кризиса казачества», повлекших создание после февраля 1917 г. в Сибирской казачьей дивизии движения за «расказачивание». К лету 1917 г. автор относит и политическое размежевание в станицах. Размежевание привело к аресту «Войскового правительства» и признанию, что называется, «общим пакетом»: Советской власти, «Закона о социализации земли» и Брестского мира. Автор констатирует, что «демократические по сути преобразования пришлось проводить представителям большевиков». Что касается казаков, то по заключению мира с Германией они, ранее покинувшие театр военных действий, уже не опасались за свое будущее, а следовательно остальные решения Советской власти проводить в жизнь не желали. Весна обострила противоречия, а летом 1918 г. произошел переворот – казаки отказались от демократических преобразований [10, С. 16, 17, 18].

Восстановление Советской власти в 1919 г., её преобразования М.С. Новиков рассматривает, как «революцию сверху» и по факту входа в станицу частей РККА, и в оценке мероприятий – передел земель, национально-административное размежевание 1920–1921 гг. Классовая борьба периода отражена в рассказах о судьбах участников событий 1917–1918 г. [10, С. 19].

Результаты исследования. Изучение газетных публикаций, художественной, научной и научно-популярной литературы позволяет сделать выводы, что оценка материалов, посвященных революции и Гражданской войне, применительно к станице Черлаковской предопределялась двумя факторами – политическими взглядами авторов (сторонников победившей стороны), и влиянием государственной идеологии.

В коммунистический период влияние второго фактора внесло коррективы в составленную на основе «устной истории» Б.И. Маслацовым картину событий, заменив перечень казаков – сторонников Совказдепа борцами за власть Совета: речником-комиссаром (А.С. Буй), разночинцем (С.М. Гоголев), крестьянином-продотрядовцем (А.Е. Яковина), казаками (А.Е. Мельников, Т.Н. Березовский) и др. Во втором периоде с антисоветских позиций события и личности, на основе воспоминаний революционера И.Н. Березовского, характеризовал В.А. Шулдяков. Однако, угасание «бытового» антикоммунизма», провозглашение демократических принципов строительства государства нивелировали влияние второго фактора.

В завершении приходится констатировать, что, с одной стороны, отсутствие государственного вмешательства («социального заказа») открыло возможности разнопланового изучения истории революции и Гражданской войны на локальном уровне, а с другой стороны, процессы урбанизации XX в. практически стерли население казачьей станицы и историческую память о событиях столетней давности и их участниках.

Список источников и литературы

1. Новиков С.В., Новиков М.С. Комплекс источников по изучению истории событий революции и Гражданской войны в станице Черлаковской // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 20–21 окт. 2021 г.). Омск: ОмГТУ, 2021. С. 219–227.
2. Рассказ о прошлом и настоящем Черлака // Большевик. 1939. 19, 26 нояб.
3. Афанасий Мельников // Большевик. 1940. 4 янв.
4. Борис Маслацов и его история станицы Черлаковская / под. ред. С.В. Новикова; сост. С.В. Новиков, М.С. Новиков [авт. вступ. ст. С.В. Новиков, библиограф. – М.С. Новиков]. Омск: ИП Макшеева Е.А., 2013. 104 с.
5. Борьба за власть Советов в Черлакском районе (По материалам райгосархива) // Коммунист. 1960. 16 нояб.

6. Маслацов Б. Черлак дореволюционный // Коммунист. 1966. 19 окт.
7. Шабалин П., Маслацов Б. Первые Советы в Черлаке. К 50-летию со дня гибели А.Е. Мельникова // Коммунист. 1968. 11 июня.
8. Колесников А. К 250-летию Черлака. Страницы истории // Коммунист. 1970. 16 июня.
9. Маслацов Б. Переход трудового казачества на сторону революции. К 60-летию Советской власти. // Коммунист. 1977. 23 апр.
10. Новиков М.С. Революция и контрреволюция в станице Черлаковской 1918–1928 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 2. С. 15–23.
11. Рекина М. Памяти Большевика // Коммунист. 1968. 11 июня.
12. Маслацов Б. А.Е. Мельников (К 100-летию со дня рождения) // Коммунист. 1978. 28 янв.
13. Березовский И.Н. В борьбе за Советскую власть // Коммунист. 1989. 31 окт.; 7, 11, 16, 21, 28 нояб.; 9, 14 дек.
14. Шулдяков В. Переворот (Из истории Черлаковской станицы Сибирского казачьего войска) // Иртыш. 1992. № 2. С. 160–173.
15. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска 1917–1920. Кн. I. М.: ЗАО «Центрополиграф». 2004. 748 с.
16. Новиков С.В. Очерки истории Черлака и Черлакского района: 1720–1985 годы. Омск: ОмГУ, 2008. 406 с.
17. Наумова Е.В. Некоторые страницы истории православной церкви в Черлаке // Наш родной Черлакский край. Сб. мат-лов к 110-летию Б.И. Маслацова. Омск: ИП Макшеева Е.А., 2019. С. 67–74.
18. Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. 15.02.2023 г. № ВФ/15-пр. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/Концепция1.pdf> (дата обращения 08.08.2023).

Для цитирования: Новиков С.В., Новиков М.С. Отражение событий революции и начала гражданской войны в станице Черлаковской на страницах газет, в художественной, научной и научно-популярной литературе. 1939–2021 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 238–245.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ КОМАНДУЮЩЕГО 1-М ЕНИСЕЙСКИМ КАЗАЧЬИМ ПОЛКОМ В. И. РОЗАНОВА

Паршуков Владимир Александрович ¹

¹ Муниципальное бюджетное учреждение

«Управление инженерной защиты», Ульяновск, Россия

¹ asf-zavod@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 5099-3439

Аннотация: В статье с историко-антропологических позиций на основе неизвестных ранее источников представлен обзор биографии и службы офицера Енисейского казачьего войска Василия Ивановича Розанова. Впервые приведены сведения из послужного списка офицера, а также введен в научный оборот ряд новых источников по истории енисейского казачества.

Ключевые слова: офицерство, Гражданская война, белое движение, Енисейское казачье войско, 1-й Енисейский казачий полк.

Постановка проблемы. Биографиям офицеров Енисейского казачьего войска посвящено ряд публикаций историков и краеведов [1–5]. В то же время служебная деятельность и биографические сведения многих других офицеров–енисейцев, даже занимавших высокие командные должности, остаются неизвестными. К примеру, до настоящего времени мало что было известно о командующем 1-го Енисейского казачьего полка хорунжем Василии Ивановиче Розанове. Современные исследователи истории Гражданской войны в Енисейской губернии в своих работах часто упоминают его фамилию в свете каких-то событий, однако до недавнего времени даже его имя и отчество не были известны. Так, М.Г. Тарасов, попытавшийся в своей монографии первым обобщить имеющиеся сведения об этом офицере, указал, что «имя и отчество неизвестны. Участник Белого движения, из енисейских казаков...» [6, С. 160]. Далее автор монографии сообщает о том, как успешно Розанов руководил подавлением крестьянского восстания и ликвидацией очагов партизанского движения. Таким образом, цель исследования – поиск сведений об офицере Енисейского казачьего войска В.И. Розанове в федеральных и региональных архивах.

Основная часть. Ранее нам удалось обнаружить список офицеров 1-го Енисейского казачьего полка, из которого стали известны имя и отчество Розанова [7, Л. 27]. На момент составления данного списка в августе 1918 г. хорунжий Розанов занимал должность командующего полка. В ходе данного исследования нам удалось так же выяснить, что Розанов не был выходцем из енисейских казаков, а являлся лишь приписным казаком, принятым в 1917 г. в Енисейское казачье войско. По воспоминаниям Атамана Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинского, хорунжий Розанов после окончания военного учи-

лица поступил на службу в Уссурийский казачий полк [8, С. 144]. В РГВИА нами был обнаружен список офицеров, окончивших кавалерийские военные училища и зачисленных в конце 1916 г. на службу в Уссурийский казачий полк [9, Л. 17–18, 29]. Но В.И. Розанов среди них не было. Как выяснилось позже, в полк Розанов поступил в феврале 1917 года.

Нас, в ходе данного исследования, прежде всего, интересовал послужной список офицера, где отражаются дата рождения, сословие, вероисповедание, учебное заведение, состав семьи, прохождение службы, полученные награды и иные сведения. Просмотрев различные дела, хранящиеся в федеральных архивах и Государственном архиве Красноярского края, нам удалось обнаружить сведения о В.И. Розанове в фонде «Военная академия» РГВА, в деле: «Об офицерах, желающих поступить в младший класс Академии». Никто и не предполагал, что здесь может быть какая-либо информация об этом человеке, ведь в Академии Генерального штаба он не учился и офицером Генштаба не был.

Выяснилось, что в Енисейском казачьем войске стало известно о планах колчаковского командования открыть в Томске младший курс Академии Генштаба. Атаман Тялшинский направил туда 21 октября 1918 г. послужной список командующего 1-го Енисейского казачьего полка В.И. Розанова на предмет поступления его «слушателем первого курса» [10, Л. 119об.]. Но 9 ноября 1918 г. из Томска ответили, что распоряжений об открытии младшего класса Академии пока нет.

Из послужного списка составленного 30 июля 1918 г. стало известно, что Розанов Василий Иванович родился 26 января 1892 г., был православного вероисповедания. Происходил из крестьян Смоленской губернии. Окончил Петроградский политехнический институт. 4 февраля 1916 г. согласно, поданного прошения зачислен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища на правах вольноопределяющегося 1-го разряда рядового звания; 26 февраля был приведён к присяге. 25 января 1917 г. Розанову присвоили унтер-офицерское звание. По окончании курса наук в Николаевском кавалерийском училище 1 февраля 1917 г. В.И. Розанов Высочайшим приказом произведен в хорунжие и командирован в Уссурийский казачий полк. Уже 19 февраля хорунжий Розанов, прибыв на службу, был зачислен в списки полка младшим офицером 2-й сотни. 7 сентября этого года Василий Иванович был командирован в распоряжение начальника Енисейской конвойной сотни при командующем 3-го Конного корпуса и назначен младшим офицером. Спустя месяц хорунжий Розанов вступил в должность командира указанной сотни.

О том, что В.И. Розанов имеет награды – запись в послужном списке отсутствует, но 10 октября 1917 г. он был представлен к ордену Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а 19 октября представлен к ордену Св. Станислава 3-й степени. Этой же датой Розанов был представлен к чину сотника за выслугу лет. В ноябре 1917 г. он был «принят в Арбатскую станицу и утвержден Войсковым управлением Енисейского казачьего войска» [10, Л.

121об.]. Видимо эта процедура происходила по его заявлению заочно. 9 декабря вместе с Енисейской сотней конвоя хорунжий Розанов откомандирован в распоряжение начальника Уссурийской казачьей дивизии, откуда 23 декабря прибыл в Енисейское казачье войско. Вот как вспоминал об этом событии его сослуживец по Уссурийскому казачьему полку и сотне конвоя хорунжий А.Н. Тялшинский. «Приблизившись к Красноярску, мы слышали, что большевики готовятся разоружить наш дивизион, состоящий из только что призванных, мало обученных молодых казаков. Наше прибытие в Красноярск было своевременным <...> Молодой дивизион встретил своих братьев-фронтовиков в конном строю на вокзале. А фронтовики в полном порядке сделали высадку и в походной колонне подошли к молодым. На лицах всех собравшихся для встречи сияло умиление при виде дисциплинированной сотни <...> С лихими песнями, ободряющими мирное население города, старые и молодые казаки вошли в свои казармы» [8, С. 145–146].

3 января 1918 г. Розанов приказом по Енисейскому казачьему войску был зачислен в штат Красноярского казачьего дивизиона, а 18 января назначен командиром 3-й сотни дивизиона. Вскоре после этого казаки и офицеры дивизиона выступили против власти большевиков и участвовали в вооруженном мятеже. После поражения Сотниковского мятежа Розанов, как и многие другие казачьи офицеры, 20 февраля 1918 г. был арестован и посажен в минусинскую тюрьму, из которой был перевезён в Красноярск, где приговорён к смертной казни. Вот что писал о тех днях Тялшинский: «Нас удивляло что тюрьма, казалось бы, изолированная от внешнего мира, имеет свойство как бы впитывать в себя события, происходящие вне её стен. По этой причине мы около четырех часов дня узнали, что революционный трибунал только что вынес решение расстрелять всех офицеров. Нам сообщили и даже час назначенной казни. Запомнилось на всю жизнь, что мы будем убиты в 7 часов вечера 18 июня. С тревогой смотрели мы сквозь решетчатые окна на красноярские улицы, переполненные волнующимися толпами народа <...> В пять часов вечера конный отряд енисейцев подлетел на карьере к воротам тюрьмы на выручку своих офицеров. Тюремная стража сдалась и открыла ворота. Офицеры присоединились к казакам, и повели наступление на 3-й полицейский участок. Пошла мобилизация всех казаков, способных носить оружие и началась чистка города от большевистского элемента» [8, С. 149].

После свержения власти большевиков в Енисейской губернии, хорунжий Розанов принял активное участие в формировании 1-го Енисейского казачьего полка и был назначен его командующим. В РГВА в одном из дел фонда штаба Сибирской армии имеется рапорт хорунжего Розанова генерал-квартирмейстеру штаба Сибирской армии, поданный в августе 1918 г. Розанов докладывал: «распоряжением командира 1-го Средне-Сибирского корпуса вверенный мне полк по возвращению с Восточного фронта, после пятидневной стоянки в городе Красноярске, был двинут на Западный фронт <...> Мною было возбуждено ходатайство <...> о задержании полка в одном из городов по дороге на Западный фронт для обучения казаков и приведения полка в порядок. Полк был

задержан в Новониколаевске в составе 4-й, 1-й и 2-й сотен, полковой пулеметной команды и штаба полка. 3-я сотня была задержана в городе Омске. В Новониколаевске за 2-хнедельную стоянку полка, сотни были вполне приведены в порядок и относительно обучены, о чем и было доложено мною лично командиру Средне-Сибирского корпуса <...>» [11, Л. 40].

В.И. Розанов также сообщил командующему корпусу А.Н. Пепеляеву, что вместо 1122 казаков, положенных по штату, полк имеет 351 строевого и 88 нестроевых казаков. Довести полк до штатного состава можно за счет призыва на службу примерно 50 чел., не явившихся по мобилизации, пополнения полка инородцами, а так же новобранцами – крестьянами, тем самым переформировав полк из казачьего – в конный. Пепеляев приказал Розанову отправить в Екатеринбург 2 сотни, 1 сотню оставить в городе Тайга и одну – в Красноярске. Самому командиру полка с хозчастью, полковой, пулеметной и учебной командами необходимо было отправиться в Красноярск и вместе с Войсковым правлением Енисейского казачьего войска принять все меры для пополнения полка до штатного состава.

После того как в Минусинском уезде вспыхнуло крестьянское восстание, туда из Иркутска отправили войска под командованием генерал-майора И.Ф. Шильникова. От енисейских казаков для защиты Минусинска 16 ноября 1918 г. из Красноярска прибыла казачья сотня и учебная команда 1-го Енисейского казачьего полка (127 чел.) во главе с В.И. Розановым. В один из моментов «наступающие на город крестьяне оттеснили защитников города, на правом фланге обороны. Исходя из создавшейся ситуации, генерал-майор Шильников приказал готовить конную атаку силами казаков 1-го Енисейского казачьего полка. Боевой генерал первым ринулся в атаку, за ним следом пошли начштаба его отряда есаул Бекович-Валуйский, командир полка хорунжий Розанов и еще 9 чел., половина из которых были молодыми совсем не обученными казаками, практически детьми в возрасте 15–17 лет. Старослужащие казаки не подчинились приказу командира полка хорунжего Розанова, сгрудились в кучу и остались на своих позициях» [12, С. 287]. Этот случай послужил основанием для обвинения Розанова в неспособности управлять полком. Во время этой атаки хорунжий Розанов получил контузию «от удара его по голове тупым предметом» [13, Л. 78].

После ликвидации мятежа в Минусинском уезде в Собрании пожарного депо администрацией города и купечеством был устроен прием для военнослужащих. Очевидец вспоминал: «Банкет был назначен на 7 часов вечера, и на нём присутствовали все чины отряда, как офицеры, так и рядовые, без исключения. Столы были поставлены покоем. В центре сидел ген. И.Ф. Шильников, около него городской голова г. Минусинска <...> и ряд так называемых начальствующих лиц <...> Банкет прошел весьма хорошо и благоприятно – у всех положительно осталось прекрасное впечатление. Пишущему это на банкете пришлось сидеть с командиром 1-го Енисейского казачьего полка хорунжим Розановым, который был впоследствии генералом и командовал Енисейской казачьей бригадой <...> Он также говорил, что ликвидированное восстание-мятеж от

частности есть результат слабого противодействия совкоммунистической пропаганде, на которую недостаточно серьёзно обращалось внимание, и что успех бунта отчасти обуславливался недобрым отношением воинских частей к населению. Что если бы все поступали так, как генерал Шильников, то все эти мятежи и бунты не имели бы места...» [14, С. 10–11].

В начале 1919 г. казаков 1-го Енисейского казачьего полка под командованием В.И. Розанова отправили в Енисейский уезд для ликвидации вспыхнувшего там восстания. После его подавления и взятия Енисейска, войсковой старшина Розанов был назначен командующим гарнизоном города. Один из его первых приказов был о запрете белых повязок, с которыми местные встретили освободителей. Приказ гласил, что в город пришли не войска правительственные, и сочувствие этим войскам должно выражаться не в ношении белой повязки, а в поступлении в ряды этих войск и в исполнении приказов органов правительства. Чинам гарнизона было приказано срывать с жителей белые повязки. Из Енисейска за подписью Розанова было отправлено немало документов вышестоящему командованию, с просьбой утвердить решение военно-полевого суда о наказании участников восстания [15, Л. 284, 287, 290].

И.Ф. Шильников, пребывая в Минусинском уезде, проверив сотни 1-го Енисейского казачьего полка, высказывал ряд претензий к командующему полком Розанову: «<...> казаки обучены слабо. Уставов нет, пособий тоже. Мною даны указания об устройстве самых простых станков для стрельбы и зеркал для проверки прицеливания». Проверяющие не обнаружили в подразделениях Минусинска пирамид для винтовок. Винтовки «содержатся грязно, все проржавели, валяются где попало <...> Много винтовок в помещении» находились заряженными, на «опасность и недопустимость подобного» было указано командующему полком хорунжему В.И. Розанову [16, Л. 61об.]. Все безобразия, низкая дисциплина, «недопустимое поведение офицеров и казаков 1-го Енисейского казачьего полка», происходили, по мнению Шильникова при «попустительстве со стороны как полкового, так и войскового начальства». Командир полка Розанов «молодой, малоопытный и слабым характером, находится всецело под влиянием атамана Тялшинского и не может управлять полком» [16, Л. 7–7об.]. Шильников предложил отчислить Розанова от командования полком, предложив войскового старшину Забайкальского казачьего войска Чиркова на эту должность. Предложения Шильникова так и не нашли продолжения. Войсковой старшина Розанов отбыл на Западный фронт с повышением – командующим 2-й Отдельной стрелковой бригады. Позже, он на некоторое время возглавил Енисейскую казачью бригаду, получив чин генерал-майора.

Результаты исследования. Так Розанов за короткое время сделал карьеру, как и многие другие офицеры военного времени. Выявленные материалы позволяют исключить белые пятна в биографии этого боевого офицера, и дополнить в целом историю енисейского казачества, нацеливая на осмысление Гражданской войны сквозь призму биографий. Но полновесное изучение личности этого деятеля еще предстоит сделать.

Список источников и литературы

1. Богущкий А.Е. Атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский // Клио. 2011. № 4. С. 154–156.
2. Шекшеев А.П. Одиссея белогвардейца и эмигранта В.С. Короткова // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 206–215.
3. Паршуков В.А. От казачьего офицера до священника: жизненный путь Михаила Каргополова // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат–лы XXI Междунар. науч. конф. (Иваново, 30–31 марта 2022 г.). Иваново: ИГУ, 2022. С. 109–114.
4. Паршуков В.А. Материалы к биографии енисейского казака, полковника П.М. Сипкина // Военная история России: Мат–лы XIV междунар. конф. (18 нояб. 2021 г., Санкт-Петербург). СПб.: Держинец, 2021. С. 133–138.
5. Тимофеев А.Н. Земляки (материалы для биографического словаря). Бологов Григорий Кириллович // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 32–34.
6. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917–1922. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 176 с.
7. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 290.
8. Воспоминания А.Н. Тялшинского // Памятка Енисейского казачьего войска 1618–1938. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков. Харбин, 1940. С. 142–151.
9. РГВИА. Ф. 5293. Оп. 2. Д. 18.
10. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 32.
11. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 134.
12. Паршуков В.А. Пьянство, беспорядки в 1-м Енисейском казачьем полку // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2, Т. 6. С. 284–287.
13. РГВА. Ф. 39940. Оп. 1. Д. 9.
14. Мартынов Н.А. Красное коммунистическое движение против власти Верховного Правителя адмирала Колчака в Енисейской губернии, начавшееся в ноябре 1918 года [Рукопись] // Бахметьевский архив Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).
15. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 346.
16. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 290.

Для цитирования: Паршуков В.А. Неизвестные страницы биографии командующего 1-м Енисейским казачьим полком В.И. Розанова // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 246–251.

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КНИГИ ПАМЯТИ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕПРЕССИЙ В ОТНОШЕНИИ
БЫВШИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ В СССР (НА ПРИМЕРЕ
ФИГУРАНТОВ ОМСКОГО ДЕЛА «ОРГАНИЗАЦИИ АРТАМОНОВА»)**

Петин Дмитрий Игоревич^{1,2}

¹ Исторический архив Омской области, Омск, Россия

² Омский государственный технический университет, Омск, Россия

^{1,2} dimario86@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9987–3347

Аннотация: Работа анализирует содержательные возможности такого официального источника, как региональная книга памяти жертв политических репрессий, применительно к реконструкции коллективного портрета репрессированных лиц. Как пример выбрано омское дело «организации Артамонова», ядро которой «по версии следствия» составили бывшие белогвардейцы, преимущественно, в прошлом офицеры или военные чиновники армии Российского правительства А.В. Колчака. Методологическая основа исследования – сочетание антропологического подхода, сравнительно–исторического и статистического методов. Цель работы – оценить информационные потенциалы книг памяти, соотнеся сведения о фигурантах указанного дела. Полученные результаты исследования интерпретируются применительно к социальной истории и репрессивной политике советского государства в 1930–е гг.

Ключевые слова: историческая антропология, просопография, офицерство, Гражданская война, белое движение, белая армия, советское общество, сталинизм, Большой террор, политические репрессии, Омск.

Постановка проблемы. Массовые политические репрессии в довоенном СССР уже в течение более четверти века являются одной из острых тем российской историографии. В том числе, в современных исследованиях устоялась методика изучения карательной политики коммунистического государства через призму коллективного портрета репрессированных лиц. В этом вопросе первоисточником, безусловно, являются архивные уголовные (следственные) дела. Но специалисты обращают внимание на использование в данных целях коммеморативных справочных изданий – книг памяти и тождественных им тематических сетевых ресурсов открытого доступа. Известны подобные наработки, акцентированные на социальной истории [См. напр.: 1–5]. Опыт показывает, что применение этих (вторичных, на первый взгляд) источников в ряде моментов может быть более удобным, например, исходя из скорости доступа, извлечения информации. Стоит согласиться с доводом историка Л.А. Лягушки-

ной о том, что биографические справки в мартирологах содержат (пусть в лаконичной форме) данные о возрасте, поле, характере трудовой занятости репрессированных, об аресте, осуждении, исполнении приговора, реабилитации и месте хранения документов. Этот автор подчеркивает, что для базовой просопографии репрессий «использование “Книг памяти” представляется эффективным и необходимым» [3, С. 165].

Но такой опыт пока не получил распространения применительно к Омскому региону. Между тем, исторические предпосылки, связанные с периодом Гражданской войны обусловили то, что в Омске – бывшей колчаковской столице – активные репрессивные процессы начались сразу с восстановлением советской власти [См. подр.: 6–7]. «Белогвардейский след» и позднее был здесь одним из «лейтмотивов» большевистской карательной политики в отношении «исторической контрреволюции»¹ [См. подр.: 8; 9]. В годы Большого террора в Омске подобным масштабным процессом стало фабрикованное дело «организации Артамонова» о «разоблаченном» подпольном формировании, состоявшем, преимущественно, из бывших офицеров и военных чиновников колчаковской армии. По «версии» следствия организация имела «цель» при нападении Японии на СССР вооруженным путем свергнуть советскую власть, производя диверсии в советском тылу. «Руководил» подпольем 65-летний Н.Н. Артамонов – бывший генерал-майор, военный финансист «старой» и белой армии, отставной военспец РККА [См. подр.: 11]. В исследованиях этот репрессивный процесс нашел лишь обзорное описание с некоторыми фактическими разночтениями [См. подр.: 8, С. 134, 137–138; 12, С. 28–36], с чем связана актуальность нашей работы.

Основная часть. Известны имена 88 мужчин, включенные в справочно-информационное издание «Забвению не подлежит» [13] (далее – книга памяти), репрессированных по политическим мотивам (расстрелянных в 1937 г. в Омске) и реабилитированных в 1957 г. Сведения о них сосредоточены в одном архивном уголовном деле (соответствующая отметка «П–5226» завершает каждую поисковую статью в книге памяти) [14]. Исследователи советских спецслужб В.П. Василевский и А.В. Сушко указывают, что по тому делу проходили 84 чел. (83 расстреляны, 1 отпущен) [8, С. 138]. Историк В.М. Самосудов пишет, но без какой-либо конкретизации о 88 арестованных по делу [12, С. 28]. Книга памяти также сообщает о 88 расстрелянных, но, не давая сведений о лице, в отношении кого органы НКВД прекратили преследование (хотя подобные примеры в издании неоднократны).

По итогам исследования книги памяти были выделены и по возможности взаимосвязано изучены социально-демографические параметры в отношении 88 упомянутых граждан. Анализ произведен в соответствии с тем, как сведения излагаются в поисковых статьях в книге памяти. Вслед за фамилией, именем и отчеством указываются год и место рождения, место проживания на момент

ареста и характер трудовой занятости, национальность, даты ареста, приговора, орган вынесший решение и ссылка на статью УК РСФСР, дата приведения приговора в исполнение, дата реабилитации, реабилитировавший орган, номер архивного уголовного дела.

Фигурантами дела «организации Артамонова» были лица 1862–1900 годов рождения. При их условном возрастном разграничении для исследования использовано принятое в социологии деление по десятилетиям. Значительную часть (43 чел.) составили лица, родившиеся в 1887–1896 гг., чей возраст составлял на 1937 г. 40–50 лет. В годы Первой мировой и Гражданской войн они представляли социальную основу офицерства [См. подр.: 15]. В численном плане за ними идут 22 репрессированных по делу – родившиеся в 1877–1886 гг. Самые малочисленные категории – родившиеся в 1862–1866 гг. и в 1867–1876 гг. (каждая группа по 6 чел.), родившиеся в 1897–1900 гг. (12 чел.).

События 1914–1922 гг. и различные военно-политические обстоятельства приводили, в том числе, к тому, что люди нередко оказывались далеко от родных мест. Так, 66 фигурантов дела – уроженцы других регионов. Значительная часть задержанных по делу – 78 чел. – проживало в Омске. Жителей Тары было арестовано четверо, также задержаны один житель совхоза № 239 Омского района и села Изылбаш Черлакского района, один житель села Екатеринославка Тарского района, один села Петровка Ишимского района и еще один житель Ишима (ныне Тюменская область).

Большое количество бывших офицеров в советском Омске – крупном западносибирском городе – объясним тем, что здесь имелось множество вариантов трудовой и социальной реализации для этих людей с достойным образовательным цензом. На периферии их проживало гораздо меньше. В Омске дислоцировалось немало частей РККА, в которые уже с рубежа 1919–1920 гг. активно привлекали на службу бывших офицеров, нередко из пленных белогвардейцев, в том числе, готовивших затем будущих красных командиров [См. подр.: 15; 16]. В 1920–е гг., начиная штатскую жизнь, многие военспецы оставались в уже привычном Омске. О заметном присутствии представителей офицерства в городском населении тогда указывали омские чекисты, сообщая, что условно каждый 150–й омич – это экс-белогвардеец в чине от юнкеров до генералов [17, С. 1130] (а всего таковых насчитывалось порядка 1200 чел.). Да, эту категорию омичей к 1937 г. заметно «проредили» массовые репрессии, начавшиеся в Сибири в 1933 г. с «разоблачением» «Белогвардейского заговора» (сроки заключения тогда получили не менее 296 чел. [9, С. 197], а количество расстрельных приговоров еще подлежит уточнению).

Национальный состав фигурантов дела «организации Артамонова» был таковым: 79 чел. идентифицировали себя как русские; по 2 чел. – украинцы и белорусы, по 1 чел. – армяне, евреи, латыши, немцы.

Арестованные являлись, главным образом, представителями различных интеллектуальных профессий, что связывалось с образовательным цензом. Из них самыми многочисленными категориями репрессированных по тому делу, стали финансовые служащие (28 бухгалтеров и 4 счетовода) и педагоги (10 чел.). В меньшем количестве присутствуют: административные работники (6 чел.), инженеры (6 чел.), ревизоры (5 чел.), юристы (4 чел.), агрономы (4 чел.), снабженцы (3 чел.), лица творческих профессий (6 чел.). Особняком выделяются 2 представителя духовенства. Число рабочих и работников неквалифицированного труда минимально относительно общего числа (7 чел.). Из 88 арестованных по делу не работали трое – 2 иждивенца и пенсионер.

Но книги памяти вряд ли дадут полную картину об образовательном уровне репрессированных лиц, хотя такая характеристика в ряде случаев присутствует в поисковых статьях. Из 88 фигурантов дела «организации Артамонова» это указано у 11 лиц: 3 чел. имели высшее образование, 4 чел. – среднее, остальные 4 чел. – неоконченное среднее. Но характер трудовой занятости большинства из 88 чел. предполагал наличие, как минимум, общего среднего, а в ряде случаев – высшего образования. Стоит учесть, что по правилам чиновничества Русской армии и связанным с этим назначениям на высокие по рангу должности, высшее военное образование должны были иметь военно-служащие от полковника и старше. Традиционно высок был уровень интеллектуальной подготовки обер- и штаб-офицеров артиллерии, инженерных войск, топографической службы [См. подр.: 18–19].

Любопытно, что в поисковых статьях книги памяти в отношении фигурантов «организации Артамонова», которая «разрабатывалась» следствием как «офицерская», упоминания о наличии чина и принадлежности собственно к офицерству (но не к белому движению) есть лишь у самого Н.Н. Артамонова («бывший генерал-майор») и Н.В. Бобова («бывший полковник царской армии») [13, Т. 1, 2000, С. 121, 292]. И это с учетом того, что основная часть репрессированных по данному делу лиц в прошлом являлись офицерами или военными чиновниками «старой» и белой армий [См. подр.: 12, С. 28–36]. В то же время, ряд видных фигурантов процесса (кому следствие «отвело роли» анти-советских идеологов и пропагандистов) являлись сугубо штатскими лицами; например, это Н.И. Бевад (экс-директор канцелярии колчаковского МВД), П.И. Игнатъев (священник), А.С. Журавлёв (епископ-старообрядец) [13, Т. 1, С. 225; Т. 3, С. 277, 408].

В книге памяти в отношении 11 фигурантов дела содержатся сведения об имевших место до 1937 г. преследованиях по политическому признаку. Из этих людей 2 чел. привлекали в 1920 г. (дела тогда же прекращены); 1 чел. в 1930 г. (раскулачен); 3 чел. – в 1931 г. (2 осуждены к заключению на 3 и 5 лет, 1 отпущен); других 4 чел. – в 1933 г. (3 осуждены к 5 годам заключения, 1 – к высылке); 1 чел. – в 1934 г. (осужден к 3 годам заключения). Обращают

на себя внимание 3 чел., осужденные по делу о «Белогвардейском заговоре» в 1933 г. – масштабному карательному процессу в отношении представителей «исторической контрреволюции» [См. подр.: 9, С. 186–201].

Но вряд ли в используемом мартирологе данные о репрессиях, состоявшихся до 1937 г. по части фигурантов рассматриваемого процесса, полновесны. Региональная книга памяти содержит сведения лишь о репрессированных в Омском регионе. Как минимум, обращение к весьма детально исследованным биографиям генералов Н.Н. Артамонова [11] и Н.Е. Вараксина [19] – наиболее видных фигурантов дела – подтверждает факты их арестов в 1920 г. (причем, Вараксина в Омске) чекистами «за службу в белой армии». В книге памяти этой информации не содержится.

Задержания лиц, проходивших по делу, начались 12 марта 1937 г.: первым арестовали главного бухгалтера областной конторы «Госсортфонд» Николая Федоровича Чеснокова (бывший поручик белой армии) [13, Т. 8, С. 376; 20, С. 374]. До середины лета 1937 г. аресты носили единичный характер. За июль арестовали всего 20 чел., в их числе, «главу организации» Н.Н. Артамонова. Пик задержаний пришелся на сентябрь (всего, 49 чел., из них 10 чел. – максимум человек в день – арестовали 14 сентября). Последним (4 октября 1937 г.) по делу был арестован художник Михаил Михайлович Орешников (бывший прапорщик белой армии) [13, Т. 6, С. 168; 20, С. 245].

Согласно сведениям из книги памяти, в отношении лиц, проходивших по делу «организации Артамонова», тройка при Управлении НКВД по Омской области выносила в качестве приговора высшую меру наказания 25 сентября, 25 октября и 25 ноября 1937 г. (осудив по 58-й статье УК РСФСР, соответственно 3, 82 и 3 чел.). Большую часть этих людей (80 чел.) осудили по пунктам 10 и 11 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»), «Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений»). Только по пункту 10 осудили 2 чел. Добавив к пунктам 10 и 11 пункт 2 («Вооружённое восстание, любое действие с намерением насильственно отторгнуть от СССР любую часть его территории или вторжение с целью захватить власть»), осудили 4 чел. Без ссылки на закон осудили 2 арестованных по делу. Основную часть осужденных (83 чел.) расстреляли 28 октября 1937 г.; 5 чел. – 1 ноября². Осенью 1956 г. Омским областным судом все 88 чел. были реабилитированы за отсутствием состава преступления и недоказанностью обвинений³.

Результаты исследования. В историографии в отношении книг памяти устоялась дискуссионная позиция. С одной стороны, историки (в том числе, на примере Омского региона) применительно к эпохам социальных катаклизмов отмечают особую академическую важность подобных изданий, как источников, пополняющих представления по военной и социальной истории, практикам

изучения повседневности и ряду иных аспектов. В центре внимания здесь остается Гражданская война и ее масштабные последствия для российского общества, рассматриваемые сквозь призму политических метаморфоз, активно затронувших в революционный период армию [См., напр.: 22–26]⁴.

В то же время, невзирая на имеющиеся мнения о потенциальном использовании в исследованиях мартирологов, нельзя не согласиться с тем, что по причине своего основного предназначения книги памяти, являясь научно-справочным аппаратом к документальным массивам, преподносят информацию схематично и упрощенно [3, С. 158]. И даже как показывает изучение дела «организации Артамонова», точность отдельных сведений (например, даты осуждения и реабилитации) логично вызывает вопросы на предмет присутствия опечаток, допущенных на этапе сбора или аккумуляции информации.

Кроме того, при соотнесении данных из книг памяти с исследованиями возникает дискуссия о «принадлежности» некоего количества других репрессированных лиц к «организации Артамонова». Историк В.М. Самосудов, рассматривая данный вопрос, называет имена ряда иных бывших белых офицеров и военных чиновников, якобы «состоявших» в «организации» и расстрелянных в Омске и Таре осенью 1937 г. [См. подр.: 12, С. 28–36]. Но в формальном смысле это произошло уже в рамках других коллективных политических дел [См. подр.: 13; 32].

Несмотря на представленные выше критические пассажи, проведенное исследование показало, что шаблонные поисковые статьи из региональной книги памяти применительно к ситуации на момент ареста дают вполне репрезентативные общие сведения о социальном портрете репрессированных. Хотя восстановление отдельных категорий данных (например, образовательный ценз, происхождение, принадлежность в прошлом к офицерству, антибольшевистскому движению и др.), принципиальных для вопросов, связанных с «бывшими людьми» в СССР, для достижения полноты картины, безусловно, требует привлечения иных источников. В первую очередь, таковыми являются архивные уголовные (следственные) дела, опубликованные историко-биографические и генеалогические реконструкции. Но даже рассмотренный частный пример демонстрирует заслуживающие внимания возможности доступных коммеморативных изданий для расширения академических представлений о социальной истории СССР, советской репрессивной политике и краеведении.

Примечания

¹ Осмысление региональных аспектов работы советских органов безопасности с бывшими участниками антибольшевистского движения входит в число актуальных и наполненных дискуссиями проблематик современной историографии [См., напр.: 10].

² Из них 3 чел. приговорили к высшей мере наказания 25 ноября 1937 г. (фактически после расстрела) [13, Т. 3, С. 277, 408, Т. 4, С. 400].

³ Согласно книге памяти, 87 чел. реабилитировали 29 ноября; 1 чел. – 9 ноября [См. подр.: 13].

⁴ Спустя более чем век после окончания в России полномасштабной Гражданской войны, упомянутый выше «белогвардейский след в омском прошлом», как и весьма противоречиво оцениваемая фигура А.В. Колчака, выступают элементом современной историко-культурной, научной и туристической идентичности региона. Данная тенденция на практике наблюдается уже более 10 лет [См., напр.: 27–31].

Список источников и литературы

1. Дьячков В.Л. «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые...»: Книги памяти как источник в изучении социальной истории России 1860 – 1930-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 120–126.

2. Лягушкина Л.А. Опыт классификации социального положения репрессированных в СССР с помощью метода опорных векторов // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 128–139.

3. Лягушкина Л.А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. Т. 2. С. 157–166.

4. Мишина Е.М. «Книги памяти» жертв политических репрессий в СССР как источник для реконструкции социального портрета репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ полноты и репрезентативности данных // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 152–162.

5. Мишина Е.М. «Книги памяти» жертв политических репрессий как исторический источник (1941–1945 гг.): анализ информационного потенциала // Cahiers du monde russe. 2021. № 4. С. 581–602.

6. Стельмак М.М., Сушко А.В. «Расстрел врагов революции»: к вопросу о карательной политике советского государства в отношении бывших белогвардейцев в Омске в 1920 г. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: мат-лы II Всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 19–20 окт. 2022 г.). Омск: ОмГТУ, 2022. С. 208–215.

7. Сушко А.В. Массовые политические репрессии в 1920 г. в Омске: к оценке антисоветского заговора Драчука–Орлеанова в историографии // Мат-лы XVI Междунар. науч.-практ. конф. «Омские социально–гуманитарные чтения – 2023» (22–24 марта 2023 г.). Омск: ОмГТУ. С. 130–134.

8. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.

9. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск: ТГУ, 2012. 586 с.

10. Сушко А.В. Региональное измерение истории органов ГПУ–ОГПУ: к анализу монографии А.Б. Гуларяна и А.Ю. Сарана // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 83–89.

11. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал–майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.

12. Самосудов В.М. Записки из кровавого года. Омск: ОмГПУ, 2000. 168 с.

13. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области : в 11 т. Омск : Ом. кн. изд–во, 2000–2004.

14. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–5226. Т. 1–7.

15. Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В. «Золотопогонники» в советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920–е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.

16. Федотова И.В. Трудности и достижения: становление Сибирского управления военных учебных заведений РККА (1919–1920 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 73–82.

17. Сушко А.В. Антисоветские организации и группы в Омском округе в 1927 г.: сообщение Омского окружного отдела ОГПУ местному партийному руководству // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1125–1137.

18. Суряев В.Н. «Нелёгкое служебное движение армейского офицерства». Чинопроизводство и прохождение службы офицерами русской армии накануне Первой мировой войны // Военно–исторический журнал. 2014. № 9. С. 50–56.

19. Суряев В.Н. Комплектование корпуса офицеров русской армии: образовательный ценз (1900–1914 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 114–122.

20. Жукова Н.С., Петин Д.И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н.Е. Вараксин (1862–1937) — современник трагического века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 137–145.

21. «Белые офицеры – красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 – 1920–е гг.): науч.–справ. изд. / авт. предисл. и отв. ред. Д.И. Петин. Омск: Амфора, 2017. 408 с.

22. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры — красная власть”»: именной указатель к фондам Исторического архива

Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» — Омск: Амфора, 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 47–55.

23. Блинова О.В. «Красные белоармейцы»: заметки о новом справочном издании омских архивистов // Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России: мат-лы всеросс. науч. конф. посв. 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию гос. арх. служ. России (15 нояб. 2018 г.). Омск: ОмЮОА, 2019. С. 10–20.

24. Олихов Д.В. Памяти всех: рецензия на научно-справочное издание «Жертвы Гражданской войны: справочник–мартиролог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918–декабрь 1919 гг.)» // Сибирский архив. 2021. № 1. С. 141–159.

25. Сушко А.В. Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. 2021. № 1. С. 30–38.

26. Калиновский В.В. «Вспомним всех поименно»: размышляя над мартирологом жертв Гражданской войны в Омском регионе // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 26–31.

27. Сорокин А.П., Лосунов А.М. Мифологема «столичности» города Омска: исторические основания и современный контекст // Культурологический журнал. 2012. № 3. С. 3–9.

28. Базанов П.Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186–188.

29. Скорикова Н.А. Читая между строк: рецензия на монографию Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 194–198.

30. Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208.

31. Пученков А.С. Античный герой? Штрихи к психологическому портрету адмирала А.В. Колчака // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. Омск: ОмГТУ. С. 249–259.

32. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–8349.

Для цитирования: Петин Д.И. Информационные потенциалы региональной книги памяти для изучения репрессий в отношении бывших белогвардейцев в СССР (на примере фигурантов омского дела «организации Артамонова») // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г. Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 252–260.

ЕПИСКОП МИХАИЛ (БОГДАНОВ) – АРХИЕРЕЙ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Петров Иван Васильевич¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
¹ ivanspetrovs7@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 3118-6407

Аннотация: Статья на основе анализа неопубликованных источников описывает этап биографии епископа Михаила (Богданова), связанный с Гражданской войной. Деятельный архиерей и организатор церковной жизни управлял Самарской и Ставропольской епархией с 1914 г. На время его служения здесь пришлось ущемления Церкви большевиками в конце 1917 – начале 1919 гг., так и во время утверждения на части Поволжья власти Комуча. Кратко описаны основные вехи деятельности епископа в 1919–1922 гг. в Приморье. Автор делает выводы о биографии пастыря в тот период.

Ключевые слова: историческая антропология, религиозная антропология, биография, Русская Православная Церковь, Гражданская война, Самара, Дальний Восток, эвакуация.

Постановка проблемы. В истории Российской Православной Церкви первой четверти XX в. много людей, чья судьба была изменена или перечеркнута событиями революционного 1917 г. и последовавшей за ним Гражданской войны. В число тех, кто значительно пострадал, входили и обычные православные пастыри, и монахи, но также архиереи, чье положение в Российской империи было вполне привилегированным. Часть из них покинула пределы России и стала важной составляющей Русского Рассеяния, унеся с собой историю, культуру и традиции православия. На чужбине многие российские епископы не смогли себя реализовать, достигнуть карьерных и иных достижений, какие могли получить в России. Яркий пример тому – путь владыки Михаила (Богданова), занимавшего в годы Гражданской войны Самарскую и Ставропольскую, а затем и Приморскую кафедру.

Первоначально судьба была невероятно благосклонна к этому церковному деятелю. Михаил Александрович Богданов родился в семье священника в ноябре 1867 г. в селе Подвислово Ряжского уезда Рязанской губернии. В 1888 г. он окончил Казанскую духовную семинарию, стал псаломщиком в церкви святых Кирилла и Мефодия в Казани. 22 ноября 1892 г. произошло рукоположение Михаила Богданова в иереи. С 1895 по 1896 гг., он – настоятель вышеупомянутого храма. В 1900 г. Богданов окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия, став законоучителем Порецкой учительской семинарии в Симбирской губернии. В 1896 г. отец Михаил овдовел и через 6 лет принял монашеский постриг. Первым его назначением стала должность ин-

спектора в Харьковской духовной семинарии, а с возведением в сан архимандрита в 1909 г. он стал ректором Казанской духовной семинарии. Наконец, 30 августа 1907 г. произошла хиротония будущего архиерея-эмигранта в сан епископа Чебоксарского, 2-го викария Казанской епархии [1, С. 567].

Для службы епископа Михаил все шло весьма удачно. Среди дореволюционного духовенства владыка был известен и за свои научные труды, в частности, сочинение «Преображение Господа нашего Иисуса Христа. Опыт экзегетического исследования XVII и XVIII глав Евангелия Матфея». 11 июля 1914 г., произошло его назначение на Самарскую и Ставропольскую кафедру. Что за время это было для этой епархии и что она из себя на тот момент представляла? Приведем авторитетное мнение В.Н. Якунина: «1891–1917 гг. – время расцвета Самарской епархии. Назначение на Самарскую архиерейскую кафедру считалось значительным продвижением по службе, после Самары архиереи стремительно продвигались вверх по карьерной лестнице (епископ Владимир Богоявленский, архиепископ Питирим Окнов). Количество церквей за это время увеличилось с 800 до 1000, были организованы церковно-приходские советы, братство святителя Алексия, в дополнение к эмеритальной кассе была открыта касса взаимопомощи духовенства, стало развиваться трезвенное движение, были учреждены благочиннические советы» [2, С. 135]. Губернию населяли 2,75 млн. чел., из них лишь 76% исповедовали православие. Второй по значимости религией был ислам, его приверженцами были 10% местных жителей, 5% составляли лютеране, 3 – староверы и 2 – католики.

На начало Первой мировой войны владыка Михаил отреагировал оперативно и патриотично. Почти сразу он собрал экстренное заседание духовной консистории, где было принято решение совершить молебны о победе русского воинства при обнародовании императорского манифеста о начале войны; призвать всех православных защищать родину; призвать монастыри, общины и все остальные духовные учреждения к приготовлению свободных помещений под госпитали для раненых; во всех храмах установить специальные кружки для сбора пожертвований в пользу Красного Креста; призвать монастыри, церкви и паству оказывать помощь семьям увечных и больных воинов; перевозить вседневные молитвы о победе над врагом. В сентябре 1914 г. владыка Михаил возглавил Епархиальный комитет по оказанию помощи воинам и их семьям. К началу 1916 г. в кассу епархиального комитета по оказанию помощи воинам поступило 86 715 руб. и из личных средств духовенства еще 80 000 руб. Регулярно отсылались на фронт и подарки к православным праздникам [2, С. 128, 131–132].

Достаточно широко откликалось, причем вплоть до 1917 г., православное духовенство Самарской губернии на призыв духовно помочь действующей армии. 16 февраля 1917 г. епископ Михаил получил рапорт за № 948 Главного священника армий Юго-Западного фронта. В нем отмечалось, что на Юго-Западном фронте в настоящее время сформированы новые воинские части,

в которые необходимо направить священников. Просьба касалась откомандирования пастырей в район Каменец-Подольского. Также в рапорте говорилось о необходимости снабдить священников антиминомиями и сосудами [3, Л. 2]. На протяжении нескольких месяцев епископ Михаил, вместе с Самарской духовной консисторией размышляя кого направить, рассматривал многочисленные прошения, поступившие от пастырей разных возрастов и жизненных путей. Наконец, 14 мая 1917 г. епископ Михаил после доклада Самарской духовной консистории от 6 мая того же года, решил отправить на Юго-Западный фронт пастырей Андрея Борецкого, Геннадия Серафимова, Алексия Аквилонова, Севастиана Мариничева(?), Анатолия Расцветова и Алексия Алексеевского [3, Л. 20].

Основная часть. Февраль 1917 г., как и многие российские архиереи, владыка Михаил встретил с тревогой и непониманием. Известна его телеграмма обер-прокурору Синода от 4 марта 1917 г., где владыка писал: «Прошу руководственных указаний о молитвенных возношениях за богослужениями о предрержащей власти». Кроме него данные телеграммы в тот же день запросили архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский), архиепископ Херсонский и Одесский Назарий (Кириллов), а 5 марта поток телеграмм с соответствующими вопросами приобрел валлообразный характер [4, С. 77]. Но уже скоро епископ Михаил стал получать и первые преференции от смены государственного устройства. 15 апреля 1917 г. указом Временного правительства, как известно, были уволены все члены Святейшего синода, за исключением будущего патриарха, а в то время архиепископа Сергия (Страгородского). В числе тех, кто был вызван на летнюю сессию оказался и епископ Михаил. Современный специалист по истории Православной Церкви в период между февралем и октябрём 1917 г. А. Соколов так обозначил причины данной ротации и вызова в Петроград новых лиц: «Кто кроме В.Н. Львова составлял этот список – неизвестно, но важно отметить, что из епископов в новый Синод попали только те, кто по тем или иным причинам был готов к диалогу с новой властью» [4, С. 190]. Под это описание подходит и епископ Михаил. Епископ Михаил (Богданов) 21 апреля 1917 г. вошел в новый состав Синода, в результате чего он вызывался для присутствия в нем [3, Л. 1].

Но в период работы в Синоде он стал известен тем, что трудился на уровне синодального инспектора и защищал смещенного епархиальным съездом архиепископа Тверского и Камышинского Серафима (Чичагова). 8 августа 1917 г., Чрезвычайный съезд представителей епархии высказался против оставления на кафедре владыки Серафима. На заседании присутствовал командированный Синодом епископ Михаил. Сыграл свою роль епископ Михаил и во время Поместного собора 1917–1918 гг. Так, он являлся председателем X и членом II отделов Предсоборного совета. В работе Поместного собора он принимал участие по должности, а также участвовал в I и II его сессиях, член II, III, IV отделов. В этот период большинством вопросов на кафедре ведал вызванный в Самару епископ Уральский Тихон (Оболенский).

При этом все сильнее сказывалось отсутствие в городе правящего архиерея. В свою епархию владыка Михаил (Богданов) вернулся только к Рождеству. Как отмечает в своей работе В.Н. Якунин одним из первых «откровений» для него стал визит баптистов с предложением организации в Самаре публичного диспута. Также именно баптисты организовывали в городе демонстрации. [2, С. 149–150]. Очень сложная ситуация сложилась и на приходах епархии. Приведем лишь один пример. В рапорте священника благочинного 3–го округа Новоузенского уезда Самарской епархии из села Федоровки Михаила Воинова было указано, что 20 апреля 1917 г. в Федоровке на состоявшем съезде духовенства и мирян было решено вместо существующей должности благочинного, которую решено упразднить, предложить ведать всеми благочинническими делами окружному духовному исполнительному комитету, который должен быть учрежден на этом заседании. Собравшиеся на съезде возмутители спокойствия высказали и собственную оценку с их точки зрения недостаточной деятельности владыки Михаила по защите их прав при «старом режиме»: «Выразить порицание и недоверие Епископу Михаилу, который по отношению к своей пастве поступил не как Архипастырь, а как наемник. Он знал, что духовенство привыкло раболепствовать исстари [неразб. – И.П.] перед своими деспотами и забитое ими через их унижительное положение, в большей своей части не пользуется авторитетом, находится в опасности, он не счел своим нравственным долгом дать знать о себе, а бросил на произвол судьбы, свой живот спасая. Вынужденный отстраниться от дела, имею честь донести до Консистории, все дела мною будут переданы духовному исполнительному комитету» [5, Л. 39об.].

Еще более удручающей ситуация стала после захвата власти большевиками, когда отдельные факты критики Церкви и притеснений отдельных ее деятелей сменились систематическим террором уже со стороны гражданской власти. Уже 4 января 1918 г. Самарский губернский исполком на своем заседании под председательством В.В. Куйбышева принял решение о создании комиссариата по вероисповедальным делам, который в рамках губернии возглавил В. Зуев, а в рамках города Самары А. Гидаспов. С осени этот орган будет именоваться комиссариатом по вероисповедальным делам по отделению Церкви от государства. С зимы 1918 г. комиссариат приступил к принятию на учет свечного завода, епархиального склада, церковных вещей и церковных лавок, а также самарского Николаевского мужского монастыря. В марте возникли уездные и волостные отделы по вероисповедальным делам [2, С. 190–191]. В феврале 1918 г. красноармейцы переоборудовали здание Духовной семинарии под собственные казармы. В той экстремальной ситуации администрация семинарии приняла единственное возможное решение: в мае 1918 г. досрочно осуществить выпуск последнего семинарского курса.

Отметим, что при епископе Михаиле местное духовенство не безмолствовало, а реагировало на действие узурпаторов. В период первого большевистского господства в Самаре духовенство при поддержке епископа Михаила органи-

зовало панихиду по невинно убиенным членам Учредительного собрания Ф.Ф. Кокошкину и А.И. Шингареву; панихиду по жертвам нападения на Александро–Невскую лавру; общегородской молебн, прошедший в Самаре 3 марта 1918 г. в Кафедральном соборе о спасении родины и Церкви. Там же 22 января 1918 г. приняли решение об организации в городе в период с 25 по 27 января поста, а 28 января – всенародного крестного хода. Он состоялся 28 января 1918 г. и продолжился до 17 ч.

В начале июня 1918 г. в Самаре пала власть большевиков и к власти пришел Комуч. 11 июня 1918 г. был принят эпохальный для того времени Приказ № 13 Комуча, по которому комиссариат по вероисповедальным делам, ненавистный верующим, упразднился. Ответила и Православная Церковь на установление в регионе лояльной к ней власти. Епископ Михаил новую власть определенно поддержал. В день вступления в город Чехословацкого корпуса он отслужил благодарственный молебен в Кафедральном соборе и дал благословение на формирование Народной армии. 24 июля 1918 г. в Кафедральном соборе города состоялась панихида по Лавру Георгиевичу Корнилову. Газета «Волжский день» писала, что панихида состоялась «по инициативе почитателей верховного главнокомандующего» [6, С. 450]. Отмечалось, что панихида прошла «при огромном стечении молящихся». Среди них присутствовали члены губернского и городского комитетов партии народной свободы, представители Союза георгиевских кавалеров, офицеры и солдаты Добровольческой армии, а также казаки. Перед собравшимися выступил протоиерей Павел Введенский. На панихиде ему сослужили священники Андриановский и Троицкий. Пел женский хор. Естественно, подобное событие не могло произойти без поддержки архиерея.

Поддержку получила епархия и в вопросе возрождения религиозного образования. В период власти Комуча в Самарской губернии в Казанском соборе Сызрани 9 сентября 1918 г. состоялось общегородское собрание духовенства и мирян. После заслушивания доклада и обмена мнениями, собравшиеся единогласно постановили: ходатайствовать перед Комитетом членов Учредительного собрания о признании Закона Божия обязательным предметом, как для школ, так и для изучения его всеми учащимися православного вероисповедания, без ограничений последних по возрасту, отдавая Закону Божию подобающее место в ряду других обязательных предметов. Принятое постановление представлялось в Самарский Комитет членов Учредительного собрания и предлагалось водворить в жизнь к началу учебных занятий в текущем году. Копия постановления представлена уполномоченному «по вышеназванному комитету» по г. Сызрани и педагогическим советам учебных заведений [7, Л. 1–1об.]. Обсуждались вопросы преподавания Закона Божия и на Временном совещании по народному образованию, состоявшемся 26 июля – 29 августа 1918 г. в Самаре. По его итогу собравшиеся 35 делегатов приняли следующую резолюцию: «Впредь до издания соответствующего акта Учредительным Собранием препо-

давание Закона Божия всех исповеданий в средней и низшей школе сохраняется, но от изучения его учащиеся до 16 лет освобождаются по заявлению родителей, а по достижении этого возраста и по личному заявлению». [8, Л. 11–11об.].

Но с оставлением Самары антибольшевистскими силами владыка Михаил вынужденно сменил место служения. Замещение епископом Самарским Владивостокской (Приморской) епархии произошло во время Томского соборного совещания. Собором было принято неотложное решение о замещении Владивостокской (Приморской) кафедры. Позднее ВВЦУ в Омске 9 декабря 1918 г. сделало соответствующее распоряжение, уведомив и самого епископа Михаила, и Владивостокский епархиальный совет, который должен был выделить средства на содержание архиерея [9, С. 28]. Это назначение произошло ввиду того, что архиепископ Владивостокский и Камчатский Евсевий (Никольский) не мог вернуться на Дальний Восток из-за событий Гражданской войны, после того как уехал на Поместный собор 1917–1918 гг. (он стал митрополитом Крутицким, скончался в 1922 г. в Москве).

Одним из первых деяний епископа Михаила стал сбор материалов о зверствах большевиков, проявленных по отношению к православному духовенству на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. ВВЦУ Сибири и Дальнего Востока направило епископу Михаилу из Омска 13 марта 1919 г. свое решение о необходимости приступить к исполнению определения Священного Собора от 18 марта 1918 и «поручить высшему церковному управлению собирать сведения и оповещать православное население посредством печатных изданий и живого слова о всех случаях гонения на церковь и насилия над исповедниками Православной веры» [10, Л. 14]. Епископ Михаил достойно выполнил эту задачу; отметим, что местное духовенство столкнулось с примерами грубого насилия со стороны большевиков и распропагандированного ими местного населения.

Одной из задач епископа Михаила во время его служения на Дальнем Востоке являлась организация соборного совещания по образу Сибирского или Юго-Восточного церковного собора 1919 г. При этом епископ Михаил среди дальневосточных архиереев в 1920 г. продолжал чувствовать себя неуверенно и не стремился проводить в жизнь те решения, которые могли вызвать неоднозначную реакцию. В числе таких был и созыв Церковного собора. По вопросу возможности проведения собора разгорелась жаркая дискуссия, в том числе, затронувшая епископат (подобная тема заслуживает отдельной статьи). В результате в 1920 г. в состав предсоборной комиссии вошли: протоиерей Константин Цивилев, протоиерей Павел Мичурин, протоиерей Павел Введенский, священник В. Гурьев, священник Василий Борисоглебский, протоиерей Павел Диев, протоиерей Даниил Шерстенников, Настоятель Свято-Троицкого Уссурийского монастыря игумен Сергей (Озерков), отцы Стефан Нежинцев, Аристарх Пономарев, протоиерей Феодор Успенский, протоиерей Владимир Да-

выдов, А.И. Лякер, профессор М.Н. Ершов, Н.Н. Перельгин, В.Т. Шишин, А.П. Георгиевский, Л.Н. Липеровский, Е.В. Попов, Е.Н. Хи-Гу-Ци, С.Д. Меркулов, С.В. Руднев, М.С. Латернер, В.Ф. Овсянников, протоиерей Николай Авдеевский, протоиерей Николай Вознесенский [11, Л. 102]. Епископ Михаил, когда находил нужным лично председательствовал в комиссии. Кроме того, он через председателя Комиссии или его заместителя мог давать комиссии словесные или письменные руководящие указания по ведению всей предсоборной работы. Отметим, что в Предсоборную комиссию вошли люди разных политических и идеологических взглядов, не всегда полностью солидарные с позицией главного инициатора проведения собора – протоиерея С. Нежинцева, яркого консерватора и антисемита. Ведущая роль отводилась, согласно положению, епископу Михаилу (Богданову), во многом поневоле оказавшемуся в центре событий, связанных с подготовкой собора и не желавшему занимать подобную нишу, понимая свой скромный авторитет. Другие дальневосточные архиереи выступили против большинства инициатив. В итоге, собор так и не состоялся в 1920 г.

Определенная активизация действий епископата произошла в 1922 г., незадолго до эвакуации Владивостока. 24 сентября 1922 г., перед самым крушением Белого Дальнего Востока, епископы Приморский и Владивостокский Михаил (Богданов) и Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов) за божественной литургией во Владивостокском кафедральном соборе хиротонисали архимандрита Даниила (Шерстенникова) в сан епископа Охотского, викария Камчатской епархии [12, Л. 5]. Вскоре последовала эвакуация епископа за пределы России. Газета «Голос Родины» 23 октября 1922 г. опубликовала заметку с посылком, заключенным уже в ее названии – «Бегство духовенства»: «Во время эвакуации белых покинули Владивосток епископ Михаил, ключарь собора П. Введенский и священники собора А. Пономарев, И. Прозоров и И. Приходько, причем епископ Михаил и протоиерей Введенский уехали на японском военном транспорте, а прочие священники на разных пароходах» [13, С. 1]. В 1923 г. пастырь приехал в Харбин, затем какое-то время жил в Японии в Токио при Воскресенском соборе на правах беженца. Владыка 9 июля 1925 г. скончался в Харбине. Так, закончится судьба подающего надежды российского епископа, который в силу изменения политической ситуации в стране не достиг желаемого успеха. Гражданская война, смена политических режимов, стали важными причинами его тяжелого и довольно скорого конца на чужбине.

Результаты исследования. Эта судьба не типична для русских архиереев периода Гражданской войны. Скорее, здесь можно говорить об определенном феномене, когда ничем не отличавшийся архиерей вдруг поднялся на вершину влияния в условиях «Русской Смуты». Но подъем не принес ему желаемого чувства удовлетворения собственных карьерных пожеланий. Непонимание и отторжение со стороны собратьев в рясе в период службы в Приморье стали яркой чертой служения этого человека. При этом именно владыка Миха-

ил смог уберечь вверенные ему епархии от чрезмерного увлечения политическим конструктами и оставил вне контекста политического противостояния. Хочется верить, что в дальнейшем его судьба и заслуги будут достойно оценены современными специалистами и церковными деятелями.

Источник финансирования

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Список источников и литературы

1. Караулов А.К., Коростелев В.В. Православие в Маньчжурии. М.: ПСТГУ, 2019. 880 с.
2. Якунин В.Н. История Самарской епархии. Тольятти: Поволжский гос. ун-т, 2011. 625 с.
3. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7135.
4. Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 годов. СПб.: Д.А.Р.К., 2015. 660 с.
5. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7140.
6. Под знаменем Комуча (Самарский край, июнь–октябрь 1918 г.): сб. док. и мат-лов / науч. ред. А.В. Калягин; отв. сост. О.В. Зубова, А.В. Калягин; сост.: Н.М. Малкова, А.Ю. Маркелов, К.В. Фролова, С.А. Фунтикова. Самара: ООО «Книжное Издательство», 2018. 584 с.
7. ЦГАСО. Ф. Р-3931. Оп. 1с. Д. 12.
8. ЦГАСО. Ф. Р-3931. Оп. 1. Д. 1.
9. Олихов Д.В., прот. Временное высшее церковное управление в Сибири (1918–1920 гг.). Опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья. СПб.: САТИСЪ, 2017. 222 с.
10. РГИАДВ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 294.
11. РГИАДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 466.
12. РГИАДВ. Ф. 244. Оп. 1. Д. 500.
13. Бегство духовенства // Голос Родины. 1922. № 822. 23 окт. С. 1.

Для цитирования: Петров И.В. Епископ Михаил (Богданов) – архиерей и Гражданская война // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 261–268.

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 637: ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП БИОГРАФИИ А. Н. УШАКОВА ПО ДОКУМЕНТАМ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ЧК

Позднякова Анастасия Сергеевна¹

¹ Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия

¹ pozdnyakova.med@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 7186-4921

Аннотация: Статья анализирует судебное-следственное дело Уральской областной ЧК в отношении Алексея Николаевича Ушакова (1864–1918) – члена I-й Госдумы, видного общественного деятеля Сибири. В работе впервые указана дата и подробные обстоятельства смерти А.Н. Ушакова. Теоретическая основа исследования – антропологический подход и практики микроистории. Время ареста А.Н. Ушакова – сентябрь 1918 г., известное, как период «красного террора», во многом повлияло на исход следствия и дальнейшую судьбу. Автор делает вывод о том, что А.Н. Ушакова арестовали по доносу, следствие, как таковое, не велось, приговор обжалованию не подлежал.

Ключевые слова: историческая биография, историческая антропология, советская власть, спецслужбы, ВЧК, политические репрессии, Гражданская война, красный террор, Государственная Дума, Вятская губерния, А.Н. Ушаков.

Постановка проблемы. Великая русская революция и Гражданская война в России разделила жизни людей на «до» и «после». Она коснулась каждой семьи по-своему, изменила привычный ритм жизни, внесла коррективы в трудовые будни и место жительства. К сожалению, о многих приехавших и проживавших в Вятке в те годы мы узнаем из протоколов допросов органов ЧК [1–2]. Вятская губерния в 1918–1919 гг. была и фронтовой, и прифронтовой зоной, более половины губернии была занята белой армией. Регион в силу военно-политических причин «отличался многообразием» действовавших здесь органов советских спецслужб. Здесь работала ЧК на Чехословацком фронте (Вятское отделение), Вятская губернская ЧК, уездные ЧК и эвакуированная из Екатеринбурга Уральская областная ЧК. Последняя активно проводила политику красного террора в регионе.

Основная часть. 5 сентября 1918 г. Уральская областная ЧК арестовала Алексея Николаевича Ушакова. Он работал управляющим 3-го филиального отделения Вятского отделения Народного банка РСФСР. В деле сохранился его допрос, который состоял из нескольких предложений: «Бывшее звание – чиновник, принадлежу к партии трудовиков парламентской группы, в Вятке в партии народных социалистов. Был членом Первой Государственной Думы от Тобольской губернии. Из активных работников партии народных социалистов в Вятке были Чарушин и Жуйков, остальные фамилии не знаю» [3, Л. 23]. Сле-

дующая страница этого дела содержала короткое постановление Уральской ЧК от 19 сентября 1918 г. – расстрелять как контрреволюционера, который противодействует советской власти [3, Л. 24]. Приговор утвердили заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией В.М. Гориним¹, И.И. Шимановским² и следователь Г.М. Суббоч. Сложилось впечатление, что чекисты не разобрались, кем был подследственный, что это за личность, какие у него были взгляды, чем он занимался до 1917 г., как относился к советской власти.

Алексей Николаевич Ушаков – будущий активный общественный деятель – был сыном священника, закончил Красноярскую гимназию, затем – физико-математический факультет Петербургского университета. За участие в панихиде по Н.А. Добролюбову Алексей Николаевич подлежал высылке из столицы в Восточную Сибирь. В Иркутске работал старшим чиновником землеустроительного отряда по составлению отводных записей, был сотрудником Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Впоследствии А.Н. Ушаков – старший чиновник по составлению сводных записей по Иркутской губернии Переселенческого управления, председатель комитета Иркутского общества вспомоществования нуждающимся переселенцам. После смерти Н.М. Ядринцева А.Н. Ушаков стал редактором газеты «Восточное обозрение», инициировал создание Общества народного образования [4, С. 66].

В конце октября 1905 г. он организовал либеральный «Тобольский союз гражданской свободы», наиболее массовую общественно-политическую организацию в городе. В декабре 1905 г. Алексей Николаевич инициировал в Тобольске уездный съезд крестьянских уполномоченных, за что в 1906 г. по указу Тобольского губернатора отстранён от занимаемой должности. В апреле 1906 г. был выслан на север Тобольской губернии на 3 года [4, С. 67].

А.Н. Ушакова 16 мая 1906 г. избрали в Госдуму I созыва от общего состава выборщиков Тобольского губернского избирательного собрания. Он вошёл в Трудовую группу, подписал заявление 10 думцев-сибиряков об увеличении числа членов Аграрной комиссии за счёт представителей от Сибири. 10 июля 1906 г. А.Н. Ушаков подписал «Выборгское воззвание», за что попал под следствие, был осужден и приговорён к 3 месяцам тюрьмы и лишён права быть избранным. В 1912 г. А.Н. Ушаков состоял корреспондентом тюменской газеты «Вестник Западной Сибири». Известно, что во время выборов в IV-ю Госдуму не имел права участвовать в выборах [5]. В 1913 г. А.Н. Ушаков был назначен на должность доверенного Екатеринбургского отделения Сибирского торгового банка [4, С. 71]. Изучение судебного-следственного дела Уральской областной ЧК дало возможность проследить финальный этап биографии этого деятеля. Из прошений его жены, мы сделали вывод, что не позднее 1916 г. Алексей Николаевич оказался в Вятке.

Важным моментом стало установление причины и даты ареста А.Н. Ушакова. Его задержали 5 сентября 1918 г. – в день, когда был опубликован Декрет СНК РСФСР «О красном терроре». Ареста могло и не быть, если бы не несколько «обращений» от комиссара Лоссона, который был закреплен по месту

службы Ушакова. Он 4 сентября 1918 г. обратился в Уральскую областную ЧК с требованием арестовать А.Н. Ушакова как саботажника и противника советской власти: «Я подал жалобу в Губернский комиссариат труда. Оттуда вся переписка должна была прийти к вам. Но по настоящее время он вами не убран и я как член РКП (б) повторяю, что надо принять меры к аресту саботажника» [3, Л. 21]. Только после этого заявления Лоссона в деле А.Н. Ушакова прикреплен ордер на обыск и арест. 7 сентября 1918 г. Лоссон вновь писал в Уральскую областную ЧК, что «Ушаков нетерпим как служащими, так и мной» [3, Л. 10]. При этом Алексей Николаевич Ушаков не агитировал служащих, не вел «контрреволюционных бесед», при обыске не было найдено никаких материалов антисоветского характера. Из прошений жены А.Н. Ушакова стало известно, что саботажа в действиях ее мужа нет и не было: «...после переворота он вышел на работу, когда все служащие отказались выйти» [3, Л. 2об.]. В прошении говорилось, что причина действий комиссара Лоссона в том, что Ушаков не увеличил его оклад. Более того, сразу пригрозил ему арестом. Да, в деле есть документы, где Лоссон требовал повесить ему оклада на основании расценок труда в банках Москвы и Петрограда. А.Н. Ушаков письменно отказывал ему, мотивируя тем, что расценки труда в Вятке не менялись, а документы, что представлял Лоссон, касались лишь 2-х городов.

После ареста Ушакова служащие банка провели собрание, где высказали свое мнение, что несмотря на то, что под давлением Лоссона они вынесли Ушакову общественное порицание 30 августа 1918 г.. Но считая арест слишком суровой мерой, они просили освободить Ушакова [3, Л. 4]. Зная об этом собрании, Лоссон сразу же написал в Уральскую областную ЧК: «Довожу до вашего сведения, что Ушаков был арестован по следующим причинам – за скверное отношение к служащим, за отказ проведения в жизнь распоряжений советской власти, за явный саботаж. Прошу не выпускать Ушакова из-под ареста, так как, являясь членом РКП (б), и занимая ответственную политическую должность, сознаю переживаемый момент советской властью, не могу спокойно смотреть на таковых саботажников как Ушаков, находящегося на свободе, занимающего такой пост в советском учреждении. Прошу вас никаких ходатайств и мер к освобождению Ушакова не принимать» [3, Л. 13]. Ушакова расстреляли 19 сентября 1918 г. В 1992 г. он был реабилитирован.

Результаты исследования. В заключении отметим, что изучение оперативной и следственной документации органов ВЧК–ОГПУ может дать колоритный и разнообразный фактический материал по военной, политической и социальной истории, во многом актуальный, в том числе, для осмысления сюжетов краеведения и исторических биографий, затрагивающих работу спецслужб [6]. Это в частности, иллюстрирует практика работы тематических публично-исторических площадок [7].

Биография героя повествования отсылает к дискуссии. В судьбе этого человека все говорит о том, что в дореволюционной России А.Н. Ушаков был активным либерально-оппозиционным общественным деятелем, за что не раз подвер-

гался притеснениям. При этом он развивал образование, помогал переселенческой политике. В условиях Гражданской войны и советского общества в видении Уральской областной ЧК он предстал как классовый враг, член царской Государственной Думы, чиновник, сын священника. Подчеркнем, документальная основа дела состоит из протокола ареста и обыска, одного допроса подследственного, постановления о расстреле. Из анализа этих источников можно сделать вывод о том, что основательного разбирательства не велось, судьба Алексея Николаевича была решена за 2 недели. Нельзя оставить без внимания «роль личности» в этой драматической истории. Как видно, на исход событий фатально повлияли письма комиссара Лоссона, как и мнения должностных лиц, утвердивших приговор. А ведь итог вполне мог быть иным. Так, в августе 1918 г. та же Уральская областная ЧК «за принадлежность к партии кадетов» арестовала бывшего депутата III-й Госдумы С.С. Липягова [См. подр.: 8]. В его доме при обыске также не нашлось ничего компрометирующего. Но в его деле нет доносов от коммунистов и иных подобных «инициатив» с требованиями «принять меры». И Липягов расстрелян не был: его освободили 25 февраля 1919 г.

Эволюция взглядов на революционную законность начнется в советском государстве с окончанием Гражданской войны [См. подр.: 9]. Как видно из нашего исследования, в годы острого военно-политического противостояния органы ВЧК не всегда проверяли на достоверность обращения, написанные от имени коммунистов, каковые в отдельных случаях могли выступать инструментами сведения личных счетов. Таких аргументирующих бумаг было вполне достаточно, чтобы применить «революционное правосознание». Подобная практика стала одной из реалий того жестокого времени.

Примечания

¹ Горин Владимир Митрофанович (1898–1937) – член РСДРП(б) с 1917 г. С апреля 1918 г. – комиссар по иногородним делам Пермского губернского исполкома. В мае-октябре 1918 г. – член коллегии Уральской областной ЧК. С сентября по ноябрь 1918 – заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией Уральской облЧК в Вятке, член коллегии Вятской губернской ЧК. В марте-апреле 1919 г. заведовал информационно-инструкторским подотделом Уфимского губернского отдела управления. С мая по август 1919 г. – председатель реввоен трибунала 27-й стрелковой дивизии РККА. В 1920 г. – член президиума Челябинского губернского ревкома, заведующий отделом управления. В 1921 г. – заведующий отделом управления и член Крымского ревкома. На 1937 г. – начальник Главного управления зерносовхозов Поволжья Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР. Репрессирован. Реабилитирован в 1956 г.

² Шимановский Иосиф Иванович (1896–1937) – член РСДРП (б) с 1918 г. В январе 1918 г. поступил на службу в ВЧК, был комиссаром в подотделе по борьбе с саботажем банковских служащих при Отделе по борьбе с контрреволюцией. В марте 1918 г. – комиссар отдела по борьбе с преступлениями по должности. Осенью 1918 г. – возглавлял Уральскую областную ЧК совместно

с Лукояновым. С декабря 1918 г. – комиссар при Президиуме ВЧК. С конца 1919 г. до середины 1920 г. в Московской ЧК, где заведовал отделением по борьбе с должностными преступлениями секретно-оперативного отдела. В 1920–1921 гг. – комиссар отделения по борьбе с контрреволюцией секретно-оперативного отдела и уголовной секции, секретарь секретного отдела. С декабря 1921 г. по лето 1922 г. – секретарь секретно-оперативной части Особого отдела Московского военного округа. На 1937 г. – начальник отдела связи Управления милиции города Москвы. Репрессирован. Реабилитирован в 1956 г.

Список источников и литературы

1. Позднякова А.С. Трагические судьбы осени 1918 года: допросы ЧК на чехословацком фронте // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира: сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2019. С. 241–245.

2. Позднякова А.С. «Открытые письма» времен Гражданской войны (по материалам дела Чрезвычайной комиссии на чехословацком фронте в отношении Анны Михайловны Шаталовой) // Гражданские конфликты и гражданские войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сб. мат-лов Восьмой межд. конф. молодых ученых и специалистов «СНО–2018». М., 2018. С. 329–331.

3. ЦГАКО. Ф. Р–6799. Оп. 9. Д. СУ–11547.

4. Акбердеева Д.И. А.Н. Ушаков – депутат Государственной Думы I созыва от Тобольской губернии // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 63–73.

5. Сибирская торговая газета. 1912. № 216.

6. Сушко А.В. Региональное измерение истории органов ГПУ–ОГПУ: к анализу монографии А.Б. Гуларяна и А.Ю. Сарана // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 83–89.

7. Сушко А.В., Петин Д.И. Наука и коммеморация: конференция по истории отечественных спецслужб памяти А.М. Плеханова // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 2. С. 9–16.

8. ЦГАКО. Ф. Р–6799. Оп. 9. Д. СУ–7129.

9. Сушко А.В. От «революционной законности» к «целесообразности»: эволюция взаимоотношений органов ГПУ–ОГПУ и прокуратуры в годы новой экономической политики (на примере Омского Прииртышья) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 70–81.

Для цитирования: Позднякова А.С. Следственное дело № 637: финальный этап биографии А.Н. Ушакова по документам Уральской областной ЧК // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 269–273.

**УЧАСТНИК ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ,
ЧЕКИСТ, СОТРУДНИК РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ
АЛЬФРЕД АДАМОВИЧ ВИМБА**

Полуэкттов Иван Борисович¹
Тумшис Михаил Антонович²

¹ Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия

² независимый исследователь, Самара, Россия

¹ivan.poluektov@yandex.ru

²nfago@mail.ru

Аннотация: В работе исследован жизненный путь и служебная деятельность одного из участников Гражданской войны в Восточной Сибири, впоследствии – руководящего работника ряда сибирских и поволжских структур ВЧК–ОГПУ и РКМ А.А. Вимбы. Теоретическая основа работы – сравнительно-исторический и историко-биографический методы. На основе анализа материалов федеральных, региональных и ведомственных архивов авторы приходят к выводу, что на судьбе А.А. Вимбы наглядно отразилась история региональных структур ВЧК–ОГПУ–НКВД. Несмотря на заслуги в годы Гражданской войны в сфере борьбы с контрреволюцией и уголовной преступностью, А.А. Вимба не избежал кампании по «очищению» чекистской среды во второй половине 1930–х гг.

Ключевые слова: Гражданская война, советское общество, советские спецслужбы, ВЧК, ОГПУ, НКВД, милиция, Альфред Адамович Вимба.

Постановка проблемы. Назначенный в ноябре 1927 г. начальником Самарского губотдела ОГПУ Б.А. Бак, прибыв к месту службы, практически сразу же приступил к сколачиванию своей «команды». В неё вошли те, на кого Бак мог положиться, и такие кадры он мог черпать с места прежней службы – из ПП ОГПУ по Сибирскому краю. Так, вскоре в Самаре появились первые «сибиряки». Это С.В. Здоровцев (бывший начальник Иркутского окротдела ОГПУ), П.М. Олехнович (также в прошлом начальник Иркутского окротдела ОГПУ), П.Н. Звездин (бывший сотрудник Читинского окротдела ОГПУ), И.Е. Жуков (ранее проходивший службу в органах ВЧК–ГПУ в Чите), И.А. Мальцев (бывший начальник Томского окротдела ОГПУ) и др. Активно Бак помогал и тем «сибирякам», кто попал в серьёзные кадровые передраги.

Таким в «команде» Б.А. Бака был, в том числе, и А.А. Вимба. Цель работы – исследовать биографию участника гражданской войны в Восточной Сибири, чекиста, сотрудника РКМ А.А. Вимбы.

Основная часть. Уроженец Лифляндской губернии Альфред Адамович Вимба на просторах Восточной Сибири оказался насильственно: в 1919 г. он был доставлен белогвардейцами в Иркутск на «поезде смерти».

Наш герой родился в 1896 г. в усадьбе Мориц Вольмарского уезда Лифляндской губернии в семье латышского крестьянина-бедняка. До 1915 г. вместе с отцом батрачил на остзейских баронов, а затем был мобилизован в царскую армию. Вимба рано определился со своими политическими воззрениями: в 1913–1915 гг. участвовал в нелегальных собраниях ЛСДРП и даже в 1914 г. во время массовки поднял красный флаг.

Военную службу Вимба поначалу начинал в гвардейских частях, дислоцировавшихся в Царском Селе, а в 1916 г. был переведен в 6-й Латышский стрелковый Туккумский полк, где вскоре дослужился до фельдфебеля. В августе 1916 г. дезертировал из части, был задержан, возвращен на службу и разжалован в рядовые. В ходе боев под Ригой в декабре 1916 г. Вимба был ранен, отправлен на излечение в Петроград. В марте 1917 г. он вступил в члены ЛСДРП. В июле 1917 г., будучи признан негодным к службе, Вимба убыл на жительство в местечко Руен Вольмарского уезда Лифляндской губернии (ныне г. Руйиена, Латвия), где поступил на службу в народную милицию. Одновременно он состоял членом местного комитета ЛСДРП, а с декабря 1917 г. – помощником секретаря Руенского волисполкома [1].

В феврале 1918 г., в связи с наступлением германских войск, Вимба вместе со младшей сестрой Эльзой был эвакуирован вглубь России. К маю 1918 г. он оказался в Уфе, где поступил на работу заведующим домом (гостиницей) «Латвия», с июня 1918 г. стал заведующим учётным отделом военкомата по охране города. 5 июля 1918 г. Уфа была захвачена белочехами, и Вимба, как недавно прибывший в город, был оставлен большевиками для работы в подполье. Ему были выданы поддельные документы на имя Пассита [2, Л. 16]. С приходом новых властей началась «зачистка» города. Белочехи провели поголовные обыски и аресты, арестовывая всех подозрительных лиц. 7 июля 1918 г. под стражей оказались Вимба (по документам – Пассит) и его родная сестра Эльза. И если сестру оставили в местной губернской тюрьме, то Альфреда 25 октября 1918 г. погрузили на «поезд смерти» и вывезли вглубь Сибири. Этот эшелон не зря именовали «поездом смерти»: полуголодный паёк (около 250 грамм хлеба в день), обледенелые вагоны без отопления, сыпной тиф, постоянные избиения и расстрелы заключенных. Из описания «поезда смерти» сотрудником американского Красного Креста Р. Бьюкели: «Я видел мёртвых, тела которых болезни и паразиты разъедали до тех пор, пока жизнь не покинула их после 5 меся-

цев ежедневной мучительной пытки от голода, грязи и холода. <...> Через окна товарных вагонов <...> я видел животных, которые когда-то были людьми, мужчинами, женщинами и детьми; на меня глядели лица, в которых я не мог признать человеческие существа. Они были подобны мордам животных, неизвестной людям породы. Полнейшее безумие и ужас смотрело на меня из их глаз, и на всём лежали знаки смерти <...>». [3, С. 107].

Весной 1919 г. «поезд смерти», где был Вимба, прибыл в Иркутск, где часть заключённых, находящихся в тяжёлом состоянии (тиф), сгрузили и отправили в лагерь близ Заиркутского военного городка. В числе таких «счастливых» оказался и наш герой. Чуть оправившись, пленники установили связь с местным подпольным комитетом РКП(б). Им было предложено, приложив максимум усилий, освободиться и уйти в партизаны, тем самым укрепив партизанское движение в Восточной Сибири.

Уходу из лагеря способствовал случай. По распоряжению управляющего Иркутской губернией П.Д. Яковлева стал формироваться отряд особого назначения для борьбы с партизанами. По распоряжению подпольного комитета РКП(б) в этот отряд влилось около 200 бывших узников «поезда смерти», среди них – и А.А. Вимба. Он занял должность старшего стражника 1-го разряда 2-й роты. В июле 1919 г. 2-я рота была переброшена в Енисейский уезд для разгрома партизан. По прибытии в деревню Паново, 19 августа 1919 г. 2-я рота, перебив офицеров, примкнула к партизанам. Объединившись с партизанским отрядом Н.А. Бурлова, ими был образован новый – 1-й Приангарский партизанский отряд. Руководство отрядом возложили на Военно-революционный совет из 7 чел., куда вошёл и Вимба [4, С. 129–130]. Позднее А.А. Вимба стал секретарём при командире 1-го Приангарского партизанского отряда и одновременно членом военно-революционного трибунала.

В ноябре 1919 г. все партизанские отряды, действующие в Енисейском и ближайших уездах Иркутской губернии, были объединены в общую структуру – Северо-Восточный фронт красных партизан Восточной Сибири. Вимба стал сотрудником для поручений при командующем фронтом. Партизанские отряды этого фронта активно громили части белой армии в верховьях реки Лены, а в начале 1920 г. вели тяжёлые бои с отступающими колчаковскими частями под командованием генерала В.О. Каппеля.

В марте 1920 г. Вимба был демобилизован из рядов РККА и сразу же определён на службу в органы ВЧК. Начинал он с низовых должностей: сотрудник для поручений Иркутской губернской ЧК. Здесь он и познакомился с Б.А. Баком, занимавшим в Иркутской губЧК с декабря 1920 по ноябрь 1921 гг. должность начальника секретно-оперативной части. В дальнейшем Вимба рос по карьерной лестнице: заместитель заведующего и врид заведующего политбюро при Нижне-Удинском уездном управлении РКМ, с апреля

1922 г. – начальник регистрационно-статистического отдела Иркутского губотдела ГПУ. В марте 1923 г. он был уволен из ГПУ и откомандирован в распоряжение Иркутского горкома РКП(б) [1]. Причины отставки банальны: центральный бюджет «исхудал» и был неспособен содержать разбухший госаппарат. Начались масштабные сокращения, которые коснулись и органов ГПУ.

Как и большинство бывших сотрудников ГПУ, Вимба был передан на службу в органы внутренних дел. Первая его должность – заместитель заведующего административным подотделом Иркутского губотдела управления, в дальнейшем – начальник ряда отделов Иркутского губернского административного отдела. В этот период карьера Вимбы была нестабильной: то взлёты, то падения. В мае 1926 г. его направили в поселение Тулун (350 км от Иркутска), где он стал начальником уездной милиции, а затем – начальником местного окружного адмотдела. В сентябре 1926 г. Вимбу перебросили в столицу Сибирского края – Новосибирск, где он занимал должности старшего инспектора и начальника строевого отдела краевого адмотдела. В декабре 1927 г. вновь отправка в провинцию – в Ачинск, где он возглавил местный окротдел уголовного розыска [1].

В 1928 г., когда Вимба был в отпуске, его заместитель получил денежную премию (612 руб.) за раскрытие преступлений и отправил эти деньги в бюджет отдела. Далее по личному распоряжению Вимбы эти деньги, как премиальные, были распределены между сотрудниками угрозыска. Вскоре было установлено, что деньги получены незаконно. В отношении Вимбы, которой утвердил получение и распределение этих денег (не проверив законность их получения), было возбуждено уголовное дело. В июне 1928 г. он был отстранен от должности и откомандирован в Новосибирск [1].

Подчинённые Вимбы: заместитель начальника отдела угрозыска Ицкович и старший инспектор того же отдела Зверев – главные виновники в денежных подлогах – всю вину возлагали на Вимбу. Дело осложнялось тем, что именно его подпись стояла на большинстве финансовых документов. 17 июля 1928 г. решением Ачинского окрсуда по ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление властью) он был приговорён к 1 году 6 месяцев исправительных работ. У Вимбы имелись документы, оправдывающие его невиновность, но суд в Ачинске не принял их к рассмотрению. Они пригодились, когда Вимба подал жалобу в Президиум ВЦИК на незаконность судебного решения. Президиум ВЦИК, рассмотрев жалобу Вимбы, в порядке частной амнистии освободил его от отбытия принудительных работ [1].

Карьера была сломана, и возвращаться в Ачинск, Новосибирск или Иркутск у Вимбы не было никакого желания. В январе 1929 г. он прибыл в Самару, благо здесь у него были влиятельные связи, способствующие его устройству на достойную службу. Это его земляк – Эдуард Петрович Дятлов,

управляющий трестом «Средлес» и Карл Карлович Ратнек, заведующий ряда отделов Средне-Волжского крайкома ВКП(б) (старый знакомец по подполью в 1913–1915 гг.). И главное: в Самаре осела его младшая сестра Эльза. С 1919 г. она служила в органах ВЧК–ГПУ, вначале в Уфе, затем в Самаре. Начав со скромной должности делопроизводителя общего отдела губЧК, она к 1922 г. дослужилась до должности врид секретаря секретно-оперативной части Самарской губернской ЧК. Далее, правда, карьера пошла по наклонной. В 1925 г. она была уволена с должности делопроизводителя Организационно-административной части Самарского губотдела ГПУ [5]. Но, благодаря чекистской службе, Эльза Вимба сумела обрасти связями среди политической элиты Самары. Вскоре Вимба получил руководящую должность заведующего бюро Жигулёвской группы известковых заводов. Далее он успешно продвигался по карьерной лестнице и к январю 1931 г. стал врид директора Самарского силикатного завода, а затем заместителем заведующего отделом Средне-Волжского стройпромтреста [6, Л. 2].

Пребывая на хозяйственной работе, А.А. Вимба, как бывший чекист, в марте 1930 г. был взят на учёт запаса ОГПУ, а в августе – сентябре 1930 г. прошёл переподготовку (по линии Особого отдела) на лагерных сборах ОГПУ в Тоцких лагерях [1]. Далее сестра Эльза посодействовала через полпреда ОГПУ по СВК Б.А.Бака возвращению своего брата на службу в органы ОГПУ [7, Л. 217]. Благоприятствовала этому и сложившаяся ситуация: в состав ОГПУ вошли органы РКМ и ГУЛАГа, структура испытывала явный кадровый голод. Именно на службу в РКМ 15 января 1931 г. был возвращен Вимба, заняв должность старшего инспектора инспекции РКМ и УГРО при ПП ОГПУ по СВК. С октября 1931 г. он стал работать в отделе кадров Полпредства сначала старшим инспектором, а затем начальником 2-го отделения отдела кадров.

В мае 1933 г. его вновь перевели в Управление РКМ края врид начальника командного отдела. Руководство УРКМ ПП ОГПУ по СВК так оценивало работу А.А. Вимбы: «Функции милиции знает хорошо. Работу по Командному Отделу охватывает недостаточно, отчего нет должной постановки учета, системы в работе аппарата, изучение кадров, и их правильного использования. Дисциплинирован, инициатива недостаточна. В обстановке ориентируется умеет. Организационной способности недостаточно». Несмотря на неоднозначность служебной аттестации, 3 февраля 1934 г. Вимба получает новую должность – начальника паспортного отдела УРКМ ПП ОГПУ – УНКВД по Средне-Волжскому (Куйбышевскому) краю [1].

Тем не менее, кадровые службы ГУРКМ ОГПУ–НКВД СССР тревожил факт службы Вимбы в армии Колчака. Перед назначением на руководящий пост в краевое УРКМ его повторно опросили, проверили по оперативным учётам, и, не получив явного компромата, утвердили в должности. 9 октября 1936 г. ему было присвоено специальное звание – лейтенант милиции [1].

Менее, чем через год – 8 сентября 1937 г. – А.А. Вимба был арестован по ст. 58–13 УК РСФСР, справку на его арест подписал лично начальник Особого Отдела ГУГБ НКВД Приволжского военного округа (ПриВО) М.М. Хомяков [2, Л. 1]. Вимбе припомнили его службу в отряде особого назначения в Иркутске. Он также присвоил себе партийный стаж в РСДРП(б) (с 1914 г., в действительности – с 1917 г.), имел связь с родственниками из Латвии (на родине остались отец, мать и ещё одна сестра). Эту связь он скрывал и вообще в анкетах и послужных списках «давал очень путанные, разноречивые сведения о своем прошлом», якобы всячески замалчивая обстоятельства перехода в 1919 г. к красным и сведения о своей службе у белых. Поначалу Вимба всё отрицал, но 25 декабря 1937 г. дал признательные показания, благодаря которым складывалась следующая картина: он лично участвовал в подавлении восстания рабочих в предместье Иркутска в июне 1919 г., лично принимал участие в избиениях и расстрелах рабочих, а в августе 1919 г. участвовал в карательной экспедиции против партизан в районе Братска, к красным партизанам он не перебежал, а был взят ими в плен и по распоряжению командира отряда Бурлова прикомандирован к комендатуре этого отряда [2, Л. 21–22]. Всё это и легло в основу обвинительного заключения Вимбы.

Вскоре следователя, который вёл дело Вимбы, арестовывают как «польского шпиона», и уголовное дело Вимбы, что называется, «зависает». С ним не ведут никаких следственных действий. Руководство УНКВД области, понимая скудность доказательной базы и реальную возможность отказа Вимбы от своих показаний, направило материалы на рассмотрение ОСО при НКВД СССР, которое 1 ноября 1938 г. вынесло своё решение: А.А. Вимба был приговорен как «социально опасный элемент» к 8 годам лишения свободы [2, Л. 52, 59]. Вскоре из Куйбышева его этапировали в Усольский ИТЛ НКВД (Свердловская область).

Жена А.А. Вимбы Эмма и его знакомые предприняли попытку обжалования приговора. Были найдены свидетели, подтверждавшие, что Вимба и его товарищи поступили на службу в отряд особого назначения по распоряжению подпольного комитета РКП(б), а к красным партизанам перешли, перебив офицеров этого отряда. Были представлены документы о службе Вимбы в партизанских отрядах. 22 марта 1940 г. заместитель прокурора Куйбышевской области внёс протест, где указывалось, что всё обвинение Вимбы основано на его личных показаниях, а иных данных, уличающих его в добровольной службе в белой армии, нет. По указанию начальника УНКВД по Куйбышевской области И.Е. Нетипанова 28 мая 1940 г. в НКВД СССР было направлено ходатайство об отмене решения ОСО и освобождении Вимбы из-под стражи [2, Л. 122–124]. Но ни к каким последствиям этот документ не привёл: А.А. Вимба остался в лагере, в начале войны был переведён в Северный железнодорожный ИТЛ

НКВД (Коми АССР), где и скончался 18 января 1943 г. Реабилитация А.А. Вимбы наступила через 14 лет: 11 января 1957 г. постановлением Военного Трибунала ПриВО Альфред Адамович Вимба был посмертно реабилитирован.

Результаты исследования. Альфред Адамович Вимба, с учётом его биографии, не смог избежать по отношению к себе усилившейся во второй половине 1930-х гг. практики по «очищению» чекистской среды от «социально-чуждого» элемента, несмотря на свои определённые заслуги в годы Гражданской войны, в сфере борьбы с контрреволюцией и уголовной преступностью, а также явное покровительство со стороны одного из региональных чекистских руководителей – полпреда ОГПУ по Средне-Волжскому краю Б.А. Бака. В итоге принадлежность к «команде» Бака стала определяющей для попадания нашего героя в жернова массовых политических репрессий. В судьбе А.А. Вимбы наглядно отразилась история региональных структур органов ОГПУ–НКВД в эпоху сталинизма.

Список источников и литературы

1. Отдел спецфондов Информационного центра ГУ МВД России по Самарской области. Архивное личное дело № 119748 в отношении А.А. Вимбы.
2. Отдел регистрации и архивных фондов Управления ФСБ по Самарской области. Архивное уголовное дело № П-6693 в отношении А.А. Вимбы.
3. Караман В.Н. «Поезд смерти» (записки сотрудника Американского Красного Креста Рудольфа Бьюкели) // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 105–118.
4. Дворянов Н.В., Дворянов В.Н. В тылу Колчака. 2-е изд. М.: Мысль, 1963. 262 с.
5. РГАСПИ. Регистрационный бланк № 07580295 обр. 1954 г. на члена КПСС Вимба Э.А.
6. СОГАСПИ. Ф. 699. Оп. 1. Д. 95.
7. СОГАСПИ. Ф. 1315. Оп. 8. Д. 2586.

Для цитирования: Полуэктов И.Б., Тумшис М.А. Участник Гражданской войны в Восточной Сибири, чекист, сотрудник Рабоче-Крестьянской милиции Альфред Адамович Вимба // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 274–280.

© Полуэктов И.Б., Тумшис М.А., 2023

УЧАСТИЕ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПОДАВЛЕНИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ 1919–1920-Х гг. НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Прохоров Игорь Русланович¹

¹ Государственный архив города Астаны, Астана, Казахстан

¹ prohorov1974@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются подробности вооруженного противостояния крестьянства и Сибирского казачьего войска, действовавшего в составе армии Колчака на территории современного Северного Казахстана. На основе малоизвестных источников Государственного архива города Астаны показаны механизмы крушения колчаковской администрации и белого движения. Результаты исследования могут быть использованы в ходе дискуссий об итогах Гражданской войны 1918–1922-х гг. в России.

Ключевые слова: Сибирское казачье войско, Гражданская война, белое движение, белый террор, РККА, Северный Казахстан, Акмолинск.

Постановка проблемы. Летом 1918 г. при активном участии Сибирского казачества была свергнута Советская власть в городах современного Северного Казахстана. 3 июня 1918 г. Акмолинские станичные казаки, действуя от имени Временного Сибирского правительства, совершили военный переворот в Акмолинске, ликвидировав местный совдеп. Но Временное Сибирское правительство, а затем и колчаковская администрация столкнулись с сопротивлением силы, куда более могущественной, чем малочисленные большевистские комитеты. Это было местное население, организованное для сопротивления новой власти вернувшимися в свои деревни и села с фронтов Первой Мировой войны солдатами. Выяснилась слабость новой власти, отсутствие ее авторитета и связей с крестьянской массой [1, Л. 14]. Неприятие нового режима, восстанавливающего прежние царские порядки, обернулось повсеместными крестьянскими восстаниями.

В Государственном архиве города Астаны (Казахстан) для исследователей Гражданской войны и партизанского движения тех лет первостепенную значимость, на наш взгляд, представляет фонд личного происхождения 407 «А. Дубовицкий», в котором собраны малоизвестные материалы участников и очевидцев событий, рассматриваемых нами, на территории современного Северного Казахстана. Александр Абрамович Дубовицкий – советский администратор 1920–1950-х гг., занимавший видные посты в Акмолинске и других регионах

СССР. В 1960-х гг. он оставляет службу, переходит к краеведческой и писательской деятельности. В силу разных причин, часть его исследований осталась без публикации.

Не меньший интерес представляют материалы личного фонда личного происхождения 362 «А. Дубицкий». Андрей Федорович Дубицкий – потомок казаков Акмолинской станицы, фронтовой журналист Великой Отечественной, писатель. Он также в 1950–1960-е гг. начал собирать информацию о прошлом родного края, свидетельства очевидцев и участников событий 1920-х гг. В материалах его фонда мы также обнаружили неизданные материалы. Теперь они помогут исследователям пролить свет на малоизвестные страницы вооруженных конфликтов в регионе в 1920-е гг.

Наконец, большой интерес представляют рассеянные по разным фондам ГАГА материалы краеведа Леонида Федоровича Семенова. Сын акмолинского купца, он участвовал в антисоветских заговорах, но был помилован советской властью, организовал в 1923 г. первый в Акмолинске краеведческий музей. В архиве сохранились среди прочих документов его машинописные брошюры о прошлом современного Северного Казахстана. Они были напечатаны (или только подготовлены к печати) в 1930–1950-е гг. всего в 1–2 экземплярах, хранились в музее. Теперь они – важный исторический источник.

Основная часть. Как подтверждают архивные источники, причиной антиколчаковских крестьянских восстаний на территории современного Северного Казахстана стало отсутствие какой-либо разумной, взаимоприемлемой политики власти по отношению к крестьянству, последовавшие затем репрессии. Формальным поводом к восстаниям послужило объявление в 1919 г. колчаковскими властями широкой мобилизации в армию, но протестные настроения накапливались и ранее. К примеру, отмечает краевед Л.Ф. Семенов, с июня 1918 г. были восстановлены земские управы, которые не имели никакого авторитета среди сельского населения. «Волостные и сельские власти, читаем в одном из документов колчаковской администрации, поставлены (сельскими – авт.) обществами в зависимость от последних. Селяне буквально отказываются исполнять даже самые пустяковые по своему значению требования властей, пока не получат на то разрешения со стороны всего сельского общества» [1, Л. 15].

18 ноября 1918 г. – в день, когда адмирал Колчак был объявлен Верховным правителем – Акмолинский уездный комиссар в донесении за № 7 написал, что посылки в уезды военной силы не достигли положительных результатов, а до некоторой степени являлись и являются при сложившейся постановке дела вредными, подрывая в корне и окончательно авторитет власти и без того в глазах населения не высокостоящий» [1, Л. 16].

Крупнейшим антиколчаковским крестьянским восстанием стало Мариинское, вспыхнувшее 30 марта 1919 г. в селе Мариинском Атбасарского уезда

Акмолинской области. На помощь восставшим шли крестьяне-добровольцы из Акмолинского, Кокчетавского, Атбасарского и Петропавловского уездов. Одним из его организаторов был житель Марииновского Лука Митрофанович Белаш. По воспоминаниям его родственников, сохранившимся в фондах ГАГА, именно он объединил единомышленников. В его дом приходил и Илья Ванюков – революционно настроенный староста села. «Хата Белаша была в западном краю села, недалеко от моста через речку Болдырган. При Колчаке она стала штабом подпольщиков. Колчак объявил мобилизацию. Забрали всех сыновей Белаша – Алексея, Сергея, Антона. Они дошли почти до Кустаная, точнее до села Самодуровка. А там – восстание Желяева (партизан-антиколчаковцев – авт.). Вернулись в свое село. Что делать? Надо спастись самим, помогать Красной армии. На второй или третий день Пасхи собрались у Белашей. Человек 9. За картами договорились о восстании» [2, Л. 4]. Таким образом, восстание было не стихийным. В селе Мариинском существовала подпольная организация солдат (дезертиры белой армии). Они имели принесенное с фронта оружие – винтовки, револьверы и гранаты. Во главе подполья стоял бывший младший унтер-офицер царской армии Никифор Михайлович Ирченко. Был создан штаб восстания, разработан план ареста волостной администрации. Командиром вооруженного отряда избрали Н.М. Ирченко [3, Л. 77]. Жителей села под предлогом решения вопросов, связанных с весенним севом, созвали на сход. По документам известно число пришедших – 428 чел. Крестьяне поддержали предложение начать восстание. Тут же на сходе арестовали председателя волостной земской управы Яценко, полицейских Булавина и Глазунова, провозгласили советскую власть. Но нашлись и противники восстания. Так, краевед А.Ф. Дубицкий сообщает, что марииновские кулаки в тот же день сумели донести о случившемся колчаковским властям Атбасара, откуда выступил конный отряд. Белогвардейцы сходу ворвались в село, пытаясь арестовать руководителей восстания. Выстрелом из нагана Ирченко убил одного из нападавших. Колчаковцы растерялись и покинули село. Штаб партизан разослал по ближайшим уездам и селам воззвание к крестьянам с призывом присоединиться к восстанию [3, Л. 78].

По данным А.А. Дубовицкого на сходе вопрос о том, быть восстанию или нет, решили по-честному с помощью кулачного боя стенка на стенку. По одну сторону – организаторы восстания, по другую – местные богатеи – кулаки, выступившие против восстания. Кулаки проиграли, ушли в Атбасар и вместе с ними – часть сельчан. Большинство жителей осталось вместе с организаторами восстания. Ушедшие потом вернулись, их приняли обратно в село. Примечательно, что, когда восстание было разгромлено, эти же кулаки приняли участие в военно-полевом суде над односельчанами [2, Л. 9].

Из воспоминаний партизана Н.Н. Колесникова стало известно, что 26 апреля 1919 г. из Акмолинска подошел отряд казаков под командой прапорщика Васильева. Партизаны его встретили у села Старый Колутон и отогнали. У партизан была умелая тактика. Не имея винтовок, они подпускали казаков близко и били по ним из охотничьих ружей картечью [2, Л. 10].

Однако при всей своей многочисленности восставшие были плохо вооружены. Более чем на 2000 чел. у них имелось только 120 винтовок, 1082 охотничьих ружья, 70 револьверов. Большинство ополченцев имело на вооружении лишь топоры на длинных черенках. Восставшим в значительной мере помогло весеннее половодье. Вышедшие из берегов реки Колутон, Ишим, Балдырган и Мариинская старица на много верст затопили низменности. Непрерывное поступающее из других сел пополнение переправлялось в Мариинское на лодках [3, Л. 79].

1 мая 1919 г. белые власти издали приказ о «ликвидации беспорядков» в Акмолинской области. В нем говорилось: «возложить командование на комкора – сводного казачьего генерала Волкова, находящегося со своим штабом в Петропавловске. Для участия в операции назначить следующие части: Петропавловский конный дивизион войскового старшины Алейникова, первый и второй кадровые дивизионы Сибирского казачьего войска, отряд капитана Ванягина...». Но пламя народных восстаний разгоралось все ярче [4, Л. 8]. По другим данным, белое командование вынуждено было бросить против восставших часть 4-го Тюменского полка, 2-й казачий дивизион, дивизион Петропавловского уланского полка. Из Акмолинска и Атбасара на помощь белым подошли казачьи охранные сотни подьесаула Васильева и сотника Шайтанова [3, Л. 82-83].

Белогвардейцам пришлось снять с фронта значительные силы во главе с генералом Волковым и полковником Катанаевым, что, конечно же, усугубило его положение. Генерал Волков привел на штурм Мариинского отряд в 1500 чел. Это пехота – башкиры 4-го Тюменского полка в белых шапках, уланы, казаки. Кроме того, прибыли казаки из Атбасара, Акмолинска, Арыкбалыка, Сандыктава, Щучья. У белых было не менее 10 пулеметов. Почему марииновцы не пошли на Атбасар и Акмолу? Совет партизан готов был идти на Атбасар, но поход задерживался. Ждали оксановцев, а они медлили, чего-то выжидали. Ирченко готовился еще дать бой после первых успехов, запастись оружием и тогда пойти. И еще. У марииновцев не было глубокой разведки – знали только в радиусе 20–30 верст. Были и такие из партизан, которые не хотели оставлять село, семьи [2, Л. 9]. По воспоминаниям партизана Н.Н. Колесникова, марииновцы готовились идти на Атбасар, а потом на Кустанай, чтобы соединиться с РККА. Но это не сбылось: их опередил генерал Волков [2, Л. 12].

Генерал Волков по всем правилам военного искусства разработал план овладения Мариинским. Он окружил село с трех сторон и на рассвете 13 мая

1919 г. под прикрытием пулеметного огня начал штурм. Наступавшие смяли оборону партизан. Запылали подожженные карателями дома и сараи. Мариинцы отчаянно сопротивлялись. В густом дыму они отступали к единственному свободному выходу – берегу Мариинской старицы. Но здесь с флангов, отрезав им путь, ударила белая конница. Партизаны гибли под пулеметными очередями и казачьими шашками. О масштабах убийств можно судить по письменному рапорту капитана Ванягина на имя командира 4-го Тюменского полка, в котором он докладывал, что только со своим отрядом расстрелял не менее 1500 чел. На окраине села заседал военно-полевой суд. Приговоренных тут же расстреливали из пулеметов, рубили шашками, пороли шомполами и нагайками. Особую жесткость при расправе над мариинцами выказали офицеры Ванягин, Шайтанов, Васильев, Белов и Попков. Всего в селе Мариинском было расстреляно и замучено свыше 2 000 чел., сожжено 107 домов [3, Л. 80-81]. «Горели десятки домов, ревела скотина, слышался плач матерей и детей. По южную сторону Мариновки за Старицей разлив был километров на 12–15. Партизаны раздевались и бросались в воду. Одних расстреливали, другие тонули. После всплывали трупы. Выжившие спасались на островах, бродили по казахским аулам, по воде пробирались в другие села. Многие погибали» [2, Л. 13] – так об этом вспоминали очевидцы. «Шайки белогвардейцев надевали на себя женскую одежду, брали в руки балалайки или гитары, пели, плясали и стреляли людей» [2, Л. 15]. Невозможно описать того, что творили озверелые победители. О результатах донесли адмиралу Колчаку. Генерал Волков наградил победителей орденами и медалями. Сотня есаула Васильева вернулась в Акмолинск, где местное купечество организовало ей торжественную встречу [1, Л. 14]. Купец Забиров устроил обед сотне Васильева с речами и тостами за защитников Родины [1, Л. 15].

Разгромив Мариинское восстание, колчаковцы начали прочесывание уездов, истребляя мелкие партизанские группы. Карательный отряд возглавлял акмолинский станичный атаман, хорунжий Николай Кучковский. В телеграмме № 15 от 19 мая 1919 г. на имя начальника Акмолинского гарнизона Кучковский сообщал: «Журавлевка, Оксановка, Камышинка и Хмелевка совершенно очищены. Банда в 1200 человек под командой фельдшера Горланова, расположенная в Оксановке и Журавлевке, совершенно уничтожена. Виновные уничтожены, дома сожжены, имущество отобрано в казну». Карательный отряд также налетел на село Камышенка, где формировался отряд в помощь мариинцам. Каратели поймали 38 чел.. Их долго содержали в Акмолинской городской тюрьме, и на рассвете 6 июня 1919 г. расстреляли у реки Ишим. Во время расстрела двое обреченных Семен Обьедков и Иван Винокуров бросились в реку. Обьедкова застрелили на другом берегу, а Винокуров благополучно ушел, пользуясь темнотой. У самой Камышинки без суда и следствия расстреляли

7 чел.: Александра Зюбу, Анисима Тюрина, Ефима Котенко, Семена Яицкого, Андрея Самарского и других. Партизанское движение давили и в других селах. Карательный отряд штабс-капитана Балашева расстрелял в селе Вишневка Акмолинского уезда Сазонова, Суницкого и еще одного крестьянина. В Харьковке был расстрелян партизан Мувортов. В Елизаветинке белый офицер застрелил одного крестьянина, другого ранил. В селе Ивановка был убит А.И. Дынник [1, Л. 15].

Во время Всероссийского Коммунистического субботника 1 мая 1920 г. трудящиеся Акмолинска выкопали из земли тела всех жертв колчаковского террора, в том числе и тела партизан, расстрелянных на берегу Ишима, и перенесли их на центральную площадь города. Была сооружена братская могила и установлен деревянный памятник со звездой [5, Л. 14].

В записках А. Дубовицкого сохранились некоторые данные о казаках – участниках карательного похода на Мариинское. К примеру: «есаул Шайтанов. Блондин. Сухопарый. Выше среднего роста. С чубом – облик казака. Лицо узкое, острое хищное. Человек свирепый. Поймали его уже после установления советской власти. Работал управляющим банком в Свердловской области. Судили в Атбасаре. Расстреляли». На Атбасарском процессе были осуждены многие участники карательного похода на Мариинское [2, Л. 15].

Разгром Мариинского восстания не остановил партизанское движение. Центры сопротивления переместились в район Кустаная. Во второй половине 1919 г. 5-я армия РККА под командованием М.Н. Тухачевского вела на Восточном фронте ожесточенные бои с колчаковскими войсками. Перейдя от долговременной обороны к наступлению, она двигалась по пятам наступающего противника, Реввоенсовет 5-й армии образовал Семипалатинскую и Кокчетавскую группы войск. Первая должна была держать курс на Павлодар, Славгород, Семипалатинск, Рубцовск, Усть-Каменогорск и соединиться с Туркестанским фронтом. Второй предстояло идти от Кокчетава через Атбасар, Акмолинск, Каркаралинск на Копал. 23 ноября 1919 г. полк имени Степана Разина под командованием М. Самокрутова овладев Атбасаром, двинулся в сторону Акмолинска. В это же время через села Оксановку, Елизаветинку, Таволжанку, Петровку и Максимовку к Акмолинску пробивалась Отдельная Степная бригада. Сформирована она была осенью 1919 г. в Кустанайском уезде из мелких партизанских отрядов и добровольцев в составе 1-го кавалерийского полка, 1-го Акмолинского и 2-го Кустанайского стрелковых полков. 25 ноября 1919 г. части РККА вступили в Акмолинск. К тому времени эвакуировался из города штаб атамана А.И. Дутова, к которым в Китай ушла и часть акмолинских казаков. В 1920 г. на всей территории современного Северного Казахстана восстановилась советская власть [4, Л. 7].

Следует сказать, что в 1920 г. с акмолинскими казаками советская власть поступила мягко. После взятия города Акмолинская станица не подверглась репрессиям. Более того, в феврале 1920 г. в Москве состоялся первый Всероссийский съезд трудового казачества, на котором присутствовал делегат Акмолинской станицы И.Л. Боярский. Делегаты съезда встречались с В.И. Лениным и М.И. Калининым [3, Л. 164]. В апреле 1920 г. состоялось общее собрание казаков Акмолинской станицы, посвященное докладу И.Л. Боярского, вернувшегося с указанного съезда. Собравшиеся единодушно высказались за поддержку советской власти. 18 апреля 1920 г. на общем собрании казаков Акмолинской станицы казаки снова заявили, что они поддерживают советскую власть и доверяют ей [3, Л. 165]. Отношение к казачеству резко изменилось год спустя, когда сибирские казаки стали ударной силой крупнейшего в Сибири Ишимского антисоветского восстания.

Результаты исследования. Участие сибирского казачества в подавлении крестьянских восстаний стало одной из трагических страниц истории Гражданской войны. Одним из долгосрочных результатов этих событий стал окончательный разлад между основной массой населения и казачеством. Это способствовало политике советской власти по повсеместному лишению казаков земельных наделов и ликвидации казачьего сословия.

Список источников и литературы

1. ГАГА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 184.
2. ГАГА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 91.
3. ГАГА Ф. 362. Оп. 1. Д. 20.
4. ГАГА. Ф. 362. Оп. 4. Д. 22.
5. ГАГА. Ф. 362. Оп. 4. Д. 8.

Для цитирования: Прохоров И.Р. Участие Сибирского казачества в подавлении крестьянских восстаний 1919–1920-х гг. на территории современного Северного Казахстана // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 281–287.

© Прохоров И.Р., 2023

**БИОГРАФИИ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ РАБОТ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ**

Пученков Александр Сергеевич¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
¹ ap80@mail.ru, a.puchenkov@spbu.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9722-4267

Аннотация: В статье анализируются историографические тенденции, сложившиеся вокруг личности А.В. Колчака. Сделан вывод о том, что его персона по-прежнему востребована как российским обществом в целом, так и в историческом сообществе, в частности. За последние 30 лет в качестве биографов адмирала выступали такие серьезные историки, как А.В. Смолин, П.Н. Зырянов, В.И. Шишкин. В трудах, посвященных А.В. Колчаку, оценки личности и деяний адмирала варьируются от восторженных до критически-негативных. По мнению автора, историческое сообщество в исследовании биографии Колчака за последние десятилетия достигло серьезных успехов, но изучение жизни и деятельности адмирала должно быть продолжено.

Ключевые слова: историография, историческая антропология, биография, революция, Гражданская война, А.В. Колчак, Омск.

Постановка проблемы. Автору этих строк уже доводилось обращаться к оценке личности Верховного правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака [См. подр.: 14–15]. Предметом настоящей статьи станет обзор наиболее заметных биографических трудов отечественных историков, посвященных А.В. Колчаку, вышедших за треть века. Но оговорим, что мы проанализируем лишь наиболее характерные для современного взгляда на личность адмирала биографические работы, посвященные Колчаку, в хронологии их появления. Этот материал не претендует на то, что в нем будут упомянуты *все* исследования, где, так или иначе, затрагивалась бы жизнь и деятельность Колчака как Верховного правителя России, равно как и различные аспекты деятельности антибольшевистских сил и институтов власти, находившихся под началом Александра Васильевича.

Будучи фигурой яркой, по-своему притягательной, Колчак привлекает внимание не только как человек, вознесенный волей обстоятельств на вершину государственной власти в антибольшевистской России, но и как чрезвычайно интересный в психологическом отношении тип личности. Поэтому, вероятно, Колчак столь популярен у историков: никакому иному деятелю Белой борьбы не посвящено столько исследований.

Колчак обладал ярко выраженной харизмой, в облике адмирала угадывалась огромная сила воли; привлекал также и исходивший от него своеобразный

ток власти, дополняемый видимым бесстрашием. Набор этих качеств в одном человеке, да еще и наделенным крайне непривычным и необычным для русских людей типом внешности – то ли турок, то ли англичанин, – производил сильное впечатление на современников. Тем, кто видел его хотя бы однажды, Колчак запоминался навсегда. «Часовой открыл обитую железом дверь в одиночную камеру. В ней светила коптилка. В углу на койке сидел, склонив голову, высокий худощавый сутуловатый человек, лет сорока семи, по внешнему виду очень похожий на англичанина. Он был в шинели с каракулевым серым воротником с адмиральскими погонами. Когда представители советской власти вошли в камеру, заключенный тяжело поднялся с койки. По всему было видно, что он был любую минуту наготове, ожидая от своих освобождения из тюрьмы. Это был адмирал Колчак. У него были жесткие черты бледного бритого морщинистого лица с большим горбатым носом, открытым лбом, угловатым выдававшимся вперед подбородком, глубоко запавшими глазами», – такое воспоминание о Колчаке – заключенном Иркутской тюрьмы, осталось у Ф. Брагина [3, Л. 40–41].

В советские годы изучение колчаковского режима не считалась табуированной темой, но историки даже в «либеральное» брежневское время предпочитали в отношении него использовать пропагандистские штампы, как это сделал Г.З. Иоффе, к слову, автор знаковой для своего времени монографии «Колчаковская авантюра и ее крах» [7]. В более ранней своей книге Иоффе заявил о том, что «по своей социальной природе буржуазно-помещичья, военномонархическая диктатура Колчака в известном смысле представляла собой сибирский вариант корниловщины» [8, С. 191].

Основная часть. На рубеже 1980–1990-х гг. советские историки получили возможность начать работу над биографиями ключевых персоналий Белого дела. Естественно, что вниманием специалистов не был обойден адмирал Колчак. Еще на излете перестройки, в 1991 г., вышла книга, посвященная подробностям последних дней жизни адмирала, подготовленная сибирским писателем Г.В. Егоровым, собиравшего материалы для романа о Гражданской войне и неоднократно встречавшегося с А.В. Тимиревой – возлюбленной Александра Васильевича [9]. Георгий Васильевич преждевременно скончался, не успев закончить свой труд. Можно предположить, что готовившийся им к опубликованию роман был бы комплиментарным по отношению к Колчаку, которого он называл «выдающимся человеком России» [9, С. 302]. «Не пугайтесь этого имени. Человек, его носивший, не так уж страшен. Он был совершенно не таким, каким его изображала три четверти века подряд наша пропаганда... Он – русский до мозга костей. Очень любил Россию. Больше всего на свете», – писал Г.В. Егоров, подчеркивая, что его герой не сомневался в том, что «большевизм явление антинародное», а «русский народ ошибся, пойдя за Лениным» [9, С. 4]. «Материалы, которые я предложил из своих архивов об адмирале Колчаке, повторяю, лишь крупица того, что следовало бы знать каждому человеку, хотя бы еще и потому, что над многими из тех, стоявших перед Колчаком, проблем сто-

ит задуматься и сегодняшнему нашему поколению», – отмечал Г.В. Егоров [9, С. 303].

Уже в новой России вышла биографическая повесть К.А. Богданова, посвященная Колчаку, в основу которой были положены материалы личного фонда адмирала, отложившиеся в РГАВМФ [2]. В своем исследовании жизни Верховного правителя Богданов был осторожен в оценках. Для него глубоко характерно решительное противопоставление 2-х этапов жизни Колчака – первого, в ходе которого адмирал приобрел общероссийскую известность как прославленный полярный исследователь и один из самых компетентных офицеров военно-морского флота; и второго, годичного, когда Александр Васильевич занимался «не свойственной ему» деятельностью на посту Верховного правителя России [2, С. 5]. По мнению Богданова, Колчак не справился с многотрудными обязанностями государственного мужа, совершив целый ряд серьезных ошибок. Военное поражение в боях с РККА, последующее предательство Колчака союзниками, наконец, знаменитые допросы адмирала Чрезвычайной следственной комиссией – вот что предшествовало поспешному, без суда, расстрелу Александра Васильевича. «Полная приключений и тревог динамичная жизнь адмирала Колчака, пережившего и известность моряка-исследователя, и славу моряка-флотоводца, и бесславие Верховного правителя, трагически оборвалась на 46-м году от роду», – завершает рассказ о Колчаке его биограф [2, С. 282].

Интересный взгляд на Колчака предложил известный историк Г.А. Трукан. По его словам, «Колчак был выдвинут на первое место в антибольшевистской России неожиданно для него самого. Переворот все равно осуществили бы сторонники твердой власти. Им нужно было только громкое имя Колчака» [21]. «Уверовав в то, что винтовка и танк рождают сильную власть, Колчак создал в Омске милитаристскую модель управления Сибирью. Во главе находился Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал Колчак с диктаторскими полномочиями», – замечает историк, оговаривая при этом, что адмирал не годился для роли диктатора [21, С. 79, 81]. Трукан невысоко оценивает таланты Колчака-политика: «Колчак определял политические цели, не учитывая политических возможностей данной минуты, как бы сидел в своей адмиральской каюте и строил планы, не считаясь с тем, что в это время происходило на палубе и в море» [21, С. 80]. К слову, тезис о том, что в начале ноября 1918 г. все созрело для политического переворота, а недовольство Директорией «зрело не только среди военных и политиков правой ориентации, но и среди политиков-управленцев», высказывает и автор крупнейшей обобщающей монографии по истории социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России В.М. Рынков [16, С. 128].

Еще один исследователь биографии Колчака, И.Ф. Плотников, в монографии, посвященной личности Верховного правителя, справедливо заметил, что «трагедия Колчака есть составная часть такой же участи всего Белого движения. А оно потерпело поражение всюду...» [12, С. 197]. Отмечая ряд ошибок

белых правительств и просчеты самого Колчака, Плотников писал о том, что «понадобились почти семь десятилетий, чтобы некоторая часть нашего народа убедилась во внутренней правоте Белого движения, его вождей и всей исторической России. Трагедия Колчака – трагедия всего нашего многострадального народа» [12, С. 200].

Московский историк П.Н. Зырянов незадолго до преждевременного ухода из жизни успел закончить работу над жизнеописанием Колчака. На наш взгляд, это лучшая и наиболее подробная биография Александра Васильевича. Она выдержала ряд переизданий [6]. Павел Николаевич не скрывал симпатий к своему герою, которого он называл «замечательным человеком», подчеркивая то обстоятельство, что трагедия Колчака была обусловлена реалиями Гражданской войны, в которой столкнулось две модели строительства государства [6, С. 585–586]. Резюмируя свои наблюдения о Колчаке, Зырянов писал о том, что «античная трагедийность его жизни и античные черты его образа всегда будут привлекать внимание будущих поколений» [6, С. 586]. «Колчак прожил необыкновенную жизнь, полную борьбы, увлечений, стремлений и разочарований. Отчасти – вследствие бурного характера той эпохи, а с другой стороны – благодаря личному своему темпераменту», – отмечал ученый [6, С. 586].

«Жизнь Колчака, весьма значимая для России, должна остаться в памяти народа как пример подвижничества, благородных устремлений и высокого патриотизма», – утверждал В.В. Синюков, автор двухтомной биографии адмирала [17. Ч. 2, С. 80]. «А.В. Колчак становится лидером Белого движения. Переворот 18 ноября 1918 г. выдвигает его на передний план. В этой круговерти А.В. Колчак принимает на себя высокую миссию Верховного правителя России, и трагический финал пятнадцатимесячного правления подстерег его у молчаливой проруби опечаленной Ангары», – констатировал исследователь [17, Ч. 1, С. 22].

След в историографии оставила и книга о Колчаке московского историка А.С. Кручинина. Автор не только проанализировал факты биографии Колчака, но и попытался понять психологию адмирала – не только как политика, но и как православного воина. Кручинин изображает Колчака крупной фигурой, политиком серьезного, общероссийского масштаба, человеком глубоко порядочным и преданным своей Родине. По мнению Кручинина, Колчак воспринимал колоссальную власть, приобретенную им после переворота ноября 1918 г., как тяжкий крест, ниспосланный ему Богом. Значение и масштаб личности Колчака, по мнению Кручинина, понимала и Россия, никогда не забывавшая адмирала – «вопреки его смерти. Верховного Правителя России, в России навсегда оставшегося» [10, С. 527]. «Личность Колчака – не из тех, что могут “поглощаться” даже описанием крупных общественных явлений, политических катаклизмов; но столь же очевидна неразрывность связи ее с тем делом, которому отдал адмирал свои силы и жизнь. Александр Васильевич Колчак – всего лишь часть русского, Белого Дела; но часть настолько значительная, что понимание хода событий, судеб всего движения в целом невозможно без попыток разо-

браться в личности этого выдающегося человека, приблизиться к разгадке его образа – цельного и противоречивого в одно и то же время», – высказывает свое мнение А.С. Кручинин [10, С. 11].

Известный писатель-маринист Н.А. Черкашин рассматривает Колчака как «романтика Белого движения», как фигуру историческую и, безусловно, положительную, незаслуженно преданную забвению в советские годы. «Семьдесят лет и три года над именем Колчака довлело заклятие. Если его и упоминали в статьях и книгах, то не иначе как с клеймами яркого контрреволюционера, монархиста, кровавого диктатора <...> Дозволялось печатать фотографии Гитлера и Геринга, Геббельса и Гиммлера, но нигде нельзя было увидеть портрета Колчака. На лик его также был наложен запрет. И вот заклятие спало. Вышла добрая дюжина книг о Колчаке – роман, монографии, сборники документов, иллюстрированная биография, фильмы, документальные и художественные. Кто-то твердит по старой памяти – “дань моде”. Нет. Воздаяние по заслугам», – полагает Н. А. Черкашин [26, С. 309].

«Главная трагедия Колчака – это трагедия всего Белого движения», – отмечает Г.В. Майорова, автор обширной биографии адмирала, считающая необходимым напомнить россиянам «о судьбе Александра Васильевича Колчака, ученого, исследователя, моряка, воина и настоящего русского патриота, до конца оставшегося верным своей Родине и единожды данной присяге. Жизнь его должна остаться в нашей памяти как пример подвижничества, благородных устремлений и высокого патриотизма» [11, С. 592–593].

Солидную монографию о внешней политике Колчака подготовил американский историк русского происхождения А.В. Шмелев. Колчак в изображении Шмелева – сильный и прагматичный политик, отстаивающий суверенитет и независимость России. «Ни Колчак, ни те силы, которые поддерживали его, не хотели допустить раздробления России. Они неуклонно проводили соответствующую линию в своей политике, но не сумели убедить ни союзников, ни тем более самих лимитрофов в своей правоте», – отмечает А.В. Шмелев [28, С. 150], оговорив, что «Колчак и белые вообще не вызывали у них [союзников. – Авт.] настоящего доверия. Причины этого недоверия во многом создала великодержавная внешняя политика белых» [28, С. 214].

Московский историк В.Г. Хандорин не скрывает симпатий к адмиралу Колчаку. Так, по мнению Владимира Геннадьевича, «Верховный правитель <...> вполне достоин увековечения памяти как выдающийся патриот, вождь сопротивления преступной и авантюрной, антинациональной, антигуманной и богоборческой власти, один из отцов Белой идеи, в целом актуальной по сей день, а также талантливый флотоводец и ученый» [23, С. 198]. «Автор, – утверждает В. Г. Хандорин, – вовсе не ставит своей задачей идеализировать А.В. Колчака. Безусловно, как и огромное большинство людей, он не был святым и имел свои человеческие недостатки <...> Но это не мешает ему оставаться многогранной и выдающейся, хотя и противоречивой (я бы сказал, шекспировской) личностью,

беззаветным и отважным патриотом своей Родины, достойным как минимум уважения и пристального изучения, а не беззастенчивой хулы <...>» [23, С. 9]. Взгляд на Колчака как на крупную историческую личность, подлинно всероссийского масштаба, В.Г. Хандорин развивает и в своей недавней работе [22; 24].

Петербургский историк А.В. Смолин – автор научно-популярной биографии адмирала Колчака – в предисловии четко обозначил задачу своего исследования: сделать шаг «по направлению к действительному, а не мифологизированному адмиралу Колчаку» [18, С. 5], справедливо указав, что «нешуточные баталии разыгрываются в оценках личности Колчака и в наши дни. Опять политическая конъюнктура – развенчание большевизма – превалирует над реальным человеком» [18, С. 3]. А.В. Смолин, без симпатии относящийся к своему герою, подводит итоги его биографии так: «В жизни адмирала Колчака чередовались взлеты и падения. При этом ни одного дела он не смог довести до конца. Мечта об Арктике оказалась нереализованной, от программ по восстановлению флота он отошел. Планы по захвату Черноморских проливов остались на бумаге. Наконец как Верховного правителя и Верховного главнокомандующего его ждал полный крах... Это стало итогом его жизненного пути, а дальше началась мифология по созданию образа рыцаря “белой борьбы” [18, С. 209]. В книге, предшествующей подготовленной им биографии Колчака, А.В. Смолин подчеркнул, что по политическим взглядам адмирал был монархистом, а «после Февраля 1917 г. у Колчака произошла смена политических ориентиров, но не взглядов, и его мировоззрение эволюционировало в сторону установления военной диктатуры и вовлечения армии в управление страной. Постепенно идеология милитаризма становилась у него главенствующей <...> Колчак стал одним из тех военных, в ком воплотилась идея военной диктатуры и политической роли армии в управлении государством. Наше исследование показало, что деятельность А.В. Колчака в 1917 г. стала этапом на этом пути» [19, С. 191–192].

Из недавно вышедших статей стоит выделить труд авторитетного новосибирского исследователя В.И. Шишкина. Ему принадлежит и наиболее глубокая характеристика адмирала как Верховного правителя. «Те, кто тесно общался с А.В. Колчаком, знали, что адмирал являлся патриотом России, непримиримым врагом большевиков, мужественным и решительным человеком. Но знали и о том, что он обладает очень неровным, неустойчивым характером, не имеет опыта командования сухопутными силами и государственной деятельности, слабо разбирается в людях <...> Достоинства и особенно недостатки, присущие А.В. Колчаку, в полной мере сказались в делах, когда он стал Верховным правителем и Верховным главнокомандующим <...> В поведении А.В. Колчака мощные волевые импульсы чередовались со спадами активности и даже апатии, неоправданном доверии к одним людям и столь необоснованном недоверии – к другим. Отсюда – кадровая чехарда в окружении адмирала, импровизация и непоследовательность в политике, уклонение от решения государственных дел под предлогом поездок на фронт и мн. др. Можно утверждать, что

большую часть времени своего пребывания на посту Верховного правителя адмирал Колчак прожил в режиме, плохо отвечавшем условиям Гражданской войны и взятым на себя обязательством. В борьбе двух диктатур – пролетарской и военной – во время Гражданской войны в России победа оказалась на стороне первой. Причин такого результата много, прежде всего объективных. В том числе нельзя, конечно, игнорировать тот факт, что Сибирь как военный плацдарм проигрывала Центральной России. Но в данном случае хотелось бы обратить внимание на субъективную сторону проблемы и отметить тот факт, что В.И. Ленин использовал такой опасный инструмент, как диктатура, несомненно грамотнее и эффективнее, чем А.В. Колчак», – правомерно заключает В.И. Шишкин [27, С. 346–347]. В чем-то эта характеристика схожа с той оценкой, которую Колчака удостоил историк Л.Г. Прайсман: «О выдающихся качествах Колчака как блистательного флотоводца, знаменитого полярного исследователя и ученого писали очень многие. Может быть, если бы не революция, Колчак остался бы в памяти как один из лучших флотоводцев в истории России и величайший полярный исследователь. Но на посту Верховного правителя России нужен был отнюдь не ученый адмирал. В качестве государственного деятеля, полководца, диктатора Колчак провалился по всем статьям. Более неудачного кандидата на роль Верховного правителя страны заговорщики не смогли бы найти при всем желании» [13, С. 456–457].

Количество опубликованных за последние годы трудов, где затронута персона Колчака, столь велико, что перечислить все эти работы не представляется возможным – автор и не ставил перед собой такой задачи. Для полноты картины упомянем книги С.В. Дрокова [5] и В.Ж. Цветкова [25]. Оба специалиста затронули вопрос о реабилитации адмирала Колчака. Нельзя не сказать о выдающихся по своему масштабу и содержательной стороне сборниках документов, опубликованных, в свою очередь, в 2003 [4] и в 2021 гг. [1]. Каждый из них стал событием для своего времени.

Результаты исследования. Как видим, даже спустя более века, фигура Колчака оценивается учеными по-разному; сильными представляются тенденции и к апологетике адмирала, и к его осуждению, взвешенные оценки, как самого Колчака, так и его деяний, пока редки (в науке, публицистике, общественном дискурсе). Здесь можно вспомнить недавнюю историю с баталиями вокруг мемориальной доски Колчаку в Санкт-Петербурге. Бывший Верховный правитель России вовсе не выступает в роли фигуры объединения в глазах своих соотечественников. Даже в Омске, во многом ассоциируемом в сознании россиян с его именем, отношение к нему неоднозначно, о чем подробно рассказано в содержательной статье А.В. Сушко и Д.И. Петина [20]. Как видим, Колчак и его деятельность на посту Верховного правителя России по-прежнему актуальны. Но, вернувшись к обзору историографии, следует признать, что в минувшие 30 лет российские историки весьма плодотворно изучали биографию А.В. Колчака. Наука обогатилась разнообразными исследованиями: за эти годы увидели

свет как откровенно компилятивные работы, труды апологетического толка, так и солидные, академические исследования, которые уже сейчас можно назвать классическими. К числу последних работ, прежде всего, следует отнести книгу П.Н. Зырянова. На наш взгляд, изучение биографии А.В. Колчака должно быть продолжено.

Источник финансирования

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ 21–18–00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете

Список источников и литературы

1. А.В. Колчак, 1874–1920: сборник документов: в двух томах. Т. 1. А.В. Колчак: от кадета до флотоводца 1874–1918. СПб., 2021; Т. 2. А.В. Колчак: верховный правитель России, 1918–1920. СПб., 2021.
2. Богданов К.А. Адмирал Колчак: Биографическая повесть-хроника. СПб., 1993. 304 с.
3. Брагин Ф. Расстрел Колчака // ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 437.
4. Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака / Под ред. А.Н. Сахарова, В.С. Христофорова. М., 2003. 701 с.
5. Дроков С.В. Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009. 624 с.
6. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак: Верховный правитель России. М., 2006. 637 с.
7. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. 298 с.
8. Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. 321 с.
9. Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни / Сост. Г.В. Егоров. Барнаул, 1991. 304 с.
10. Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. 865 с.
11. Майорова Г.В. Александр Васильевич Колчак: «Нет ничего выше Родины и служения Ей». М., 2016. 600 с.
12. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. 702 с.
13. Прайсман Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015. 531 с.
14. Пученков А.С. Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех услови-

ях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–8.

15. Пученков А.С. Античный герой? Штрихи к психологическому портрету адмирала А.В. Колчака // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы IV Междунар. науч.–практ. конф. (Омск, 20–21 окт. 2021 г.). Омск, 2021. С. 249–259.

16. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: Идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М., 2022. 440 с.

17. Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак: ученый и патриот: в 2 ч. М., 2009.

18. Смолин А.В. Взлет и падение адмирала Колчака. СПб., 2018. 239 с.

19. Смолин А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. 200 с.

20. Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 4. С. 9–17.

21. Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. 255 с.

22. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак? Драма Верховного правителя. М., 2022. 526 с.

23. Хандорин В.Г. Мифы и факты о Верховном правителе России. М., 2019. 200 с.

24. Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017. 324 с.

25. Цветков В.Ж. «Преступление и наказание» Верховного правителя России. М., 2018. 270 с.

26. Черкашин Н.А. Адмирал Колчак. Романтик Белого движения. М., 2013. 320 с.

27. Шишкин В.И. Революция и Гражданская война в Сибири: общее и особенное // Эпоха революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 346–347.

28. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб., 2017. 266 с.

Для цитирования: Пученков А.С. Биографии адмирала А.В. Колчака: историографический обзор важнейших работ последних лет // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 288–296.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ ЯКУТИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1921-1923 гг.

Саввинов Павел Олегович¹

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, Якутск, Россия

¹ pavel_savvinov@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 7216-9797.

Аннотация: Статья посвящена истории антибольшевистского повстанчества на крайнем севере Якутии в годы Гражданской войны. Используемые источники, по мнению автора, показывают, что антибольшевистское движение на севере Якутии было поднято и организовано офицерами В.И. Бочкарева при поддержке Приамурского Временного Правительства. Но повстанческое движение было неоднородным, оно вело борьбу и с большевиками, и с иными антибольшевистскими повстанческими отрядами, что тормозило дальнейшее разрастание повстанчества на Крайнем Севере.

Ключевые слова: Гражданская война, антибольшевистское движение, повстанчество, офицерство, Временное Якутское областное народное управление, Сибирская добровольческая дружина.

Постановка проблемы. Начавшаяся в августе 1921 г. Гражданская война в Якутии приобрело широкомасштабную форму, охватив почти всю территорию северо-востока РСФСР. Обстановка в регионе была угрожающей для Советской власти. Среди отечественных исследователей эта проблематика всегда вызывала интерес. Тем не менее, события тех лет на крайнем севере Якутии все еще остаются «белым пятном» в отечественной историографии.

В СССР Гражданскую войну на Севере Якутии изучали П.У. Петров, А.И. Новгородов, Р.В. Шелехова и др. Будучи приверженцами марксистско-ленинской методологии, они рассматривали те события, как антисоветский мятеж, поднятый «буржуазными националистами» и «офицерами-бочкаревцами» при поддержке иностранных империалистов [1, С. 5–29]. Главной их целью, по мнению историков, было установление «буржуазно-тойонской» власти в Якутии с подчинением её «иноземным захватчикам» и захват богатых пушниной и природными ресурсами крайнего севера Якутии [2, С. 239; 3]. В начале 1990-х гг. Г.Г. Макаров затронул тему Гражданской войны на севере Якутии; он считал, что офицеры, направленные В.И. Бочкаревым, подняли антисоветский мятеж для свержения советской власти, захвата пушнины и отправки их в Гижигу к есаулу Бочкареву [4, С. 30–51]. Из сказанного следует, что отечественные авторы были едины в причинах и характерах антибольшевистского движения в Якутии. Нами

же впервые предпринимается специальное исследование антибольшевистского повстанчества на крайнем севере Якутии в годы Гражданской войны.

Основная часть. В конце сентября 1921 г. Правительство Меркуловых отправила экспедицию на Охотский и Камчатские уезды входивших тогда в состав Якутской губернии с марта 1921 г. [5, Л. 10 – 12]. В октябре 1921 г. Охотский и Камчатский уезды были заняты Северным экспедиционным корпусом во главе с есаулом В.И. Бочкаревым, где устанавливалась власть Временного Приамурского правительства, а управлял им особоуполномоченный Охотско-Камчатского края Х.П. Бирич [6, С.454–462]. Бочкарев планировал захватить Камчатку, берега Охотского моря, Якутск, выйти на Читу и Иркутск. В Якутии, по словам Бочкарева, местность «сдавленная скалами» могла бы позволить укрепиться и получить «вторые Фермопилы» [7, С. 343]. Захват обширных территорий Охотского и Камчатского уездов дал бы возможность Северному экспедиционному корпусу и дальше наступать, теперь уже на северные уезды Якутской губернии – Колыму и Верхоянск.

К концу 1921 г. и к началу 1922 г. население на крайнем севере Якутии было недовольно политикой Советской власти. Кроме того, на северные уезды начали доходить слухи о начинающемся августе 1921 г. в Якутском уезде антибольшевистском повстанческом движении. В начале 1921 г. в Верхоянске был произведен ряд расстрелов лиц, причастных к укрывательству участников Булунского восстания. В Колымском уезде отмечалось недовольство мясной разверсткой, которую улус выполнял для снабжения голодающего населения [8, С. 98–105]. Население 2-х уездов сочувствовало антибольшевистскому движению центральной части Якутии.

В начале января 1922 г. неблагоприятной обстановкой Верхоянском и Колымском уездах воспользовались бочкаревские офицеры (П.П. Шулёпов, К.П. Деревянов, Н.И. Хапилин, Маслюков и др.), прибывшие на крайний север Якутии с Охотского побережья и сформировавшие из местных добровольцев Северный якутский антибольшевистский отряд. Целью отряда было создание базы для борьбы с большевиками в Якутской области. Отряд действовал самостоятельно, при взаимодействии с Северным экспедиционным корпусом до восстановления в Якутской областной антибольшевистской власти [9, Л. 7]; по сути, они полностью зависели от офицеров Бочкарева.

Из протокола совещания представителей антибольшевистских отрядов, состоявшегося в Охотске 25 января 1922 г. известно, что Северный Якутский антибольшевистский отряд не преследовал военные цели, а ставил исключительно экономические задачи [9, Л. 4]. Отсюда ясно, что бочкаревцы в Якутской губернии имели иные задачи. Данный отряд вместе с бочкаревцами разделились на 2 группы: Колымский и Верхоянский Северные якутские антибольшевистские отряды. Так, в апреле 1922 г., Верхоянский и Колымский уезды – весь крайний север Якутии – были под контролем бочкаревцев [9, Л. 4].

После образования в марте 1922 г. в с. Чурапча, антибольшевистской власти в лице ВЯОНУ сторонники её на крайнем севере Якутии проявляли недовольство в отношении проводимой политики есаулом В.И. Бочкаревым. Так,

летом 1922 г. сторонники ВЯОНУ при поддержке отряда штабс-ротмистра С.Г. Канина заняли Верхоянск, а офицеры Бочкарёва отступили [4, С. 277–303]. Состоявшийся в Верхоянске волостной съезд направил протест в адрес Х.П. Бирича в Охотске в отношении Северного экспедиционного корпуса В.И. Бочкарева, обвиняя их в незаконном вмешательстве в гражданские дела Якутской области при существовании Временного Якутского Областного Народного Управления (ВЯОНУ) [9, Л. 2]. Так, местные антибольшевистские силы установили связь с ВЯОНУ.

Представители ВЯОНУ пытались добиться от есаула Бочкарёва признания ВЯОНУ как единственной власти в области, но ничего не добились, так как это не соответствовала планам Бочкарева [9, Л. 40]. Бочкаревцы не признавали новый режим, ибо сами были заинтересованы в организации антибольшевистской гражданской власти на территории Якутии. Камнем преткновения между ВЯОНУ и бочкаревцами был вопрос о пушнине. С этого момента началось противостояние между отрядами Бочкарева и ВЯОНУ на крайнем севере Якутии.

К тому времени ситуация быстро менялась, в конце мая 1922 г. отряды РККА во главе с К.К. Байкаловым сняли осаду Якутска, а 21 июля 1922 г. в Никольском сражении основные силы Народной Армии численностью до 1500 чел. были разбиты 226-м Петроградским красноармейским полком. Остатки частей повстанцев с во главе с корнетом В.А. Коробейниковым отступили на Нелькан, а члены ВЯОНУ перенесли штаб из с. Чурапча в Охотск. В сентябре 1922 г. на берегах Аяна высадились Сибирская добровольческая дружина генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева численностью около 750 чел. Экспедиция планировала занять плацдарм в Якутии для дальнейшего наступления на Иркутск и далее вглубь Сибири [10, С. 267–287]. 9 сентября 1922 г. Пепеляев взял командование над всеми повстанческими отрядами Якутии [11, Л. 31].

17 сентября 1922 г. правитель Приамурского Земского края М.К. Дитерихс признал власть ВЯОНУ единственной законной властью в Якутии. Одновременно осенью 1922 г. ВЯОНУ назначило чрезвычайным уполномоченным по Северным округам по военным и гражданским делам А.С. Ефимова, возложив на него координацию и руководство повстанческим движением на крайнем севере Якутии. Власть ВЯОНУ поддерживалась Сибирской добровольческой дружиной. Так, генерал-майор В.А. Ракитин, прибывший вместе с Пепеляевым, предлагал есаулу Шулепову, начштаба отряда Бочкарева в Колымском уезде, всячески оказывать содействия уполномоченному Ефимову в организации работ по установлению порядка в округе. Противостояние между антибольшевистскими силами продолжалась на крайнем севере Якутии. Ефимов давал распоряжение подконтрольным им отрядам, например, отрядам Шулепова и Канина действовать против офицеров Бочкарева [9, Л. 16–34]. В свою очередь бочкаревцы также предпринимали меры против сторонников ВЯОНУ. Так, в конце января 1923 г. после взятия большевиками Верхоянска бочкаревцы объявили Новгородова и сторонников ВЯОНУ государственными преступниками за сдачу большевикам Верхоянска и за увоз запасов пушнины [11, Л. 15].

На съезде ВЯОНУ 5-6 февраля 1923 г. в Охотске было принято решение снарядить и отправить экспедицию в Оймякон из 3-х офицеров Охотского гарнизона, чтобы остановить междоусобные распри в рядах повстанцев и для налаживания отправки всех ценностей для нужд Сибирской добровольческой дружины [9, Л. 24]. С этой целью в феврале 1923 г. на крайний север Якутии был командирован капитан И.Н. Герасимов в качестве начальника вооруженных сил северных округов Сибирской Добровольческой дружины. В апреле 1923 г. чрезвычайно уполномоченный Ефимов был освобожден от прежнего руководства и назначен начальником повстанческого отряда, находящегося под Верхоянском. [11, Л. 41]. Но уже в конце апреля 1923 г. стало ясно, что Герасимов не в состоянии выполнить возложенные на него задачи, ввиду распада повстанческих сил на крайнем севере Якутии и полнейшего отсутствия снабжения. Весной 1923 г. многие повстанцы дезертировали, унося с собой оружие. Сам Ефимов вел на стороне переговоры с большевиками о сдаче отряда [12, Л. 6–7].

Вооруженные формирования повстанцев тогда достигали 270 чел. В Верхоянском уезде численность повстанцев было до 120 чел. В Аллаихе, (Усть-Янском районе) повстанческий отряд К.П. Деревянова насчитывал 70 чел, считаясь благонадежным и боеспособным [13]. В районе Колымы действовал отряд Канина численностью 80 чел. Вооружение у повстанцев в основном было сборное, боеприпасов было мало. Снабжение отрядов отсутствовало, они довольствовались за счет населения, что вызывало недовольство последнего, ведь и само население испытывало крайнюю нужду [12, Л. 67].

Бочкарев, оставленный в ноябре 1922 г. Х.П. Биричем, ещё весной 1923 г. был убит, а его отряд – разгромлен в Наяхане [14]. Разгром главных антибольшевистских сил во главе с Пепеляевым летом 1923 г. вызвал брожение в рядах повстанцев. Свою роль сыграла амнистия тем, кто сдаст оружие. В конце 1923 г. наступил закат повстанчества, оставшиеся их части сдались, а некоторые мятежники бежали. Отряд Деревянова сдал оружие под гарантию жизни и свободы всем повстанцам без исключения [8, С. 98–105]. Основные силы повстанцев вместе Ефимовым также добровольно сдались советским отрядам и были амнистированы. Ефимов из-за постоянных преследований в 1927 г. уехал из ЯАССР [15, С. 52–53].

Результаты исследования. На основании изложенного отметим, что антибольшевистское движение на крайнем севере Якутии было поднято и организовано офицерами Бочкарева при поддержке Временного Приамурского Правительства. Противостояние между отрядами ВЯОНУ и офицерами Бочкарева тормозило дальнейшее разрастание повстанчества в северных уездах Якутии. Так, этот регион стал центром конфронтации двух антибольшевистских движений. Причинами междоусобицы были пушной фонд и разногласия во взглядах по вопросу организации антибольшевистской власти в Якутии. Повстанчество на крайнем севере Якутии действовало по трем направлениям: Верхоянское, Колымское и Аллаиха Усть-Янское. Общая численность повстанцев была невелика, их формирования были слабо организованы, плохо вооружены и снабжены. Попытка объединить антикоммунистические отряды потерпела крах. Главными

причинами поражения антибольшевистских отрядов на крайнем севере Якутии было отсутствие координации действий и курс на амнистию повстанцев со стороны руководства ЯАССР. Прибытие регулярных частей РККА и разгром Сибирской добровольческой дружины подорвали боевой дух повстанцев, играя решающую роль в ликвидации антибольшевистского движения в регионе.

Список источников и литературы

1. Петров П.У. О разгроме якутских буржуазных националистических банд в 1921–1922 // Сб. ст. по истории Якутии советского периода. Вып. 1. Якутск. 1955. С. 5–29.
2. Новгородов А.И. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск: Наука, 1969. 391 с.
3. Шелехова Р.В. Борьба за Советскую власть на Севере Якутии 1917–1925. Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1972. 199 с.
4. Макаров Г.Г. Северо-Восток России в 1921–1922 гг. Якутск: Бичик, 1996. 336 с.
5. ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 538.
6. Бирич Х.П. Доклад о занятии Охотско-Камчатского края // Вопросы истории Камчатки. Вып. 2. Петропавловск–Камчатский: Новая книга, 2008. С. 454–462.
7. Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. 1917–1922. М.: Русский путь, 1998. 368 с.
8. Конкин П.К. В. Гончарук «Переворот совершал пакет, полученный из Якутска...» // ИЛИН. 2003. № 2. С. 98–105.
9. ФНА РС (Я) Ф. П–1. Оп. 1 Д. 338.
10. Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск: ТГУ, 2017. 312 с.
11. НА РС (Я) Ф. Р–444. Оп. 1. Д. 3.
12. НАРС (Я) Ф. Р–440. Оп. 1. Д. 2.
13. Нижнеколымский улус: История. Культура. Фольклор. Якутск: Бичик, 2003 г. 296 с.
14. Кручинин А.С. Экспедиция есаула В.И. Бочкарева (Взятие Охотска Северным экспедиционным отрядом 4–6 октября 1921 года) // Военная история России XIX–XX вв. Мат–лы VI Междунар. воен.-ист. конф. (Санкт-Петербург, 29–30 ноября 2013 г.). СПб. : СПГУТД, 2013. С. 338–366.
15. Колосов И.С. Афанасий Ефимов-Ыбырыан Уола: «Мы мечтали, что будем писать историю народа Саха...» // ИЛИН. 2004. № 4. С. 52–53.

Для цитирования: Саввинов П.О. Антибольшевистское повстанческое движение на крайнем севере Якутии в годы Гражданской войны 1921–1923 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 297–301.

© Саввинов П.О., 2023

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛЫХ ВОЙСКАХ НА ВОСТОКЕ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ 26-ГО ШАДРИНСКОГО ГОРНЫХ СТРЕЛКОВ ПОЛКА)

Сильченко Иван Сергеевич¹

¹ Технический университет УГМК, Верхняя Пышма, Россия

¹ 89022777814@yandex.ru. SPIN-код (РИНЦ) 1113-2171

Аннотация: В статье на примере 26-го Шадринского горных стрелков полка Сибирской армии рассматривается кадровая политика антибольшевистского военного руководства. Основываясь на материалах федеральных и региональных архивов, автор последовательно освещает принципы формирования и структуру полка, характеризует политику награждения и поощрений, а также уделяет особое внимание проблеме дезертирства. Представленные в завершении статьи выводы применимы не только к исследуемой воинской части, но в целом к антибольшевистским формированиям востока России.

Ключевые слова: наградная система России, Гражданская война, белое движение, белая армия, 26-й Шадринский горных стрелков полк.

Постановка проблемы. Гражданская война в России явилась событием, разделившим отечественную историю на «до» и «после», она стала не только «точкой кипения» глубочайшего социального и политического кризиса, но показала всю многослойность российского общества, представители которого, имели разные взгляды на дальнейшее существование государства. Боевые действия Гражданской войны, проходившие на огромной территории бывшей Российской империи для каждого региона уникальны, отличаясь интенсивностью, тактическими приемами, обусловленными природно-географическими условиями, распределением и численностью сил, целями участников и иными факторами.

Урал в те годы явился территорией, на которой шли активные боевые действия. Воюющие стороны формировали новые части и спешно отправляли их на фронт, который представлял собою очаговые точки противостояний за контроль над стратегическими объектами. Сегодня совокупность исследований, посвященных различным аспектам создания и деятельности воинских частей белых армий на Урале, пополняется новыми работами [См., напр.: 1–3, и др.].

Но история ряда антибольшевистских полков до сих пор изобилует белыми пятнами. В данном исследовании мы попытаемся сформировать представление о процессах, происходивших в сфере кадрового управления, на примере одного из полков белой армии – 26-го Шадринского горных стрелков полка (далее Шадринский полк).

Источниковой базой исследования явились неопубликованные источники, хранящиеся в РГВА. В частности, для написания работы были изучены дела фонда 39635 «Штаб 26 Шадринского горных стрелков полка (Временное Сибирское «Правительство». Временное Всероссийское «Правительство». Российское «Правительство»)), г. Екатеринбург, фонда 40214 «Сведения по личному составу военных учреждений, войсковых соединений, и войсковых частей Восточного фронта». Кроме того, автором были выявлены документы в фондах ЦДОСО и НТГИА.

Основная часть. Летом 1918 г. на Урале части РККА медленно отступали под натиском чехословаков и Сибирской армии. Занимая новые территории, белые пытались пополнить свои силы, объявляя набор добровольцев и мобилизуя офицеров. В соответствии с указом командующего Сибирской отдельной армией генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова 6 августа 1918 г. начала формироваться 2-я Уральская дивизия горных стрелков. 16 августа дивизия переименована в 7-ю Уральскую дивизию горных стрелков 4-хполкового состава. Полки получили наименования по центрам формирования и сквозную (по всей Сибирской армии) нумерацию. Так были образованы 25-й Екатеринбургский, 26-й Шадринский, 27-й Камышловский и 28-й Ирбитский полки горных стрелков [4, С. 1].

Командиром Шадринского полка был назначен полковник А.Е. Иванов, уже к сентябрю 1918 г. часть состояла из 3-х батальонов по 4 роты в каждом, команды конных разведчиков, пулеметной и саперной команд, службы связи и полкового околотка [5, Л. 14]. В полку числилось на 30 августа 1918 г. 102 офицера и 4 военных чиновника, среди которых был 1 полковник, 1 подполковник, 5 штабс-капитанов, 1 капитан, 11 поручиков, 16 подпоручиков, 63 прапорщика [5, Л. 2–5]. Стоит отметить, что структура полка, а также численность и должности офицерского состава постоянно изменялись, что является типичным для воинских формирований периода Гражданской войны. Имена некоторых офицеров и классовых чинов полка (на 30 августа 1918 г.) представлены ниже в таблице [5, Л. 2–5].

В январе 1919 г. офицерам полка предлагалось заявить претензии к казне и указать неполученные виды довольствия с осени 1917 г. по июль 1918 г. Стоит отметить, что с учетом инфляции и общего состояния экономики на указанные офицерами суммы (к примеру, за декабрь 1917 г.) вряд ли возможно было что-то приобрести, и данные меры явились скорее номинальными и применялись для усиления степени лояльности военнослужащих [5, Л. 22].

Формирование полка шло типично для воинских антибольшевистских частей на Урале: из офицеров-добровольцев создавалось «ядро», которое впоследствии «обрастал» нижними чинами. Изначально армейскому руководству удавалось хоть как-то покрывать кадровый некомплект добровольцами и мобилизованными в 1918 г. молодыми людьми 1898–1899 годов рождения [6, Л. 12].

При этом число добровольцев явно было недостаточным. Так, весной 1919 г. в полку числилось 89 нижних чинов из числа добровольцев. Среди них были и молодые люди будущих призывов 1920–1922 гг. [5, Л. 30–31]. Это, в совокупности с потерями, понесенными белыми войсками осенью-зимой 1918 г., вынудило в конце января 1919 г. объявлять новую мобилизацию лиц призыва 1914–1918 гг. [7, Л. 28].

№ п/п	Фамилия	Чин	Должность
1	Иванов Александр Евстафьевич	Полковник	Командир полка
2	Баженов	Подполковник	Начальник хозяйственной части
3	Ванаев	Подпоручик	Полковой адъютант
4	Лазуков	Чиновник военного времени	Делопроизводитель
5	Пономарев	Чиновник военного времени	Казначей
6	Потапов	Чиновник военного времени	Заведующий оружейной частью
7	Ванифатьев	Чиновник военного времени	Квартирмейстер
8	Бубиндус Андрей Мартынович	Штабс-капитан	Командир 1-го батальона
9	Абакумов	Поручик	Командир 1-й роты
10	Ваулин	Штабс-капитан	Командир 2-й роты
11	Барышев	Штабс-капитан	Командир 3-й роты
12	Головинский	Штабс-капитан	Командир 4-й роты
13	Чикин	Штабс-капитан	Начальник команды конных разведчиков
14	Пестовский	Поручик	Начальник команды связи
15	Белобородов	Подпоручик	Начальник пулеметной команды
16	Волков	Прапорщик	Начальник саперной команды
17	Балобанов	Поручик	Командир нестроевой роты

Принудительная мобилизация в условиях политического хаоса и сопряженных с ним бытовых проблемах, а также общая усталость от длительной Первой мировой войны приводили к массовому дезертирству нижних чинов. Самовольному оставлению службы также способствовала система мобилизации, не исключавшая попадание жителей соседних населенных пунктов в одно подразделение. Так, 22 сентября 1918 г. на пополнение 12-й роты Шадринского полка прибыло 203 стрелка, мобилизованных с территории Щегловского уезда Томской губернии, многие из которых впоследствии дезертировали [5, Л. 7–14]. Логично, что бежать из расположения полка было психологически и физически легче, имея компаньонов, направлявшихся в один населенный пункт.

В конце 1918–1919 гг. из рядов полка практически ежедневно дезертировали нижние чины. Так, только 5 января 1919 г. начальником милиции IX участка Екатеринбургского уезда было задержано 22 нижних чина, бежавших из расположения Шадринского полка [8, Л. 95]. В то же время в пулеметной роте конце декабря 1918 г. – начале января 1919 г. насчитывалось 7 самовольно отлучившихся [8, Л. 127], а 25 января 1919 г. из части ушло 11 нижних чинов [8, Л. 133]. Как правило, розыскные мероприятия заключались в отправке письма-ходатайства (часто письма представляли собою заготовки с возможностью вписать необходимые данные) в органы самоуправления населенного пункта, в котором проживал дезертир до призыва. Далее представители власти производили опрос родственников беглеца. В большинстве случаев в полк приходили ответы с информацией об отсутствии разыскиваемого, однако, в некоторых случаях дезертира задерживали. Так, 13 октября 1918 г. народной милицией Шайтанского завода Пермской губернии был проведен обыск в доме С.Е. Ряхина, который подозревался в производстве кумышки. Милицейская проверка застала самогонщиков врасплох, а выгонкой кумышки занимался А.С. Ряхин – сын хозяина, дезертировавший из Шадринского полка [8, Л. 39–40].

6 января 1919 г. в с. Топорищевское Шадринского уезда Пермской губернии был задержан стрелок Шадринского полка И.К. Подоспеков [8, Л. 4–6]. Он пояснил, что сопровождал тела убитых однополчан, перевозимые с фронта к местам захоронения и, пользуясь случаем, посетил родную деревню. Милиционером деревни Дуван-Мечетлино Златоустовского уезда Уфимской губернии 18 июня 1919 г. был задержан солдат У. Гайнанов, не имевший при себе документов. Он указал, что он служит в 11-й роте Шадринского полка, но после боя их рота разбежалась и он направляется в с. Леузы, где, по слухам, теперь находится полк [8, Л. 444]. Возникали курьезные случаи повторной мобилизации дезертиров. Так, в начале июля 1919 г. в Ударном Отдельном бессмертном полку имени генерала Гайды числился стрелок Василий Алферов, который до этого состоял на службе в Шадринском полку, но самовольно оставил часть в марте 1919 г [8, Л. 536].

Ухудшение положения белых армий летом 1919 г. вызвало волну дезертирства среди офицеров и военных чиновников (до обозначенного момента подобные прецеденты были редки). Так, 17 июня 1919 г. самовольно отлучился из части прапорщик 6-й роты Зиновьев [8, Л. 605], а 22 июля бежал из расположения полка старший врач Диц [8, Л. 574].

Как было сказано выше, в большинстве случаев причины дезертирства складывались из двух составляющих: бытовых проблем, которые необходимо было решить дома и нежелания воевать. Последнее, как правило, было лишено какой-либо политической направленности и основывалось на стремлении сохранить привычный образ жизни. Часто, решив бытовые вопросы, дезертиры возвращались в строй, где продолжали служить, понеся дисциплинарное (иногда номинальное) наказание.

Кроме дезертирства из тыловых расположений, в Шадринском полку наблюдалось оставление позиций и переход на сторону врага непосредственно на линии фронта (что не было здесь редким явлением в белой армии [См., напр.: 10]). Так, во время боя 28 апреля 1919 г. на сторону РККА перешло пополнение, прибывшее из Акмолинска. Перебежчики открыли огонь по чинам полка и пытались захватить пулеметы [9, Л. 203]. Дезертирство и боевые потери явились причинами текучки кадров, и постоянной смены лиц на младших командных должностях. Зачастую нижние чины, назначавшиеся на должности отделенных и взводных командиров, не имели соответствующего опыта и не обладали необходимыми организаторскими качествами.

К важным вопросам кадровой политики также можно отнести систему поощрений личного состава, которая складывалась из награждений и присуждения новых чинов (должностей). Боевые подвиги, совершенные на линии фронта, отмечались наградами, тогда как нижние чины, обладавшие «знанием службы и распорядительностью» [9, Л. 1–440], получали новые воинские чины или должности. Представления (ходатайства) к награждению, согласно традиционной схеме, составлялись командиром роты, далее передавались для согласования командиру батальона, последней инстанцией был командир полка. Несмотря на условия Гражданской войны, каждое награждение сопровождалось подробным описанием подвига, а самой популярной наградой являлся Георгиевский крест 4-й степени. При этом, некоторые чины полка были представлены к иным наградам. Так, в марте 1919 г. подпрапорщик И.Г. Лопаткин (уроженец Екатеринбурга) за бой под деревней Казангулово Белебеевского уезда был награжден французской военной медалью (единственной на полк) [9, Л. 102]

Анализируя описания подвигов, можно сказать, что военное руководство награждало нижних чинов за любое проявление активности, старясь сохранить свои позиции и укрепить моральный дух войск. С одной стороны, наградные документы достаточно сухи и официальны, с другой, иногда содержат объемные, почти художественные описания. Так, 29 мая 1919 г. в бою под деревней Саробышево на участок 5-й роты наступал отряд интернационалистов. Со стороны атакующих раздались крики: «Сдавайтесь, товарищи! Вам ничего не будет, мы только офицеров ваших пощиплем. Если не сдадитесь, то все равно всех перебьём». На это стрелок А.А. Осипов отвечал: «Подождите, красноперые, через некоторое время мы вам покажем, кто из нас будет перебит». С началом атаки Осипов бросился вперед, увлекая своих товарищей [9, Л. 215об.]. За свой подвиг стрелок был представлен к награждению Георгиевским крестом 4-й степени. Сложно представить, что во время боя были слышны

призывы противника и, тем более, что кто-то смог запомнить и воспроизвести возникшую словесную перепалку.

Результаты исследования. Проведя обзор кадровой политики военного руководства 26-го Шадринского горных стрелков полка, считаем возможным сделать выводы, применимые и к иным антибольшевистским воинским формированиям востока России. Особенности военного строительства белых частей в 1918 г. являлось создание основы из добровольцев-офицеров, доукомплектовывавшейся нижними чинами. Полк постоянно находился в состоянии кадровых перемещений офицерского и рядового состава, что во многом было вызвано дезертирством мобилизованных лиц, а также поиском компетентных командиров различных уровней. Расследование случаев самовольного оставления части, а также поиск бежавших солдат и офицеров были малоэффективными мерами, сводясь к запросам в органы самоуправления по месту проживания указанных лиц. Но даже при поимке беглеца его наказание носило формальный характер. Система наград и поощрений, сохранившая внутренние механизмы «старой» армии, была направлена как на выделение заслуг военнослужащего, так и на сохранение позиций власти и подъем морального настроения в условиях глубочайшего политического кризиса.

Список источников и литературы

1. Кручинин А.М. Зачарованный фронт. Бои в Лесном Зауралье в июле – октябре 1918 г. Екатеринбург: БКИ, 2016, 196 с.
2. Кручинин А.М. Белый Екатеринбург 1918–1919 гг. Екатеринбург: БКИ, 2018. 384 с.
3. Немытов О.А. 16-й Ишимский Сибирский стрелковый полк. Екатеринбург: Трикс, 2023. 401 с.
4. Кручинин А.М. 7-я Уральская дивизия горных стрелков в Гражданской войне на востоке России в 1918 – 1920 гг. // // Первые уральские военно-исторические чтения : мат–лы рег. науч. конф. (Екатеринбург, 14 нояб. 1996 г.). Екатеринбург : УрГУ, 1997. С. 86–88.
5. РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 205.
6. НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 4.
7. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 124.
8. РГВА. Ф. 39635. Оп. 1. Д. 5.
9. РГВА. Ф. 39635. Оп. 1. Д. 2.
10. Посадский А.В. Борьба с переходами солдат к противнику в Гражданской войне: взгляд белого командира корпуса // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 14–18.

Для цитирования: Сильченко И.С. К некоторым вопросам кадровой политики в белых войсках на востоке России (на примере 26-го Шадринского горных стрелков полка) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 302–307.

© Сильченко И.С., 2023

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИЙ И ПРАКТИКИ

Смирнов Николай Николаевич^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,

² Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

^{1,2} nik_smirn@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 1106-7500

Аннотация: В статье рассмотрены дискуссионные проблемы определения в историографии религиозного фактора, анализируются практики его воздействия на общественно-политическую, экономическую, культурную и духовную жизнь российского общества на рубеже XIX – XX вв.

Ключевые слова: дефиниции, религиозный фактор, Россия, православие, духовные конфессии, власть, общество, революция, Гражданская война.

Постановка проблемы. Современные исследователи все чаще обращаются к изучению проблем, связанных с определением влияния Церкви на преобразования, происходящие в российском обществе. Складывается впечатление, что только после развала СССР, породившего кризис не только в экономике, но и в социально-культурной жизни страны, кардинальным образом меняется роль религиозного фактора. Эта статья – возвращение к теме, поднятой нами ранее [1–3] с итогами размышлений по данной проблеме. Отметим, само определение «религиозный фактор» выступает сегодня с различной коннотацией. А.В. Красов отмечает, что в светской науке «нет однозначного понимания и толкования термина “религия” и, как следствие, отсутствует толкование термина “религиозный фактор”, используемого представителями политологической, философской и социологической наук, а также представителями государственной власти» [4, С. 49].

Основная часть. Л.Ю. Ананьева предлагает согласиться с тем, что «религиозный фактор – это влияние религии как социального института на нерелигиозные стороны жизни общества». По ее мнению, формы проявления религиозного фактора имеет смысл рассматривать «сквозь призму религиозных организаций, порождающих этот религиозный фактор» [5]. М.Ю. Смирнов считает, что «в обобщающем виде религиозный фактор характеризуется как воздействие вероучительных идей и образов на умонастроения и поведение людей в публичном пространстве. Причем это воздействие, имеющее разные: и позитивные и отрицательные – последствия». Он оговаривает, что в современном мире «проявления религиозного фактора во многом существенно отличаются от того, что обуславливало его действие еще в относительно недавние исторические времена» [6, С. 11].

Действительно, в начале XX в. религиозный фактор имел свою специфику и во многом, наряду с властью предрержащей, определял социально-культурное состояние российского общества. Можно согласиться с А.В. Красовым, подчеркивающим, что религиозный фактор «как показывает 2000-летняя история Христианства и особенно Православия в России, оказывает основополагающее влияние на определение цивилизационной специфики общества» [4, С. 49]. Важное дополнение здесь приводит С.И. Рубанцов: «содержание религиозного фактора может быть раскрыто как через анализ структуры религии, так и через анализ конфессионального многообразия данного фактора» [7, С. 1964]. Дополнение актуально, ведь основная масса исследователей проблемы забывает, что как сегодня, так и в годы Гражданской войны Россия была страной многоконфессиональной. Наряду с православием, значительная часть населения исповедовала ислам, меньшая – католицизм во всех его проявлениях, буддизм и иные религиозные конфессии. Несомненно, определяющую роль православия задолго до революционных событий 1917 г. узаконила власть предрержащая. Видный государственный деятель граф С.С. Уваров предложил в 1833 г. известную триединую формулу русской монархической доктрины: «Православие, Самодержавие, Народность». Заметим, что, как верно отмечено ныне, «национальную идею из этого выражения сделали задним числом». В оригинале же мысль Уварова, изложенная им в записке «О некоторых началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения», поданной на имя государя Николая I, звучала несколько иначе: «Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности» [8].

Вероятно, не следует считать постулат Уварова случайным, в основе своей он опирается на реальность тех лет в имперской России. Православие действительно занимало решающие позиции в социальной структуре общества. Перепись населения 1897 г. свидетельствует, что к этому времени в империи православные насчитывали 87 123 604 чел. Вокруг староверов объединились 2 204 596 чел. Римско-католическая церковь объединяла 11 506 809 чел. К протестантам причисляли себя 3 762 756 чел. Ислам исповедовали 13 906 972 чел. Иудеи насчитывали 5 215 805 чел., армяно-григорианская церковь объединяла 1 179 266 чел., иные христиане насчитывали 8 135 чел., к нехристианам причисляли себя 732 078 чел. [9]. Итак, в совокупности православными считали себя 89 336 335 прихожан. Другие вероисповедания (включая армяно-григорианскую церковь) насчитывали 35 571 608 чел.

Географически православные в подавляющем большинстве проживали в европейской России и Сибири – 83 280 204 чел.. Католики и протестанты также в большей своей части селились в Европейской России (7 595 466 чел.) и Привисленских губерниях (7 457 388 чел.). Магометане в своем большинстве были жителями Средней Азии (6 996 654 чел.), но нередко проживали в Европейской России (3 572 617 чел.) и в Сибири (126 574 чел.). Иудеи чаще всего

избирали местом жительства Европейскую Россию (3 789 448 чел.) и Привисленские губернии (1 321 100 чел.) [9].

Суммируем представленные данные в процентном отношении распределения граждан по вероисповеданиям. Православные и старообрядцы составляли 69,9%, мусульмане – 10,8%, католики – 8,9%, протестанты – 4,8%, иудеи – 4,0%, прочие христиане – 0,96%, прочие нехристиане – 0,5%.

Могло ли более чем двукратное преимущество православных граждан служить основанием для доминирования данного вероисповедания в политической и социальной жизни общества?

Исследователь А.А. Камалова отмечает: «В многонациональной и поликонфессиональной стране, которой является современная Россия, не может быть маловажным вопрос о государствообразующем народе, о значении в политическом развитии того или иного вероучения, о характере их взаимоотношений между собой и их взаимоотношений с государством». Заметим, что и дореволюционная Россия была страной многонациональной и поликонфессиональной, где то ли в силу традиций, то ли по иным причинам именно православная Церковь духовно оформляла государственную власть, имела с ней исключительные взаимоотношения. А.А. Камалова замечает, что лишь с учетом этих обстоятельств может и должна рассматриваться проблема взаимоотношений государства с другими религиозными направлениями [См. подр.: 10]. Вероятно, эти же факторы были должны определять и взаимоотношения православной Церкви с иноверцами.

Можно согласиться, что вопрос о причинах политизации отношений между Церковью и государством в дореволюционной России приобретал с конца XIX в. все большую остроту в силу того, что церковно-государственные отношения затрагивали широкий спектр проблем человеческого бытия, включая их социально-политические и экономические составляющие, определяли жизнь церковных и политических организаций [11, С. 18].

В идеале, религиозный фактор должен способствовать складыванию *симфонии церкви и государства*, при которой Государство ищет у Церкви духовной поддержки, а Церковь «получает от государства помощь в создании условий, благоприятных для проповеди и для духовного окормления своих чад, являющихся одновременно гражданами государства» [12, С. 56]. Симфония ратовала за тенденцию консенсуса и диалога, где соблюдаются права и обязанности сторон, на практике осуществляется принцип свободы вероисповедания, правитель государства и глава церкви склонны сотрудничать, а не демонстрировать склонность к соперничеству. При симфонии взамен не плодотворное сотрудничество Церковь «гарантирует государству лояльность, но это лояльность ограниченная» [13].

Действительно, такой идеал вряд ли когда-либо существовал в абсолютно чистой форме. Исследователь В.И. Катин справедливо подчеркивает: «На практике она [симфония] подвергалась нарушениям и искажениям. Церковь неод-

нократно оказывалась объектом цезарепапистских притязаний со стороны государственной власти» и, применительно к предреволюционной эпохе в России Церковь, по существу, была *огосударствлена* и получила компетенции государственного духовного органа [11, С. 18].

Несомненно, национально-конфессиональная палитра России вынуждала власть предрешающую думать о необходимости конструирования позитивных взаимоотношений не только с православной церковью, но и церковными организациями других вероисповеданий. Но замечает А.А. Камалова, «религиозная веротерпимость со стороны правительства распространялась лишь на вероисповедания и религиозные практики у исторически сложившихся национальных групп» [10].

На государственном уровне церковно-государственные отношения вплоть до 1917 г. регулировались Сводом законов Российской империи, принятым в 1835 г. Шесть статей свода (40–46) определяли взаимоотношения веры и церкви, но не гарантировали веротерпимость. Лишь Манифест 17 апреля 1905 г. узаконил свободу перехода из православия в иные христианские вероисповедания, легализовал организации сектантов, расширил границы принципа веротерпимости. Наконец, Манифест 17 октября 1905 г. признал в числе демократических свобод свободу совести.

К началу XX в. в России сформировалась политика православного конфессионализма, ярко проявлявшаяся в полномочиях отдельных публичных учреждений. Делами Русской православной церкви ведал Правительственный Синод, тогда как вопросами «иностранных религий» и раскольников занималось МВД. К предмету занятий МИД отнесли «дела о состоящих в ведомстве министерства заграничных русских церквях православного исповедания и об их причтах». Помимо указанных, с июня 1914 г. МИД были дополнительно установлены «заботы о поддержке и достойном положении православия за границей и об укреплении церковного влияния на почве церковных интересов», а также дела по сношению с Римской курией и дела церковные на Ближнем Востоке. В отличие от европейской практики применения единого управления церковными (религиозными) делами, Россия использовала свои наработки. Ситуация здесь оставалась сложной. Противодействие и недовольство народов нетитульных наций вызывала правительственная политика насильственной русификации, усилившаяся в позднеимперский период. С проблемами национальных отношений все теснее переплетался религиозный вопрос. Рассогласованная правительственная политика неизбежно вела к утрате влияния церкви и религии на настроения общества, обострению духовного кризиса, сыгравшего определяющую роль в нарастании революционной ситуации.

В рассматриваемую эпоху религиозный фактор неизбежно проявлялся в деятельности каждого отдельного верующего человека. Проявление и влияние религиозного фактора на других людей и общество в целом, отмечает А.В. Красов, «осуществляемые через деятельность конкретных религиозных людей –

политических, государственных или общественных деятелей, по средствам принимаемых ими управленческих решений, влияющих на процессы в обществе и государстве, деятельность, общественная позиция и уровень публичности личности каждого отдельного религиозного человека, будут иметь гораздо больший общественно значимый эффект» [4, С. 49].

Религиозный фактор оказал прямолинейное действие на развитие событий, предшествовавших 9 января 1905 г. В знаменитом шествии народа к Зимнему дворцу четко прослеживается формула Уварова. Доверие к пастырям, призвавшим довериться блюстителю престола, привело к народному мирному походу в поисках правды и справедливости. Итог известен. 9 января 1905 г. проверку на прочность прошла концепция теократической модели государственно-церковных отношений, предложенная Н.А. Бердяевым: земные проблемы всецело решаются государством, а мирские – религиозным институтом; управление обществом осуществляется при совместном участии духовных настоятелей, которые контактируя с массами (дискуссии, мероприятия и т.д.), проводят совместные встречи с представителями власти с целью урегулирования злободневных вопросов [14].

Для формирования религиозного фактора важно знать, что Церковь в широком смысле этого понятия не имеет обязательной связи с каким-либо определенным политическим строем. Для христианства и его взаимоотношению с властью преобладающей, считал Бердяев, важны не формальные характеристики, а духовное содержание. Философ полагал, что современное ему русское Православие было на грани катастрофы. Иерей М. Мищенко верно заметил: «Бердяев боится более другой, скрытой опасности – проникновения в Церковь духа государственности и политизированности в их стандартной макиавеллистской оболочке. В истории много было случаев развенчивания старых идеалов и развоплощения дряхлеющих идеологических идолов, чаще всего к этим прецедентам относились скептически, дескать, один или несколько мыслителей не могут разрушать старинную, довлеющую над всеми, идею. Это происходит и сейчас; труды и идеи Бердяева имеют ныне только интеллектуальную ценность и рассматриваются как не претендующие на социально-политическое значение и не определяющие сущность теперешних церковно-государственных отношений» [15]. Для понимания процессов, влиявших на формирование религиозного фактора на рубеже XIX – XX вв., важно помнить, справедливо считает протоиерей Д.В. Олихов, что реформы 1860–1870 гг. почти не затронули сферу церковно-государственных отношений. Сохранялся контроль государства над высшим и местным церковным управлением, а сама православная Церковь «выполняла задачи реализации внутренней политики, проводя в верующий народ государственную идеологию и нормы христианской нравственности» [16, С. 113].

В отношении Православной церкви, тем не менее, государственная власть обладала неоспоримыми законодательными, исполнительными и, отчасти, судебными прерогативами. Власть инициировала разработку и утверждение зако-

нов, избирала и утверждала церковных иерархов, выполняла функцию итоговой судебной инстанции для духовных иерархов. Непосредственно царем назначался Обер-прокурор, имевший неограниченные возможности воздействия на высшие церковные структуры.

Внутренняя жизнь неправославных религиозных организаций, действовавших на территории Российской империи, регулировалась департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД, целиком и полностью контролировалась государством. Именно здесь утверждалось назначение на духовные должности и увольнение с них священнослужителей (неправославных), одобрялось устройство духовных учебных заведений, строительство культовых сооружений, велась статистика имущества, священнослужителей, церквей и прихожан иноверцев. К 1917 г. здесь функционировало семь отделений: 1-е ведало католическим исповеданием; 2-е – лютеранским и различными протестантскими исповеданиями; 3-е – делами сектантов, отпавших от инославных исповеданий; 4-е старообрядческими делами; 5-е – мусульманскими, «ламаистскими» и языческими исповеданиями; 6-е – армяно-григорианским, армяно-католическим и русско-католическим исповеданиями; 7-е – вело секретные дела [17].

Эпоха Николая II, человека крайне религиозных воззрений, практически сохранила традиционные направления государственной церковной политики применительно ко всем существовавшим в стране конфессиям при непременном доминировании Русской Православной Церкви. Власть предрержащая как бы не замечала стремительно развивавшиеся социальные процессы, падение авторитета института неограниченной абсолютной монархии, препятствовала перестройке работы институтов Церкви.

Согласимся с постулатом, предложенным А.А. Камаловой: превращение православной церкви в компонент «чиновничье-бюрократического аппарата императорской России означало, что церковь стала воплощать в себе не только достоинства отечественной государственности, но и пороки абсолютистской системы. Несмотря на позитивные подвижки в отношениях с другими религиями и вероучениями, не получил своего последовательного утверждения и принцип веротерпимости, дореволюционная Россия тем более не стала и светским государством» [10].

Применительно к иноверцам религиозный фактор на рубеже XIX – XX вв. допускал неоднозначные трактовки. Многие зависело от конфессионально-политических предпочтений государственных деятелей, публицистов и исследователей. Но правящая элита была убеждена в том, что «нигде в Европе инославные и даже нехристианские исповедания не пользуются столь широкою свободою, как посреди русского народа», и «что бы ни говорили по адресу России, как бы ни кичился Запад своей культурой и религиозной свободой, но именно России принадлежит честь наиболее удовлетворительно решить вопрос установки дел об иноверии» [Из письма К.П. Победоносцева президенту Евангелического союза христиан Швейцарии. См.: 18, С. 25].

Заметим, что веротерпимость как неотъемлемый элемент религиозного фактора по-разному оценивали современники. Так, епископ Серафим (Чичагов) считал, что во все времена Россия гарантировала неправославным народам веротерпимость. Все конфессии, включая язычников и хлыстов, «пользовались всегда добрым отношением правительства» [19, С. 121]. Напротив, митрополит Антоний (Вадковский) замечал, что до Первой русской революции власти силой удерживали «отпадавших» от Церкви и был убежден, что только укрепление веротерпимости повысит нравственный авторитет тех, кто будет прибегать к силе слова, но не к силе полиции [20, С. 172]. Довольно многочисленны были историки, правоведаы, публицисты и даже политики, полностью отрицавшие наличие в России веротерпимости. В их числе – С.П. Мельгунов, открыто называвший Россию «полицейско-бюрократическим режимом», без веротерпимости и свободы совести [21, С. III].

Вполне возможно, подобная оценка была реакцией на Указ Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», в котором гарантировалось существование признанных законом вероисповеданий [22]. Но указ не ограничил деятельность созданных царским правительством централизованных церковных структур для конфессий, которым это изначально был не присущ: ряду течений протестантизма, исламу, иудаизму, буддизму. В итоге, искусственно создавалась определенная затрудненность общения высших духовных иерархов напрямую, в силу того что их связи были опосредованы государственными учреждениями. В тех условиях иноверцы должны были определяться в своем отношении к государственной власти (поддерживая, отвергая, а чаще – вынужденно сотрудничая). Это порождало явно или косвенно проявлявшиеся внутриконфессиональные расколы.

Ограниченность веротерпимости включала в себя и отсутствие права вести миссионерскую деятельность конфессиям, не принадлежавшим к государственному вероисповеданию. Запрещалась также деятельность не угодных государству сект (молокане, духоборы, хлысты, скопцы и др.). Им запрещалось свободно проповедовать свою религию, в метрические книги практически не заносились факты их рождения и смерти, сведения о заключении браков между ними. До 1905 г. в России действовал официальный запрет на переход из православной веры в другую, «хотя бы и иностранную» [23, С. 18]. Только в апреле этого года стало юридически возможным и ненаказуемым совершить переход из православия в другое христианское исповедание. По оценкам современников, подобная возможность была далека от действительного признания свободы совести, ибо «последователь господствующего вероучения не подлежал преследованию только в том случае, если переходил в христианское же вероисповедание» [24].

Религиозный фактор необходимо учитывать, анализируя деятельность и программы политических партий России, их отношение к религии и религи-

озным организациям. Известно, что, кадеты предлагали создать земельный фонд и включить в него монастырские владения, которыми могли воспользоваться безземельные крестьяне. Эсеры требовали отделить церковь от государства, объявляя религию делом каждого гражданина. Свобода вероисповедания, как и равноправие для последователей всех религий, были программными требованиями меньшевиков. Даже монархисты партии упоминали в своих программах необходимость свободы религии. Наиболее радикальны были призывы большевиков, но и они осознавали необходимость поиска компромиссов с населением страны в массе верующим.

Революционные события 1917 г. ускорили переход к сегрегационной модели церковно-государственных отношений. Они же повлияли и на содержание понятия «религиозный фактор». Можно согласиться, что в новых условиях религиозный фактор стал «специфическим обозначением функционирования религии и ее институтов в системе социальных, экономических, политических, национальных и других отношений» [25]. Не далеки от истины и те исследователи, которые считают религиозный фактор термином, «определяющим влияние религии как социального института на иные, нерелигиозные стороны общественной жизни» [26, С. 11].

Несомненно, импонирует подход к определению понятия «религиозный фактор», предлагаемый А.В. Сушко: «Под религиозным фактором понимаются процессы влияния религии на начало, ход и исход [Гражданской] войны, на деятельность противоборствующих сил, на политические институты и на общественное мнение», что лаконично и в целом верно. Автор справедливо указывает на аспекты влияния религиозного фактора на эскалацию Гражданской войны в России: 1) идеологический конфликт сил революции с религиозными конфессиями; 2) конфликты между представителями духовенства, вызванные идейными разногласиями по религиозным и политическим вопросам; 3) падение авторитета Русской Православной Церкви как социального института культуры у значительной части православного населения и среди неправославных [27, С. 34].

Как думается, именно падение авторитета Русской Православной церкви в годы Первой Мировой войны, Великой Русской Революции 1917 г. и Гражданской войны определили доминанту побед и поражений красного и белого движений. События лета 1914 – зимы 1916 г., непосредственное участие священнослужителей в боях, реальность, с которую они видели на фронте, породили в сознании части из них сомнения в догмах религии, желание внести в церковную жизнь определенные конструктивные изменения [28, С. 13]. К концу 1916 г. высшее духовенство все чаще упоминало некий «церковный большевизм», боясь его разрушительного влияния на Церковь.

П.Г. Рогозный начинает свое исследование, посвященное Церковной революции, с упоминания обсуждения вопроса о «церковном большевизме» на закрытом заседании Всероссийского Поместного собора Православной Россий-

ской Церкви 21 марта 1918 г. Участники заседания открыто требовали создать специальную комиссию для оценки фактов «пагубной измены Церкви», начавшейся с первых дней «февральского переворота», вынесения кары тем церковным большевикам, «которые будут оставаться такими и после ведомого ими соборного определения». Констатировалось, что церковное большевистование «некоторых епископов оставило глубокие и больные следы на теле Православной Церкви, виновные не должны оставаться совершенно амнистированными» [См.: 28, С. 13].

Вероятно, «церковная революция», открыто проявившаяся в России 1917–1922 гг., также должна быть включена в определение религиозного фактора эпохи Гражданской войны. Внутренний раскол, охвативший все без исключения религиозные конфессии страны, оказал несомненное воздействие на развитие переживаемых событий. Победа «красных» во многом была обеспечена конформизмом священнослужителей, оказавшихся на контролируемых Советской властью территориях. Поражение «белых» также в немалой степени было вызвано этим же церковным конформизмом. А.В. Сушко прав, утверждая, что «в Русской революции и Гражданской войне в России для большинства населения религия не сыграла консолидирующей, умиротворяющей роли, а напротив, стала фактором дезинтеграции общества и эскалации гражданского противостояния» [См. подр.: 27].

Явлением, существенно влиявшим на определение религиозного фактора, следует признать воздействие на население страны широко распространявшегося в те годы атеизма – выражения «новой религии», отрицающей веру в Бога, как проявление высшего духовного начала. Атеизм призывал заменить веру марксистско-ленинскими догматами. Не удивляет, что часть ранее активно верующего населения страны под воздействием переживаемых событий вопрошала, вслед за главным героем романа Э.Л. Войнич, «где ты, Бог?» и без особого сожаления отвечала: «Нет тебя!».

Результаты исследования. Подводя итоги, подчеркнем, что религиозный фактор есть совокупность множества составляющих, воздействующих на социальную, общественно-политическую, духовную, культурную и национальную жизнь общества, определяющих порядок функционирования религии и ее институтов в системе отношений государства и общества, влияние религии как социального института на нерелигиозные формы общественной жизни.

Источник финансирования

Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

Список источников и литературы

1. Смирнов Н.Н. Нельзя отделять церковь от гражданской истории // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 57–64.
2. Смирнов Н.Н., Калиновский В.В. Актуальное наследие Сибирского собора // Российская история. 2021. № 6. С. 215–219.
3. Смирнов Н.Н. Православное духовенство в годы Гражданской войны // Российская история. 2022. № 6. С. 246–249.
4. Красов А.В. Богословское понимание термина «религиозный фактор» // Сб. тр. Якутской духовной семинарии. 2022. Вып. 17–18. С. 36–55.
5. Ананьева Л.Ю. Религиозный фактор в истории развития международных отношений [Эл. ресурс] // Режим доступа: https://spravochnick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/religioznyy_faktor_v_istorii_razvitiya_mezhdunarodnyh_otnosheniy/?ysclid=lmdgard53t918960636 (дата обращения 07.09.2023).
6. Смирнов М.Ю. Форматы религиозного фактора в современном мире // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 11–18.
7. Рубанцов С.И. Воздействие религиозного фактора на терроризм // Ученые записки ТОГУ. Хабаровск, 2013. Т. 4. № 4. С. 1961–1967.
8. Кудряшов К. Православие. Самодержавие. Народность. Успешный блеф графа Уварова [Эл. ресурс] // Режим доступа: https://aif.ru/society/history/pravoslavie_samoderzhavie_narodnost_uspeshnyy_blef_grafa_uvarova?ysclid=lmdgmmapgl187171885 (дата обращения 07.09.2023).
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. Вып. 1. С.12–15.
10. Камалова А.А. Взаимодействие государства и русской православной церкви в дореволюционной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 55–68.
11. Катин В.И. Церковь и власть в России: политические уроки и выводы. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5. С. 18–23.
12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 2-е изд. М., 2008. 174 с.
13. Безбородов М.И. Основные принципы церковно-государственных отношений в социально-политической доктрине Русской православной церкви // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. Т.6. № 2. С.287–288.
14. Бердяев Н.А. Царство Божие и Царство Кесаря // Путь. 1925. №1. С. 31–52.
15. Мищенко М., иерей. Бердяев о взаимоотношениях Церкви и государства [Эл. ресурс] // Режим доступа: <https://acathist.ru/en/bogoslovie/filosofiya/item/berdyayev-o-vzaimootnosheniyakh-tserkvi-i-gosudarstva?ysclid=lmdhkqwymv80878836> (дата обращения 07.09.2023).

16. Олихов Д.В. Эволюция и тенденции развития церковно-государственных отношений в России в дореволюционный период // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2019. № 1. С. 108–113.

17. Арапов Д.Ю., Пономарев В.П. Департамент духовных дел иностранных исповеданий // Православная энциклопедия [Эл. ресурс] // Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/171721.html?ysclid=lmdhqj47fi294748804> (дата обращения 07.09.2023).

18. Потапова Н.В. Вероисповедное законодательство Российской империи в начале XX в.: «свобода совести» и «веротерпимость» // История государства и права. 2010. № 10. С. 25–33.

19. Амбарцумов И.В. Полемика о свободе совести в русской светской и церковной печати в конце 1904 – первой половине 1905 года // Христианское чтение. 2010. № 2. С. 120–144.

20. Никольская Т.К. Русский протестантизм на этапе утверждения и легализации (1905–1917 гг.) // Богословські роздуми: Східноєвропейський журнал богослов'я. 2004. № 4. С. 161–181.

21. Мельгунов С.П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). Сб. статей. Вып. 1–2. М., 1907. 194 с.

22. ПСЗ Российской империи. Собр. 3. Т. XXV. № 26125.

23. Законы о вере и терпимости. С приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената / Сост. Я.А. Канторович. СПб., 1899. 287 с.

24. Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российской государства (XVIII – начало XX вв.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. С. 204–208.

25. Шёлтушев И.В. Религиозный фактор в политических процессах России // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 6. С. 274–281.

26. Яковлев А.И. Религия и религиозный фактор в эпоху глобализации // Восточная аналитика. Религия и общество на Востоке. 2016. № 3. С. 7–19.

27. Сушко А.В. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 34–42.

28. Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб. 2008. 224 с.

Для цитирования: Смирнов Н.Н. «Религиозный фактор: проблемы дефиниций и практики // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 308–318.

«ВРАГИ» РОССИИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ КОНСЕРВАТИВНОГО ПЕДАГОГА И АГИТАТОРА И. И. СИРОТЕНКО

Стельмак Максим Максимович^{1, 2}

¹ Исторический архив Омской области, Омск, Россия

² Омский государственный технический университет, Омск, Россия

^{1, 2} stelmakmm@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 4328-1399

Аннотация: Целью статьи является анализ представлений о противниках России, приведенных в рукописи лекции антибольшевистского общественно-политического деятеля, педагога И.И. Сиротенко, прочитанной в омском гарнизоне 5 ноября 1918 г. Данный материал практически не был изучен исследователями. Теоретической основой исследования стало сочетание антропологического подхода, историко-сравнительного и историко-генетического методов. Выделены особенности суждений лектора о «врагах» дореволюционной и белой России, «ответственных», по его мнению, за тяжелое экономическое положение. По итогам исследования сделан вывод о том, что речь И.И. Сиротенко не являлась спланированной акцией для подготовки военного переворота в Омске в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г., но в ряде аспектов отражала мировоззрения консервативных сил, поддержавших приход к власти А.В. Колчака.

Ключевые слова: Гражданская война, Первая мировая война, Германия, Омск, образ врага, пропаганда, историческая имагология, конспирология, белое движение, А.В. Колчак.

«Все француз гадит. Кажется, француз, а может быть, и англичанин. Не помню цитаты. Но это, пожалуй, безразлично, потому что нам решительно все гадят, кроме нас самих, разумеется. Сами по себе, мы так чисты, так чисты - «чище снега альпийских вершин»; чисты и притом смиренны, благодущны, хотя и грозны врагам. Понять даже трудно, отчего нам, при подобных совершенно неблагоприятных условиях, все-таки все гадят: чистоты нашей не ценят, грозы не боятся, точно мы вовсе не чисты и не грозны. Прежде нам гадила преимущественно Европа, за что мы ее, независимо от грома оружия, обзывали всю целиком «гнилым западом» [1, С. 604].

Постановка проблемы. На протяжении военно-революционного периода 1914-1922 гг. различные стороны конфликтов нередко прибегали к созданию образа врага (как внешнего, так и внутреннего). Как правило, противник демонизировался, ему приписывался целый перечень негативных качеств. Конспи-

рология и шпиономания получили благодатную почву для своего развития. Данное явление было многократно освещено в историографии [2-8].

Здесь необходимо отметить ценность неопубликованной рукописи лекции И.И. Сиротенко «Россия и Германия», хранящейся в Историческом архиве Омской области, как среза сознания человека, рассуждающего об исторических событиях в конспирологическом ключе. В связи с этим, по нашему мнению, следует рассмотреть взгляд лектора на противников России, их политические характеристики. Тем более данный материал не получил подробного освещения в историографии [9].

Основная часть. 5 ноября 1918 г. заведующий высший начальным училищем станицы Новорыбинской (ныне с. Новорыбинка Акмолинской области Республики Казахстан) Иван Иванович Сиротенко выступил в омском гарнизоне с лекцией, полное название которой звучало так: «Россия и Германия. В чем будущее благополучие русского народа, всех славянских народов и народов, населяющих Россию». На тот момент лектор являлся активным участником антибольшевистского движения. Еще в середине мая 1918 г. на Петропавловском учительском съезде он активно агитировал против советской власти. Вероятно тогда же, а возможно и раньше, познакомился с казачьим полковником В.И. Волковым. 31 мая 1918 г. Сиротенко выехал для агитации на автомобиле из Петропавловска в западном направлении к станицам Пресновской линии Сибирского казачьего войска, установил связь с оренбургскими казаками станицы Звериноголовской. Затем был отправлен агитировать казаков Кокчетавского уезда. В своих речах называл станицу Петропавловскую «Нижним Новгородом Второго Смутного времени», а Волкова сравнивал с князем Пожарским. Во время своих выступлений перед казаками Сиротенко, по его словам, «чувствовал» себя К. Мининым [10, С. 63, 72, 77]. Ведь именно полковник Волков сыграл одну из главных ролей в военном перевороте в Омске в ночь на 18 ноября 1918 г., и затем, произведенный в генералы, пользовался доверием А.В. Колчака [11, С. 214].

Сам Сиротенко, судя по его публикациям, был человеком правых, консервативных взглядов, очень религиозным, сторонником авторитарной формы правления. При этом, к Николаю II он испытывал негативное отношение, как и ко многим порядкам дореволюционной России. Свою лекцию он желал видеть в будущем настольной книгой для всех сословий. Более того, надеялся, что текст войдет и в школьные учебники [12, Л. 3]. С первых строк лекции автор предъявляет ряд требований, необходимых для донесения всем людям. Ведь согласно его концепции без их уяснения не окончится Гражданская война. Одна из первых задач заключалась в необходимости понимания «ничтожества народа германского в целом». Далее следовало обвинение Германии в подготовке разрушения Римской империи и непосредственно разрушение Византийской им-

перии. Уничтожение Римской империи являлось для германцев исторической задачей. А для завоевания других народов немцы разработали «науку о социализме». Уже в XIX в. Германия, якобы, приступила к порабощению России в экономическом и политическом отношениях [12, Л. 7].

Кроме организации ссор между славянскими народами, германское правительство активно внедряло повсюду своих людей. В отличие от ряда современных монархистов, Сиротенко не идеализировал царскую Россию (поскольку присутствовавшие на лекции прекрасно помнили ее), но приписывал все ее беды козням немецких шпионов.

Деятельность последнего царя он оценивает отрицательно: недостаток Николая II был в неспособности то ли заметить, то ли противостоять немецкой агентуре. К таковой Сиротенко относит супругу императора Александру Федоровну, министров, царский двор. Они, в свою очередь, всюду «назначали» своих ставленников: «Таким образом, немцы были обязательно среди министров, немцы были генерал-губернаторы, а если не генерал-губернаторы, то губернаторы, если не губернаторы, то вице-губернаторы или советники губернаторов, причем губернатор находился в руках своего советника, которому достаточно было написать в Петербург влиятельному немцу на непослушного губернатора и его убрали. Этим вся внутренняя политика и внешняя была отдана в руки немцев, которые делали злое дело развала России». Брат Николая II Михаил, подвергся изгнанию из России «немецким двором» [12, Л. 9].

Именно Германия, считал лектор, «не давала» развивать промышленность за Уралом, «тормозила» создание образовательных учреждений, «мешала» повышению уровня грамотности, «развязала» Русско-японскую войну. По этой причине Сиротенко одобрял убийство В.К. Плеве, «открыто приступившего к подчинению России Германией», строившего свои доклады царю на распоряжениях Вильгельма II [12, Л. 10]. Во время Первой мировой войны Русская армия аналогично терпела поражения из-за «предательства» царя и его нежелания поставить министерства под контроль Госдумы. После этого Сиротенко ставил в пример П.Н. Милюкова, именуя его «Гаем Гракхом». С его слов Павел Николаевич в ноябре 1916 г. во время выступления в думе привел документы, доказывающие, что императрица и ряд министров работают на Германию. Прогерманские силы пытались оказать Госдуме противодействие, в том числе, И.В. Щегловитов, министр юстиции в 1906-1915 гг., сразу по вступлению в должность «превративший по заданию Германию» российские суды в «департамент полиции». В январе 1917 г. бывший министр возглавил Госовет, куда было назначено «до ста человек дворян с немецкими фамилиями» [12, Л. 15об.]. В итоге, в марте 1917 г. «рухнул строй немецко-щегловитинского толка» [12, Л. 17].

Подчеркнем, что настроение Сиротенко во многом отражало иррациональную герmanoфобию, охватившую страну с началом Первой мировой войны. Уже во второй половине 1914 г. кинотеатры в городах Сибири демонстрировали фильмы антинемецкой направленности, а газеты пестрили заголовками с антигерманскими лозунгами [13, С. 16-20; 14, С. 112]. В речи И. Фокина, проповедника среди пленных славян в Омске, опубликованной в феврале 1916 г. подчеркивалась печальная судьба чешского народа, угнетаемого «заносчивыми тервно-швабами». Ранее Фокин критиковал пропаганду герmanoфильства среди пленных галичан [15, С. 601; 16, С. 106].

Далее события развивались самым наилучшим образом, благодаря увеличивающейся помощи со стороны Антанты. Но и после, по мнению лектора, Германия решила взять реванш. Сиротенко последовательно рассказывал слушателям о новых злых силах, «выполняющих задания» Германии – социалистах и демократах – акцентируя внимание на Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Лишь его «главари» были известны стране – Н.С. Чхеидзе, А.Ф. Керенский, М.И. Либер, Ф.И. Дан, Н.Н. Суханов, М.И. Скобелев, В.М. Чернов [12, Л. 17]. Причем данный «немецкий Совет», якобы, разваливавший армию, Германия по неназванной причине также «намеревалась» свергнуть с помощью своего «агента» В.И. Ленина и его соратников. Сиротенко вновь проводил параллель со Смутой XVII в., сообщая, что Германия решилась на подобные действия, поскольку ее руководство понимало, что общий уровень развития широких масс народа и армии не ушел далеко вперед за три века [12, Л. 17]. Хотя до этого лектор не раз положительно характеризовал русских, называя их «народ-богоносец». Далее в речи лектора можно было услышать и антисемитские воззвания. По его словам, именно евреи и латыши вместе с немцами «стали управлять» всеми советами в России. Евреям и латышам, якобы, была выгодна Гражданская война. Именно евреи, со слов Сиротенко, управляли, когда как латыши устраивали расстрелы [12, Л. 20].

Лектор не обошел стороной и региональные события. В список врагов попала и Сибирская областная дума. В интерпретации Сиротенко она почти уравнена с Петросоветом, будучи критикуема за отказ беспрекословно поддерживать политику Временного Сибирского правительства. Причина оппозиционности, согласно «реконструктору» Смутного времени заключалась в том, что дума якобы практически состояла из большевиков, интернационалистов и левых эсеров [12, Л. 43-45]. По мнению лектора, дума была тесно связано с «никчемным» Временным правительством автономной Сибири, во главе с провокатором и евреем П.Я. Дербером. Подобная характеристика, на наш взгляд, могла быть вызвана и тем, что Дербер еще в июле 1918 г. выступил против диктаторской формы правления [17, С. 122]. Обвинения в отсутствии поддержки «омской власти» Сиротенко адресуется и всем антибольшевистски настроенным эсерам

и меньшевикам из крыла оборонцев, практически уравнивая их с противниками [12, Л. 43-45].

В негативном свете представляли в речи Сиротенко Всероссийское Учредительное собрание и самарский Комитет членов Учредительного собрания. Комуч якобы «доказал», что эта власть снова и снова способна причинять «неисчислимыя бедствия страдальцу народу». В данный момент, указывал Сиротенко, Казань, Симбирск, Самара под контролем советской власти. И в этом виноваты, по его мнению, «социалисты-революционеры оборонцы и социал-демократическая рабочая партия оборонцев, из которых состоит все Всероссийское Учредительное собрание, забравшее в свои руки всю власть в Самаре и участвовавшее на Государственном совещании в Уфе» [15, Л. 46]. При этом автор обходит вопрос о намеренном отсутствии помощи Комучу со стороны Уральского казачьего войска, Сибирской армии, а также уступкам самарских властей оппонентам справа [18, С. 159, 162, 164; 19, С. 70].

Досталось упреков и гласному Омской городской думы, меньшевику-оборонцу, противнику советской власти А.Н. Гладышеву. Его Сиротенко обвиняет в занятиях «политически-духовным распутством» [12, Л. 48об.]. «Распутство», на языке заведующего высшим начальным училищем, обозначило критику Временного Сибирского правительства за отказ сотрудничества с Сибирской областной думой. Подобная деятельность Гладышева, якобы привела к забастовке железнодорожников в Омске 17–21 октября 1918 г. С целью ее прекращения расстреляли 5 рабочих, участников забастовки [20, С. 183]. Вину за применение оружия Сиротенко полностью возлагал на Гладышева и его соратников за то, что они вынудили «омскую власть» прибегнуть к репрессиям [12, Л. 48об.].

Завершается лекция обвинениями и угрозами уже в адрес Директории. Отметим, что она и так стремилась путем максимальных уступок найти компромисс с правыми силами. А 10 ноября 1918 г. Сибирская областная дума самораспустилась, причем это произошло по предложению Н.Д. Авксентьева [18, С. 506, 510]. Но 5 ноября 1918 г. Сиротенко угрожающе предупреждал, что в случае поддержки думы Директорией: «я вызову проклятие Бога, а тому лицу, которое сумеет заставить убраться Директорию от управления «государственным кораблем» пошлю вместе со всем народом свое благословление. Кары я не боюсь и готов пострадать за веру и правду» [12, Л. 50]. Далее он подчеркивал, что уже просил передать свои слова военному министру (с 4 ноября 1918 г. им являлся А.В. Колчак). В них Сиротенко хотел сообщить, что арест В.И. Волковым 21 сентября 1918 г. политических деятелей демократического фланга антибольшевистского движения был абсолютно правильным, поскольку: «если на это решился Пожарский II-го смутного времени, следовательно, слишком большая опасность угрожает отечеству. Что нельзя делать другим, на то имеет

право Пожарский. Пусть же вместо Волкова казнят меня» [12, Л. 50об.]. Позднее в конце текста автор сделал приписку, что лекция написана еще до образования Российского правительства А.В. Колчака.

Выступление способствовало политическому продвижению Сиротенко: его заметили наверху. В конце 1918 г. он получил назначение на должность агента (без конкретизации служебного статуса) Информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего. С конца декабря 1918 г. по середину февраля 1919 г. он выступал с данной лекцией в Кургане, Челябинске, Кустанае, Троицке [9, С. 184]. Успех вдохновил его на дальнейшее творчество. Примерно тогда же он написал автобиографический труд про «освещение своей жизни», самоуверенно характеризуя новую публикацию: «Чувствую, что для общества я являюсь интересным типом... Просил бы господ литераторов не торопиться с поспешными выводами обо мне, не зная меня всесторонне» [9, С. 185]. Но, к сожалению, текст данного сочинения пока не выявлен.

Результаты исследования. Благодаря анализу лекции, можно сказать, что сторонник жесткой вертикали власти Сиротенко являлся человеком, склонным к субъективным эмоциональным оценкам и непроверенному восприятию слухов. Он, учитель из глубинки, прекрасно знал о недостатках и условиях жизни в Российской империи, чувствовал их на себе, но причины всех политических неудач страны сводил к «тлетворному влиянию», диверсиях со стороны Германии. Чиновники, помещики, фабриканты, дворяне, министры, полицейские и жандармы – те, кто запятнал себя, по мнению Сиротенко, предосудительными поступками – лишь «выполняли волю Берлина» или имели немецкие корни. Недостаток Николая II заключался в неспособности избавиться от этого «иностранного влияния».

Пока не удалось найти информацию о биографии и педагогической деятельности Сиротенко. Исходя из его суждений, можно уверенно назвать его человеком увлекающимся историей (хотя и с весьма оригинальными выводами), в силу своих предпочтений, погружившимся в атмосферу Смуты XVII в., ассоциировавшим себя, кумиров и соратников с данной эпохой. Говоря современным языком, Сиротенко можно отнести и к разряду «исторических реконструкторов», пытающихся активно участвовать в современных им политических процессах. Сложно сказать об отношении к нему других консервативных антибольшевистских деятелей, в том числе, В.И. Волкова. Неясно: воспринимался ли Сиротенко до лекции всерьез. Вероятно, он являлся выразителем взглядов некой части белого движения. Ведь имидж «фаната диктатуры» обрел В.А. Жардецкий [21–22; 23, Л. 1].

В сознании Сиротенко прочно закрепились появившиеся с 1914 г. в империи воззрения. «Культура поиска предателей», соединявшая шпиономанию и всевозможные социофобии, была широко распространена во время мировой

войны во всех воюющих странах, но в России она достигла особых масштабов [24, С. 14]. В проведении параллелей с XVII в. Сиротенко не был оригинален. Как отмечал американский историк А.В. Шмелев, аналогии со Смутным временем придерживались преимущественно представители центра и правого крыла политического спектра России. Оно было не только «ресурсом» для проведения грубых исторических аналогий, но и успешно использовалось в белой пропаганде [25, С. 61, 66].

Но не будем вслед за И.И. Сиротенко погружаться в конспирологию. 3 ноября 1918 г. состоялась беседа В.Н. Пепеляева и А.В. Колчака, в которой обсуждался вопрос о диктатуре [26, С. 45-46]. Сама группа заговорщиков сформировалась осенью 1918 г. в омском аристократическом салоне генеральши М.А. Гришиной-Алмазовой при самом активном участии ее любовника – министра финансов И.А. Михайлова [См. подр.: 27, С. 393; 28]. Ряд лиц (как минимум, из круга военных – русских и иностранных) еще в середине октября 1918 г. были осведомлены о возможной скорой смене власти в Омске [29, С. 75]. Вряд ли лекция могла быть прочитана «по заданию» консервативных заговорщиков для укрепления общественной почвы для переворота. Сиротенко изложил собственные взгляды, имеющие сходство и с политической атмосферой Омска. Здесь его лекция вполне могла найти сочувствующие отклики. Таким образом, на наш взгляд, данная рукопись является колоритным срезом общественного мировоззрения на рубеже смены власти в белой Сибири путем военного переворота в Омске.

Список источников и литературы

1. Михайловский Н.К. Все француз гадит (апрель 1882 г.) // Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 5. СПб., 1897. С. 604-623.
2. Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М.: РОССПЭН, 2005. 552 с.
3. Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат Российской империи. М.: НЛО, 2009. 376 с.
4. Герасимова В.А. Антисемитизм в сибирских епархиальных новостях в период Первой мировой войны // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность. Мат-лы междунар. науч. конф. Сер. «Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». СПб., 2019. С. 330-336.
5. Шубин А.В. Архивы и конспирология // Историческая экспертиза. 2019. № 2. С. 188-201.
6. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: НЛО, 2020. 992 с.

7. Петин Д.И. Взрыв 1 августа 1918 г. в Омске // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 65-75.
8. Шнирельман В.А. Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии. М., СПб.: ООО «Нестор-История», 2022. 424 с.
9. Безродный К.Э. Рукопись И. И. Сиротенко «Россия и Германия» // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII - XX вв.). Омск, 1995. Т. II. С. 183-185.
10. Шулдяков В.А. Гибель сибирского казачьего войска. 1917-1920. Кн. I. М.: Центрполиграф, 2004. 748 с.
11. Шулдяков В.А. «Чем путь трудней – тем выше будет честь!..». Доэмигрантский период жизни сибирской казачки поэтессы Марии Волковой (Эйхельбергер) // Возвращенные имена Омска. Омск: Золотой тираж, 2019. С. 210-219.
12. ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 408.
13. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военнореволюционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. 385 с.
14. Шумилова Э.Е. Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Екатеринбург: Издательские решения, 2020. 178 с.
15. Сушко А.В., Петин Д.И. Обращение чехов в православие в Омске: духовность, идеология, быт. 1916–1919 гг. // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 597–610.
16. Сушко А.В., Петин Д.И. Борьба за «Подъярёмную Русь»: переход в православие военнопленных русинов в Омске (1915–1917) // Русин. 2021. № 65. С. 99-114.
17. Кокоулин В.Г. Временное правительство автономной Сибири: страницы истории (январь – сентябрь 1918 г.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 4 (13). С. 120-124.
18. Шубин А.В. 1918 год. Революция, кровью омытая. М.: Академический проект, 2019. 598 с.
19. Шубин А.В. Комитет членов Учредительного собрания как леводемократическая альтернатива коммунистам и белым в Гражданской войне // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 1. С. 57-73.
20. Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды, 1917-1920. М.: Алгоритм, 2018. 512 с.
21. Безродный К.Э., Хандорин В.Г. Жардецкий В.А. – один из политических лидеров белой Сибири // Возвращенные имена Омска. Омск: Золотой тираж, 2019. С. 204-209.

22. Сушко А.В., Безродный К.Э. В.А. Жардецкий и сибирское областничество // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 30–36.

23. ГИАОО. Ф. Р–2200. Оп. 2. Д. 672.

24. Колоницкий Б.И. Введение // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация Гражданской войны в России / Под ред. Б.И. Колоницкого [и др.]. Сер. «Эпоха войн и революций». Вып. 16. СПб.: Европейский ун–т в Санкт-Петербурге, 2022. С. 7-34.

25. Шмелев А.В. Революция или смута? Полемика о событиях 1917 г. и последующих лет // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация Гражданской войны в России / Под ред. Б.И. Колоницкого [и др.]. Сер. «Эпоха войн и революций». Вып. 16. СПб.: Европейский ун–т в Санкт-Петербурге, 2022. С. 60-80.

26. Шишкин В.И. Военный и морской министр вице-адмирал А.В. Колчак // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 45-48.

27. Петин Д.И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 389–405.

28. Стельмак М.М., Петин Д.И. «Он насытил свое честолюбие при Колчаке»: министр финансов И.А. Михайлов в оценках современников // Исторический вестник. 2022. Т. 42. С. 36–61.

29. Петин Д.И. Авантюрист в рядах спецслужб? К биографии Петра Васильевича Глинко–Апина // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 74–81.

Для цитирования: Стельмак М.М. «Враги» России в мировоззрении консервативного педагога и агитатора И.И. Сиротенко // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 319–327.

© Стельмак М.М., 2023

**КРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА ПЕТРОПАВЛОВСКОГО УЕЗДА
ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ЕДИНСТВО»
(НОЯБРЬ 1918 – ИЮЛЬ 1919 гг.)**

Сухачев Егор Владимирович¹

¹ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ suha4evegor@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 1127-2524

Аннотация: Статья посвящена одному из насущных вопросов уездной жизни Петропавловска в ноябре 1918 – июле 1919 гг., – криминальной хронике. Сегодня вопросы повседневности актуальны среди исследователей. Впервые предпринята попытка на основе материалов газеты «Единство» определить ключевые сферы криминальной хроники Петропавловского уезда и наиболее распространенные виды преступлений, сделан вывод о причинах их роста и формированию криминальной среды в уезде.

Ключевые слова: повседневность, Гражданская война, периодическая печать, газеты, конокрадство, грабежи, самогоноварение, Петропавловский уезд.

Постановка проблемы. Пресса – один из источников, с помощью которого можно проследить повседневную жизнь общества в тот или иной промежуток времени. Материалы и сведения, содержащиеся в газетных заметках, служат одним из источников, который дает представления о различных сферах общественной жизни городов, уездов и т.д.

Криминальные происшествия являются неотъемлемой частью повседневной жизни города, волости или уезда. Ранее не предпринимались попытки проанализировать события криминальной хроники уездной жизни Петропавловска в годы Гражданской войны через призму периодики. Одним из исследователей, занимающихся изучением истории Петропавловска, является А.И. Семенов. Он рассматривает становление города и ключевые события городской жизни с политической точки зрения, в том числе, в период Гражданской войны [См. подр.: 1]. С позиций методологии любопытна работа С.Г. Сизова (хотя посвящена она Омску), где предпринята попытка затронуть непосредственно криминальную хронику как часть повседневной жизни города. В своей работе этот историк рассматривает различные сферы жизни простых омичей (сферу образования, политическую жизнь города, криминальные хроники и т.д.) в годы Гражданской войны [См. подр.: 2].

Одним из периодических изданий, публиковавших материалы о жизни в Петропавловске и уезде, была газета «Единство». Она позиционировалась как беспартийная, общественно-политическая и кооперативная. Издавалась в период с 22 июня 1918 г. по конец июля 1919 г. Номер газеты состоял из 4 страниц,

что включали в себя разнообразные рубрики: «Телеграммы», «Хроника», «Разные известия по уезду», «В нашем крае», а также объявления (публиковались на первой и последней странице газеты). Стоимость номера составляла 25 коп.; подписная цена на месяц – 5 руб. 50 коп. Издательство располагалось в Петропавловске на Вознесенском проспекте в доме № 13. Печатала газету типография товарищества «Сотрудничество» [3, С. 1].

Цель данной работы – обзор криминальной хроники Петропавловского уезда на основе контент-анализа. Для исследования взяты выпуски газеты «Единство» с № 105 (6 ноября) 1918 г. по № 309 (29 июля) 1919 г.

В тот период материалы из уездной жизни области публиковались в колонках газеты «Единство»: «Хроника», «Местная жизнь», «По уезду» и т.д. Но на волнующие общество вопросы газета публиковала статьи в тематических рубриках «Деревенский узорник», «Жизнь деревни» и т.д. Своеобразной почвой для «рассвета» преступности в уезде, вероятнее всего, стало наличие большого количества оружия у местного населения, ввиду активно продолжавшейся Гражданской войны, а также наличие оружия у солдат, вернувшихся ранее с Первой мировой войны, которое никем не изымалось. Наблюдался наплыв беженцев с последующим их расселением по уезду: «В целях разгрузки города Петропавловска от пришлого населения <...> часть проживающих временно в нашем городе беженцев разослать на жительство в села и деревни Петропавловского уезда <...>» [4, С. 2]. Выходцы из беженцев могли объединяться в банды для совершения преступлений. Каждый из названных факторов влиял на развитие преступности в уезде.

Основная часть: Проводя контент-анализ материалов газеты «Единство» можно определить, что спектр преступлений, совершаемых в Петропавловском уезде, был широкий, среди них наибольшее распространение получили следующие виды преступлений: 27 случаев конокрадства, 25 – грабежей, 20 – фактов самогоноварения. Исходя из этих данных, остановимся на наиболее распространенном типе преступлений – конокрадстве, относящемся к разновидностям краж. В заметках газеты, помимо кражи лошадей, фигурировали украденные атрибуты для лошади: упряжи, коляски и т.д. Лошадь использовалась для вспашки земли, на фронтах Гражданской войны, продолжала использоваться конница как один из родов войск. Кроме того, лошадей местных жителей могли использовать городские и уездные власти для различных нужд: «...все жители, имеющие лошадей обязаны представить таковых с упряжью и телегой <...> откуда часть лошадей будет направлена на участки за дровами <...>» [5, С. 1]. С ее помощью злоумышленники могли быстро покинуть место совершенного преступления. Один из примеров конокрадства отмечается корреспондентами газеты в выпуске от 16 ноября 1918 г. С участка Баженова в 15 верстах от города, было похищено «11 лошадей на сумму 10 тысяч рублей» [6, С. 4].

Похожий случай был зафиксирован в поселке Пресновка, где у жителя поселка Ф.Е. Павлова украли 4 лошади [7, С. 4]. Кражи лошадей становились объ-

ектом наживы различных банд на дорогах, орудовавших в то время. По сообщениям газеты «Единство», на ехавших киргизов К. Бисембаева и Д. Токушева на Танчевской дороге в 12 верстах от Петропавловска, напали 6 вооруженных винтовками и револьверами, похитив всех лошадей. [8, С. 4]. Аналогичное происшествие было описано в выпуске от 24 июня 1919 г. По сообщениям корреспондентов, 16 июня в селе Астраханском Петропавловского уезда уланы Петропавловского гарнизона в пьяном виде отобрали на Кокчетавском тракте «...у киргиз[ов] 5 аула деньги и лошадь с седлом» [9, С. 4].

Грабежи были не менее частым явлением в сводках криминального характера. Преимущественно они совершались на «больших» дорогах, соединяющих города и села между собой, а также непосредственно в селах и деревнях, где деятельность сотрудников милиции Петропавловского уезда была максимально минимальна либо совсем отсутствовала. Один из случаев грабежа был зафиксирован в выпуске от 12 ноября 1918 г. По сообщениям корреспондентов, на краю села Пресновки на гражданина Н.С. Савченко напала шайка грабителей из 9 чел.: «ранив Савченко двумя пулями, они связали его, похитили у него шубу, пимы, 295 рублей денег, после чего скрылись» [10, С. 4].

Еще один яркий пример ограбления, тоже совершенного на дороге, приводится в выпуске за 6 мая 1919 г. На ехавшего в Петропавловск Ф.Е. Зайцева в 4 верстах от Бершикуля напали «и отобрали у него 6 мешков овса и сняли с него тулуп и пиджак стоимостью 400 р.» [11, С. 4]. Также необходимо внести понимания стоимостной части награбленного у потерпевших, одним из показателей являются цены на ряд продовольственных товаров. В декабре 1918 г. – апреле 1919 г. можно было купить: «мясо до 1 р. 80 к. за фунт, свинина 2 р., молоко 6 р. четверть, масло 4 р. 50 к. фунт, творог 2 р. 50 к...» [12, С. 4]. Одним из показателей является размер жалования, получаемого в данный период времени. Ежемесячный оклад учителя в высшем начальном училище составлял 225 руб. Жалование врачей в Полтавской, Благовещенской больницах Петропавловского уезда составляло 450 руб. [13, Л. 69]. Ежемесячный оклад чернорабочего в Акмолинской области составлял от 2 до 9 руб. в месяц. [14, С. 4]. Рассматривая «потребительскую корзину» и размер получаемого жалования различных специальностей, можно сделать вывод о том, что украденные деньги представляли собой значительную сумму для данного периода времени.

Пик активности различных преступных групп отмечен весной 1919 г. Тогда в печати читаем о крупных бандах, среди которых называется «большевистский отряд», чья деятельность «определена» как грабительская. Один из ярких описанных примеров – об ограблении в селе Мариинском. По сообщениям газеты, в село отправили отряд для проверки сведений об образовании там «совдепии». Было выяснено, что в селе действует банда дезертиров, грабивших ближайшие села: «...По сведениям в Мариинском собрались дезертиры сс. Мариинского, Ковыленского, Рыбинского, Добровольского и Колутонова» [15, С. 4]. Выпуск за 2 июля 1919 г. сообщал об ограблении на дороге. «На кир-

гиза Танической вол. аула № 6 И. Туканова возвращавшегося из Петропавловска домой <...> напали цыгане нанесли удары палкой отобрали деньги на сумму 2000 рублей» [16, С. 4]. Вероятнее всего, разгул банд и последующее увеличение их в уезде были связаны со слабостью работы Петропавловской уездной милиции, а также ограниченностью деятельности сотрудников уголовного розыска в ряде волостей уезда.

Жизнь уезда также была связана с винокурением и самогонварением. Во многих деревнях, селах, поселках фигурировали случаи самогонварения, которое преимущественно носило «нелегальный» и стихийный характер, но меры по его предотвращению не применялось со стороны официальной власти. Изготовление алкогольных напитков приводило к маргинализации общественной жизни. Это нередко отмечали корреспонденты газеты «Единство»: «Взрослые пьют самогонку парни и подростки с песнями под гармонику, часто с бранью шляются по деревне <...> Проявляет ли деревня интерес к политическому моменту? Никакого. Для деревни все безразлично» [17, С. 2]. Процесс маргинализации села, вероятно, мог стать одной из причин появления в деревнях шаек и банд.

Главным компонентом изготовления самогона являлся хлеб (зерно). Неконтролируемое производство самогона могло привести к голоду в крупных городах. Основным поставщиком сельскохозяйственной продукции, в том числе зерна, была деревня. В одном из выпусков газеты за 12 ноября 1918 г., автор приводит расчет количества перегоняемого самогона в селах уезда: «И это теперь в каждом селе, с количеством в 500 дворов, имеет 100 — 200 заводов, из которых часть гонит для себя, другую на продажу... Каждый перегоняет в день от 1 до 3 закладов, каждая закладка не менее пуда муки при среднем числе закладок 2 получится в день 40 пудов муки в месяц 1200 пуд., в год 14.409 пуд...» [18, С. 4]. Также одной из причин массового производства самогона являлись высокие цены на винную продукцию. Стоимость бутылки вина, по сообщениям автора статьи, составляла 18 руб. Сбыт и производство самогона шли нелегально; фигурировали случаи задержания за факт наличия данной продукции. В выпуске от 19 декабря 1918 г. автор статьи сообщал, что задержана гражданка села Явленки М.Ф. Аблезоева, имеющая при себе: «...2½ ведра самогонки» [19, С. 4]. Аналогичный случай описан в выпуске газеты от 31 декабря 1918 г.: за реализацию самогона арестованы на 1 месяц жители села Явленки Н. Гребенников и Ф. Кильманшин [20, С. 4]. Таким образом, рассматривая вопрос с винокурением, можно отметить, что производство было налажено практически во всем уезде, носило исключительно нелегальный характер, кроме того, со стороны властей реализация самогона преследовалась по закону, одной из причин винокурения была дороговизна «казенных вин».

Результаты исследования. Подводя итоги, отметим, что, судя по материалам прессы в Петропавловском уезде, наиболее распространенными видами преступлений были конокрадство, грабежи и самогонварение. Каждый из данных видов преступлений имел специфику, будучи обусловлен продолжавшимся социальным кризисом. Рост конокрадства «определялся» универсальностью использования лошади, ее ценностью для армии и населения (злоумышленники

могли продать коня в действующую армию или гражданам). Развитию грабежей могли способствовать различные факторы, одним из которых является не изъятое у местного населения оружие. Повсеместный разгул бандитизма был также обусловлен слабостью работы сотрудников правопорядка и наплывом беженцев в уезде. Самогоноварение было нелегальным и наказуемым явлением. Но принимаемых мер со стороны властей практически не было, что вело к деградации сельских жителей, а также провоцировало их на иные преступления.

Научный руководитель В.Г. Дорохов (КемГУ)

Список источников и литературы

1. Семенов А.И. Город Петропавловск за 200 лет (1752–1952 гг.): Исторический очерк. Северный Казахстан, 2010. 195 с.
2. Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.). Омск: СибАДИ. 2018. 240 с.
3. Заголовок //Единство (Петропавловск). 1918. 6 нояб.
4. Петропавловская Городская Продовольственная Управа // Единство (Петропавловск). 1918. 17 сент.
5. К гражданам // Единство (Петропавловск). 1918. 6 нояб.
6. Хроника // Единство (Петропавловск). 1918. 16 нояб.
7. Хроника // Единство (Петропавловск). 1918. 20 нояб.
8. Хроника // Единство (Петропавловск). 1918. 27 нояб.
9. Хроника // Единство (Петропавловск). 1919. 24 июня.
10. Хроника // Единство (Петропавловск). 1918. 12 нояб.
11. Хроника // Единство (Петропавловск). 1919. 6 мая.
12. Хроника // Единство (Петропавловск). 1918. 14 нояб.
13. ГИАОО. Ф. Р–1617. Оп. 1. Д. 134.
14. Рабочая жизнь // Заря (Омск). 1918. 29 дек.
15. Хроника //Единство (Петропавловск). 1919. 2 июля.
16. По нашему краю // Единство (Петропавловск). 1919. 21 мая.
17. Жизнь деревни // Единство (Петропавловск). 1918. 12 нояб.
18. Уничтожение хлеба самогонкой // Единство (Петропавловск). 1918. 12 нояб.
19. Самогонка // Единство (Петропавловск). 1918. 19 дек.
20. Хроника // Единство (Петропавловск). 1918. 31 дек.

Для цитирования: Сухачев Е.В. Криминальная хроника Петропавловского уезда по материалам газеты «Единство» (ноябрь 1918 – июль 1919 гг.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 328–332.

© Сухачев Е.В., 2023

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОМСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ИЮНЕ 1918 г.

Сушко Алексей Владимирович^{1, 2, 3}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

³ Омский государственный технический университет, Омск, Россия

^{1, 2, 3} alexsushko_1974@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6496-4278

Аннотация: В контексте событий Гражданской войны в России анализируется политическая деятельность Омского епархиального собрания летом 1918 г., проводившаяся под руководством архиепископа Сильвестра (Ольшевского). Сделан вывод о том, что именно «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» и его насильственная реализация омскими большевиками, подтолкнули епархиального архиерея и вслед за ним духовенство и омскую православную общественность к участию в антибольшевистском движении. Исходя из анализа антибольшевистской деятельности Омского епархиального собрания в июне 1918 г., подчеркивается тезис о том, что религиозный фактор усилил в регионе эскалацию братоубийственного противостояния.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Русская Революция, Чехословацкий корпус, Гражданская война, Омск, Омское епархиальное собрание, Сильвестр (Ольшевский).

Постановка проблемы. В результате наступления войск Чехословацкого корпуса 7 июня 1918 г. в Омске пала советская власть. После принятия ею Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Русская Православная Церковь начала подвергаться гонениям. Не был исключением и Омск, где большевики активно проводили эту политику. В ее рамках была предпринята попытка изъятия церковного имущества и был арестован правящий архиерей епископ Сильвестр (Ольшевский), организовавший крестный ход в защиту Церкви. Это привело к массовому антибольшевистскому выступлению, названному в историографии «поповским мятежом» [См. подр.: 1].

Вполне естественно, что в июне 1918 г. епископ Сильвестр и значительная часть духовенства Омской и Павлодарской епархии оптимистично восприняли свержение власти большевиков, открывавшее возможность для возобновления свободной религиозной деятельности. В новых условиях духовенству было необходимо определиться со многими вопросами своей жизнедеятельности. С этой целью в городе начало работу Омское епархиальное собрание.

Протоколы собрания были напечатаны в виде брошюры. Однако большая часть тиража этого свидетельства церковной истории была утрачена, вследствие чего, данный источник о жизни Омской и Павлодарской епархии стал библиографической редкостью. Он малоизвестен и труднодоступен для историков и, соответственно, полноценно не введен в научный оборот. Использованный для данного исследования экземпляр хранится в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике. Обложка с выходными данными издания не сохранилось. Книга от руки в советское время была подписана кем-то из сотрудников музея по названию первого протокола «Протокол № 1-й Омского Епархиального собрания 11–24 июня 1918 г.». Это явно не соответствует оригинальному названию брошюры, так как в ней напечатан 21 протокол собраний (с протокола №1 от 11–24 июня 1918 г. по протокол № 21 от 27 июня (10 июля) 1918 г.). Вероятно, что брошюра могла называться «Протоколы Омского епархиального собрания». Возможно, в названии был указан год его проведения. Несмотря на отсутствие сведений о месте и времени издания, с большой долей вероятности можно предположить, что брошюра была напечатана в 1918 г. в Омске [2].

Необходимо подчеркнуть, что в годы революции и Гражданской войны в России Русская Православная Церковь стала субъектом политики. Поэтому изучение протоколов Омского епархиального собрания актуально не только при исследовании истории Омской епархии, но и общественно-политических событий Гражданской войны в Сибири. Как показывает современный опыт работы омских площадок публичной истории, взаимоотношения антибольшевистской власти и церкви в тот период выступают одной из противоречивых тем, активно обсуждаемых историками и краеведами [3, С. 44]. Отсюда вытекает цель данной работы – проанализировать политическую деятельность Омского епархиального собрания в июне 1918 г. Теоретическая основа исследования – совокупность институционального подхода и проблемного метода.

Основная часть. Омское епархиальное собрание открылось 11–24 июня в здании женского епархиального училища с торжественного богослужения (Протокол № 1). В изданном протоколе собрания был приведен краткий пересказ речи епископа Сильвестра. Вступительную речь по поводу начала работы председательствующий архиерей превратил в политическое выступление, где ярко обрисовал «то трудное положение Православной Церкви, в каком сия оказалась во время революции, указав на то гонение, какое воздвигло своими декретами большевистское правительство лишив церковные общины даже обычных прав юридического лица, присущих всем гражданским обществам». По утверждению архиепископа, «особенно враждебно проявила себя Омская власть, которая в официальном своем органе и в официальном заявлении признала “Церковь распространительницею суеверия и классовым врагом честного

социального строя» (Извест.[ия] Зап.[адно]-Сибир.[ского] и Омск.[ого] Област.[ного] Исполн.[ительного] Комит.[ета] № 47, 15 марта 1918 года)»». Выступающий особо подчеркнул, что «последовала в Омске конфискация всего церковного имущества». «После этого Владыка ознакомил Собрание с более утешительными явлениями, именно с трудами Церковного Поместного Собора, в коем он принимал участие. Несмотря на все трудности, какие Собору чинили большевики, труды Собора шли безостановочно, и наша Православная Церковь возглавлена избранием Патриарха, под гром пушек большевистских, разбивавших Московский Священный Кремль» [2, С. 1]. Данная речь свидетельствовала о том, что в июне 1918 г. епископ Сильвестр был глубоко оскорбленным большевиками сторонником антибольшевистского движения. Сделав подобное заявление, архиерей – персона публичная и влиятельная – стал субъектом политики и участником стремительно набиравшего обороты военно-политического противостояния. Стоит сказать, что общественно-политическая активность для Сильвестра не была вновь приобретенным качеством. Так, в годы Первой мировой войны он колоритно проявил себя в Омске и как администратор, и как духовное лицо, успешно наладив взаимоотношения между епархией и властями региона. Яркий пример тому – организованный Сильвестром в омских приходах ряд массовых кампаний по присоединению к православию пленных славян [См. подр.: 4].

Антибольшевистский настрой руководителя епархии и его ближайшего окружения доказывает запрет, наложенный епископом Сильвестром на отпевание начальника омской милиции П.С. Успенского, погибшего в бою с чехами близ станции Марьяновка. Омские большевистские власти хотели устроить его торжественное отпевание, но натолкнулись на противодействие архиерея, запретившего духовенству отпевать «открытого врага Церкви» [2, С. 5]. С канонической точки зрения этот запрет был вполне обоснован. Но для советской власти такое поведение архиерея было очередным эпизодом контрреволюционной деятельности. Протоколы собрания свидетельствуют, что за отказ отпевать Успенского властями был арестован и готовился к расстрелу протоиерей А. Покровский, которого спасло вмешательство казаков. При этом А. Покровский, почитавший своего архиерея, на допросе не стал ссылаться на его указание, мотивировав свой отказ позицией Собора. Остановившись на этом событии, архиепископ Сильвестр отметил, что «ради безопасности своего архипастыря почтенный пастырь собою жертвовал» и закончив свое выступление словами «Многая лета пострадавшим от большевиков нашим пастырям» [2, С. 5]. Однако при этом омский владыка и епархиальное собрание даже не вспомнили о Николае Цикуре, убитом в архиерейском доме в ходе ареста епископа Сильвестра в феврале 1918 г. и впоследствии ставшим первым омским новомучеником [См. подр.: 5].

Присутствующие члены Собрания разделяли политические взгляды Владыки Сильвестра. Выступавший на открытии собрания третьим, депутат от мирян А.А. Глухарев, поддержал антибольшевистский посыл архиерея. В своем выступлении он обратился к февральским волнениям в Омске, описав «положение Православной Церкви в Омской Епархии, того подъема, какой произошел после ареста Его Преосвященства; счел долгом засвидетельствовать о своем глубоком уважении и горячей преданности Его Преосвященству и предложил Собранию присоединиться к его чувствам, что и было единодушно всеми исполнено вставанием с поклоном Владыке». В отношении антибольшевистской характеристики Церкви в Омске особенно показательно, что оратор предложил Собранию «послать приветствие чехо-словакам, как избавителям Омской епархии от большевиков, что Собранием и было принято единодушно» [2, С. 2]. В условиях эскалации Гражданской войны это четко определяло политические взгляды участников совещания, вставших на сторону одной из сторон конфликта. Здесь стоит сказать об особой позиции чехов по отношению к местной религиозной общественности. Ведь именно представители этой нации, по сравнению со всеми другими пленными славянами, содержащимися в Омске в период Первой мировой войны, проявили наибольшую религиозную активную активность [См. подр.: 6].

На заседании, проходившем 12–25 июня 1918 г. собрание вернулось к вопросу о чехо-словаках (Протокол № 4). К этому времени омские общественные организации приняли решение организовать их чествование. Депутат И.Т. Белькович предложил собранию присоединиться к этому мероприятию указывая на «необходимость выразить признательность Чехо-Словакам, первыми выступившими на свержения ига большевиков» [2, С. 6]. Это предложение было единогласно принято и собранием были избраны делегаты протоиерей Л. Покровский и мирянин Д.Н. Лебедев; им поручили отредактировать проект текста приветственного адреса. Доработанный вариант обращения обсудили и утвердили собранием на заседании 18 июня – 1 июля 1918 г. Выражая благодарность за свержение советской власти, обращение называло ее «германским игом» [2, С. 19].

Встав на сторону сибирской контрреволюции Омское епархиальное собрание закономерно поддержало Временное Сибирское правительство, приняв к нему специальное обращение и отправив на встречу с его представителями свою официальную делегацию. В обращении подчеркивалось преследование большевиками «святой православной веры» и утверждалась, что «освобождение от власти, так отбившейся к вере христианской, было встречено с великой радостью и нередко были благодарственные молебны Господу Богу по поводу освобождения от этой власти». Омское епархиальное собрание приветствовало Временное Сибирское правительство, «с верою в лучшее будущее, как Русского

Государства, так и Русской Церкви, объединяется вокруг него и выражает искреннее желание в достижении поставленных им себе великих задач восстановления былой славы, величия и могущества Святой Руси». Принятие подобного официального обращения было политическим шагом [2, с. 21]. На заседании Соборания, состоявшемся 21 июня – 4 июля 1918 г. глава делегации уже упомянутый протоиерей А. Покровский довел до присутствовавших, что делегация была принята министром внутренних дел В.М. Крутовским, выслушавшим приветствие соборания стоя [2, С. 28].

Результаты исследования. Таким образом, Омское епархиальное собрание летом 1918 г. активно занималось политической деятельностью. Заседания соборания проходили в условиях падения советской власти и набиравшей обороты «демократической контрреволюции», выстраивавшей отношения с иностранными союзниками, прежде всего с Чехословацким корпусом [7, С. 38–82]. Участникам соборания казалось, что режим большевиков не будет восстановлен никогда. Оттого епархиальная общественность никак не скрывала своих антибольшевистских настроений и действий. Собрание публично выражало враждебное отношение к советской власти, представляя ее в качестве большевистского, германского ига и, соответственно, вошло в число общественных организаций, активно поддерживавших белое движение.

Следует признать, что материалы соборания свидетельствуют о том, что именно Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и его насильственная реализация омскими большевиками, подтолкнули епархиального архиерея и вслед за ним духовенство и омскую православную общественность к присоединению к антибольшевистскому движению. В деятельности Омского епархиального соборания в июне 1918 г. антибольшевистская деятельность имела три аспекта. Первый – публичное осуждение советской власти. Второй – общественно-значимое приветствие чехов, свергнувших советскую власть в Омске. Третий – поддержка антибольшевистского Временного Сибирского правительства.

Таким образом, в июне 1918 г. религиозный фактор усиливал эскалацию Гражданской войны, а его влияние (и как частный случай – действия Омского епархиального соборания) могло становиться достаточно глубоким в идеологическом смысле. Подтверждают это омские примеры, которые дают представления о том, как эти убеждения активно и весьма разнообразно воздействовали на местную православную паству даже в условиях поражения белого движения. Так, псаломщик Крестовоздвиженской церкви Омска, бывший военнопленный армии Австро-Венгрии, этнический русин Григорий Мокрый добровольно примкнул к белым повстанцам летом 1920 г., за что был арестован омскими чекистами и расстрелян [См. подр.: 8, С. 171–172]. В начале 1920-х гг. в советском Омске в условиях начинавшихся гонения на церковь отмеча-

лись отдельные случаи принятия священнического сана бывшими офицерами белой армии [9, С. 127]. Перечисленные и прочие подобные прецеденты [См., напр.: 10] нацеливают нас к иному осмыслению братоубийственного противостояния сквозь призму церковной жизни в условиях Русской Революции. Здесь справедлива мысль, высказанная в интервью петербургским историком Н.Н. Смирновым о неотделимости бытования церкви от гражданской истории [См. подр.: 11].

Антибольшевистские позиции омского духовенства закономерно привели впоследствии к политическим репрессиям, производившимся победившими в Гражданской войне большевиками уже в 1919–1920 гг. в отношении своих врагов. Возобладавшая в то время в российском обществе практика насилия не могла быть одномоментно изжита после прекращения боевых действий. Ведь в любой из известных миру революций, победившие революционеры, утверждая в обществе свою власть и реализуя свои идеи, расправлялись с реальными и потенциальными контрреволюционерами. Принимая во внимание эту закономерность общественного развития, политические репрессии в СССР 1920–1930-х гг. в отношении духовенства, ставшего неотъемлемой частью «исторической контрреволюции», были исторически неизбежны.

Источник финансирования

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ 21–18–00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете

Список источников и литературы

1. Сушко А.В. «Поповский мятеж»: к вопросу об антибольшевистских волнениях в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 62–70.
2. Протоколы Омского епархиального собрания. [Б.м., б.г]. 57 с.
3. Петин Д.И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49.
4. Сушко А.В., Петин Д.И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 103. С. 78–98.
5. Сушко А.В. Первый омский новомученик Николай Цикура: анализ убийства служителя Церкви в условиях начала Гражданской войны в России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Се-

рия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 105. С. 111–123.

6. Сушко А.В., Петин Д.И. Обращение чехов в православие в Омске: духовность, идеология, быт. 1916–1919 гг. // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 597–610.

7. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.). Омск : Амфора, 2023. 420 с.

8. Сушко А.В., Петин Д.И. Русин в эпоху социальных катаклизмов в России (пример судьбы Григория Мокрого) // Русин. 2022. № 69. С. 164–178.

9. Стельмак М.М. Вклад бывших белых офицеров в развитие и культуру советского Омска в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения – 2023. Мат–лы XVI Междунар. научн.-практ. конф. (Омск, 22–24 марта 2023 г.). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 124–129.

10. Калиновский В.В. «Вспомним всех поименно»: размышляя над мартирологом жертв Гражданской войны в Омском регионе // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 26–31.

11. Смирнов Н.Н. «Нельзя отделять церковь от гражданской истории...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 57–64.

Для цитирования: Сушко А.В. Политическая деятельность Омского епархиального собрания в июне 1918 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 333–339.

© Сушко А.В., 2023

ОБРАЗ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЕЕ СЛУЖИТЕЛЕЙ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» В 1918 г.

Тарелко Владислав Михайлович¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ ztarelko141@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 1901–1606

Аннотация: Соотнося материалы газеты «Правда» за 1918 г. и следуя в русле исторической имагологии, анализируется образ Русской православной церкви и ее служителей на начальном этапе существования советской власти. В исследовании рассмотрены центральные дискурсы о церкви: первый – борьба против организованного вредительства попов и кулаков; второй – строительство нового общества на началах материализма, рационализма и реформирования системы образования. В заключении подчеркнут тезис о сугубо негативном отображении церкви главным печатным органом РСФСР.

Ключевые слова: историческая имагология, Русская православная церковь, священнослужители, газета «Правда», атеизм, кулачество, периодика.

Постановка проблемы. Разогнав Учредительное собрание, партия большевиков встала на путь строительства нового общества. Одним из оплотов старого режима была Русская православная церковь, поэтому уже 20 января 1918 г. был издан Декрет СНК РСФСР об отделении церкви от государства и школы от церкви. Значимая роль в решении этой задачи отводилась прессе. Несмотря на то, что «Правда» не была специализированным антирелигиозным изданием и частота упоминания темы церкви стояла ниже ряда других сюжетов, она, как один из главных печатных органов РКП(б), не могла полностью игнорировать столь насущный для государства вопрос. Главной целью таких материалов было не только «разоблачить святость попов», выставив их врагами рабочих и крестьян, но и призвать массы не поддаваться их антисоветской агитации и давать им организованный отпор.

Основная часть. Одним из главных пропагандистских инструментов продвижения среди народных масс нового курса строительства государства был главный рупор партии – газета «Правда». Уже с 1918 г. на ее страницах появлялись заметки и материалы, обличающие действие служителей церкви. Стоит сразу отметить, что количество таких материалов очень скромное и что церковь рассматривалась на страницах газеты именно как социальный институт [1, С. 237–238], а ее представители преподносились в обезличенном виде, чаще

всего именуя их «попами», иногда придавая им негативный окрас: «мироеды в рясах» [2, С. 2], «поп-спекулянт» [3, С. 4], «попы-самогонщики» [4, С. 4].

Большевики старались придать церкви враждебный характер, демонстрируя их сопричастность с предшествующим строем и непримиримыми, опасными врагами, как Советов, так и рабочих и крестьян, ставя их в один ряд с помещиками, фабрикантами, банкирами, спекулянтами, царскими генералами, офицерами, баринами-интеллигентами и другими [5, С. 1]. Более того, газета не только старалась обобщить всех непримиримых врагов революции на теоретическом уровне, но и на уровне практическом – изобразить перед читателями то, что якобы происходило на подконтрольных генералу П.П. Скоропадскому и генералу П.Н. Краснову территориях юга России, прозванных автором одноименной статьи как «Холопией», где «сердца попов и купчих совсем замирают в восторге от того, что делается в этой милой Холопии», где «старый царский порядок там уже восстановлен даже в мелочах» [6, С. 2]. И этот дискурс был основополагающим на страницах «Правды» вплоть, как показывают результаты других исследований, до 1920 г. [1, С. 239].

Если говорить об образе представителей церкви в публикациях газеты «Правда» за 1918 г., то он наиболее полно и красочно представлен в одном из стихотворений Демьяна Бедного под названием «Борьба и месть»:

«Кой-как очухавшись от горького запоя
Отец Ипат перед толпою
Своих приятелей сердечных кулаков,
Таковую речь повел с амвона:
“Коль мы, ребяташки, не сотворим разгона
Совета бедняков,
Не видеть красных нам деньков.
Разгоним их, чертей! – отец добил упрямо:
Другого выхода нам нет!”
Толпа кулацкая, шумя, из церкви прямо
Пошла с дрекольем на Совет.
Два-три советчика жестоко пострадали:
Клим был убит, Сысой изранен тяжело...
Те, кто успел бежать в соседнее село,
Через день погромщикам урок хороший дали!
Через день. Пока-же поп, устроивши погром,
Считал, что дело все покончиться добром,
То-бишь, что час пришел дела ему поправить,
Что с кулаками он деревней будет править,

Так, как сподручней им: на душегубский лад;
Поп будет обирать своих духовных чад,
Тащить последний грош у нищих из кармана:
Путем церковного обмана,
А кулаки начнут жиреть от грабежа
И, в ход пустив свои кулацкие уловки,
Давить голодный люд вновь станут без веревки
И резать – без ножа!» [7, С. 1].

Следовательно, данное произведение определяет первый и самый широкий на страницах главного партийного печатного органа страны за 1918 г. дискурс о церкви, в котором неразрывно переплетается тема борьбы с кулачеством. Именно попы и кулаки выступают в унисон главными антагонистами всех бед, связанных с голодом и бедностью в деревнях, иными словами «самыми ярыми, непримиримыми врагами Советской власти и переустройства жизни в деревнях и селах» [2, С. 2].

В статье «Деревенские кулаки и попы», последние возглавляют движение кулаков и учиняют расправу над Советами, ведут агитацию о скоротечности революционных комитетов, о том, что настанет день, когда «члены комитета будут стоять перед ним на коленях и просить прощения», своевольно толкуют декрет об отделении церкви от государства «с явным старанием внушить крестьянам недоверие к существующей власти». Этими примерами автор статьи призывал народ проявлять гражданскую активность, быть солидарными в борьбе с кулаками и попами, поскольку «не везде – как указано в той же статье, они встречают отпор, не везде раскусывают мужчины их “волчью натуру”», поэтому «чем общественнее жизнь в деревне, чем дружнее, организованнее беднота, чем больше света проникает в деревню, там борьба с кулаками и попами ведется решительнее и безболезненнее. Побольше света, сплоченности и никакие попы и мироеды не будут страшны» [Там же].

Одновременно в разделе сводок периодически проскальзывают сведения о том, как советская власть, раз за разом, выявляет сокрытие еды в монастырях [8, С. 3], или мечом правосудия карает попов за контрреволюционную деятельность и спекуляцию [9, С. 2; 10, С. 4; 11, С. 3; 12, С. 2], или дает отпор совместно с деревенской беднотой выступлениям попов и кулаков [13, С. 4].

Следующий дискурс о церкви, занимающий вторую строчку по количеству публикаций за 1918 г., завязан на смене эпох: кончине строго режима и порядков и возведении на его руинах нового государства. В своей неповторимой поэтической манере расписал поэт Демьян Бедный:

«Куку, куку, кукушечка!
Так грустно не кукуй!
Мадам-Кускова, душечка,
О прошлом не тоскуй <...>
Молитвы благодарственной
Царю не возносить.
И Думы Государственной
Увы, не воскресить!» [14, С. 2].

Материалы, которые напрямую отражали бы отношение большевистского правительства к Русской православной церкви по второму дискурсу на страницах газеты встречаются довольно редко. Они могут быть разделены на 2 взаимодополняющие темы: 1) отношение к религии с позиций материализма и рационализма; 2) реформирование системы образования и исключение из неё «Закона Божьего». В первом случае, показательна заметка И. Степанова «Колдовство и заклинание», вбирающая в себя поверхностный историко-философский очерк и автобиографический рассказ. Ее цель – избавить читателей от разного рода суеверий и предрассудков, порожденных религией. В нем рассказывается об извечной борьбе «жрецов» разных религий, как некой формы устойчивого психологического воздействия на население: «борьба <...> ведется таким образом, что она не различает общих основ существования жреческих профессий, не уничтожает того мировоззрения, на которого исходит деятельность жрецов всех религий, а скорее укрепляет его» [15, С. 2]. Это воздействие негативно сказывается на населении, держит его в страхе перед разного рода «колдовством». Спасение от неведомой силы автор находит в собственном опыте, полученным ещё в детстве при встрече с «колдуном», когда он, поборов страх перед неизвестным, перепрыгнул через якобы заколдованные сани, поставленные поперек порога. Следовательно, заключительное напутствие читателям выглядело на тот же манер: «Неужели же человечество до сих пор должно в страхе оставаться перед санками, которыми монах перегораживает широкий и прямой путь к его развитию. Пора через них перепрыгнуть» [Там же].

Во втором случае, рассуждения о школьном образовании приоткрывается статьей о годовщине Парижской коммуны, создавшая некий прецедент того, что замышляют большевики в сфере образования – последовать примеру французских революционеров-рабочих, а именно, освободить учебные заведения от вмешательства церкви и сделать их открытыми и бесплатными для народа. [16, С. 1]. В другом выпуске газеты «Правда» дается отпор кадетской газете «Свобода России», в котором четко проглядывается замысел большевиков убрать из школьной программы элемент прошлой эпохи «Закон Божий», который ведет, как указано в статье, к обременению «мозгов учащихся совершенно ненужным

балластом», засорению «детских голов библейской мифологией, стоящей в непримиримом противоречии со всем современным естествознанием»; воспитанию «детей рабочих и крестьян в духе христианского смирения и покорности в духе уважения к буржуазной собственности и преданности если не “царю и отечеству”, то власти нового “бога”–капитала» [17, С. 1]. А на замену этому учению ввести «гражданскую грамоту». В последующем дискурс о смене эпох будет и дальше раскрываться с позиции того, что «Церковь – пережиток прошлого, традиция, которая предается забвению» [1, С. 240]. Отметим, что схожие по содержанию материалы публиковались на страницах других печатных изданий различных губерний России [18, С. 43–45; 19, С. 230–233].

Результаты исследования. Таким образом, на страницах газеты «Правда» за 1918 г. образ Русской православной церкви и преимущественно её последователей и служителей представляется в крайне негативном образе. В большинстве случаев для конструирования образа Церкви использовался понятный читателю образ священника, представленный в обезличенном виде, наделенном набором устойчивых отрицательных качеств: самогонщик/пьяница, спекулянт, агитатор, контрреволюционер и т.д. Чаще всего распространенной формой донесения образа служителей Церкви до читателя были краткие статьи, небольшие заметки, материалы хроники и стихотворения Демьяна Бедного. Цель материалов – «разоблачение святости попов», выставление их угнетателями, крохоборами (вместе с кулаками главным источником бед простого люда), пособниками старого режима и врагами советской власти. Пресса призывала рабочих и крестьян не поддаваться их «ухищрениям» и агитации, и давая им организованный отпор ради строительства нового общества и государства. В последующем такой образ церкви на страницах газеты только усиливался, приобретая все новые негативные черты.

Источник финансирования

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Список источников и литературы

1. Первушин В.В. Образ Православной российской церкви на страницах газеты «Правда» в 1920 году // Исторический курьер. 2023. № 2. С. 235–242.
2. Л.К. Деревенские кулаки и попы // Правда (Москва). 1918. № 118. 13 июня.

3. Крестьянин Алексей Савин. В провинции. Поп-спекулянт // Правда (Москва). 1918. 13 июня (31 мая).
4. Попы-самогонщики // Правда (Москва). 1918. №70. 13 апр.
5. Кто против Советов в России? // Правда (Москва). 1918. № 119. 5 июня.
6. Валин Борис. В Холопии // Правда (Москва). 1918. №145. 14 июля.
7. Демьян Бедный. Борьба и месть. Быль // Правда (Москва). 1918. № 126. 23 июня.
8. «Не собирайте в житницы» // Правда (Москва). 1918. № 133. 2 июля.
9. Священник на скамье подсудимых // Правда (Москва). 1918. № 82. 27 апр.
10. Выселение монахов // Правда (Москва). 1918. № 159. 31 июля.
11. Кулаки, фабриканты, священники // Правда (Москва). 1918. № 124. 21 июня.
12. Арест попов // Правда (Москва). 1918. № 159. 31 июля.
13. Борьба кулаков и попов с советами. с. Меньшиково // Правда (Москва). 1918. № 149. 19 июля.
14. Демьян Бедный. «Кукушечка» // Правда (Москва). 1918. № 69. 1 апр.
15. Степанов И. Колдовство и заклинание // Правда (Москва). 1918. № 135. 4 июля.
16. К годовщине Парижской коммуна // Правда (Москва). 1918. № 49. 19 марта.
17. Н.А. Радетели просвещения // Правда (Москва). 1918. № 73. 16 апр.
18. Новикова Т.М. Политика дискредитации Русской православной церкви в советской периодической печати в годы Гражданской войны в Восточной Сибири // Успехи современного естествознания. 2007. № 2. С. 43–45.
19. Овчинников П.А. Большевистские газеты о Русской православной церкви (по материалам воронежских изданий) // Христианские чтения. 2019. № 3. С. 227–239.

Для цитирования: Тарелко В.М. Образ Русской православной церкви и ее служителей на страницах газеты «Правда» в 1918 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 340–345.

ЗЕМСКИЕ ФИНАНСЫ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИЮЛЬ 1918 – ИЮЛЬ 1919 г.)

Тетерин Вадим Игоревич¹

¹ Пермский государственный аграрно-технологический университет
имени академика Д. Н. Прянишникова, Пермь, Россия
¹ teterinv@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 3547-0880

Аннотация: В статье рассмотрены действия Пермского земства по решению финансовых вопросов местного самоуправления в период нахождения Пермской губернии под властью Российского правительства А.В. Колчака. Цель исследования – изучить финансовую деятельность Пермского земства в указанный период. На основе неопубликованных источников показано, как в прифронтовой полосе Гражданской войны хозяйственные вопросы обретали особое значение, анализируются основные экономические мероприятия земства в сфере сбора налогов, формирования бюджета и др.

Ключевые слова: Гражданская война, земство, местное самоуправление, местный бюджет, финансы, налоги, Пермская губерния.

Постановка проблемы. Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война стали результатами резко ускорившихся в России в начале XX в. модернизационных процессов. Органы местного самоуправления сыграли существенную роль в тех событиях: в новых условиях главной задачей этих институтов стало закрепление передовых позиций в обществе. На них же свою ставку и сделало Российское правительство А.В. Колчака, беря под свой контроль новые территории на Урале в 1918–1919 гг. Здесь восстанавливалась работа земств и городских дум. В условиях нахождения Пермской губернии непосредственно в прифронтовой зоне политическая власть выполнялась военной администрацией, а вновь создаваемым земствам отводилась роль по решению традиционных для дореволюционного местного самоуправления хозяйственно-экономических и социальных вопросов на местах.

В современной исторической литературе рассматриваются уже не только боевые действия Гражданской войны, но и внутреннюю политику, при чем как большевиков, так и антибольшевистских правительств. Пристальное внимание уделено территориям, подконтрольным колчаковской администрации [1–3]. Но почти все эти исследования обращаются только к опыту Сибири. За пределом

их внимания остается Пермская губерния, где весьма значимы были давние традиции земского и городского самоуправления. Местное самоуправление в Сибири не могло играть большой роли, так как подобные структуры возникали здесь только непосредственно в революционный период. Проблемы функционирования самоуправления на востоке России в те годы достаточно подробно рассмотрены историками [4–7]. Эти труды отражают региональные особенности функционирования земства, не учитывая опыт Пермской губернии. Вместе с доступным сегодня обширным корпусом источников это делает актуальным проведение исследований по данной теме.

Основная часть. Уже во второй лета 1918 г. зауральские уезды Пермской губернии перешли под контроль Временного Сибирского правительства. Перед новой властью стояла острая проблема с формированием своего бюджета. Согласно Циркуляру № 1 «омского» Минфина от 25 июля 1918 г. на всей территории, подвластной Временному Сибирскому правительству смета на 1918 г. делилась на два полугодия: первое при большевиках, второе при новой власти [8, Л. 1]. Циркуляр касался, прежде всего, казенных палат, но аналогичные правила формирования нового бюджета были восприняты и органами самоуправления. Безусловно, разгон органов местного самоуправления большевиками не мог не отразиться на земском и городском хозяйстве. В итоге, после восстановления при белой администрации гласные на местах столкнулись с существенными финансовыми трудностями. Так, в Екатеринбурге по смете с августа по декабрь 1918 г. дефицит составлял 2 млн. руб., и еще столько же добавилось в начале 1919 г. [9, Л. 73]. А средств не хватало на крайне важные статьи расходов: борьбу с тифом, заготовку дров.

На очередной 49-й сессии Верхотурского уездного земского собрания рассматривались, прежде всего, вопросы, связанные с финансовыми убытками и недоимками, которые были вызваны недолгим правлением большевиков в уезде. На повестке стояли доклады ревизионной комиссии, кассы мелкого кредита и др. Из материалов заседаний уездных гласных видно, что большевики нанесли существенный вред местному хозяйству. Важно было в кратчайший срок подсчитать убытки и на основе этого принять меры для налаживания работы. Например, указывалось, что в военное время сильно пострадала деятельность кассы мелкого земского кредита. Было предложено реорганизовать ее работу, превратив в муниципальные банки. Они должны были беспрепятственно выдавать кредиты земствам всех уровней, волостным коммунальным кассам, кооперативам и др., направляя свою деятельность на развитие сельского хозяйства [10, Л. 3, 23].

Важной проблемой в сфере финансов для земства стало покрытие расходов, которые тянулись еще с 1917–1918 гг. Так, Красноуфимская земская упра-

ва рапортовала в феврале 1919 г. начальнику Уральского края о необходимости погашения задолженности в размере 66 812 руб. 82 коп. на содержание уездной милиции. Согласно принятых еще в 1917 г. постановлений, земство в таких случаях могло ходатайствовать перед Правительством о возмещении затрат [11, Л. 1]. Но в 1919 г. «омская» власть не спешила выделять деньги: проблема осталась нерешенной. Повсеместно указывалось на крайне неблагоприятное положение земских и городских структур после ухода большевиков. Их управление в короткий срок существенно осложнило работу учреждений местного самоуправления. Такие сообщения регулярно рассматривались на земских и городских собраниях. Но на деле в столь важной области, как финансы, городское и земское самоуправление было ограничено в своих полномочиях военной администрацией, что не могло не сказаться и на других сферах деятельности органов местного самоуправления в 1919 г.

К весне 1919 г. работу органов местного самоуправления наладили с учетом сложившихся в Пермской губернии условий прифронтовой зоны. Но судя по журналам заседаний, основными вопросами оставались финансовые. Регулярно на всех уровнях самоуправления обсуждали изменение тарифов, выделение средств на те или нужды. Но гласные чаще всего вынуждены были отвечать отказом. Такая работа была налажена к апрелю даже в самых мелких административных единицах, например, в Алапаевске [11, Л. 27].

Для того что бы наладить работу земских и городских управ необходимо было решить финансовые трудности. Управляющий губернией даже пошел на то, чтобы привлечь к взиманию сборов милицию. Управы предоставляли окладные листы, особое внимание должно было уделяться недоимкам за предыдущие годы [12, Л. 21]. Такое сращивание самоуправления и милиции в глазах обывателей сильно подрывало авторитет гласных. Тем более, что основными плательщиками земских сборов были крестьяне. В апреле 1919 г. Главный начальник Уральского края разослал губернской и всем уездным земским управам циркуляр-постановление о немедленном сборе денег по окладным листам на 1919 г., но так, чтобы сумма была исчислена в половинном размере от сборов 1917 г. [13, Л. 3]. Этот шаг был направлен на «смягчение крайней нужды земства в денежных средствах». Самостоятельно земство не могло решить вопрос о собственных сборах. Даже волостные земские управы должны были напрямую согласовывать формирование земских окладных сборов с управляющими уездов, минуя уездное земство. Пример тому – записка Александровской волостной земской управы Красноуфимского уезда, которая 26 мая 1919 г. запросила такое разрешение [14, Л. 13]. Для пополнения бюджета земские органы постоянно искали новые источники дохода. Так, Мотовилихинская земская управа обложила даже 15% сбором с продаж электротeatры «За-

ря» и «Луч» [15, Л. 14]. Эти решения часто шли без согласования с уездными и губернскими властями, иногда прямо противореча закону. Кроме того, дополнительные сборы вели к убыткам, мешая введению целевых благотворительных сборов на нужды армии. В итоге, земство все больше выступало как источник проблем, а не инструмент к их решению.

Результаты исследования. Таким образом, при восстановлении деятельности органов местного самоуправления гласные возлагали большие надежды на антибольшевистскую власть, ожидая восстановления широких полномочий, как после революции 1917 г. Но в 1919 г. в условиях Гражданской войны ситуация была кардинально иной. Прежде всего, Пермская губерния оказалась к этому моменту в прифронтовой зоне, а значит, ключевую роль здесь играла военная администрация. Земство находилось в зависимом положении, и все силы гласные сосредоточили на восстановлении текущей работы, не включаясь в политическую работу, как это было в 1917 г. Проводимые мероприятия органов местного самоуправления в сфере финансов сводились лишь к «тушению пожаров», позволяя относительно стабилизировать экономическую ситуацию в Пермской губернии лишь в текущем моменте, не давая возможности долгосрочного планирования. Необходимость поддерживать на плаву органы местного самоуправления приводила ко все большему контролю и со стороны колчаковской военной администрации. Победа большевиков окончательно свела на нет все усилия гласных: земство было окончательно упразднено.

Список источников и литературы

1. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: Ника, 1996. 166 с.
2. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 633 с.
3. Земское самоуправление в России 1864–1918 гг. / отв. ред. Н.Г. Королёва. В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 2005. 384 с.
4. Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157.
5. Московкин В.В., Скипина И.В. Политическая ситуация на Урале после ухода армии Колчака в 1919 г. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3. № 2. С. 150–160.

6. Соловьев А.А. Земская интеллигенция верхнего Поволжья в деле создания общественных публичных библиотек во второй половине XIX – начале XX века // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 80–92.

7. Гордеев А.Г. Роль земских инструкторов в обеспечении деятельности волостного земского самоуправления в Белой Сибири на примере Алтайской губернии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 19–22.

8. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 1. Д. 3.

9. ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 144.

10. ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1703.

11. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 22.

12. ГАПК. Ф. Р–618. Оп. 1. Д. 6.

13. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 1. Д. 1.

14. ГАПК Ф. Р–746. Оп. 1. Д. 20.

15. ГАПК Ф. Р–618. Оп. 1. Д. 13.

Для цитирования: Тетерин В.И. Земские финансы Пермской губернии (июль 1918 – июль 1919 г.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 346–350.

© Тетерин В.И., 2023

**АКТОВАЯ ЗАПИСЬ О РОЖДЕНИИ
МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ТУХАЧЕВСКОГО:
К АНАЛИЗУ ИСТОЧНИКА**

Федотова Ирина Владимировна¹

¹ Исторический архив Омской области, Омск, Россия

¹ ivputintseva@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6268-4646

Аннотация: Биография военного и политического деятеля СССР М.Н. Тухачевского хорошо изучена отечественными и зарубежными исследователями, но ее отдельные эпизоды остались малоисследованными. В статье анализируется церковная актовая запись о рождении М.Н. Тухачевского, впервые приводится ее полный текст. По итогам исследования конкретизируется генеалогия семьи Тухачевских в конце XIX в., в том числе, уточняются даты бракосочетания родителей будущего полководца, рождения его старших брата и сестры.

Ключевые слова: М.Н. Тухачевский, Российская империя, дворянство, практическая генеалогия, история семейных отношений, метрические книги, актовые записи, социальная история.

К 130-летию М.Н. Тухачевского

Постановка проблемы. Личность и деятельность Маршала Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского (1893–1937), несмотря на пристальный интерес отечественных и зарубежных историков [1–5], изучена пока не в полном объеме. Неисследованные сюжеты имеются в каждом отрезке его биографии, в частности, на ее раннем этапе. Например, в историографии нет полной информации о месте и времени рождения, бракосочетания и смерти отдельных членов его семьи.

В данной статье на основе актовых записей из метрических книг московской церкви св. Феодора Студита, где крестились и венчались отдельные представители семьи Тухачевских в конце XIX в., уточняется информация о времени и обстоятельствах данных событий, что стало целью данного исследования. Актовая запись о рождении М.Н. Тухачевского упоминалась в работах его биографов [См., напр.: 6, С. 90, 92; 7, С. 43–44; 8, С. 38], но детально не анализировалась и не публиковалась в полном объеме.

Отметим, что практика использования церковных актовых записей как источника для исследований по социальной истории и практической генеалогии нашла обширный отклик в современной отечественной исторической науке [См., напр.: 9–13].

Теоретической основой данного исследования выступило сочетание антропологического подхода, историко-генетического, историко-сравнительного и историко-биографического методов, позволившее реконструировать семейную историю Тухачевских в конце 1880-х – 1890-х гг.

Основная часть. О родителях и раннем детстве будущего маршала известно из воспоминаний его сестер и других родственников, на которые в основном опираются биографы. В исследованиях подробно описаны детские годы Михаила Николаевича, отмечается необычность его происхождения (сын дворянина и крестьянки), дружность семьи Тухачевских, их высокая культура и любовь к детям, ранний интерес Михаила к военному делу [См. подр.: 14–20]. Известно, что М.Н. Тухачевский происходил из старинного дворянского рода. Впервые эта фамилия появилась в XV в., когда великий князь Василий II Темный пожаловал далекому предку советского полководца Богдану Григорьевичу деревню Тухачевский стан (под Коломной) вместе с селом Скорино и волостью Тухачевской в Московском уезде. По названию своих владений род получил фамилию [21, С. 7]. А свои корни Тухачевские вели от Индриса, сына графа Фландрии Балдуина IX из рода французских королей. По преданиям, Индрис стал родоначальником ряда российских дворянских родов – Толстых, Дурново, Васильчиковых и др. [См. подр.: 2, С. 150].

Но, несмотря на дворянское происхождение, отец будущего маршала, Николай Николаевич Тухачевский, выбрал себе жену «не своего круга». По воспоминаниям его дочери Ольги Николаевны, он «был прямой, чистый человек без всяких условностей и предрассудков. То, что он женился на крестьянке, говорит за то, что он не считался с мнением общества, в котором вращался» [22, Л. 27]. Но, другая дочь, Елизавета Николаевна, отмечала, что «в роду Тухачевских и раньше были примеры подобного «своеволия» [21, С. 7]. Родители М.Н. Тухачевского познакомились, когда Мавра – одна из дочерей деревенского кузнеца Петра Прохоровича Милохова (Милехова) – стала работать в Александровском (имении Тухачевских на Смоленщине), и там ее заметил Николай Николаевич [14, С. 12; 21, С. 7].

Согласно актовой записи в метрической книге церкви св. Феодора Студита¹ на Никитской в Москве (ныне – ул. Большая Никитская, д. 29), Николай Николаевич и Мавра Петровна обвенчались 14 июля (по старому стилю) 1896 г. [23, Л. 249об.–250]. Одним из поручителей по невесте был полковник М.Н. Балкашин, командир 4-го пограничного Заамурского пехотного полка – родственник Тухачевских [24, С. 64].

Упомянутый храм являлся и местом крещения первых трех родившихся детей Николая Николаевича и Мавры Петровны (всего в семье было 9 детей). Но четверо детей родилось до венчания родителей, то есть вне официального брака. Первенец Николай был рожден 30 августа (по старому стилю) 1889 г. [25, Л. 254об.–255]. Следующим ребенком стала дочь Надежда, рожденная 29 мая (по старому стилю) 1891 г. [23, Л. 11об.–12], а третьим 3 февраля

(по старому стилю) 1893 г. – родился Михаил [23, Л. 84об.–85]. Таким образом, Николай родился не в 1890 г., как традиционно указывается в литературе [1, С. 14], а в 1889 г.; Надежда родилась не в 1892 г., а в 1891 г.

Текстуально приведем актовую запись о рождении будущего полководца, которая имеет любопытные особенности (такие же, как аналогичные акты о рождении Николая и Надежды Тухачевских), отражающие семейную историю:

«Счет родившихся / Мужского пола	5
Месяц и день рождения / крещения	3 февраля / 5 марта
Имена родившихся	Михаил
Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания	Особа, не объявившая своего звания, имени, отчества и фамилии, православного вероисповедания. = Над зачеркнутыми в сей статье словами надписано на основании указа из Московской Духовной Консистории от 12 февраля 1896 года за № 1452-м. Крестьянская девица деревни Милохово, Вышегорской волости, Дорогобужского уезда, Смоленской губернии Мавра Петрова, православного исповедания, незаконно родившая. Сей указ приложен к копии метрической книги за 1889 год к статье о рождении Николая под № 24-м.
Звание, имя, отчество и фамилия восприемников	Врач Николай Александрович Краморев и вдова Надворного Советника Екатерина Иаковлевна Ауновская.
Кто совершал таинство крещения	Приходской священник Димитрий Померанцев с причтом».

Под актовой записью имеется поздняя помета: «Означенный в статье 5-й мужеска[го] пола Михаил по определению Смоленского окружного суда, состоявшемуся 23 августа 1896 года, узаконен потомственному дворянину Николаю Николаевичу Тухачевскому и жене его Мавре Петровой, вступившим в брак 14 июля 1896 года. Указ Московской Духовной Консистории от 8 октября 1896 года за № 9986–м».

Крестным отцом всех трех младенцев – Николая, Надежды и Михаила – стал Н.А. Краморев, практикующий врач «внутренних и женских болезней», который вел прием на Большой Никитской улице, при церкви Феодора Студита

[26, Столб. 13]. В фамилии крестной матери Надежды и Михаила, вдовы надворного советника Екатерины Яковлевны Ауновской, позже допустили искажение и стали писать ее как «Аутовская», например, в свидетельстве о рождении М.Н. Тухачевского, выданном 3 марта 1912 г. [1, С. 15].

Традиционно считается, что старшие дети четы Тухачевских (Николай, Надежда, Михаил и Александр) родились в уже упомянутом выше имении Александровском Вышегородской волости Дорогобужского уезда Смоленской губернии (ныне – Сафоновский район Смоленской области) [См. напр.: 17, С. 5]. Но А.С. Попов утверждал, ссылаясь на актовую запись в метрической книге: «М.Н. Тухачевский родился 3 февраля 1893 года в Москве. В официальных документах он писал, что родился в Смоленской губернии. Документом, подтверждающим место рождения М.Н. Тухачевского, является актовая запись в метрической книге московской Феодоро Студитского церкви» [28, С. 1].

Не исключено, что Михаил Николаевич мог родиться в Александровском, где прошло его раннее детство, но был привезен для крещения в Москву, где уже крестили его старших брата и сестру и позже обвенчались родители. Полагаем, что вопрос о месте рождения полководца пока остается открытым [7, С. 43]. В послужном списке в апреле 1919 г. он писал о дате и месте своего рождения: «16 февраля (нов.[ый] ст.[иль]) 1893 г. Смоленск» [28, Л. 1об.]. Таким образом, Тухачевский считал себя по рождению смолянином, о чем писал в официальных документах [7, С. 44], не акцентируя факт рождения в дворянском имении. Курьезно, но позже, в 1921 г., вероятно по месту рождения, в учетной карточке национальность М.Н. Тухачевского была указана как «белорус» [28, Л. 13].

Исходя из особенностей перевода дат XIX в. со старого на новый стиль, днем рождения Михаила Николаевича надо считать 15 февраля, но своим днем рождения, по-видимому, он считал 16 февраля, возможно, по семейной традиции. Не исключено, что произошла ошибка в указании даты рождения (не 3, а 4 февраля), связанная с тем, что священник не сразу внес записи в метрическую книгу [29, С. 164]. Сейчас в историографии можно встретить различные варианты написания дня рождения маршала: «3/15» февраля, «4/16 февраля», «3/16 февраля».

Возникает вопрос, почему Николай Николаевич и Мавра Петровна не заключили официальный брак до рождения детей? По воспоминаниям сестер, Николай Николаевич был убежденным атеистом, и мог не придавать значения церковным ритуалам [22, Л. 27]. Но когда возникла необходимость позаботиться о будущем детей (образовании, карьере), он подчинился действующим правилам (официальным тогда считался только церковный брак). Вероятно, Н.Н. Тухачевский решил узаконить свой фактический брак, так как не исполнял на тот момент общественных обязанностей, требующих быть «на виду» и не «портить» биографию семейным союзом с представительницей непривилегированного сословия. По неподтвержденным сведениям, именно по этой причине

двоюродный брат Н.Н. Тухачевского, известный земский деятель Смоленской губернии Александр Михайлович Тухачевский так и не вступил в церковный брак с крестьянкой Лукерьей Семеновой, с которой имел четверых детей [30, С. 35].

Поведение Н.Н. Тухачевского укладывалось в нормы изменившихся во второй половине XIX в. семейных отношений. Тогда пошатнулись традиционные дворянские семейные устои: все меньшую роль в организации брака играли родители будущих супругов; в дворянской среде стал встречаться все чаще, как единственно допустимый, брак по любви. Постоянно увеличивалось количество дворян, формально не вступивших в брак, но фактически имевших брачные отношения [31, С. 25–26].

Но, несмотря на подобный «правовой нигилизм», Н.Н. Тухачевский все же прибегнул к процедуре узаконения старших детей, регламентированной законом 1891 г. «О детях узаконенных и усыновленных». Процедуру узаконения осуществлял окружной суд, куда отец и мать подавали вместе с соответствующим прошением метрические свидетельства о рождении детей и о заключении брака, а также подписку о том, что дети происходят от них. После судом выносилось определение об узаконении, предоставлявшее детям права законных со дня венчания родителей [32, С. 60–61].

Так как в актовых записях о рождении детей изначально отсутствовала информация о матери, появляется указ из Московской Духовной Консистории, на основании которого записи дополняются сведениями о Мавре Петровне: «Московская Духовная Консистория предписывает <...> означить в копии метрической книги Феодоро-Студитской, что за Никитскими воротами церкви за 1889, 1891 и 1893 годы в записях: под № 24 о рождении Николая, под № 13 о рождении Надежды и под № 5 от рождении Михаила в графе о родителях [:] крестьянская девица деревни Милохово, Вышегорской волости, Дрогобужского уезда, Смоленской губернии, Мавра Петрова, православного исповедания, незаконно родившая. Февраля 12 дня 1896 года» [25, Л. 254а–254а об.].

После венчания родителей в актовые записи внесли данные об отце. По Указу Московской Духовной Консистории от 8 октября 1896 г. № 9986, последовавшему после определения Смоленского окружного суда 23 августа 1896 г., Николай, Надежда и Михаил были узаконены «потомственному дворянину Николаю Николаевичу Тухачевскому и жене его Мавре Петровой, вступившим в брак 14 июля 1896 года» [23, Л. 11об.-12, 84об.-85; 25, Л. 254об.–255]. М.Н. Тухачевскому было выдано свидетельство о рождении на основании определения Смоленского окружного суда с опорой на откорректированную запись в метрической книге: «он родился 3 февраля тысяча восемьсот девяносто третьего года, родители его: Потомственный дворянин Николай Николаевич Тухачевский и законная жена его Мавра Петровна, вероисповедания оба православные, первобрачные <...>» [1, С. 13, 15, 22].

31 июля 1901 г. Михаил Николаевич, определением Смоленского дворянского депутатского собрания, был «причислен к роду отца его Николая Николаевича Тухачевского, внесенному во вторую часть родословной книги...» [1, С. 14, 24]. Поясним, что «во вторую часть родословной книги» дворянства Смоленской губернии вносилось военное дворянство [33]. Действительно, многие представители рода Тухачевских посвятили свою жизнь военной службе, и М.Н. Тухачевский, вопреки желанию отца, последовал их примеру. Биографы маршала полагают, что изначальная «незаконнорожденность» в рамках сословных традиций причиняла Михаилу Николаевичу психологический дискомфорт, а «мезальянс» отца – ощущение «худородности». Из этой двойственности происхождения, в качестве компенсации, возник подчеркнутый аристократичный стиль поведения и интерес к предкам со стороны отца, хотя всю жизнь Михаил Николаевич очень любил мать, в его семье Мавра Петровна жила до рокового 1937 г. [1, С. 14; 2, С. 142-143, 149].

Полукрестьянское происхождение могло закрыть путь для военной службы в элитных армейских частях. Возможно поэтому, после окончания Александровского военного училища М.Н. Тухачевский выбрал для службы лейб-гвардии Семеновский полк, который уступал Преображенскому по родовитости офицеров. Но в этом полку ранее служили другие представители семьи Тухачевских, так что выбор полка мог быть обусловлен и семейными традициями [2, С. 138–140]. Советские историки не оговаривали первичную «незаконнорожденность» М.Н. Тухачевского, «не учитывая» по идеологическим причинам религиозные традиции. Современных же исследователей больше интересует генеалогическая двойственность происхождения М.Н. Тухачевского, ее влияние на формирование личности полководца, репрезентацию его образа [2; 24], но не сам факт позднего заключения брака его родителями, хотя имеются заключения [1; 19].

Результаты исследования. Прделанное исследование подчеркивает обязательность выявления и изучения актовых записей при проведении биографических исследований. В рассмотренном случае анализ источника с учетом наработок историографии помог проследить и интерпретировать механизм «юридического оформления» семьи будущего прославленного советского полководца. В частности, на основе официальных репрезентативных неопубликованных источников конкретизированы дата заключения брака между родителями М.Н. Тухачевского и даты рождения его старших брата и сестры. При этом, удалось избежать излишнего акцентирования внимания на частной жизни Николая Николаевича и Мавры Петровны Тухачевских. Это имеет большую важность в текущий момент историографии для того, чтобы не допустить искажений истории на почве практической генеалогии и противодействовать конструированию новых «черных мифов».

Примечания

¹ Храм относился к Никитскому сорóку г. Москвы (сорóк – церковно-административная единицы Москвы в XVI – начале XX вв.

Список источников и литературы

1. Кантор Ю.З. Михаил Тухачевский. Портрет на фоне эпохи. М.: РОССПЭН, 2021. 471 с.
2. Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. 640 с.
3. Шилов Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: Центрполиграф, 2014. 716 с.
4. Butson T.G. The Tsar's Lieutenant. The Soviet Marshal. New York: Praeger Publishers, 1984. 281 p.
5. Lastours S. Toukhatchevski, le bâtisseur de l'Armée rouge. Paris: Albin Michel, 1996. 336 p.
6. Шабанов В.М. В свой полк из плена через шесть границ // Военно-исторический журнал. 1996. №5. С. 90–92.
7. Левитин М. Смоленские годы Тухачевского // Край Смоленский. 2003. № 1–2. С. 43–59.
8. Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 38–60.
9. Панюкова Т.В. Крестники Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3. С. 240–269.
10. Петин Д.И. Генеалогия омского рода Батюшкиных первой половины XIX в. по церковным актовым записям // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 58–64.
11. Сушко А.В., Петин Д.И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2021. № 103. С. 78–98.
12. Черепанов А.В. Генерал армии Иван Черняховский: семь колен прославленного рода // Военно-исторический журнал. 2021. №3. С. 75–78.
13. Шилов Д.Н. Когда родился Константин Петрович Победоносцев? (замечки о методике биографического исследования) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 53–63.
14. Годорский А.И. Маршал Тухачевский. М.: Политиздат, 1963. 93 с.
15. Никулин Л.В. Тухачевский. Биографический очерк. М.: Воениздат, 1964. 200 с.
16. Иванов В.М. Маршал М.Н. Тухачевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1990, 320 с.

17. Горелик Я.М. Маршал М.Н. Тухачевский. Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пенз. отд-е), 1986. 104 с.
18. Щетинов Ю.В., Старков Б.А. Красный маршал: исторический портрет Михаила Тухачевского. М.: Молодая Гвардия, 1990. 303 с.
19. Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Огонек; Время, 2005, 576 с.
20. Соколов Б.В. Тухачевский. Серия «Жизнь замечательных людей». Вып. 1304 (1104). М.: Молодая гвардия. 2008. 447 с.
21. Чечин О. Маршал и скрипка (интервью с Е.Н. Тухачевской) // Кругозор. 1988. № 8. С. 7.
22. Воспоминания А. Волковой-Завьяловой, А.Н. Духова, О.Н. Тухачевской о М.Н. Тухачевском. 1962 г. // РГАЛИ. Ф. 350. Оп. 3. Д. 89.
23. ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 776. Д. 1144.
24. Минаков С.Т. Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина. М.: Алгоритм, 2016. 526 с.
25. ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 776. Д. 1143.
26. Алфавитный список практикующих врачей // Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1893 год. Столб. 1–34.
27. Попов А.С. Труд, талант, доблесть. М.: Политиздат. 1972. 112 с.
28. Коллекция послужных списков и личных дел командно-начальствующего состава РККА. М.Н. Тухачевский // РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 26.
29. Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII – начала XX вв. М.: РГГУ, 2006. 194 с.
30. Иванова Е. Александр Тухачевский и его вклад в развитие Смоленщины // Край Смоленский. 2012. № 12. С. 33–36.
31. Верременко В.А. Российская семья второй половины XIX – начала XX в.: этапы модернизации // Царскосельские чтения. 2016. № XX. Т. 1. С. 25–29.
32. Верременко В.А. Из истории дворянского узаконения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2009. Т. 4. № 1. С. 52–63.
33. Список дворянских родов, внесенных в родословные дворянские книги Смоленской губернии: сост. в 1897 г. Смоленск : Смолен. дворян. депут. собр., 1897. 82 с.

Для цитирования: Федотова И.В. Актовая запись о рождении Михаила Николаевича Тухачевского: к анализу источника // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 351–358.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТУХАЧЕВСКИЙ И ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ

Фельдман Павел Артемович¹

¹ независимый исследователь, Ноф-ха-Галиль, Израиль

Аннотация: Пензенские страницы биографии советского военного деятеля М.Н. Тухачевского не раз привлекали внимание исследователей. В то же время остаются отдельные лакуны, требующие восполнения и обобщений. Цель работы – устранить, насколько это возможно, данный пробел, рассмотрев советский и постсоветский опыт коммеморативных практик в отношении исторической фигуры маршала на территории Пензенской области.

Ключевые слова: историческая память, РККА, М.Н. Тухачевский, Гражданская война, Пензенская губерния, Каменка, краеведение, коммеморация, памятник, мемориальная доска.

К 130-летию М.Н. Тухачевского

Постановка проблемы. С распадом СССР деятельность многих представителей советского времени подверглась переосмыслению, иногда – в рамках «гиперкритицизма». Не стал исключением Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский. И, хотя за последнее 20 лет появились монографии, посвященные его биографии и профессиональной деятельности, вносящие новое знание к его жизнеописанию, а также опровергающие распространенные мифы о нем [См., напр.: 1–4], в массовом сознании остаются весьма запутанные представления о М.Н. Тухачевском. Зачастую, подобное искажение биографии полководца идет от средств массовой информации [См. об этом: 5, 6]. Бытование различных мифов ставит перед историками задачу детального изучения различных эпизодов биографии маршала, иногда проводимых в рамках краеведческих практик. В частности, в этой работе мы обратимся к пензенскому периоду жизни М.Н. Тухачевского и его семьи.

Основная часть. В 1870-х гг. Михаил Александрович Тухачевский – двоюродный дед М.Н. Тухачевского, поселился в окрестностях реки Большой Чембар. Сюда, в с. Вражское Чембарского уезда Пензенской губернии, в 1896 г., приехала Софья Валентиновна Тухачевская (урожденная Гаспарини), а затем, в 1898 г. – и семья ее сына Николая Николаевича Тухачевского. В трех верстах от села он построил одноэтажный дом на хуторе, получившим название по фамилии владельцев [7, С. 269]. Здесь в семье Николая Николаевича и Мавры Петровны (урожденной Милоховой) Тухачевских к их старшим детям – Николаю, Надежде, Михаилу и Александру – родившимся на Смоленщине, прибавились еще трое детей – Мария, Александр и Николай.

вилось еще пятеро детей – Игорь, Софья, Ольга, Елизавета и Мария [8, С. 5]. «С Пензенским краем связаны мои золотые годы детства и юности», – позже вспоминал Михаил Николаевич [8, С. 1].

Тухачевские жили в доме бабушки, Софьи Валентиновны, где дети получали начальное домашнее образование у нее и преподавателя Золотова. В изучении языков им помогала Софья Валентиновна. Она в совершенстве владела французским и немецким языками, играла на рояле, подаренном ей композитором А.Г. Рубинштейном. Бабушка (по другим данным – отец Н.Н. Тухачевский) возила Михаила и его братьев в Ясную Поляну к Л.Н. Толстому, с которым Софья Валентиновна состояла в родстве. Она переписывалась с И.С. Тургеневым и Полиной Виардо. Ранее декабрист И.Н. Горсткий (1798–1877) – общественный и театральный деятель, был соседом (владел соседним имением Голодяевка) и завсегдаем во Вражском. Также С.В. Тухачевская поддерживала добрососедские отношения с А.А. Ясинским – художником, жившим в Голодяевке. Сам Михаил Тухачевский навещал Тарханы – колыбель лермонтовской поэзии, расположенную вблизи имения Тухачевских. Будущий маршал мастерил скрипки, играл на рояле, ставил домашние спектакли. Михаил Тухачевский учился с 1904 по 1909 гг. в 1-й Пензенской мужской гимназии (ныне – Пензенская классическая гимназия № 1 им. В.Г. Белинского), хотя и постоянно просил отца перевести его для обучения в кадетский корпус. Большое влияние на него оказывали жившие по соседству М.А. Тухачевский – двоюродный дед, отставной генерал, и М.Н. Балкашин – племянник отца, полковник. Чтобы развить силу воли, стойкость и характер, Михаил упорно занимался гимнастикой, борьбой, конным и силовыми видами спорта.

Мечта Михаила о военном образовании сбылась, когда большая семья Тухачевских переехала в Москву. Он прошел обучение в 1-м Московском Императрицы Екатерины II кадетском корпусе в Лефортово (1911–1912 гг.) и престижном Александровском военном училище (1912–1914 гг.), окончив его накануне Первой мировой войны. Подпоручик Тухачевский в составе лейб-гвардии Семеновского полка принял активное участие в боях, о чем свидетельствует получение им за короткий срок пяти орденов и представление к шестому [9, С. 90]. Осенью 1917 г. после удачного побега из германского плена, Михаил Николаевич через станцию Белинская вернулся к семье на хутор, в родной дом. В 1918 г. в Пензе он женился на дочери машиниста Пензенского депо Марии Владимировне Игнатъевой [10, С. 231–232].

В период Гражданской войны М.Н. Тухачевский не раз бывал на пензенской земле. 16 июля 1918 г. он прибыл в Пензу для организации мобилизационной работы, которая дала кадрам РККА 1065 офицеров разных родов войск. Из них 465 человек были отправлены в 1-ю армию, а 510 – в Пензенскую пехотную дивизию [11, С. 9].

27 апреля 1921 г. М.Н. Тухачевский, по инициативе В.И. Ленина, был назначен командующим войсками Тамбовской губернии и приступил к решительному подавлению крестьянского восстания под руководством А.С. Антонова. Тухачевский должен был ликвидировать «антоновщину» за месяц [12, С. 100]. Также он был введен в состав полномочной комиссии ВЦИК, возглавляемой председателем Тамбовского губернского исполкома В.А. Антоновым-Овсеенко. Эта комиссия проводила мероприятия для скорейшей ликвидации восстания [8, С. 50]. В июле 1921 г. М.Н. Тухачевский доложил руководству о завершении разгрома «антоновцев». Вопреки распространенным стереотипным представлениям, сделать это удалось не при помощи «удушающих газов». Всего зафиксировано три обстрела лесных массивов, где укрывались повстанцы, снарядами, заряженными слезоточивым газом, причем их было заведомо недостаточно для создания поражающего эффекта [4, С. 358, 373]. Конец «антоновщине» положили умелые действия кавалерийской бригады Г.И. Котовского, сводной кавалерийской группы, усиленной автобронеполками, под командованием И.П. Уборевича [8, С. 52–53] и других подчиненных М.Н. Тухачевского, а также сочетание репрессивных (концлагеря и система заложничества появились в Тамбовской губернии до М.Н. Тухачевского) и поощрительных мер (например, амнистия добровольно сдавшимся повстанцам) [5, С. 308–310; 13, Л. 44].

Родной М.Н. Тухачевскому Чембарский уезд, где на родовом хуторе жила его мать, брат Николай, сестры Софья, Мария и Елизавета, подвергался опасности вторжения восставших из Кирсановского уезда Тамбовской губернии. «Антоновцы» находились непосредственной близости к с. Вражское, желая расправиться с семьей Михаила Николаевича. Мать полковника, Мавра Петровна, будучи решительной женщиной, наотрез отказывалась покидать Вражское, но местные крестьяне убедили ее переехать в уездный центр [8, С. 51–52]. Желание защитить семью стало, на наш взгляд, одной из причин активных действий М.Н. Тухачевского при ликвидации восстания.

К тому времени в семье Тухачевских уже умерла бабушка Софья Валентиновна, в 1914 г. скончался отец, Николай Николаевич, и дети – Надежда и Игорь. Их похоронили в фамильном склепе в с. Вражское. Это склеп местные крестьяне решили приспособить под хранение керосина, осквернив тем самым захоронение близких Михаилу Николаевичу людей. Он прилетал на самолете во Вражское, но наказаний не применил. Мать, Мавру Петровну, он в 1928 г. забрал к себе.

В 1937 г. маршал Тухачевский побывал на родной земле при трагических обстоятельствах. В мае этого года он лишился поста заместителя народного комиссара обороны СССР и был отправлен в Куйбышев (ныне Самара) командовать войсками ПриВО, что было явным признаком опалы. М.Н. Тухачевский

был арестован в Куйбышеве 22 мая 1937 г. по сфабрикованным обвинениям и отправлен в Москву для следствия и суда. Таким образом, он дважды проезжал через станции Белинская и Пенза в Куйбышев и обратно. Это были его последние дни пребывания на Пензенской земле [См. подр.: 14].

После реабилитации маршала, последовавшей 31 января 1957 г., его имя стало возвращаться в историческую память, в том числе, и в родных ему краях. Бюст М.Н. Тухачевского появился в г. Каменка Каменского района Пензенской области. Именно здесь М.Н. Тухачевский формировал 1-ю армию Восточного фронта летом 1918 г.; каменский гарнизон влился в нее. Этот бюст скульптор Сидоров выполнил по заказу И.Н. Рязанова, который установил его на площади села Головинщино в 1975 г. Но вскоре, по приказу районного руководства, бюст был снят с пьедестала. «Сбросили его в овраг, а татарские ребята вытащили бюст, привезли на склад в Кочалейке и накрыли красным материалом» [15, С. 184]. Его подобрал жители с. Кочалейка, передав автору этих строк, который перевез его в воинскую часть для защиты и реставрации. Командование воинской части установило его в 1980 г. перед зданием штаба (в/ч 30785, с 1997 г. – 92-я бригада РВСН, в 2012 г. передислоцирована из Каменки в село Тоцкое Оренбургской области). Ныне памятник (сохранился в удовлетворительном состоянии) стоит на заброшенной территории, более века принадлежавшей военным. В преддверии 95-летия полководца, группа сотрудников библиотеки г. Каменка выступили в местной прессе с инициативой открытия памятнику Тухачевскому [16]. Бюст Тухачевского в одноименном поселке Каменского района Пензенской области был установлен в 1988 г. на месте, где располагался дом семьи будущего маршала. На открытии мемориала присутствовала Нина Степановна – внучка полководца. Среди собравшихся был внук знаменитого ученого и революционера П.К. Штернберга (в 1919 г. член РВС Восточного фронта, куда входила 5-я армия под командованием Тухачевского, нанеся поражение войскам А.В. Колчака в Сибири). Также присутствовали А.П. и П.А. Фельдманы, внесшие свой вклад в увековечивание памяти Тухачевского на каменской земле. Сейчас памятник хотя и сохранился, но, к сожалению, находится в очень плохом состоянии. В поселке единственная улица названа в честь знаменитого земляка. В городах Каменка, Белинский, Кузнецк и иных населенных пунктах Пензенской области также есть улицы имени Тухачевского.

В 1957 г., после долгого забвения нескольких поколений знаменитого рода Тухачевских, Второе отделение Конного завода № 26 «Завиваловский» переименовали в поселок Тухачевский. Отметим, что во время переписи населения 2010 г. этот населенный пункт показан как Второе отделение (усеченное наименование поселка 2-го отделения совхоза «Завиваловский») [7, С. 270]. Из других форм коммеморативных практик в отношении полководца следует от-

метить проведение традиционных лыжных соревнований «на приз Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского» в 1980-е гг. [См., напр.: 17].

В Пензе улица Вокзальная в феврале 1966 г. была переименована в улицу Тухачевского. Через 10 лет в этом городе появилась мемориальная доска в память о М.Н.Тухачевском, работы скульптора Н.П. Куканова, на доме № 22 по ул. Московская (ранее дом был поставлен на местную государственную охрану решением Пензенского облсполкома). Она была установлена в октябре 1977 г. Считается, что в этом доме жил будущий маршал, когда учился в гимназии. Но биограф полководца Я.М. Горелик указывал, что в Пензе семья Тухачевских снимала квартиру на Верхней Пешей улице (ныне ул. Куйбышева), где собирались его друзья-гимназисты. В итоге, вопрос о месте проживания М.Н. Тухачевского в Пензе в юношеские годы требует прояснения [18, С. 123].

В здании Пензенской классической гимназии № 1 им. В.Г. Белинского, в котором размещалась 1-я Пензенская мужская гимназия, где учился М.Н. Тухачевский, его портрет экспонируется в галерее выдающихся выпускников. А в музее гимназии представлена скрипка, изготовленная его руками.

Автором статьи в 2002 г. был разработан буклет о маршале в серии «Каменковедение». Сейчас администрация Каменского района проводит ряд мероприятий по сохранению объектов, связанных с М.Н. Тухачевским.

Результаты исследования. Пензенские годы стали временем становления личности М.Н. Тухачевского. На протяжении всей жизни полководец был так или иначе связан с пензенской «малой Родиной» (это утверждение справедливо и для его «первой Родины» – Смоленщины). В 1957–1988 гг. в Пензенской области были проведены, пусть и не всегда гладко, акции по увековечиванию его памяти. Но в постсоветское время образ М.Н. Тухачевского вновь претерпел изменения [19], и произошел определенный процесс «демемориализации», причиной чему стало «пополнение» набора неверных представлений о М.Н. Тухачевском, как в историческом, так и в общественном сознании. Большинство «черных мифов» уже опровергнуто академическими специалистами [См., напр.: 4–6, 20–22]. Тем не менее, активная трансляция этих заблуждений привела к тому, что личность и деятельность маршала начали воспринимать в большей степени негативно, а объекты, созданные для увековечивания его памяти, оказались в общественном и хозяйственном забвении. Мы уже писали о плачевном состоянии бюста маршала в пос. Тухачевский. Отметим, что подобные ситуации и «битвы за память» характерны и для других городов России, например, для Омска, где объектом споров стала (парадокс!) историческая фигура военного антагониста М.Н. Тухачевского – адмирала А.В. Колчака [23]. В то же время, в Омске за текущее трехлетие сделано немало для трансляции правдивого исторического образа маршала [См., напр.: 24]. Возвращаясь к вопросу увековечи-

вания памяти М.Н. Тухачевского, добавим, что в советский период краеведческий способ фиксации знаний об этом историческом деятеле показал себя на примере Пензенского региона достаточно успешно, и продолжает реализовываться в последние десятилетия.

Список источников и литературы

1. Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Издательский дом «Огонек»; «Время», 2005. 576 с.
2. Кантор Ю.З. Михаил Тухачевский. Портрет на фоне эпохи. М.: РОССПЭН, 2021. 471 с.
3. Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. 635 с.
4. Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: Центрполиграф, 2014. 716 с.
5. Федотова И.В., Паслён В.В. «Черные мифы» о Тухачевском в постсоветский период // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы IV междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 20–21 окт. 2021 г.). Омск: ОмГТУ. С. 307–315.
6. Федотова И.В. Мифологизация образа М.Н. Тухачевского в современном документальном отечественном кино // Сибирский архив. 2022. № 2. С. 152–170.
7. Полубояров М.С. Пос. Второе отделение (Тухачевский, Михайловка) // Весь Пензенский край: Историко-топографическое описание Пензенской области. М.: ООО «САМ полиграфист», 2016. С. 269–270.
8. Горелик Я.М. Маршал М.Н. Тухачевский. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1986. 104 с.
9. Шабанов В.М. В свой полк из плена через шесть границ. Новые документы о М.Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 90–92.
10. Дворжанский А.И., Шишкин И.С. Топонимика Пензы. История пензенских улиц. Улица Троицкая. М.: Локус Станди, 2012. 460 с.
11. Балакшин А.Б. Мальчишки в шинелях (кадеты, «спецы», суворовцы, нахимовцы). Часть II: «спецы». Пенза, 2011. 120 с.
12. Самошкин В.В. Антоновское восстание / Исследования новейшей русской истории. М.: Русский путь. 2005. Вып. 9. 360 с.
13. РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13.
14. Савин О.М. Маршал Тухачевский // «Дело производством прекращено...» (Документальные очерки). Пенза: Пензенский гос. объедин. краевед. музей, 1991. С. 138–143.

15. Назаров А. Собирая минувшую Русь. Фотоальбом. Ч. 1: Башмаковский, Бековский, Белинский, Бессоновский, Вадинский, Городищенский, Земетченский, Иссинский, Каменский районы. Пенза, 2021. 185 с.

16. Келейникова Ф., Оскина В. Ермолаева В., Сергунина О. Памятник М.Н. Тухачевскому // Каменское знамя. 1988. 4 февр. С. 4.

17. Володин В. На приз Маршала Тухачевского // Каменское знамя. 1987. 3 марта. С. 4.

18. Дворжанский А.И., Шишкин И.С. История пензенских улиц: топонимика Пензы. Кн. 2: Улица Московская. Пенза: Айсберг 2012. 495 с.

19. Федотова И.В. Образ М.Н. Тухачевского в советской англоязычной прессе (по материалам изданий The Moscow News и The Moscow Daily News) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 169–180.

20. Черушев Н.С. 1937 год: элита Красной армии на Голгофе. М.: Вече, 2003. 540 с.

21. Черушев Н.С. 1937 год. Был ли заговор военных? М.: Вече, 2018. 575 с.

22. Федотова И.В. К вопросу об основных пунктах «обвинения» против Маршала Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского // Научные чтения памяти академика В.П. Глушко: Мат–лы второй общерос. науч.-практ. конф. СПб: Инфо-да, 2021. С. 19–34.

23. Сушко А.В., Петин Д.И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А.В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17.

24. Федотова И.В. Историко-документальный выставочный проект к 130-летию со дня рождения М.Н. Тухачевского в Историческом архиве Омской области // Сибирский архив. 2023. № 2. С. 119–148.

Для цитирования: Фельдман П.А. Михаил Николаевич Тухачевский и Пензенский край // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 359–365.

© Фельдман П.А., 2023

НАГРАДЫ А. В. КОЛЧАКА И ЕГО РОЛЬ В РЕОРГАНИЗАЦИИ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Филимонов Александр Викторович ¹

¹ Омский государственный историко-краеведческий музей, Омск, Россия

¹ aleks.filimonoff@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2333-9685

Аннотация: В статье на основе ряда современных исследований и протоколов допроса А.В. Колчака выявляются особенности получения им наград в период военно-морской службы и деятельности по изменению наградной системы в период Гражданской войны. Анализ карьерной биографии Колчака приводит к выводу о том, что многие награды были получены им не за выслугу лет, а за личные военные подвиги и научные открытия. Наградная система белой Сибири предусматривала отмену нововведений Временного правительства, отказ от отдельных элементов старой имперской системы и введение новых наград, соответствующих обстоятельствам.

Ключевые слова: военная антропология, А.В. Колчак, награды, наградная система, белое движение, Гражданская война, фалеристика.

Постановка проблемы. Уже более века фигура А.В. Колчака – одна из наиболее дискуссионных личностей истории России. Столь высокий интерес к его биографии доказывает постоянное появление новых работ научного и публицистического характера, где вводятся в оборот неопубликованные источники, пересматриваются прежние, приводятся неизвестные ранее факты, даются новые оценки событий [1]. В фокус внимания историков попадали разные стороны жизни этого деятеля: научная, военная и политическая деятельность, взгляды, окружение и др. Но многие сюжеты по-прежнему слабо представлены в историографии и требуют подробной разработки. Один из таких аспектов, с помощью которого можно проиллюстрировать основные этапы биографии Колчака – его наградной список.

Основная часть. Успешно окончив в 1894 г. Морской кадетский корпус Колчак был произведен в мичманы. В марте 1895 г. он был назначен для занятий штурманским делом в Кронштадтскую морскую обсерваторию, а затем определен вахтенным офицером на недавно построенный броненосный крейсер «Рюрик». Колчак увлекся тогда научным изучением Тихого океана, особенно его северной части – Охотского и Берингова морей. В 1896 г. он получает первую награду – медаль «В память царствования императора Александра III». Этот факт мало что говорит о личности и заслугах молодого офицера: такая награда предназначалась для всех, кто состоял на государственной службе в царствование покойного императора.

В 1897 г. Колчак был направлен на клипер «Крейсер» для обучения боцманов и унтер-офицеров. Это время он использовал, в том числе, для наблюдений над течениями Японского и Желтого морей, которые затем были опубликованы в столичном журнале «Записки по гидрографии» [2, С. 17]. Колчак следил за подготовкой в Академии наук проекта Русской полярной экспедиции, руководителем которой, был назначен известный исследователь Э.В. Толль. Не получив осенью 1899 г. определенного ответа на свою просьбу принять участие в походе, он отправился к иному месту службы – на броненосец «Петропавловск». Новая возможность представилась быстро. Ознакомившись с научными работами молодого лейтенанта, Толль решил привлечь его к экспедиции на шхуне «Заря». В конце 1899 г. Колчак принял предложение исследователя, будучи временно переведен с военной службы в распоряжение Императорской Академии наук [3, С. 34]. Этим объясняется значительная задержка в получении очередного чина и отсутствие наград в последующие несколько лет. В то же время, произошедшие перемены способствовали раскрытию научно-исследовательского таланта Колчака.

Он по предложению начальника экспедиции взял на себя руководство гидрологическими работами и обязанности помощника магнитолога, для чего прошел подготовку в Петербурге и Норвегии [4, С. 44–46], а в самом походе также вел топографические и другие научные работы. Его энергию и научные заслуги отметил Э.В. Толль в донесении президенту Академии наук [3, С. 35]. В начале декабря 1902 г. после значительных трудностей, возникших в ходе путешествия, часть членов экспедиции, включая Колчака, вернулась в Петербург. Оставалась неизвестной судьба 2-х групп, которых не удалось забрать на обратном пути. Колчак лично подготовил и осуществил план санно-шлюпочного похода за группой Толля, отправившегося исследовать о. Беннета [5, С. 145]. Несмотря на то, что найти пропавших участников экспедиции не удалось, Колчак, за 1903 г. проведя ряд новых исследований, успешно вернулся, не потеряв ни одного члена своей спасательной команды.

Трехлетняя научная деятельность молодого офицера в Русской Арктике была заслуженно отмечена. 6 декабря 1903 г. за участие в Русской полярной экспедиции он был по представлению Академии наук награжден орденом Св. Владимира 4-й ст., обычно присуждавшимся за боевые заслуги (большую выслугу лет) и дававшим право на личное дворянство [2, С. 29]. В 1906 г. А.В. Колчак за участие в экспедиции и спасательном походе и представленный о них отчет был избран действительным членом Императорского Русского географического общества, получив его высшую награду – Большую Константиновскую золотую медаль [3, С. 44]. Это решение свидетельствовало о высокой оценке научным сообществом северных путешествий Колчака: до него этой медали удостоивались лишь несколько знаменитых полярников.

После возвращения из спасательного похода за группой Э.В. Толля в Якутск в январе 1904 г., А.В. Колчак в связи с началом Русско-японской вой-

ны сразу же попросил о своем обратном переводе из Академии наук в Морское ведомство и направился на Дальний Восток в Порт-Артур. Через месяц после прибытия он был назначен командиром миноносца 2-го разряда «Сердитый». Несмотря на то, что данный тип судов был предназначен не для активного ведения боевых действий, а лишь для сопровождения и патрулирования гавани, Колчак сумел успешно осуществить несколько опасных заданий. В частности, он содействовал установке минных заграждений судном «Амур», а позднее лично поставил банки, на которых затонул японский крейсер «Такасаго» [6, С. 20]. После перехода основных боевых действий на сушу, Колчак в октябре 1904 г. был переведен на командование батареей артиллерийской позиции капитана А.А. Хоменко. До сдачи Порт-Артура Колчак успешно отражал атаки японской пехоты, ведя записки опыта артиллерийской стрельбы. После ранения он попал в госпиталь, был эвакуирован японцами в Нагасаки и в июне 1905 г. после освобождения из плена вернулся в Петербург.

Период Русско-японской войны стал одним из самых активных в наградном списке А.В. Колчака. За охрану морского прохода в Порт-Артур и другие операции в период командования «Сердитым» 15 ноября 1904 г. он был награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». По правилам тех лет подобные надписи наносились на награды, полученные за военный подвиг. Участие лейтенанта в сухопутной обороне Порт-Артура было отмечено 12 декабря 1905 г. Георгиевским оружием (золотой саблей с надписью «За храбрость») и орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами (что тоже свидетельствовало о военном подвиге владельца). В 1906 г. Колчаку была вручена серебряная медаль «В память русско-японской войны», а в 1914 г. к десятой годовщине обороны Порт-Артура он был награжден соответствующим нагрудным знаком [3, С. 42; 4, С. 171].

В межвоенный период Колчак вел весьма активную научную деятельность в составе Академии наук и Императорского Русского географического общества, занимаясь обработкой и публикацией материалов полярных экспедиций. Параллельно с этим он принял активное участие в работе по подготовке к модернизации военно-морского флота России в составе Морского генштаба. С отменой «морского ценза», затруднявшего продвижение молодых офицеров по службе, в 1907 г. Колчак получил чин капитан-лейтенанта, а также мечи и бант к имевшемуся за Русскую полярную экспедицию ордену Св. Владимира 4-й ст. [7, С. 90]. После временного выхода из состава Морского генштаба Колчак в августе–октябре 1910 г. принял участие в Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, а 6 декабря того же года получил орден Св. Анны 2-й ст. – одну из немногих его невоенных наград [3, С. 51].

В начале 1910-х гг. Колчак работал над судостроительной программой, преподавал, а затем был назначен на службу в Балтийском флоте, за несколько лет дойдя до руководящих должностей начальника Оперативного отдела Штаба командующего морскими силами и флаг-капитана по оперативной части.

В июле 1914 г. он был награжден французским орденом Почетного легиона в связи с приездом в Россию президента Р. Пуанкаре [4, С. 217]. Так, очередное отличие Колчака оказалось связано с укреплением союза Франции и России накануне нараставшего всеевропейского конфликта.

После начала Первой мировой войны Колчак находился в штабе командующего Балтийским флотом Н.О. Эссена, разрабатывая планы различных операций против военно-морских сил Германии. В феврале 1915 г. Колчак принял командование специальной минной дивизией. После успешного проведения минно-заградительной операции в Данцигской бухте он по докладу командующего 6-й армией ввиду мужества «и отличной распорядительности <...> во время опасной операции большого боевого значения» был награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами (9 февраля 1915 г.); позднее также получил подарок из Кабинета Е.И.В. [7, С. 221]. К этому времени имя Колчака приобрело международную известность: его тактике минной войны обучались англичане, кроме того, в 1915 г. он получил рыцарский крест английского ордена Бани (по иной версии эту награду Колчак получил в годы Гражданской войны одновременно с некоторыми другими лидерами белого движения) [8, С. 32]. В октябре 1915 г. Колчак провел ряд сложных и опасных операций в Рижском заливе по поддержке обороны и контрнаступления сухопутных отрядов Н.Л. Меликова, в результате чего был взят город Кеммерн. По докладу о событиях Николай II в обход обычного порядка (предусматривавшего представление через Георгиевскую думу) 2 ноября 1915 г. наградил Колчака орденом Св. Георгия (высшей военной наградой) 4-й ст. [2, С. 76].

Весной 1916 г. основной задачей Колчака оставалась оборона побережья в ходе германского наступления на Ригу, главным образом, путем минирования. В это время шло его быстрое повышение по службе: за несколько месяцев он производится в контр-адмиралы, а затем – вице-адмиралы и назначается командующим Черноморским флотом. Балтийский период службы Колчака был также отмечен императором во время их личной встречи 4 июля 1916 г., когда новый командующий получил орден Св. Станислава 1-й ст. с мечами [4, С. 253–254]. На новой должности Колчак лично руководил минированием Босфора и турецкого побережья, полностью завладев инициативой в Черном море. Это позволило в конце 1916 г. начать подготовку к сложной Босфорской операции, в ходе которой планировалось нанести удар по Константинополю. За успехи в Черном море 1 января 1917 г. Колчак был награжден орденом Св. Анны 1-й ст. с мечами.

После февральских событий в Петрограде Колчак первоначально сосредоточился на поддержании порядка в Черноморском флоте. По мнению ряда исследователей, он до последнего сохранял монархические взгляды и воспринял отречение Николая II от престола негативно, но открыто высказать свое мнение не мог. Достаточно верное оценивание сложившегося положения и готовность при необходимости идти на компромисс позволили на некоторое время сохра-

нить боеспособность флота. Но резкий рост популярности большевистских лозунгов привел к потере контроля над ситуацией (в ходе конфликта с матросами Колчак демонстративно выбросил в море наградное Георгиевское оружие) [2, С. 164–165]. Колчак вынужденно передал командование и выехал в Петроград 7 июня 1917 г. В это время его фигура начинает обсуждаться в качестве кандидатуры на роль возможного диктатора. Сам Колчак тогда считал своей задачей объединение разрозненных офицерских кружков. 1 июля 1917 г. члены Главного комитета Союза офицеров армии и флота посетили его и преподнесли саблю, взамен выброшенной в море, с надписью «Рыцарю чести от Союза офицеров армии и флота» [7, С. 343]. Осенью того же года Колчак направляется с миссией в Вашингтон для участия в подготовке Дарданелльской операции, восприняв данную поездку как политическую ссылку Временного правительства.

После посещения ряда стран (США, Англия, Япония, Сингапур, Китай), 19–20 сентября 1918 г. в разгар Гражданской войны Колчак прибывает обратно в Россию, во Владивосток. Спустя 2 месяца, после свержения Директории 18 ноября 1918 г. он был назначен Верховным правителем России с практически неограниченными полномочиями власти. В обращениях к населению новый лидер белого движения предложил лозунг «восстановления законности» в стране, при этом заверив в отсутствии намерений реставрации монархии. Необходимо отметить, что далеко не все заявления могли исходить из личных убеждений Колчака: часть из них была выдвинута союзными державами (Англией, Францией, Италией, США и Японией) как условие оказания помощи его правительству [8, С. 143–144]. Понимание этих обстоятельств необходимо при рассмотрении проводившейся Колчаком политики, в частности – попытки реформирования наградной системы.

Одной из ключевых задач, которую поставил перед собой Верховный правитель, было создание боеспособной армии, что, в частности, подразумевало возрождение традиций награждения отличившихся в бою солдат и офицеров. Здесь первостепенное значение для Колчака имело восстановление военных Георгиевских наград. Приказом № 55 Верховного правителя был возвращен праздник ордена Св. Георгия Победоносца – 26 ноября (ст. ст.) [9, С. 15]. В этот день в Омске состоялся парад кавалеров ордена и прием в их честь. С ноября 1918 г. Колчак стал награждать солдат Георгиевскими крестами, а с декабря 1918 г. – утверждать представления Георгиевских дум [См. подр.: 10, С. 33; 11]. Наградной процесс был упорядочен приказом № 30 от 9 февраля 1919 г. Отменялись внесенные Временным правительством изменения в порядок награждения орденом Св. Георгия и Георгиевским крестом, запрещалось ношение наград такого образца. Восстанавливались Георгиевские кресты и медали для солдат, ордена (до 2-й ст., включительно) и оружие для офицеров [10, С. 34]. Для рассмотрения представлений при Главном штабе учреждалась Георгиевская дума. Важно отметить, что сам порядок присвоения Георгиевских наград в период власти Колчака шло в соответствии со статутом, утвержденным

в 1913 г. [10, С. 35]. Это указывало, что Верховный правитель не имел цели упразднить имперскую систему награждения, внося лишь необходимые коррективы в соответствии с условиями времени.

Изменения коснулись и других наград. Колчак отменил орден Св. Станислава, восстановил награждение орденами Св. Владимира (до 2-й ст., включительно) и Св. Анны. Солдаты помимо Георгиевских крестов могли получить медали «За усердие». Не были возвращены ордена Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого орла и 1-я степень ордена Св. Владимира, в связи с тем, что награждение ими ранее являлось прерогативой императора [2, С. 353–354]. Планировалось ввести новые награды, связанные с событиями Гражданской войны – так, 13 июня 1919 г. был учрежден орден «За освобождение Сибири» (в 4 ст.) [3, С. 145; 12, С. 125, 134]. Был опубликован статут, одобрен проект внешнего вида награды и изготовлен комплект ее образцов, но достоверных сведений о награждении этим орденом нет. Его введению могли помешать сложности с производством (в т.ч. стоимость изготовления) и общее ухудшение в течение 1919 г. обстановки на фронте. В реформировании наградной системы Российским правительством А.В. Колчака прослеживается ряд целей: отмена решений Временного правительства, отказ от отдельных элементов старой имперской системы, попытка введения новых наград, соответствующих политическому моменту.

В конце ноября 1918 г. началась Пермская операция, в ходе нее войска Верховного правителя сумели добиться значительных успехов против РККА. С взятием Перми состоялось заседание Георгиевской думы при Штабе Сибирской армии в Екатеринбурге. За вклад в подготовку операции и «разгром армий противника» было постановлено наградить А.В. Колчака, постоянно находившегося на фронте, орденом Св. Георгия 3-й ст. [9, С. 10–11]. Награда стала для него последней, значительно отличаясь от прочих по обстоятельствам получения. Негативную оценку события представил военный министр колчаковского правительства А.П. Будберг, считавший награждение за успехи в междоусобной войне позором [9, С. 10]. Биографы Колчака отмечают, что решение было обоснованным: операция была одним из крупнейших успехов белой армии против большевиков, которые воспринимались в качестве внешнего врага, «немецкого порождения» [3, С. 387]. Присуждение ордена не имело цели возвеличить Колчака, не испытывавшего недостатка в знаках отличия, будучи скорее примером проводившегося Верховным правителем возрождения наградной системы.

Результаты исследования. Проведенный анализ наградного списка А.В. Колчака свидетельствует о том, что независимо от этапа своей служебной карьеры и области деятельности он стремился выделиться, проявить себя, что заслуженно отмечалось на высшем уровне. Об этом говорит факт: многие награды были получены им не за выслугу лет, а за личные военные подвиги и научные открытия. Колчак понимал и важность самой наградной системы, пытаясь реорганизовать ее в годы Гражданской войны в соответствии с обстоя-

тельствами времени. Реформированию помешал ряд факторов: постепенное ухудшение положения на фронте, сложность и дороговизна изготовления орденов, а также отсутствие единства мнений в отношении допустимости самого факта награждения в период Гражданской войны.

Список источников и литературы

1. Захаров А.М. Адмирал А.В. Колчак в историографии: Основные вехи // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 4. С. 43–50.
2. Кручинин А.С. Адмирал Колчак. Жизнь, подвиг, память. М.: АСТ, 2010. 538 с.
3. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М.: Центрполиграф, 2002. 702 с.
4. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М.: Молодая гвардия, 2006. 637 с.
5. Плотников И.Ф. Автобиография Александра Васильевича Колчака // Вестник Челябинского государственного университета. 2002. № 2. С. 144–157.
6. Адмирал Колчак. Протоколы допроса. СПб.: Питер, 2015. 272 с.
7. Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию: В 2 кн. Кн. 1. М.: Олма-пресс, 2000. 351 с.
8. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак. Правда и мифы. Томск: ТГУ, 2007. 278 с.
9. Езеев А. К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности» (Из истории георгиевских наград на востоке России в 1918–1919 гг.) // Военная быль. 1993. № 4. С. 9–15.
10. Пыхалов И.В. Георгиевские кресты для «Белых Орлов» // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2009. №4. С. 32–40.
11. Сушко А.В. К вопросу о праздновании Дня Георгиевских кавалеров и восстановлении георгиевских наград в Белой Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 6. С. 295–299.
12. Рудиченко А.И. Награды и знаки белого движения. М.: Парад, 2008. 408 с.

Для цитирования: Филимонов А.В. Награды А.В. Колчака и его роль в реорганизации наградной системы в период Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 366–372.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Хоммиев Тойлы Бабагельдыевич¹

¹ Туркменский государственный университет имени Махтумкули,

Ашхабад, Туркменистан

¹ hommyewt@mail.ru

Аннотация: В статье дан обзор научных трудов постсоветской туркменской историографии Гражданской войны. Теоретическая основа работы – историко-сравнительный метод. Представлены содержательная часть работ, приведены противоположные оценки событий того периода историками, указаны перспективы изучения темы.

Ключевые слова: историография, Туркменистан, Гражданская война, РККА, белое движение, военная интервенция.

Постановка проблемы. Гражданская война 1918–1920 гг. – одна из трагических страниц истории туркменского народа. Вооруженные конфликты продолжались в Туркменистане до середины 1930-х гг. Начало этих событий было связано с действиями против белогвардейцев и английских интервентов, а затем – против советской власти. Цель данной статьи – анализ научных трудов постсоветской туркменской историографии Гражданской войны.

Среди работ, посвященных Гражданской войне и военной интервенции в Туркменистане, выделяется двухтомник академика Ш. Ташлиева «Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане» [8–9]. Он считается ведущим советским специалистом по данному вопросу, но его работа – с точки зрения оценок – односторонняя, написанная в духе марксистско-ленинского учения, хотя в основе ее – доступные тогда архивные источники. Работа отвечала требованиям своего времени, но в ней нет в полной мере объективного, правильного и справедливого анализа других мнений. Первый том охватывает исторические события с середины 1919 г., второй — с середины 1919 г. до конца 1920-х гг. Об этой работе М. Аннанепесов писал, что в этой монографии степень участия туркменских дайхан в победе и укреплении Советской власти в Закаспийском крае и степень революционного движения в жизни сельского населения изложена полностью [1, С. 85–87]. Но этот труд дал основу последующим работам, обратимся к их обзору.

Основная часть. К.Б. Мухамметбердыев и Я. Оразклычев в своей книге «Материалы по истории Туркменистана (1917–1994 гг.)» поместили раздел под

названием «Октябрьская революция в России и победа Советской власти в Закаспийской области». В нем кратко описаны революционные события на указанной территории в конце 1917 г. Авторы пишут, что в борьбе за победу революции в годы Гражданской войны старая национальная интеллигенция разделилась на два лагеря. Они отмечают, что Н.Н. хан Йомудский, Магтумкули-хан сотрудничали с советским правительством, а командовал местными белогвардейцами полковник царской армии Ораз Сердар. Овезберды Кулыев, руководивший малочисленным отрядом РККА, попал в руки англичан и пропал без вести [10, С. 27–28]. Н. Рахимов указывает, что англичане сначала вывезли О. Кулиева в Индию, а затем он был расстрелян белогвардейцами на Дальнем Востоке [11, С. 85]. Как видно, Гражданская война в России по-разному отразилась на судьбе немногочисленной туркменской интеллигенции.

К.Б. Мухамметбердыев, Я. Оразклычев отмечают, что большинство туркменских дайхан не участвовали в событиях 1917–1918 гг.: «даже те, кто участвовал “более или менее”, все равно были на стороне белогвардейцев под предводительством Ораза Сердара. В то время (1918 г.) почти все конфликты происходили между городским населением. В городах туркменского населения почти не было» [10, С. 28]. Авторы также пишут, что такие личности, как Гайгысыз Атабаев, Аллаяр Гурбанов, Кызыл Хан, вступили в РККА, оказав большое благотворное влияние на победу революционного движения. «7 февраля 1920 года Красная Армия освободила город Красноводск от белогвардейцев. Западный фронт был отменен. Казалось, война закончилась. Но в целом туркменский народ, особенно туркменские дайхане, составляющие основу народа, пока еще далеки от так называемой гражданской войны. Для него решающие сражения были еще впереди. Влияние революционных событий, произошедших в России в 1917 году, не так сильно ощущалось туркменскими дайханами» – завершают свои размышления названные авторы, говоря об усилении советской власти в Закаспийской области [10, С. 29]. Их слова о том, что революционно-демократическая борьба в Туркмении была связана с проведением несколько позднее, в 1920-е гг., земельно-водной реформы и революционных мероприятий, являются плодом их нового мировоззрения относительно победы советской власти в Закаспийской области.

В первые годы независимости были изданы историко-публицистические брошюры о ханах и сердарах. Брошюра «Туркменские ханы и сердары», написанная коллективом авторов, содержит сведения об Эзиз-хане, Оразе Сердаре и Юсуп-хане, участвовавших в Гражданской войне. В ней указано, что Эзиз-хан, обидевшегося на действия Советов, вступил в контакт с белогвардейцами, начав служить в армии Ораза Сердара. Известия о том, что Сердар бесплатно отбирает у народа хлеб и другие продукты питания, вызвало гнев Эзиза-хана, настроив его против него. Утверждения в книге, что основной причиной пре-

вращения стычки между этими двумя ханами во вражду была борьба за власть, далеки от истины. В этой брошюре отмечается, что в ноябре 1918 г. Ораз Сердар приветствовал в Байрамали британского генерала Маллесона и вручил ему от имени бухарского эмира орден «Звезда Бухары». Прочитав представленную информацию, можно убедиться, что Сердар пережил сложные события в годы Гражданской войны. Это исторический факт. Также редким сведением является то, что в созданном летом 1918 г. Центральном туркменском комитете было собрано и вооружено около 5000 чел. Сведения об участии Юсуп-хана, проживавшего тогда в Мары в этой брошюре не приводятся [13, С. 64–65, 82, 85].

Р. Эсенов, народный писатель Туркменистана, кандидат исторических наук, знаток политико-партийной системы в 1992 г. издал брошюру «Правда об Эзиз-хане». Он начинает свою работу с раздела «Кем был Эзиз-хан?», пытаясь ответить на этот вопрос. Начнем с вопроса, который Р. Эсенов задает в начале своего труда читателю – нам, чтобы определить, кем был Эзиз-хан в туркменской истории. Потому что ответ на эти вопросы определяет весь смысл книги. Р. Эсенов так излагает этот вопрос: «Кем был Эзиз-хан? Герой или несчастный? Авантюрист или жертва обстоятельств? Исторические учебники, художественная литература, кинематография изображали его до сих пор как «грабителя», «разбойника», «басмача», «националиста», словом, кровного врага Советской власти, то есть собственного народа. Людей, которых характеризуют подобными сравнениями, всегда считают идейными врагами. Возникает закономерный вопрос: если он действительно был врагом Советов, то почему его расстреляли белогвардейцы, действовавшие вместе с англичанами, оккупировавшими нашу землю? Почему на протяжении более семидесяти лет они связывали все, что против народа и все враждебное нашему народу с именем Эзиз-хана? [14, С. 3–16, 64].

Р. Эсенов, на наш взгляд, дает правильные ответы на вопросы. Конечно, в этот автор попытался восстановить исторический образ Эзиза-хана на основе имеющихся архивных и литературных данных, рассказов людей, видевших Эзиз-хана, его потомков и логических размышлениях. В целом попытка удалась. Его работа носит научный характер и является весомым вкладом в изучение истории нашей страны. Р. Эсенов пишет, что он собрал много материалов об Эзиз-хане из архивов Ашхабада, Москвы, Ташкента и Баку, когда писал свою диссертацию «Большевистское подполье в Закаспии». На основе данной научной рукописи еще 1974 г. вышла его монография [7, С. 215], открывшая многие факты об Эзиз-хане. Размышления советской исторической науки об Эзиз-хане автор описывает так: «Наши взгляды определялись духом времени, и многие из нас не сумели подняться над собственными мыслями. По этой причине историческая наука, а затем и художественная литература, основываясь на классовой теории, допустили односторонность и даже несправедливость

в оценке личности Эзиза-хана. Мы говорили о нем только плохое, выставляли его только в черном свете, считали его кровным врагом своего народа». Продолжая эту мысль, он признается, что «я сам посвятил Эзиз-хану много страниц в своей книге "Большевицкое подполье в Закаспийской области" и представил его в известной степени таковым». Но когда Р. Эсенев пишет о нем, он говорит, что «Эзиз-хан рассматривается как враг народа в работе известного историка», но не пишет, кто именно этот историк. Причину неспособности Эзиз-хана избежать политических событий 1918 г. Р. Эсенев объясняет тем, что «Эзиз-хан неграмотен ни в алфавите, ни в политике». Оценивая его, автор отмечает: «Конечно, Эзиз Хан не был «белой птицей», и от его рук погибло немало людей» [14, С. 14–15, 18].

В целом Р. Эсенев справедливо отмечает, что «различные ситуации, порой безрассудное поведение обеих сторон (имеется в виду и белых, и красных) оказали большое влияние на взаимодействие Эзиз-хана и советского правительства». Он также пишет, что старейшины, муллы и богачи советовали ему встать на сторону белогвардейцев, и верит в это, и описывает его вражду с Оразом Сердаром [14, С. 18–21]. Автор пишет и о справедливости Эзиз-хана: «То есть тебженский «правитель», признанный народом, не терял своих чувств к несчастным людям, защищал их даже в самые трудные времена. Это и есть туркменский характер» [14, С. 25].

Последняя глава книги – «Ловушка» – где описан арест и расстрел Эзиз-хана путем хитрой махинации белогвардейцев, преследование и наказание потомков в советские годы. Автор книги дает оценку периоду СССР, исходя из своего писательского мастерства, описывая его, но, не упоминая личностей, повлиявших на его распад. Он дает анализ хороших и плохих дел, которые могут совершить люди, управлявшие странами на протяжении долгой истории человечества, на примере Эзиз-хана. Р. Эсенев заключает свои мысли о своем герое: «Он был сыном своего времени, сложной, противоречивой личностью. У него были и преимущества, и недостатки» [14, С. 63]. Как мы уже отмечали ранее, это не специально написанная научная работа. Большая часть того, что автор называет ценной архивной информацией, представляет собой архивную информацию Института марксизма-ленинизма при Коммунистической партии Туркменистана. Это рассказы людей, которые боролись за построение социализма и утверждали, что делали то, чего не делали. Но, несмотря на эти обстоятельства, произведения писателей и ученых, таких как Р. Эсенев, о наших исторических деятелях дают основу для понимания многих жизненных фактов. Он помогает понять драматический период истории нашей страны.

В 2009 г. в Туркменистане в соавторстве историка А. Нурыев и М. Мошев издали книгу «История Туркменистана», предназначенная для учащихся 9-х классов. В этом учебнике школьники страны впервые познакомились с поняти-

ем «Гражданская война». В первые годы независимости по неизвестным причинам те события в стране скрывались. В учебнике отмечено, что 12 августа 1918 г. началась военная интервенция, когда часть британских войск в Иране переправилась в Туркменистан на помощь белым. Неоспоримым фактом является также то, что военные действия плохо сказались на населенных пунктах вдоль железной дороги, вынудив их население переселиться в другие места. Странно, что авторы говорят, что туркмены вообще не принимали участия в тех сражениях, ведь они не могли быть равнодушными к событиям, тесно связанным с их исторической судьбой [17, С. 216]. Упоминается, что в Мары, Ашхабаде и Красноводске находилось 2000 британских солдат и офицеров, но не сказано, что большинство из них были индийские сипаи. Хотя в учебнике подробно описан характер Гражданской войны в Туркменистане, некоторые ключевые моменты не поясняются. Не описаны многие детали, отличия от событий в России. Также не были даны сведения о погибших от рук белых отважных сынов туркменского народа – О. Кулыеве, убитых представителях РККА А. Ханджаеве, Т. Ходжаеве, А. Тахирове и 18-ти ни в чем не повинных рыбаках, утопленных в Каспии. Основой к созданию этого учебника стало издание, посвященное 60-летию Советского Туркменистана [12, С. 424]. Также в этой книге школьникам разъясняется, что в годы Гражданской войны экономическая политика Советского правительства вошла в историю под названием «военный коммунизм», и что на плечи туркменских дайхан легли сложные социальные проблемы тех лет. В учебнике очень справедливо указано, что политические группы, названные в годы Гражданской войны белыми и красными, на долгие годы оставили плохое воспоминание в умах и сердцах людей [17, С. 220].

В настоящее время историк Дж.С. Аннаоразов – наставник молодых туркменских исследователей – является одним из немногих учёных, проводящих изыскания по вопросам Гражданской войны и басмаческого движения в Туркменистане. Его крупнейшая монография по этой проблеме была издана в Турции. Надо отметить, что этот объемный труд – одно из первых исследований туркменской историографии о басмачестве. В ней собраны подробные сведения о ряде неизвестных научной общественности туркменских личностях, принимавших участие в тех восстаниях [2, С. 327]. Тот же автор в своей статье «Формирование туркменских национальных частей Красной Армии и отрядов советской милиции в Закаспийской области (1918–1924 гг.)» справедливо отмечает, что в годы Гражданской войны туркмены присоединялись к РККА, создавая первые национальные военные подразделения для защиты страны. Сначала ими командовали Гарип Назаров и Черкез Бердыев, офицеры бывшего Текинского конного полка [3, С. 110]. Здесь же отмечается, что первая туркменская милиция была сформирована в Мары 11 марта 1920 г. В ней служили 34 всадника [3, С. 111–112].

Одну из своих статей этот историк посвятил началу Гражданской войны на туркменской земле. Ученый так описывает появление в Ашхабаде Фролова, посланного из Самарканда для расследования ситуации в Закаспийской области: «Впереди него шли три всадника. На плече всадника посередине развивалось гигантское красное знамя с надписью «Смерть саботажникам». Следом за флагом ехал сам Фролов на гигантском коне с красной лентой. Фролов был хорошо вооружен. Его сопровождали 40 мадьяров (венгров) на конях. Последние, как китайцы, также как и любые чужаки, отличались безжалостностью...» [5, С. 65]. В этой статье правильно отмечается, что туркмены на начальном этапе Гражданской войны поддержали власть правых эсеров и меньшевиков, что те события продолжались до тех пор, пока в мае-июне 1919 г. белогвардейцы не покинули фронт [5, С. 66]. Историческим фактом является также то, что с осени 1919 г. более мелкие туркменские ополчения начали сражаться в рядах РККА. Дж.С. Аннаоразов выдвигает новые идеи в своей статье «Из истории гражданской войны в Туркменистане (Борьба с повстанческим движением в Закаспийской области в первой половине XX века)». Как следует из названия, в ней описываются продолжавшиеся вооруженные протесты, повстанческие движения против советской власти на туркменских землях в первой половине 1920-х гг., как продолжение Гражданской войны. Эти мысли ученого верны и являются успешным шагом в реформировании взглядов на исторические события. По его исследованиям, основанным на архивных источниках, эти события продолжались долгое время. Стоит отметить, что в 1920–1924 гг. действовало 47 крупных и множество мелких групп повстанцев, выступавших против советской власти [4, С. 414]. Исторический факт, что самые большие группы из них возглавляли Ходжагулы-хан Ниязгулыев, Гочмурат-хан, Мерер Мурт, Ата Манели, Берди-Мырат, Байрам Лагар и др. Любопытны суждения Дж.С. Аннаоразова в статье о правительнице Марыйских туркмен Гульджемал-ханше, где указано, что большевики казнили эту женщину-хана, правившую 40 лет. Это удивительный, до сих пор неизвестный факт [6, С. 160]. Однако в своих научных трудах этот историк не выдвигает конкретных предложений по изменению ранее принятых дат Гражданской войны в стране в 1918–1920 гг.

В 1990-е гг. в печати появились статьи с новыми сведениями о туркменских героях Гражданской войны. У нас нет возможности проанализировать, верна ли представленная ими информация или нет. По словам А. Чуриева, согласно рассказам всемирно известного туркменского писателя Б. Кербабаева своему сыну, когда Эзиз-хан приехал в Ашхабад поездом из Теджена, в окна вагона уже целились из оружия и хан был пойман. Кербабаев был очевидцем этого происшествия. По словам писателя, Эзиз-хан был застрелен белогвардейцами недалеко от Ашхабада [16]. Х. Гурбансахедов, основываясь на ранее услышанные воспоминания, написал интересные сведения о судьбе Гарагоз-

ишана, одного из туркмен, выделившегося в Мары в годы Гражданской войны. Он отмечает, что в научной литературе написано, что Гарагоз-ишан был убит Эзиз-ханом, а на самом деле - пойман белогвардейцами, его несколько часов прятали во дворе Топбы-бая и убили. После ареста Гарагоз-ишана Эзиз-хан приехал из Мары в Теджен и приказал разыскать его. Но когда Гарагоз-ишан не был найден, он вернулся назад [15]. Хотя эти статьи были написаны на основе историй, сохранившихся среди народа, они в определенной степени были важны для того, чтобы общественность знала этих людей.

Результаты исследования. В советские годы Гражданская война в Туркменистане преподносилась одной из героических страниц прошлого, а при изучении тех событий высказывались односторонние взгляды, соответствующие политической системе СССР. Но Гражданская война стала одной из трагедий туркменского народа, а не только страницами примеров храбрости и победы в революционной борьбе. Как и все народы бывшей Российской империи, туркмены понесли большие потери в Гражданской войне. До сих пор изучение тех событий продолжает нести несистемный характер. В рамках единого научного труда необходим взвешенный, объективный взгляд на ту эпоху и личности туркменских деятелей, участвовавших в военных и политических действиях, а также жизнь простого народа.

Список источников и литературы

1. Аннанепесов М. Правдивая летопись // Известия АН ТССР. СОН. 1976. № 6. С. 85–88.
2. Аннаоразов Дж.С. «Басмаческое движение» в Туркменистане – продолжение Гражданской войны 1918–1920 гг. Ашхабад, 2022. 327 с.
3. Аннаоразов Дж.С. Формирования туркменских национальных красноармейских частей и отрядов советской милиции в Закаспийской области (1918–1924 гг.) // Мат–лы конф. за 2018 г.: Военная история: люди, события, полководцы; Тенденции развития добровольчества в Санкт–Петербурге. СПб.: ГБУ ДМ «ФОРПОСТ», 2019. С. 108–115.
4. Аннаоразов Дж.С. Из истории гражданской войны в Туркменистане (Борьба с повстанческим движением в Закаспийской области в первой половине 20–х гг.. XX века) // Гражданская война и российская провинция: современное восприятие, подходы и оценка. Сб. мат–лов междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 413–419.
5. Аннаоразов Дж.С. К вопросу о начале гражданской войны в Закаспийской области // XVI–е Дзагуровские чтения. Всеросс. науч.–практ. конф. Махачкала 2018. С. 64–67.

6. Аннаоразов Дж.С., Аннаоразов Д.А. Женщина в традиционном обществе: ханша Гюльджемал, которая добилась всего, о чем ни одна женщина–мусульманка и мечтать не могла // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Мат–лы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2023. С.150–161.

7. Эсенов Р.М. Большевистское подполье Закаспия. М.: Мысль, 1974. 215 с.

8. Ташлиев Ш. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане. Т. 1. А.: Туркменистан, 1974. 278 с.

9. Ташлиев Ш. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане. Т. 2. А.: Туркменистан, 1975. 288 с.

10. Мухамметбердиев К. Оразгылызов Я. Түркменистаның тарыхындан материаллар (1917–1994 йй). Ашгабат, 1997. 279 с.

11. Рахымов Н. Сиз Түркменистаның тарыхыны билйәрсинизми? Сораглар ве жогаплар. А.: Магарыф, 1991. 134 с.

12. Түркменистан совет социалистик республикасы. Ашгабат, 1978. 424 с.

13. Түркмен ханлары ве сердарлары. Ашгабат, 1992. 87 с.

14. Эсенов Р. Эзиз хан хакда хакыкат. А.: Чәч, 1992. 64 с.

15. Гурбансәхедов Х. Гарагөз ишаның ыкбалы // Мару Шаху Жахан. 1993. 14 янв.

16. Чүриев А. Берди Кербабиевиң тәлейи // Эдебият ве сунгат. 1998. 25 сент.

17. Nuryýew A. Moşew M. Türkmenistanyň taryhy. XVII–XX asyrlar. Orta mekdepleriň IX synpy üçin synag okuw kitaby. А.: TDNG, 2009. 326 s.

Для цитирования: Хоммиев Т.Б. Постсоветская историография Гражданской войны в Туркменистане // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г. Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 373–380.

© Хоммиев Т.Б., 2023

ИСТОЧНИКИ ОБ УЧАСТИИ КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1918–1920 гг.

Цзинь Диюйцион^{1,2}

¹ Дальневосточный федеральный университет, департамент истории
и археологии, Владивосток, Россия

² независимый исследователь, Гуанчжоу, Китай
^{1,2} tczin.di@dvfu.ru

Аннотация: В статье дан анализ опубликованных документов Китая, касающихся участия Китайской Республики в интервенции иностранных держав в период Гражданской войны в России. Прослежены предпосылки и процесс военной и дипломатической деятельности Бэйянского правительства Китая, касающийся военной интервенции и политики во Внешней Монголии. Сделан вывод о том, что отправка войск Китайской Республики на российский Дальний Восток состоялась под давлением империалистических держав, объясняясь борьбой за укрепление суверенитета и обеспечение защиты проживающих на Дальнем Востоке китайцев. В целом этот период истории русско-китайских отношений до сих пор мало изучен, поэтому сегодня важно расширять источниковую базу исследования обозначенной проблемы.

Ключевые слова: международные отношения, дипломатия, Гражданская война, военная интервенция, Китайская Республика, Антанта, Япония, бэйянские милитаристы, Дальний Восток.

Постановка проблемы. Октябрьская революция в России, входившей в состав союзных держав, имела далеко идущие последствия. Пока большевики не успели взять под контроль всю Россию, политические неурядицы внутри страны распространились и на дипломатию. Для поддержания восточного фронта Антанты, Великобритания и Франция еще в декабре 1917 г. предложили Японии и США направить войска во Владивосток, на что Япония и США пошли с большой неохотой [9, С. 256]. Пекинское правительство, хотя не проявляло активности в защите иностранных подданных во Владивостоке, но после отправки военных кораблей Японии и США также направило во Владивосток крейсер «Хайжун». Одновременно пекинским правительством сухопутные воинские части были направлена в Уссурийск и Хабаровск. [8, С. 88]. Отправку военных сил во Владивосток под предлогом защиты проживающих на Дальнем Востоке китайцев можно рассматривать как прелюдию к участию Китая в военной интервенции на Дальнем Востоке. Когда пекинское правительство гото-

вилось к отправке военных кораблей, Япония обратилась к Китаю с просьбой подписать соглашение между двумя странами об обороне. Дипломатические переговоры вокруг этого пакта стали тогда одной из важнейших проблем в отношениях между Китаем и Японией [9, С. 257].

В китайской историографии XX в. политика пекинского правительства по отправке войск в Сибирь подвергалась широкой критике [9, С. 17]. Среди китайских историков господствовала точка зрения, что именно Япония принудила Китай к отправке войск. Они оценивали отправку войск в Сибирь как самоубийственную внешнюю политику, которая не только вела к попаданию северо-востока Китая и восточной Монголии в сферу фактического контроля Японии, но и ухудшала китайско-российские отношения, упустив лучшее время для переговоров с Россией. Эта противоречивая военная акция не только не соответствовала мировой ситуации, но и противоречила интересам китайского народа. Ряд исследователей считали, что нельзя отрицать позитивное содержание политики пекинского правительства по отправке войск. Эта военная акция, хотя и является подчинением империалистическим державам, но в то же время она может рассматриваться как защита суверенитета и интересов Китая [7, С. 14]. Значительным вкладом китайских ученых в разработку этих проблем является подготовка и издание сборников документов, позволяющих вести дальнейшее изучение этой проблемы.

Основная часть. «Документы Бэйянского правительства» – сборник документов из Второго исторического архива Китая – состоит из 196 томов, включающих более 20 000 исторических документов из названного архивохранилища. В издании всесторонне отражен периода Бэйянского правительства в таких аспектах, как политика, военное дело, культура, дипломатия, повседневная жизнь, экономика и др. [1, 2]. За 8 лет была проделана огромная работа: отобраны 120 000 страниц из всех 64 полных досье документов Бэйянского правительства; расположены в хронологическом порядке; составлен каталог документов, включающий около 21 600 записей. Его содержание затрагивает политические, военные, дипломатические, экономические, финансовые, транспортные, образовательные, социальные, культурные, судебные, надзорные, национальной политики, местного управления и другие аспекты периода правления Бэйянских милитаристов. Указанный сборник с целью поддержания первоначального облика определенного периода и максимального сохранения оригинальной архивной информации был опубликован в ноябре 2010 г.

К теме участия Китая в военной интервенции в Сибири имеют отношения 77-й и 78-й тома. В них представлены документы по теме дипломатии Бэйянского правительства: в китайско-российские взаимные дипломатические документы. Среди них официальное уведомление Временного правительства России по вопросу объявления Китаем войны Германии в 1917 г., а также оригиналь-

ный текст «Китайско-японского сухопутного военного соглашения о взаимной обороне», «Китайско-японского морского военного соглашения о взаимной обороне», которыми формально устанавливался военный союз Китая и Японии против Германии и Австро-Венгрии. Отметим, что до Октябрьской революции, даже после отречения Николая II и установления нового правительства российско-китайские дипломатические отношения находились в стабильном положении. А после подписания соглашений с Японией соглашения Китайская Республика приняла решение о вооруженной интервенции в Россию. Для объяснения на этого поворот во внешней политике перейдем к характеристике документального издания «Исторические источники по китайско-русскому отношению».

С 1960-х гг. на Тайвани активизировалась работа по сбору и обобщению информации из дипломатических архивов, среди которых наиболее подробными и ценными являются правительственные документы первого десятилетия существования Китайской республики. Тайваньские ученые проделали большую работу. Наиболее выдающихся достижений добились сотрудники Института новой истории Китая ЦИА, которой является высшая национальная академия Китайской Республики, непосредственно подчиненная Президентским дворцом Китайской Республики, созданные в 1928 г. в Нанкине, тогдашней столице Китайской Республики. В ЦИА входят гуманитарные и научные исследования, руководство культуры, укрепление связи и вознаграждение за академические исследования, подготовка старшего научно-исследовательского персонала, а также изучение естественных и гуманитарных наук.

Почти полвека коллектив института редактировал и издавал сборники документов по новейшей китайской истории. Среди них «Исторические материалы по китайско-русским отношениям». Сборник издан Министерством иностранных дел Китайской Республики и Институтом новой истории Центральной исследовательской академии и состоит из 15 томов. Материалы делятся редакцией коллектива на 3 категории:

- Категория А включает тематические сборники «Внешняя Монголия», «КВЖД», «Перевороты в России и общие китайско-русские переговоры», «Оборона на северо-востоке Китая», «Краевая оборона в Синьцзяне», «Отправка войск в Сибирь». Хронологические рамки документов – 1917–1919 гг.

- Категория В включает следующие темы: «Перевороты в России», «Общие переговоры», «КВЖД» и «Оборона на северо-востоке Китая». Хронологические рамки документов – 1920 г.

- Категория С включает: «Общие переговоры», «КВЖД и русский переворот», «Оборона на северо-востоке Китая» и «Внешняя Монголия». Хронологические рамки – 1921 г.

Сборник был впервые издан в 1960 г. в Тайбэе и переиздан в 1984 г. Каждый сборник составлен в хронологическом порядке, в каждом году материал систематизирован по определенной теме. В сборники вошли в основном документы дипломатического делопроизводства (рапорты, послания, телеграммы, официальная переписка, телеграммы, докладные записки, официальные заявления и др.).

Среди них тесно связан с нашей темой, прежде всего, сборник «Отправка войск в Сибирь», куда вошли документы, охватывающие 1917–1919 гг., касающиеся отправки войск Китая в Дальний Восток России, в том числе и информация о том, что Китай направил во Владивосток военные корабли для защиты проживающих в России китайцев [6, С. 1–136]. Фокус правительства Китая на внутреннюю и внешнеполитическую ситуацию в России, включая такие аспекты, как новое правительство большевиков и Брестский мир [6, С. 139–286], деятельность Д.Л. Хорвата и Временного Сибирского правительства [6, С. 331–358], реакцию Антанты – военную интервенцию Объединенной армии Антанты в Сибири [6, С. 527–664], Китайско-японское военное соглашение о совместной обороне, после подписи которого, китайская армия позволила Японии действовать на Северо-востоке Китая и Дальнем Востоке России, вместе с войсками Антанты [6, С. 405–513], расследование Японской военной разведки в Манчжурии и Монголии и ввод японских войск в Северную Манчжурию [6, С. 286–269], именно после подписания соглашения, из которого можно обобщить, что Япония долго планировала провести военно-разведывательную работу в этом регионе.

В данном сборнике содержится, главным образом, повторная просьба консульства Китая во Владивостоке (1917 г.) к пекинскому правительству об отправке войск для эвакуации китайцев из России. А также ответ на нее – это трудно и пока невозможно. В документах 1918 г. из телеграфной переписки китайского консульства во Владивостоке с пекинским правительством и местными управлениями северо-востока Китая по поводу эвакуационной деятельности, можно сделать вывод о том, что до подписания военного соглашения с Японией китайская сторона под давлением Японии медлила с проведением эвакуации. В то же время из Владивостока постоянно шли сообщения о том, что проживающие на территории российского Дальнего Востока китайцы находятся в опасности из-за военных действий и беспорядков. После апреля 1918 г. китайскому правительству удалось сухопутным и морским путями, хотя и не без проблем, эвакуировать с территории российского Приморья китайцев. После мая 1918 г. Китай отправил войска в Россию. Важные сведения о позиции Китая в отношении событий в России является сборником «КВЖД», который содержит важные архивные материалы о переговорах Китая с Россией по КВЖД

в 1917–1921 гг., в том числе о совместном надзоре союзных держав за дорогами [5, С. 1–282], деятельности атамана Семенова и генерала Хорвата [3, С. 256–396], амбициях Японии на КВЖД и деятельности хунхузов [5, С. 318–481], забастовках китайских рабочих КВЖД [4, С. 619–664]; финансах КВЖД и Русско-китайском банке [4, С. 290–310]; собрании начальников КВЖД [3, С. 235–258], подготовке Китая к охране КВЖД [5, С. 506–680], переговорах и подписании китайско-иностранных договоров [3, С. 688–730] и др.

Все эти материалы касаются переломного периода больших социальных потрясений в Китае на протяжении более чем 4-х лет, происходивших на фоне революции в России. В период правления бэйянских милитаристов Китай возвращал себе административно-полицейские полномочия на КВЖД, на фоне китайско-русских переговоров и вмешательства великих держав, связанные с проблемой КВЖД. В сборнике имеются подробные отчеты о крупных дипломатических событиях. Так, пограничные чиновники, в том числе губернатор провинции Цзилинь и одновременно губернатор КВЖД Бао Гуйцин подробно докладывали центральному правительству, что Семеновская белая армия представляет опасность для КВЖД, поэтому следует настаивать на ее репатриации. Подробно рассказывалось о деятельности русских военных чиновников в Харбине, вступивших в сговор с японской армией и отрядами Семенова для сохранения за ними прежних прав охраны дороги. Есть сведения о сговоре японцев с хунхузами с целью уничтожения КВЖД и ответных действиях китайских местных властей, русских промышленных и торговых забастовках в Харбине для того, чтобы заставить Хорвата сдать власть и т.п. Одним словом, «Исторические материалы по китайско-русским отношениям» является важным историческим материалом для изучения борьбы вокруг КВЖД в условиях Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Результаты исследования. Подводя итоги, отметим, что тема участия Китая в интервенции в России все еще слабо разработана в историографии. Большие возможности для её дальнейшего изучения дают документы из фондов Бэйяньского правительства, опубликованные в многотомных археографических изданиях. Несмотря на то, что они сегодня активно используются историками, но требуют более внимательного и скрупулезного изучения. Обращение к данным материалам позволит узнать о разработке и реализации внутренней и внешней политики в период правления Бэйяньского правительства. Благодаря им проблема участия китайских вооруженных сил в интервенции в Сибири может изучаться шире в контексте внутренней и внешней политики правительства Китайской республики в сложных международных и внутривосточных условиях.

Список источников и литературы

1. Документы Бэйянского правительства / Второй исторический архив Китая. Том 77. Пекин: Изд-во архивов Китая. 2010. 687 с. (На кит. яз.).
2. Документы Бэйянского правительства / Второй исторический архив Китая. Том 78. Пекин: Изд-во архивов Китая. 2010. 628 с. (На кит. яз.).
3. Исторические источники по китайско-российским отношениям: КВЖД и русский переворот / Под ред. Го Тини, Ван Ицзюнь. Тайбэй: Ин-т новой истории Китая, Academia Sinica. 1974. 743 с. (На кит. яз.).
4. Исторические источники по китайско-российским отношениям: КВЖД – I. / Под ред. Го Тини, Ван Ицзюнь. Тайбэй: Ин-т новой истории Китая, Academia Sinica. 1983. 542 с. (На кит. яз.).
5. Исторические источники по китайско-российским отношениям: КВЖД – II. / Под ред. Го Тини, Ван Ицзюнь. Тайбэй: Ин-т новой истории Китая, Academia Sinica. 1983. 458 с. (На кит. яз.).
6. Исторические источники китайско-российских отношений: отправка войск в Сибирь. / Под ред. Ли Няньюань, Ли Цзохуа, Сюй Шужэнь. Тайбэй: Ин-т новой истории Китая, Academia Sinica. 1984. 854 с. (На кит. яз.).
7. Ма Чжэньду, Тан Цихуа, Цзян Юнь. Тематическая история Китайской Республики. Т. 3: Внутренняя и внешняя политика в период пекинского правительства. Нанкин: Изд-во Нанкинского ун-та. 2015. 446 с. (На кит. яз.).
8. Сюй Фан, Чжэнь Жуй. Железная война: история китайских и японских бронетанковых войск. Пекин: Китайский изд. дом «Чанъань». 2015. 497 с.
9. Хоу Чжунцзюнь. Китайская дипломатия и первая мировая война. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам. 2017. 387 с.

Научный руководитель Н.А. Беляева (ДВФУ)

Для цитирования: Цзинь Д. Источники об участии Китайской Республики в интервенции на Дальнем Востоке России в 1918–1920 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 381-386.

© Цзинь Диюйцион, 2023

СУДЬБА ЗАСЛУЖЕННОГО УЧИТЕЛЯ ШКОЛЫ РСФСР Л. С. КУЧИНСКОЙ

Чернобай Георгий Константинович¹

Чернобай Ольга Леонидовна^{1, 2}

¹ Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия

² Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Россия
^{1, 2} olgachernobaj@ya.ru; SPIN-код (РИНЦ) 7706-1609

Аннотация: Статья посвящена судьбе и профессиональной деятельности Л.С. Кучинской – Заслуженного учителя школы РСФСР, кавалера ордена Ленина. Источниковая основа работы – неопубликованные биографические документы данной деятельницы, хранящиеся в ГАНУ. В заключении сделан вывод об актуальности и необходимости изучения историками имеющегося архивного наследия педагогов.

Ключевые слова: историческая антропология, история педагогики, интеллигенция, педагоги, учительство, Новониколаевск, Новосибирск.

Постановка проблемы. Важнейшим условием нормального развития любого народа является уважительное, бережное отношение к собственной исторической памяти, спокойное и непредвзятое осмысление пройденного пути, передача накопленного опыта следующим поколениям. Прошлое страны в целом складывается из повествования о событиях в отдельных регионах, городах, селах, из рассказов о судьбах отдельных людей.

В Государственном архиве Новосибирской области из 3222 имеющихся фондов к фондам личного происхождения относятся 125. Но здесь подчеркнем, что в региональных государственных архивах России среди фондов личного происхождения имеется на хранении относительно мало подобных документальных коллекций, сформированных по итогам жизненного пути школьных педагогов и наставников. В этом отношении любопытно небольшое собрание личных документов Л.С. Кучинской (6 дел за 1904–1971 гг.), дающих уникальную возможность познакомиться судьбой провинциального российского и советского педагога, получившего за свои педагогические достижения высшую государственную награду СССР – орден Ленина.

Основная часть. Людмила Степановна Кучинская (при рождении Пачгина) появилась на свет в 1887 г. в г. Чердынь Пермской губернии. Согласно записи из формулярного списка о службе 1915 г., её отец работал чиновником.

В написанной собственноручно автобиографии [1, Л. 9–10об.] наша героиня пишет, что отец работал учителем в городском училище, был выходцем из крестьян села Камгорта Чердынского уезда. Происхождение матери не известно, а род ее занятий – продавец, она получала 25–30 руб. в месяц. Когда Людмиле было 9 лет, отца не стало (причина смерти не известна), и мать воспитывала ее с братом одна. С 13 лет Людмила подрабатывала вязанием и вышиванием, что давало ей 2–3 руб. в месяц. В 1903 г. девушка окончила Чердынскую прогимназию, и осенью того же года мать отвозит ее в город Кунгур Пермской губернии, определив в гимназию на полный пансион. Людмила Степановна пишет, что полный пансион стоил 6 руб. в месяц, но от оплаты она была освобождена, так как её отец более 10 лет проработал учителем. Живя в Кунгуре, она подрабатывала, репетиторствовала у девочек младших классов, что давало 3–4 руб. в месяц. Таким образом, мы видим, что в царской России девушка-провинциалка имела возможность бесплатно учиться в гимназии, благодаря трудовым заслугам ее отца-учителя. Но, исходя из доходов матери и собственной подработки, она вполне смогла бы оплачивать свое обучение. В 1906 г. окончив 7 классов Кунгурской гимназии, и так как здесь 8-го класса не было, она едет в город Сарапул, для завершения полного курса обучения. В Сарапуле Людмила получила место в купеческой семье Мошкиных – учила их детей, за что имела полный пансион и 3 руб. в месяц. Окончив в 1907 г. положенный полный курс обучения в Сарапульской женской гимназии, наша героиня также прошла курс «история», о чем отложилось свидетельство [1, Л. 1]. Вчерашняя гимназистка переехала в Москву с купеческой семьёй Смагиных в качестве бонны их 4-хлетней дочери. В Москве при полном пансионе получала уже 15 руб. в месяц. Здесь Людмила поступает на Высшие педагогические курсы Д.И. Тихомирова – высшее учебное заведение, основанное в 1871 г. [2, С. 192]. Учится вечером и успеваает закончить 2 отделения: руководительниц детских садов и по словесному циклу [1, Л. 2–3об.]. Здесь уже данных о плате за обучение на курсах общественного высшего учебного заведения в имеющихся документах нет.

Распоряжением Главного Попечителя Оренбургского учебного округа от октября 1912 г. Людмилу назначили руководительницей детского сада города Перми, содержимого обществом «Светлая Юность». Это общество возникло в том же году под председательством Олимпиады Максимовны Варфоломеевой (народной учительницы, организатора дошкольного образования на Пермской земле). Общество начало свою деятельность с организации площадки для детей, которые на лето остались в городе. Занятия с детьми были организованы по возрастным группам. Вели их учителя и студенты на общественных началах. Вторым шагом общества явилась организация в Перми детского сада [См. подр.: 3]. В отчёте правления о деятельности общества «Светлая Юность» в Перми с 16 мая 1912 по 1 марта 1913 гг. содержится следующее упоминание:

«за истёкший период было две учительницы: заведующая садом Л.С. Пачгина со специальным педагогическим образованием, на которой лежал весь распорядок занятий с детьми, а также устройство горячих завтраков и раздача их. Вторая преподавательница – специалистка немецкого языка, природная немка А.А. Нидермеер, занималась немецким языком» [4, С. 10].

Имеется и иное примечательное документальное свидетельство: «21 ноября (4 декабря) 1912 года в доме № 106 по улице Пермской официально открыт первый на Урале детский сад. Заведовала садом профессиональный педагог Л.С. Пачгина. Хотя детский сад был открыт обществом «Светлая юность», существовал он на собственные средства: дети принимались в новое учреждение за плату 6 руб. в месяц. Несмотря на такую большую сумму, учреждение оказалось востребовано. В первые месяцы посещаемость сада составила в среднем 34 человека в месяц. С маленькими детьми занимались немецким языком, ручным трудом, беседами о «Ветхом завете» и природе, заучиванием стихов, гимнастикой, играми и пением» [5].

В 1914 г., распоряжением директора народных училищ Л.С. Пачгина переведена учительницей в высшее начальное училище в село Рождественское Соликамского уезда Пермской губернии. Как подчеркивает историк В.И. Бакулин, тогда сдерживающим фактором в деле развития народного образования по стране в целом являлась нехватка квалифицированных учительских кадров. В предвоенные годы в Соликамском уезде насчитывалось 375 учителей – 298 женщин и 77 мужчин. Образование их было крайне пестрым: 30 чел. окончили учительские семинарии или курсы, 194 – гимназии или духовные семинарии, 103 – 4 или 5 классов общеобразовательной школы, образование остальных 48 было или в объеме 2-х-классного училища или домашнее. Летом для них обычно проводились 1,5-месячные курсы с приглашением лекторов из Перми и других городов [6, С. 14].

Всю Первую мировую войну наша героиня прожила и проработала в Соликамском уезде Пермской губернии. Когда точно она переезжает в Новониколаевск не уточняет. Что же послужило причиной переезда? Осенью и в первые зимние месяцы 1917 г. шел процесс активного укрепления позиций революционных властей на значительной части уезда, особенно в его южных и центральных районах. Параллельно шел процесс перехода власти к Советам от земских и городских управ во все большем числе населенных пунктов и Пермской губернии в целом, и Соликамского уезда, в частности. Однако приближение, а затем и вступление на территорию Верхнекамья частей белой армии вызвало в последние месяцы 1918 г. массовое переселение на восток гражданского населения. Соликамск и уезд подчинились командующему 1-м Средне-Сибирским корпусом, генералу А.Н. Пепляеву, которого А.В. Колчак назначил

«уполномоченным по охране государственного и общественного порядка по Соликамскому, Чердынскому и Оханскому уездам»[6, С. 85–86].

Далее в жизни Людмилы происходят серьезные изменения. Согласно её автобиографии она в 1919 г. (в личных документах в 1920 г.) выходит замуж и переезжает жить в Новониколаевск, так как муж работает учителем в высшем начальном училище этого города. Согласно же выписи из книги записей о браке Новониколаевского местного отдела № 2 ЗАГС от 20 июля 1920 г., 19 июля 1920 был заключён брак между Кучинским–Градцевичем Адрианом Яковлевичем, 24 лет и Налимовой Людмилой Степановной, 31 года, постоянно проживающих в Новониколаевске, работающих учителями и вступающими в брак впервые. Общая фамилия супругов после заключения ими брака – Кучинские–Градцевичи. И в выписи, и в самой актовой записи номер совпадает. Но вот возраст невесты и её фамилия, к сожалению, никак не объяснимы. В 1920 г. Людмиле должно быть 33 года (поскольку она родилась в 1887 г.), а не 31. Фамилия в актовой записи и в выписи – Налимова. Ну и наконец, в дальнейших документах двойная фамилия встречается лишь однажды – в удостоверении, выданном отделом народного образования города Новониколаевска от 2 августа 1920 г. о том, что Людмила Степановна Кучинская-Градцевич состоит преподавательницей Новониколаевской 3-й советской трудовой школы 1-й ступени. Таким образом, если предположить, что Людмила Степановна, выйдя замуж (условно – в военно-революционный период), сменила фамилию «Пачгина» на «Налимова», то почему указывается, что в брак она вступает впервые? И сама она нигде в автобиографии об этом факте никак не упоминает. Да и возраст вступления в первый брак несколько смущает. Для 1920-х гг. это было не типично. В порядке гипотезы можно предполагать, что это могло являться проявлением «социальной мимикрии», будучи связано с событиями Гражданской войны, стремлением «затереть» некое «неполиткорректное» еще относительно недавнее прошлое (например, антибольшевистскую службу реального первого супруга или свою, политические преследования со стороны советской власти т.п.).

В автобиографии упоминается далее, что супруг Людмилы Степановны умер в 1930 г. от сыпного тифа (это подтверждается актовой записью о смерти, но в актовой записи имя мужа – не Адриан, а Андриан, и фамилия указана не двойная, а «Кучинский»). Итак, переехав в Новониколаевск, наша героиня трудоустроивается в 6-е высшее начальное училище, а в 1920 г. переводится в 10-ю школу, где и проработала до 1936 г. В 1936 г. переведена в 40-ю школу, а после её расформирования в 13-ю школу для взрослых, которая была реорганизована в общеобразовательную школу при УНКВД по Новосибирской области. С началом войны школа закрылась. С сентября 1941 г. по сентябрь 1958 г., до выхода на пенсию, Л.С. Кучинская работала в 29-й средней женской школе учительницей русского языка и литературного чтения в 5–7 классах. Таким об-

разом, Людмила Степановна имела 39–летний педагогический стаж работы в новосибирских учебных заведениях среднего звена, из них последние 17 лет ее учительской деятельности приходится на школу № 29 Центрального района города Новосибирска. К сожалению, в самой школе не оказалось никаких сведений о Л.С. Кучинской.

Овдовев, Людмила Степановна больше замуж не выходила. Добрая и отзывчивая она, посвятив свою жизнь обучению и воспитанию детей, так не познала радости собственного материнства. В 1958 г. ушел из жизни ее брат, который, согласно анализируемым документам, был 7 лет парализован – о его семье ничего не известно. Старость наша героиня встретила, живя вместе с престарелой дальней родственницей по линии отца (возможно, это упоминаемая в автобиографии двоюродная сестра А.М. Сулова). Скончалась заслуженная учительница в возрасте 86 лет в 1973 г. в Новосибирске.

Результаты исследования. Будучи беспартийной и получившей не только классическое гимназическое и учительское образование в царской России, но и успевшей проработать в имперских учебных заведениях 8 лет, наша героиня в профессиональном плане успешно состоялась. За свою многолетнюю педагогическую работу Л.С. Кучинская была награждена высокими советскими наградами – орденом Ленина (1949), медалями «За трудовое отличие» (1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За доблестный труд. В ознаменование 100–летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970), званием заслуженного учителя школы РСФСР (1951).

Рассмотренный жизненный путь впечатляет, наталкивая на размышления. Девочка-гимназистка, уехавшая по распределению учительствовать из Москвы в провинцию, покинувшая обжитое место в период Гражданской войны и, оказавшись в Сибири, смогла себя реализовать, продолжила свою благородную стезю уже в новой советской школе, прожила долгую, достойную жизнь. Ее вклад в педагогику был явно заметен, что подтверждает вручение ордена Ленина. Удивляет факт награждения именно рядового (хотя и талантливое) учителя такой высшей государственной наградой СССР, которую чаще можно было встретить у передовиков производства, ударников социалистического труда, работников сельского хозяйства.

В заключение хотелось бы отметить, что перспектива дальнейшего исследования в данном направлении состоит в осмыслении вклада российских и советских педагогов в формирование советского общества и его культуры. В этом отношении осмысление судеб педагогов через их документальное наследие может дать выход на более широкие обобщения о сложных эпохах новейшей истории России.

Список источников и литературы

1. ГАНО. Ф. Р–2037. Оп. 1. Д. 1.
2. Пискунов А.И. и др. История педагогики и образования. 4-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2013. 574 с.
3. Варфоломеева О.М. Очерк по истории организации дошкольного воспитания на Урале. М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 28 с.
4. Отчет правления о деятельности общества «Светлая Юность» в Перми. С 16 мая 1912 по 1 марта 1913 гг. Пермь, 1913. 21 с.
5. Первый на Урале детский сад [Эл. рес.] // Режим доступа: URL: <http://www.archive.perm.ru/projects/weeklyphoto/the-first-ural-kindergarten/> (дата обращения: 07.09.2023).
6. Бакулин В.И. Соликамский (Усольский) уезд в 1917–1919 годах. Соликамск: Изд-во Соликамского педагогического института, 1995. 108 с.

Для цитирования: Чернобай Г.К., Чернобай О.Л. Судьба Заслуженного учителя школы РСФСР Л.С. Кучинской // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 387–392.

© Чернобай Г.К., Чернобай О.Л., 2023

РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ: МИЛИЦИЯ ПРИМОРЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Шабельникова Наталья Алексеевна¹

¹ Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД
России, Владивосток, Россия

¹ nhistorik@mail.ru, SPIN-код (РИНЦ) 6636-5032

Аннотация: В статье рассмотрены организация и деятельность органов милиции Приморья в кризисный для страны и региона период Гражданской войны и интервенции. На основе архивных источников и периодики дана общая характеристика условиям комплектования органов милиции и особенностям борьбы с преступностью. Делается вывод о том, что с учетом опыта создания народной милиции (в том числе, и в период ДВР), после окончания Гражданской войны, были заложены организационные основы формирования правоохранительных органов.

Ключевые слова: органы милиции, НКВД, Приморье, Гражданская война, ДВР, противодействие преступности.

Постановка проблемы. Неотъемлемой частью истории Гражданской войны является изучение истории правоохранительной системы (в ее региональном контексте). В 2022 г. отмечалось 100-летие окончания Гражданской войны, что способствовало увеличению значительного интереса к этим событиям. Исследователи рассматривали события не только в России, но и уделили внимание дальневосточной тематике [1–3]. Отдельные аспекты изучения проблемы получили рассмотрение в историографических и источниковедческих работах [4–7].

Основная часть. Создание милиции в Приморье имеет особенную историю, обусловленную военно-политической обстановкой в стране и на Дальнем Востоке. После Октябрьской революции созданные отряды Красной гвардии в Приморье взяли на себя помимо задачи поддержания революционного порядка борьбу с уголовной преступностью. Практически стали исполнять функции милиции. Работа по созданию рабочей милиции тормозилась по ряду обстоятельств – во Владивостоке всё еще «хозяйничала» дума. Меньшевики и эсеры не желали отдавать городскую милицию и уголовный розыск Советам [8, Л. 14]. В тот период по официальной статистике, регистрируется огромный рост совершаемых преступлений (грабежи, убийства, квартирные кражи, разбои на улицах не только в вечернее, ночное время, но и днём). Уголовный розыск был малочислен, работая на износ. В нем было много талантливых молодых людей. Из-за нехватки кадров росла уголовная преступность. Дошло до того, что уже в марте 1918 г. за грабежи был арестован помощник начальника 4-го городского

участка Оунеск и 6 милиционеров. Следствие подтвердило их причастность к 7-ми грабежам [9, Л. 34].

Растущая преступность в городе была «на руку» японцам, что являлось поводом и предлогом для ввода японских войск в город. 4 апреля 1918 г. контрразведка Японии совершила убийство своих подданных в торговой конторе «Исидо» (1 убит, 2 ранено). Прибывшим работникам уголовного розыска во главе с Л. Проминским японцы не дали возможность изучить место совершения преступления, провести осмотр убитого и другие следственно-разыскные действия. Прибывшим сразу же было заявлено, что японских подданных убили русские бандиты. Ни у кого не вызывало сомнения, что убийство совершили японцы. Но доказательств совершения ими убийства в тот момент не было, они появились позже. Япония использовала инцидент как повод для интервенции, якобы для защиты своих подданных от преступных посягательств на их жизнь. Ровно через сутки после убийства в особняке на Китайской улице от бортов крейсера «Ивами» отчалили первые шлюпки с японским десантом. Одновременно началась высадка войск с кораблей союзнической эскадры [7]. В тот же день во Владивостокском Совете состоялось экстренное совещание. Председатель Совдепа К. Суханов поставил вопрос о несостоятельности милиции в обеспечении правопорядка, борьбы с уголовной преступностью в городе. Обсуждались и вопросы в связи с высадкой десанта, что являлось началом интервенции на Дальнем Востоке.

В отношении милиции было принято постановление, обязательное для исполнения, по которому милиция полностью перешла в ведение исполкома Совета. Не более 3-х недель понадобилось для того, чтобы создать аппарат народной милиции [10, Л. 45]. Комиссаром внутренних дел в Приморской области стал К. Суханов, он же руководил Советом и вёл большую политическую работу. Уголовный розыск возглавил Л.И. Проминский. Начальником городской милиции Владивостока стал Дмитрий Мельников (он же был комиссаром Владивостокского телеграфа) [9, Л. 56]. Человек нестигаемой воли, обладающий прекрасными организаторскими способностями, фантастической смелостью и честностью. По его инициативе во Владивостоке впервые было введено патрулирование кварталов, улиц. Стали привлекаться граждане, жители города, которые искренне желали помочь малочисленной милиции, созданы оперативные группы, которые оказывали огромную помощь в ликвидации бандитских воровских шайк, отдельных опасных преступников. Был создан, впервые, милицейский клуб, который сразу же стал центром политической, просветительской, физической подготовки милиционеров. Читались лекции, была создана своя библиотека, спортивный зал. В городе совместными усилиями преступность была снижена.

Органы милиции стали способны решать сложные оперативные задачи. Уже в июне 1918 г. она успешно раскрыла белогвардейский заговор, во главе которого был бывший полковник Савченко. Наличие этой организации, её цель, силы, задачи, время выступления были добыты оперативным путём, а в её лик-

видации немалую роль сыграли начальник уголовного розыска Проминский, его помощники Потехин, Белентьев, а также Мельников.

29 июня 1918 г. во Владивостоке во время чехословацкого мятежа были арестованы председатель Совета Суханов, начальник милиции Владивостока Мельников и ряд других депутатов Владивостокского Совета. Их содержали в тюрьме Владивостока, а 18 ноября 1918 г. Мельников и Суханов погибли. Обстоятельства убийства станут известны намного позднее. В 1920 г. газете «Красное знамя» была опубликована информация : «Вечером 17 ноября 1918 года председателя Совета Суханова, начальника милиции г. Владивостока Мельникова, Свидерского и Уткина предупредили, что в 5 часов утра 18 ноября их из лагеря переведут в тюрьму. На вопрос «почему поведут так рано?» ответили, что вести днём – боятся нападения с целью их освобождения. Утром из лагеря в первую очередь вывели К. Суханова и Д. Мельникова. Вели их один чех, другой – словак, недалеко от казармы их зверски убили. Родные едва могли их познать. Полностью выяснить все обстоятельства убийства не удалось. Со слов палачей известно, что они стреляли им в спины, а затем добивали прикладами и докалывали штыками» [11].

Процесс организационного становления милиции прервался в августе 1918 г. с началом масштабной интервенции и высадкой иностранных войск во Владивостоке. Дальний Восток был оккупирован. Учитывая то, что некоторые села, волости находились под контролем белых сил и интервентов, не везде была возможность формирования органов милиции, а созданным пришлось работать в условиях боевых действий. На занятой интервентами территории милиция продолжала свою деятельность в основном в подполье.

Проект организации власти в Приморской области был принят первым повстанческим съездом трудящихся. Этот съезд состоялся в марте 1919 г. в селе Фроловка Сучанской долины. На съезде создали временный военно-революционный комитет Приморской области, состоящий из 5-и выборных представителей из Ольгинского, Никольского и Иманского уездов, 2 представителя – из городов Владивосток, Никольск–Уссурийск, с Сучанского рудника и от корейского населения – по одному. То есть был создан исполнительный орган, а законодательным органом являлся Совет трудящихся Приморской области. Сформированы комиссариаты и учреждения, в том числе – Внутренних Дел, он подразделялся на отделы: Отдел юстиции, в ведении которого находились народные суды первой и второй ступени (волостные и окружные), революционный трибунал, общесудебные следственные комиссии, организованные по Декретам ЦИК и СНК. Весь Комиссариат внутренних дел делился на Уголовный и Политический [12, Л. 38]. Работали дознаватели, специальные уполномоченные, паспортисты, назначенные из числа милиционеров-партизан. Исполнялись милицейские функции по задержанию нарушителей порядка, преступников, уничтожению банд и т.д.

С января 1920 г. и до ноября 1922 г. Владивосток не раз менял свой статус. И каждое новое правительство создавало свои органы правопорядка в области и городе. С апреля 1920 г. по май 1921 г. была милиция правительства области и военизированные дивизионы народной охраны милиции, подчиняющиеся своему штабу во Владивостоке [13]. После меркуловского переворота большая часть милиционеров и бойцов дивизиона ушла в партизанские отряды. Правительство Меркулова сформировало свою милицию при городской управе, придав ей батальон морских стрелков. Но действовали и милиционеры-подпольщики на территории многих городов, сел, в уездах и волостях, оккупированных интервентами.

В 1920 г. было освобождено Прибайкалье, амурские партизаны готовились к штурму белых в Хабаровске, в Благовещенске. Но успехи омрачались тем, что оставалась огромная японская армия. Заявив о своём невмешательстве, стягивая свои войска к Владивостоку, она вынашивала свои милитаристские планы. В связи с военной обстановкой для недопущения войны с Японией, в Верхнеудинске на съезде трудящихся Прибайкалья была создана ДВР, куда вошли все области от Байкала до Тихого океана. Правительство республики возглавил большевик А.М. Краснощёков.

Как только в январе 1920 г. власть во Владивостоке перешла в руки правительства областной земской управы, приморцы, в лице Военного совета, немедленно приступили к созданию и строительству народной милиции ДВР, которая впоследствии станет Приморской советской милицией. При Военном совете был создан особый отдел, который возглавил К.Ф. Пшеницын. Проведена медленная и тщательная зачистка милицейского аппарата от контрреволюционных элементов. Определено четкое правовое положение о милиции, её функциях, создании специальных милицейских подразделений и школы милиции. В милицию направлены работать члены ВКП(б): И.З. Сидоров, П.К. Волгин, Д.И. Фоменко, Л.И. Проминский и др. В феврале личный состав милиции объединился в одну общественную организацию – Союз милиционеров, председателем Союза избрали Проминского [14, Л. 41].

20 февраля 1920 г. во Владивостоке организуется областное управление народной милиции. Начальником его, как он тогда назывался – правительственным инспектором, назначен Н.И. Колесниченко. Штат областного управления Приморской милиции был невелик, а задачи перед ними стояли сложные. Предстояло за короткий срок создать во всех городах и уездах области новые милицейские органы, наладить оперативную информацию, организовать снабжение и обсудить в короткие сроки все организационные вопросы по работе новых структур милиции. Функции милиции были разнообразны: кроме охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, приморская милиция несла таможенную службу, охрану государственной границы, портовых и железнодорожных сооружений, складов и иных военных объектов. Важной проблемой стал и вопрос обучения работников милиции. В короткие сроки во Владивосто-

ке была создана специальная школа подготовки милиционеров, она была рассчитана на 200 курсантов. Обучались курсанты полгода. Начальником школы был назначен К.В. Кулагин [15, С. 150].

Другой значительной задачей стало формирование специальных боевых подразделений милиции – дивизионов народной охраны. По настоянию японского командования между Хабаровском и Владивостоком, вдоль железной дороги, устанавливалась нейтральная полоса шириной в 30 км. На территории этой зоны расположенные Владивосток, Никольск-Уссурийск, Спасск, Сучан, Хабаровск не должны были допускать формирований каких-либо воинских частей, кроме милиции, общая численность которой была определена в 6000 чел.

Формирование дивизионов народной охраны шло под видом создания резерва милиции, но цели того вынужденного предприятия далеко выходили за рамки чисто милицейских потребностей. Они создавались по той же структуре, что и подразделения РККА: батальон-рота-эскадрон или спецкоманда. Милиционеры дивизионов носили форму, находясь на казарменном положении. В промежутках между постовой и патрульной службами, а также выходом на проведение операций по задержанию преступников, ведением обысков, сотрудники милиции занимались боевой и политической подготовкой. Непременным требованием к командному и политическому составу была высокая военная подготовка и политическая грамотность.

Назначались на службу в милицию и бывшие офицеры. Яркий пример самоотверженной службы в милиции – П.Н. Нельсон–Гирст. Полный Георгиевский кавалер, он прошёл фронты Русско-японской и Первой мировой войн, был не раз ранен. Вернувшись домой, он вступил в большевистское подполье. В мае 1920 г. возглавил командование дивизиона народной охраны, а в июне – провёл операцию по разгрому семеновско-бочкарёвских банд в Хабаровске. Лично участвовал в боях с белогвардейцами, своей смелостью и отвагой завоевал славу героя. Павел Николаевич – единственный офицер царской армии, долгие годы служивший в милиции Приморья [16].

Весной, в ночь с 4 на 5 апреля 1920 г., японские войска совершили вероломное вооруженное нападение на части НРА, партизанские отряды, свергли созданные советские органы власти от Владивостока до Хабаровска. Начало объединения областных милиций в единую республиканскую было положено приказом министра внутренних дел ДВР от 24 ноября 1920 г.. Было образовано Главное управление милиции, в него вошли три отдела – Общий, Снабжения и Инструкторский. В подчинении Главного управления находилось: 5 областных, 14 городских и 17 уездных отделов милиции [17, Ст. 112].

Становление Приморской милиции шло в тяжёлых условиях. Материальное положение было чрезвычайно скудным по причине экономической разрухи. Промышленность и сельское хозяйство в Приморье были разорены Гражданской войной. В Приморье ещё оставались японские войска, создавались организованные банды, в том числе, хунхузов, наметился огромный рост преступности, контра-

банды. Ощущалась большая нехватка вооружения. В 1921 г. комплект оружия составлял 50% [16]. Милиционеры были вооружены холодным оружием, кое-кто – берданками. Автотранспорт отсутствовал. Для передвижения оставалось единственное средство – это лошадь. «Береги своего коня, милиционер, – говорилось в одном из лозунгов того времени, – это твой друг и брат!».

Начальником Главного управления милиции в январе 1921 г. назначили бывшего командира Тетюхинского партизанского отряда В.Е. Сержанта. В конце 1921 г. при структурной перестройке сформировали 5 областных управлений милиции, в том числе, Приморское управление. Его начальником стал Г.К. Гнатенко [16]. Под Хабаровском, затем под Волочаевкой шли упорные сражения. В ДВР сумели быстро мобилизовать силы и начала стягивать их к линии фронта. В связи с этим перестроилась на военный лад и работа милиции. Для нее стало главной задачей обеспечить быструю переброску на фронт воинских подразделений, снарядов, боеприпасов. На участке от Свободного до Хабаровска создали отряд народной милиции с особыми чрезвычайными полномочиями. После каппелевских переворотов во Владивостоке и Никольск-Уссурийске милиция этих городов сосредоточилась на станции Уссури, образовав там милицейский полк. Ему пришлось первому вступить в бой с многочисленным отрядом генерала Молчанова [18, Л. 53]. Тяжёлое отступление с боями до Хабаровска унесло в могилу многих милиционеров. Позднее этот милицейский полк штурмовал «Дальневосточный Перекоп» – Волочаевскую сопку.

В декабре 1921 г. по объявлению мобилизации в НРА направлены были многие преданные, опытные работники милиции. Массовый уход кадров в НРА значительно ослабил состав милиции, особенно её специальные аппараты, в частности, уголовный розыск. Увеличилось количество разбойных, вооруженных нападений, убийств и других тяжких преступлений. Преступность выросла в 3,5 раза, раскрываемость преступлений составляла 30–35% к общему числу совершенных [18, Л. 58]. 19 декабря 1921 г. в адрес обкомов была послана срочная телеграмма с требованием воздержаться от мобилизации на фронт милиционеров. Из армии срочно отзывали бывших сотрудников милиции, в первую очередь, работавших в уголовном розыске.

25 октября 1922 г. во Владивосток вступили войска ДВР. Полнота власти и обеспечение порядка перешли к городской управе и её милиции, а 15 ноября 1922 г. Приморье вошло в состав РСФСР.

Результаты исследования. Таким образом, на процесс создания органов милиции в Приморье значительное влияние оказывала военно-политическая обстановка в стране в целом, и на Дальнем Востоке, в частности. Широкий круг возлагаемых на органы милиции обязанностей по борьбе с преступными посягательствами дополнялся не только обязательствами содействия государственным органам, но и, в случае необходимости, выполнения функций вооруженного исполнительного органа власти. С учетом опыта формирования органов милиции (в том числе, и в период ДВР), после окончания Гражданской войны, были заложены основы правоохранительной системы Дальнего Востока.

Список источников и литературы

1. Гагкуев Р.Г., Репников А.В. Великий и страшный 1918 год: Иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России. М.: Яуза, 2018. 400 с.
2. Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.). 5-е изд. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2022. 544 с.
3. Бучко Н.П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922). Хабаровск: Частная коллекция, 2009. 253 с.
4. Беляева Н.А., Шабельникова Н.А., Милежик А.В., Усов А.В., Никонов К.О. Информационные ресурсы фондов РГИА ДВ и ГАХК по истории полиции и милиции Дальнего Востока России (1860–1922). Владивосток: ДВФУ, 2019. 60 с.
5. Кулешов Д.С., Орнацкая Т.А. Историография деятельности отечественных органов безопасности на Дальнем Востоке России в 1922–1930 гг. // Клио. 2023. № 7. С. 13–20.
6. Шабельникова Н.А., Беляева Н.А. Деятельность правоохранительных органов и спецслужб на Дальнем Востоке России в ракурсе современных отечественных исследований // Клио. 2023. № 7. С. 29–38.
7. Шабельникова Н.А., Орнацкая Т.А., Усов А.В. Тема 7. Дальний Восток в годы Великой российской революции (1917–1922 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. № S21.
8. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 44.
9. Архив Управления МВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1.
10. РГИАДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 975.
11. Красное знамя. 1920. 1 мая. № 64.
12. РГИАДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 953.
13. Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 30 июня.
14. Архив Управления МВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2.
15. Орнацкая Т.А., Головин С.А. Флагман подготовки милицейских кадров на Дальнем Востоке // Гуманитарные науки и образование. 2018. Т. 9. № 1. С. 148–153.
16. Музей Управления МВД России по Приморскому краю. Документальный фонд.
17. Собрание узаконений Дальневосточной республики. 1921. № 5.
18. Архив Управления МВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3.

Для цитирования: Шабельникова Н.А. Рожденная революцией: милиция Приморья в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 393–399.

НОВАТОРСКАЯ ВОЕННО-ОРГАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Н. ТУХАЧЕВСКОГО В 1918 Г. В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Шайдуллин Амин Ирекович¹

¹ Ульяновский государственный технический университет,
Ульяновск, Россия
¹ am1nix@mail.ru

Аннотация: В работе дана характеристика армейских преобразований и введению в 1-й армии РККА в 1918 г. новых приемов тактики боя, осуществленных благодаря М.Н. Тухачевскому. Основа исследования – впервые вводимые в научный оборот неопубликованные источники. Подчеркивается роль названного формирования, как площадки для апробации новшеств, позднее общепринятых в РККА.

Ключевые слова: военная антропология, М.Н. Тухачевский, РККА, военспецы, Гражданская война, Восточный фронт, Симбирская губерния.

К 130-летию М.Н. Тухачевского

Постановка проблемы. В 2023 г. исполняется 130 лет со дня рождения Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского, выдающегося советского военного деятеля и реформатора РККА. Но впервые проявить себя как талантливый организатор он смог именно во время Гражданской войны, на территории Симбирской губернии – тогда фронтовой территории. Отметив, что комплексное исследование этого периода жизни полководца отсутствует, констатируем дефицит объективной документальной информации в научном обороте по обозначенному вопросу. Проблематика исследования находится на стыке решения задач военной истории, военно-патриотического краеведения и обусловлена неоднозначным толкованием исторических событий изучаемого периода. Цель нашей работы – выявив новые источники, рассмотреть новаторскую деятельность М.Н. Тухачевского в Симбирской губернии в 1918 г. Источниковая база представлена сочетанием документальных материалов ряда архивов, воспоминаниями и теоретическими работами по военной истории.

Основная часть. По мнению историков Н.И. Шило и А.В. Глушко, М.Н. Тухачевский мог бы уехать из России в 1917 г., но он остался верен своей стране, своему народу и старался быть полезен в деле защиты государства против интервентов и белогвардейцев чехословацкого корпуса [1, С. 5]. 19 июня 1918 г. он был направлен на Восточный фронт (где обстановка была особо тяжела) со следующим мандатом: «Предъявитель сего военный комиссар Московского района Михаил Николаевич Тухачевский командирован в распоряже-

ние главкома Восточного фронта Муравьева для использования работ исключительной важности по организации и формированию Красной Армии в высшие войсковые соединения и командования ими» [2, С. 13].

27 июня М.Н. Тухачевский прибыл на станцию Инза, где находился штаб формирующейся 1-й революционной армии, а затем в «тот же день, отправился в Симбирск. Здесь он встретился с руководителями большевиков И.М. Варейкисом и М.А. Гимовым» [3, С. 2]. Здесь же Тухачевский подписал приказ о своем вступлении в командование 1-й армией, указав на грозную опасность, нависшую над Родиной, он призвал красноармейцев «напрячь все силы, чтобы раздавить контрреволюцию» [3, С. 24]. Тухачевского в то время описывают так: «двадцати пяти лет от роду, в ладной, пригнанной по фигуре гимнастерке, в начищенных сапогах, с аккуратным пробором ни голове и с пронизывающей ясностью в голубых глазах. Умел слушать, говорил немногословно» [4, С. 52]. Офицеры видели в командарме человека своей среды, его вежливость и корректность производили благоприятное впечатление и облегчали принятие психологически непростого решения о вступлении в РККА [2, С. 13].

Во время своей деятельности в Симбирской губернии Тухачевский проявил высокий уровень развития организаторских и военных способностей. Его можно смело назвать новатором, так как он вносил и осуществлял прогрессивные для своего времени идеи и приемы в области военно-организаторской деятельности. Документальным подтверждением данных фактов являются ранее неопубликованные воспоминания С.С. Островского – современника полковника, обнаруженные нами в Научном архиве Пензенского государственного краеведческого музея [5].

В июле 1918 г. Тухачевский впервые в РККА объявил всеобщую мобилизацию, начав призыв на службу бывших офицеров. Приказ по 1-й армии от 3 июля 1918 г. гласил: «Для создания боеспособной армии необходимы опытные руководители, а потому приказываю всем бывшим офицерам, проживающим в Симбирской губернии, немедленно встать под красные знамена вверенной мне армии. Сегодня 4-го сего июля офицерам, проживающим в городе Симбирске, прибыть к 12 часам в здание кадетского корпуса ко мне. Не явившиеся будут предаваться военно-полевому суду» [6, С. 52]. Политработник 1-й армии О.Ю. Калнин так вспоминал об этом: «С вновь прибывшим командиром Тухачевским вся картина начала меняться. Мы начали жестокую борьбу за порядок в армии. Первым делом поставили на должную высоту командный состав и революционную дисциплину, привлекли специалистов под строгим контролем политических комиссаров. <...> У нас не было соответствующего командного состава, не было штабной организации. Тогда объявили самопроизвольно мобилизацию офицеров в г. Симбирске и Пензе. Результаты превзошли все ожидания. Мы получили много инженеров, артиллеристов и пеших офицеров...» [7, С. 38, 42]. Позже, 11 февраля 1919 г. Тухачевский писал И.М. Варейкису, оценивая совместные труды: «То, на что мы решились в нача-

ле июля, т. е. использование бывших офицеров и общая мобилизация, то же самое было проведено центром лишь в ноябре» [8, С. 394]. К концу 1918 г. Симбирский опыт был распространен в РККА.

Отсутствие в новой армии чёткой организационной структуры самым пагубным образом отражалось и на её боеспособности и дисциплине. «Никаких аппаратов управления ещё не существовало, – вспоминал Тухачевский. – Боевой состав армии никому не был известен <...>. Сами части, почти все без исключения, жили в эшелонах и вели так называемую эшелонную войну. Ни о какой дисциплине не было и речи <...>. При малейшей неудаче или даже при одном случае обхода эти отряды бросались в эшелоны и сплошной эшелонной "кишкой" удирали иногда по несколько сот верст (например, от Сызрани до Пензы) <...> Были и такие части (особенно некоторые бронепоезда и бронепоезда), которых нашему командованию приходилось бояться чуть ли не так же, как и противника» [9, С. 74].

В фондах ГАУО нами была выявлена схема «Симбирские формирования Восточного фронта» (составлена В.А. Радильчуком) [10, Л. 1], иллюстрирующая строительство РККА на основе всеобщей воинской повинности в Симбирской губернии под руководством Тухачевского. Разрозненные отряды сводились в полки, бригады, дивизии. Так, были созданы Пензенская (ныне 20-я), Инзенская (ныне 15-я) и Симбирская (ныне 24-я) стрелковые дивизии и отдельная Вольская группа [11, Л. 5]. «С момента организации регулярных батальонов и рот в полках начались систематические строевые, тактические и политические ежедневные занятия с красноармейцами», – вспоминал политработник П.А. Шуватов [7, С. 277]. В записках В.В. Куйбышева «Первая революционная армия» находим: «М.Н. Тухачевский на фоне партизанщины был уже, по существу, представителем нового периода в истории армии. Быть может, поэтому в Первой армии меньше, чем где бы то ни было, сказались отрицательные стороны партизанства» [7, С. 26]. Кроме привлечения в армию старых специалистов и реформирования добровольческих отрядов в постоянные армейские подразделения, Тухачевский занялся дисциплиной. Его приказ гласил: «<...> Все обязаны поддерживать связь с начальниками, о всех передвижениях и действиях состава в силе и расположении войск своих и противника обстоятельно доносить. Виновные в неисполнении будут мною безжалостно расстреляны. <...> Объявляю, что я заставляю исполнять всех свой долг и не остановлюсь перед расстрелом целых частей поголовно...» [12, Л. 15].

Начдив Железной дивизии Г.Д. Гай вспоминал: «<...> Подобными, может быть, излишне беспощадными мерами мы приобрели двойную пользу: во-первых, в глазах местных жителей сильно поднялся авторитет дивизии, и во-вторых, военная дисциплина была поставлена на должную высоту» [13, С. 36]. «Одним из основных вопросов был в то время вопрос материального обеспечения войск. Решая его, Тухачевский предложил создать в составе армейского управления не предусмотренный никакими положениями отдел заготовок. При

отделе заготовок развернулись мастерские по ремонту обуви, обмундирования и пошивке белья. Эта инициатива Тухачевского быстро получила всеобщее признание. Аналогичные отделы появились и в других армиях, а затем даже в центре было учреждено управление заготовок» [6, С. 65]. Это решение командарма позволило в сложной экономической обстановке страны решить некоторые вопросы тылового обеспечения войск.

Немаловажен был тогда вопрос поощрения отличившихся красноармейцев. Известен документ – благодарность за подписью Тухачевского [14, Л. 14], что говорит о появлении новой формы поощрений в виде печатных документов вдобавок к награде типа «красных шаровар».

В 1918 г. на Восточном фронте решалась судьба РСФСР, в том числе, на территории Симбирской губернии. Военный историк В.А. Кузнецов писал: «<...> Симбирск – это контроль над значительным участком волжского пути. Именно с этой точки зрения наш город рассматривался и большевиками, и комучевцами. <...> В задачу 1-й армии входило воспрепятствование противнику пользоваться Волгой как рокадным путём, для чего она должна была в кратчайший срок овладеть Симбирском» [15, С. 118–120].

Симбирская операция началось 25 августа 1918 г. Очевидец событий С.М. Измайлов вспоминал: «Командарм 1-й Армии тов. Тухачевский принял решение использовать те удобства, какие дают извилины Волги. Волга выше Симбирска делает большой, верст до 25, поворот под прямым углом на восток. Высадка десанта глубине этого поворота у пристани Старая Майна сразу создавала угрозу глубокому тылу белых, наступавших на Симбирск. <...> Тухачевский решил эти природные условия использовать для разгрома белых, развернув план десантных операций на Волге <...>. Решено было, помимо десанта у Старой Майны, произвести десант у села Красный Яр, в 10–12 верстах ниже Симбирского моста, с тем чтобы обоими этими десантами зажать в тиски рвущегося на Симбирск противника» [7, С. 296]. Сложное многоэтапное симбирское наступление было первой масштабной операцией, детально разработанной, подготовленной и выполненной Тухачевским.

Согласно приказу по 1-й армии от 7 сентября за №7, литер Г для обеспечения успеха наступления на левом фланге 5-му Курскому отдельному полку после выгрузки на ст. Чуфарово надо было погрузиться на грузовые автомобили и совершить обходной маневр через дер. Криуши, Холмогорскую, Теньково, Н. Маклауши. В селе Алгаши оставить заслон, а главным силам двинуться на с. Нагаткино, войти в связь с частями дивизии, действующими южнее, и к вечеру 10 сентября занять дер. Лаишевка [8, С. 155]. Из данных сведений следует, что Тухачевский впервые использовал для быстрой переброски войск на фланг не железнодорожный транспорт, а автомобили, что позволило обеспечить внезапность удара в обход фланга в глубину обороны противника, отрезав пути отступления на Казань. Части, не утомленные долгим пешим переходом, были более боеспособны. Так рождалась «мотопехота» времен Гражданской войны. Сам командарм позднее вспоминал: «Приказом по армии за № 7 начало наступления

было назначено на утро 9 сентября и взятие Симбирска было рассчитано на третий день наступления <...>. В основу этих расчетов было положено: во-первых, превосходство наших сил, во-вторых, выгодность обхода при намеченном концентрическом движении и, в-третьих, быстрота движения и внезапность. Все эти расчеты полностью оправдались на деле» [9, С. 87]. Бывший начштаба 1-й армии (позже генерал-майор) Н.И. Корицкий, вспоминая о тех событиях, отмечал: «Первой крупной операцией, разработанной Михаилом Николаевичем, была операция по освобождению Симбирска. <...> М.Н. Тухачевский впервые применил переброску пехотного полка на автомашинах во фланг противника. Это был прообраз применения мотопехоты» [11, Л. 5].

Анализируя источники, мы обнаружили, что, используя положительный опыт переброски 5-го Курского полка автотранспортом для удара во фланг обороны противника, Тухачевский совершил переброску этого полка и кавалерийского дивизиона, но уже водным транспортом [8, С. 179]. Отсюда уверенно можно утверждать, что Тухачевским в 1918 г. на территории Симбирской губернии впервые было создано мобильное ударное войсковое соединение, маневрируя которым, командарм наносил смелые и неожиданные удары во фланги и тыл войск противника, что привело к успеху операции. За ту победу на первом чрезвычайном заседании Симбирского губисполкома 15 сентября 1918 г. Тухачевскому была объявлена благодарность.

Результаты исследования. Изучив военно-организаторскую деятельность М.Н. Тухачевского на территории Симбирской губернии в 1918 г., отметим, что создавая на территории Симбирской губернии первое соединение РККА, он проявил высокий уровень развития организаторских и военных способностей. В порядке гипотезы мы полагаем, что этот опыт через год стал предтечей организации системы военного образования в 5-й армии РККА. Идейными вдохновителями этого стали Тухачевский и Корицкий, действовавшими в тесном тандеме [См. подр.: 16].

Основными направлениями деятельности командарма в Поволжье были армейские преобразования и разработка новых тактических приемов ведения боевых действий. В исследуемый период Тухачевский внедрил опыт использования мобильной ударной войсковой группы с применением различных видов транспорта. В числе ключевых причин обеспечения высокой боевой эффективности 1-й армии стали грамотные решения Тухачевского в кадровом вопросе (призыв офицеров, система поощрений и поддержания дисциплины) и устройстве организационно-штатной структуры армии (сведение разрозненных отрядов в дивизии, создание службы тыла). Средства и способы, которые использовались им для достижения поставленных в рамках данных направлений целей, соответствовали требованиям времени.

Научные руководители А.В. Романов, М.К. Потапова
(Ульяновское гвардейское суворовское военное училище МО РФ).

Список литературы и источников

1. Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: Центрполиграф, 2014. 766 с.
2. Соколов Б.В. Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала». Смоленск: Русич, 1999. 512 с.
3. Гнутов М.А. О Михаиле Николаевиче Тухачевском. Очерк к 71-й годовщине со дня освобождения Симбирска – Ульяновска от белогвардейцев [Машинопись] // ГАНИУО. Ф. 6040. Оп. 1. Д. 88. Л. 2–24.
4. Миндубаев Ж.Б. С Венца далеко видно: документальная повесть. Саратов: Приволж. кн. изд-во, Ульян. отд-е, 1989. 315 с.
5. Островский С.С. Три встречи // Научный архив Пензенского государственного краеведческого музея. Папка «Воспоминания современников о М.Н. Тухачевском». Маркировка: «Н/А № 358».
6. Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1965. 248 с.
7. Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: Сб. восп.. Ульяновск: кн. изд-во, 1958. 486 с.
8. Симбирская губерния в годы Гражданской войны. Май 1918 г. – март 1919 г.: Сб. док-тов. Т. 1. Ульяновск: кн. изд-во, 1958. 488 с.
9. Тухачевский М.Н. Первая армия в 1918 г. // Избранные произведения. Т. 1. М.: Воениздат, 1964. С. 73–92.
10. ГАУО. Ф. Р–3863. Оп. 1. Д. 104.
11. Корицкий Н.И. Талантливый полководец // ГАНИ УО. Ф. 57«А». Оп. 2. Д. 722.
12. ГАУО. Ф. Р–1090. Оп. 1. Д. 2.
13. Гай Г.Д. Борьба с чехословаками на Средней Волге. М.: Госвоениздат, 1931. 79 с.
14. ГАУО. Ф. Р–125. Оп. 2. Д. 518.
15. Кузнецов В.Н. Гражданская война на территории Симбирской губернии // Календарь знаменательных дат: Ульяновская область. 2008 год. Ульяновск, 2008. С. 118–120, 131–134.
16. Федотова И.В. Трудности и достижения: становление Сибирского управления военных учебных заведений РККА (1919–1920 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 73–82.

Для цитирования: Шайдуллин А.И. Новаторская военно-организаторская деятельность М.Н. Тухачевского в 1918 г. в Симбирской губернии // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 400–405.

**ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА П. Ф. РЯБИКОВА
«У АДМИРАЛА А. В. КОЛЧАКА. ЧАСТЬ I. В ОМСКЕ
С МАЯ ПО НОЯБРЬ 1919 г.» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Шереметьева Дарья Леонидовна¹

¹ ГПНТБ СО РАН, Новосибирск, Россия

¹ dalas83@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9712-5372

Аннотация: Впервые комплексно проанализирован информационный потенциал первой части воспоминаний генерал-майора П.Ф. Рябикова «У адмирала А.В. Колчака», служившего 2-м генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем, затем начальником штаба Восточного фронта. Сделан вывод, что воспоминания поверхностны, тенденциозны, не являются надежным источником для изучения большинства затронутых автором сюжетов. Текст ценен подробными описаниями отдельных событий, характеристиками политических деятелей, мнениями и оценками мемуариста.

Ключевые слова: историческая антропология, генералитет, П.Ф. Рябиков, А.В. Колчак, Гражданская война, исторические источники, эго-документы, мемуары.

Постановка проблемы. Осмысление событий Гражданской войны в России ее участниками было масштабным социально значимым процессом. Одним из широко распространенных способов «работы с прошлым» для современников служило написание воспоминаний. Многочисленные мемуары в разной степени ценны для установления фактов, их интерпретации. В первую очередь интерес представляют воспоминания людей, находившихся в эпицентрах политических событий. К таким фигурам относится генерал-майор П.Ф. Рябиков, служивший с конца мая 1919 г. 2-м генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем всеми вооруженными силами России, затем начальником штаба Восточного фронта и, наконец, генералом для поручений при отступлении белой армии из Омска в Читу.

Основная часть. Павел Федорович Рябиков (1875–1932) происходил из семьи офицера. Он сделал успешную военную карьеру в Российской армии, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Служил в основном на штабных должностях, специализируясь на разведке. На рубеже 1917 – 1918 г. П.Ф. Рябиков сотрудничал с советскими властями. В мае 1918 г. он оставил штабную работу и сосредоточился на преподавании в Военной академии Генштаба. С академией оказался в подчинении антибольшевистского Временного Сибирского правительства в Томске, где в короткий срок написал и защитил диссертацию на должность экстраординарного профессора [1; 2, С. 525–526; 3].

Преподавательская и военно-научная деятельность, по всей вероятности, импортировали его характеру и позволяли дистанцироваться от перипетий Гражданской войны. Но в конце мая 1919 г. он согласился на ответственную должность 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем всеми вооруженными силами России адмирале А.В. Колчаке «в самом центре всех событий в Сибири в Омске» [4, Л. 4].

Ко времени ответственного назначения П.Ф. Рябиков обладал достаточно высоким чином генерал-майора, разнообразным военным опытом, богатыми знаниями в военном деле, был полон сил и сохранял высокую работоспособность. Он поддерживал военную диктатуру А.В. Колчака, созвучную политическим представлениям потомственного кадрового военного. Должности 2-го генерал-квартирмейстера и затем начштаба Восточного фронта стали вершиной карьеры П.Ф. Рябикова, продержавшегося в военном руководстве контрреволюции относительно длительное и тяжелое время – с 28 мая по 8 ноября 1919 г. После поражения антибольшевистских вооруженных сил в гражданской войне П.Ф. Рябиков покинул Россию. В эмиграции он по мере возможностей продолжал «борьбу за освобождение родины» [4, Л. 108]. В этом контексте генерал написал воспоминания о Гражданской войне. Рукопись «У адмирала А.В. Колчака» П.Ф. Рябиков закончил в Праге в мае 1929 г., передав в архив вместе с некоторыми хранившимися у него служебными документами. Сейчас она хранится в ГАРФ, а электронный образ доступен на сайте Президентской библиотеки [5].

До сих пор лишь единичные свидетельства из мемуаров П.Ф. Рябикова использованы в историографии [6; 7; и др.]. Задача данного исследования – комплексная оценка информационного потенциала первой части воспоминаний генерал-майора П.Ф. Рябикова «У адмирала А.В. Колчака», так как именно в ней автор описал службу 2-м генерал-квартирмейстером и начальником штаба Восточного фронта. Полный текст воспоминаний относительно небольшой по объему: 226 страниц рукописи или 5,5 авторских листов машинописи; 4 страницы оказались утеряны. Рукопись содержит незначительные исправления стилистического характера и вставки автора.

Мемуары П.Ф. Рябикова состоят из введения, 2-х равноценных по объему частей, заключения и приложений «В военной академии» и «Некоторые подробности организации и работы контрразведки». Введение и заключение содержательно относятся к общественно-политической полемике конца 1920-х гг. по поводу сути и причин поражения антибольшевистского движения. П.Ф. Рябиков считал изданную в 1920-х гг. советско-большевистскую и эмигрантскую литературу очернением белых. Сам он указывал, что принимал участие в широком, социально разнородном и многонациональном «освободительном движении» «борцов за возрождение родины». Причинами поражения называл военно-стратегическую, идеологическую и политическую разрозненность движения и неспособность военного и государственного управления мобилизо-

вать достаточные для победы ресурсы. Вводный и заключительный тексты мемуаров написаны в широких хронологических и территориальных рамках. Они претендуют на концептуальное обобщение, но содержат суждения и оценки, большая часть которых лишь косвенно связана с основным содержанием воспоминаний и, вероятно, заимствована.

Основное содержание воспоминаний П.Ф. Рябикова посвящено военно-политическим событиям в Сибири в мае 1919 г. – феврале 1920 г. Первая часть мемуаров называется «В Омске с мая по ноябрь 1919 года». Она состоит из трех глав, посвященных истории формирования и работе управления 2-го генерал-квартирмейстера и службе П.Ф. Рябикова начальником штаба Восточного фронта. В первой главе лаконично сообщается о переезде П.Ф. Рябикова из Томска в Омск в конце мая 1919 г. в связи с коренной реорганизацией военного управления. Столь значимое в карьере событие автор лишь констатирует, оставляя впечатление его случайности. Мемуары не подтверждают и не опровергают существующую в историографии сомнительную гипотезу о том, что генерал был замечен высшим командованием благодаря выпущенной им в Томске в 1919 г. книге «Разведывательная служба в мирное и военное время» [6, С. 132]. Причины, обстоятельства и ход реорганизация военного управления в конце мая 1919 г., когда были объединены в руках генерал-майора Д.А. Лебедева ставка и Военное министерство, описаны П.Ф. Рябиковым кратко и сумбурно. Он обозначил, что изменения должны были решить некие проблемы снабжения армии и оптимизировать взаимодействие между военными и гражданскими учреждениями на востоке России. Основное же внимание автор уделил характеристикам начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-майора Д.А. Лебедева, управляющего Военным министерством генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга, Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и ряда других должностных лиц. Такое распределение акцентов в мемуарах согласуется с выводами историографии о том, что реорганизация являлась в первую очередь результатом жесткого личного противостояния в высших военных кругах, а лишь затем – стремлением к оптимизации системы управления [8, С. 46].

О задачах собственной работы П.Ф. Рябиков лаконично сообщил, что формировал управление 2-го генерал-квартирмейстера по образу армии имперской России «с учетом опыта Великой войны» [4, Л. 11]. Общий смысл первой главы воспоминаний П.Ф. Рябикова сводится к тому, что система высшего военного управления антибольшевистскими вооруженными силами на всем протяжении гражданской войны была громоздкой, костной и не соответствовавшей решаемым военным задачам. А виноваты в этом были «единственное лицо, которое могло бы сдвинуть дело с мертвой точки и дать ему должный ход», – Верховный правитель адмирал А.В. Колчак, – и «заметно влиявший» на него начальник штаба Д.А. Лебедев.

Во второй главе воспоминаний П.Ф. Рябиков со ссылками на документы описал структуру и содержание работы управления 2-го генерал-квартирмейстера. Управление состояло из разведывательного отдела, отдела контрразведки и военного контроля, осведомительного отдела и особого отделения. Работу разведывательного отдела П.Ф. Рябиков описал схематично, как в учебнике: перечислил источники информации (ниже стоявшие штабы, агенты, перехваченные документы и радиосообщения, сведения телеграфных агентств и дипломатов), обозначил порядок составления сводок, сведений о противнике, сообщил о ежедневных докладах Д.А. Лебедеву.

Из разведывательной деятельности П.Ф. Рябиков рассказал лишь 2 случая, запомнившиеся ему, вероятно, тем, что выбивались из ежедневной рутинной работы, задев его личный интерес. Из них относительно подробно он изложил лишь историю командира бригады, полковника В.В. Котомина, добровольно перешедшего через фронт из РККА в белую армию, сообщившего ценные разведанные, но незаслуженно публично униженного и вскоре умершего [4, Л. 13–13об.]. П.Ф. Рябикову претило широко распространенное в антибольшевистских вооруженных силах неприятие офицеров, добровольно переходивших фронт. Он считал травлю несправедливой и вредной. Акцент на этой теме в мемуарах, вероятно, был вызван тем, что в эмиграции обвинения продолжались. Свое участие, работу сотрудников и качество разведки мемуарист оставил без внимания. Замалчивание основной деятельности (разведка для управления боевыми действиями) согласуется с выводами историографии о том, что ставка занималась политикой, а не фронтом [7, С. 46].

О контрразведке и военном контроле П.Ф. Рябиков написал в мемуарах очень кратко, дополнив информацию специальным приложением [4, Л. 137–147об.]. Автор выразил несогласие с нападками на политический розыск и заявил о его «достаточно хорошей работе». При этом генерал утверждал, что Председатель Совета министров Российского правительства П.В. Вологодский представлял партию эсеров в правительстве адмирала А.В. Колчака [4, Л. 14об.]. Этот политический стереотип о премьер-министре бытуя в военных кругах, противоречил действительности. Ошибка такого уровня вряд ли была возможна в верно информированной контрразведке.

Осведомительный отдел руководил военной цензурой, собирал сведения о настроениях комбатантов и гражданского населения, ведал пропагандой на территории военных действий и в тылу врага, а также занимался культурно-просветительной работой в войсках. Судя по воспоминаниям П.Ф. Рябикова, этот отдел стоил ему большого беспокойства. Он объяснил значение осведомительного отдела и содержание его работы, рассказал о «продавливании» назначения на должность начальника отдела полковника Г.И. Клерже, судимого за нарушение дисциплины, написал о том, что работа отдела не оправдывала ожидания начальства, вызывая нарекания Д.А. Лебедева и даже вспышки гнева у Верховного правителя. П.Ф. Рябикову приходилось лично отвечать за «недо-

смотрю» цензуры, сбой в распространении литературы и меры для улучшения пропаганды, хотя сам генерал не понимал идейно-политических основ режима. Мемуарист оговорился, что взаимодействовал по вопросам «осведомления» с канцелярией Совета министров, РТА и пресс-бюро. О необходимости встречаться с редакторами газет и творческой интеллигенцией П.Ф. Рябиков пренебрежительно написал как об отвлечении от «очередной текущей работы». По существу, генерал расписался в неудаче осведомительной работы, но не видел в этом своей ответственности.

Особое отделение управления 2-го генерал-квартирмейстера, занимавшееся обеспечением нужд иностранных военных миссий в Омске и секретной слежкой за ними, описано П.Ф. Рябиковым в нескольких словах и оценено «как работавшее хорошо» и «довольно полезно» [4, Л. 21об.]. Автор охотно делился при этом своими впечатлениями о начальниках английской и французской миссий, живым воспоминанием о прощальном обеде у британского генерала А. Нокса, мнением о японской и китайской миссиях, а также сообщил об ограниченности русской слежки в чехословацких войсках.

Заканчивается глава краткими характеристиками глава МВД Российского правительства В.Н. Пепеляева, министра финансов И.А. Михайлова, товарища министра иностранных дел И.И. Сукина, министра путей сообщения Л.А. Устругова и управляющего делами Совета министров Г.Г. Тельберга, с которыми он взаимодействовал по службе. О своем участии в заседаниях Совета министров П.Ф. Рябиков лишь упомянул, не придав этому значения.

Итак, вторая глава содержит фрагментарную информацию о деятельности П.Ф. Рябикова на должности 2-го генерал-квартирмейстера и вполне согласуется с оценками современников, считавших его «поглощенным своим делом» ответственным исполнителем [9, С. 794], но бесталанным военно-политическим деятелем [10, С. 417].

Третья глава «Работа и впечатления в Ставке до эвакуации Омска в ноябре 1919 года» посвящена военно-политическим событиям в Омске и на Восточном фронте летом–осенью 1919 г. Автор охарактеризовал командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайду, с кем не был знаком лично, командующего Северной группой войск генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева, начальника штаба Западной армии генерал-лейтенанта К.В. Сахарова и командующего Восточным фронтом генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса. О своем назначении на должность начальника штаба Восточного фронта П.Ф. Рябиков писал как о нежелательном, назвав себя лишь исполнителем воли главнокомандующего армиями Восточного фронта М.К. Дитерихса, который все «решения принимал всегда сам единолично» [4, Л. 30об.]. При этом проекты и операции главнокомандующего П.Ф. Рябиков неизменно поддерживал и живописал почти круглосуточную упорную дружную работу штаба. Причиной же военной катастрофы антибольшевистских сил на Восточном фронте П.Ф. Рябиков назвал «отказ тылов» [4, Л. 32], не обеспечивших своевременного пополнения армии и должного ее снабжения.

Свое понимание внутривойсковой обстановки П.Ф. Рябиков изложил, обозначив проблему «внутренних» фронтов, используя слова «шайки» и «банды», и назвал причину их появления и расширения – отсутствие власти на местах. В воспоминаниях упомянуто о бессмысленной жестокости некоторых «карательных» отрядов и в подстрочнике названы фамилии атаманов И.Н. Красильникова и И.П. Калмыкова. Фрагмент о внутренней политике малообъяснимо завершается особым вниманием П.Ф. Рябикова к фигуре командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанта С.Н. Розанова. Мемуарист передает эмигрантские слухи и намеки на проступки командующего и предполагает возможные оправдательные аргументы.

Внешнюю политику адмирала А.В. Колчака П.Ф. Рябиков подверг критике за «излишнюю щепетильность» в вопросах японской военной помощи и независимости Финляндии, признавшись при этом в неосведомленности о содержании переговоров с союзниками [4, Л. 42–42об.].

На фоне относительно нейтрального общего тона воспоминаний П.Ф. Рябикова выделяется полемичное и эмоциональное описание событий рубежа октября–ноября 1919 г. Мемуарист описывает изменения в настроении и манере поведения А.В. Колчака. В то время П.Ф. Рябиков часто вместо главнокомандующего делал доклады Верховному правителю и отстаивал позицию М.К. Дитерихса о невозможности сражения под Омском. В связи с отставкой главнокомандующего, которую П.Ф. Рябиков считал досадной ошибкой, он просил освободить и его от должности начштаба. Эта уникальная информация представляет ценность для жизнеописания П.Ф. Рябикова и истории сдачи Омска в ноябре 1919 г.

Вторая часть мемуаров П.Ф. Рябикова представляет собой путевые заметки ехавшего в обозе генерала, не влиявшего на ход эвакуации армий от Омска до Читы. В ней автор романтизировано повествует о героизме В.О. Каппеля и его солдат, порядке в войсках, добрых отношениях с местным населением, отсутствии эпидемий и красотах сибирской природы. При этом текст выгодно отличается точной датировкой и тщательным описанием географии похода в Восточной Сибири.

Результаты исследования. Таким образом, воспоминания П.Ф. Рябикова в отношении полноты изложения и фактической достоверности событий нельзя считать информативной и надежной источниковой базой ни для одного из затронутых автором сюжетов. Записки тенденциозны и оставляют впечатление о поражении армии А.В. Колчака из-за неудовлетворительных личных качеств высшего руководства, а не из-за тех объективных факторов, о которых написал П.Ф. Рябиков во введении и заключении. При этом мемуары ценны подробными описаниями отдельных событий и характеристикой военно-политических деятелей, отображением взглядов, мнений, оценок и стереотипов автора по отношению к прошлому.

Статья подготовлена по проекту НИР ГПНТБ СО РАН «Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX в. из архивохранилищ востока России: проблемы выявления, атрибуции и публикации», № 123011300094-0.

Список источников и литературы

1. Кирмель Н.С., Былинин В. Одиссея генерала Рябикова // Родина. 2010. № 7. С. 131–134.
2. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии. 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.
3. Терентьев В.О. Судьба генерал-майора П.Ф. Рябикова и его вклад в осмысление Первой мировой войны // Слепухинские чтения – 2018. СПб.: изд-во «Ладога», 2018. С. 79–93.
4. ГАРФ. Ф. Р–5793. Оп. 1. Д. 1г.
5. Рябиков П.Ф. «У адмирала А.В. Колчака». Рукопись [Эд .рес.] // Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/902857?ysclid=llaj73on6b563597074> (дата обращения 08.09.2023).
6. Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М.: Вече, 2015. 320 с.
7. Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск: ТГУ, 2017. 268 с.
8. Симонов Д.Г. Восточный фронт армий адмирала А.В. Колчака (июнь – ноябрь 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 45–52.
9. Иностранцев М.А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / ред. А.В. Ганин. М.: Кучково поле, 2017. 928 с.
10. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: док–ы и мат–лы / сост. и ред. А.В. Квакин. М.: Аграф, 2005. С. 325–510.

Для цитирования: Шереметьева Д.Л. Воспоминания генерал-майора П.Ф. Рябикова «У адмирала А.В. Колчака. Часть I. В Омске с мая по ноябрь 1919 г.» как исторический источник // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 406–412.

ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ В СИБИРИ (НОЯБРЬ 1918 – НОЯБРЬ 1919 Г.)

Шиловский Михаил Викторович^{1,2}

¹ Новосибирский государственный университет

² Институт истории СО РАН

^{1,2} istorik.novosib@gmail.com, SPIN-код (РИНЦ) 4201–1094

Аннотация: Статья посвящена анализу городских и сельских восстаний против Российского правительства А.В. Колчака на территории антибольшевистской Сибири в 1918-1919 гг. Несмотря на значительное внимание, уделяемое исследователями, обобщающие работы, анализирующие данное явление отсутствуют. Проанализированы цели, задачи, планы и состав участников восстаний. По итогам исследования сделан вывод о том, что эти акции нельзя рассматривать как выступления, руководимые исключительно большевиками.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, восстание, повстанчество, подполье, белый террор, репрессии, карательная политика.

Постановка проблемы. Пассивное сопротивление сибирских крестьян белогвардейцам с осени 1918 г. переросло в активную вооруженную борьбу с ними. Роль детонатора сыграл призыв в Сибирскую армию лиц 1898/1899 гг. рождения, начавшийся 25 августа. Акция породила массовую неявку, дезертирство мобилизованных и открытые вооруженные выступления. С конца августа до начала декабря 1918 г. с запад на восток по Сибири прокатилось 7 крупных крестьянских восстаний – Тюкалинское, Славгородское, Змеиногорское, Большемуртинское, Бийское, Чумайское (Мариинское) и Минусинское. В них приняло участие более 35 000 чел. Все они были жестоко подавлены [1, С. 82]. Параллельно в ночь на 1 ноября 1918 г. в Томске произошло первое в регионе городское вооруженное восстание. Вслед за ними в конце 1918 и в 1919 гг. выступления имели место в Омске (дважды), Канске, Иланской, Бодайбо, Енисейске, Тюмени, Кольчугино, Красноярске.

Информация о восстаниях получила фрагментарное отображение в многочисленных публикациях, посвященных истории Гражданской войны в перечисленных городских поселениях. Но уровень изученности каждого из конфликтов неравномерен из-за состояния источниковой базы и отношения исследователей и краеведов к событиям Гражданской войны в своем городе. Отсутствуют обобщающие работы, в которых анализировались и сопоставлялись восстания

в заявленных хронологических рамках. Частично восполнить пробел предполагается в данной публикации. Ее хронологические рамки определяются временным интервалом от ноября 1918 г. (вооруженное выступление в Томске) и до начала декабря 1919 г., когда, в процессе продвижения вглубь Сибири частей 5-й армии РККА, освобождению от белых предшествовали городские восстания в Новониколаевске (7 декабря 1919 г.), Томске (17-18 декабря 1919 г.), Красноярске (24 декабря 1919 г.), Черемхово (21 декабря 1919 г.), Иркутске (24 декабря 1919 – 5 января 1920 г.).

Характерной особенностью большей части статей и фрагментов монографических работ, касающихся объекта исследования, в том числе моих [2, С. 331], являлось утверждение о руководящей роли коммунистов в подготовке и осуществлении восстаний. Эволюционировали по этому поводу выводы томских историков. В конце 1960-х гг. организаторами и руководителями выступления 1 ноября 1918 г. объявлялись местные коммунисты [3, С. 156-157]. В 1994 г., без привязки к конкретному политическому объединению, сообщалось: «В нем [восстании – М.Ш.] приняли участие политзаключенные тюрьмы и солдаты-новобранцы нескольких рот 5-го Томского полка. Руководили восстанием О.А. Устьяров, Дуленин, М.Ф. Ператинский, С. Чубукин, П. Ходоров и др.» [4, С. 269]. Последнюю по времени версию обозначил Н.С. Ларьков, связавший выступление с деятельностью антиколчаковского подполья, которое «несколько раз пыталось поднять в городе вооруженные восстания. Первое из них произошло в ночь на 1 ноября 1918 г., когда восстали политзаключенные томской тюрьмы и солдаты-новобранцы 5-го запасного полка» [5, С. 88].

Основная часть. Теперь кратко проинформируем о каждом из восстаний, обращая внимание на их организаторов, поставленные ими цели, социальный состав участников. По хронологии первым являлись события ночью 1 ноября 1918 г. в Томске, упоминавшиеся выше. Побудительным мотивом стала негативная реакция солдат-новобранцев 5-го Томского кадрового полка, призванных из Мариинского уезда, узнавших о кровавой расправе над земляками при подавлении Чумайского (Мариинского) восстания. С сентября в части действовала большевистская военная организация, но по утверждению Д.Г. Симонова, «томский подпольный комитет РКП(б), контакты с которым имели заговорщики, к организации восстания не имел прямого отношения» [6, С. 155]. Уже в середине октября на совещании представителей от рот принимается решение о подготовке вооруженного выступления, имеющего целью освобождение политзаключенных из губернской тюрьмы и военнопленных из концентрационного лагеря с последующим присоединением к партизанскому отряду П.К. Лубкова. На совещании избирается штаб в составе пяти человек (Чубукин, Ходарев,

Комаров, И. и Г. Денисовы). Однако, им не удалось наладить контакты с большевистским подпольем.

Выступление началось преждевременно, после получения информации об отправке на фронт нескольких рот. В 3 часа ночи солдаты, арестовав офицеров и вскрыв ящики с патронами, с криками «Советская власть», блокировали тюремный караул, обезоружили надзирателей и выпустили 383-х заключенных. Однако один из надзирателей успел по телефону сообщить начальнику гарнизона о происходящем и уже к 6 часам, поднятыми по тревоге воинскими подразделениями, контроль над тюрьмой восстановили и 111 заключенных из 383 бежавших, в том числе 81 политический, были задержаны. В ходе перестрелки погибло около сотни участников восстания, 11 солдат и офицеров правительственных войск. Спустя сутки расстреляли еще 128 чел. и 126 предали суду [7, С. 299; 8, С. 269; 9]. По мнению Д.Р. Тимербулатова, «...учитывая неучастия в нем подпольного большевистского комитета, также его внезапность выступления для самих агитаторов выступления, события 1 ноября можно охарактеризовать как стихийное движение, которое, несмотря на некоторые успехи, было обречено на поражение» [9, С. 237].

Самое массовое по количеству участников и жертв, а также наиболее изученное вооруженное выступление произошло в столице Белой России Омске в ночь на 22 декабря 1918 г. Здесь на основании решений I-й (18 августа 1918 г. в Томске) и II-й (23 ноября того же года в Томске) сибирских областных конференций РКП(б), определивших главной задачей партийных организаций подготовку общесибирского и местных вооруженных восстаний, началась подготовка масштабного вооруженного выступления с опорой на рабочих, новобранцев (9000 чел.), военнопленных (11000 венгров). Был создан военно-революционный штаб во главе с членом Сибирского областного комитета РКП(б) П.А. Вавиловым. Предполагалось сформировать армию из сочувствующих советской власти, двинуть ее на Новониколаевск. По информации Г.К. Гинса: «В найденных при аресте штаба бумагах были указания на предположения об организации новой центральной власти. Были намечены члены центрального для Сибири комиссариата» [10, С. 283]. «Но контрразведке удалось напасть на следы организации восстания раньше, чем оно было назначено к осуществлению, и несколько человек из организаторов было арестовано еще в ночь на 21 декабря (всего в эту ночь было арестовано до 33 чел.)», – свидетельствовал премьер-министр «омского» правительства П.В. Вологодский [11, С. 123].

Военно-революционный штаб, не имея представления о масштабах провала, отменил выступление, но информация на места не дошла или поступила с большим опозданием. Поэтому восстание началось частично и разрозненно. В одном из районов, после получения информации об отмене восстания, боевые

действия были прекращены. К 11 часам утра 23 декабря повстанцы были разгромлены. «По официальным данным, в ночь на 22 декабря в Омске было расстреляно 49 человек, приговорено к каторжным работам и тюрьмам 13 человек, убито во время подавления «беспорядков» 133 человека. В поселке Куломзино по приговору военно-полевого суда расстреляно 117 человек. В действительности жертв колчаковской расправы было значительно больше» [12, С. 47]. По другим данным в ходе подавления восстания погибло около 1000 чел. [13, С. 50].

Буквально через несколько дней в ночь на 27 декабря 1918 г. в Канске выступила часть военнослужащих 32-го Сибирского стрелкового полка и железнодорожники станции Иланской. «Местные большевики, – предполагает Д.Г. Симонов, – зная о восстании в Омске, но, видимо, не располагая полной информацией о его результатах, решили выступить в ночь на 27 декабря 1918 г.» [6, С. 155]. О произошедшем можно судить по опубликованным делопроизводственным материалам белых властей. В этот же день канский уездный комиссар телеграфировал губернским властям: «Сегодня четвертом часу ночи в городе произошло выступление большевиков, были захвачены вокзальный телеграф, городская железнодорожная милиция, часть милиции арестована, напали также [на] общественное собрание... Военном городке одновременно выступили часть второй роты, подожжена землянка военнопленных... Иркутское сообщение прервано на Иланской, где власть захвачена большевиками, разобравшими путь между Иланской [и] Стайкой [правильно: разъезд Стайный, следующий на восток за Иланской – М. Ш.]...». По утверждению А.Г. Теплякова, рабочие депо на станции Иланская, «в большинстве своем нетрезвые, арестовали охрану и остановили движение, порвав также телеграфные провода» [14, С. 426]. К утру того дня восстание было подавлено и «преступники расстреляны» [15, С. 59-60].

На фоне омских событий 22 декабря 1918 г. микроскопически выглядит восстание в г. Бодайбо Иркутской губернии 26 января 1919 г. Ее организаторами выступили рабочие (70 чел.) 83-х километровой узкоколейной железной дороги между Бодайбо и прииском Весенний во главе с Н. Березнером. На золотодобывающих предприятиях дислоцировалась местная воинская команда и две роты правительственных войск, укомплектованных из молодежи приленских деревень. С середины января 1919 г. в Бодайбо распространились слухи о свержении в Иркутске и других городах Сибири колчаковской власти и тогда в ночь на 26 января 1919 г. восставшие захватили оружие в расположении 2-й роты, офицеров поместили в захваченную тюрьму, выпустив из нее политзаключенных. «Власть в Бодайбо перешла к повстанцам, – установил П.А. Новиков. – Однако собрание железнодорожных рабочих решило по телеграфу запросить

Иркутск. Вместо работников Советов ответили управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев и хорошо известный бодайбинцам по августу 1918 года полковник И.Н. Красильников. Они потребовали сдать власть земству, угрожая расстрелом бодайбинских большевиков, содержащихся в Иркутске, и направлением войск. Получив такой ответ, рабочие решили восстание не поддерживать. Оставшись одни, березнеровцы планировали уйти на реку Илим, где, по слухам, зарождалось партизанское движение» [16, С. 143]. Параллельно скрывшиеся и освобожденные из под ареста офицеры возглавили не присоединившихся к восставшим солдат и при поддержке прибывших по железной дороге военнослужащих 1-й роты и добровольцев из числа служащих Надеждинского прииска разгромили повстанцев. На основании приговора военно-полевого суда 19 чел. расстреляли, 55 – приговорили к каторжным работам. Можно предположить, что восставшие пытались восстановить советскую власть в городе и округе, однако, обманув информацией о свержении власти белых в регионе, они оттолкнули от себя рабочих, а оставшиеся на свободе офицеры гарнизона подавили вооруженное выступление.

В начале февраля 1919 г. снова отличился Омск. Был воссоздан военно-революционный штаб, в который вошли уцелевшие после восстания 22 декабря 1918 г. его руководители. Основное внимание при подготовке выступления обратили на новобранцев из двух стрелковых полков местного гарнизона. В 4 ч 1 февраля группа рабочих явилась в казармы, призывая военнослужащих выступить и убив 4 офицеров, 8 ранив. По информации П.В. Вологодского «в 51 [-м] полку беспорядки, поднятые пришедшими в казарму штатскими, но вооруженными людьми, что уже несколько офицеров убито, еще больше ранено, и что подобное же творится в 6 [-м] полку... Он почти весь только разбежался, а тем временем подошли оставшиеся верными правительству другие воинские части, и порядок был восстановлен. Солдаты 6 [-го] и 11 [-го] полков, бежавшие из своих полковых казарм, быстро стали возвращаться» [11, С. 141-142]. Военно-полевым судом к расстрелу приговорили 14 и к каторжным работам 11 участников восстания [12, С. 48].

На фоне вооруженных выступлений 1919 г. особняком стоят события в Енисейске 7–27 февраля. По воспоминаниям городского головы М.П. Миндаровского в ночь на 7 февраля к казармам местного гарнизона подошла вооруженная винтовками группа лиц из 20 чел., предложившая часовым перейти «на сторону народа». Предварительно из помещений части вынесли оружие. «Видя полную невозможность какого-либо сопротивления и совершенно пассивное к происходящему другой части, присоединившихся уже к восставшими, верные своему долгу службы воины отказались вступать в ряды повстанцев и были тут

же арестованы». Вслед за этим были заняты тюрьма, почтово-телеграфная контора и телефонная станция [17, С. 502-503].

Восставшие организовали военно-революционный штаб во главе с солдатом-дезертиром, бывшим гимназистом Байкаловым, одновременно назначившего себя комиссаром командующего всеми вооруженными силами Енисейского уезда. Ее командующим становится портной Бабыкин. «Это были единственно интеллигентные люди из всей шайки», на смену которым 22 февраля пришли слесарь Кузнецов, солдат-дезертир Лапин и некто Шестаев. Местную буржуазию обложили контрибуцией, доходившую до 100-200 тыс. руб. с одного лица, «но сговаривались обычно на значительную скидку. Тем не менее, общая сумма такой контрибуции за три недели владычества штаба, по грубому подсчету, выражается чуть ли не в миллион рублей» [17, С. 503-504, 508]. Жертвами террора, развязанного восставшими, стали 7 горожан, заколотых штыками в тюрьме. 27 февраля в город вступили правительственные войска во главе с подполковником Розановым. «В первые два дня расправы над повстанцами по улицам города убито было 186 чел., захваченных с оружием или скрывавшихся на чердаках и подпольях, а то просто по указанию потерпевших имущественно в течение трех недель повстанческого управления» [17, С. 289].

Определить политическую принадлежность участников енисейской «смуты» из воспоминаний М.П. Миндаровского нельзя. Но в региональных справочных изданиях события февраля 1919 г. интерпретировались иначе: «Восстание рабочих и солдат Енисейска против режима Колчака. Енисейское восстание возглавляли большевики, был создан Военно-революционный штаб. Подавлено 28 февраля 1919 г. колчаковскими военными» [18, С. 193]. Но повстанцам удалось продержаться в городе три недели, поставив в этом отношении своеобразный рекорд в истории городских восстаний в Сибири.

Начало весны 1919 г. связано с восстанием 13 марта в Тюмени. Причина его – призыв в белую армию молодежи в возрасте 19–26 лет. В выступлении «принимали участие лишь отдельные группы подпольщиков, не связанных с общегородским подпольным центром, что явилось одной из причин его поражения» [19, С. 215-216]. 13 марта несколько сот призывников, возмущенных тем, что им предписали явиться на сборный пункт в своем обмундировании и с запасом продовольствия, при поддержке рабочих захватили оружие из оружейного склада. «Восставшие разделились на две группы. Одна должна была увлечь за собой рабочих завода Машарова и рабочих пристани, но желающих присоединиться к мятежникам было мало. Другая группа направилась к лагерю военнопленных красноармейцев... Далее группа восставших безуспешно попыталась пробраться на территорию местной тюрьмы» [20, С. 51-52]. Военные

с помощью военнослужащих Чехословацкого корпуса после 3 ч перестрелки рассеяли призывников, каждого замеченного с оружием расстреливали.

В апреле 1919 г. активизировались шахтеры угольных копий акционерного общества Копикуз с центром на железнодорожной станции и поселке горняков Кольчугино. На руднике действовала подпольная организация, которая начала оформляться с августа 1918 г. [21, С. 46]. У исследователей нет единства взглядов по поводу статуса руководящего органа готовящегося здесь вооруженного выступления. А.И. Лакисов считает, что упомянутую организацию организовали большевики З.М. Репецкий, Ф.Н. Сусленко, Д.И. Погребной, А.В. Роликов-Виноградов и др., которые стали вербовать новых членов. Абзацем ниже объединение называется подпольным комитетом, в который вошли беспартийные и солдаты местного гарнизона [21, С. 46-47]. Авторы «Истории Кузбасса» утверждают о существовании в Кольчугино крупной подпольной организации, «имевшей свои ячейки среди шахтеров, солдат и крестьян», которая именуется применительно к марту 1919 г., как большевистский комитет» [7, С. 302-303]. П.А. Новиков анализируемое событие рассматривает в контексте восстаний рабочих, подготовленных большевиками в Сибири [16, С. 144].

Основным побудительным мотивом в организации выступления стали решения 2-й общесибирской конференции РКП(б) 23 ноября 1918 г., ориентировавшая местные организации на работу среди крестьян и на подготовку вооруженного общесибирского восстания. Кольчугинские подпольщики планировали начать выступление весной, когда растает снег и выйдут из тайги партизанские отряды. Его главной задачей считалось образовать внутренний фронт в тылу белых и оттянуть часть их сил с Урала. В процессе подготовки подпольщики установили связи с партизанскими формированиями, военнослужащими кольчугинского гарнизона, организовали нелегальные ячейки в окрестных деревнях. Восстание предполагалось поднять одновременно в Томск, Щегловске, Топках, Кольчугино, но в начале марта контрразведка разгромила подпольные объединения в двух первых городах.

В той ситуации, как отметил А.Я. Одушкин, «внутри Кольчугинского комитета возникли разногласия. Д. Погребной был против немедленного выступления. Представитель Томского комитета большевиков П.К. Голиков, введенный в состав рудничного комитета, настаивал на немедленном выступлении» [22, С. 34]. Погребной предлагал ждать сигнала к всесибирскому восстанию или начать его при приближении частей РККА. «Голиков считал, что ценность восстания именно в том, чтобы оказать помощь Красной Армии сейчас – в самый тяжелый для нее период, когда началось генеральное наступление колчаковцев на Москву» [21, С. 49]. Большая часть присутствующих на заседании поддержала Голикова: начать выступление в ночь с 5 на 6 апреля. Предполага-

лось получить поддержку из других городов региона, а в случае неудачи, расправившись с местными управленцами и офицерами, организованно отступить в тайгу.

Восставшие захватили вокзал, штаб гарнизона, на их сторону перешла часть военнослужащих и военнопленные мадьяры. Но из поля зрения их выпал местный телеграфист, сообщивший о произошедшем в Щегловск, откуда срочно отправили поезд с карателями. Тем временем члены комитета организовали митинг, где избрали Совет во главе с С. Голевым. Принимается решение организовать отряд Красной гвардии и вооружить 250 чел. В сторону Топок по железной дороге отправили в импровизированных бронепоездах 2 отряда, которые были остановлены белыми близ станции Плотниково. Но восставшие оказались без помощи. Большая часть их, покинув рудник, отправилась на соединение с партизанами на Салаир. По донесению начальника милиции 3-го участка Щегловского уезда: «Большевиками была захвачена власть и объявлена Советская, просуществовавшая 22 часа. Советская власть пала с 6 на 7 апреля в 12 часов ночи» [23, С. 337]. Во время восстания погибло 19 офицеров, солдат и милиционеров, победители расстреляли от 400 до 500 чел. Причину его поражения историки видят в том, «что оно не было поддержано другими городами и партизанами. Сказалось также плохое вооружение восставших, нерешительность и разногласия среди членов подпольного комитета» [7, С. 305; 22, С. 35].

Последняя из известных попыток вооруженного выступления произошло в Красноярске в конце июля 1919 г. Местный подпольный комитет планировал осуществление акции силами рабочих, солдат и партизан, но решающую роль должны были сыграть военнослужащие местного гарнизона. В военном городке на окраине города, дислоцировались 3-й и 31-й стрелковые полки и 7000 военнопленных немцев и венгров. По соседству в летних лагерях располагались 4-й полк и артиллерийский дивизион. Во всех частях и у военнопленных действовало подполье, политическая ориентация которого, в литературе не указывается, но в обращении к населению управляющего Енисейской губернии П. Троицкого выступление связывалось с «преступной большевистской агитацией» [24, С. 61]. Обстановка, по информации Г.А. Васильева, «потребовала от подпольщиков срочных и энергичных действий» и экстренное собрание представителей подпольных организаций военного городка решило немедленно начать восстание. Для связи с городскими ячейками и тюрьмой назначали несколько подпольщиков. Немногим из них удалось выполнить поручение. Г.А. Васильев считает: «Большинство солдат военного городка резко отрицательно относилось к колчаковщине, не желало воевать с Красной Армией и помышляло перейти к партизанам» [25, С. 36].

Восстание началось 30 июля 1919 г. около 3 ч. Примерно 3000 солдат 3-го и 31-го полков и 60 военнопленных венгров разоружили офицеров, захватив хозяйственные строения военного городка. Но, как и в иных упомянутых выше вооруженных выступлениях, дежурный офицер одного из полков успел сообщить по телефону командованию гарнизона о произошедшем. Подавили мятеж офицерский батальон, казачий полк, а также интервенты (чехословаки, итальянцы). Восставшие обратились в бегство, лишь небольшим группам удалось уйти к партизанам. К 9 ч утра боевые действия прекратились. Всего в ходе вооруженного противостояния погибло около 700 чел., в том числе не менее 40 венгерских интернационалистов.

Результаты исследования. Подводя итоги девяти городских антиколчаковских восстаний в Сибири конца 1918 – первой половины 1919 гг., прежде всего, следует опровергнуть утвердившуюся в историографии декларацию о руководящей роли или активном участии в них коммунистов. Действительно, на всех трех (18 августа, 23 ноября 1918 г. и в марте 1919 г.) сибирских областных конференциях РКП(б) главной задачей местных партийных организаций объявлялась подготовка общесибирского и местных вооруженных восстаний. В частности, в резолюции 2-й конференции подчеркивалось, что партия «берет на себя руководство всеми восстаниями..., даже стихийно возникшими в Сибири..., чтобы придать стихийным восстаниям организованный, планомерный характер. Ни одно восстание не должно идти помимо руководства и вмешательства партии» [26, С. 64].

Применительно к объекту исследования в 3-х случаях (Омск дважды и Кольчугино) четко проявилась руководящая роль местных коммунистов; в Бодайбо они вообще не упоминаются; в Томске, Тюмени, Красноярске подпольщики приняли участие, но по своей инициативе и, не имея связи с большевистскими комитетами. По Канску и Енисейску воспроизводились две версии. В первом случае официальная (белых властей), т.е. большевистская; во втором, беспартийная. В Енисейске: бандитская (по мнению очевидца) и большевистская (в постсоветском справочном издании). Во всех случаях участниками выступлений являлись рабочие и военнослужащие. Среди последних в Томске, Омске (1 февраля 1919 г.), Тюмени преобладали новобранцы. В Красноярске, Кольчугино, Омске (декабрь 1918 г.) к восставшим присоединились военнопленные венгры, в Тюмени пленные красноармейцы. Индифферентно к происходившим событиям отнеслось население городов. Относительно целей, преследуемых руководством и участниками вооруженных выступлений, то они были четко сформулированы в Омске (декабрь 1918, январь 1919): сформировать из сочувствующих армию, двинув ее на восток; организовать новую центральную власть и «центральный для Сибири комиссариат». Из данных

Г.К. Гинса какую «центральную» власть предполагалось создать: общероссийскую или региональную. Центральный для Сибири комиссариат являлся аналогом антибольшевистского Западно-Сибирского комиссариата (конец мая – июнь 1918 г.). Внятно о предполагаемом восстановлении советской власти заявили в Бодайбо, Енисейске, Кольчугино, в котором был восстановлен Совет, и началось формирование отряда Красной гвардии. Характерно, что в Канске, Бодайбо, Енисейске импульсом для выступления стали слухи о свержении колчаковской власти в Омске, Иркутске и других населенных пунктах по Транссибу.

Выпадают из общей совокупности Томск и Тюмень. В первом из них организаторы ставили более скромные задачи (освободив политзаключенных, военнопленных, присоединиться к партизанам) до принятия 2-й общесибирской конференцией задачи подготовки регионального вооруженного восстания. В Тюмени события развивались спонтанно, спровоцированные призывом в армию. Элементы организации и предварительной подготовки (создание подпольных комитетов, нелегальных групп, разработка планов выступлений, установление связи и агитация среди военных и военнопленных, попытки наладить контакты с партизанами) имели место в Омске, Томске, Енисейске, Кольчугино. Тем не менее, в ряде случаев (Томск, Канск, Тюмень, Красноярск), выступившие действовали изолированно от местных подпольщиков, по всей видимости, не сумев наладить связи с местным подпольем.

Продолжительность анализируемых событий измерялась часами (12 ч в Омске в декабре 1918, 8 ч там же 1 февраля 1919 г.; 3 ч в Тюмени, 6 ч в Красноярске, 9 ч в Канске). Своеобразный «рекорд» поставили повстанцы в Енисейске, продержавшиеся 3 недели, что объясняется удаленностью города от основной транспортной магистрали. В целом, по мнению И.Ф. Плотникова восстания «подвергались разгрому в первые же дни» [27, С. 217]. В ходе и после их подавления погибли сотни участников и попавшие «под замес» горожан и военнослужащих. Отсюда, в плане оценки выступлений идет кардинальный поворот в отечественной историографии от героизации подпольщиков к негативной оценки их усилий. «Становится очевидным, – заявляет П.П. Вибе, – что восстание 22 декабря 1918 г., как и последовавшее за ним восстание 1 февраля 1919 г., были бесперспективны и нецелесообразны. Последствия же этих выступлений были крайне тяжелыми. Множество людей бессмысленно погибли. Большевикское подполье в Омске было разгромлено» [28, С. 43]. Более жестко это явление оценил А.Г. Тепляков: «Коммунистов и их союзников не волновали многочисленные жертвы среди подавшихся ложным известиям о падении белой власти: восстания должны были в конце концов расшатать и опрокинуть ре-

жим, для чего раз за разом красные поднимали толпы обманутых и вели в полном смысле на убой» [14, С. 404].

Список источников и литературы

1. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск: Красноярск. ун-т, 1986. 196 с.
2. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
3. Флеров В.С., Чугунов М.И. Восстание в Томске 1 ноября 1918 г. // Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: ТГУ, 1968. С. 144-166.
4. Томская область: Исторический очерк. Томск: ТГУ. 1994. 684 с.
5. Ларьков Н.С. Гражданская война // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: НТЛ, 2004. С. 87-89.
6. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: НГУ, 2010. 610 с.
7. История Кузбасса. Ч. 2. Кемерово: кн. изд. 1967. 378 с.
8. Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. 654 с.
9. Тимербулатов Д.Р. Томские события 1 ноября 1918 г.: провокация или восстание? // История белой Сибири: Сб. науч. ст. Кемерово, 2011. С. 233–237.
10. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920. М.: Айрис-пресс, 2008. 672 с.
11. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. 619 с.
12. Красных М.В. Омские большевики в годы гражданской войны. Омск: ОмГИЗ, 1947. 64 с.
13. Вибе П.П. Восстание 22 декабря 1918 г. в Омске // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество, 1994. С. 49-50.
14. Тепляков А.Г. Красные партизаны на востоке России. 1918-1922: дивизии, анархия и террор. М.: НЛЮ, 2023. 840 с.
15. Красноярский край в истории Отечества: Книга вторая. 1917-1940. Хрестоматия. Красноярск: кн. изд-во, 1996. 272 с.
16. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 415 с.
17. Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891-1935 гг. Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2019. 512 с.

18. Боровец В.С. Енисейское восстание (февраль 1919) // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. 736 с.

19. Плотников И.Ф. Из истории большевистского подполья Зауралья в период гражданской войны (1918-1919 гг.) // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905-1920 гг.). Томск: ТГУ, 1982. С. 211-220.

20. Болдырев А.С. События гражданской войны в Тюмени: июнь 1918 – август 1919 года // Тюменский музейный форум: сб. мат–лов (Тюмень, 22-23 окт. 2020 г.). Тюмень: Печатник, 2022. С. 50-53.

21. Лакисов А.И. Ленинск-Кузнецкий. 2-е изд. Кемерово: кн. изд–во, 1984. 192 с.

22. Одушкин А.Я. Кольчугинское восстание горняков против колчаковского режима // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического отечества. Тез. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1990. С. 34-35.

23. Установление Советской власти в Кузбассе. 1917-1919. Сб. док–тов. Кемерово: кн. изд–во, 1957. 430 с.

24. Красноярский край в истории Отечества: Книга вторая. 1917-1940. Хрестоматия. Красноярск: кн. изд–во, 1996. 272 с.

25. Васильев Г.А. Антиколчаковское восстание солдат Красноярского гарнизона // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического отечества. Тезисы Всесоюзн. науч. конф. Новосибирск, 1990. С. 35-37.

26. Партизанское движение в Западной Сибири (1918-1920). Сборник документов. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1959. 832 с.

27. Плотников И.Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918-1920). М.: Мысль, 1968. 342 с.

28. Вибе П.П. Декабрьская драма: самая кровавая страница в истории Омска. Омск: ОГИК музей; СПб.: Любавич, 2020. 60 с.

Для цитирования: Шиловский М.В. Городские восстания в Сибири (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ. С. 413-424.

РОГОВ И РОГОВЩИНА: СПОРЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Штырбул Анатолий Алексеевич¹

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

¹ shtyrbul_97@omgpu.ru, SPIN-код (РИНЦ) 2585-7074

Аннотация: Статья посвящена продолжению давних споров в сибирской, а теперь уже и во всероссийской историографии, по поводу неоднозначных событий периода Гражданской войны на территории Сибири – так называемой роговщины (в том числе, роли партизан-роговцев в Кузнецком погроме) и личности Григория Фёдоровича Рогова, – выдающегося партизанско-повстанческого вождя, трагически погибшего в начале июля 1920 г.

Ключевые слова: историческая антропология, Сибирь, Алтай, Кузбасс, Гражданская война, партизанское движение, повстанчество, Г.Ф. Рогов, роговщина.

Постановка проблемы. Историки не хуже философов знают, что истину можно искать очень долго, а то и бесконечно. Исторические споры о личности Григория Фёдоровича Рогова, выдающегося партизанско-повстанческого вождя, трагически погибшего в начале июля 1920 г., и о его роли в событиях 1919–1920 гг. на Алтае и в Кузбассе – яркое тому подтверждение. Начавшиеся ещё в 1920-е гг. и переросшие в 1960-е гг. в своеобразную историографическую войну, бушевавшую около 30 лет, они в так называемые нулевые годы почти затихли, и вот – новый импульс: выход статьи известного сибирского исследователя А.Г. Теплякова [1]. Статья интересная, насыщенная фактами из архивных документов. Вообще следует отметить, что сильной стороной Новосибирской школы историков, к которой принадлежит А.Г. Тепляков, является систематическое и широкое использование архивных документов и материалов, в том числе и ввод некоторых из них впервые в научный оборот. Однако с истолкованием некоторых источников иногда бывает трудно согласиться.

Основная часть. А. Г. Тепляков справедливо призывает к преодолению исторических мифов о Гражданской войне, в том числе мифов о Г.Ф. Рогове и роговщине. Значительная часть его статьи посвящена трагическим событиям так называемого Кузнецкого погрома в начале декабря 1919 г., и автор, опираясь на следственное дело, стоит на той точке зрения, что вина Рогова и роговцев за этот погром безусловна.

Но личность Рогова и роговское движение, как и Кузнецкий погром, нужно рассматривать во всём комплексе событий 1919–1920 гг. и, конечно, во всём

многообразном комплексе имеющихся источников, в том числе противоречивых и, иногда вообще в корне противоречащих друг другу, сопоставляя их и, при этом, стараясь не судить, а понимать.

События Кузнецкого погрома развернулись на фоне усиливающегося краха колчаковского режима и разгоравшегося всенародного восстания, охватившего к декабрю 1919 г. Алтайскую и Томскую губернии в самый разгар драматического и для многих колчаковцев воистину трагического Великого Сибирского ледяного похода (или «Великого отхода», как назвал эти события И.И. Серебренников).

Неприятный не только для белых, но даже для красных весьма зловещий оборот события приняли в Кузбассе (южная часть Томской губернии). Здесь действовало несколько небольших партизанских отрядов, руководимых коммунистами, анархистами и беспартийными.

Кроме того, на заключительном этапе борьбы, буквально в последние недели и дни колчаковщины, образовалось немало кулацких и уголовных шаек, стремившихся поживиться за счёт грабежа городов и станций. 2 декабря в Кузнецке началось фактически стихийное восстание солдат небольшого гарнизона, которые, не надеясь устоять против возможных действий колчаковских частей, отступавших в направлении Кузнецка, обратились за помощью к командиру крупного алтайского партизанского соединения (до 5 000 чел.) Г.Ф. Рогову. Пока авангард отряда Рогова в количестве до 2 000 чел. шёл с Алтая к Кузнецку, в городе царил полная анархия: нагрянуло несколько мелких партизанских отрядов полубандитского толка и откровенно бандитских шаек, занявшихся грабежом. Кроме того, из городской тюрьмы оказались выпущены уголовники. В сложившейся обстановке и произошел чудовищный Кузнецкий погром, который унес более 300 жизней гражданских лиц (чиновников, купцов, интеллигентов, вообще мирных обывателей), и который часть историков традиционно связывает с именами Г.Ф. Рогова (беспартийный, анархосочувствующий) и И.П. Новоселова (убеждённый анархист). Однако ряд фактов свидетельствует, что партизаны-роговцы виновны лишь отчасти: их отряд вошел в Кузнецк только 9 декабря, когда город был уже разграблен бандитскими шайками и полубандитскими партизанскими отрядами, которые, ввиду чрезвычайной популярности Г.Ф. Рогова, именовали себя также «роговцами», но к отряду Рогова реального отношения не имели, и он не мог их контролировать и нести ответственность за их действия (аналогичная ситуация наблюдалась в Новороссии у Н. И. Махно, где действовали как махновцы, так и «махновцы»). Более того, имеются свидетельства, что Рогов, войдя в Кузнецк, пытался даже наводить порядок, но унять стихию ему не удалось, тем более, что его отряд пробыл в Кузнецке всего лишь двое суток, после чего, выполняя директиву красного командования, двинулся дальше, по направлению в Транссибу. Однако *всё*, проис-

шедшее в Кузнецке, было вменено в вину Г.Ф. Рогову и его товарищам. В 20-х числах декабря Г.Ф. Рогов и И.П. Новоселов были арестованы спецорганами РККА [2. Л. 57–72; 3. С. 18–21].

Для понимания истинной картины происшедшего, наряду, конечно, с документами, здесь важны логика событий и их строгий хронологический ряд, и тогда многое становится на свои места: антиколчаковское восстание Кузнецкого гарнизона началось 2 декабря, а вход отряда Рогова в Кузнецк произошёл 9 декабря. Между двумя этими событиями следует учитывать следующие факты и обстоятельства: угроза восставшему Кузнецку от отступающих по южному маршруту Ледяного похода колчаковских частей; отправка связных от восставших солдат к Рогову и начало движения роговцев к Кузнецку (на это ушло несколько дней); освобождение восставшими солдатами уголовников из Кузнецкой тюрьмы (по другим данным уголовников выпустил партизанский отряд Толмачёва 5 декабря) и начало массовых грабежей; наконец, посещение города в течение этой недели несколькими небольшими самостоятельными партизанскими отрядами и откровенно грабительскими кулацко-уголовными шайками из окрестных сёл.

Однако получилось так, что именно Рогов был объявлен виновным за все ужасы Кузнецкого погрома, - сначала спецорганами Красной армии, а затем и некоторыми историками. Во время следствия чекисты обходились с партизанским вождём достаточно круто, но даже и в той непростой военно-политической обстановке они всё же разобрались: что-то не подтвердилось, на что-то малозначительное сознательно закрыли глаза. Была признана объективная невозможность своевременного выхода отряда к Транссибу. Учитывая всё это и, к тому же, многочисленные ходатайства крестьян и партизан [3. С. 96–102, 107–109], Рогова освободили, извинились, выдали денежную компенсацию в 10 тысяч рублей и даже предложили работу в советских органах (по некоторым данным, в формирующейся Барнаульской ЧК). Что касается драматических событий мая – июля 1920 г., закончившихся трагической гибелью Рогова – это уже совсем другая история, отдельная и особая тема.

Попутно заметим, что современный анархистский историк Д. И. Рублёв почему-то причислил меня к ряду тех исследователей, которые безусловно возлагают вину за Кузнецкий погром на Рогова и роговцев [Привод. по: 1. С. 197–198]. Здесь необходимо важное уточнение: я никогда не разделял эту точку зрения, мое мнение всегда состояло в том, что Г.Ф. Рогов и его люди лишь отчасти, притом в самой малой мере, виновны в происшедшем, так как основные события этого погрома и наиболее серьезные преступления в Кузнецке произошли до того, как отряд Рогова вошёл в город.

Следует также помнить и о том, что эксцессы, связанные с партизанскими грабежами при занятии городов разными отрядами, имели место (но не в таких,

конечно, масштабах, как в Кузнецке) в Камне, Барнауле, Щегловске (Кемерово) и ряде других пунктов Алтая и Кузбасса. Это – к слову.

Отрицательную роль в освещении личности Г.Ф. Рогова и явления роговщины сыграл (независимо от художественных намерений автора) образ Зыкова из романа талантливого писателя В.Я. Шишкова «Ватага» (1923 г.). Находясь во время Гражданской войны вдали от сибирских событий (в Петрограде) и особо не вникая в реальные факты, подробности и детали, Шишков, используя свои давние литературные наработки сибирских характеров, создал образ разбойного партизанского атамана Зыкова с прозрачным намёком на реального Рогова. И до сих пор Рогова подспудно, а то и прямо отождествляют с Зыковым в качестве прямого прототипа и прообраза. Однако между реальным Роговым и литературным Зыковым общего не так уж много, и отождествлять действия литературных зыковцев и реальных роговцев в корне неверно, хотя элементы стихийности и разбоя у последних (и, кстати, не только у них), несомненно, присутствовали, – но отнюдь не в такой мере, как это показано в романе на примере Зыкова и зыковцев.

Если ряд бывших роговских партизан в 1960-е гг. попытались реабилитировать Рогова, замалчивая в своих обращениях имевшие место эксцессы (и их поддержал историк В. Т. Шуклецов), то ряд историков (В.А. Кадейкин, М.Е. Плотникова, Ю.В. Журов, В.И. Шишкин), опираясь на негативную составляющую в огромном массиве разнообразных источников по теме, в том числе на воспоминания А.Н. Геласимовой, попытались представить события, связанные с Роговым и роговщиной почти исключительно в негативном ключе, изначально отнеся феномен роговщины к так называемой анархо-кулацкой струе антиколчаковского партизанского движения в Сибири (заметим, что такой «струи» там не только не было, но и в принципе в это время быть не могло, в отличие, скажем, от чисто анархистской или же анархо-люмпенской [Подробнее: 4, С. 24–28]).

О роли А.Н. Геласимовой в формировании негативного образа Рогова уже не раз говорились, а её воспоминания, особенно «Записки подпольщицы», беллетризованы и больше напоминают литературное произведение, чем мемуары. Достаточно прочесть эпизод-пассаж о встрече Геласимовой с Роговым [5. С. 239–240], которая, судя по всему, имела место лишь в воображении автора.

Свою лепту в развитие споров о Рогове и роговщине, начиная с середины 1990-х гг., стали вносить современные анархисты (И.Ю. Подшивалов, А.В. Шубин, Д.И. Рублёв и некоторые другие). Весьма своеобразно использует и интерпретирует работы сибирских авторов, неизменно идеализируя роговщину и Рогова (как, впрочем, и всё, что, так или иначе, касается анархизма) мос-

ковский историк А.В. Шубин. Другим апологетом всего, что, так или иначе, связано с анархистами, являлся сибирский публицист И.Ю. Подшивалов.

Поставив цель создать историю сибирского анархизма и ухватившись, в том числе, за тему роговщины, Подшивалов на заре своего историко-публицистического творчества на ходу стал делать «открытия», например, в иркутской газете «КАС-Контакт» в перепечатанную чужую статью вставил свой пассаж-дополнение о том, что Рогов был расстрелян [?!] в 1922 г. [?!]. Правильная дата и реальные обстоятельства гибели Г.Ф. Рогова появились у него лишь в посмертном издании его книги «Анархия в Сибири», которая представляет собой сплошной плагиат из работ нескольких авторов (ни одной научной ссылки или даже хотя бы списка использованной литературы в конце!), и где «скопировано» почти три главы из моей монографии «Анархистское движение в Сибири» (Омск, 1996).

Да, Рогов и роговцы были далеко не ангелы, и тут с А.Г. Тепляковым следует в целом согласиться. Но и считать их всех исключительно бандитами было бы тоже неправильно (хотя отдельные бандиты и девианты среди них, безусловно, имелись). Но к этому не помешало бы добавить, что в статье уважаемого Алексея Георгиевича фактически нет ни единого упоминания о чудовищной жестокости белых, в том числе на Алтае и в Кузбассе, а ведь действия роговцев были во многом ответом на жестокость белых. Это конечно же, отнюдь не оправдывает поведение той части роговцев, которая допускала жестокость, но, как принято в правоведении, является некоторым смягчающим обстоятельством. И если А.Г. Тепляков выступает за преодоление исторической мифологии, то какое-то у него странное и одностороннее получается её преодоление.

Результаты исследования. Личность Рогова и явление роговщины настолько яркие, масштабны, неоднозначны и драматичны, настолько отражают всю сложность Гражданской войны на территории Сибири (и, отчасти, её сложность во всей России), что их, казалось бы локальный, на первый взгляд, характер далеко выходит по своему значению за рамки Причерного моря.

Ещё в 1920-е гг., на заре начала споров о Рогове и роговщине, неизвестный автор одного из первых исследований по этой теме в своей рукописи, пытаясь объективно разобраться в тогда ещё недавнем прошлом, писал: «Действительно, кто же он в конце концов, – этот человек всепоглощающей бурей носившийся со своими отрядами над буржуазно-офицерским и кулацко-поповским уголком Сибири, беспощадно истреблявший гнёзда контрреволюции? Кто он? Революционер? – Да, отвечаем мы, революционер. Но его революция – разбушевавшаяся стихия, которая порвала вековые цепи рабства и стремительно разрушает всё на своём пути» [6. Л. 1].

И вот прошло уже около ста лет с тех пор, как был задан этот вопрос, а окончательного ответа на него так и нет до сих пор. И, как знать, может быть,

прав алтайский краевед И. Саблин: «Каким был истинный Рогов, возможно, мы до конца не узнаем» [7. С. 12].

Но нужно продолжать работу над темой и надеяться на один из законов и, одновременно, парадоксов исторической науки: чем дальше мы удаляемся от событий прошлого, тем больше об этих событиях узнаём. Поэтому не нужно торопиться ставить точку. Особенно в сложных и драматических темах, к каковым, безусловно, относится тема Рогова и роговщины.

Список источников и литературы

1. Тепляков А.Г. Сибирские партизаны Г.Ф. Рогова в современной историографии: между мифом и исторической критикой // Исторический курьер. 2021. № 6. С. 193–204.
2. ГАНО. Ф. П–5а. Оп. 1. Д. 344.
3. Партизанское и повстанческое движение в Причумышье. Документы и материалы. 1918–1922 гг. / Ред.-сост. Г.Н. Безруков. Барнаул: [ООО «Нэкси» / ОАО «Алтайский полиграфический комбинат»], 1999. 320 с.
4. Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века. Ч. 1. (1900–1918). Омск: ОмГПУ, 1996. 206 с.
5. Геласимова А. Н. Записки подпольщицы. М.: Мысль, 1967. 305 с.
6. ГАНО. Ф. П–5. Оп. 2. Д. 1166.
7. Саблин И. Кто он, Григорий Рогов? // Алтайская правда (Барнаул). 1989. 10 дек. С. 12.

Для цитирования: Штырбул А.А. Рогов и роговщина: споры продолжаются // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18-19 октября 2023 г. Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 425–430.

© Штырбул А.А., 2023

**КАПИТАНЫ МИХАИЛ МАЧКАНИН И ДМИТРИЙ ФЕДЯЙ:
НОВЫЕ ДАННЫЕ О БЕЛЫХ РАЗВЕДЧИКАХ, ПОСЛАННЫХ ИЗ СИБИРИ
В ТУРКЕСТАН (1919 г.)**

Шулдяков Владимир Александрович¹

¹ Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

¹ shuldyakov2007@yandex.ru, SPIN-код (РИНЦ) 7239-1042

Аннотация: Предпринята попытка реконструкции биографии двух белых офицеров, участвовавших в 1919 г. в разведывательных операциях в Средней Азии: прапорщика (позднее – капитана) Партизанской дивизии Дмитрия Федяй и капитана Партизанской бригады Михаила Мачканина. Их служебный путь освещен впервые. Благодаря методикам практической генеалогии биография М.П. Мачканина (1892–1919) восстановлена в большей степени. Автор приходит к выводу, что оба офицера, не будучи профессиональными разведчиками, но исходя из военной среды и располагая богатым фронтовым опытом, обладали необходимыми качествами для проведения конных разведок на большие расстояния по степи.

Ключевые слова: военная антропология, офицерство, Гражданская война, военная разведка, армейские спецслужбы, казачество, практическая генеалогия.

Постановка проблемы. Изучение Великой Российской революции и популяризация научных представлений о ней продолжают оставаться актуальной задачей исторической науки. В идеале, каждый гражданин должен иметь собственное мнение по ключевым моментам истории своего народа и государства. Но в хаосе взглядов на события вековой давности и массе противоречивых фактов простому человеку разобраться сложно. Из всего разнообразия методов и приемов исследования, которые применяет современная историческая наука, пожалуй, наиболее понятны рядовому читателю такие, как персонифицированная история и практическая генеалогия. Для персонифицированной истории важны не только великие деятели, но и «маленькие люди». Она описывает единственную и неповторимую человеческую жизнь, выясняет уникальные особенности той или иной личности. С самого момента рождения биография индивида – это история его взаимоотношений с другими людьми, прежде всего, с семьёй, затем – с малыми социальными группами. Описание историй отдельных индивидов позволяет реконструировать типичную структуру жизненного пути и особенности коллективной биографии социальных групп и целых поко-

лений, в том числе дает обширнейший материал по эпохе Революции и Гражданской войны.

Более 20-ти лет назад в фонде Главного управления по делам казачьих войск Военного министерства Российского правительства удалось найти заверенную копию докладной записки хорунжего Буркова на имя начальника Войскового штаба Сибирского казачьего войска, в которой он описал свое путешествие с разведывательной целью из колчаковского Омска в советский Туркестан [1, Л. 18–19об.; 2, С. 60–64]. Согласно записке Буркова, по пути в Туркестан на реке Чу их разведывательная партия встретила с разведчиком от Партизанской дивизии атамана Б.В. Анненкова прапорщиком Федяем. Вместе с ним партия Буркова проследовала от р. Чу до Александровского хребта, на котором разведчики разделились: Федяй оправился в г. Аулие-Ата, а Бурков со спутниками спустился в Таласскую долину [2, С. 62].

В ходе дальнейших архивных изысканий удалось найти еще одно свидетельство об этой встрече белых разведчиков на реке Чу. 22 апреля 1919 г.¹ в разговоре по прямому проводу уполномоченного командира 2-го Степного Сибирского корпуса по Семипалатинской области с начальником Каркаралинского гарнизона последний сообщил следующее: «<...> мною получено сообщение от Прапорщика Федяй, с целью контрразведки поехавшего в Ташкент, что он соединился за рекой “Чу”, в 40–50 верстах от г[орода] Туркестана, с контр-разведочной партией Атамана Красильникова в числе 5-ти человек. Была стычка, расстрелян один русский со стороны противника, и 25 киргиз выпороты, задержаны и отправлены в Акмолы. Кроме того, сообщают устно милиционеры, сопровождавшие Федяй, что по реке “Чу” в окрестностях [г.] Туркестана бродят партии красных» [3, Л. 85].

Это краткое сообщение позволяет сделать ряд значимых уточнений. Во-первых, мы узнаем, что целью (может быть, и главной) разведки прапорщика Федяя был Ташкент. Это подтверждает наше предположение, что атамана Анненкова интересовали склады бывшего Туркестанского военного округа [2, С. 60–61]. О Ташкенте как конечной цели переброски Партизанской дивизии в Семиречье упоминали и белые газеты [4, С. 3].

Во-вторых, теперь с абсолютной уверенностью можно говорить, что хорунжий Бурков и его товарищи по опасному путешествию были красильниковцами. В самом машинописном тексте копии его докладной записки нет указания на принадлежность разведчиков к той или иной воинской части, и только рукописная приписка на полях документа сообщает, что их послал в Туркестан «атаман Красильников» [1, Л. 18]. Каркаралинский начгар не назвал фамилий встретившихся Федяю красильниковцев, но однозначно «контр-разведочная партия Атамана Красильникова» и разведгруппа, в которой был Бурков, это одно и то же. Совпадают не только место встречи (р. Чу) и число разведчиков

(5 чел.), но и деталь стычки с красными на безымянном озере близ урочища Сарт Уткуль. Там действительно белые взяли одного пленного («комиссара»), которого расстреляли. Правда, не совпадает число «киргизов» (казахов). По Буркову, семи красноармейцам рыбачить и охотиться на Сарт Уткуле помогли 13 мобилизованных киргизов [2, С. 61]. Здесь же речь о 25 задержанных и перед отправкой в Акмолинск выпоротых местных жителей. Возможно, к захваченным 13 охотникам-рыболовам добавили остальных киргизов, так или иначе помогавших большевикам.

В-третьих, становится ясно, что если Бурков писал, что на р. Чу они встретились с прапорщиком Федяем, это не означает, что Федяй действовал в одиночку. Оказывается, до какого-то рубежа его сопровождали милиционеры, которые потом вернулись в Каркаралинск. У красного отряда на Сарт Уткуле тоже были помощники-киргизы. При движении 5-ти красильниковцев по Фергане их сопровождает «почетный конвой» в 50 сартов [1, Л. 19; 2, С. 63]. То есть на практике белые разведчики, как и прочие путешественники по степи, привлекали в помощь себе местных жителей, но в документах об этом сопровождении часто даже не упоминается. Главным недостатком докладной записки, а также первой публикации о путешествии красильниковцев в Туркестан было отсутствие персональных данных о белых разведчиках. Прорвать эту пелену забвения удалось 4 года назад и в отношении единственного оставшегося невредимым и вернувшегося в середине июля 1919 г. в Омск участника экспедиции – самого автора не раз упомянутой записки. Он оказался хорунжим, затем подьесаулом, Петром Яковлевичем Бурковым (1891, Акмолинск – [не ранее 1924 г.]), сыном бухгалтера Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска [5]. Задача данного исследования – реконструировать служебный путь еще 2-х участников белых разведывательных операций в Туркестане: красильниковца капитана Мачканина и анненковца прапорщика Федяя.

Основная часть Сведения об анненковском разведчике удалось извлечь из приказов по Партизанской дивизии (отряду) за 1919 г. Дмитрий Федяй был прапорщиком 3-го Сводно-партизанского полка [6, Л. 187], сформированного в Семипалатинской области, и в свою разведку выехал, скорее всего, из областного центра. Он считался «убывшим в секретную командировку по Семиреченской области, занятой неприятелем – большевиками», с 8 февраля 1919 г. [6, Л. 118]. Получается, что, проникнув из Семипалатинска обходным путем, степной глухоманью, в район Ташкента, Федяй затем должен был вернуться назад через Семиречье. Прибыв из своей секретной командировки в белое Семиречье, прапорщик Федяй 18 июля 1919 г. был назначен для продолжения службы в штаб Партизанской дивизии [6, Л. 187], где занял должность оберофицера для поручений. 15 августа 1919 г. Федяй был произведен в подпоручики (со старшинством с 30 сентября 1916 г.) [6, Л. 152]. Менее чем через 2 неде-

ли последовало его производство в еще один чин с говорящей формулировкой: «За успешное выполнение секретных поручений в тылу советского Туркестана» [6, Л. 142].

15 октября 1919 г. уже штабс-капитан Федяй был переведен из штаба на службу во 2-й стрелковый партизанский полк [6, Л. 330], вскоре преобразованный в 1-й уланский партизанский. Но Федяй не прослужил там и 2-х месяцев. Он был вызван в штаб Партизанского отряда (бывшей дивизии) атамана Анненкова и назначен 9 декабря 1919 г. «заведывающим разведкой в районе отряда» [6, Л. 363]. Весной 1920 г. вместе с основными силами Анненкова Дмитрий Федяй отступил в горы, став свидетелем событий в военном лагере «Орлиное гнездо», затем эмигрировал в Сынцзян. Гражданскую войну он окончил в чине капитана [7, С. 39].

Трудности возникают с отождествлением разведчика-анненковца с офицером Русской Императорской Армии. Наверное, это был прапорщик 7-го Туркестанского стрелкового полка Дмитрий Николаевич Федяй, раненный 21 июня 1916 г. в бою у фольварка Тумань на реке Стырь. У него было «сквозное огнестрельное ранение левого предплечья с раздроблением локтевой кости». Последствием ранения стала «нейрастения» (неврастения). С этим диагнозом он был эвакуирован в глубокий тыл – в Петроград, – и 16 ноября 1916 г. поступил в «Лазарет Российского общества Красного креста имени Её Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны» [8]. Д.Н. Федяй, скорее всего, был сыном капитана 10-го Туркестанского стрелкового полка, выпускника Павловского военного училища Николая Иосифовича Федяя (1870 – [1915?]) [9], оставшегося в январе 1915 года на поле сражения под Боржимовым [10, Л. 242]. Он считался без вести пропавшим. Капитан Федяй являлся уроженцем Оренбургской губернии, был женат, имел 2-х сыновей и 2-х дочерей [11]. Но полной уверенности в том, что речь идет об одном и том же человеке, все же нет.

В отличие от Федяя, биография Мачканина, благодаря редкости его фамилии, вполне поддается реконструкции. На 1 января 1909 г. в Русской Армии не было ни одного офицера Мачканина [12, С. 999]. В открытой электронной базе «Офицеры Русской Императорской Армии начала XX века» Федяевых, например, 9 чел. (но искомого Д. Федяя нет), а вот Мачканиных опять ни одного [13]. На самом деле, перед революцией офицеры Мачканины в армии были, но всего двое. Поиск участников на информационном портале «Первая мировая война 1914 – 1918» дает лишь 2-х военнослужащих с этой фамилией: Николая (штабс-капитан) и Михаила (подпоручик, поручик, штабс-капитан) Мачканиных [14]. Они четко определяются как родные братья, сыновья отставного генерала П.А. Мачканина, потомственные дворяне Ставропольской губернии и выпускники Воронежского великого князя Михаила Павловича кадетского корпуса.

Интересующий нас Михаил Павлович Мачканин родился 23 октября 1892 г. и по окончании по 1-му разряду Константиновского артиллерийского училища (Санкт-Петербург, 1913) и производства в подпоручики (со старшинством с 6 августа 1911 г.) служил младшим офицером 6-й батареи 1-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады в Никольске-Уссурийском [15, Л. 27об.; 16, Л. 17об.]. Его отец отставной генерал-майор Павел Александрович Мачканин (1838–1918) был заслуженным ветераном Кавказской и Русско-турецкой 1877–1878 гг. войн, имел боевые награды до ордена Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом включительно, был причислен ко 2-му классу раненых под покровительством Александровского комитета о раненых (1879), уволился из армии (1895) с должности командира Майкопского резервного пехотного батальона. В отставке генерал Мачканин 7 лет являлся Ставропольским губернским предводителем дворянства (1896–1903). До революции 1917 г. он в течение свыше 20 лет был почетным мировым судьей Ставропольского окружного суда, председательствовал в местном отделении РОКК, собственноручно ухаживал за своим садом и цветником (одних роз у него росло свыше 50 сортов). Мать Михаила Мачканина Мария Акимовна происходила из многодетной семьи подполковника А.С. Худобашева, из грузинских (имеретинских) дворян, кавалера ордена Св. Георгия 4-й ст. Она окончила Александровскую гимназию в Ставрополе и до замужества некоторое время преподавала там [17, С. 21].

В 1914 г. подпоручик М.П. Мачканин со своей артиллерийской бригадой отправился на Северо-Западный фронт. Воевал он хорошо: за 3,5 года войны заслужил 3 офицерских чина (до капитана включительно) и, как минимум, 4 боевых ордена: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами. После сепаратного выхода России из войны М.П. Мачканин, очевидно, вернулся со своей бригадой к месту довоенного расквартирования: в Никольск-Уссурийский.

Судя по всему, восстание Чехословацкого корпуса застигло его в пути с Дальнего Востока, на Транссибе, вероятно, восточнее Омска. Коль путь домой оказался закрыт, застрявший в Сибири капитан Мачканин 11 июля 1918 г. в Омске добровольно вступил в «караульную команду при складе оружия Отряда особого назначения есаула Красильникова» [18, Л. 2об.], дислоцировавшуюся в кадетском корпусе [19, Л. 7]. В начале августа 1918 г. он возглавлял команду из 40 партизан, которая выдворяла из казенных лесов самовольных поселенцев и отбирала оружие у сельского населения в окрестностях Омска [20, Л. 15, 16; 21, Л. 11об.]. Но самым заметным делом Мачканина за время службы у Красильникова стало участие в экспедиции в Туркестан. Среди 5-ти красильниковцев разведчиков, выехавших 5 января 1919 г. из Омска, он был

старший в чине и, очевидно, возглавлял всё предприятие. Не останавливаясь здесь на самом путешествии [2; 5], укажем лишь, что оно дало ценные сведения о военно-политической обстановке в Туркестане, о дислокации частей РККА, о маршрутах для возможной переброски войск из Сибири, наконец, контакты с антисоветскими силами. Но на обратном пути, в «песках», где-то между с. Алексеевским и г. Аулие-Ата, капитан был ранен и погиб. П.Я. Бурков описал обстоятельства его гибели так: «Мы с капитаном Мачканиным, возвращаясь обратно, наткнулись на красноармейский разъезд, где и был ранен капитан в грудь на вылет, мне хотя его и удалось увезти от красных и скрыться с ним в песках, но, не имея перевязочных средств, спасти его мне не удалось, и он умер от гангрены, и был мною схоронен при помощи киргиз» [1, Л. 19].

Результаты исследования. Итак, и прапорщик Федяй, и капитан Мачканин, не будучи профессиональными разведчиками, но происходя из военно-служилой среды и располагая богатым фронтовым опытом Первой мировой войны, обладали, очевидно, предприимчивостью, смелостью и другими необходимыми качествами для проведения глубоких конных разведок на большие расстояния по слабозаселенной степной местности. Федяй, скорее всего, родился и вырос в гарнизонах Туркестана. Мачканин был чужим для этого региона человеком, но у него, вероятно, имелся стимул личного плана: изучение обходных путей на свою малую родину – на Северный Кавказ.

Мачканин был представителем высококультурной среды. Если у хорунжего П.Я. Буркова отец чиновник Я.Ф. Бурков был активным членом Омского отделения Императорского русского музыкального общества, хормейстером, то у капитана М.П. Мачканина сестры Нина стала оперной певицей, Софья – пианисткой, а брат Николай (1881–1918) после увольнения из армии какое-то время работал в театре актёром и режиссёром драмы [17, С. 21].

Белые разведчики жестоки: красильниковцы расстреливают пленного. В июне 1918 г. во время красного террора в Ставрополе «с исключительной жестокостью» были убиты генерал П.А. Мачканин и его старший сын Н.П. Мачканин, бывший штабс-капитан 2-й Кавказской отдельной гаубичной батареи. У генерала ударом шашки была отсечена голова, на теле при обследовании насчитали до 24 колотых ран [17, С. 21; 22, С. 87]. Если капитан Мачканин узнал о гибели отца и брата, а связь Сибири с Югом, неустойчивая, но имелась, – то у него был сильный мотив для личной мести врагам.

Примечания

¹. Даты до февраля 1918 г. даны по старому стилю, после – по-новому.

Список источников и литературы

1. РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 10.
2. Шулдяков В.А. Разведка хорунжего Сибирского казачьего войска Буркова из Омска в Среднюю Азию в январе – июле 1919 года // Белая Армия. Белое Дело. Екатеринбург, 2006. № 15. С. 60–64.
3. ГАРФ. Ф. Р–147. Оп. 8. Д. 2 г.
4. Надежда России (Новониколаевск). 1919. 31 окт.
5. Шулдяков В.А. Выдающийся разведчик Сибирского казачьего войска Пётр Яковлевич Бурков // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат–лы III Всерос. науч.-практ. конференции (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.). Омск, 2019. С. 325–333.
6. ЦА ФСБ России. Д. Н-4498. Т. 3.
7. Ефремов В.Н. Воспоминания. Россия – Китай // Крах белой мечты в Синьцзяне. СПб: Алетейя, 2015. С. 18–51.
8. Картоотека бюро учета потерь в Первой мировой войне [Эл. рес.]. – URL: <http://gwar.mil.ru/cartотека/yalutorovsk/534186/> (дата обращения 03.09.2023).
9. База данных «Офицеры Русской Императорской Армии» [Эл. рес.]. – URL: https://www.ria1914.info/index.php/Федяй_Николай_Иосифович (дата обращения 08.09.2023).
10. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. «Алфавит генералам, штаб– и обер–офицерам».
11. Картоотека бюро учета потерь в Первой мировой войне [Эл. рес.]. – URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital2256234/ (дата обращения 21.08.2023).
12. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Сост. по 1 января 1909 г. СПб., 1909. 1080 стлб. и стр.
13. База данных «Офицеры РИА» [Эл. рес.]. URL: <https://www.ria1914.info/index.php/Категория:Персоналии> (дата обращения 08.09.2023).
14. Первая мировая война 1914 – 1918 [Эл. рес.]. – URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?last_name=Мачканин&groups=awd:ptr:frс:cmd:prs&types=awd_nagrady:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_s_piski_zahoroneniya:potery_voennoplen:frс_list:cmd_commander:prs_person&page=1 (дата обращения 22.08.2023).
15. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1145.
16. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 10955.

17. Громова Е.Б. Герой Кавказской войны. К 170-летию со дня рождения генерала П.А. Мачканина // Ставропольские губернские ведомости (Ставрополь). 2008. 19 марта.

18. РГВА. Ф. 39710. Оп. 1. Д. 1.

19. РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 5.

20. РГВА. Ф. 39710. Оп. 1. Д. 3.

21. РГВА. Ф. 39710. Оп. 1. Д. 11.

22. Красный террор в годы Гражданской войны / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 432 с.

Для цитирования: Шулдяков В.А. Капитаны Михаил Мачканин и Дмитрий Федяй: новые данные о белых разведчиках, посланных из Сибири в Туркестан (1919 г.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 431–438.

© Шулдяков В.А., 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ануфриев Александр Валерьевич (Иркутск) – старший преподаватель кафедры истории России Иркутского государственного университета; старший научный сотрудник Музея истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова, магистр истории.

Бакшт Дмитрий Алексеевич (Красноярск) – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД РФ; доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, кандидат исторических наук, доцент.

Белевщук Галина Павловна (Владивосток) – старший преподаватель департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета.

Блинова Ольга Валерьевна (Омск) – заведующий отделом музейных публикаций Омского государственного историко-краеведческого музея, кандидат исторических наук.

Бучко Николай Петрович (Хабаровск) – заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат исторических наук.

Вервекин Александр Анатольевич (Павлодар, Казахстан) – директор Павлодарского дома географии; магистрант Торайгыров университета.

Ганин Андрей Владиславович (Москва) – ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук.

Глазунова Татьяна Владимировна (Омск) – доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Гребенкин Алексей Николаевич (Орел) – профессор Академии ФСО России, доктор исторических наук, доцент.

Елизарова Наталья Владимировна (Омск) – редактор музейного отдела Омского государственного академического театра драмы, кандидат исторических наук.

Ехлакова Алина Ринатовна (Пермь) – старший преподаватель кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета.

Ермекбай Жарас Акишевич (Астана, Казахстан) – профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор.

Ефремова Юлия Николаевна (Омск) – преподаватель кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; председатель Омского отделения Уральского историко-родословного общества, кандидат исторических наук.

Журавлев Евгений Николаевич (Омск) – независимый исследователь.

Зайнутдинов Динар Рафаилович (Казань) – руководитель юридического отдела Института социальных и гуманитарных знаний; доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова, доктор юридических наук, доцент.

Зяц Николай Алексеевич (Москва) – учитель истории средней общеобразовательной школы № 1430 г. Москвы, кандидат исторических наук.

Ищенко Оксана Владимировна (Сургут) – профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом Сургутского государственного университета, доктор исторических наук.

Калашников Евгений Николаевич (Марьяновка) – управляющий делами Администрации Марьяновского муниципального района Омской области.

Калиновский Владимир Витальевич (Санкт-Петербург) – доцент кафедры музеологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук.

Кальниченко Владислав Николаевич (Санкт-Петербург) – инженер-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Канищев Владимир Валерьевич (Тамбов) – доцент кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, кандидат исторических наук.

Кантор Юлия Зораховна (Санкт-Петербург) – главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук.

Капустин Леонид Геннадьевич (Муром) – независимый исследователь.

Каткова Елена Ивановна (Омск) – заведующий сектором краеведческой библиографии информационно-библиографического отдела Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина.

Кашин Владимир Викторович (Нижний Тагил) – член Общества изучения истории отечественных спецслужб.

Киселев Андрей Леонидович (Южно-Сахалинск) – соискатель кафедры российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета, магистр педагогического образования.

Кожевин Владимир Леонидович (Омск) – доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук, доцент.

Кокоулин Владислав Геннадьевич (Новосибирск) – главный редактор научно-исторического журнала «Сибирский архив», профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского университета потребительской кооперации, доктор исторических наук, доцент.

Конев Кирилл Александрович (Томск) – заведующий отделом рукописей и книжных памятников Томского государственного университета, кандидат исторических наук.

Корниенко Сергей Иванович (Пермь) – заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор исторических наук, профессор.

Лешукова Елена Владимировна (Сургут) – старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета, кандидат исторических наук.

Мамонтова Марина Александровна (Омск) – заведующий кафедрой отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; и.о. заведующего кафедрой всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук, доцент.

Машкевич Стефан Владимирович (Нью-Йорк, США) – независимый исследователь, доктор исторических наук, доктор физико-математических наук.

Мышов Николай Александрович (Москва) – начальник отдела использования и публикации архивных документов Российского государственного военного архива, кандидат исторических наук.

Назырова Виктория Викторовна (Омск) – доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Новиков Михаил Сергеевич (Омск) – доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Новиков Сергей Валентинович (Омск) – профессор кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, доктор исторических наук, профессор.

Паршуков Владимир Александрович (Ульяновск) – ведущий инженер муниципального бюджетного учреждения «Управление инженерной защиты».

Петин Дмитрий Игоревич (Омск) – руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области; доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Петров Иван Васильевич (Санкт-Петербург) – старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук.

Позднякова Анастасия Сергеевна (Москва) – доцент кафедры истории Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, кандидат исторических наук.

Полуэктов Иван Борисович (Самара) – заведующий архивом Самарского государственного медицинского университета.

Прохоров Игорь Русланович (Астана, Казахстан) – главный научный сотрудник Государственного архива города Астаны, кандидат исторических наук.

Пученков Александр Сергеевич (Санкт-Петербург) – профессор кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук.

Саввинов Павел Олегович (Якутск) – младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Сильченко Иван Сергеевич (Верхняя Пышма) – доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Технического университета УГМК, кандидат исторических наук.

Смирнов Николай Николаевич (Санкт-Петербург) – профессор кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Стельмак Максим Максимович (Омск) – ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области; старший научный сотрудник кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Сухачев Егор Владимирович (Кемерово) – магистрант Кемеровского государственного университета.

Сушко Алексей Владимирович (Омск, Санкт-Петербург) – профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Омского автобронетанкового инженерного института; профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета; ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Тарелко Владислав Михайлович (Санкт-Петербург) – ассистент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Тетерин Вадим Игоревич (Пермь) – доцент кафедры истории и философии Пермского государственного аграрно-технологического университета им. академика Д.Н. Прянишникова, кандидат исторических наук.

Тумшис Михаил Антонович (Самара) – независимый исследователь.

Федотова Ирина Владимировна (Омск) – ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области.

Фельдман Павел Артемович (Ноф-ха-Галиль, Израиль) – независимый исследователь, Заслуженный учитель РФ, член Союза журналистов России.

Филимонов Александр Викторович (Омск) – старший научный сотрудник краеведческого отдела Омского государственного историко-краеведческого музея, кандидат исторических наук.

Хоммиев Тойлы Бабагельдыевич (Ашхабад, Туркменистан) – старший преподаватель кафедры истории Туркменистана Туркменского государственного университета им. Махтумкули.

Цзинь Диюйцион (Владивосток; Гуанчжоу, Китай) – аспирантка департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета; независимый исследователь.

Чернобай Георгий Константинович (Новосибирск) – студент Новосибирского государственного педагогического университета.

Чернобай Ольга Леонидовна (Новосибирск) – начальник отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства Государственный архив Новосибирской области; доцент кафедры теории и методики воспитательных систем Новосибирского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук.

Шабельникова Наталья Алексеевна (Владивосток) – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, доктор исторических наук, профессор, полковник полиции, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ.

Шайдуллин Амин Ирекович (Ульяновск) – студент Ульяновского государственного технического университета.

Шереметьева Дарья Леонидовна (Новосибирск) – старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки, кандидат исторических наук.

Шиловский Михаил Викторович (Новосибирск) – заведующий сектором истории второй половины XVI – начала XX вв. Института истории СО РАН, заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Штырбул Анатолий Алексеевич (Омск) – профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор, эксперт РАН.

Шулдяков Владимир Александрович (Омск) – доцент кафедры № 1 технического обеспечения (и тактики) Омского автобронетанкового инженерного института, кандидат исторических наук, доцент.

Научное издание

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ:
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Материалы V Международной научно-практической конференции,
посвященной 130-й годовщине со дня рождения
Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского
и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа

(Россия, Омск, 18–19 октября 2023 года)

Для дизайна обложки использованы фотографии
из фондов Исторического архива Омской области

*Особняк Батюшкиных, вид с Иртышской набережной
(январь 2012 года)*

*Красноармейцы на Чернавинском (Любинском) проспекте в Омске
(конец ноября 1919 года)*

Ответственность за содержание материалов несут авторы

Печатается в авторской редакции

Мнения авторов материалов могут не совпадать
с мнениями членов редколлегии издания

Компьютерная верстка *О. Г. Белименко*

Подписано в печать 03.10.23. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Отпечатано на дубликаторе. Усл. печ. л. 27,75. Уч.-изд. л. 27,75.
Тираж 60 экз. Заказ 354.

Издательство ОмГТУ. 644050, г. Омск, пр. Мира, 11; т. 23-02-12.
Типография ОмГТУ.